

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

Hw RRMJ F

**Jewish
Cultural Reconstruction**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

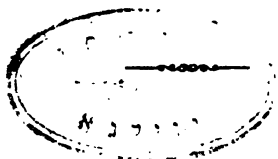
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Октябрь.

Мичур.

055
B-1
87-X

Съединеннымъ нами
бычей наибольшой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

* См. „Восходъ“, кн. IX. 1887.

Δ
KS F. 458 ($\frac{1857}{10-12}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2

БААЛЬ-ТЕФИЛУ *.

РАЗСКАЗЪ.

Х.

На дворѣ стоитъ тихій, хотя немного свѣжій, прохладный вечеръ. Темноглубое небо необозримымъ своимъ куполомъ окутываетъ всю землю. Ярко блестятъ звѣзды миллионами мигающихъ синихъ огоньковъ. Тихо на улицахъ, и торжественно-унылый дукъ праздниковъ незримымъ ангеломъ витаетъ надъ городомъ. Ярко и весело освѣщены все окна въ домахъ. Временами оттуда разносится стукъ и звонъ разставляемой по столамъ посуды, слышится глухой говоръ, разносится звонкій смѣхъ какой нибудь бойкой двѣнадцатилѣтней дѣвчонки, или, наконецъ, нискливый плачь проснувагося ребенка. Но шумъ тотчасъ же становится сдержаннѣе и наконецъ постепенно совсемъ замолкаетъ. Вотъ украдкой пробирается бѣлая кошка, которой хищническіе глаза, словно два горящихъ угля, блестятъ и горятъ въ темнотѣ. Вотъ у глухой, стѣны одного дома нѣсколько собакъ съ жадностью зарыли свои морды въ кучу сора. Временами онѣ издають сердитое, злобное ворчаніе и скалятъ зубы другъ на друга. Ворчаніе все усиливается, учащается и черезъ нѣсколько секундъ переходитъ въ остервенѣлую схватку. Глухая улица вдругъ оглашается пронзительнымъ визгомъ искусаныхъ собакъ, которыхъ большая часть разбѣгается по разнымъ направленіямъ, оставивъ поле битвы съ его богатою добычей наиболѣе сильнымъ и наиболѣе злымъ. Эти, однако, еще

* См. „Восходъ“, кн. IX.

недовольны и все продолжают хрипло ворчать и злобно поглядывать другъ на друга: каждая изъ нихъ, повидимому, желала одна и нераздѣльно обладать грязною кучею.

— Вотъ и нашъ пѣвецъ, — встрѣчаютъ меня мои двоюродные братья, чуть только я переступилъ порогъ нашего дома.

— Ну, перестаньте смѣяться надъ нимъ, — замѣчаетъ имъ съ упрекомъ тетка: — ничего. Богъ ему можетъ помочь, и онъ сдѣлается еще пожалуй когда нибудь знаменитымъ хазаномъ.

— Ну, нечего сказать, наша для него счастье, — замѣчаетъ серьезно дядя: — уже пускай ему Богъ пошлетъ что нибудь получше. Не правда-ли, Ааронъ?

Я ничего не отвѣчаю, ибо не знаю, что отвѣчать, и на этомъ разговоръ о моей будущности кончается.

Въ комнатѣ свѣтло, привѣтливо и хорошо, и стоитъ въ ней пріятная теплота, къ которой примѣшивается еще болѣе пріятный запахъ праздничныхъ кушаньевъ. И почему-то все это навѣваетъ на душу какую-то тихую грусть, особенно когда всё смолкаютъ, чтобы прислушаться къ благословенію (кидушъ), которое дядя совершаетъ надъ бокаломъ вина, съ мелодичнымъ, торжественнымъ напѣвомъ. Такое же благословеніе надъ виномъ совершаютъ затѣмъ всё мои двоюродные братья, а также и я. Послѣ этого, умывши предварительно руки, всё садятся за столъ, причѣмъ всё почти мужчины произносятъ благословеніе надъ двумя красиво выдѣланными калачами, а первый кусокъ всёми омакивается въ медъ изъ стоящаго среди стола блюда. Во время ужина царитъ глубокое, серьезное молчаніе. Только къ концу заговариваютъ о завтрашней молитвѣ, о недостаткѣ молитвенниковъ для всѣхъ, объ ужасной тѣснотѣ въ синагогѣ, о вѣроятномъ часѣ завтрашняго выхода оттуда и т. д. При этомъ тетка начинаетъ жаловаться на то, что у нихъ въ женской половинѣ ничего не слышно, что канторъ, видно, или нѣмой, или все секреты говорить Богу. Что же касается ея «вугерень» (чтицы) то это не то что Браке (имя матери), которая какъ читаетъ молитвы, то это чтеніе «расходится по всѣмъ членамъ» и всякое ея слово ясно слышно даже на противоположномъ концѣ синагоги. Нѣтъ, это какая-то «лепчихѣ» (болтунья), которая болтаетъ еще больше, чѣмъ всё другія бабы вмѣстѣ, и у

всѣхъ разспрашиваетъ объ ихъ «цимесахъ» и калачахъ. Словомъ, тетка была крайне недовольна всѣмъ и особенно же своимъ мѣстомъ, оказавшимся чуть-ли не у самихъ дверей, между тѣмъ какъ, напр., Бруха, жена мучного торговца Годи, и Васъ-Шева, жена бакалейщика Аврумъ-Гедали, полѣвали на самый верхъ, гдѣ все отлично видно и слышно.

Дядя ее утѣшилъ, обѣщавъ просить шамеса—дать ей лучшее мѣсто. По окончаніи ужина, дившагося довольно долго, мы еще посидѣли всѣ вмѣстѣ за столомъ съ чаемъ, въ разговорахъ все болѣе или менѣе учено-религіознаго характера.

На другой день, еще до восхода солнца, всѣ уже были на ногахъ и торопливо одѣвались, чтобы поскорѣе отправиться въ синагогу. Тетка, уже совсѣмъ одѣтая въ свѣтлое, пепельнаго цвѣта, шерстяное платье въ золотистыхъ полоскахъ, въ люстриновый, подбитый ватой бурнусъ съ круглымъ бѣлымъ узорчатымъ воротникомъ и съ краснымъ шелковымъ платкомъ на головѣ, отдаетъ распоряженія Ханеле, что приготовить къ приходу изъ синагоги во время чтенія торы, что—къ обѣду, сколько печенки и бейлыка. (бѣлое куриное мясо) разсѣчь съ лукомъ, сколько туда положить яицъ, сколько куринаго жиру и т. д. Не смотря на свои сорокъ лѣтъ, она была еще очень красива въ своемъ праздничномъ костюмѣ, и ея лицо, раскраснѣвшееся отъ быстрыхъ движеній и волненія, дышало свѣжестью, а добрые глаза, всегда отличавшіея ровнымъ взглядомъ, теперь заблестали совсѣмъ необычнымъ огонькомъ. Что касается дяди, то онъ больше чѣмъ всегда глядѣлъ истымъ патриархомъ, и отъ него такъ и вѣяло внушительнымъ, важнымъ благородствомъ. Сверхъ своей обычной праздничной одежды, онъ накинулъ красивую мѣховую, крытую атласомъ шубу, закутывавшую его всего вмѣстѣ съ талесомъ, который онъ надѣлъ сверхъ атласнаго же капота. На головѣ у него была круглая, тоже мѣховая шапка. Все это дядя надѣвалъ даже въ самый сильный лѣтній зной.

На улицахъ нашего квартала опять сильное движеніе. Всѣ: мужчины, женщины, дѣти мужескаго пола спѣшать въ синагогу. Изъ нѣкоторыхъ домовъ разносится сердитый плачь дѣтей, которые, въ сильномъ гнѣвѣ на то, что матери ихъ покидаютъ,

бросаются на землю топаютъ ногами по полу, кричать и визжать. Иныя, видя, что все это ни къ чему не ведетъ, бросаются въ догонку за уходящими матерями въ однихъ рубашонкахъ, съ еще заспанными лицами, съ взерошенными волосами, крича отчаяннымъ голосомъ на всю улицу: Ма-ме, ма-ме, я та-ки то-же хо-чу идти.

— Не плачь, Бетеле,—уговариваетъ одна мать догнавшего ее пузыря, который одною рукой хватается за полу ея кофейнаго цвѣта шерстянаго платья, а другою, сложивъ ее въ кулачокъ, вытираетъ обильно льющіяся по его испачканнымъ щекамъ горькія слезы: — Не плачь — Сура тебѣ дастъ пупокъ отъ курицы и большой кусокъ арбуза.

— Не хо-чу,—горько заливается мальчуганъ.

— Ну, она тебѣ и винограду дастъ.

— Не хо-чу.

— Что же ты хочешь?

— Та-ки хо-чу та-ки въ сина-го-гу,—отвѣчаетъ опять пузырь, сильно всхлипывая.

— Ты еще маленькій, тебѣ еще нельзя—поясняетъ мать.

— Отчего-же таки Лезерке таки по-шелъ?

— У Лезерке богатый отецъ, и онъ ему новый костюмъ купилъ, а у тебя нѣтъ ничего кромѣ «маткисъ».

— Такъ я та-ки то-же хо-чу новый костюмъ.

— Хорошо, на Сикосъ купимъ тебѣ новый костюмъ, и тогда мы тебя въ синагогу возьмемъ. А теперь иди домой.

— Теперь хо-чу.

— Теперь нельзя, теперь правдикъ.—И мать быстро удаляется; пузырь пуще еще начинаетъ кричать и плакать и опять пускается въ погоню.

Мать, исчерпавши, наконецъ, бесплодно всѣ обычные доводы, берется за болѣе убѣдительныя средства. Положивши упрямаго мальчугана на одномъ своемъ колѣнѣ, лицомъ книзу, а болѣе мягкими частями кверху, она на этихъ послѣднихъ старается рельефно показать всю силу и убѣдительность своихъ аргументовъ. Бѣдный малютка, однако, всѣмъ этимъ еще нисколько не убѣжденъ, и наполняетъ воздухъ своими раздражающими, пронзительными криками, бросается на землю,

катается въ пыли, энергично дрыгая руками и ногами въ знакъ протеста. Такъ онъ продолжаетъ протестовать, пока наконецъ не приблизитъ сестренка Сура и не потащитъ его насильно домой, гдѣ онъ скоро утѣшится обѣщаннымъ пунжомъ и огромнымъ кускомъ арбуза.

Синагога буквально набита людьми. О какомъ бы то ни было проходѣ и говорить нечего; все загромождено табуретками, стульями, длинными скамейками, поставленными гдѣ и какъ попало, и на каждой изъ которыхъ тѣснятся по нѣсколько человѣкъ, пользующихся вмѣстѣ однимъ молитвенникомъ. Если еще кое-гдѣ остался какой либо клочокъ свободного мѣста на полу, то онъ занятъ кучею мальчиковъ, усѣвшихся на мягкомъ свѣтѣ, гдѣ имъ такъ привольно болтать и рассказывать подъ громкіе голоса молящихся. Смѣсь разнообразныхъ человѣческихъ выдыханій, специальные запахи, свойственные каждому индивидууму въ отдѣльности, запахъ нюхательнаго табаку, миндального масла, пюхенькой помады, потныхъ талесовъ и людского поту—все это наполняетъ сильно спертый воздухъ синагоги, и онъ кажется сгустившимся, мутнымъ и туманнымъ. Тускло горятъ на амвонѣ съ подюжины большихъ сальныхъ свѣчей, и еле замѣтно ихъ блѣдное пламя.

Старикъ ребъ-Бурнхъ, бааль-шахресъ, стоитъ передъ амвономъ, и отчаянно раскачиваясь и размахивая руками, выдѣлываетъ своимъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ безконечныя трели, варьируя на различныхъ темы, какъ истый виртуозъ, простой традиціонный мотивъ. Я уже нѣсколько секундъ стою въ синагогѣ, увязши среди густой толпы и не будучи въ состояніи двинуться ни назадъ, ни впередъ, а онъ все продолжаетъ свою безконечную дребезжащую трель, и его голосъ раздается словно стужъ колеса съ пробитымъ ободомъ, катящагося по сильно замерзшимъ кочкамъ.

Но вотъ еще нѣсколько дребезжащихъ нотъ—и онъ вдругъ вскрикиваетъ: Гамелехъ! * да такъ, словно въ эту минуту кто-то со всею силою хватилъ его шкворнемъ по головѣ. Пу-

* Утренняя праздничная молитва начинается словомъ „Гамелехъ йоневъ“ (даръ воссѣдающій).

блика подхватываетъ эту молитву и въ свою очередь начинаетъ кричать, наполняя синагогу какимъ-то страшнымъ шумомъ. При этомъ особенно энергично дѣйствуетъ ребъ-Хуне. Онъ высоко подымаетъ вверхъ обѣ руки и сильно ими раскачиваетъ, точно грозя всѣмъ своимъ врагамъ неминуемою гибелью, и всѣхъ покрываетъ какъ своимъ длиннымъ ростомъ, такъ и страшнымъ голосовымъ органомъ, наполняющимъ синагогу какимъ-то подземнымъ гуломъ. Ребъ-Пейсахъ сосѣдь ребъ-Хуне, само собою разумѣется, старается въ точности ему подражать. И онъ тоже раскачиваетъ свое маленькое тѣлце и маленькія, худенькія почти дѣтскія ручки, и также визжитъ своимъ пискливымъ голоскомъ.

Гуль въ синагогѣ стоитъ такой, что кажется вотъ-вотъ разлетятся мутныя синія стекла въ рамахъ, что самъ потолокъ наконецъ не выдержитъ и рухнетъ. И вотъ, какъ будто дѣйствительно опасаясь чего нибудь подобнаго, молящіеся постепенно умѣряютъ свои крики, и гуль мало-по-малу замираетъ, подобно раскату грома, замирающему въ безконечной дали.

Только эхо ребъ Хуневскаго баса еще стоитъ въ воздухѣ; словно застыло въ немъ это финальное слово молитвы, это отчаянное «вѣносу-у-у-у».

Ребъ-Авнеръ сидитъ на своемъ мѣстѣ у восточной стѣны, рядомъ съ сапожникомъ ребъ-Гавриѣль. Онъ не кричитъ, не раскачивается, не размахиваетъ руками, а сидитъ почти неподвижно, весь закутанный въ свой талесъ, такъ что совсѣмъ не видать его лица. Временами только, когда его сильно начинаютъ душить кашель, онъ раскрываетъ лицо, нагибается къ землѣ и отхаркивается, и тогда его мягкія, благородныя черты кажутся еще мягче, еще благороднѣе, и рельефно выступаютъ среди этой толпы заурядныхъ людей. Я какъ-бы горжусь имъ и смотрю на него съ любовью, какъ на близкаго родного. Увидѣвъ мѣня торчащимъ посрединѣ синагоги, онъ знакомъ подзвалъ меня къ себѣ. Я сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ усилій, причемъ повалилъ даже какую-то скамейку, и пробрался-таки къ моему ребъ-Авнеру.

Не смотря на духоту и необычайную тѣсноту, въ синагогѣ все-таки хорошо, и какой-то согрѣвающей духъ любви парить

въ ней. Даже въ этихъ ужасныхъ треляхъ ребъ-Буриха, напоминающихъ часто шумъ, производимый разсыпающимся по полу горохомъ, въ этомъ единоголосномъ крикѣ молящихся—есть для меня какая-то неизъяснимая прелесть. Всѣ лица оварены какимъ-то необыкновеннымъ выраженіемъ, всѣ глаза горятъ какимъ-то необычайнымъ, духовнымъ огонькомъ. Вотъ, напр., сидящій какъ разъ противъ меня лицомъ къ лицу ребъ-Калменъ! Какъ онъ измѣнился, какъ онъ вдругъ выросъ, выпрямился! Еще вчера, послѣ обѣда, когда я ходилъ съ матерью покупать штаны, онъ сидѣлъ у нашихъ воротъ на низенькомъ кругломъ стульчикѣ передъ деревяннымъ ящикомъ, служившимъ ему верстакомъ, и чинилъ башмаки какому-то мальчику, который сидѣлъ тутъ-же и ожидалъ. Онъ былъ въ своей вѣчной байковой бекешѣ, съ сильно оттопыренными карманами, до того потертой, что она походила скорѣе на грязный мѣшокъ. Изъ-подъ этой потертой бекешы видѣлась его совсѣмъ распушенная впереди, ужасно грязная рубаха, почернѣлая, исхудалая грудь и шея. Его немного скривленное, испачканное лицо глядѣло такимъ жалкимъ и мизернымъ. А вотъ теперь сидитъ онъ, чисто вымытый, тщательно причесанный, въ своемъ плохонькомъ суконномъ сюртукѣ, весь закутанный въ свой потемнѣвшій талесъ. И, за горячей молитвой, вся его наружность совсѣмъ измѣнилась и приняла болѣе или менѣе благородное, интеллигентное выраженіе человѣка, сознающаго себя таковымъ. Правда, его лицо и теперь еще сохраняетъ все, что въ немъ было страдальческаго, мученическаго. Но въ немъ нѣтъ больше и слѣда той униженной забитости, которая такъ ясно читалась тутъ еще наканунѣ. Въ его мольбѣ нѣтъ никакого самоуничиженія: онъ изливаетъ свое тяжкое горе и нужды передъ близкимъ, глубоко любимымъ существомъ. И это-то очищаетъ и возвышаетъ его и многихъ другихъ—сознаніе, что тамъ, на небѣ, воссѣдаетъ великій Творецъ, отецъ всѣхъ людей, которому можно все сказать и для котораго онъ, бѣдный заплаточникъ,—такое же дитя, какъ и самый богатый, а, можетъ быть, даже и больше Имъ любимое.

И такъ молятся всѣ усердно, горячо, часа три.

Но вотъ молодежь мало-по-малу начинаетъ выходить и раз-

сыпается по узкому переулку и другой широкой улицѣ, примыкающимъ съ двухъ сторонъ къ синагогѣ. Затѣмъ начинаютъ выходить и взрослые, чтобы немного подышать воздухомъ, послѣ чего нѣкоторые немедленно же возвращаются обратно, другіе остаются немного дольше. Первая часть молитвы уже совсѣмъ приходитъ къ концу. Одни изъ молящихся уже закрыли свои молитвенники, и слушаютъ только кантора, подпѣвая ему въ финалахъ каждой молитвы. Другіе тихо переговариваются между собою, спустивъ талесы съ плечъ. Третьи совсѣмъ уже снимаютъ талесы и собираются уже уходить домой, чтобы потомъ снова прійти ко второй части молитвы, къ «мусафъ».

Въ синагогѣ пока становится просторнѣе и прохладнѣе; остающіеся разсаживаются болѣе комфортабельно, расплавляютъ немного свои члены и принимаютъ полулежащее положеніе.

Кончена уже молитва «шахрисъ».

Ребъ-Бурихъ, весь мокрый отъ поту, возвращается на свое мѣсто, около ребъ-Авнера. Синагога все болѣе и болѣе пустѣетъ, и когда приступаютъ къ чтенію торы, въ ней остается не больше тридцати—сорока человекъ, самыхъ благочестивыхъ, разумѣется. Всѣ они принимаются за чтеніе псалмовъ, энергично раскачиваясь и вздыхая и издавая различныя восклицанія. Особенно часто повторяетъ эти восклицанія сосѣдъ ребъ-Калмена, ребъ-Урце, маленькій сгорбленный старичокъ, разносящій петролеумъ. При всякомъ такомъ восклицаніи онъ поднимаетъ глаза къ небу, замуриваетъ ихъ, а потомъ снова погружается въ книгу, но не надолго. Но само собою разумѣется, что и тутъ въ ревности всѣхъ превосходитъ тотъ же ребъ-Хуне, который временами доходитъ до такого экстаза, что шумно пощелкиваетъ пальцами, или хлопаетъ ладонями, что неукоснительно повторяетъ за нимъ и ребъ-Цейсахъ. Ребъ-Берке принужденъ часто прибѣгать къ своему обычному способу призыванія къ порядку—къ ударамъ ладонью по книгѣ.

Но вотъ и чтеніе торы кончено, и на время синагога совсѣмъ пустѣетъ. Я тоже спѣшу домой, чтобы перекусить чтонибудь. Дома нахожу почти всѣхъ, исключая дяди, пьющихъ наскоро чай, со вчерашняго вечера стоявшій тщательно

закрытымъ на печкѣ. При моемъ появленіи тетка быстро встаетъ съ своего мѣста, направляется къ шкафу, откуда возвращается съ кускомъ ржаного пряника, который она мнѣ подноситъ, предлагая также взять немного водки изъ стоящаго на столѣ красиваго, граненаго графинчика, съ длинною, тонкою шейкой, оканчивавшеюся на подобіе клюва пеликана. Вотъ такъ и стоитъ предо мною, какъ живой, этотъ графинчикъ, являвшійся постоянно на столѣ по субботамъ и праздникамъ. И случилось же онъ чуть-ли не тридцатый уже годъ!

Затѣмъ Ханеле приноситъ мнѣ стаканъ совершенно чернаго, перевареннаго чаю, который я выпиваю, молча, какъ и всѣ. Тетка опять встаетъ съ мѣста, засучиваетъ юбку и рукава своего платья, подходитъ къ замазанной печкѣ, къ кухонному шкафу, опять даетъ указанія Ханеле. И все это она дѣлаетъ съ лихорадочною торопливостью.

— Боже мой, какъ бы не опоздать «текіось»! — вдругъ съ безпокойствомъ спохватывается она.

— Да вѣдь сегодня же суббота, и трубить нельзя: — восклицаемъ мы всѣ вмѣстѣ.

— Ахъ, — опять спохватывается тетка: — а я и забыла! Настоящая «гоіе», право. Вотъ уже женское невѣжество! Значить и къ «ташлехъ» * не пойдутъ сегодня, не правда-ли?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчаемъ мы опять всѣ вмѣстѣ авторитетно.

Выпивъ чай, всѣ снова спѣшать въ синагогу.

Въ синагогѣ уже всѣ собрались и ждутъ начала мусафа, а пока опять принимаются за чтеніе псалмовъ.

На этотъ разъ, не смотря на еще будто бы усилившуюся тѣсноту, я уже не увязъ среди толпы: всѣ уже знаютъ, что я «интергельферъ», и дѣлаютъ все возможное, чтобы дать мнѣ пройти, разступаясь даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ моей особѣ. И очень скоро я добираюсь до стола, служащаго амвономъ для чтенія торы, гдѣ уже сидятъ ребъ-Авнеръ, окруженный ребъ-Юське, ребъ-Берке, ребъ-Пейсахомъ и ребъ-Хуне, которые о чемъ-то съ нимъ толкуютъ довольно громко. Гулъ, шумъ и го-

* Обрядъ страхиванія грѣховъ въ воду на берегу рѣки.

воръ вскорѣ стихаютъ, всѣ усаживаются на свои мѣста, и мы приступаемъ къ молитвѣ съ сердцебіеніемъ и тревожнымъ волненіемъ. Молитва продолжается у насъ часа четыре, а можетъ быть, и больше. ибо кончили мы позже трехъ часовъ, а начали этакъ около половины одиннадцатаго. Однако, на эту необычайную задержку прихожане не только не жалуются, а, напротивъ того, она преисполняетъ ихъ гордостью. Больше всѣхъ просіялъ габе ребъ-Юське, когда, по выходѣ изъ синагоги, ему кто-то сказалъ, что въ бесъ-гамедрашѣ уже давно кончили. Какая слава для синагоги бѣдныхъ «штиперовъ», и какъ заговаряютъ о ней всѣ съ уваженіемъ, когда узнаютъ, что тамъ бааль-тефилу такъ хорошо и такъ много пѣлъ, что оттуда вышли позже, — чѣмъ изъ самаго даже бесъ-гамедраша! Чѣмъ изъ бесъ-гамедраша! — Шутка-ли, чѣмъ изъ бесъ-гамедраша, гдѣ молятся самые благочестивые евреи города N., всѣ его знаменитые «ламдунимъ» (ученые), всѣ раввины и даіонимъ, словомъ — вся умственная и духовная аристократія, и гдѣ бааль-тефилу состоитъ никто иной, какъ самъ Берикъ Двосисъ, къ которому стекаются изъ всѣхъ синагогъ, чтобы послушать его знаменитый «Ату-зохеръ»!

И имя ребъ-Авнера и его «клеиничкера» восторженно проносится всѣми устами.

— Ну, ну, пѣлъ же онъ!.. — Послалъ же намъ Богъ бааль-тефилу!...

— А какъ онъ сказалъ всю эту шемона-эсру! — только и слышится со всѣхъ сторонъ, и все это сопровождается длиннымъ, безконечнымъ, постепенно возвышающимся а-а-а-а! — Когда я прихожу наконецъ домой, у насъ уже всѣ сидятъ за столомъ и обѣдаютъ. Однако, меня всѣ встрѣчаютъ очень привѣтливо, а тетка сейчасъ же спѣшитъ мнѣ заявить, что она мнѣ все оставила и хорошо прикрыла, чтобы не простыло. Всѣ, рѣшительно всѣ, начиная отъ самаго дяди и кончая Ханеле и Соселе, спѣшаютъ что-нибудь мнѣ подать, пододвинуть и вообще обнаруживаютъ какое-то необычайное вниманіе ко мнѣ. Дѣйствительно, я крайне утомленъ, спину сильно ломитъ отъ долгаго стоянія на ногахъ, въ горлѣ совсѣмъ пересохло и деретъ отъ продолжительнаго, почти непрерывнаго пѣнія, да еще

все въ высокому регистрѣ. Я, однако, мало все это замѣчаю: у меня голова немного отуманена необычайными похвалами, которыя все еще жужжать такъ пріятно въ моихъ ушахъ. Общее вниманіе и ухаживаніе за мною дома еще больше взволновали и тронули меня, тѣмъ болѣе, что я рѣшительно не зналъ причины всего этого. Наконецъ, когда я немного подкрѣпился пищею, то началъ разспрашивать о томъ, какъ пѣлъ въ этотъ день Бериль Двосисъ, сколько у него въ этомъ году пѣвчихъ и т. д.

— Ну, а твой «калъка» какъ сегодня отличался? — лукаво мигнувъ другимъ, спросилъ меня дядя.

Я весь вспыхнулъ отъ негодованія и хотѣлъ уже въ сильныхъ выраженіяхъ протестовать противъ такого оскорбленія моего ребъ-Авнера, намѣреваясь прямо заявить, что Бериль Двосисъ не стоитъ и старой подметки моего бааль-тефилу. Дядя меня предупредилъ и, добродушно улыбаясь, сталъ успокаивать мое, готовое вспыхнуть негодованіе.

— Ну, не сердись, — началъ онъ: — мы уже знаемъ, что онъ не калъка. Уже намъ тутъ сосѣди протрубили уши твоимъ Нечаевскимъ бааль-тефилу и тобою. Я бы имъ не повѣрилъ, что они понимаютъ въ пѣніи, эти портные да сапожники! Да вотъ нашъ архи-пѣвецъ Гершель чуть не прыгаетъ отъ восторга и говорить то же самое, что и они.

— Какъ, Гершель говорить? — спросили всѣ съ великимъ недоумѣніемъ: — онъ же откуда знаетъ?

— Да вѣдь я былъ въ вашей синагогѣ, — отвѣчаетъ Гершель.

— Какъ, ты былъ въ нашей синагогѣ! А я тебя и не видѣлъ.

Однако, мысль о томъ, что Гершель насъ слышалъ, начинаетъ меня немного смущать. Мнѣ почему-то казалось, что Гершель долженъ насъ непременно осмѣять, какъ онъ всегда осмѣивалъ провинціальныхъ хазановъ.

— Ну, какъ же ты находишь? — спрашиваю я его уже совсѣмъ робко, начиная подозрѣвать, что дядя подтрунивалъ надо мною.

— Я нахожу, что твой ребъ-Авнеръ поетъ удивительно хорошо, что у него мягкій, прекрасный, симпатичный голосъ и много чувства и что вообще у штитеровъ въ сто разъ лучше

хазанъ, чѣмъ у насъ. Да и какъ тутъ сравнивать! То совсѣмъ нѣчто другое. Я ушами своимъ не вѣрилъ.

— Какъ! и самъ Гершель, этотъ архи-музыкантъ, этотъ архи-педаггъ во всемъ, что касается пѣнія, столь придиричивый ко всѣмъ канторамъ, никогда его не удовлетворяющимъ, такъ восторженно отзывается о ребѣ-Авнерѣ! Какъ-ка вдругъ выросъ вдвое въ мои глаза.

— А что ты слышалъ?—спрашиваю я у Гершеля.

— Да я пришелъ какъ разъ когда вы пѣли *«Veilte iede avodelu»* *. Это вещь прекрасная, хотя уже очень пахнетъ старьемъ. Но больше всего меня поразила слѣдующая затѣмъ молитва *«Атумилесу»* **, которую онъ произнесъ одинъ. Я вѣдь уже слышалъ сотни канторовъ, и самыхъ знаменитыхъ; но никто еще не производилъ на меня никогда такого сильного впечатлѣнія. Онъ не говоритъ, не поетъ только, а рисуетъ. Всякое слово въ его устахъ превращается въ чудесную картину. Мнѣ казалось, что я самъ присутствую у подошвы дымящагося Синая, вижу эти страшныя, черныя, густыя облака, которыя закутываютъ его вершину,—яркія молніи, разрывающія эти тучи и вдругъ озаряющія гору; слышу этотъ грохотъ, эти раскаты грома, оглушающіе воздухъ,—такъ что сильная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. И гдѣ это взялось столько силы голоса у этого хилаго, слабого человѣка, который глядитъ настоящимъ мертвецомъ! Оволотить стоитъ этого человѣка за каждое его слово, за каждый его звукъ! Такъ онъ овладѣваетъ всею твоею душою, всѣмъ твоимъ сердцемъ, куда, кажется льетъ, льетъ какой-то божественный бальзамъ!

Гершель весь раскраснѣлся, глаза его горѣли и пылали какимъ-то огнемъ вдохновенія. Какъ онъ былъ прекрасенъ въ эту минуту! И какъ хотѣлось мнѣ крѣпко обнять его! Послѣ его словъ только я вполне понялъ, что такое ребѣ-Авнеръ, или, лучше сказать, только теперь я осмѣливался въ своихъ собствен-

* И черезъ рабовъ твоихъ, пророковъ.

** Ты открылся въ величественныхъ облакахъ и т. д. Это одна изъ прекраснѣйшихъ, глубоко поэтическихъ молитвъ, въ которой рисуется появленіе Іеговы на Синаѣ при полученіи народомъ десяти заповѣдей.

ныхъ мысляхъ отдавать ему полную справедливость. Я и самъ былъ очарованъ въ этотъ день ребъ-Авнеромъ, и его молитва на меня произвела почти такое же впечатлѣніе, какъ и на Гершели. Но своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ я не могъ придавать такого большаго значенія и вполнѣ довѣрять имъ, тѣмъ болѣе, что это очарованіе въ этотъ день явилось вполнѣ внезапно, неожиданно для меня. Я поэтому въ началѣ не понималъ, не постигалъ, что вдругъ случилось съ ребъ-Авнеромъ, откуда взялъ онъ вдругъ столько глубокой силы выраженія, гдѣ почерпнулъ онъ это ягучее пламя, которое вырывалось изъ его груди. Еще утромъ я и не подозрѣвалъ, что такова будетъ молитва моего бѣднаго бааль-тефилу, хотя и былъ очень хорошаго мнѣнія о немъ. Поэтому теперь я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть его поскорѣе и передать ему все, что слышалъ о немъ. Этимъ радостнымъ извѣстіемъ о его необычайномъ успѣхѣ я надѣялся также разогнать его ужасно грустное, молчаливое настроеніе, не покидавшее его почти ни на минуту особенно со времени нашего второго посѣщенія театра, и причину котораго я никакъ не могъ понять.

Какъ только обѣдъ и послѣобѣденная молитва были кончены, я опять побѣжалъ въ синагогу, куда прихожане должны были вскорѣ собраться для совершенія молитвы «Минху», такъ какъ солнце уже стало опускаться.

Выйдя изъ нашихъ воротъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, я увидѣлъ издали ребъ-Авнера, который шелъ медленно и о чемъ-то глубоко задумавшись. Я быстро направился къ нему на встрѣчу. Завидѣвъ меня, онъ немного поднялъ опущенную голову и едва замѣтно улыбнулся мнѣ. Я передалъ ему восторженный отзывъ моего двоюроднаго брата, о великомъ музыкальномъ авторитетѣ котораго уже раньше много рассказывалъ ему.

Какая-то дѣтски радостная улыбка на мгновеніе озарила его жертвенно-блѣдное лицо. Но оно вскорѣ опять приняло свое прежнее мрачное выраженіе.

— Что мнѣ теперь во всемъ этомъ!— тихо, словно про себя, проговорилъ онъ, и съ какимъ-то отчаяніемъ махнулъ рукой. Я рѣшительно не зналъ, что думать, что подозрѣвать. А между

тѣмъ видѣ ребъ-Авнера разрывалъ мнѣ душу. Мнѣ пришло въ голову, не получилъ ли онъ какого нибудь печальнаго извѣстія изъ дому.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой клейничеръ, — отвѣтилъ онъ, когда я его спросилъ объ этомъ, и нѣжно, ласково погладилъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — повторилъ онъ, помолчавъ нѣсколько секундъ. — Но какъ горитъ, какъ горитъ тутъ! — И онъ рукою схватился за грудь.

— Что же такое съ вами, ребъ-Авнеръ? — спросилъ я его снова съ безпокойствомъ: — вы, видно очень нездоровы.

Онъ махнулъ рукою и ничего не отвѣтилъ. Мое недоумѣніе еще больше возрасло, и еще болѣзненнѣе сжималось у меня сердце за этого страдальца.

Молча дошли мы до синагоги, гдѣ ребъ-Авнеръ, въ ожиданіи молитвы, принялся горячо читать псалмы. Я же вскорѣ ушелъ домой, ломая голову надъ тѣмъ, чтобы разгадать, какое горе вдругъ обрушилось на его несчастную голову, — и, конечно, ничего не могъ придумать.

XI.

Наступило утро и слѣдующаго дня, и опять до восхода солнца всѣ уже направлялись въ синагогу. То же движеніе на улицѣ, тотъ же отчаянный крикъ оставленныхъ дома дѣтей, та же погоня ихъ за своими матерями и т. д. Только на этотъ разъ всѣ направляются съ молитвенниками подъ мышками, и ни у кого колѣно или поясъ не перевязаны платками — сегодня все это можно носить въ карманѣ.

Ребъ-Бурихъ опять наполняетъ синагогу въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ шумомъ разсыпаемаго гороха.

Кончена молитва шахресъ. Мужчины идутъ по большей части въ «микву», передъ текіосъ; женщины направляются домой при-смотреть за приготовляющимся обѣдомъ, а молодежь — кое-что перехватить. И я, разумѣется, спѣшу домой подерѣвиться, такъ какъ мнѣ предстоитъ столько трудовъ впереди. Еще угрюмѣе и сосредоточеннѣе молчатъ у насъ всѣ, и еще больше лихора-

дочной торопливости во всѣхъ движеніяхъ тетки. Перекусивъ кое-что наскоро, я опять отправляюсь въ синагогу. По улицамъ необыкновенное движеніе. Всѣ торопливо бѣгутъ съ озабоченными лицами, ни на что не оглядываясь, ни на что не обращая вниманія, словно сильно чѣмъ-то встревоженные, или занятые какою нибудь важною мыслью.

Въ нашей синагогѣ стоитъ какое-то глухое жужжаніе; прихожане все прибываютъ, шумно усаживаются на свои мѣста, надѣваютъ талесы, перелистываютъ книги. Но вотъ ребъ-Авнеръ, одѣтый въ свой бѣлый китель, направляется къ амвону; за нимъ, со свитками въ рукахъ, слѣдуютъ ребъ-Хуне и ребъ-Аврумъ, также ребъ-Пейсахъ и ребъ-Алтеръ съ молитвенниками, въ которые они совсѣмъ погружены; за всѣми ими слѣдуетъ ребъ-Лейбезъ съ шофаромъ (трубный рогъ) въ рукахъ. Всѣ набросили талесы черезъ головы, такъ что почти совсѣмъ не видать ихъ лицъ; идутъ они съ какой-то траурно-торжественною медленностью, точно въ похоронной процессіи, и около амвона устанавливаются въ рядъ. Воцаряется глубокая, мертвая тишина, такъ что можно разслышать тяжелое дыханіе многихъ. Нѣсколько минутъ продолжается эта тишина; временами только доносится тихій, сдержанный плачъ какого нибудь стоящаго у самыхъ дверей горемыки; слышны громкія всхлипыванія изъ женскаго отдѣленія; вырвется глубокій вздохъ изъ чьей либо груди, и опять все замолкнетъ.

Но вотъ, будто изъ глухой могилы, раздается голосъ ребъ-Авнера «Ламнацеахъ Линке Карахъ»*,—громко, звучно провозглашаетъ онъ.

«Ламнацеахъ»—подхватываютъ словно одинъ человѣкъ всѣ молящіяся и молящіяся, и синагога мгновенно наполняется страшнымъ гуломъ и стономъ, словно весь этотъ людъ вдругъ узналъ о наступленіи конца міра или услышалъ свой смертный приговоръ, который онъ хочетъ отклонить своими отчаянными мольбами. Всѣ эти сотни сердець вдругъ какъ будто слились въ одно; все тяготящее надъ ними горе, всѣ тяжкія испытанія жизни—въ одно огромное, колоссальное несчастье, обнимающее

* Псаломъ, произносимый семь разъ передъ тѣмъ какъ трубятъ въ рогъ.

собою весь міръ; всё стоны и рыданія—въ одинъ страшный, безконечный, порывистый стонъ; всё слезы—въ одинъ бурный, шумный потокъ. И пѣнится, и реветъ, и стонетъ этотъ кипящій потокъ, и какъ бы рассыпается миллионами пѣнящихся искръ, наполняющихъ и затуманивающихъ воздухъ. Такъ продолжается минутъ семь—восемь.

Но вдругъ все затихаетъ, и та же мертвая тишина воцаряется на нѣсколько секундъ.

Опять тотъ же замогильный голосъ произноситъ первыя слова молитвы, которыя съ такимъ же гуломъ подхватываются толпою. И тотъ же стонъ, тѣ же рыданія, какъ шумъ сильно расхлывшагося, залокотавшаго моря, наполняютъ воздухъ.

Опять тихо. Всё переводятъ дыханіе, откашливаются, наводятъ сдвинувшіеся талесы, картузы.

Станнымъ, надтреснутымъ, дребезжащимъ голосомъ ребъ-Лейбезъ произноситъ торжественное благословеніе, на которое, толпа отвѣчаетъ: «Умень или омень», смотря по произношенію, и вопреки сильнымъ напоминаніямъ и протестамъ ребъ-Хунее, ребъ-Верке и другихъ *.

Напряженно-тихо. И среди этой тишины ребъ-Авнеръ тихимъ, замогильнымъ голосомъ отрывисто произноситъ подъ своимъ талесомъ: Те-кі-у-у, Те-рі-у-у и т. д.,—и согласно этимъ подсказываемымъ сигналамъ чистые, торжественные звуки трубнаго рога наполняютъ синагогу. И внимая этимъ роднымъ звукамъ, раздававшимся нѣкогда въ лагеряхъ Израіля, призывая всѣхъ двинуться дальше, подъ крѣпкими стѣнами осажденных городовъ Ханаана, возбуждая къ рѣшительному приступу, и наконецъ подъ сводами великаго храма, провозглашая всѣмъ радостное наступленіе праздниковъ,—внимая этимъ дорогимъ роднымъ звукамъ, всё сердца сжимаются радостно-болѣзненно, и какъ будто преисполняются бодрости и надежды. И опять бушующимъ моремъ заволновалось все, и опять синагога оглашается плачемъ и рыданіями, особенно въ женской половинѣ.

Кончены текіосъ. Всё окружавшіе амвонъ удаляются на свои мѣста, свитки укладываются въ кіотъ.

* Почему-то послѣ этого благословенія нельзя отвѣчать аминь.

Теперь только начинается молитва мусафъ. Но прежде чѣмъ приступить къ ней, канторъ долженъ произнести молитву отъ себя. Въ этой молитвѣ онъ проситъ Бога, чтобы его собственные грѣхи и ошибки не были зачтены общинѣ, которой онъ служить представителемъ, чтобы его молитва была услышана такъ, какъ если бы она исходила изъ устъ праведнаго почтеннаго старца и т. д. И вотъ ребъ-Авнеръ, блѣдный еще болѣе обыкновеннаго, въ сильномъ волненіи, при общей тишинѣ начинаетъ: Я, нищій добрыми дѣянiями, уничтоженный, объятый трепетомъ, выступаю передъ Тобою, о, Господи, чтобы просить и вымолить милосердія Твоего для народа Твоего» и т. д. Нервный, судорожный плачь заглушаетъ его голосъ, и онъ не въ состояніи выговорить ни слова.

Горькое, щемящее чувство охватываетъ всѣхъ при видѣ этого хилаго человѣка, плачущаго такъ горько, точно маленький ребенокъ. И на всѣхъ лицахъ выражается мучительное чувство состраданiя; и тихо, и нѣмо все кругомъ, и даже въ женской половинѣ все благоговѣнно замолкло передъ этими священными слезами.

Ребъ-Авнеръ, наконецъ, одолѣлъ себя, и чудно, хорошо и чисто зазвучалъ его задушевный голосъ, словно снова звонко зацѣли птицы въ залитомъ свѣтлыми, теплыми лучами воздухѣ послѣ страшной грозы. Но не такъ весело и беззаботно звучало его пѣніе. Далеко не такъ! Глубокая, отчаянная мольба слышится въ немъ, и рвется сердце на части, слушая его. Надрывающимъ душу стономъ выходитъ изъ груди каждое его слово; звуки его голоса разносятся по синагогѣ, будто воплощеніе безконечной боли, такъ что каждый какъ будто осязаетъ ихъ, видитъ. Никогда, никогда въ жизни я больше не слышалъ такъ проникающаго въ душу и столь потрясающаго пѣнія. И гдѣ это у него сила голоса вялась, когда, глядя на него, можно было опасаться, что вотъ, вотъ онъ свалится съ ногъ. И такова была вся его молитва въ этотъ день! И никогда съ тѣхъ поръ я ея не могу забыть, и каждый разъ, когда вспоминаю о бѣдномъ ребъ-Авнерѣ, его чудный, полный какой то невыразимой теплоты голосъ раздается въ моихъ ухахъ совершенно такъ, какъ въ тотъ памятный день. Впрочемъ, позже, одинъ разъ онъ меня заставилъ забыть и этотъ день. Но то была его лебединая пѣснь...

Что касается меня, то, находясь подъ глубокимъ обаяніемъ ребъ-Авнера, я пѣлъ тоже необычайно хорошо и съ большимъ чувствомъ, такъ что вся наша молитва, отъ начала до конца, сопровождалась непрерывнымъ почти рядомъ патетическихъ вздоховъ и стenanій; а когда я оглядывался назадъ, на молящихся, то всѣ взоры обращались ко мнѣ съ выраженіемъ какой-то трогательной благодарности и восторга. Все это еще больше ободряло и, такъ сказать, согрѣвало мое пѣніе. Но ничто не сравнится съ тѣмъ сладостнымъ чувствомъ триумфа, которое испыталъ я, когда, оглянувшись разъ среди самаго пѣнія, встрѣтилъ восторженные взоры самого моего Гершеля. Я такъ былъ взволнованъ этимъ апогеемъ нашего торжества, что, самъ не знаю почему насилу удержался, чтобы не расплакаться. Слезы такъ и душили горло. Весь вчерашній триумфъ оказался чуть-ли не ничтожнымъ въ сравненіи съ сегодняшнимъ. Въ синагогѣ стояла совершенно адская духота и жара, такъ что потъ градомъ лился по моему лицу и по всему тѣлу; вся одежда на мнѣ промокла и прилипла къ членамъ. То же самое, конечно, испытывалъ и ребъ-Авнеръ. А между тѣмъ къ концу молитвы публика стала еще прибывать массами. И такъ какъ входить больше уже не было положительно никакой возможности, то толпа завалила буквально весь узкій проходъ между входомъ синагоги и противоположными домами, и еще тѣснилась съ другой стороны, вокругъ оконъ, которые были отворены настежь. Ребъ-Іосъке торжествовалъ, и сіяя какою-то дѣтски-наивной радостью, каждый разъ говорилъ громко, притворяясь недовольнымъ:

— Насъ съ нашимъ ребъ-Авнеромъ скоро вытѣснятъ черезъ восточную стѣну.—И слова «съ нашимъ ребъ-Авнеромъ» у него звучали какою то материнскою нѣжностью и гордостью, какъ и каждый разъ, когда онъ ихъ произносилъ въ этотъ день. А произносилъ онъ ихъ очень часто. То онъ крикнетъ: «затворяйте окна въ женской половинѣ, чтобъ не было сквозняка, а то нашъ ребъ-Авнеръ простудится». Или же: «Стуль, стуль дайте скорѣе — нашъ ребъ-Авнеръ хочетъ присѣсть» и т. д. И поддерживая одною рукою костыль, онъ другою бралъ подносимый стуль, держа его высоко надъ головами всѣхъ, и забот-

ливо подставлялъ ребъ-Авнеру, для того чтобы тотъ немного отдохнулъ въ промежуткахъ, когда читались незначительныя молитвы, или «шутить».

Когда молитва была окончена, и на этотъ разъ еще позже, чѣмъ наканунѣ, меня съ ребъ-Авнеромъ окружили со всѣхъ сторонъ, осыпали самыми восторженными похвалами, которыя по отношенію ко мнѣ выражались не одними только словами, а также еще щипками въ щеку, ласкательнымъ трепаньемъ по плечамъ или по головѣ и т. д.

Всѣ единодушно и горячо желаютъ ребъ-Авнеру дожить до будущаго года и совершить молитву уже въ восстановленномъ храмѣ Іерусалима, а себѣ—дожить тоже до этой радости и еще разъ услышать это пѣнье тамъ.

Относительно меня всѣ выражаютъ блестящія надежды на будущее.

Ребъ-Авнеръ былъ до того слабъ и утомленъ, что только слабыми кивками головы и улыбкою отвѣчалъ на всѣ эти похвалы и пожеланія. Я же ужасно краснѣлъ и терялся и рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Такъ какъ было уже очень поздно, то очень многіе еще остались, чтобы уже за-одно совершить и молитву минху и не возвращаться больше въ синагогу. Ребъ-Авнеръ тоже остался, чтобы не много простыть, такъ какъ онъ былъ весь мокрый.

Я же, крайне утомленный, ушелъ сейчасъ домой вмѣстѣ съ Гершелемъ, который меня ожидалъ.]

— Сколько души, сколько чувства у этого ребъ-Авнера!—воскликнулъ онъ, какъ только я присоединился къ нему. — Что это за молитва! Какъ она врѣзывается въ сердце, въ память! А вѣдь ты знаешь, онъ «фантазируетъ». Вотъ сегодня онъ совсѣмъ иначе сказалъ многія вещи. И что это за богатая фантазія у него! Что за глубокая мысль! Такъ цѣлый день и цѣлую ночь слушалъ бы его, и весь міръ забылъ бы! И какъ это текстъ у него звучитъ, словно онъ тебѣ его толкуетъ. Какъ это онъ сказалъ, помнишь эти слова: «Вспоминаю тебѣ твою любовь юности, когда шелъ ты за мною по пустынѣ, по странѣ не заселенной» и т. д. Какъ нѣжно, мягко звучали въ его устахъ эти слова «Вспоминаю тебѣ твою любовь юно-

сти». Я въ ту минуту готовъ былъ его миллионъ разъ расцѣловать! — И Гершель запылъ эти слова такъ, какъ ихъ пылъ ребъ Авнеръ, и въ эту минуту они мнѣ показались еще прекраснѣе. Геніальный слухъ, нечего сказать, былъ у этого Гершеля. Просто я не понимаю, какъ это онъ могъ съ перваго раза запомнить. Такъ мы дошли до нашего дома.

Безъ-Ами.

(Продолженіе будетъ).

Ф И Л О Н Ъ.

КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКО - АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ШКОЛЫ.

VI *.

Священная тишина царитъ сегодня вокругъ озера; вся мѣстность какъ будто вымерла. Ея обитатели, которые обыкновенно ревностно работаютъ въ виноградникахъ, поляхъ и мастерскихъ, собрались сегодня въ своемъ общественномъ храмѣ для молитвы и взаимнаго поученія. Сегодня суббота, и всеи считаютъ этотъ день священнымъ и полагаютъ, что онъ заслуживаетъ особеннаго отличія. Всякая тяжелая работа должна быть сегодня прекращена. Весь день «посвящается толкованію св. писанія, божественнымъ изреченіямъ и всему тому, что способствуетъ мудрости и благочестію и что вызываетъ совершенствованіе». Въ седьмой день недѣли какъ и во все остальные, всеи встаютъ до восхода солнца, купаются въ свѣжей ключевой водѣ—отсюда ихъ названіе «утренніе купальщики»,—облачаются въ бѣлыя одежды и направляются въ свое святилище. Въ благоговѣйномъ безмолвіи они внимаютъ здѣсь глубокомысленнымъ словамъ старѣйшихъ, которые, будучи болѣе свѣдущи въ догматахъ, раскрываютъ самыя сокровенныя мысли св. писанія и запечатлѣваютъ ихъ въ душахъ слушателей. Храмъ имѣетъ два отдѣленія: одно для муж-

См. «Восходъ», кн. IX.

чинъ, другое для женщинъ. Последнія, согласно обычаю, также слушаютъ и выказываютъ неменьшее рвеніе къ исполненію основныхъ положеній ордена. Стѣна, отдѣляющая оба отдѣленія, возвышается подобно брустверу на 3—4 локтя надъ поломъ. Продолженіе или, вѣрнѣе, главную составную часть богослуженія представляетъ священная трапеза, къ которой допускаются только дѣйствительные члены. Членомъ ордена, однако, не такъ легко было сдѣлаться. Желаящій долженъ былъ сперва въ теченіи цѣлаго года жить внѣ общества, подчиняясь, тѣмъ не менѣе, его образу жизни. Если онъ въ продолженіи этого срока представилъ достаточные примѣры воздержанія, то повышается на одну степень; онъ освящается купаньемъ, но еще не допускается къ общественной трапезѣ. Послѣ этого перваго искуса онъ остается еще на испытаніи въ теченіи двухъ лѣтъ. Если тогда онъ будетъ признанъ достойнымъ, то слѣдуетъ формальное принятіе въ орденъ. Но прежде, чѣмъ принять участіе въ общественной трапезѣ, онъ долженъ торжественно поклясться, что будетъ почитать Бога, поступать справедливо по отношенію къ людямъ, не оскорблять никого—ни по собственному побужденію, ни по приказанію другихъ, всегда ненавидѣть несправедливыхъ и помогать справедливымъ, соблюдать вѣрность по отношенію ко всѣмъ, а особенно къ правительству, такъ какъ никто не имѣетъ власти, не получивъ ее отъ Бога. Далѣе, каждый долженъ дать обѣтъ, что, если онъ достигнетъ когда нибудь власти, то не будетъ злоупотреблять своимъ могуществомъ и стараться превосходить своихъ подчиненныхъ одеждою или другими украшениями, будетъ постоянно любить истину, безпощадно срывать личину съ лжецовъ, не имѣть на совѣсти несправедливаго приобрѣтенія, не сообщать никому ученія общества въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ самъ его получилъ. Если поступающій послѣ благополучно выдержанныхъ испытаній дастъ эту торжественную клятву, то онъ становится также и участникомъ общественной трапезы.

Когда эсеи на седьмой день собираются въ столовой, прилегающей къ святилищу, въ бѣлыхъ одеждахъ, бодрые духомъ и исполненные величайшей торжественности, то прежде чѣмъ сѣсть, они становятся въ рядъ и, поднявъ къ небу глаза и руки, молятъ Господа, чтобъ эта трапеза была Ему угодна и пріятна. Послѣ молитвы, старѣйшіе располагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они вступили въ орденъ, потому что эсеи считаютъ старыми не людей, прожившихъ много лѣтъ на свѣтѣ, но тѣхъ, которые съ ранняго возраста укрѣпились въ божественной мудрости. Имъ не услуживаютъ рабы: они полагаютъ, что пріобрѣтеніе рабовъ противоестественно, что всѣ рождены свободными и что только несправедливость и алчность отдѣльныхъ лицъ нарушили равенство и создали рабство, подчинивъ слабыхъ болѣе сильнымъ. И такъ, за трапезою пѣтъ рабовъ; свободные охотно прислуживаютъ другъ другу. Въмѣсто вина, въ седьмой день дается чистая, прозрачная вода. Расположившись по порядку, они все еще не начинаютъ собственно трапезы. Одинъ изъ членовъ предлагаетъ вопросы изъ св. писанія или даетъ объясненія на вопросы, съ которыми къ нему обращаются другіе. Ораторъ объясняетъ медленно, болѣе трудныя вещи повторяетъ по нѣскольку разъ, и такимъ образомъ запечатлѣваетъ ихъ въ умахъ. Въ глубокомъ безмолвіи внимаютъ остальные, не измѣняя даже своего положенія; одобреніе выражаютъ веселымъ видомъ лица и небольшимъ поворотомъ головы, сомнѣніе—спокойнымъ киваніемъ. Эсеи смотрятъ на весь Моисеевъ кодексъ, какъ на органическое существо, причемъ они слова сравниваютъ съ тѣломъ, а глубокое, скрытое содержаніе—съ душою. Исслѣдовать болѣе глубокій смыслъ писанія и раскрыть его всѣмъ, которые способны понять его, составляетъ главную задачу ордена.

Какъ только толкователь оканчиваетъ, одинъ изъ членовъ встаетъ и поетъ гимнъ, посвященный Богу. За нимъ по очереди начинаютъ пѣть другіе, причемъ остальные внимаютъ въ глубокой тишинѣ и только послѣднюю строфу всѣ исполняютъ

хоромъ. Послѣ этого юноши вносятъ столъ, уставленный явствами, состоящими изъ квасного и посоленного хлѣба съ при- мѣсью небольшого количества исopa.

Въ этотъ день происходило нѣкоторое разнообразіе въ суббот- номъ богослуженіи, такъ какъ членъ ордена Ананій, послѣ долго- лѣтняго отсутствія, возвратился изъ своихъ миссіонерскихъ пу- тешествій и долженъ былъ сдѣлать сообщеніе о дѣятельности своей и своихъ товарищей, а равно объ успѣхахъ религіознаго движенія, вызваннаго орденомъ.

Ананій находился въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; онъ от- личался высокимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Лицо его было покрыто сильнымъ загаромъ; манеры преисполнены благородства, голосъ звучалъ подобно колоколу и производилъ могущественное обаяніе на слушателей. Когда братья сѣли за трапезу, Оніасъ сдѣлалъ знакъ новопришедшему, который всталъ съ своего мѣста и съ увлекающимъ краснорѣчіемъ опи- салъ свои путешествія въ трехъ частяхъ свѣта, которыя онъ совершилъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ качествѣ апостола ордена эсеевъ. Переходъ изъ язычества въ еврейство, — такъ приблизительно гласилъ его рассказъ, — въ послѣдніе годы усилился въ необыкновенной степени. Начиная низшими и кончая высшими слоями греческаго язычества, вездѣ, гдѣ только находила доступъ и читалась Septuaginta (греческій переводъ библіи), всѣ были одушевлены самымъ искреннимъ желаніемъ проникнуть въ ученіе іудаизма и быть принятыми въ лоно его. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ самъ, во время своего пребыванія въ странахъ Евфрата, обратилъ въ еврейство княжескій домъ Адиабены. Экземпляръ Septuaginta, который онъ передалъ въ руки адиабенской ко- ролевы Елены, совершилъ это чудо. Вмеѣстѣ съ обращеніемъ исчезли и господствовавшіе до сихъ поръ при этомъ дворѣ грубые нравы и обычаи. Но успѣхи ордена были бы несрав- ненно значительнѣе, если бы онъ могъ выслать больше апо-

столовъ. Это, собственно, и побудило его возвратиться въ Александрію, гдѣ онъ и надѣется получить подкрѣпленіе.

— То, что ты мнѣ сообщаешь, — отвѣтилъ Оніасъ, — не удивляетъ меня. Я зналъ, что это такъ и будетъ, и мы давно ожидали этого времени. Поэтому каждый изъ насъ, кто только чувствуетъ въ себѣ энергію и юношеское мужество, долженъ отправиться въ міръ возвѣщать оживляющее слово Божіе язычникамъ и блуднымъ сынамъ нашего народа. Мы же, старые и немощные, останемся здѣсь, чтобы образовать новыхъ учениковъ и хранить въ чистотѣ завѣщанное нашими предками ученіе, пока оно не сдѣлается достояніемъ всего міра. И если меня не обманываютъ всѣ признаки, то недалеко уже то время, когда, по предсказанію пророка, земля будетъ также полна познаніемъ Бога, какъ моря полны водою.

— Твой пророческій взглядъ, почтенный Оніасъ, — возразилъ Ананій, — не обманулъ тебя. Познаніе Бога дѣйствительно прокладываетъ себѣ всюду путь и производитъ поразительное движеніе въ умахъ людей. Намъ же, любезные друзья, — такъ продолжалъ онъ, обратившись къ братьямъ, — намъ, которые готовятся выступить въ міръ, какъ служители Бога, какъ провозвѣстники чистой, возвышающей религіи, предстоитъ идти по усѣянному терніями пути, гдѣ предательство и смерть раскинули свои сѣти. Здѣсь — злобные, развращающіе софисты, которые видятъ въ свѣтѣ нашей истины, завоевывающей себѣ все большую и большую область, погибель своихъ хитрыхъ измышленій и которые поклялись насъ погубить и уничтожить. Тутъ — властители, высокомѣрная знать, которой колятъ глаза наше прямодушіе и наше облагораживающее ученіе. Тамъ опять — фанатики изъ нашего собственного народа, которые въ нашихъ священныхъ стремленіяхъ усматриваютъ измѣну отцовской религіи, не хотятъ поступиться ни одной іотой изъ слова закона, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе цѣлаго міра, — всѣ они ненавидятъ насъ.

Тутъ Ананій остановился, подавленный печалью. Глубокое

волненіе охватило всѣхъ присутствующихъ. Оніасъ первый овладѣлъ своимъ горемъ. Послѣ небольшой паузы онъ сказалъ:

— Много благородныхъ сердець будетъ еще сокрушено, прежде чѣмъ солнце истины разсѣветъ густыя облака мрака, застилающія еще до сихъ поръ глаза людей, прежде чѣмъ согрѣвающіе лучи его проникнуть въ пропитанную заблужденіями душу народовъ. Пусть же сокрушенные будутъ для насъ примѣромъ, который насъ научитъ бороться за свѣтъ и истину, бороться до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ хоть одинъ между нами. Но кто не чувствуетъ въ себѣ достаточно мужества запечатлѣть кровью свои убѣжденія, тотъ пусть держится подалеже отъ нашей священной миссіи, потому что одинъ малодушный можетъ повредить нашему дому больше, чѣмъ могутъ быть ей полезны сто мужественныхъ! Такъ какъ, впрочемъ, я глубоко убѣжденъ, что между нами нѣтъ ни одного слабого, такъ какъ я знаю всѣхъ васъ, какъ испытанныхъ бойцовъ Божьихъ, то я бодро повторяю вамъ: идите къ заблудшимся и къ предоставленнымъ самимъ себѣ членамъ нашего народа, къ язычникамъ, изнемогающимъ въ оковахъ мрака, поучайте и возвышайте ихъ, принесите имъ свѣтъ и спасеніе, укажите имъ стезю любви и надежды! Братъ Ананій поддержитъ васъ своимъ богатымъ опытомъ, онъ вамъ укажетъ путь, по которому вы должны идти, и страны, которыя всего больше въ васъ нуждаются! И такъ, идите во имя Бога, дорогіе братья, и будьте благословенны при вашемъ уходѣ и благословенны при нашемъ приходѣ!

Проговоривъ это, Оніасъ всталъ, чтобы покинуть залъ, такъ какъ въ послѣдніе годы онъ не чувствовалъ себя уже настолько сильнымъ, чтобы провести весь день при субботнемъ торжествѣ, какъ это онъ обыкновенно дѣлывалъ въ прежнія времена. Когда Ананій замѣтилъ, что Оніасъ намѣревался удалиться, онъ попросилъ его остаться еще на короткое время, такъ какъ необходимо было обсудить вмѣстѣ съ нимъ одинъ важный вопросъ, рѣшеніе котораго имѣло громадное значеніе

для будущаго. Дѣло шло о взаимныхъ отношеніяхъ александрийскаго и палестинскихъ орденовъ, между которыми существовали значительныя различія во взглядахъ и мнѣніяхъ.

Между тѣмъ Дорись тревожно ожидала возвращенія своего воспитателя, который сегодня противъ обыкновенія долго оставался въ отсутствіи. Когда она, наконецъ, увидѣла его выходящимъ изъ святилища, то радостно поспѣшила ему на встрѣчу и повела его въ комнату. Только что она стала снимать съ него полотняное одѣяніе, какъ до ея слуха донесся стукъ экипажа—шумъ необычайный въ этой мѣстности. Черезъ нѣсколько секундъ отворилась дверь, и вошелъ намѣстникъ. Флаккъ былъ въ такой степени пораженъ при видѣ величественнаго Оніаса и очаровательной Дорись, что привѣтъ замеръ на его губахъ. Онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ; его изумленный взоръ переходилъ то съ Оніаса на Дорись, то съ нея снова на Оніаса. Наконецъ, онъ настолько овладѣлъ собою, что былъ въ состояніи произнести вопросъ—находится ли онъ передъ Оніасомъ. Вслѣдъ затѣмъ у дверей показались и оба спутника намѣстника. Наглою походкой выступалъ Апіонъ, точно онъ былъ хозяиномъ дома. Но внезапно онъ остановился, какъ пригвожденный. Его лицо помертвѣло.

Если бы Апіонъ увидѣлъ голову Медузы, то она не оказала бы на него такого дѣйствія, какъ взглядъ, брошенный на Дорись. По его тѣлу пробѣжала сперва сильная судорога, затѣмъ оно, казалось, окоченѣло. Только дико врацавшіеся, стеклянные глаза выдавали присутствіе въ немъ жизни,—жизни, испытывающей ужасныя страданія. Такъ точно тревожное сновидѣніе парализуетъ всѣ наши жизненныя отправленія: мы хотимъ бѣжать отъ опасности—ноги наши отказываются служить; мы хотимъ крѣпко ухватиться за чтонибудь, но наши руки цѣпенѣютъ; мы хотимъ позвать на помощь—тщетно: ни звука не выходитъ изъ гортани. И вотъ, при полномъ сознаніи мы летимъ и летимъ въ безконечную пропасть, пока невыносимый

страхъ не разорветъ насильно оковъ сна... Подобныя страда-
нiя испытывалъ Апионъ въ теченiе немногихъ секундъ, пока-
завшихся ему вѣчностью, пока онъ снова не овладѣлъ своими
физическими силами. Тогда онъ выбѣжалъ изъ дома съ кри-
комъ отчаянiя: «Адъ разверся! Адъ разверся! Еврей накли-
калъ на меня адъ!»

Внезапное и дикое бѣгство Апиона произвело неопи-
санное смятенiе въ маленькой группѣ, состоявшей изъ
столь противоположныхъ элементовъ; только одинъ Оніасъ
сохранилъ полное спокойствiе. Намѣстникъ стоялъ съ широко
раскрытыми глазами, пристально слѣдя изумленнымъ взоромъ
за направлениемъ, по которому убѣжалъ Апионъ; Деметрiй,
члены котораго были скованы страхомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,
прижался къ стѣнѣ. Только когда Оніасъ повелъ въ сосѣдную
комнату робко прижимавшуюся къ нему Дорисъ, нашептывая
ей успокоительныя слова, Флаккъ овладѣлъ собой и приказалъ
Деметрiю поспѣшить за своимъ другомъ и проводить его
домой.

Прошло довольно много времени, пока Оніасъ снова возвра-
тился. Флаккъ успѣлъ совершенно оправиться.

— Знаешь-ли ты человѣка, — спросилъ онъ старца, убѣ-
дившись, что кромѣ нихъ въ комнатѣ не было никого, —
знаешь-ли ты человѣка, безумное бѣгство котораго привело
меня въ такой испугъ?

— Я никогда его не видалъ раньше, — возразилъ Оніасъ, —
но я знаю, что онъ твой злой демонъ.

— Мой злой демонъ? Развѣ ты знаешь, кто я?

— И это мнѣ неизвѣстно; не смотря на то, я рѣшаюсь
утверждать, что тотъ трусливый плутъ въ философской ман-
тии твой недобрый генiй.

— Ты называешь его трусливымъ плутомъ—и говоришь,
что никогда его раньше не видалъ, ты называешь его
моимъ недобрымъ генiемъ—и не знаешь даже, кто я. Какъ
это понять?

— Развѣ нужно быть большимъ знатокомъ людей, чтобы съ перваго же взгляда распознать Апіона? Но, повидимому, этотъ Апіонъ твой совѣтникъ, и потому, кто бы ты ни былъ, ты погибнешь!

— Теперь я тебя понимаю, еврей!—отвѣтилъ раздраженный Флаккъ.—Такъ какъ Апіонъ ненавидитъ твое племя, то ты хочешь его очернить. Такъ какъ онъ становится неудобенъ для твоихъ александрійскихъ единовѣрцевъ, то онъ мой недобрый геній! Я вижу теперь, что я обратился не туда, гдѣ ожидалъ найти чистую правду. Ты — еврей и въ своей ненависти столько же, если не больше, ослѣпленъ, какъ и Апіонъ. Поэтому я предпочитаю все-таки Апіона и смѣюсь надъ твоимъ предсказаніемъ, которое сулитъ мнѣ гибель чрезъ этого человѣка!

— Я предостерегъ тебя; если ты хочешь остаться глупцомъ, то это твое дѣло.

— Украти свой необузданный языкъ, — воскликнулъ Флаккъ. — Знай, что предъ тобою стоитъ намѣстникъ Александрии.

— Если бы ты былъ самимъ императоромъ, — отвѣтилъ неустрашимо Оніасъ, — и Апіонъ—твоимъ совѣтникомъ, я и тогда не задумался бы тебѣ повторить: ты долженъ погибнуть!

— Ты дерзокъ, еврей!—произнесъ Флаккъ подавленнымъ голосомъ, подходя къ двери. — Ты дерзокъ, еврей; но ради той дѣвушки, которая здѣсь у тебя и которая своими прелестями восхитила мои взоры, я буду снисходителенъ...

Сказавъ это, намѣстникъ покинулъ хижину Оніаса и отправился обратно въ городъ.

VII.

Все искусство Апіона заставляло говорить о себѣ заключалось въ томъ, что онъ хитро пользовался господствующими теченіями и обстоятельствами, вывѣдывалъ слабыя стороны

людей, особенно вліятельныхъ личностей, и извлекалъ изъ этого выгоды. Во время своихъ артистическихъ путешествій онъ не только научился узнавать людей, но собралъ еще всевозможныя басни и скандальныя исторіи, которыми умѣлъ занимать массы. Къ тому же въ глазахъ черни философская мантія и Гомеръ, несравненнымъ толкователемъ котораго онъ себя называлъ, придавали ему обаяніе ученаго. Что для него была уничтожающая критика самыхъ значительныхъ философовъ? Толпа аплодировала ему, превозносила его и только на толпу онъ хотѣлъ дѣйствовать, только при помощи ея рассчитывалъ онъ достигнуть значенія и вліянія. Что за бѣда, если Сенека и бичевалъ произведенія нашего героя? Въ тѣхъ слояхъ, идоломъ которыхъ былъ Апіонъ, слова Сенеки не проникали, а если бы они и проложили себѣ туда дорогу, то онъ принялъ свои мѣры, чтобы они не находили себѣ отклика. Конечно, то была чистая зависть, говорившая устами Сенеки, которому-де-лавы Апіона не давали спать. Развѣ грамматикъ не былъ его опаснѣйшимъ соперникомъ при римскомъ дворѣ? Развѣ Сенека также не хотѣлъ быть воспитателемъ будущаго владыки міра?..

И какъ легко доставалось Апіону торжество! Нѣтъ сомнѣнія: онъ былъ любимцемъ боговъ, которые во снѣ дали ему то, къ чему другія дѣти земли тщетно стремятся въ потѣ лица своего. Ему стоило только угождать вкусамъ толпы, и она поднимала его на щитѣ.

Но одно завистливое облако омрачало ясное небо Апіона, и это было — еврейство. Оно сильно мѣшало ему, потому что не только въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ Апіонъ считался простымъ крикуномъ, но и въ тѣхъ низшихъ, на которые нашъ грамматикъ смотрѣлъ, какъ на свою исключительную территорію, іуданизмъ прибрѣталъ съ каждымъ днемъ все больше и больше приверженцевъ. Вотъ почему онъ пламенно ненавидѣлъ его и боролся съ нимъ всѣми зависѣвшими отъ него способами. Все, что только выдумали когда либо злобнаго о

происхожденія евреевъ, ихъ обычаевъ и нравахъ, все это онъ тщательно собиралъ, присочинялъ къ этому еще новыя возмутительныя басни и читалъ съ серьезною миною ученаго своей публикѣ, чтобы вселить въ сердце язычниковъ презрѣніе къ послѣдователямъ еврейства, и чѣмъ грубѣе и неправдоподобнѣе были вымыслы, тѣмъ большаго одобренія долженъ былъ онъ ожидать отъ *своихъ* слушателей. По возвращеніи въ Александрію изъ послѣдняго путешествія, ненависть Апіона къ евреямъ нашла себѣ новую пищу въ высокомъ уваженіи и признаніи, выраженныхъ его товарищами по музею къ личности и произведеніямъ Филона. Но счастье благопріятствовало Апіону. Въ самое надлежащее время въ Александрію пришла вѣсть о смерти императора Тиберія и дала ему въ руки могущественное оружіе. — Во время его пребыванія въ Римѣ одною изъ главныхъ задачъ его было — близко ознакомиться съ отношеніями, господствовавшими при императорскомъ дворѣ. Эти свѣдѣнія прилились ему въ настоящее время очень кстати: онъ зналъ, какимъ образомъ лучше всего взяться за Флакка и обезоружить его. Дѣйствительно, намѣстникъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ Апіона, и тотъ въ верховномъ концертѣ Александріи игралъ первую скрипку. Но это прочное положеніе нѣсколько пошатнулось вслѣдствіе позорнаго бѣгства, въ которое онъ обратился при видѣ слабой дѣвушки. Какъ объяснить себѣ это намѣстникъ? Не долженъ-ли былъ онъ въ кельѣ Оніаса убѣдиться, что этотъ гордый и безконечно высокомерный Апіонъ, не смотря на свою твердую, вызывающую походку, имѣетъ и уязвимыя стороны, при малѣйшемъ прикосновеніи къ которымъ онъ безсилно падетъ? Мысль, что своимъ безумнымъ поведеніемъ у Мареоійскаго озера онъ могъ дать намѣстнику оружіе противъ него, наполняла невыразимую тревогою Апіона съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ въ себя, и онъ безпрестанно думалъ о томъ, какъ загладить свою оплошность. Но еще болѣе озабочивало его то видѣніе, которое разрушило всю его твердость

и привело его въ смятеніе. Мы жестоко ошиблись бы, предположивъ, что Апіонъ узналъ въ Дорисъ свою дочь и что это обстоятельство такъ потрясло его. Апіонъ не подозрѣвалъ о существованіи своего ребенка, и если бы даже онъ зналъ, что его дочь жива, то видъ ея врядъ-ли взволновалъ бы его. Только суевѣріе, глубоко коренившееся въ его душѣ, сыграло съ нимъ такую злую шутку. Если Апіонъ рассказывалъ своей публикѣ, въ числѣ многихъ другихъ нелѣпыхъ сказокъ, что онъ вызвалъ тѣнь Гомера, то онъ лгалъ только на половину: въ глубинѣ души онъ былъ искренно убѣжденъ въ возможности вызывать мертвыхъ. Онъ раздѣлялъ грубое суевѣріе невѣжественной черни его времени, и въ значительной степени былъ обязанъ этому своею, правда, печальною и непрочною популярностью. — Когда Апіонъ явился на порогѣ жилища Оніаса и увидѣлъ Дорисъ, то онъ застылъ отъ ужаса, вообразивъ, что его давно умершая жена, съ которою Дорисъ имѣла поразительное сходство, воскресла изъ мертвыхъ. Нѣтъ сомнѣнія—это было дѣломъ чудотворца—эсея Оніаса! Онъ мысленно видѣлъ приближеніе Флакка въ сопровожденіи грамматика и хотѣлъ однимъ ударомъ уничтожить послѣдняго въ присутствіи намѣстника; поэтому онъ вывалъ изъ царства смерти его жену. Оніасъ зналъ, слѣдовательно, прошедшее Апіона и все его безграничное злодѣяніе. — Это сознаніе до такой степени терзало Апіона, что онъ въ продолженіи трехъ сутокъ сидѣлъ, запершись въ своей комнатѣ, непрерывно размышляя о томъ, какимъ образомъ обезоружить Оніаса и снова привлечь Флакка на свою сторону. Наконецъ, на четвертый день онъ не въ силахъ былъ дольше высидѣть дома: надо идти къ Флакку, надо опять пріобрѣсти свое вліяніе, хотя онъ все еще не придумалъ, какимъ образомъ оправдать свое поведеніе у Марсеійскаго овера.

Не успѣлъ онъ еще накинуть свою мантию, какъ раздался стукъ въ дверь. Онъ открылъ ее и увидѣлъ предъ собою чловека необыкновенно величавой наружности. Апіонъ невольно

вадрогнула при видѣ его и стотупилъ на нѣсколько шаговъ. Но вскорѣ онъ подавилъ свое смущеніе и обратился къ незнакомцу, который былъ никто иной, какъ зсѣй Ананій, съ вопросомъ—что ему угодно? Ананій приблизился и отвѣтилъ:

— Я нахожусь въ жилищѣ знаменитаго грамматика Апіона и, если я не ошибаюсь, то именно онъ стоитъ передо мною? Черты Апіона прояснились и онъ возразилъ съ обязательною улыбкою:

— Ты не ошибся, чужеземецъ, Апіонъ дѣйствительно стоитъ предъ тобою; чѣмъ могу я тебѣ служить?

— Меня привели сюда два дѣла. Во первыхъ, я желалъ лично узнать человека, о которомъ я столько слышалъ во время своихъ долгодѣтнихъ и дальнихъ странствованій, и, во вторыхъ, я хотѣлъ просить его помощи для того, чтобы найти и разоблачить лицемѣрнаго плута, скрывающаго подъ философскою мантиею злость, вѣзость и преступленіе. Твои обширныя связи и вліяніе могутъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовать мнѣ въ этомъ благородномъ намѣреніи, и я не сомнѣваюсь, что ты охотно претянешь мнѣ для этого руку помощи.

— Конечно...—возразилъ Апіонъ, растягивая слова.—Конечно... но я долженъ быть предварительно посвященъ въ подробности...

— Разумѣется,—прервалъ его Ананій.—Но ты, кажется, намѣревался выйти и, вѣроятно, не имѣешь досуга выслушать мое сообщеніе...

— Я охотно останусь дома и выслушаю тебя!—Сказавъ это, Апіонъ снялъ мантию, опустился на подушки и попросилъ Ананія занять мѣсто противъ него.

Ананій началъ:

— Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ двое юношей оставили свою родину, одинъ назъ оазовъ Египта, чтобы поискать въ ученой Александріи пищи для своей неутолимой жажды знанія. Не смотря на различное вѣроисповѣданіе—одинъ былъ еврей, другой язычникъ—они были связаны узами тѣсной

дружбы и посылно поддерживали другъ друга. Но черезъ нѣсколько лѣтъ дороги обоихъ друзей разошлись. Еврей, миткаго характера и склонный къ соверщательной жизни, поступилъ въ орденъ эсеевъ; язычникъ, по натурѣ болѣе суровый, легкомысленный и шумный, примкнулъ къ софистамъ. Такъ прошли годы, въ теченіе которыхъ оба товарища дѣтства ни разу не встрѣчались, пока, наконецъ, случай не свелъ ихъ на родинѣ, чтобы снова, и на этотъ разъ навсегда, разлучить ихъ...

— Ихъ родиною, говоришь ты, былъ египетскій оазъ?— беззвучно спросилъ Апіонъ.

— Да, я такъ именно и сказалъ,—отвѣтилъ Ананій, подчеркивая свои слова,—а родной городъ ихъ назывался Латополисомъ.

Холодъ пробѣжалъ по тѣлу Апіона. Ананій продолжалъ:

— И такъ, въ Латополисѣ встрѣтились два друга снова. Но какъ далеко небо отъ земли, такъ далеки были теперь другъ отъ друга ихъ стремленія. Софистъ—я назову его Малихомъ... Но, что съ тобою? Ты весь поблѣднѣлъ?

— Ничего... временное недомоганіе... больше ничего...

— Малихъ,—продолжалъ Ананій,—совершалъ артистическія путешествія и, какъ въ другихъ городахъ, достигъ и въ Латополисѣ необычайнаго успѣха, благодаря своимъ чтеніямъ, въ которыхъ онъ разбиралъ самые разнообразныя предметы и которыя онъ сумѣлъ сдѣлать понятными для уличной черни. Весь городъ только и говорилъ, что объ увлекательномъ краснорѣчій Малиха, и гордился тѣмъ, что можетъ называть такого гражданина своимъ сыномъ. Совсѣмъ иное представлялъ собою эсеей. Этотъ работалъ безшумно въ борьбѣ съ закоренѣлыми предрассудками и надъ обращеніемъ язычниковъ. Его присутствіе въ городѣ не вызвало почти никакого вниманія. И вотъ, въ одинъ прекрасный день оба друга встрѣтились въ одной удивленно живущей семьѣ и—сдѣлались ошесточеннѣйшими врагами. Слушай, что произошло. Въ Латополисѣ жила въ то время принадлежавшая къ греческой колоніи богатая, преклон-

наго возраста вдова съ двумя дѣтьми: слабымъ, оставившимъ въ ужасномомъ разбитіи сыномъ и чудною, богато одаренною дочерью. Съ этою семьєю наизъ эсей поддерживалъ самыя дружескія отношенія, былъ любимъ ею, какъ учитель, цѣнимъ какъ совѣтникъ и вскорѣ приобрѣлъ любовь Трифазы, шестнадцатилѣтней дочери вдовы. Прошло немногое время, и Малихъ провѣдалъ о вдовѣ, на счетъ богатства котораго ходили въ городѣ самыя фантастическія слухи, и сумѣлъ найти къ ней доступъ. Въ продолженіи немногихъ недѣль онъ хитростью запуталъ въ свои сѣти эту женщину, вытѣснилъ оттуда друга дѣтства, взведя на него самое черное подозрѣніе, и—дорога къ богатствамъ семьи была для него открыта. Но онъ еще не чувствовалъ себя достаточно безопаснымъ. Онъ зналъ, что вблизи находился эсей, и его нужно было во что бы то ни стало сдѣлать безвреднымъ. Малихъ вооружилъ противъ него уличную чернь. Онъ описалъ его ожесточеннымъ врагомъ боговъ, который хочетъ разрушить древнюю отцовскую вѣру и вмѣсто нея ввести ненавистное ученіе еврейства. Такимъ образомъ, онъ фанатизировалъ толпу и убѣждалъ ее покончить съ ненавистникомъ боговъ.—Въ одинъ день передъ домомъ эсея собралась дивная чернь, окружила его и вахля. Въ городѣ думали, что подъ лешкомъ погребенъ былъ и эсей. Но онъ, узнавъ о приближавшемся ураганѣ, оставилъ наканунѣ городъ, избѣжалъ вѣрной гибели и... живъ еще и понынѣ!

Апіонъ во время этого разсказа походилъ на преступника, который слышитъ свой смертный приговоръ и, чувствуя уже надъ своею головою свистъ смертоноснаго орудія, то цѣпнеть отъ ужаса, то снова возвращается къ жизни, чтобы впасть въ неистовство. При послѣднихъ словахъ эсея, изъ которыхъ каждое поражало его, точно лезвіе иинжала, онъ вскопчилъ какъ помѣшанный, остановился съ широкооткрытыми глазами передъ Ананіемъ, также поднявшимся съ мѣста—и черезъ нѣсколько мгновеній онъ узналъ его, и изъ его груди вырвалось:

— Ты Ананій! Я узнаю тебя теперь... Да, ты Ананій!

— А ты Малихъ, — произнесъ Ананій. — Тотъ самый Малихъ, котораго мѣръ знаютъ подъ именемъ Апіона!

— Но чего же требуешь ты отъ меня? — спросилъ Апіонъ дрожащимъ голосомъ.

— Прежде всего, чтобы ты меня выслушала до конца.

— Поставь меня отъ этого, — умолилъ Апіонъ. — Я знаю довольно. Выскажи свои требованія, и я ихъ исполню.

— Первое мое требованіе — это то, чтобы ты выслушала мой рассказъ до конца, — повторилъ Ананій.

— Но я не хочу больше слушать! — возразилъ Апіонъ, собирая свои послѣднія силы. — Я ничего больше не хочу слышать объ этомъ несчастномъ прощломъ! Поставь свои требованія!

— Выслушать меня ты долженъ! — прервалъ его громовымъ голосомъ Ананій и сильною рукою усадилъ на мѣсто.

Апіонъ задрожалъ передъ этимъ сильнымъ человѣкомъ и безмолвно повикъ головою. Ананій продолжалъ:

— То, что дальше слѣдуетъ, можно разсказать вкратцѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я скрывался вблизи Литополиса — столько же времени пробылъ и Малихъ среди семейства вдовы, отрѣзанный отъ всего міра. Вскорѣ послѣ моего бѣгства несчастная Трифова вынуждена была сдѣлаться женою этого чудовища. Спустя короткое время внезапно умерла вдова — и тутъ Малихъ началъ безпощадно мучить жену и ея слабоумнаго брата Каррабаса. Этотъ несчастный былъ заключенъ въ подземелье, гдѣ онъ томился долгіе мѣсяцы и потерялъ послѣдній остатокъ разума; Трифова же, истязаемая Малихомъ съ холодною жестокостью, сдѣлалась жертвою болѣзни, которая, послѣ того, какъ Трифова подарила жизнь нѣжной и милой дѣвочкѣ, освободила ее самое отъ мучительной жизни. — Когда преступный мужъ увидѣлъ свою жертву на смертномъ одрѣ, онъ собралъ всѣ сокровища и исчезъ. — Теперь только я могъ покинуть свое убѣжище. Я поспѣшилъ въ Литополисъ и успѣлъ

прийти еще въ время, чтобы услышать изъ устъ Трифозы исторію ея страданій и закрыть ей глаза...

«Послѣ этого я передалъ новорожденную и, разбитаго душевно и тѣлесно Каррабаса попеченіямъ одной, дружески ко мнѣ расположенной семьи въ Литополисѣ и покинулъ эту мѣстность. — Когда впоследствии я рѣшился предпринять большое миссіонерское путешествіе въ обѣ другія части свѣта, то возвратился предварительно въ Литополисѣ, взялъ дружелюбнаго ребенка моей незабвенной подруги, привезъ въ Александрію и поручилъ его человѣку, замѣнившему для нея отца. Черезъ нѣсколько лѣтъ Каррабасъ скрылся изъ Литополиса. Я не слышалъ болѣе никогда о немъ. Онъ пропалъ безъ вѣсти.

Мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ, когда Ананій кончилъ. Подавленный горемъ печальныхъ воспоминаній, онъ погрузился въ глубокое раздумье. Апіонъ сидѣлъ неподвижно, съ поникшею головою, не смѣя поднять глазъ... Но вскорѣ Ананій всталъ съ мѣста, приблизился къ Апіону и спросилъ его, что онъ можетъ привести въ свое оправданіе.

Апіонъ съ трудомъ поднималъ голову и едва слышнымъ голосомъ произнесъ :

— То, что ты рассказываешь, слишкомъ преувеличено... Трифоза ненавидѣла меня и...

— Лжешь, негодяй! — прервалъ его въ глубокомъ негодованіи Ананій. — Столь нравственнаго, терпѣливаго и благороднаго существа, какъ Трифоза, не было на свѣтѣ! Развѣ ты не оставилъ ее на смертномъ одрѣ! Или, можетъ быть, и это злостная выдумка?

— Неутолимая жажда знанія заставила меня бѣжать...

— На оскверняй этого священнаго слова своими гнусными устами! Наука надѣляетъ щедрою рукою, а не грабитъ, она оживляетъ, а не умерщвляетъ, она облагораживаетъ человѣка и уподобляетъ его божеству! Ты же грабитель и убійца, палачъ и разбойникъ, сатана въ изуродованномъ образѣ человѣческомъ...

— Остановись! — дико воскликнул Апіонъ. — Остановись! Ты подвергаешь меня безцѣльной пыткѣ. Назначь свои требованія. Ты знаешь, что я всемогущъ въ Александріи. Что долженъ сдѣлать? Я все исполню.

— Жалкій! — отвѣтилъ Ананій. — Ты не подозреваешь, что существуютъ еще добродѣтельные люди, которые любятъ добро для добра и презираютъ порокъ, не преслѣдуя при этомъ корыстолюбивыхъ цѣлей? Что же касается твоего могущества, которымъ ты такъ кичишься, то одно слово изъ моихъ устъ — и оно падаетъ въ прахъ!

— Но если я тебѣ не могу ничего предложить, чего же ты хочешь отъ меня?

— Чего я хочу? Сорвать съ твоего лица лицемерную маску, раскрыть твои преступныя дѣянія и показать свѣту, какую черную душу скрываетъ твоя философская мантия!

— Этого ты не сдѣлаешь! — отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ Апіонъ. — Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! Ананій, который поставилъ себѣ задачею жизни облегчать несчастіе, гдѣ бы онъ ни нашелъ его, и избавлять несчастныхъ отъ гибели, не захочетъ бросить въ пропасть товарища своей юности, если даже онъ и тяжело провинился передъ нимъ!

— Твои софистическія уловки меня не тронуть, — возразилъ сухо Ананій. — Къ высокимъ задачамъ нашего ордена принадлежитъ не только содѣйствіе добруму и благородному, но и уничтоженіе порока и мрака. Ты служитель сатаны — и моя обязанность уничтожить тебя!

Эти рѣшительно произнесенныя слова подѣйствовали ошеломляющимъ образомъ на Апіона. Онъ бросился къ ногамъ эсея, обнялъ его колѣна и молилъ о милости и прощеніи.

Къ такой сценѣ Ананій не былъ подготовленъ. Онъ смутился на мгновеніе. Но вскорѣ онъ вырвался изъ рукъ грамматика и, отворачиваясь отъ него съ негодованіемъ, произнесъ:

— Я почти раскаиваюсь въ томъ, что отыскалъ тебя и

взялъ на себя непривлекательную обязанность наказать тебя, потому что недостойно мужчины имѣть дѣло съ жалкимъ созданиемъ, подобнымъ тебѣ. Если бы это зависѣло отъ меня, то я давно уже презрительнымъ толчкомъ ноги положилъ бы конецъ этой неприятной встрѣчѣ. Но меня связываетъ клятва...

Въ Апіонѣ зашевелилась надежда, и онъ прервалъ Ананія:

— Если ты поклялся меня уничтожить, то сдѣлалъ это въ гнѣвъ. Въ гнѣвъ же человекъ не владѣетъ собою, слѣдовательно, клятва не имѣетъ значенія.

— Я далъ свою клятву въ полномъ спокойствіи, — отвѣтилъ Ананій. — Я эсей и при вступленіи въ орденъ торжественно клялся—всегда помогать справедливому и ненавидѣть несправедливаго, всегда любить истину и безпощадно обличать лжеца.

— И нѣтъ никакого средства, которое тебя разрѣшило бы отъ клятвы, а мнѣ дало бы возможность покаяться и исправиться?

— Есть, — отвѣтилъ въ раздумьи Ананій.

Апіонъ перевелъ дыханіе.

— Что ты разумѣешь подъ этимъ?

— Если ты раскаешься въ своихъ грѣхахъ, если ты открыто признаешь, что твоя прежняя жизнь ненавистна Богу, если ты уединишься и кончишь свою жизнь въ строгомъ покаяніи—то разрѣшишь меня отъ клятвы.

— Но вѣдь это самоуничтоженіе!

— Называй это самоуничтоженіемъ; но исполни и спаси душу!

— Никогда! — вспыхнувъ отвѣчалъ Апіонъ. — Никогда! Какъ, я долженъ отвергнуть блестящее прошлое, пожертвовать многообѣщающимъ будущимъ и похоронить себя живою? Только безуміе можетъ поставить подобныя требованія!

— У тебя нѣтъ выбора, — холодно возразилъ Ананій.

Наступила продолжительная пауза. Апіонъ, какъ обѣщенный,

бѣталъ по комнатѣ. Но мало-по-малу его возбужденіе улеглось, онъ остановился предъ Ананіемъ и сказалъ спокойнымъ тономъ:

— Я исполню твое требованіе. Дай мнѣ только срокъ обдумать.

— Ты желаешь невозможнаго, — отвѣтилъ Ананій. — Я долженъ подождать Александрію въ теченіе двухъ сутокъ, и ты понимаешь, что мнѣ нужно прежде покончить съ тобою.

— Въ такомъ случаѣ, дай мнѣ хотя 24 часа, — просилъ Апіонъ.

Ананій подумалъ нѣсколько мгновеній и возразилъ:

— Хорошо. Я тебѣ дамъ этотъ срокъ. Завтра въ это же самое время я буду здѣсь снова за отвѣтомъ... но пусть онъ будетъ опредѣленный. — Съ этими словами онъ направился къ двери.

— Позволь мнѣ, прежде чѣмъ ты уйдешь, обратиться къ тебѣ съ однимъ вопросомъ, — воскликнулъ Апіонъ вслѣдъ ему.

Ананій обернулся.

— Ты сказалъ прежде, — говорилъ, заикаясь, Апіонъ, что около 15 лѣтъ тому назадъ ты взялъ... изъ Латополиса... мое... дитя... Что сдѣлалось съ нимъ?

— Твоя дочь жива и теперь уже цвѣтущая дѣвушка. Она во всѣхъ отношеніяхъ какъ двѣ капли воды похожа на несчастную Трифозу...

— Гдѣ она находится въ настоящее время?

— Недалеко отсюда, — отвѣтилъ Ананій — но ты все узнаешь не раньше, чѣмъ сдѣлаешься этого достойнымъ.

Сказавъ это, Ананій ушелъ.

Апіонъ глубоко вздохнулъ. Онъ былъ спасенъ. — То видѣніе, которое привело его въ такой ужасъ въ кельѣ Оміаса, не было, слѣдовательно, его воскресшая жена; то была его дочь. Оміасъ такимъ образомъ не былъ тѣмъ чародѣемъ, какимъ Апіонъ его считалъ; быть можетъ, онъ и вовсе не имѣлъ свѣ-

дѣній о прошломъ грамматика, и если это такъ, то Апіонъ держалъ въ своихъ рукахъ намістника крѣпче, чѣмъ когда либо. Не смотря на смущеніе, въ которое его привелъ видъ Дорисъ, отъ него не скрылись жадные взоры, брошенные Флаккомъ на его дочь. Онъ зналъ теперь, какимъ образомъ приковать къ себѣ тѣснѣ римлянина, и громко думалъ при этой мысли. Но Ананій, этотъ дерзкій и краснорѣчивый свидѣтель его преступнаго прошедшаго, какъ сдѣлать его нѣмымъ? Употребить насилие,—думалъ онъ,—было бы опасно... Развѣ ввести на него тяжелое обвиненіе—заклЮчить его внезапно въ темницу... это хорошая мысль. Но нужно поспѣшить... Онъ началъ размышлять, медленными шагами измѣряя комнату. Внезапно онъ остановился и съ торжествомъ воскликнулъ:—Нашель! Нашель! Ну, теперь ты можешь приходить, Ананій, за отвѣтомъ!

VIII.

Присутствіе Филона въ Александріи дѣйствовало необыкновенно благотворно и живительно на умы еврейскаго населенія. Синагоги, въ которыхъ теперь Филопъ и сынъ его Аполлосъ поучали поочередно, были ежедневно переполнены массами народа. Не только евреи, но и греки жадно стремились послушать рѣчей человѣка, внушавшаго имъ удивленіе, смѣшанное съ благоговѣніемъ, и такъ какъ богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ, то его возвышающая чистота давала язычникамъ, отличавшимся болѣе благороднымъ образомъ мыслей, возможность знакомиться съ ученіемъ іудейства и защищать его отъ злобныхъ нападокъ.

Столь же благотвѣтельно вліяли простота и скромность Филона на тотъ классъ еврейскаго населенія, который любилъ похвастать своимъ богатствомъ и выставлать его на видъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, что, конечно, должно было вызывать зависть въ массахъ.

Филопъ, принадлежавшій къ старинной еврейской знати,

происходилъ отъ священно-служительскаго рода; обладая матеріальными богатствами, почитаемый и любимый не только своими единовѣрцами, но и выдающимися греческими философами, онъ жилъ какъ самый бѣдный простолюдинъ, выказывая поразительное отсутствіе всякихъ притязаній и требовательности, и этимъ пристыдилъ своихъ богатыхъ александрійскихъ современниковъ, такъ что они, увлеченные его примѣромъ, начали слѣдовать его простотѣ.

Едва Филонъ показывался на улицахъ Александріи, какъ вслѣдъ за нимъ стекался толпою народъ, желая выразить ему свое сочувствіе. Бѣдные и угнетенные особенно тѣснились кругомъ него, такъ какъ они хорошо знали, какого любвеобильнаго отца и защитника имѣли въ немъ. Щедрость была единственною роскошью, которую позволялъ себѣ домъ Филона. Ни одинъ бѣднякъ, къ какому бы племени и вѣрѣ онъ ни принадлежалъ, никогда не покидалъ порога этого философа, не будучи имъ щедро одаренъ.

Но и сыны музъ Александріи, сойдясь тѣснѣе съ этимъ рѣдкимъ человекомъ, начали теплѣе относиться къ положенію евреевъ и своимъ личнымъ вмѣшательствомъ предупреждали много несчастій. Гдѣ только сходились нарушители тишины и покоя, тамъ немедленно появлялись обитатели музея, и ихъ краснорѣчію удавалось успокаивать возбужденные умы и срывать личины съ зачинщиковъ. — Намѣстникъ не вмѣшивался вовсе или только очень рѣдко: онъ находился въ рукахъ Апіона, и тотъ былъ теперь настоящимъ властителемъ Александріи. Вотъ какъ это случилось. Послѣ ухода Ананія, Апіонъ поспѣшилъ къ Флакку и сообщилъ ему, что, согласно извѣстію, полученному имъ отъ его друга, извѣстнаго актера Апеллеса, довѣреннаго лица императора, Кай гнѣвается на евреевъ, такъ какъ они отказались поставить его изображение въ іерусалимскомъ храмѣ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, въ настоящее время опасно держать сторону евреевъ, и всего менѣе совѣтовалъ бы онъ это намѣстнику. — Предпославши

это заявленіе, онъ завелъ рѣчь о загадочномъ посѣщеніи къ Марессейскому озеру и передалъ намѣстнику хитроумный вымыселъ, содержаніе котораго вкратцѣ заключалось въ слѣдующемъ. Около 20 лѣтъ тому назадъ, онъ, Аніонъ, во время своихъ артистическихъ путешествій, имѣлъ случай въ одномъ изъ египетскихъ оазисовъ узнать и полюбить восхитительную молодую гречанку. Она вскорѣ сдѣлала его женою, и онъ провелъ съ нею счастливѣйшій годъ въ своей жизни. Въ то самое время, однако, когда его счастье должно было удвоиться, такъ какъ жена сдѣлала его отцомъ прелестной дѣвочки, она умерла. Въ своемъ отчаяніи отъ этой незамѣнимой утраты, онъ покинулъ пещелище своего кратковременнаго счастья, чтобы искать утѣшенія въ наукѣ. Спустя два года, онъ возвратился въ оазисъ, желая взять ребенка съ собою въ Александрію; но о, ужасъ, ребенокъ исчезъ—и всѣ его разыски оставались съ той поры безуспѣшными, пока онъ, наконецъ, въ послѣднее время не открылъ своей дочери въ жилищѣ Оніаса! Та дѣвушка, видъ которой привелъ его тогда въ такое сильное волненіе, такъ какъ въ первое мгновеніе ему казалось, что онъ видитъ предъ собою воcставшую изъ мертвыхъ жену свою,—та дѣвушка оказалась его исчезнувшимъ ребенкомъ; въ этомъ ему признался самъ похититель его дочери, одинъ эсэй, случайно къ нему зашедшій, и пока этотъ злодѣй будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ онъ, отецъ, не имѣетъ никакой власти надъ своею дочерью, до тѣхъ поръ онъ не въ состояніи обладать своимъ ребенкомъ.—Поэтому,—закончилъ свой рассказъ Аніонъ,—я ожидаю отъ справедливости намѣстника строгаго наказанія наглаго похитителя. Я ожидаю, что Флаккъ сдѣлаетъ эсэя безвреднымъ и тѣмъ приведетъ въ объятія отца столь долго разлученнаго съ нимъ ребенка!

Флаккъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за разглашываніями хитроумнаго праматика. Дорисъ очаровала его, и ея образъ занималъ съ той поры день и ночь его воображеніе; но она представлялась ему до того недосыгаемою,

до того далекою, что онъ уже отложилъ всякую надежду даже увидѣть ее хотя бы разъ. И вдругъ это разстояніе исчезло, она стала такъ близка къ нему, что ему стоило только протянуть руку для того, чтобы обладать ею. Не удивительно, что онъ весьма охотно предложилъ софисту свою поддержку, причемъ однако и слышать не хотѣлъ о насильственныхъ мѣрахъ, къ которымъ тотъ ему совѣтовалъ прибѣгнуть. «Я боюсь,—сказалъ онъ,—этихъ эсеевъ. Они раскинули свои сѣти по всему земному шару, они вездѣсущи, они все видятъ, слышатъ и знаютъ, и уже теперь представляютъ силу, съ которою нужно считаться. Я ни за что не хотѣлъ бы сдѣлаться предъ ними виновнымъ въ кровавомъ преступленіи. Твоего эсея можно убрать безъ всякаго шума и огласки, а когда намъ нечего будетъ больше опасаться его, то мы его опять освободимъ».

На этомъ рѣшеніи Флаккъ и остановился. Онъ предоставилъ въ распоряженіе грамматина центуріона съ нѣсколькими солдатами, которые должны были выждать Ананія въ жилищѣ Апіона и, пользуясь ночью тишиною, бросить его въ темницу. На центуріона онъ возложилъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы съ головы эсея не упалъ ни одинъ волосъ. Когда Ананій на другой день явился къ Апіону, сидѣвшіе въ засадѣ солдаты напали на него врасплохъ, связали его и при наступленіи сумерекъ отвели въ темницу.—Апіонъ имѣлъ теперь предъ собою открытое поле. Онъ счумѣлъ поддержать грѣховную искру въ сердцѣ намѣстника и раздуть ее во всепожирающее пламя. Хотя онъ сознавалъ, что ему не удастся, не прибѣгая къ насилію, завладѣть Дорисъ, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ убѣдить Флакка въ томъ, что онъ въ непродолжительномъ времени счумѣетъ мирнымъ путемъ поставить ее подъ непосредственное покровительство намѣстника, и такимъ образомъ, добился у него многихъ приказаній и уступокъ.

Флаккъ, начавшій снова чувствовать себя въ безопасности,

такъ какъ прошли уже цѣлые мѣсяцы, а изъ Рима все еще не былъ направленъ на него съ трепетомъ ожидавшійся уничтожающій ударъ, — становился все безнечнѣе и, желая возможно меньше обращать на себя вниманіе императора, предоставилъ событія въ Александріи ихъ собственному теченію, а самъ совершенно отдался развлеченіямъ. При всемъ томъ онъ сохранялъ еще настолько самообладанія, что не давалъ себя увлечь грамматикъ, убѣждавшему его посягнуть на гражданскія права евреевъ. Онъ хотѣлъ держаться совершенно пассивно, не притѣсяняя евреевъ, но и не защищая ихъ, въ томъ случаѣ, если бы они подверглись нападенію своихъ враговъ — Апіонъ принужденъ былъ для начала удовольствоваться этимъ. Но его вліяніе росло съ каждымъ днемъ, такъ какъ всѣ видѣли, какимъ почетомъ онъ пользуется со стороны намѣстника. Въ особенности онъ успѣлъ заручиться содѣйствіемъ низшихъ чиновниковъ префектуры, которые, рассчитывая добиться повышенія при его посредствѣ, предоставили себя въ его полное распоряженіе въ качествѣ послушныхъ орудій. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ преступный писецъ Исидоръ, закоренѣлый плутъ, имѣвшій на своей совѣсти не одну человѣческую жизнь и получившій за это отъ народной молвы прозвище «*kalamosphaktes*» — кровавое перо; затѣмъ, необузданный Лампо, извѣстный своимъ ненасытнымъ сладострастіемъ и игравшій роль сводника при намѣстникѣ. Эти два достойныхъ сообщника вмѣстѣ со своими креатурами примкнули къ Апіону и непрерывно травили низшіе слои народа на евреевъ, выставляя имъ на видъ богатую добычу. Но всѣ ихъ усилія возбудить общее возстаніе противъ евреевъ и этимъ вынудить Флакка перейти на ихъ сторону, долго разбивались о бодрствованіе Филона и союзниковъ его — сыновъ музея. Единственное, чего они успѣли добиться, были отдѣльныя мятежныя всыпши.

Деметрію надоѣла наконецъ зависимость отъ Апіона, снѣднымъ орудіемъ котораго онъ былъ до сихъ поръ, и онъ

рѣшили выступить самостоятельно, съ одной стороны, для того, чтобы лучше сохранить свои интересы, съ другой—чтобы какими нибудь отважнымъ поступкомъ вселить къ себѣ уваженіе своего самонадѣяннаго товарища.

Однажды, это было въ субботу, когда евреи находились въ своихъ синагогахъ—передъ дворцомъ намѣстника собралась по обыкновенію праздная толпа. Но на этотъ разъ убѣжденіямъ людей болѣе благомыслящихъ не удавалось разсѣять сборище. Напротивъ, толпа росла съ каждою минутою и принимала угрожающее положеніе. Видно было, что на этотъ разъ дѣло шло объ ударѣ, подготовленномъ опытною и настойчивою рукою. Отъ времени до времени въ толпѣ появлялись софисты изъ партіи Апіона, которые приносили возбуждающія рѣчи противъ евреевъ: «они-де—пришлые невѣдомо откуда чужеземцы, истребляющіе всѣ соки страны... враги грековъ и греческихъ боговъ... развратители юношества и разрушители старой вѣры»... Такъ приблизительно гласили обвиненія, которыми софисты разжигали массу. По счастью, и на этотъ разъ не было недостатка въ вѣскихъ противоположныхъ голосахъ, которые дѣйствовали успокоительнымъ образомъ.

Уже возбужденная толпа готовилась перейти отъ словъ къ насилію, когда софистъ Аполлоній, давнишній противникъ Апіона, взошелъ на быстро импровизированную трибуну и звучнымъ, далеко разнесшимся голосомъ началъ:

— Сograждане! Греки! выслушайте меня, дабы вы не дали себя вовлечь въ дѣянія, въ которыхъ вамъ придется впоследствии раскаяться. Я знаю тѣхъ негодяевъ, которые направляютъ васъ, знаю и ихъ цѣли и намѣренъ доказать вамъ неосновательность клеветъ и поруганій, которыми они осуждаютъ еврейское населеніе. Что подобныя обвиненія часто имѣли мѣсто, благодаря злобѣ нѣкоторыхъ писателей, извѣстно, я полагаю, всякому, кто знакомъ съ исторіею литературы. Многіе поставили себѣ задачею покрыть поворомъ и стыдомъ цѣлыя народы и знаменитѣйшіе города. Такъ, Теономъ окле-

воталь Аенны, Поликратъ—Спарту и авторъ «Tripolitikos» *— эти города, а также Фивы. Многія поруганія упомянутыхъ и другихъ городовъ привелъ также Тимеевъ въ своихъ «исторіяхъ». Побудительная причина, заставляющая этихъ клеветниковъ умалять достоинства знаменитѣйшихъ общинъ, лежитъ отчасти въ зависти и злобѣ, отчасти въ надеждѣ приобрести себѣ извѣстность новыми измышленіями. Относительно людей неразумныхъ и невѣжественныхъ эта надежда всегда и осуществляется; но люди съ здравымъ разсудкомъ осуждаютъ подобное злобное отношеніе и предають его анаемъ!

— Мы люди съ здравымъ разсудкомъ! — прогремѣлъ голосъ въ толпѣ, — и то, что ты говоришь, сюда не подходитъ. Евреи—презрѣннѣйшіе изъ всѣхъ людей, они ненавистны богамъ, чуждые пришлецы въ Александріи, и мы ихъ не хотимъ здѣсь терпѣть!

— Твоими устами говоритъ Апіонъ, — возразилъ Аполлоній, — такъ пусть же онъ здѣсь передъ цѣлымъ свѣтомъ выслушаетъ мой отвѣтъ. Если трудолюбивые, трезвые и кроткіе люди ненавистны богамъ, то евреи по-истинѣ, — ненавистные богамъ люди! Если въ Александріи пришлецами считаются тѣ, которыхъ основатель города поселилъ въ немъ и которымъ онъ далъ одинаковыя права съ македонянами, то, конечно, евреи нашего города не александрійцы! Развѣ Апіонъ не читалъ писемъ царей Александра и Птолемея Лага и послѣдующихъ государей египетскихъ? Развѣ онъ не видѣлъ стоящей въ нашемъ городѣ статуи, на которой перечислены права, дарованныя евреямъ великимъ цезаремъ? Если онъ, говорю я, зналъ это и осмѣливается утверждать противное и письменно и устно, то онъ дурной человѣкъ; если онъ этого не зналъ, то онъ невѣжда. Выразать удивленіе тому, что евреи въ Александріи называются александрійцами, — значитъ обнаружить свое невѣжество. Всякій, кто когда либо былъ приглашенъ

* Пасквиль на три города: Аенны, Спарту и Фивы.

Возходъ, кн. 10.

въ колонию, получалъ свое имя отъ основателя ея, какъ бы равночю ни было ихъ происхожденіе. Тамъ, евреи въ Антиохіи называются антиохійцами, потому что основатель города, Селевкъ, даровалъ имъ право гражданства. Равнымъ образомъ въ Эфесѣ и другихъ іоническихъ городахъ евреи носятъ имя прирожденнымъ гражданамъ: Діадохъ развѣшилъ имъ это. Далѣе, великодушіе римляне позволило многимъ носить римское имя, и не только отдѣльнымъ личностямъ, но цѣлымъ народамъ. Такимъ образомъ, нѣкогда иберійцы, тирренцы и сабиняне назывались римлянами. Если Аніонъ не хочетъ признавать подобнаго рода права гражданства, то пусть же онъ первый перестанетъ называться александрійцемъ. Рожденный въ сердцѣ Египта—можетъ-ли онъ быть александрійцемъ, если дарованное право гражданства, которое онъ отвергаетъ для евреевъ, не имѣетъ никакого значенія? Правда, только египтянамъ римляне, нынѣшніе властители міра, отказали въ принятіи права гражданства всякаго другого государства. Но Аніонъ настолько великодушенъ, что, желая самъ имѣть то, въ чемъ ему отказываютъ, старается лишить этого тѣхъ, которые обладаютъ имъ по праву. И все же Александръ поселилъ евреевъ въ Александрію не потому, что любимый имъ городъ нуждался въ переселенцахъ вообще, а потому что онъ подвергъ всѣхъ испытанію въ дѣльности и надежности и отдалъ нѣмьму первенства въ этихъ качествахъ евреямъ. Онъ уважалъ еврейскій народъ и доказалъ это тѣмъ, что подарилъ іудеямъ за ихъ честное и преданное отношеніе къ нему Самарію,—освободивъ ее притомъ отъ всякихъ налоговъ.

Аполлоній нѣсколько остановился, чтобы оглянуться на Аніона, который вначалѣ стоялъ противъ него и металъ въ оратора то насмѣшливые, то гнѣвные взоры, но потомъ незамѣтно отступилъ. Напрасно, однако, ораторъ искалъ грамматика: его и слѣдъ простылъ.

Объясненія Аполлонія произвели сильное впечатлѣніе на многихъ, которые не руководились желаніемъ грабежа, и они

прямо высказывали свое мнѣніе, что этотъ философъ убѣдилъ ихъ богѣе, нежели фанатическія рѣчи Апіона, всегда направленные на возмущеніе и насиліе. Эта перемена возбужденія приверженцевъ Апіона къ еще болѣе жестокому извѣднанью, и произошла бурное волненіе, которое нѣсколько улеглось только тогда, когда одинъ субъектъ, невидимому, рабочий, проицая себѣ дорогу мускулистыми кулаками, подошелъ въ упоръ къ Аполлонію и обратился къ нему со словами, пронесенными звучнымъ голосомъ:

— Если ты не хочешь заслужить имя пустого говоруна, то докажи справедливость своихъ словъ! Мы muži и требуемъ доказательствъ!

— Да, доказательства! доказательства! — прогремѣли тысячи голосовъ.

— То, что я сказалъ, — продолжалъ Аполлоній, — я могу доказать въ каждую любую минуту: я сошлюсь на Гекатаіоса изъ Абдеры, того знаменитаго ученаго и прославленнаго государственнаго дѣятеля, который жилъ одновременно съ царемъ Александромъ и состоялъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ сыномъ Птолемея Лага. Онъ не только мимоходомъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ о евреяхъ, но посвятилъ имъ даже цѣлую книгу, въ которой сообщаетъ много похвальнаго о ихъ религіи, обычаяхъ, нравахъ, о ихъ геройскомъ мужествѣ...

— Не вадумаешь-ли ты насъ увѣрять, — перебилъ оратора другой голосъ изъ толпы, — что евреи принимали участіе въ походахъ Александра и тѣмъ заслужили его благодарность? Вѣдь въ войскѣ этого великаго царя не было ни одного еврея!

— Ты лжешь! — возразилъ Аполлоній, — или же ты совершенный невѣжда. Войско великаго македонянина насчитывало тысячи евреевъ. Упомянутый уже мною Гекатаіосъ передаетъ многіе подвиги еврейскихъ солдатъ, дѣлившихъ съ Александромъ его походы. Изъ массы сообщаемыхъ имъ фактовъ я

приведу однихъ, который покажетъ вамъ, какъ воодушевленно могъ подействовать одинъ еврейъ на цѣлое войско. Когда мы, — такъ дословно передаетъ очевидецъ Гекатаейсъ, — прибыли къ Красному морю, среди насъ находился между прочимъ еврейскій всадникъ, по имени Мосолламъ, мужественный и сильный человекъ, известный и у грековъ, и у варваровъ за искуснѣйшаго стрѣла изъ лука. Многочисленное войско тронулось уже впередъ, когда одинъ изъ прорицателей выразилъ желаніе прослѣдить за полетомъ птицы и потому потребовалъ остановки. Еврей спросилъ, отчего рѣшили остановиться? Прорицатель указалъ ему на одну птицу и отвѣтилъ: — Если эта птица останется на мѣстѣ, то и для войска всего лучше не двигаться въ путь дальше, если же она поднимется и улетитъ, то и войско должно направиться впередъ. Не говоря ни слова, Мосолламъ натягиваетъ лукъ и убиваетъ птицу. Когда прорицатель и многіе другіе, увидѣвъ это, разгнѣвались и начали осыпать его проклятіями, то онъ спокойно возразилъ: — Не безумцы-ли вы, связывая свою судьбу съ этою жалкою птицею, которая могла бы парализовать наше мужество и сдѣлаться для насъ роковою? Какимъ образомъ она, которая не предвидѣла даже того, что могло бы послужить ей для ея собственнаго спасенія, могла дать намъ разумный совѣтъ относительно нашего пути? Если бы она обладала способностью предугадывать будущее, то не прилетѣла бы на это мѣсто, изъ страха, что еврей Мосолламъ убьетъ ее изъ своего лука...

— Вотъ вамъ! — раздался голосъ изъ лагеря Апіона. — Вотъ вамъ; таковы эти евреи. Они не почитаютъ ничего, что у грековъ считается священнымъ. Они пренебрегаютъ нашими богами, насмѣхаются надъ нашими религіозными обрядами и презираютъ наши святыни. Должны-ли мы потернѣть это? Не мы-ли господа въ странѣ?...

— Молчи! — перебилъ Аполлоній оратора, заботливо стараясь скрыть передъ нимъ свое лице. — Я знаю тебя. Ты былъ

выгнать изъ мурей за неблаговидные прошеки, какъ еще выгнаны будутъ многіе изъ единомышленныхъ съ тобою товарищей. — Съ тобою я покончилъ. А теперь снова къ вамъ. Ждете-ли меня дальше выслушать, греки? Могу-ли я снова вѣзться за прерванную нить?

— Говори, Аполлоній!—раздалось со вѣхъ сторонъ. — Не только факты! Слышишь-ли? Только факты!

— Этого и я хочу. Слушайте же меня. Птоломей, сынъ Лага, относился къ евреямъ, жившимъ въ Александріи, точно также, какъ и Александръ. Онъ передалъ имъ вѣрности въ Египтѣ, убѣжденный, что они будутъ охранять ихъ вѣрно и храбро; кромѣ того, желая укрѣпить свою власть въ Киренѣ и другихъ провинціяхъ Либіи, онъ послалъ и туда часть еврейскаго населенія въ качествѣ переселенцевъ. Преемникъ его Птоломей II, по прозванію Филадельфъ, не только возвратилъ свободу ваятымъ въ пѣрнѣ и понавшимъ къ нему во власть евреямъ, но еще часто высылалъ ихъ подарками; мало того, что еще важнѣе, онъ пожелалъ изучить законы евреевъ, прочитать ихъ священныя книги и съ этою цѣлью велѣлъ перевести ихъ на греческій языкъ. Несомнѣнно, что онъ не стремился бы такъ сильно ознакомиться съ сокровищами еврейскаго ума, если бы былъ не высокаго мнѣнія о людяхъ, обладавшихъ этими сокровищами; выраженное имъ желаніе, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что онъ питалъ къ евреямъ уваженіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

Апіону, повидимому, столь же мало извѣстно, что и другіе цари македонскіе относились къ евреямъ самымъ дружественнымъ образомъ. Я назову Птолемея III, прозваннаго Эвергетомъ, Птолемея VI Филонатора и его супругу Клеопатру, поручившихъ все правленіе евреямъ: еврей Оніасъ и Досидеей были предводителями всего войска македонскаго. — Какъ относились къ евреямъ всѣ императоры, извѣстно, я полагаю, каждому. Они охотно сохраняли за евреями высокія отвѣтственныя должности, ввѣренныя имъ прежними государями.

Они оставили за ними начальство надъ рѣкою и всюю областю, считая ихъ достойными занимать подобный постъ.

Какимъ образомъ, однако, спросите вы, произошли ед-
 оброжательныя отношенія къ евреямъ нашего города? От-
 вѣтъ на это я могу вамъ дать: пока городъ былъ въ рукахъ
 грековъ и македонянъ, послѣдніе не только не преслѣдовали
 евреевъ, но, напротивъ, относились къ нимъ очень дружелюб-
 но. Съ увеличеніемъ же числа египтянъ, въ Александріи на-
 чались новыя времена, появилось невѣдомое до того недовольт-
 ство. Евреи всегда держались въ предѣлахъ порядка, и только
 со стороны египтянъ исходили все клеветы и преслѣдованія,
 такъ какъ они не выказывали по отношенію къ евреямъ ни
 македонской вѣрности, ни греческой мудрости, и дали всюю
 свою исконную ненависть къ евреямъ. Большинство ихъ не-
 законно присвоило себѣ право александрійскаго гражданства,
 а между тѣмъ они же первые осмѣливаются называть чуже-
 странцами тѣхъ, за кѣмъ и законъ и обычай признали это
 право. Насколько извѣстно, египтянамъ не даровалъ граждан-
 ства въ этомъ городѣ ни одинъ изъ царей, ни одинъ изъ
 римскихъ императоровъ. Что же касается евреевъ, то Александръ
 Великій поселилъ ихъ здѣсь, цари расширили ихъ права,
 римляне всегда сохраняли ихъ за ними—и теперь Апіонъ,
 новопеченный александріецъ, хочетъ оспаривать эти права!...
 Скажите же мнѣ, греки, развѣ подобная наглость не внушаетъ
 вамъ чувство глубочайшаго негодованія? Кто изъ васъ горитъ
 желаніемъ получить бранное имя египтянина? Пусть тотъ при-
 соединится къ Апіону! Кто изъ васъ хочетъ отказываться отъ
 греческаго образованія и рассудительности? Пусть тотъ идетъ
 къ мятежникамъ! Я кончилъ, друзья, но я питаю убѣжденіе,
 что ни одинъ грекъ не захочетъ покрыть позоромъ нашъ го-
 родъ!

Слова Апеллонія произвели глубокое впечатлѣніе на массу.
 Изъ толпы начали раздаваться голоса, проклинаяше Апіона,
 который хотѣлъ возбудить рабочій классъ противъ евреевъ и

важнѣннѣе сословія и прибѣгалъ къ нѣсправедливымъ средствамъ для того только, чтобы играть роль предводителя. Другіе же, которые рассчитывали на вѣрную добычу и видѣли себя теперь обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, продолжали протестовать. Одинъ изъ нихъ даже выразился, что совершенно безразлично—кто правъ, Аполлоній или Апіонъ; фактъ тотъ, что евреи захватили всѣ деньги и всѣ источники доходовъ— и это не должно быть терпимо!

— Клевета! суцная клевета! — возразилъ на это другой. Только очень немногіе евреи скопили значительныя богатства, громаднее же большинство должно работать также усердно, какъ и мы, и среди нихъ существуетъ столько же бѣдняковъ; разница только та, что ихъ единовѣрцы подаютъ имъ руку помощи, а наши греки и египтяне позволяютъ своимъ бѣднымъ преспокойно погибать. Отчего они не учатся у евреевъ состраданію?

— А что касается евреевъ-фабрикантовъ,—прервалъ другой,—то они обходятся со своими рабочими далеко человѣчнѣе, чѣмъ греки и египтяне. Я служу у еврея Эводія, свободенъ во всѣ субботніе и праздничные дни и получаю каждый вечеръ аккуратно свою заработанную плату, потому что такъ предписываетъ евреямъ ихъ священное писаніе, тогда какъ мои товарищи, служащіе у греческихъ фабрикантовъ, должны работать непрерывно изъ года въ годъ и получаютъ свое жалованье только спустя восемь дней. Что выходитъ изъ этого? Въ одинъ день они растрачиваютъ въ дурномъ обществѣ деньги, доставшіяся съ такимъ трудомъ, нуждаются затѣмъ въ теченіи всей остальной недѣли и поневолѣ помышляютъ о нечестномъ приобрѣтеніи!

— Справедливо сказано!—воскликнулъ третій.—Я служу у еврея Трифона и могу только подтвердить твои слова!

— И я! — прибавилъ четвертый.—Мой хозяинъ — еврей Андронъ,—честный человѣкъ, который одинаково хорошо обходится со своими подчиненными,—еврей-ли они или язычни-

ки. Я часто слышу, какъ онъ говоритъ, что его религія предписываетъ любить всѣхъ людей безъ различія.

Подобныя рѣчи не замедлили оказать свое дѣйствіе и постепенно успокоили взволнованные умы. Уже густо сплоченные ряды начинали рѣдѣть, когда вдали показалось облако пыли, поднятое новою толпою рабочихъ, съ гнкомъ и шумомъ мчавшейся къ префектурѣ. При видѣ ея первая толпа умолкла. Все ближе и ближе слышенъ былъ ревъ, все яснѣе и яснѣе раздавался крикъ: «Храмъ богини оскверненъ! Жертвенные дары похищены! Евреи осквернили храмъ Геры!»

Это тяжелое обвиненіе въ оскверненіи храма, столь неожиданно поднятое противъ евреевъ, исполнено ужасомъ мятежниковъ, уже было усвоившихся. Для нихъ оно не представлялось неавѣроятнымъ; что было удивительнаго въ томъ, что тѣ люди, которые среди всѣхъ народовъ одни сохраняли свое собственное богослуженіе, столь рѣзко отличавшееся отъ всѣхъ другихъ культовъ, которые соблюдали свои собственные нравы и обычаи, казавшіяся другимъ столь странными,—что было удивительнаго, повторяемъ, если эти евреи стремились нанести поруганіе ненавистнымъ для нихъ языческимъ богамъ! — Приверженцы Апіона съумѣли воспользоваться общимъ смущеніемъ и снова захватили въ свои руки вырванную-было власть. Съ быстротою молніи сообщилось возмущеніе новой толпы всѣмъ рядамъ мятежниковъ, и вскорѣ раздались крики: «Отомстимъ за поруганную богиню! Впередъ, возьмемъ приступомъ синагоги евреевъ и превратимъ въ пепелъ ихъ святыни!»

— Сограждане! — прогремѣлъ могучій голосъ, — только не безъ плана! Раздѣлимся на пять группъ и нападёмъ на евреевъ одновременно во всѣхъ частяхъ города! Я беру на себя Дельту и атакую большую базилику евреевъ!

— Хорошо сказано! — раздалось со всѣхъ сторонъ, и тотчасъ же было приступлено къ образованію группъ.

— Впередъ! — прозвучалъ крикъ предводителя. — Впередъ,

въ атаку! — И толпа шумно двинулась впередъ. — Внезапно, однако, топотъ смолкъ, передніе ряды остановились, массы пришли въ сильное замѣшательство. — Что значить это? — воскликнули задніе ряды въ изумленіи. — Смотрите, — прогремѣло въ отвѣтъ, — вонъ тамъ приближается фаросская колдунья! Назадъ, кому жизнь дорога! Это дочь мрачной Гекаты! Взгляды ея сумятъ несчаствіе!

Черезъ мгновеніе передъ мятежниками стояла безобразная старуха, худощавое тѣло которой мѣстами только было покрыто изодранными дохмотьями, а распущенные, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы дико развѣвались въ воздухѣ.

— Назадъ! — воскликнула она пронзительнымъ голосомъ, проникавшемъ до мозга костей, и ея маленькіе глазки зловѣще засверкали. — Назадъ, бѣснующіеся! Какъ, вы навывааете себя греками, вы — незаконнорожденное исчадіе варваровъ! Убийцы, поджигатели вы! По одному только злобно вымышленному слуху вы хотите напасть на дома невинныхъ людей съ цѣлью ограбить ихъ! Грабители и убійцы вы, еще болѣе преступные, чѣмъ тотъ безбожный осквернитель храма!

— Заткнуть ей гнусную глотку! — воскликнулъ одинъ изъ шайки Апіона. — Растерзать ее! она подкуплена жидами!

— Назадъ! — прогремѣлъ другой. — Развѣ вы не знаете ее? это страшная фаросская колдунья!

Толпа разступилась при этихъ словахъ и пропустила старуху въ середину. Тамъ она начала снова:

— Выслушайте меня, ослѣпленные безумцы! Я не люблю евреевъ, потому что они презираютъ наше богослуженіе и совращаютъ многихъ изъ нашей вѣры. Но правда прежде всего: преступникъ, осквернившій храмъ богини, — не еврей; это грекъ!

Снова нѣкоторые попытались съ угрозами и проклятіями броситься на страшную женщину, но напрасно: масса отгѣснила ихъ назадъ, и старуха продолжала:

— Осквернителемъ храма, повторяю вамъ, былъ грекъ!

Я сама видѣла, собственными глазами, какъ онъ подкрался къ образу богини и ограбилъ и осквернилъ его... Утомленная ходьбою, я пришла въ храмъ богини, опустилаь позади ея изображенія и задремала. Сквозь дремоту я внезапно услышала приближающіеся тихіе шаги. Раскрывъ съ усиленіемъ смыкавшіяся вѣки, я увидѣла, какъ человекъ съ длинной бородой, закутанный въ философскую мантию, подходитъ къ изображенію богини, осторожно огираясь кругомъ. Я съежилась, чтобы остаться незамѣченной, внимательно наблюдала за всякимъ движеніемъ пришлеца, обратившагося лицомъ ко мнѣ, и запечатлѣла въ своей памяти его черты. О, боги, что я увидѣла! Когда онъ убѣдился, что кромѣ него въ храмѣ не было никого, онъ быстро схватилъ запыстья богини, надѣлъ ихъ себѣ на руки съ ловкостью опытнаго вора, досталъ золу изъ складокъ своей мантии и въ одно мгновеніе, какъ будто онъ уже не разъ продѣлывалъ это, изображеніе высокой богини было обезображено до неузнаваемости! Холодный ужасъ охватилъ меня при видѣ подобнаго кощунства. Моимъ нервнымъ движеніемъ было закричать о помощи, но я тотчасъ же одумалась; я сказала себѣ, что человекъ, рѣшающійся на оскверненіе всего, что только есть самаго священнаго, не отступить и передъ убійствомъ...

— Злобная выдумка! — раздались крики изъ толпы. — Какъ, греки, вы позволите напугать себя безстыднымъ рѣчамъ подкушенной старухи?

— Докажи справедливость того, что ты рассказываешь, — воскликнули другіе — и мы не тронемъ ни одного волоска на головѣ евреевъ!

— Я приведу вамъ несомнѣнные доказательства! — увѣряла старуха. — Дайте мнѣ только время отыскать виновнаго... Да вотъ и онъ! А, ты являешься точно по призыву!

Это обращеніе относилось къ Деметрію. Его роковая судьба выдвинула его въ передніе ряды толпы. Сгорая любопытствомъ узнать, почему такъ внезапно остановилось столь пре-

красно затѣянное имъ движеніе, онъ долго и тщетно пытался преобрѣсть впередъ, пока несчастная для него человѣческая волна однимъ толчкомъ не поставила его лицомъ къ лицу съ ужасной женщиной, которая его тотчасъ же узнала. Онъ хотѣлъ отступить, но было уже слишкомъ поздно, и плотно окружавшее его кольцо не давало возможности убѣжать. Рядомъ съ нимъ офицеръ съ скрещенными на груди руками стоялъ въ роли пассивнаго зрителя. Къ нему-то обратилась старуха, когда она увидѣла, что онъ не выказываетъ никакого намѣренія арестовать софиста, и воскликнула:

— Слышишь-ли, центуріонъ, вотъ этотъ въ философской мантии и есть осквернитель храма! Возьми его и приведи предъ лицо судьи!

Центуріонъ равнодушно пожалъ плечами.

— Я говорю тебѣ, — продолжала старуха, — арестуй софиста, я обвиняю его въ оскверненіи храма!

— Никогда! — возразилъ центуріонъ. — Ни одинъ грекъ не осквернитъ своихъ боговъ, и тѣмъ менѣе извѣстный всему городу философъ!

— Такъ ты не хочешь исполнить своей обязанности, центуріонъ!?—воскликнула старуха ужаснымъ голосомъ.

— Нѣтъ!

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я сама произнесу надъ нимъ приговоръ.—Съ этими словами она съ гибкостью кошки бросилась на Деметріа, стоявшаго въ оцѣпенѣнніи и дрожавшаго всѣми членами, сорвала съ него мантию, охватила своими костлявыми руками его обнаженные руки и подняла ихъ высоко, такъ что всѣ увидѣли запястья богини, ярко горѣвшія на солнцѣ.

— Видите-ли, —воскликнула она, торжествуя, —это не была злобная выдумка! Вотъ вамъ жертвенные дары богини! Вотъ образъ возвышенной Геры! Вотъ имена жертвователей! *

* Это кощунство не вымыселъ. Деметрій дѣйствительно совершилъ его. *Jaques Matter* въ своемъ *Essai Historique sur l'école d'Alexandrie*, T. I p. 233,

Эта сцена вызвала неописанное волненіе, и Деметрій былъ бы безъ всякаго сомнѣнія растерзанъ разъяренною толпою, если бы въ минуту опасности центуріонъ не вышелъ изъ своей пассивной роли. На поданный имъ сигналъ приближались со всѣхъ сторонъ вооруженные солдаты, окружили оглушеннаго софиста и отвели его въ префектуру. За нимъ послѣдовала громадная толпа черни, осыпая его проклятіями и угрозами, между какъ шайка Асіона, посрамленная, разхедилась незамѣтно по домамъ.

Перев. А. Ф.

(Продолженіе слѣдуетъ).

сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: L'un des plus fameux Aristarchéens de ces temps était Démétrius d'Adramythe, que la célébrité du musée attira en Egypte. Il fut surnommé Ixion, non pour avoir porté des vues audacieuses jusque sur la compagnie de Jupiter, mais pour avoir volé les bracelets de Junon dans un temple consacré à cette déesse par la piété des Alexandriens. Cette aventure... fut, sans doute, la cause de sa retraite à Pergame. Il ne pouvait continuer son séjour au milieu des témoins de sa folie ou de son avilissement...

ИЗЪ НАРОДНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ СРЕДНИЕ ВѢКА.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НАЙДЕННОЙ ВЪ ДАМАСКЪ ЕВРЕЙСКОЙ РУКОПИСИ.

(Рефератъ, читанный въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества 16 апрѣля 1887 г.) *.

Сказанія объ Александрѣ, какъ извѣстно, были у всѣхъ почти культурныхъ народовъ запада и востока однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для народнаго чтенія **. Не смотря на богатство и разнообразіе узоровъ, вышитыхъ на этой сказачной канвѣ фантазіей различныхъ народовъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, всѣ извѣстные до сихъ поръ варианты означеннаго сказанія у грековъ, римлянъ, евреевъ, эіоплянъ, армянъ, равно какъ и въ романскихъ, германскихъ и славянскихъ пересказахъ, были приведены къ одному общему источнику, къ такъ называемому Псевдо-Каллиссею, или же къ его передѣлкамъ и сокращеніямъ, принадлежащимъ Юлію Валерію, Архипресвитеру Льву (*Historia de pre-*

* Нѣкоторыя примѣчанія и поясненія, равно какъ и дополненія по копіи, полученной мною съ еврейской рукописи въ Моденѣ (см. ниже), прибавлены послѣ.

** Относительно евреевъ XV-го столѣтія мы имѣемъ свидѣтельство константинопольскаго раввина Ильи Минрахи (какъ замѣтилъ уже г. Гастеръ), который въ своихъ посланіяхъ (*Тешуботъ*, изд. въ Константинополѣ, 1560, № 57) говоритъ: „Для развлеченія и душевной улады служатъ сочиненія о войнахъ царей, какъ напр: *Книга Аль-Искандера* (арабское произношеніе Александра) и Юсиппонъ и тому подобныя рассказы изъ всемірной исторіи, каковыя находятся и у всякаго другого народа“. Эта сказочная книга цитируется еврейскими авторами, начиная съ XIII вѣка, а переводы сказаній Псевдо-Каллиссея (съ арабскаго) восходятъ къ XII вѣку.

iiis) и автору Посланія Александра къ матери своей Олимпиадѣ и въ Аристотелю, какъ все это доказали въ новѣйшее время Цахеръ *, Поль Мейеръ **, А. Н. Веселовскій ***, Кинцель ****, Цингерле †, Кнустъ **† и мн. др. Точно также и еврейскія сказанія о македонскомъ героѣ, о которыхъ говорится подробно въ печатаемой мною въ Запискахъ Имп. Академіи наукъ статьѣ, заключаютъ въ себѣ элементы псевдо-каллисѣеновскаго романа, конечно, въ національной окраскѣ.

Но въ то время, какъ извѣстныя до сихъ поръ еврейскія редакціи и варианты сказанія имѣютъ въ виду ученыхъ, у которыхъ предполагаются историческія и географическія познанія—нельзя было указать на такую обработку означеннаго сказанія, гдѣ авторъ, обращаясь къ простому читателю, не обладающему учеными познаніями, пользовался бы легендарнымъ матеріаломъ совершенно свободно, отрѣшаясь отъ исторіи и географіи, элементы которыхъ въ значительной степени замѣтны у Псевдо-Каллисѣена и Архипресвитера Льва, равно какъ у ихъ еврейскихъ переводчиковъ и пересказчиковъ.

По этой причинѣ мнѣ кажется не лишенною интереса найденная мною прошлымъ лѣтомъ рукопись въ *землѣ* (мѣсто зарыванія ветхихъ книгъ и рукописей) города Дамаска, находящейся за городомъ, въ деревнѣ Джубарѣ. Рукопись эта, къ сожалѣнію, не полная ***†, заключаетъ совсѣмъ неизвѣстную до сихъ поръ редакцію сказанія объ Александрѣ, отличительный признакъ которой—

* Julius Zacher. Pseudocallisthenes. Forschungen zur Kritik und Geschichte der ältesten Aufzeichnung der Alexandersage. Halle, 1867.

** Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature du moyen âge. Paris, 1886.

*** Изъ исторіи романа и повѣсти, академика А. Н. Веселовскаго; выпускъ первый, греко-византійскій періодъ. Спб. 1886.

**** K. Kinzel, Lamprechts Alexander (Germanistische Handbibliothek von J. Zacher, B. VI). Halle, 1884.

† O. Zingerle, Die Quellen zum Rudolf von Ems Germanistische Abhandlungen von K. Weinhold. B. IV). Breslau, 1885.

**† Knust, Mittheilungen aus dem Eskurial, Stuttgart, 1879.

***† Вслѣдствіи мнѣ удалось пополнить пробѣлы дамасской рукописи кругой копіей той же редакціи, находящейся въ *Biblioteca Estense* въ Моденѣ (въ Италіи).

совершенное отрѣшеніе отъ исторіи, такъ что даже о главнѣйшихъ историческихъ моментахъ въ жизни македонскаго царя, а именно объ его войнахъ съ царями Даріемъ (персидскимъ) и Перомъ (индійскимъ), не говорится въ ней ни слова, и вообще она носитъ на себѣ печать народнаго сказанія, пренебрегающаго литературными прикрасами.

Вотъ содержаніе новаго сказанія, которое я раздѣляю на параграфы для удобства ссылокъ.

§ 1.

Жилъ въ Египтѣ человѣкъ, по имени *Бильдадъ* (Валдадъ), сынъ *Асона*, и былъ этотъ человѣкъ звѣздохетомъ, астрономомъ, волхвомъ и чародѣемъ, какового еще не было въ Египтѣ, такъ какъ своимъ чародѣйствомъ онъ достигалъ всѣхъ желаній своихъ. И онъ бросилъ свои взоры на царицу Клеопатру, жену царя египетскаго Филиппа, которая была отмѣнной красавицей, и онъ такъ крѣпко полюбилъ ее, что едва не умеръ отъ сильной любви. Но затѣмъ Бильдадъ собрался съ силами, положился на свое счастье, началъ развѣдывать волшебствомъ о томъ, удастся-ли ему овладѣть царицей, и бросилъ онъ жребій посредствомъ своихъ чаръ. Какъ только царица выпала ему по волшебному жребію, Бильдадъ чрезвычайно обрадовался и отправился въ поле искать травы, извѣстной подъ названіемъ *ирилія* (или *ирфиліа*)*, которую онъ, по нахожденіи ея, заклиналъ своими чарами и зарылъ на девять дней.

Романъ Псевдо-Каллисѣена и его латинская передѣлка намъ нынѣ извѣстны на еврейскомъ языкѣ въ трехъ редакціяхъ, а именно: 1) *Иосифа Горіонида* или *Иоситтона*, въ исторіи котораго главы VI—XXII второй книги**, посвящены разсказу объ Александрѣ и его подвигахъ***. 2) *Толдогъ Александръ* (жизнеописа-

* По всей вѣроятности, *serefolium* (зервель) или *saurophyllus* (гвоздика).

** Мы цитируемъ по изданію Брейтгаупта: *Iosephus Gorionides sive Iosephus Hebraicus*, Gothaе 1707, гдѣ жизнеописаніе Александра находится на стр. 85—152.

*** Новѣйшіе критики всѣ согласны въ томъ, что жизнеописаніе Алексан-

віе Александра) по парижской рукописи, изданной равнинномъ Израилемъ Леви въ нынѣшнемъ году *. 3) То же самое сочиненіе, но съ значительными отступленіями, находится въ лондонской рукописи, отрывки изъ которой сообщаетъ Леви въ своихъ примѣчаніяхъ, а обзоръ цѣлаго содержанія представилъ Моисей Гастеръ (нынѣ равнинъ въ Лондонѣ) на нѣмецкомъ языкѣ академикъ А. Н. Веселовскому, который напечаталъ его въ русскомъ переводѣ **. Всѣ эти три редакціи, ближайшимъ образомъ примыкающія къ латинскому сочиненію *Historia de preliis Alexandri Magni* Архипресвитера Льва (*Archipresbyterus Leo*), представляющему самую распространенную въ средніе вѣка передѣлку псевдокаллистоеновскаго романа, — начинаютъ свой рассказъ совершенно иначе; начало это гласитъ въ сжатомъ видѣ слѣдующимъ образомъ:

Былъ въ Египтѣ царь по имени *Нектаниборъ* (*Нектанебъ*), знатокъ въ звѣздохетствѣ и въ искусствѣ гаданія о будущемъ. Ему донесли о томъ, что персидскій царь со множествомъ народовъ готовится совершить нападеніе на Египетъ. Узнавъ посредствомъ волшебныхъ гаданій, что непріятель возьметъ верхъ, царь Нектанебъ тайно убѣгаетъ изъ Египта, достигаетъ Македоніи, гдѣ онъ знакомится съ царицей Олимпиадой (*Альнбиадось*, *Нбиадось*, *Нбیارось* въ арабизованной транскрипціи) во время отсутствія ея мужа, царя Филиппа, когда онъ былъ далеко на войнѣ. Плѣнившись ея красотой, бывшій египетскій царь вѣщаетъ Олимпиадѣ, что богъ Аммонъ совокупится съ нею, и самъ, подъ видомъ этого бога, совершаетъ свое преступное дѣйствіе.

Какъ легко замѣтитъ читатель, различіе между обоними вариантами начала свазанія, даже въ сжатомъ очеркѣ, весьма значительно; но оно еще гораздо значительнѣе при сличенія подробностей, причемъ оказывается, что авторъ нашего варианта (по дамасской и моденской рукописямъ) пропускаетъ всѣ обстоятельства

дра было вставлено въ книгу Горіоніа позднѣйшими переписчиками; дѣйствительно, нѣкоторые рукописи и печатныя изданія не имѣютъ этого эпизода.

* См. *Sammelband kleiner Beiträge aus Handschriften* (издаваемый обществомъ *Меклице Нирдамиме*), II Jahrgang, p. 1—82.

** Новые данныя для исторіи романа объ Александрѣ (въ *Запискахъ Импер. Акад. наукъ*), стр. 29—56.

рассказа, имѣющія какое либо отношеніе къ греческой и египетской мифологіи, удаляетъ изъ него все античное, вставляя вза-мѣнъ ихъ равныя черты (какъ увидимъ ниже) въ поздно-восточномъ вкусѣ и нѣкоторыя детали въ еврейской окраскѣ. Къ послѣдней категоріи относятся имена *Бильдадъ* и *Асонъ*, изъ коихъ первое заимствовано изъ библіи, гдѣ названъ такъ одинъ изъ товарищей Иова (кн. Иова II, 11 и слѣд.), а второе означаетъ по еврейски несчастное приключеніе, несчастный случай. Македонію нашъ авторъ считаетъ египетскою мѣстностью. Это же географическое заблужденіе раздѣляютъ съ нимъ многіе арабскіе писатели. Вслѣдствіе же перенесенія театра дѣйствія въ Египеть, мать Александра изъ Олимпіады переименована въ Клеопатру. У Псевдо-Каллисена рассказывается, что Филиппъ хотѣлъ покинуть Олимпіаду и жениться на Клеопатрѣ.

§ 2.

На третій день * царь Филиппъ получилъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли о томъ, что измаильтяне совершили нападеніе на землю *Торгема*, на землю *Азиптадъ* (или *Ашиптидъ*), по всей *Торгема* **, и въ которомъ просили у него защиты. Царь Филиппъ крайне встревожился этимъ извѣстіемъ и, по совѣщаніи со своими сановниками, обнародовалъ онъ по всему своему государству приказъ, чтобъ всѣ способные владѣть мечомъ собрались къ нему. Такъ они сдѣлали, и всѣ собрались къ нему какъ одинъ человекъ, и царь выступилъ во главѣ ихъ противъ измаильтянъ. По удаленіи Филиппа изъ государства, чародѣй Бильдадъ пошелъ на девятый день послѣ зарытія травы *ирниліа*, вынулъ ее, совершилъ надъ нею разныя волшебства, а затѣмъ онъ отправился къ царицѣ Клеопатрѣ и сказалъ ей, что посланъ къ ней ихъ богомъ *Ринуіа* ***. Услышавъ это, царица весьма обрадовалась, встала со своего престола, поклонилась Бильдаду и

* Вѣроятно, на третій день послѣ зарытія означенной травы.

** Мѣсто это въ текстѣ неясно. *Торгема* (отъ библейскаго *Тогарма*; Бытіе, X, 3) употребляется въ новѣйшее время, какъ извѣстно, для обозначенія Турціи и турокъ.

*** Въ двухъ мѣстахъ написано *Дисуніа*.

просила его рассказать, въ чемъ состоитъ порученіе. На это Бильдадъ отвѣтилъ и сказалъ царицѣ, что ихъ богъ *Ршунія*, видѣвъ цѣломудріе и правоту сердца царицы, рѣшился соединиться съ нею для того, чтобъ она родила сына, который также будетъ богомъ. Царица потребовала отъ чародѣя доказательства, что слова его вѣрны, на что Бильдадъ объявилъ ей о такомъ знаменіи: во время появленія бога *Ршунія* къ царицѣ у него на лбу будутъ три рога, одинъ серебряный и два золотыхъ, чрезъ часъ же одинъ изъ нихъ исчезнетъ, а два остальныхъ все будутъ увеличиваться. Царица крайне обрадовалась этому, повлонила и упала ницъ (въ знакъ благодарности богу). Въ ту же ночь Бильдадъ, совершивъ свои волшебства, отправился въ царскій дворецъ, гдѣ по причинѣ его же чародѣйственныхъ продѣлокъ всѣ были погружены въ глубокой сонъ, такъ что онъ безпрятственно могъ проникнуть въ комнату царицы, предъ которой и совершилъ вышесказанное знаменіе. Отъ ихъ соединенія царица забеременѣла, и она спросила у Бильдада—какое имя слѣдуетъ дать имѣющему родиться ребенку, на что онъ отвѣтилъ, что мальчика слѣдуетъ назвать *Александромъ*, потому что *Сандросъ* * обозначаетъ по египетски *властителя всѣхъ* (или *всего міра*), чему царица была весьма рада, и на слѣдующій день она пригласила всѣхъ мудрецовъ и сановниковъ государства, которымъ приготовила великое пиршество.

По разсказу Псевдо-Каллисѣена и зависящихъ отъ него авторовъ, Юлія Валерія и архипресвитера Льва, по прибытіи Нектанеба въ Македонію, онъ тамъ прославляется, какъ великій астрологъ. Посему царица Олимпіада, во время отправленія царя Филиппа въ военный походъ, посылаетъ за астрологомъ и отвергаетъ ему свои опасенія на счетъ вѣрности и привязанности къ ней ея царственного мужа, такъ какъ она подозрѣваетъ его въ томъ, что онъ желаетъ покинуть ее. Въ это время у Нектанеба возбуждается страсть къ Олимпіадѣ и, по употребленіи астрологическихкихъ махинацій, онъ извѣщаетъ ее, что она должна родить

* *Алек* игнорируется; можетъ быть, что слѣдуетъ читать *Ксандросъ* и *Ал* принимается за арабскій указательный членъ.

сына отъ бога Аммона, и что этотъ сынъ отомститъ за обиды, ей нанесенныя. Посредствомъ волшебства Нектанебъ является Олимпіадѣ и Филиппу (въ военномъ лагерѣ), во снѣ и на яву, подѣ разными видами, преимущественно въ видѣ дракона, съ атрибутами символическаго изображенія Аммона, и тѣмъ устраиваетъ отъ себя всякое подозрѣніе и завладѣваетъ царицей. Во время беременности послѣдней, птица кладетъ на лоно Филиппа яйцо, которое падаетъ на землю и разбивается; вылѣзающая же изъ яйца змѣя ползаетъ около яйца и издыхаетъ, не достигнувъ отверстія яйца. Это знаменіе прорицатель Антифонть толкуетъ въ такомъ смыслѣ, что будущаго сына ожидаетъ великая слава и преждевременная смерть. Нашъ авторъ излагаетъ всѣ обстоятельства гораздо короче и трезвѣе, причѣмъ опять вставляетъ библейскія названія *измаилтянъ* и *Торгама-Тогарма* *. Названіе земли *Азинтадъ* или *Ашинтадъ*, вѣроятно, искажено изъ *Asia* (Азіи) или *Ationia* (Әіюіи) и еврейскаго слова *адъ* (до). Имя бога *Рину-тіа*—вѣроятно, ошибочно попавшій сюда титулъ женскаго божества *regina* (царица), или же имя матери царя Дарія, *Родогуны* или *Родогона* у Псевдо-Каллисена.

§ 3.

Во время веселія на пиру царицы, Филиппъ возвращается домой, исполненный радости по случаю побѣдоноснаго похода на измаилтянъ. Царица бѣжитъ ему на встрѣчу, обнимаетъ и цѣлуетъ его, и радостно рассказываетъ ему обо всемъ случившемся. Услышавъ ея рассказъ, Филиппъ приходитъ въ ярость, ибо понимаетъ хорошо, что чародѣй Вильдадъ обманулъ царицу. Онъ посылаетъ за Вильдадомъ; но тотъ побоялся явиться къ царю, бѣжитъ изъ Египта и скрывается на всю жизнь въ пещеру, такъ какъ царь обнародовалъ приказъ объ его умерщвленіи во всемъ государствѣ. Затѣмъ Филиппъ говоритъ царицѣ, что хотя она заслужила смертную казнь, онъ, однако, ее прощаетъ подѣ условіемъ, чтобъ она никому объ этомъ дѣлѣ ничего не говорила во избѣжаніе скандала. Во время рожденія сына, царица предлагаетъ

* Это названіе у LXX толковниковъ и Юсіфа Флавія также пишется *Торгама*.

повивальной бабкѣ задушить его, за что она получить въ награду вѣсь ребенка золотомъ. Но повивальная бабка рѣшительно отказывается сдѣлать это, говоря: «сохрани меня Богъ поднять руку (погубить) на царскаго сына; да къ тому я вижу на немъ признаки господства надъ вселенной, только что онъ кончить жизнь въ молодые годы, на чужой сторонѣ». Услышавъ это, царица оставляетъ свое намѣреніе, и такимъ образомъ новорожденный спасенъ. Наружный видъ принца: одинъ глазъ подобенъ кошачьему, а другой—львиному; взоръ его обращенъ къ землѣ, и вообще видъ его странный и страшный. Мать назвала его *Александромъ*; принцъ росъ благополучно во всѣхъ отношеніяхъ, земля дрожала предъ нимъ (подъ нимъ?) и всѣ, видѣвшіе и слышавшіе его, весьма боялись его.

Эта часть разсказа также значительно отстываетъ отъ Псевдо-Каллисеевскаго. Кромѣ сокращенія и пропуска множества миеологическихъ подробностей, тутъ еще прибавленъ эпизодъ съ повивальной бабкой, котораго не имѣется въ другихъ вариантахъ романа объ Александрѣ, насколько мнѣ извѣстно. Мысль о повивальной бабкѣ, вѣроятно, навѣяна библейскимъ разсказомъ о Фараонѣ съ еврейскими бабками (Исходъ, I, 15—21). Враждебное отношеніе царицы къ своему сыну, о которомъ говорится въ нашемъ разсказѣ и ниже (§ 6,7), есть также особенная черта нашего автора, придуманная имъ, вѣроятно, для того, чтобъ выразить протестъ противъ незаконности рожденія принца, какъ это особенно рельефно выступаетъ въ размышленіяхъ матери (§ 7): Этотъ же мотивъ подалъ средневѣковымъ поэтамъ, какъ, напр., Альберикъ изъ Безансона, Лампрехту и др., поводъ къ тому, чтобъ совсѣмъ пропускать въ своихъ поэмахъ объ Александрѣ разсказъ объ его рожденіи отъ чародѣя Нектанеба, и даже опровергать этотъ разсказъ *. Описаніе наружнаго вида Александра разнится отъ другихъ описаній **.

* См. Paul Meyr, *Alexandre le Grand*, I, XIX, II, 248, 252-350, 357; Zingerle, *Quellen des Rudolphs*, p. 7; Kinzel, *Lamprechts Alexander*, p. XVI.

** Изъ еврейскихъ источниковъ, см. Горіонидъ, II, 12, стр. 102; Левъ, стр. 4; Гастера, стр. 35.

§ 4.

Однажды молодой принцъ вышелъ гулять по царскимъ садамъ въ сопровожденіи царскихъ слугъ, а въ то время проходилъ мимо чародѣй изъ египетскихъ волхвовъ. Какъ только онъ увидѣлъ молодого принца, онъ началъ сильно дрожать, преклонился предъ принцемъ и простерся на землю. На вопросъ Александра о причинѣ сего и зачѣмъ онъ дѣлаетъ такъ — чародѣй отвѣчаетъ, что онъ провидитъ будущее покореніе принцемъ всего міра, умерщвленіе имъ многочисленныхъ противниковъ, путешествія его по отдаленнѣйшимъ краямъ и морямъ, провидитъ что принцъ достигнетъ морского дна и высоты звѣздъ и что еще при жизни онъ прибудетъ къ мѣсту праведниковъ (т. е. въ рай). Принцъ весьма обрадовался этому и сказалъ чародѣю, что если все это сбудется, то онъ осчастливитъ его вмѣстѣ съ его родственниками, и даже сдѣлаетъ его вторымъ лицомъ послѣ царя. Чародѣй еще разъ палъ предъ принцемъ ницъ и поднесъ ему большіе подарки для того, чтобъ принцъ помнилъ о немъ впослѣдствіи, по достиженіи предсказаннаго величія.

Въ другихъ сказаніяхъ этотъ эпизодъ не встрѣчается, развѣ только допустить предположеніе, что это передѣлка вышеупомянутаго разсказа Псевдо-Каллисѳена о случаѣ съ птичьимъ яйцомъ, который толкуетъ прорицатель Антифонтъ еще до рожденія Александра. Такое же желаніе, чтобъ Александръ, по восшествіи на престолъ и достиженіи имъ предусматриваемаго величія, облагодѣтельствовалъ своего учителя, выражаетъ Аристотель въ новогреческихъ и славянскихъ сказаніяхъ *.

§ 5.

Достигнувъ глубокой старости, Филиппъ заболѣваетъ предсмертною болѣзнью и посылаетъ собрать всѣхъ египетскихъ волхвовъ и мудрецовъ, прося ихъ сообщать ему сущую правду о томъ, кто наследуетъ его престолъ. Всѣ они просятъ срока для отвѣта до слѣдующаго дня, на что царь соглашается. На слѣдующій день

* См. А. Н. Веселовскаго: Къ исторіи романа и повѣсти, стр. 150, 154.

всѣ волхвы египетскіе, мудрецы и астрологи единогласно заявляютъ, что принцъ Александръ будетъ его единственнымъ наследникомъ, что далеко превзойдетъ онъ самого Филиппа могуществомъ и что всѣ его предпріятія увѣнчаются блистательнымъ успѣхомъ. Узнавъ это, Филиппъ сталъ весьма печаленъ и премного плакалъ, такъ какъ никому изъ его многочисленныхъ законныхъ сыновей не достанется царство, а на его престолъ возсядетъ рожденный не отъ него Александръ. Не смотря на это, умирающій царь созываетъ всѣхъ своихъ сыновей и провозноситъ имъ длинную рѣчь, въ которой настоятельно совѣтуетъ имъ вполне подчиняться Александру и не дѣлать никакихъ попытокъ къ сохраненію своей независимости и не возставать противъ его власти, такъ какъ всѣ подобныя попытки и начинанія совершенно тщетны и напрасны и могутъ только навлечь на нихъ неисчислимыя бѣдствія, потому что всѣ мудрецы объявили о томъ, что только одному Александру царствовать. Помните, — сказалъ Филиппъ въ концѣ своей завѣщательной рѣчи, — что господство и власть въ рукахъ Царя всѣхъ царей, который даетъ и отнимаетъ царства и всѣмъ распоряжается по своей волѣ. По произнесеніи своей завѣщательной рѣчи Филиппъ кончается въ глубокой старости, 93 лѣтъ отъ роду; его хоронятъ съ великими почестями, и надъ его могилой сооружаютъ великолѣпный мавзолей. Затѣмъ, сыновья Филиппа, по смерти своего отца, вопреки его завѣщанію, строятъ козни противъ Александра и намѣреваются отравить его ядомъ. Но Александръ узнаетъ объ этомъ и держитъ къ своимъ братьямъ увѣщательную рѣчь, въ которой дѣлаетъ имъ внушеніе и упрекаетъ ихъ за желаніе пролить невинную кровь и сопротивленіе небесному опредѣленію и завѣщанію отца, по которымъ царскій престолъ назначенъ одному ему. Увидѣвъ, что тайна ихъ открыта, братья понимаютъ всю тщету своего сопротивленія и выгодность добровольнаго подчиненія власти сильнаго брата, и на совѣщаніи между собою рѣшаютъ объявить публично, что Александръ назначается царемъ. Для сего они созываютъ всѣхъ сановниковъ государства, волхвовъ, мудрецовъ и звѣздочетовъ и говорятъ имъ, чтобъ они не медлили больше избраніемъ Александра царемъ согласно завѣщанію покойнаго царя и по волѣ Божіей, объявленной мудрецами и звѣздочетами. Всѣ сановники

соглашаются съ этимъ и говорятъ, что они до сихъ поръ медлили только потому, что боялись препятствій со стороны принцевъ, а такъ какъ тѣ не мѣшаютъ, то они очень рады. Вслѣдствіе чего собираются всѣ сановники и весь народъ и торжественно провозглашаютъ Александра царемъ.

По Псевдо-Каллисѳену и другимъ сказаніямъ Филиппъ спрашиваетъ Дельфійскій оракулъ.* (или обращается къ богамъ) о назначеніи престолонаслѣдника. Не знаемъ, гдѣ авторъ нашего сказанія взялъ ложное извѣстіе, что Филиппъ жилъ 93 года, на самомъ дѣлѣ онъ жилъ только 54 года, съ 382 по 336 до Р. Х.

Разказа объ отношеніяхъ братьевъ къ Александру не имѣется въ другихъ вариантахъ сказанія. Этотъ разказъ напоминаетъ библейскіе разказы о Іосифѣ съ братьями (Бытіе L, 15—21) и Ифтахъ (Иефеаѣ) съ братьями (Судьи XI, 2—11). Вообще вся эта глава: рѣчь Филиппа къ сыновьямъ, внушеніе Александра братьямъ и совѣщаніе послѣднихъ между собою, носятъ еврейскій отпечатокъ и испещрены библейскими и побиблейскими еврейскими изреченіями. Нашъ авторъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ легендарныхъ разказахъ, на время совсѣмъ забываетъ о томъ, что рѣчь у него идетъ о язычникахъ, о которыхъ нельзя предполагать, что они такъ твердо знали библію (что они были *bibelfest*—какъ говорятъ нѣмцы), и какъ ни сокращенъ у него штатъ языческихъ боговъ и храмовъ**, и тѣ и другіе все же таки фигурируютъ въ его разказѣ***. Впрочемъ, нѣкоторыя аналогіи представляютъ въ этомъ отношеніи сказаніе Псевдо-Каллисѳена (преимущественно текстъ С.), арабскіе писатели и средневѣковные западные поэты. Въ настоящемъ случаѣ можно указать на предсмертную рѣчь Филиппа, обращеніе Александра къ народу и отвѣтъ послѣдняго, какъ они очерчены арабскимъ писателемъ Абуль-

* См. Горіоняда, II, 13, стр. 106; Левк, стр. 5; Гастера, стр. 36.

** Наше сказаніе совсѣмъ умалчиваетъ объ Аммонѣ, Сераписѣ, Діанѣ, Ираклѣ и ихъ храмахъ, занимающихъ такое видное мѣсто въ другихъ версияхъ сказанія.

*** Кромя загадочнаго египетскаго *Ризунія*, ниже (§ 15) говорится еще о богѣ *Ацилинг* (по всей вѣроятности—*Аполлонъ*) и его храмѣ, равно какъ объ идолахъ вообще.

Вефа-Мобешширъ - Ибнъ - Фатикомъ *, писавшимъ въ половинѣ XI столѣтія.

§ 6.

По воцареніи своемъ, Александръ изготовляетъ колесницы, формируетъ конницу и дѣйствуетъ весьма успѣшно во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Затѣмъ царь говоритъ матери своей, что если ей это понравится и если она одобритъ, то онъ построитъ новый храмъ ихъ богу *Риунія*. Но мать ему говоритъ, чтобъ онъ не думалъ расточать сокровища, накопленныя предками, на это дѣло, а пусть лучше провозгласитъ по всему своему государству, чтобы всѣ подданные, начиная съ 30-лѣтняго возраста, явились къ нему; изъ нихъ пусть образуетъ многочисленное войско и отправится во главѣ этого войска въ походъ противъ всѣхъ другихъ государствъ для того, чтобъ покорить ихъ своей власти. «Мужайся и будь храбръ,—сказала она,—чтобъ вести войны во время твоей молодости, и тебѣ будетъ хорошо на старости лѣтъ». Александру весьма понравился совѣтъ матери, ибо онъ не зналъ, что она имѣетъ при этомъ заднюю мысль, такъ какъ она желала, чтобъ онъ попалъ въ руки непріятелей и погибъ, а престолъ достался бы въ такомъ случаѣ ея старшему законному сыну отъ Филиппа. Царь собираетъ всѣхъ полководцевъ своихъ и совѣщается съ ними объ этомъ дѣлѣ, и всѣ они одобряютъ совѣтъ царицы-матери, такъ какъ она заранѣе склонила ихъ всѣхъ тайнымъ образомъ на свою сторону. Такимъ образомъ окончательно рѣшено отправиться въ походъ.

У Псевдо-Каллисена Александръ, по смерти Филиппа, держитъ рѣчь къ македонянамъ и грекамъ и старается возбудить въ нихъ желаніе свергнуть его персидскаго царя и побуждаетъ даже стариковъ-ветерановъ, желавшихъ было отдыхать дома на старости лѣтъ, присоединиться къ войску **. Нашъ же авторъ совершенно обезличиваетъ своего героя и представляетъ его вездѣ дѣйствующимъ

* Knust, Vocados de Oro, p. 279 seq., 420 seq.

** Изъ еврейскихъ источниковъ см. Горіонда, II, 14, стр. 112—113 (по изд. Брейтгаушта); Levi, Sammelband, p. 7—8, 56.

щимъ по совѣту другихъ, или же въ качествѣ безсознательнаго исполнителя предначертаннаго свыше, безъ собственной инициативы и энергіи. Все это совсѣмъ не идетъ, конечно, къ характеристикѣ такого героя, какъ Александръ Македонскій, и обнаруживаетъ въ составителѣ нашего сказанія поздно-восточное фаталистическое мировоззрѣніе.

Не смотря на предсказаніе Вильдада и еще другого чародѣя, равно какъ и повивальной бабки о всемірномъ владичествѣ Александра, чему мать каждый разъ весьма радуется (выше §§ 2—4), и вопреки такому же предсказанію волхвовъ и звѣздочетовъ (§ 5)—мать его, по представленію нашего автора, все-таки желаетъ его смерти и надѣется, что онъ скоро погибнетъ и что престолъ достанется другому сыну. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій и бессмысленныхъ непоследовательностей, предъ которыми не отступаютъ легендарные рассказчики вообще и нашъ въ особенности. Мотивомъ же такого желанія со стороны матери служить опять-таки незаконное рожденіе Александра, ср. выше (§ 3).

§ 7.

Александръ дѣлаетъ распоряженіе о сборѣ всего войска, изготовляетъ себѣ множество желѣзныхъ колесницъ, становится во главѣ войска съ знаменемъ въ рукахъ и отправляется въ походъ, а всѣ слѣдуютъ за нимъ. Они прибываютъ въ громадный лѣсъ, въ которомъ странствуютъ 29 дней, пока въ вечернее время достигаютъ великой и высокой горы, на которой находится громадное и величольпное зданіе. На вызовъ царемъ охотниковъ подняться вмѣстѣ съ нимъ на вершину горы—откликаются 200 челоуѣкъ изъ войска. Поднявшись на вершину горы, они находятъ тамъ весьма высокія и широкія ворота, предъ которыми сидитъ одинъ старецъ. Увидя Александра, этотъ старецъ бѣжитъ ему на встрѣчу и намѣревается обнять и поцѣловать его, но провожатые царя скватываютъ старца и не допускаютъ его дотронуться до царя. Старецъ спрашиваетъ ихъ: «Почему вы не позволяете мнѣ обнять и облобызать моего государя и царя Александра?» Провожатые удивляются, откуда ему извѣстно имя царя, и спрашиваютъ объ этомъ старца. Тотъ отвѣчаетъ, что имя и портретъ

царя Александра изображены здѣсь въ рамѣ, и что онъ, старецъ, уже многіе годы сидитъ на этой горѣ и охраняетъ этотъ крѣпкій замокъ для цара. Провожатые спрашиваютъ старца, какъ это онъ можетъ одинъ охранять замокъ, если они, въ количествѣ всего нѣсколькихъ человѣкъ могли ему воспрепятствовать приблизиться къ царю. На что старецъ гнѣвно имъ отвѣчаетъ: «Вы думаете что вы меня побѣдили?—знайте же, что еслибъ не боязнъ предъ царемъ, то я бы вамъ показалъ, что вы ничего не значите противъ меня; только мнѣ приказано не дѣлать ничего противъ воли царя Александра». Провожатые убѣдительно его просятъ показать свою силу; старецъ проситъ на это позволеніе Александра, а когда царь разрѣшаетъ ему, то онъ поднимаетъ такой крикъ, что всѣ провожатые царя падаютъ ницъ на землю, и самъ царь вмѣстѣ съ ними, такъ что Александръ долженъ просить старца прекратить крикъ. Отъ дальнѣйшихъ доказательствъ храбрости, которыя старецъ хотѣлъ представить, Александръ благоразумно отказывается.

Затѣмъ старецъ предлагаетъ царю показать ему и всѣмъ его провожатымъ достопримѣчательности и великолѣпіе замка со всѣми его зданіями и ихъ содержаніемъ, такъ какъ все это отличается небывалой роскошью и чудесами. Александръ проситъ разрѣшеніе старца на то, чтобъ одинъ изъ его провожатыхъ сошелъ съ горы и пригласилъ бы одного изъ царскихъ писцовъ для описанія всего того, что имъ покажутъ. Старецъ соглашается, и по приказанію царя одинъ изъ его провожатыхъ спускается съ горы и приводитъ главнаго царскаго писца (канцлера), *серея Мемалема*, и всѣ они отправляются осматривать замокъ по указаніямъ старца. Первая зала замка, въ которую они вступили, оказалась выстроенною изъ краснаго стекла (хрустала); она чрезвычайно высока и просторна, въ ней находятся 95 оконъ (или шкаповъ), въ каждомъ изъ нихъ находятся всякаго рода птицы, чистыя и нечистыя, и пѣніе ихъ производитъ страшный шумъ, который слышенъ издали, но на верхнемъ окнѣ сидитъ старый негръ, который усмиряетъ ихъ однимъ взмахомъ платка. Изъ этой залы царь и его провожатые перешли въ другую, построенную изъ зеленаго (или желтаго) стекла, гдѣ лежатъ всевозможныя звѣри, чистые и нечистые. Между ними нашлось одно животное, весьма странное на видъ, именно такое: все тѣло его гладко, безъ единого волоса,

ноги длинныя, лицо птичье, глаза большіе и широкіе—двухъ локтей, высота животнаго 5 локтей, хвостъ чрезвычайно зеленъ (или желтъ)—около 3-хъ локтей длинны, а зуби—1½ локтя. Когда царь выразилъ удивленіе по поводу этого животнаго, то старецъ замѣтилъ ему, что онъ можетъ показать еще большее диво, причѣмъ онъ влгаетъ въ ротъ этого животнаго какую-то траву, вслѣдствіе чего изъ утробы животнаго выскакиваетъ другое странное животное, все покрытое бѣлыми волосами, обладающее человѣческимъ голосомъ и зелеными (или желтыми) зубами. Старецъ замѣтилъ при этомъ, что волосы этого животнаго имѣютъ то чудесное свойство, что доставляютъ носящему ихъ при себѣ во время сраженія побѣду надъ неприятелями. Царь не повѣрилъ этому и скептически засмѣялся, за что старецъ ужасно разсердился и даже началъ угрожать царю, такъ что послѣднему пришлось просить прощенія у старца и смягчить его гнѣвъ. Затѣмъ царь проситъ показать ему дальнѣйшія достопримѣчательности вавка, и старецъ вводитъ его въ великолѣпную залу изъ красного мрамора, наполненную всякаго рода ароматами, отъ вѣянія и запаха коихъ у царя прибавилось много силы и крѣпости, чѣмъ онъ былъ приятно удивленъ. И поднявъ царь глаза свои и увидѣвъ красивый мраморный камень, въ которомъ помѣщенъ сосудъ изъ красного стекла, и на его вопросъ о содержаніи этого сосуда, старецъ даетъ объясненіе, что это *елей-бальсамоу* (бальзамъ), привезенный изъ *пальмоваго города Иерихона*. И опять поднявъ царь глаза свои и увидѣвъ сооруженную изъ зеленого (или желтаго) мрамора царскую гробницу, и на его вопросъ объ имени похороненнаго здѣсь покойника, старецъ объясняетъ, что это тѣло царя *Алтинуса*, помазанное *елеемъ-бальзамомъ* и находящееся въ нетлѣнномъ состояніи. Александръ спросилъ у старца, сколько лѣтъ прошло уже со времени погребенія царя Алтинуса?—Старецъ, прочитавъ находящуюся на камнѣ надгробную надпись, объясняетъ, что 285 лѣтъ. Затѣмъ Александръ убѣдительно проситъ старца показать ему тѣло Алтинуса, для того, чтобъ убѣдиться въ томъ, что оно въ нетлѣнномъ состояніи, на что старецъ изъявляетъ согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ царя: никоимъ образомъ не дотрогиваться до означеннаго тѣла въ томъ случаѣ, если онъ въ прошлую ночь имѣлъ связь съ женщиной. То же предосте-

реженіе повторяетъ онъ всѣмъ провожатымъ царя. Александръ говоритъ, что онъ чистъ, но это было неправда; и старецъ повторилъ предостереженіе, что кто дотронется до нетлѣннаго тѣла (въ нечистомъ состояніи), тотъ заплатитъ за это жизнью. Затѣмъ старецъ снимаетъ верхній камень (крышу) съ мраморнаго гроба, поднимаетъ покровъ съ тѣла покойника, и царь и его провожатые выражаютъ свое удивленіе по поводу нетлѣннаго состоянія тѣла. Александръ проситъ разрѣшенія старца дотронуться до покойника, старецъ же не разрѣшаетъ; но слово отказа еще на устахъ старца, какъ царь быстро подходитъ къ покойнику, дотрогивается до него—и падаетъ навзадъ, видъ его страшно измѣняется, и изъ него выступаетъ обильный потъ. Увидя это, всѣ провожатые царя сильно заплакали, пали всѣ ницъ предъ старцемъ и начали умолять его объяснить имъ, чтò такое случилось съ ихъ царемъ. На это старецъ отвѣтилъ, что онъ предостерегалъ же всѣхъ не дотрогиваться до тѣла покойника и предупредилъ объ опасности несоблюденія сего условія. Но провожатые подняли великій плачь и умоляли старца о спасеніи Александра. Старецъ имъ говоритъ, что еслибъ онъ не имѣлъ жалости къ нимъ, то не сталъ бы заниматься больше ихъ царемъ, а теперь пусть смотрятъ, что онъ съ нимъ сдѣлаетъ. Они отвѣтили, что готовы исполнять всѣ приказанія старца, лишь бы онъ спасъ ихъ любимаго царя. Старецъ ихъ утѣшаетъ, что онъ надѣется на исцѣленіе царя; онъ приноситъ черный рогъ, наполняетъ его горячими углями, подноситъ его ко лбу царя, который тотчасъ встаетъ на ноги, на радость всѣхъ. Но оказывается, что исцѣленіе далеко не полно, ибо Александръ не въ состояніи произнести ни единого слова: радость всѣхъ превращается въ печаль, и они снова заплакали. Но старецъ вторично утѣшаетъ ихъ, и на этотъ разъ исцѣленіе полное: онъ беретъ какую-то траву, кладетъ ее въ лѣвое ухо Александра, который послѣ этого открываетъ ротъ и заговариваетъ съ провожатыми, причѣмъ радость ихъ не знаетъ границъ. На вопросъ старца Александру, какъ это онъ не побоялся дотронуться до тѣла Алтинуса, не смотря на предостереженіе, и почему онъ сказалъ неправду относительно условія, при которомъ можно было безопасно сдѣлать это?—царь отвѣчаетъ: «что я могу сказать?—въ устахъ глунаго его погибель». Затѣмъ Александръ проситъ

старца измѣрить тѣло Алтисуса; тотъ исполняетъ его просьбу и по измѣреніи этого тѣла оно оказывается величиной 90 локтей, чему Александръ и его дружина не мало удивляются, послѣ чего тѣло и гробъ опять закрываются старцемъ.

Затѣмъ старецъ предлагаетъ царю повести его въ одну залу, гдѣ онъ увидитъ «нѣчто милое для его глазъ». Они только вдвоемъ входятъ въ залу, гдѣ находится дѣвица такой значительной красоты, что сердце царя такъ и обмерло, а лицо его измѣнилось въ различныя краски (!). Старецъ спрашиваетъ Александра о причинѣ его испуга, и царь сознается, что сердце его надломлено (!) по причинѣ красоты дѣвицы. Тогда старецъ предлагаетъ ему присягнуть, что онъ женится на ней, а не возьметъ ее въ наложницы, и тогда онъ получитъ красавицу. Александръ съ радостью соглашается на это и клянется старцу три раза (!); онъ получаетъ красавицу изъ рукъ старца и приводитъ ее въ свою палатку. Вслѣдствіе чего царь приказываетъ нѣкоторымъ изъ своихъ служителей и воиновъ отвести первую жену домой, къ матери его въ Египетъ, для того, чтобъ она тамъ оставалась до его возвращенія. Посланцы прибыли въ Египетъ и рассказали царицѣ-матери о всемъ случившемся съ ея сыномъ, чему та очень обрадовалась и при этомъ подумала про себя: «Зачѣмъ мнѣ питать ненависть къ моему утробному сыну?—все равно: отъ мужа-ли царя онъ родился, или отъ другого (!); все же онъ мой сынъ, отъ котораго мнѣ столько чести». И царица-мать посылаетъ Александру въ подарокъ коня (т. е. Букефала; имя его упоминается ниже, § 15), которому по крѣпости и легкости бѣга нѣтъ равнаго во всемъ Египтѣ. Этого коня привели къ царю, который его испыталъ и нашелъ въ немъ всѣ желанныя качества, чему онъ былъ весьма радъ. Затѣмъ Александръ устраиваетъ великое пиршество для всѣхъ сановниковъ и слугъ своихъ, на которомъ онъ чрезвычайнымъ образомъ веселится со своей дружиной, вѣнчается съ вышеупомянутой красавицей, причѣмъ старецъ подноситъ ему въ подарокъ множество брилліантовъ и другихъ драгоценностей; царь прощается съ нимъ и выходитъ изъ замка, отправляясь въ дальнѣйшее странствованіе.

Какъ въ предыдущихъ §§ также и въ этомъ замѣтны яркіе слѣды позднѣйшаго восточнаго вліянія вообще и еврейскаго въ особенности, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Къ признакамъ послѣдняго рода относится главнымъ образомъ исключеніе изъ разсказа географическихъ наименованій: Фракія, Италия, Аѳины, Оивы, Тиръ и т. д., которыя мы встрѣчаемъ въ началѣ походовъ Александра по обыкновеннымъ вариантамъ сказанія *. При этомъ нашъ авторъ исключилъ даже два важнѣйшихъ момента въ исторической жизни Александра, а именно, походъ противъ Персіи и Индіи. Объ исключеніи древне-мѣологическихъ элементовъ изъ нашего варианта была уже рѣчь выше. Нашъ авторъ остался также послѣдовательнымъ въ изображеніи характера героя сказанія, который по его представленію выходитъ далеко не величественнымъ, а скорѣе испорченнымъ баловнемъ судьбы. Положительные же признаки еврейства замѣчаются какъ въ отдѣльныхъ понятіяхъ и выраженіяхъ **, такъ и въ существенныхъ чертахъ самаго сказанія, изъ коихъ важнѣйшая та, что главнымъ писцомъ или канцлеромъ Александра является *еврей Менахемъ*, съ которымъ мы встрѣчаемся еще ниже (§§ 16, 18, 25) и который не находится въ сказаніяхъ псевдокаллистоеновскаго типа. Въ переводѣ Самуила Ибнъ-Тиббона сочиненія Архипресвитера Льва *Historia de preliis* (по лондонской рукописи; см. Леви въ *Sammelband*, стр. 81; Гастера, стр. 54, 56) писецъ Александра названъ *Симеономъ*, и дѣйствительно въ латинскомъ текстѣ соч. Льва, по крайней мѣрѣ во многихъ редакціяхъ этого текста, секретарь царя названъ *Symeon Notarius* (см. ed. Zingerle, p. 261—262). Съ этимъ Симеономъ А. Н. Веселовскій весьма справедливо отождествляетъ *clerc Simon'a*, упо-

* Въ еврейскихъ источникахъ объ этихъ походахъ говорится: у Горіоніда-Юсиппона, кн. II, гл. 15 и слѣд. (стр. 114 и слѣд. изд. Брейтгаупта); Levi, *Sammelband*, p. 8 seq.; Гастеръ, стр. 37 и слѣд.

** Какъ, напр., выраженіе *железные колесницы* заимствовано изъ кн. Судей (гл. IV, ст. 3); *чистыя и нечистыя животныя и птицы*—ср. кн. Левитъ (гл. XI), Второзаконіе (гл. XIV); вставленіе *Іерихона* и прозваніе его *городомъ пальмъ*—ср. Второзаконіе (гл. XXXIV, ст. 3); *въ устахъ глухаго его погибель* (ср. Притчи Соломона, гл. X, ст. 14: *устахъ глухаго погнбелъ близка*); *милое для твоихъ глазъ*—ср. I кн. Царствъ (гл. XX, ст. 6) и проч.

мянутаго въ древне-французской поэмі, какъ автора жизнеописанія Александра *. Въ другихъ источникахъ ученый еврей Соломонъ (Salomon didascalus Judaeorum), или даже самъ царь Соломонъ (!) является составителемъ этого жизнеописанія **; упоминаются еще другія имена или, лучше, исваженія именъ, но имени *Менахемъ* мы нигдѣ, кромѣ нашего варианта, не встрѣчаемъ. Зато въ еврейской письменности человѣкъ по имени Менахемъ фигурируетъ въ качествѣ писца, хотя въ эпоху, гораздо позднѣе александровскаго времени, а именно во время завоеванія римлянами Иерусалима. Иосифъ Флавій рассказываетъ про одного еврея *Манней сына Лазаря* (Μανναῖος ὁ Λαζάρου), который перебѣжалъ изъ осажденнаго Иерусалима въ лагерь осаждавшихъ римлянъ, и по покореніи города Титъ довѣрилъ этому перебѣжчику одинъ городскія ворота, гдѣ онъ сосчиталъ количество покойниковъ, перевезенныхъ здѣсь ***. Иосифъ же называетъ этого же Маннея **** «весьма вѣрнымъ писцомъ изъ іерусалимскихъ писцовъ и т. д., по имени *Менахемъ-бенъ-Сарукъ*, предки котораго служили писцу Эздрѣ въ Вавилоніи». Нѣкоторые подозреваютъ Горіониду въ томъ, что онъ интерполировалъ здѣсь имя извѣстнаго еврейскаго лексикографа Менахема бенъ-Сарука, жившаго въ половинѣ X вѣка въ Испаніи; другіе же ученые считаютъ имя *Сарукъ* позднѣйшей вставкой испанскаго кописта въ книгу Иосифона *†. Какъ бы то ни было на счетъ этого послѣдняго пункта, существованіе еврейскаго писца по имени *Менахемъ* (въ эллинизированной формѣ у Флавія: *Манней* **†), по всей вѣроятности, не осталось безъ вліянія на составителя нашего варианта. Но главнымъ

* См. предварительную замѣтку этого ученаго къ статьѣ Гастера, стр. 13—14.

** Paul Meyer, I, 108, 119. II, 246—7, 298, 395.

*** Ios. Flavii, Bell. Iud. V, 13, 7 въ началѣ.

**** Горіонидъ, изд. Брейтгаунта, VI, 45, p. 807.

*† См. Zunz, Gottesdienstliche Vorträge der Juden, Berlin, 1832, стр. 154 прим. а.

**† Въ другомъ мѣстѣ Флавій даетъ болѣе точную транскрипцію этого еврейскаго имени, называя эссеянина Менахема, современника Ирода, Μανιημος, Μαπαemus); Antiq. Jud. XV, 10, 5. Въ другой транскрипціи то же самое имя передается по гречески Μναβίας и по кипрѣтски *Menasese* (Journal Asiatique 1887, I, 506)—смѣшеніе съ *Манассе*.

поводомъ къ появленію этого имени служило, какъ я старался обстоятельно доказать въ вышеупомянутой статьѣ (въ *Запискахъ акад. наукъ*), имя настоящаго секретаря Александра — *Евменъ* (Εὐμένης) *Кардійскій*. Это имя, прошедшее чрезъ длинную вереницу переводчиковъ и переписчиковъ сказочныхъ биографій македонскаго царя, было, съ одной стороны, искажено изъ *Eumenes* въ *Sytnenes*, *Syton*, *Salomon*, а съ другой — чрезъ отбрасываніе перваго слога *Eu* — въ *Menes* и (въ гебранзованной формѣ) *Менахемъ*.

Рассказъ о горѣ и храмѣ, вѣроятно, есть передѣлка рассказа о *Тафосири* и храмѣ *Сераниса* у Псевдо-Каллисоеена и зависящихъ отъ него авторовъ *, но передѣлка такого рода, что почти никакихъ слѣдовъ оригинала въ ней не осталось. Подробности о гробницѣ царя *Алтимуса* заимствованы нашимъ авторомъ изъ сказанія о гробѣ царя *Нина* (а по другимъ, вариантамъ: *Набомосора*, *Навоходоносора* или *Кира*) въ Персеполисѣ **. Имя *Алтимусъ* искажено, повидимому, изъ *Ал-Нинусъ* (съ арабскимъ указательнымъ членомъ). Но опять-таки подробнота эти передѣланы и переименованы авторомъ нашимъ до неузнаваемости. Искаженію *Нинуса* въ *Алтимусъ* содѣйствовало, быть можетъ, то обстоятельство, что царь *Латимусъ* также принадлежитъ легендѣ, которая дѣлаетъ изъ него сына Геркулеса (или Улисса) и тестя Энеева ***.

Неизвѣстно, гдѣ нашъ рассказчикъ заимствовалъ эпизодъ съ красавицей, на которой Александръ женится по настоянію старца. Если этотъ эпизодъ составляетъ подражаніе рассказу Псевдо-Каллисоеена и архипресвитера Льва о женитьбѣ Александра на дочери Дарія (*Роксани*), на что какъ бы указываетъ условіе старца сдѣлать красавицу настоящей женой, — условіе, напоминающее

* См. Левн, стр. 9 и 57; Гастера, стр. 38.

** Левн, стр. 24; Гастера, стр. 44; у Горіоннда этому эпизоду, повидимому, соотвѣтствуетъ рассказъ о гробницѣ *Каймана* или *Кемана* (II, 18, стр. 131) — *Альмина*?

*** Въ *Мидрашѣ* упоминается также царь *Латимусъ* или *Лутіанусъ* (*Берешитъ Рабба* § 83, *Ялкупъ Шимони* отдѣлъ *Ваишлахъ* § 140), въ которомъ комментаторъ р. Самуилъ Яфа готовъ видѣть того именно царя, съ котораго начался латинскій языкъ; въ дѣйствительности же рѣчь тамъ идетъ о римскомъ наместникѣ IV вѣка по Р. Х., по предположенію Я. Левн (*Heuhebr. Wörterbuch*, II, 482) — *Lucinius*.

предсмертное завѣщаніе Дарія Александру держать Роксану въ почетѣ *, то необходимо признать, что это подражаніе скорѣе—народія. Въ противоположность общему характеру средневѣковой еврейской письменности, часто нашъ авторъ охотно останавливается на изображеніи любовныхъ похиженій (см. §§ 1, 11, 15), и притомъ безъ всякихъ эстетическихъ и литературныхъ прикрасъ, въ чемъ нельзя не видѣть вліяніе поздно-восточное.

Отношенія всемогущаго старца къ Александру, сначала почтительныя и благосклонныя, затѣмъ же пренебрежительныя и чуть не враждебныя, съ примиреніемъ въ концѣ; описаніе внутренности таинственнаго храма и приключеній въ немъ съ героемъ; отсылка имъ старой жены при встрѣчѣ съ плѣннницей его красавицей; примиреніе съ нимъ матери и присылка ею въ даръ ему коня **— все это своеобразныя черты нашего варианта.

Представленная здѣсь часть неизвѣстнаго сказанія (приблизительно одна четверть цѣлаго) достаточна для того, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ этомъ своеобразномъ литературномъ произведеніи, которое носить вполне народный характеръ и совсѣмъ игнорируетъ ученныя сферы. Такого рода произведенія весьма рѣдки въ еврейской средневѣковой письменности.

А. Гаркави.

* См. Леви, стр. 25; Гастера, стр. 44; у Горіонида это пропущено.

** По другимъ сказаніямъ, Александръ получаетъ Вукефала еще въ Македоніи, при жизни Филиппа; ср. Горіонида II, 13, стр. 105—106; Леви, стр. 5; Гастера, стр. 36.

ЕВРЕИ-ФАБРИКАНТЫ И ФАБРИЧНЫЕ РАБОЧІЕ

И ОТЗЫВЫ О НИХЪ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦІИ.

Фабричная инспекція, какъ извѣстно, вызвана къ жизни сознаніемъ необходимости упорядоченія нѣкоторыхъ отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ, улучшенія положенія рабочихъ и санитарныхъ условій фабрикъ и надзора за исполненіемъ новыхъ законовъ о работѣ малолѣтнихъ и дѣтей. Отчеты гг. инспекторовъ даютъ полную картину внутренней жизни фабрики и взаимоотношеній составныхъ ея элементовъ—рабочихъ и работодателей.

Затрогивая такіе жизненные вопросы, гг. инспектора тѣхъ округовъ (виленскаго, кievскаго и харьковскаго), гдѣ евреи принимаютъ болѣе или менѣе видное участіе въ фабрично-заводской дѣятельности, не могли не обратить вниманія на эту группу фабрикантовъ, если не по дѣйствительнымъ ея характернымъ особенностямъ, то по непременно почему-то предполагаемымъ свойствамъ еврейства. Больше всего такихъ указаній находимъ мы въ отчетѣ фабричнаго инспектора виленскаго * округа д-ра В. И. Глодкова, на долю котораго, по его же словамъ, выпадъ районъ фабрикъ, гдѣ большинство владѣльцевъ евреи, гдѣ они «успѣли завоевать цѣлыя области и отрасли фабрично-заводской дѣятельности» и гдѣ контингентъ фабричныхъ рабочихъ евреевъ весьма значителенъ.

Нужно замѣтить, что фабричная инспекція, какъ учрежденіе молодое и притомъ вызванное къ жизни столь гуманными цѣлями, сразу стало на подобающую высоту и какъ по личному со-

* Въ составъ виленскаго округа входят губ.: Виленская, Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская, Ковенская и Курляндская.

ставу ея органовъ, такъ и по проявленной имъ дѣятельности и энергіи представляетъ собою явленіе весьма замѣчательное среди подобныхъ бюрократическихъ учреждений; поэтому показанія г. инспекторовъ заслуживаютъ особеннаго интереса. Такъ какъ въ отчетахъ приводятся свѣдѣнія только о тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыя уже были осмотрѣны неоднократно инспекторомъ, то данныя эти представляютъ собою источникъ, конечно, несравненно болѣе чистый и достовѣрный, чѣмъ показанія «нашихъ собственныхъ» корреспондентовъ или *soi-disant* «официальные данныя», сфабрикованныя въ редакціяхъ «Нов. Вр.» и комп.

Посмотримъ теперь, что же говорятъ эти мѣстные изслѣдователи фабричной жизни о фабрикантахъ-евреяхъ и ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ, а также и о рабочихъ-евреяхъ.

Одной изъ ближайшихъ задачъ фабричной инспекціи въ отчетномъ году было ознакомленіе фабрикантовъ и съ новыми правилами о малолѣтнихъ рабочихъ и введеніе этихъ правилъ въ дѣйствіе. Нѣкоторое враждебное отношеніе фабрикантовъ къ новымъ законамъ предугадывалось заранѣе, по опыту другихъ странъ; не было даже недостатка,—говоритъ главный фабричный инспекторъ,—въ явныхъ демонстраторахъ противъ этого нововведенія, которые свое недовольство вымещали на самихъ малолѣтнихъ рабочихъ, отказывая имъ совсѣмъ отъ работы. Объ отношеніи евреевъ къ этому гуманному нововведенію у инспекціи, какъ видно, заранѣе существовалъ далеко не лестный для послѣднихъ взглядъ, «по общеустановившемуся о нихъ мнѣнію», и г. инспекторъ, какъ видно, не мало былъ удивленъ тѣмъ, что «чувство любви къ дѣтямъ совсѣмъ не чуждо евреямъ и подъ влияніемъ его они способны поступиться даже матеріальными интересами», что выразилось тѣмъ, что, «сокративъ волей-неволей срокъ работы дѣтямъ моложе 15 лѣтъ до 8 часовъ, еврей-фабриканты, большей частью, сохранили ту же заработную плату, какую дѣти получали прежде при 10—12 часовой работѣ» (отч. фабричн. инспект. вилensk. окр., стр. 74). Далѣе г. инспекторъ, который почему-то «не могъ предполагать», что евреи, какъ и другіе фабриканты, просто не сразу уясняютъ себѣ смыслъ и цѣли новаго закона, заявляетъ, что «уразумѣвъ яснѣе сущность дѣла, евреи относятся къ закону совсѣмъ не такъ враждебно, какъ можно было предпо-

*лагать по общеустановившемуся о нихъ мнѣнію» (тамъ же). Далѣе, говоря объ отношеніи евреевъ-фабрикантовъ къ малолѣтнимъ рабочимъ, инспекторъ говоритъ: «на еврейскихъ фабрикахъ бросается въ глаза отсутствіе грубости и деспотизма въ обращеніи съ рабочими дѣтьми. Толчки, подзатыльники, волосотрепки и т. п. здѣсь совсѣмъ не въ обычаяхъ. Это подтверждаютъ и наблюденія ближайшихъ знатоковъ жизни на еврейскихъ фабрикахъ—гг. акцизныхъ чиновниковъ» (тамъ же). Кто знакомъ съ бытомъ евреевъ, тотъ можетъ подтвердить, что явленіе это совершенно вѣрно, не только по отношенію къ малолѣтнимъ рабочимъ, но и ко всѣмъ вообще рабочимъ; на еврейскихъ фабрикахъ почти совсѣмъ отсутствуетъ страшная фабричная дисциплина, здѣсь совсѣмъ нѣтъ, за весьма рѣдкими исключеніями, этого стоянія на вытяжку и ломанія шапки передъ фабричнымъ начальствомъ или хозяиномъ, да вообще отношенія эти менѣе осложнены, болѣе просты—мы ужъ не говоримъ про тотъ случай, когда и хозяинъ и рабочій еврей—тутъ ужъ отношенія (въ экономической сферѣ) подчасъ совсѣмъ упрощаются, принимаютъ чуть-ли не патріархальный характеръ, тутъ ужъ совсѣмъ какъ будто исчезаетъ пропасть, раздѣляющая этихъ представителей двухъ противоположныхъ соціальныхъ категорій. Мнѣ часто приходилось видѣть какъ еврей-рабочій чуть-ли не за руку тащить своего же хозяина-фабриканта или кого нибудь изъ взрослыхъ членовъ его семьи для пополненія необходимаго комплекта при совершеніи вечерней молитвы. Или, напримѣръ, по пріѣздѣ хозяина изъ дальняго пути, каждый рабочій счелъ бы неприличнымъ не совершить обряда подаванія *scholem-aleichem* и т. п.—Я не говорю, что такая патріархальность совсѣмъ исключаетъ возможность грубаго или жестокаго обращенія, а тѣмъ болѣе самаго страшнаго эксплуатированія, но она несомнѣнно уменьшаетъ степень вѣроятности таковыхъ. На еврейской фабрикѣ, какъ хозяинъ, такъ и администрація гораздо доступнѣе, и рабочій, безразлично—еврей-ли онъ или не еврей, всегда имѣетъ возможность, помимо низшихъ агентовъ, лично объясняться съ нимъ и такимъ образомъ часто устраняются многія недоразумѣнія. Этимъ объясняется тотъ фактъ, констатируемый фабричною инспекціей, что *«на неурядицы и притѣсненія при расчетахъ за работу на еврейскихъ фабрикахъ**

до инспекціи не доходило жалобъ со стороны рабочихъ, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ» (отч. фаб. инсп. вил. окр., стр. 75).

Санитарныя условія промышленныхъ заведеній нашего отечества вообще оставляютъ желать очень многого, и еврейскія фабрики, разумѣется, въ этомъ отношеніи не могутъ составлять исключенія, если принять во вниманіе крайнюю невѣжественность большей части владѣльцевъ и свойственную нашей массѣ нерашильность.

Далѣе, говоря о различнаго рода вспомогательныхъ учрежденій для рабочихъ, въ родѣ больничныхъ, сберегательныхъ, пенсіонныхъ и вдовихъ кассъ, инспекція констатируетъ печальный фактъ ихъ полного отсутствія на еврейскихъ фабрикахъ. Здѣсь только сказывается частный случай общаго явленія—отсутствіе у евреевъ сколько нибудь разумно-поставленныхъ учреждений самопомощи; евреи, какъ люди сострадательные, знаютъ только филантропію и то въ самой примитивной формѣ. Тѣ же фабриканты, которые въ обыкновенное время выказываютъ такое равнодушіе къ судьбѣ рабочаго класса, съ наступленіемъ кризиса или какого либо несчастія, принимаютъ очень дѣятельное участіе въ дѣлѣ облегченія участи рабочихъ, оставшихся безъ занятій. Я лично имѣлъ случай наблюдать такое явленіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время страшной безработицы въ одномъ промышленномъ центрѣ въ Гродненской губерніи: почти всѣ фабриканты, не смотря на то, что сами сильно пострадали отъ кризиса, участвовали въ складчинѣ для оказанія пособія оставшимся безъ дѣла рабочимъ. Отсутствіе правильно организованныхъ вспомогательныхъ учреждений для рабочихъ—фактъ весьма печальный и въ данномъ случаѣ упрека заслуживаютъ не рабочіе, которымъ безъ сторонней помощи трудно что нибудь сдѣлать, а хозяева-фабриканты, которые обязаны принять на себя инициативу въ этомъ благомъ дѣлѣ и также участвовать своими матеріальными средствами. Отметимъ здѣсь тѣ пріятныя исключенія въ этомъ отношеніи, на которыя указываетъ инспекція: 1) единственная еврейская ссудо-сберегательная касса существуетъ на табачной фабрикѣ Шерешевскаго, въ Гроднѣ; всѣ рабочіе и комисіонеры вносятъ одинъ % своего заработка, а владѣлецъ—150 рублей въ годъ; касса выдаетъ какъ безпроцентныя ссуды, такъ и вспомошествованія; 2)

табачный фабрикантъ Сендерзонъ, въ Динабургѣ, собираетъ фондъ больничной кассы и 3) г. Познанскій, въ Лодзи, устроилъ «прекрасное общежитіе», гдѣ за весьма недорогую цѣну рабочіе получаютъ очень удобныя квартиры; здѣсь же устроенъ пріемный покой.

Инспекція съ своей стороны не жалѣетъ усилій для убѣжденія промышленниковъ въ пользѣ и необходимости такихъ учреждений и, благодаря этимъ усиліямъ, вопросъ, по словамъ виленскаго инспектора, «оживился и озабочиваетъ даже евреевъ-фабрикантовъ». Остается выразить надежду, что и евреи горячо отзовутся на призывъ инспекціи и этимъ докажутъ, что имъ не чужды интересы трудящагося класса.

По вопросу объ участіи евреевъ въ промышленной дѣятельности края, не въ качествѣ владѣльцевъ или арендаторовъ фабрикъ и заводовъ, а въ качествѣ рабочихъ—въ отчетахъ гг. инспекторовъ прямыхъ указаній нѣтъ; въ рубрикахъ о рабочихъ—вѣроисповѣданіе не указано. Въ отчетѣ инспектора виленскаго фабричнаго округа приводится одно указаніе: «40% всѣхъ рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ округа — евреи» (стр. 8), что составитъ при приводимой тамъ же общей цифрѣ рабочихъ въ 31,000,—свыше 12,000 евреевъ-рабочихъ. Интересно сопоставленіе этого процента рабочихъ-евреевъ съ процентнымъ отношеніемъ еврейскаго населенія края; по даннымъ центрального статистическаго комитета (см. Евр. насел. и землевладѣніе, изд. центр. стат. ком.), процентъ еврейскаго населенія 6 губерній, входящихъ въ составъ виленскаго фабричнаго округа (исключая Курляндской, для которой не имѣется свѣдѣній), выразится въ слѣдующихъ числахъ: виленск.—14,8%, витебск.—12,9%, гроднен.—19,7%, ковенск.—19,0%, минск.—20,1% и могилевск.—18,1%, что даетъ въ среднемъ выводѣ для всего округа 17,4%. Сопоставленіе этихъ двухъ чиселъ: 17,4 и 40 говоритъ далеко не въ пользу «общеустановившагося мнѣнія», будто евреи не занимаютъ полезнымъ физическимъ трудомъ, и во вторыхъ, указываетъ на то, что если еврей-капиталисты дѣйствительно завоевали цѣлыя области промышленной дѣятельности края, то ужъ во всякомъ случаѣ не на счетъ прочаго населенія, а потому и кровью своихъ же обездоленныхъ братьевъ.

Касаясь вопроса о грамотности малолѣтнихъ рабочихъ, инспекція констатируетъ фактъ почти совершеннаго незнакомства малолѣтнихъ евреевъ-рабочихъ (въ западномъ краѣ) съ русской рѣчью и русскою грамотою. На всѣхъ осматрѣнныхъ заводахъ % еврейскихъ рабочихъ дѣтей, умѣющихъ читать по русски,—около 7 (для прочаго населенія % этотъ доходить до 27). Притомъ здѣсь тоже, какъ и въ вопросѣ о полезныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ, приходится указать на равнодушіе гг. фабрикантовъ-евреевъ къ положенію рабочаго; по крайней мѣрѣ въ спискѣ фабрикантовъ, устроившихъ школы или сдѣлавшихъ что нибудь для доставленія малолѣтнимъ рабочимъ возможности учиться, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ ни одного еврея. Введеніе обязательнаго обученія рабочихъ, по мнѣнію образованныхъ евреевъ,—говоритъ инспекторъ,—должно опасаться, встрѣтитъ упорное сопротивленіе самихъ ихъ родителей и опекуновъ, которые ставятъ выше всего ихъ дневной заработокъ. Бѣдность большинства еврейскихъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, дѣйствительно поразительна (отч., стр. 71).

Говоря о числѣ праздниковъ, отчеты указываютъ, что евреями-рабочими празднуется сравнительно небольшое число дней въ году: кромѣ субботнихъ дней, еврей-рабочіе отдыхаютъ еще 25 дней въ году, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, напр., въ типографіяхъ, гдѣ соблюдаются только болѣе важныя праздники, цифра эта понижается до 9.

Этимъ и ограничиваются тѣ, болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія объ общественно-бытовой сторонѣ жизни еврейскихъ фабрикъ и отчасти рабочихъ-евреевъ, которыя могли быть почерпнуты изъ отчетовъ фабричной инспекціи; что же касается собственно экономической стороны вопроса объ участіи евреевъ въ промышленно-заводской дѣятельности западнаго края, то объ этомъ инспекція отзывается вскользь такими, напр., фразами: «Настоящими представителями фабрично-заводской дѣятельности являются иностранцы или русскіе нѣмцы и русскіе подданные Моисеева закона», или далѣе: «Львиная доля на поприщѣ промышленной дѣятельности всего округа принадлежитъ неутомимымъ нашимъ соотечественникамъ Моисеева закона...» и т. п. Такія фразы, много говоря, быть можетъ, чувству, ничего не говорятъ уму—поэтому

объ этомъ интересномъ предметѣ мы надѣемся вскорѣ подѣлиться съ читателямъ кое-какими данными, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь одно весьма характерное замѣчаніе главнаго фабричнаго инспектора, указывающее насколько ложны попытки вводить въ сферу экономическихъ явленій чуждые ей элементы чувства симпатій и антипатій—племенныхъ, расовыхъ или религіозныхъ. Экономическія явленія регулируются исключительно экономическими факторами и желѣзнымъ закономъ спроса и предложенія. На стр. 60 и 61 (отч. главн. фабр. insp.) говоря о наймѣ рабочихъ, на подольскихъ сахарныхъ заводахъ, черезъ подрядчиковъ-поставщиковъ (которые въ этомъ районѣ главнымъ образомъ—евреи) и указывая на весьма непохвальные отношенія къ рабочимъ, какъ со стороны поставщиковъ, такъ и со стороны фабричной администраціи, состоящихъ преимущественно (поляки, нѣмцы и евреи) изъ лицъ иновѣрныхъ и иноплеменныхъ, массы рабочихъ православныхъ крестьянъ-великороссовъ, указывая далѣе на тяжелую, безъисходную каббалу, въ которую попадаютъ рабочіе, главный инспекторъ прибавляетъ: *«Положеніе это, и безъ того крайне ненормальное, не смягчается даже единствомъ религіи и происхожденія завѣдующихъ и рабочихъ,—единствомъ, какое существуетъ въ великорусскихъ губерніяхъ»*.

Зло, значить, кроется не въ тѣхъ или другихъ племенныхъ или религіозныхъ отношеніяхъ эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ, а гораздо глубже—въ самыхъ основахъ социальнo-экономическихъ отношеній.

М. Веллеръ.

ТЮРЕМНЫЕ ТИПЫ.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

III *.

Еврейскій староста смолкъ и, подобравъ быстрымъ движеніемъ ноги подъ себя, угрюмо опустилъ голову на колѣни. Остальные арестанты, которые еще не спали, сидѣли почти въ такой же позѣ. Воздухъ въ камерѣ, былъ до того затхлъ, что невозможно было дышать. Плъсень на стѣнахъ какъ будто растворилась и, разливаясь струйками, наполняла камеру запахомъ отвратительной сырости. Висѣвшая по срединѣ камеры лампа тускло мерцала и коптѣла. Башенные часы только что пробили двѣнадцать. «Ахъ, кабы день поскорѣе!»—подумалъ я. Лечь и заснуть было болѣе чѣмъ невозможно, а терзающее слухъ храпѣнье арестантовъ все болѣе и болѣе раздражало мои и безъ того разстроенные нервы. Роковой вопросъ: «что теперь дѣлать?» снова предсталъ предо мною во всемъ ужаснѣйшемъ своемъ безобразіи. Соскочивъ, какъ ужаленный, съ наръ, я быстро началъ ходить по узкому проходу, оставшемуся по срединѣ камеры между нарами, отъ дверей до противоположной имъ стѣны. Тускло мерцавшая лампа показалась мнѣ разноцвѣтнымъ огненнымъ кругомъ, то суживающимся, то снова расширяющимся. Въ ушахъ у меня шумѣло, какъ отъ гудѣнія цѣлой сотни церковныхъ колоколовъ, и я съ трудомъ держался на ногахъ. Остановившись у дверей, я рас-

* См. „Восходъ“, кн. VII—VIII.

крыль маленькое окошечко и, высунувши черезъ него носъ и ротъ, жадно вдыхалъ не столь зачумленный корридорный воздухъ.

Вдругъ счастливая мысль озарила меня: «Нельзя-ли побесѣдовать съ арестантскимъ старостой до разсвѣта?—спросилъ я себя.—Если маленькое замѣчаніе, клонившееся къ обвиненію «страдающей братіи», вызвало со стороны арестантскаго старосты такую длинную, оживленную и даже отчасти интересную защиту, продолжавшуюся отъ 9-ти до 12-ти часовъ, то нельзя-ли сказать ему еще кое-что на эту тему и доставить ему матеріалъ для продолженія только что прерванной бесѣды до утра? Время все-таки прошло бы не такъ по черепашьи, не такъ мучительно-медленно... Попробуемъ!»...

Усѣвшись снова на прежнемъ своемъ мѣстѣ, на нарахъ, я, послѣ непродолжительнаго раздумья, проговорилъ, какъ бы про себя:

— Пожалуй, этихъ малолѣтнихъ ворюшекъ дѣйствительно нельзя такъ строго судить. Если бы, вмѣсто тюрьмы, сажали ихъ въ какое нибудь ремесленное заведеніе, подъ попеченіемъ умнаго и честнаго директора, подъ руководствомъ искусныхъ учителей-мастеровъ, они, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, научались бы ремесламъ и не были бы вынуждены красть. Само же заведеніе могло бы существовать на собственныя средства, а не на средства матушки-казны, какъ тюрьма. Этихъ малолѣтнихъ, говорю я, винить нельзя, потому что ихъ сама тюрьма воспитываетъ ворами; но взрослые, что могутъ сказать взрослые въ свое оправданіе?..

— Уничтожьте маленькихъ — не будетъ и большихъ,—лаконически прервалъ меня еврейскій староста, не поднимая покоившейся на колѣнахъ головы.

— Совершенно вѣрно, — продолжалъ я, обрадовавшись видимому успѣху своего опыта;—но развѣ вы утверждаете, что всѣ присутствующіе въ камерѣ «страдающіе», еще сдѣлались ворами въ дѣтствѣ? Я не могу допустить, чтобы вы, напримѣръ, въ молодости также были... такимъ... какъ теперь. Насколько можно судить по вашему разговору, вы когда-то изучали

библию и даже талмудъ; когда же вы могли это учить, если не въ молодости?

При послѣднихъ моихъ словахъ собесѣдникъ мой, сидя, выпрямился и посмотрѣлъ на меня такъ грозно, какъ будто хотѣлъ пронзить меня взглядомъ. Верхняя его губа нервически вздрагивала, и мнѣ показалось, что онъ хочетъ мнѣ сказать что-то ужасно обидное. Но онъ ничего такого не сказалъ, а обведши тревожнымъ взглядомъ всю камеру и сидѣвшихъ возлѣ насъ полу-заспанныхъ арестантовъ, съ видимо-притворнымъ спокойствіемъ тихо проговорилъ:

— Хорошо, что всѣ почти спятъ, а то снова обидѣлись бы ужасно на васъ, а пожалуй, и на меня. Вы сбили меня съ толку, и я бесѣдную съ вами, не какъ арестантскій староста. Но какъ мнѣ это ни тяжело, я однако же постараюсь доказать вамъ, что никто не дѣлается отъявленнымъ воромъ ради удовольствія. Каждого изъ насъ чтонибудь или ктонибудь толкнулъ на этотъ гибельный путь противъ нашей воли, и нѣтъ возможности спастись. Познакомьтесь поближе съ этими арестантами, узнайте причины ихъ паденія, и вы увидите, что эти причины неизбежны, какъ само время, фатальны, какъ смерть. Я съ своей стороны расскажу вамъ, какимъ образомъ приходится мнѣ самому коротать свой вѣкъ въ тюрьмахъ.

Еврейскій староста снова опустилъ голову на колѣни, какъ бы для того, чтобы собраться съ мыслями, и настала пауза...

Вопреки всѣмъ законамъ архитектоники, которыхъ обыкновенно придерживаются при постройкѣ разсказа, я воспользуюсь этой кратковременною паузой, чтобы оговориться передъ читателемъ по поводу одного очень важнаго для меня обстоятельства. Дѣло въ томъ, что разсказъ моего собесѣдника, какъ вообще вся его рѣчь, до того былъ переплетенъ и изукрашенъ библейскими стихами и талмудическими поговорками, съ одной стороны, и непонятными для меня терминами изъ тюремнаго лексикона—съ другой, что передать его въ точности становится для меня рѣшительно невозможнымъ. Я вынужденъ, поэтому,

воспроизвести снова весь его рассказъ, и надѣюсь, что благосклонный читатель не будетъ за это въ претензиі.

— Я родился въ мѣстечкѣ Х., отстоящемъ отсюда всего на нѣсколько верстъ, — началъ еврейскій староста послѣ краткаго молчанія. — Отецъ мой, занимавшій въ мѣстечкѣ должность си-нагогальнаго кантора, и мать моя, добрая, молодая женщина, во мнѣ души не чаяли. Всего было у нихъ двое дѣтей: я и сестра моя, старше меня на два года. Желая осчастливить своего сына, родители посвятили меня занятію, единственно способному, по ихъ понятію, дать человѣку счастье, а именно — изученію священной торы, «въ правой рукѣ которой — долгоденствіе, а въ лѣвой — богатство и слава». Достигши 13-ти лѣтняго возраста, т. е. «Баръ-Мицва», когда еврей, одѣвая въ первый разъ «тефилинъ» при молитвѣ, снимаетъ, по еврейскому вѣрованію, отвѣтственность съ родителей и самъ ужъ долженъ отдавать отчетъ передъ Богомъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, я произнесъ хитро-сплетенный талмудическій рефератъ, на которомъ присутствовали не только всѣ благовѣрные жители нашего мѣстечка, но и два или три раввина ближайшихъ городковъ. Какъ ни старались ученые раввины запутать меня своими тонкими вопросами — имъ это не удалось. Видя ученость своего сына, родители мои сіяли отъ радости и до того расщедрились, что задали гостямъ роскошнѣйшій обѣдъ, ужъ совсѣмъ не гармонировавшій съ ихъ средствами. Бѣдные родители! Они не знали, какой ударъ ожидалъ ихъ, не предвидѣли, что всего лишь черезъ нѣсколько дней они должны будутъ лишиться любимаго своего сына.

Разъ ночью, черезъ нѣсколько дней послѣ празднованія дня моего рожденія, къ намъ въ домъ ворвалось нѣсколько человѣкъ и не обращая никакого вниманія ни на мольбы отца, ни на отчаянные вопли и слезы матери, силою увезли меня съ собою. Спустя нѣкоторое время, я, облеченный въ солдатскую шинель, былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими подобными мнѣ жертвами, въ одну изъ внутреннихъ губерній, для поступленія въ батальонъ кантонистовъ.

Вмѣстѣ со мною увезли изъ нашего мѣстечка еще одного

мальчика, старше меня на три года. Онъ иглъ четырехъ братьевъ и слылъ въ мѣстечкѣ ужаснѣйшимъ шалуномъ и повѣсой.

Я не стану описывать вамъ, каково было послѣднее наше свиданіе съ родителями. Вы сами можете себѣ представить, какъ терзались наши груди, когда изъ нихъ вырвалось послѣднее «прости».

Спустя два года, я былъ переименованъ въ Петра Павловича, а товарищъ мой—въ Александра Матвѣевича, и по книгамъ мы считались уже православными. Товарищъ мой, успѣвшій за это время забыть и родителей своихъ, и все родное, оказался воспріимчивѣе меня къ новому учению. Я съ тѣхъ поръ очень мало съ нимъ встрѣчался, развѣ только въ послѣднее время... Недавно онъ занималъ должность полицейскаго предсѣдателя въ уѣздномъ городѣ N.; теперь же онъ состоитъ смотрителемъ тюремнаго замка... у насъ, въ Б.

— Какъ?! — съ удивленіемъ спросилъ я:—неужели нашъ смотритель—бывшій вашъ товарищъ?

При этомъ вопросѣ сидѣвшіе возлѣ насъ три арестанта и христіанскій староста, которые не то спали, не то бодрствовали, какъ бы встрепенулись и съ любопытствомъ посмотрѣли на рассказчика.

— Я дѣйствительно удивлялся, — началъ одинъ, — отчего онъ такъ охотно прислушивается, когда мы по субботамъ и праздникамъ молимся; какъ будто понимаетъ кое-что.

— А въ Судный день онъ въ нашей камерѣ самъ поставилъ свѣчки предъ амвономъ,—сказалъ другой.

— А въ праздникъ Пуримъ онъ, по собственной инициативѣ, написалъ къ здѣшнему купцу, еврею В., чтобы тотъ прислалъ чтеца въ тюрьму. Когда чтець явился, онъ собралъ всѣхъ арестантовъ-евреевъ на корридоръ и вмѣстѣ съ ними прослушала чтеніе мегилы «Эсеиръ» до конца—рассказалъ третій.

— И даже безпощадно билъ Гамана,—сострилъ первый.

— Eh, Monsieur le Смотритель!—патетически крикнулъ христіанскій староста, широко зѣвнувъ:—Vous-êtes juif! c'est bien, ей-Богу хорошо! Ça me fait plaisir!. Пробормотавъ это, христіанскій староста растянулся во весь ростъ на тюфякѣ, и спу-

стя двѣ минуты, послышалось уже сильно храпѣнье, сопровождаемое громкими возгласами, въ родѣ: *Oui, Monsieur, je vous prie... c'est ça... parbleu!* и т. п.

— Да, конечно, это онъ самъ, — продолжалъ еврейскій староста, послѣ того, какъ всѣ замолчали; — я даже полагаю, что и онъ меня узналъ. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что, когда онъ искоса взглянетъ иногда на меня, старческое лицо его принимаетъ чрезвычайно грустное выраженіе. Онъ, видите-ли, зналъ меня въ дѣтствѣ и помнить, что у меня не было наклонности къ тому образу жизни, который я веду теперь. Онъ помнить, какъ сильно было во мнѣ религиозное чувство, какъ велика была моя привязанность къ бѣднымъ моимъ родителямъ и сколько я изъ-за нихъ страдалъ. Да, онъ чувствуетъ, по всей вѣроятности, что я не по своей волѣ сдѣлался такимъ...

До крещенія меня сѣкли за то, что я не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія спастись; послѣ крещенія меня снова кормили березовой кашей за то, что, вспоминая иногда о бѣдныхъ своихъ родителяхъ, бывало, прижмусь гдѣнибудь въ углу и со слезами на глазахъ усердно молюсь, не дѣлая знаменія креста... Случалось, что меня часто накрывали на мѣстѣ преступленія, когда я стоялъ въ шапкѣ и молился, и доносили объ этомъ ротному. А ротный нашъ былъ человекъ крутого нрава и здорово умѣлъ сѣчь; но за то никогда не доводилъ дѣла до свѣдѣнія высшаго начальства и лучше справлялся самъ. Онъ, бывало, и заставлялъ меня расплачиваться за грѣхи...

Однажды, черезъ нѣсколько дней послѣ такой экзекуціи, меня откомандировали, по служебной надобности, въ городъ, отстоявшій отъ нашихъ казармъ всего на нѣсколько верстъ. Мнѣ тогда было уже 19 лѣтъ. Чувствуя еще жгучую боль во всѣхъ частяхъ тѣла отъ недавно полученныхъ ударовъ, я очень много думалъ о горькой своей долѣ, о бѣдныхъ своихъ родителяхъ, о сестрѣ, которыхъ я никогда уже не увижу, и горько плакалъ. Исполнивъ порученіе, я отправился-было обратно, но, углубленный въ мрачныя думы не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, куда я собственно иду, и безсознательно

бродить по разным улицам небольшого города. Стало уже смеркаться, когда я очутился на одной из крайних улиц города, поразившей меня своей безлюдностью, и тут только я спохватился, что иду неправильно. Ускорив шаги, я направился къ выходу из этой улицы. Какъ вдругъ я былъ пораженъ сильными и пріятными звуками чрезвычайно знакомаго мнѣ мотива, который я часто слыхалъ въ домѣ моихъ родителей. Звуки долетали до меня изъ задняго зданія одного двора. Я невольно остановился, какъ прикованный, и слушалъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ заунывныхъ, безконечно-печальныхъ еврейскихъ мотивовъ, которые напоминаютъ звуки страшной грозы, что, промчавшись вихремъ по необозримымъ степямъ, по дѣвственнымъ лѣсамъ, по пахучимъ кустамъ розъ и фіалокъ, реветъ, бушуетъ, стонетъ и раздражается сильными порывами надъ развалинами когда-то великолѣпныхъ древнихъ храмовъ, надъ каменными плитами могилъ,—одинъ изъ тѣхъ мотивовъ, которые, возбуждая безотчетную, томительно-пріятную тоску, такъ много говорятъ сердцу еврея, гдѣ и когда бы онъ ихъ не услышалъ. Кто, обладая музыкальною душою, разъ въ жизни, прослушалъ одну изъ этихъ мелодій, тотъ не такъ скоро забудетъ ее. Она преслѣдуетъ его повсюду, повторяется ему во снѣ, какъ прощальное слово горячо-любимой подруги, которую ты вынужденъ покинуть, какъ послѣднее благословеніе нѣжной матери, которую давно уже взяла могила. Это была мелодія одуряющая, монотонная, какъ египетская пустыня, болтливо-рѣзвая, нѣжная и милая какъ Суламить, воспѣтая Соломономъ, и опять-таки бурная какъ море и величественная какъ кристалльно-лазурныя волны Іордана.

Весьма возможно, что она показалась мнѣ такою чудесною потому лишь, что я ее почти уже семь лѣтъ не слышалъ, и она воскресила теперь въ моей памяти родительскій домъ, мое дѣтство, всю мою жизнь, полную страданій, мытарствъ и униженій, до того момента, о которомъ я рассказываю; весьма возможно, говорю я, что эта мелодія такъ глубоко запала мнѣ въ душу потому лишь, что напомнила мнѣ, что у моихъ соплеменниковъ сегодня судный день: отецъ мой хотя не обладаетъ такимъ благозвучнымъ речитативомъ и бѣглой,

пріятной колоратурой, какъ тотъ, который поетъ адъсь, но онъ, какъ канторъ, все-таки стоитъ въ эту минуту окутанный «талисомъ», въ бѣломъ облаченіи и выпитой золотомъ ермолкѣ, предъ амвономъ и горячо, усердно молится, между тѣмъ, какъ я... Но какъ бы то ни было, я слушалъ долго, внимательно, съ замираніемъ сердца и затавивъ дыханье, и безотчетныя слезы катились безостановочно по щекамъ. Когда первый мотивъ кончился, начался другой, второму пришелъ на смѣну третій, а я все стоялъ на своемъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый.

Когда я очнулся послѣ двухъ-трехъ часовъ отъ состоянія полного самозабвенія и припомнилъ, что въ казармѣ, быть можетъ, ждетъ меня новое наказаніе за опозданіе, злоба закипѣла во мнѣ, и я принялъ рѣшеніе, имѣвшее потомъ пагубное вліяніе на всю мою жизнь: я бѣжалъ...

Спустя два мѣсяца меня арестовали и этапнымъ порядкомъ препроводили въ полкъ.

Вы, господа, ни малѣйшаго представленія не имѣете о томъ, что значитъ «сквозь строй?»—продолжалъ еврейскій староста, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ насъ арестантамъ.—Многіе изъ васъ, арестантовъ, побывали въ арестантскихъ ротахъ, гдѣ изрѣдка также наказываютъ розгами, а нѣкоторые изъ васъ, не помнящіе родства, получали по тридцати ударовъ за ложное показаніе мѣстожительства, но все же вы «сквозь строя» не испытывали. Я не знаю, съ какимъ наказаніемъ можно его сравнить, и врядъ-ли есть въ нашемъ мірѣ подобная ему пытка. Будучи ребенкомъ, я часто слышалъ, что въ аду наказываютъ раскаленными желѣзными прутьями: только съ этимъ я и могу сравнить «сквозь строй». Да, господа, я испыталъ его на своей шкурѣ, и тѣло мое превратилось подъ ударами въ безобразную кучу лохмотьевъ, между которыми сочилась почернѣвшая, воспаленная кровь.

Меня на носилкахъ снесли въ больницу. Когда черезъ нѣсколько времени сознаніе вернулось ко мнѣ, и я почувствовалъ адское пламя, пожиравшее меня во всѣхъ частяхъ искрошеннаго тѣла, первую моей мыслью было—наложить на себя руку и покончить съ собою разомъ. «Но вѣдь это ужасный, непростительный грѣхъ!»—подумалъ я немного позже:—какъ,

бишь, это въ талмудѣ называется? «Меабедъ ацмо Лодаасъ», за что можно лишиться входа въ рай. Нѣтъ, я этого не сдѣлаю! Терзали же грудь раби-Акибы желѣзными граблями,—это, пожалуй, еще хуже «сквозь строя»—а онъ все-таки терпѣливо перенесъ муку, остался при своемъ и не сдѣлался измѣнникомъ до послѣдняго дыханія. Развѣ я не люблю своихъ родителей такъ же искренно, какъ семь лѣтъ тому назадъ? Развѣ прежняя моя религія не дорога мнѣ теперь? Такъ и быть: останусь и я при своемъ!—рѣшилъ я.

Эта мысль, постепенно развивавшаяся и укрѣплявшаяся во мнѣ все болѣе и болѣе, до того, наконецъ овладѣла мною, что какъ только меня выписали, послѣ трехъ мѣсяцевъ, изъ больницы, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ вторично.

На этотъ разъ побѣгъ удался. Я благополучно прибылъ въ уѣздный городъ С., за нѣсколько миль отъ родного городка. Здѣсь меня никто не зналъ. Поселившись въ синагогѣ, я все свое время посвящалъ изученію библіи и талмуда, между тѣмъ какъ благовѣрные обыватели города, по еврейскому обычаю, заботились объ удовлетвореніи матеріальныхъ моихъ нуждъ. Проживши такимъ образомъ нѣсколько недѣль, я окольными путями и съ величайшею осторожностью сталъ освѣдомляться о родителяхъ и сестрѣ. Ахъ, я узналъ то, чего бы никогда узнать не хотѣлъ: отецъ мой пережилъ лишь на одинъ годъ роковой день, въ который меня похитили, а мать нѣсколько позже сошла съ ума. Она еще жива, но рѣдко бываетъ дома. Она все бѣгаетъ по окрестностямъ родного города и пропадаетъ часто на цѣлые мѣсяцы. Во время припадковъ бѣшенства, она все кричитъ: «лютые звѣри, отдайте мнѣ моего сына; моего танаита, моего раввина, мой свѣтъ, мою жизнь! Не убивайте его!» Что же касается сестры, то она за два года до моего прибытія въ С., вышла замужъ за портного, честнаго работника, и проживаетъ здѣсь, въ Б...

— Какъ? — здѣсь въ Б?! — разомъ спросили три арестанта-слушателя:— и мы объ этомъ до сихъ поръ ничего не знали! Кто же она такая, ваша сестра?

— Моя сестра не знаетъ, что братъ ея сидитъ въ тюрьмѣ

и въ одномъ городѣ съ нею, — продолжалъ староста, глубоко вздохнувъ.— Она вѣрно не подозрѣваетъ уже, что я существую. Узнай она, сохрани Богъ, это было бы, конечно, несчастіемъ, какъ для нея, такъ и для меня. Сестра умерла бы съ горя, а я вѣдь считаюсь непомятымъ родства. Но передъ арестантами мнѣ нечего скрываться: они не выдаютъ тайны своихъ товарищей. Моя сестра, — произнесъ еврейскій староста шепотомъ, — это мать маленькаго Стромбеля...

— А! — крикнули арестанты, выпучивъ глаза и разинувъ рты отъ удивленія. Настало краткое молчаніе, послѣ котораго рассказчикъ продолжалъ:

— Прошелъ годъ, и я все еще жилъ въ с—кой синагогѣ. Прихожане считали меня богобоязненнымъ и ученымъ молодымъ человѣкомъ и часто сожалѣли, что я живу особнякомъ, чуждаюсь людей и ни съ кѣмъ не прихожу въ соприкосновенье.

Изъ опасенія, что моя тайна можетъ обнаружиться, я дѣйствительно избѣгалъ встрѣчи съ людьми. Мѣстомъ своего рожденія, когда меня о немъ спрашивали, я называлъ маленькій городокъ сосѣдней губерніи.

Единственный домъ, куда я иногда заходилъ, принадлежалъ семейству с—каго кантора, у котораго я по субботамъ обѣдалъ; а единственный человѣкъ, съ которымъ я изрѣдка обмѣнивался охотно словомъ, была молоденькая 17-ти лѣтняя дочь кантора Дебора. Рѣзвая и веселая въ кругу родныхъ и знакомыхъ, застѣнчивая, молчаливая и задумчивая въ присутствіи незнакомаго человѣка, она какъ бы по чутью угадала, что я не по природѣ угрюмъ и меланхоличенъ и что меня вѣрно поѣдаетъ страшное горе. И когда она, съ выраженіемъ грусти и искренняго соболѣзнованія на красивомъ, смугломъ личикѣ, уставить, бывало, на меня въ упоръ свои большіе, наивные и черные, какъ вишни, глаза, я чувствовалъ пріятную, сладкую теплоту, разливавшуюся по всѣмъ моимъ изболѣвшимся членамъ. То же самое, должно быть, чувствуетъ дерево, когда, съ наступленіемъ весны, его окоченѣлыя и иссохшія въ теченіи зимы вѣтви начинаютъ мало-по-малу распускаться, растягиваться и, подѣ благотворнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, оно начинаетъ проявлять новый потокъ жизни и силъ.

Отец Деборы также был очень доволен мною. Независимо от моих познаний въ священной торѣ, онъ открылъ во мнѣ и другія качества и «совершенства». Я, напримѣръ, читалъ и писалъ по русски, что считалось тогда рѣдкостью между евреями. Онъ нашелъ, что я смыслю кое-что въ пѣніи и обладаю чрезвычайно развитымъ слухомъ, какому позавидовалъ бы любой «хазанъ». Кромѣ того, онъ немало удивлялся моей опытности въ другихъ, ужъ вовсе меня не касавшихся предметахъ, какъ, напримѣръ, въ стратегіи и политикѣ. Извѣстно, что политика составляетъ слабую сторону и излюбленную тему евреевъ, въ особенности по субботамъ и праздникамъ, послѣ полуденнаго сна, когда рѣчь заходить о «Тугармо-Идемуанской» или «Гого-Магогской» войнѣ, долженствующей непременно разразиться передъ пришествіемъ Мессіи. Мое мнѣніе въ подобныхъ бесѣдахъ считалось самымъ вѣскимъ.

Отец Деборы часто приглашалъ меня присутствовать на репетиціяхъ передъ наступленіемъ праздниковъ. Съ теченіемъ времени я сталъ заходить къ нему и безъ особенной причины, а такъ себѣ, для развлечения, и чѣмъ чаще я посѣщалъ этотъ домъ, тѣмъ легче становилось у меня на душѣ, тѣмъ чаще забывалъ я удручавшее меня горе. Когда мои глаза встрѣчались иногда съ глазами Деборы, я окончательно забывался и былъ счастливъ. Я по временамъ даже строилъ себѣ планы на будущее, и мнѣ блеснула искра надежды, что, быть можетъ, мнѣ удастся еще быть счастливымъ.

Но увы! Ни одной изъ всѣхъ моихъ завѣтныхъ грезъ не суждено было осуществиться! Несчастія, изъ которыхъ соткана вся моя жизнь, были слишкомъ фатальны и слишкомъ сильны для того, чтобы теченіе ихъ могло вдругъ оборваться. Не даромъ говорится: бѣда на бѣдѣ ѣдетъ и бѣдой погоняетъ. Слушайте, что случилось.

Однажды въ субботу, я, по обыкновенію, сидѣлъ за обѣдомъ у кантора. Кромѣ небольшого семейства, за столомъ сидѣли еще двое хористовъ, недавно выписанныхъ канторомъ изъ Г. на праздники. Пѣніе въ ту субботу какъ разъ удалось какъ нельзя лучше, и всѣ поэтому сидѣли теперь за столомъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Бесѣда шла жи-

вая, общая, говорили о томъ, что приходъ остался доволенъ пѣніемъ, разсуждали о всякой всячинѣ, спорили, шутили и смѣялись. Въ комнатѣ было уютно и тепло, и у всѣхъ какъ-то было празднично на душѣ.

— Вотъ идетъ сумасшедшая Лія! — крикнулъ вдругъ семи-лѣтній братъ Деборы, возившійся съ какими-то игрушками на подоконникѣ.

— А слѣдовало бы позвать ее сюда и отдать ей оставшійся отъ обѣда картофель, — сказала Дебора.

Мальчикъ выбѣжалъ и, что-то крикнувъ, вернулся скоро въ сопровожденіи дряхлой старушки, еле передвигавшей отъ слабости и холода ноги. Одѣта она была вся въ лохмотьяхъ, черезъ которыя мѣстами высматривало посинѣвшее отъ холода тѣло невѣроятной худобы. Войдя въ комнату, она мигомъ прильнула руками и грудью къ теплой печи. Согревшись немного, она усѣлась на устроенной при печи теплой лежанкѣ и принялась руками ѣсть картофель изъ тарелки. Я какъ разъ въ ту минуту до того былъ заинтересованъ потѣшнымъ разговоромъ одного изъ хористовъ, что какъ восклицаніе мальчика, такъ и отвѣтъ Деборы какъ-то незамѣтно проскользнули мимо моихъ ушей, и появленіе старушки не обратило даже на себя моего вниманія. Хористъ рассказывалъ о канторѣ какого-то города, который, не имѣя ни малѣйшаго понятія о нотномъ языкѣ и желая запомнить мотивъ какой-то молитвы, написалъ словами на бѣлой страницѣ своего молитвенника: два раза «ой!» три раза «бимбамъ», «двѣ трели» и три раза «бамъ», и съ этимъ пришелъ къ амвону.

Хозяинъ, считавшій себя знатокомъ музыки, и всѣ сидѣвшіе вокругъ стола покатались со смѣху.

— Что же было потомъ? спросилъ я, также смѣясь.

Лишь только я произнесъ эти слова, какъ старушка, словно ужаленная змѣей, вскочила на ноги и, уронивъ изъ тщедушной, худенькой ручки картофель, сдѣлала шагъ къ столу. Всѣ замѣтили этотъ маневръ и оглянулись.

— Мой сынъ! — едва внятно прошептала старушка, не сводя съ меня большихъ, мутныхъ глазъ.

Сердце замерло въ моей груди. Я опустилъ глаза и боялся смотрѣть въ ту сторону, гдѣ стояла несчастная.

— Ужъ ты опять безобразничать начала? — сердито прикрикнулъ на нее хозяинъ:—сѣбшь картофель и иди себѣ съ Богомъ!

— Боже мой, неужели это моя мать?—подумалъ я.—Малычикъ назвалъ ее Ліей, именемъ моей матери! Но нѣтъ, не можетъ быть! Моей матери теперь должно быть лѣтъ сорокъ пять, а этой старушкѣ навѣрно ужъ 70.

— Мой сынъ!—повторила несчастная, не дослушавши, довидимому, словъ хозяина, дрожащимъ голосомъ.

Я невольно посмотрѣлъ на нее. Глаза ея все еще смотрѣли на меня, и по морщинистымъ, впалымъ щекамъ катились двѣ крупныя слезы. Посинѣвшія, тонкія губы нервически вздрагивали. Безконечная грусть и нѣжность, которыя выражало въ эту минуту ея лицо, сдѣлали черты его болѣе узнаваемыми для меня. Мое сердце разрывалось на куски, и я чуть не вскрикнулъ отъ острой, мучительной боли.

— Уходи, тебѣ говорить!—крикнулъ на нее еще разъ отецъ Деборы. Съ этими словами онъ всталъ и, подскочивъ къ несчастной старушкѣ, неуклюже положилъ свою руку къ ней на плечо, стараясь вывести ее.

Тутъ я больше не вытерпѣлъ. Кровь какъ будто застыла въ моихъ жилахъ, волосы стали дыбомъ и меня охватила страшная, конвульсивная дрожь. Я напрягъ остатки своихъ силъ, и изъ моей больной груди невольно вырвался отчаянный крикъ: «не троньте ея, она моя мать!»...

Конвульсивная дрожь и теперь еще побѣжала по всѣмъ мускуламъ лица еврейскаго арестантскаго старосты. По коричнево-блѣднымъ щекамъ катились двѣ крупныя капли, затерявшіяся скоро въ дико-всклокоченной бородѣ. Послѣднія слова произнесъ онъ такимъ пронзительнымъ, дрожащимъ голосомъ и такъ громко, что смотритель, вернувшійся, повидимому, въ то время изъ клуба или другого увеселительнаго мѣста, испуганно прибѣжалъ на крикъ. Услышавъ шаги на корридорѣ, арестанты, во избѣжаніе крика и ругательства, бросились

на тюфяки, прикидываясь спящими. То же самое сдѣлать и я. Смотритель разбудилъ заснувшего на корридорѣ дежурнаго надзирателя, посмотрѣлъ въ маленькое окошечко нашей камеры, выругался и ушелъ во-свояси. Бесѣда больше не возобновлялась. Чѣмъ ближе къ утру, тѣмъ труднѣе становилось дышать. Я то садился, то снова ложился, бѣненіе моего пульса то быстро учащалось, то совсѣмъ почти прекращалось, а въ моемъ мозгу одна за другой мелькали черныя, какъ вороны, думы...

Я размышлялъ обо всемъ слышанномъ мною отъ еврейскаго старосты, перебиралъ въ умѣ всѣхъ видѣнныхъ мною арестантовъ и мысленно сортировалъ ихъ по теоріямъ о наказаніяхъ, которыя къ каждому изъ нихъ примѣняютъ. Я нашелъ, что по отношенію къ наказанію однихъ придерживаются еще теоріи возмездія, неумолимаго закона древности, того «Jus talionis», которое мы встрѣчаемъ еще у ветхозавѣтнаго Моисея и изъ-за котораго прозвали Ягову грознымъ, мстительнымъ... Къ другимъ же примѣняютъ такъ называемую «Abschreckungstheorie», напоминающую маленькихъ souffres-douleurs, которые воспитывались въ старыя добрыя времена съ дѣтьми высокопоставленныхъ лицъ и наказывались не только за свои погрѣшности, но и въ примѣръ своимъ сіятельнымъ товарищамъ. Но я не нашелъ ни одного, котораго тюрьма исправляла бы или приводила къ раскаянью посредствомъ соотвѣтствующаго его винѣ наказанія, въ чемъ именно и заключается цѣль правосудія.

Какъ только разсвѣло, меня вызвали въ контору и, къ величайшему моему восторгу, объявили мнѣ, что моя личность окончательно уже выяснена и я свободенъ. Смотритель велѣлъ принести мои вещи изъ цейхгауза. Когда я переодѣлся, и моя осунувшаяся фizioномія приняла опять благоприличный видъ, я осмѣлился вступить со смотрителемъ въ разговоръ объ арестантахъ. Смотритель былъ теперь очень любезенъ, отвѣчалъ на всѣ мои, хотя не прямо предложенные вопросы и не отказалъ даже мнѣ въ моей просьбѣ—просмотрѣть тюремныя вѣдомости за послѣдніе два-три года.

— Странный человекъ этотъ Розиновъ,—нарочно сказалъ

я, какъ бы про себя, перелистывая эти документы,—а интересно посмотрѣть, давно-ли онъ въ тюрьмѣ сидитъ?

Розиновымъ назывался еврейскій арестантскій староста. Я искоса посмотрѣлъ на смотрителя, подписывавшаго въ то время поданные ему писаремъ рапорты. Онъ сморщилъ лобъ, нахмурилъ сѣдыя брови и опустилъ глаза ниже къ подписываемымъ бумагамъ.

— Гм... да,—сказалъ онъ, положивъ перо и снявъ очки:— странный человекъ! Но изъ нашихъ вѣдомостей вы ничего о немъ не узнаете. Къ намъ поступилъ онъ всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ, а въ тюрьмахъ сидитъ уже давно. Мы говорили о немъ пересыльные бродяги, которые видѣли его по нѣсколько разъ въ керченской тюрьмѣ Крымской области. Туда стекается ежегодно не менѣе 400 бродягъ. Эти господа хорошо знаютъ, гдѣ и въ какой тюрьмѣ имъ лучше сидѣть. Отправляясь изъ Сибири въ европейскую Россію, они назначаютъ себѣ мѣстомъ свиданія какую нибудь тюрьму. Полиція спаиваетъ кого нибудь и спроситъ: «Откудова?»—«Керченскій!» Ну, его и препровождаютъ этапнымъ порядкомъ въ Керчь. Тамъ онъ находитъ своихъ товарищей и сидитъ вмѣстѣ съ ними до новой ссылки. Въ этомъ году Розиновъ и его другъ-закадыка, христіанскій староста, почему-то показали себя здѣшними. Ихъ здѣсь и судили за бродяжество...

— А вы не полагаете, что бы еврейскій староста былъ изъ здѣшнихъ мѣсть?—спросилъ я, не сводя глазъ съ смотрителя.

Этимъ вопросомъ я затронулъ, повидимому, самую большую точку въ сердцѣ этого человека. Онъ поблѣднѣлъ и, помолчавъ съ минуту, быстро и сконфуженно проговорилъ:—Нѣтъ, не знаю, ничего не знаю, кто можетъ знать? Они каждый разъ даютъ себѣ другое названіе...

Съ этими словами онъ всталъ и оставилъ комнату.

Изъ тюремныхъ вѣдомостей я узналъ, что еврейскій староста арестованъ въ послѣдній разъ въ В., гдѣ онъ былъ дровосѣкомъ, за безписьменность. Христіанскій же староста арестованъ въ Воронежѣ. Оба они осуждены за бродяжничество на высылку въ Сибирь. Перелистывая дальше, я нашелъ, что «14-тилѣтній

Стромбель (онъ же Шкляръ, онъ же Шкелько) арестованъ въ четвертый разъ за кражу со взломомъ». Когда я заговорилъ о Стромбелѣ съ писаремъ, онъ указалъ мнѣ на множество воровъ, воспитывавшихся въ тюрьмѣ съ самаго ранняго возраста.

Я на-скоро расписался въ вѣдомостяхъ въ полученіи своихъ вещей и, не оглядываясь, ушелъ подальше отъ этого дома...

Л. Золотковичъ.

НЕДАРОМЪ.

Недаромъ изъ тьмы рововыхъ униженій,
Изъ мрака тяжелыхъ невзгодъ
Спасъ чудомъ тебя твой божественный геній,
Великій страдалецъ-народъ!

Недаромъ твой духъ такъ могучъ и такъ ерѣпокъ,
И гордыя силы твои
Отъ самыхъ корней вѣковыхъ и до вѣтокъ
Такъ юны, такъ гибко-свѣжи.

Недаромъ ты блещешь немеркнувшей славой
Въ укоръ своимъ ярымъ врагамъ
И, полный надеждъ, головой величавой
Киваешь грядущимъ вѣкамъ,—

Недаромъ, народъ мой! Твое назначенье
Для насъ непонятно, но тотъ,
Кому не опасенъ законъ разрушенья,
Недаромъ подъ солнцемъ живетъ...

В. Л.

Ж Е Н Н И

Романъ Фани Левальдъ.

Часть вторая *.

XV.

— Вотъ-то счастливый день сегодня!—обратилась Женни къ г-жѣ фонъ-Мейнингъ, когда та въ одно прекрасное утро прѣѣхала къ ней въ сопровожденіи Вальтера и когда они усѣлись подъ тѣнью деревьевъ.—Ты, повидимому, совершенно оправилась; да и моя бѣдная больная чувствуетъ себя сегодня настолько хорошо, что я рѣшилась сегодня основательно разспросить ее о ея дѣлахъ.

— Ну, и что же вы узнали?—спросилъ Вальтеръ, котораго эта женщина интересовала, потому что Женни относилась къ ней съ участіемъ.

— Собственно немногимъ больше того, что отецъ мой узналъ уже отъ городскихъ властей. Это одна изъ тѣхъ печальныхъ исторій, которыя повторяются, къ сожалѣнію, чуть не ежедневно. Она дочь какого-то ремесленника изъ Гернсбаха, и она почти ежегодно прѣѣзжала на лѣто въ Баденъ-Баденъ, гдѣ нанималась въ услуженіе въ домъ, отдаваемый подъ прѣѣзжающихъ. Здѣсь она познакомилась съ бѣднымъ молодымъ охотникомъ и вышла за него замужъ, вопреки желанію отца ея, который предназначилъ ее въ жены одному очень старому, но за то богатому обывателю Гернсбаха. Прошлой осенью мужъ ея, по несчастной случайности, лишилъ себя жизни вслѣдствіе нечаяннаго выстрѣла изъ ружья своего,

* См. «Восходъ», кн. VII—VIII.

еще задолго предъ тѣмъ, какъ родилось ея дитя. Зимой она не могла найти себѣ никакихъ заработковъ, впала въ крайнюю бѣдность, а теперь, въ довершеніе бѣды, еще заболѣла, и рѣшилась черезъ силу добратся до Гернсбахъ, чтобъ обратиться тамъ къ милосердію отца своего. Но тотъ съ проклятіями прогналъ отъ себя дочь съ ея ребенкомъ; она собиралась возвратиться сюда и искать здѣсь работы, но дорогою выбилась изъ силъ и упала на улицѣ, гдѣ я ее и нашла. Она сказала мнѣ, что она—единственная дочь у отца и что тотъ человекъ со средствами. Но онъ рассчитывалъ расширить свое производство деньгами намѣченнаго имъ себѣ богатаго зятя и разбогатѣть самому, и поэтому не хочетъ простить ей что обманулся въ этихъ расчетахъ.

— Значить, нужно здѣсь позаботиться о ней, — сказала г-жа Мейнингъ.

— Она сама не желаетъ ничего больше, какъ имѣть возможность настолько оправиться, чтобы быть въ состояніи работать, — сказала Женни.— Она говорила мнѣ, что, по всей вѣроятности, ея отецъ принялъ бы ее къ себѣ одну, безъ ребенка, такъ какъ онъ полагалъ, что намѣченный имъ для нея женихъ женился бы на ней и теперь, если бы только она согласилась разстаться со своимъ ребенкомъ. Но она, понятно, объ этомъ и слышать не хочетъ. И вотъ отецъ мой полагаетъ, что слѣдовало бы съѣздить въ Гернсбахъ и постараться склонить старика къ тому, чтобъ онъ принялъ къ себѣ дочь и внука, которымъ будетъ назначена ежегодная субсидія. Это было бы самое лучшее, что можно было бы сдѣлать для нея.

Вальтеръ вполне согласился съ этимъ мнѣніемъ, и тутъ же стали совѣщаться о томъ, въ какой день съѣздить въ Гернсбахъ. Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ человекъ лѣтъ подь-сорокъ, который велъ подъ руку молодую даму. Не смотря на прекрасную погоду, лакей несъ за ними мужское пальто и небольшой коврикъ.

— Штейнгеймъ! — воскликнула Женни, узнавъ его, и встала,

чтобы привѣтствовать его и его спутницу. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— „Erneute Huldigung gestatte mir“, — проговорил Штейнгеймъ, церемонно цѣлуя ея руку; — позвольте мнѣ встать познакомить васъ съ моею женою и просить васъ любить и жаловать ее.

Г-жа Штейнгеймъ была очень хорошенькая семнадцати-лѣтняя, робкая женщина, которая смотрѣла на мужа своего какъ на какое-то божество и, казалось, не считала себя достойной великой чести — принадлежать ему. Штейнгеймъ сильно пополнилъ и съ прежнимъ преувеличеннымъ страхомъ относился къ своему здоровью и къ своей наружности; а молодая жена его, повидимому, еще недостаточно освоившаяся съ этой его слабостью, помогала ему въ этомъ съ нѣжной заботливостью.

Женни, познакомивъ прибывшихъ съ друзьями своими, спросила Штейнгейма, что побудило его, отъявленнаго врага всякихъ путешествій, къ рѣшенію предпринять поѣздку и покинуть домъ свой, который именно теперь долженъ былъ получить для него особенную прелесть.

— Я самъ себѣ кажусь загадкой, — отвѣтилъ онъ, — и мнѣ представляется, будто вѣсть съ весною любви, которая такъ внезапно проснулась въ груди моею, для меня началась совершенно новая, молодая жизнь. „Ein unbegreiflich holdes Sehnen trieb mich durch Wald und Wiesen hinzugehn“. Я желалъ показать женѣ моею, какъ прекрасенъ міръ Божій, а теперь мнѣ легче было подвергнуться тѣмъ опасностямъ, съ которыми сопряжены путешествія, такъ какъ Анночка, — и онъ при этомъ указалъ на жену свою, — заботится обо мнѣ съ внимательностью, достойной величайшей благодарности. Но не находишь-ли ты, — прибавилъ онъ, прерывая самъ себя, — что здѣсь немного сыро, душа моя?

„Душа“ его поспѣшила съ нимъ согласиться, и Штейнгеймъ, извинившись передъ дамами, велѣлъ разостлать подъ своими ногами коврикъ и напялил на себя пальто, при помощи жены своей и лакея. Затѣмъ онъ спросилъ о Вилліамѣ и Кларѣ, о пребываніи которыхъ въ Баденъ-Баденъ онъ узналъ отъ Эдуарда, но о внезапномъ отъѣздѣ которыхъ

онъ ничего не слышалъ, такъ какъ уже довольно давно странствовалъ съ мѣста на мѣсто и не получалъ никакихъ извѣстій изъ своего родного города. Онъ поинтересовался узнать, чи это дѣти находились въ сторонѣхъ подъ присмотромъ нянекъ. Женни подозвала Рихарда, велѣла принести Люси, а также хорошенькаго, чисто-одѣтаго ребенка бѣдной больной, причемъ вскользь снова было упомянуто о ея исторіи.

— Вотъ сейчасъ и видно, — сказалъ Штейнгеймъ, — какъ глубоко коренится въ умѣ человѣческомъ рознь сословій, которую многіе считаютъ, однако, пустымъ звукомъ. „Doch dieser Wahn ist uns ins Herz gelegt, wer mag sich gern davon befreien,“ — въ особенности когда дѣло коснется заключенія брака, въ которомъ одинаковость общественнаго положенія является первымъ условіемъ счастья.

Если бы Штейнгеймъ нарочно пожелалъ высказать нѣчто одинаково непріятное для всѣхъ присутствующихъ, то не могъ бы придумать ничего лучше. Его жена и г-жа Мейнингъ были по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать моложе мужей своихъ, а о томъ, какое непріятное впечатлѣніе произвели эти слова на Женни и Вальтера, едва ли нужно упоминать. Но Штейнгеймъ ничего этого не замѣтилъ, такъ какъ ему неизвѣстны были ближайшія обстоятельства, касавшіяся большинства присутствующихъ, и, занятый только самъ собою, онъ продолжалъ: — Было время, когда и я мечталъ о сліянїи сословій, пожалуй, даже о равномѣрномъ распредѣленїи земныхъ благъ и, будучи отчасти зараженъ бреднями Эдуарда, только и думалъ, что о реформахъ и объ исправленїи міра. „Der Traum war kindisch, aber göttlich schön!“ Я въ этомъ сознаюсь, хотя въ сущности теперь и радъ, что проснулся отъ этого сна.

— А что же произвело такой переворотъ въ вашихъ мысляхъ? — спросилъ Вальтеръ.

— Да, графъ! „Die Zeit kommt auch heran, wo wir was Gut's in Ruhe schmausen mögen,“ — отвѣтилъ Штейнгеймъ самъ себѣ одобрительно улыбаясь. — Все это политиканство, стрем-

леніе къ реформамъ — хороши только для молодежи, которой нечего терять и которая можетъ только все выиграть. Кроме того, это постоянное недовольство, сопряженное съ борьбою партій, вызывало у меня разлитіе желчи, лишало меня сна и вѣроятно разстроило бы мое здоровье и даже сократило бы мою жизнь, если бы я, въ концѣ концовъ, не пришелъ къ сознанію, что для меня наступила пора уступить либеральныя пожеланія другимъ и жить отнынѣ только для себя, для литературы, которая имѣетъ на меня нѣкоторыя притязанія, и для моей милой женушки, которая вполне довольна моимъ рѣшеніемъ. Сгласитесь, графъ, это — самое благоразумное, что человекъ можетъ сдѣлать. Вы, дворянинъ стариннаго рода, найдете, конечно, совершенно естественнымъ, что я, будучи состоятельнымъ гражданиномъ и главой семейства, присталъ изъ принципа къ крайней правой сторонѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ встаю противъ всего, что подкапывается подъ современные порядки. Различіе сословій — это нѣчто такое, что освящено временемъ и должно быть сохранено, наравнѣ съ различіемъ состояній и вѣроисповѣданій и только при такихъ условіяхъ возвратится то „прекрасное золотое время,“ о которомъ поютъ намъ поэты.

Штейнгеймъ, въ виду всеобщаго молчанія и при взглядѣ на восторженное личико благоговѣнно слушавшей его жены, былъ вполне убѣжденъ, что слова его встрѣтили всеобщее одобреніе, и откинулся на спинку своего стула съ самодовольнымъ видомъ пѣвицы, только что счастливо окончившей большую и трудную арію и теперь ожидающей взрыва рукоплесканій. Но тщетно! Никто не разразился похвалами ему, дамы пробормотали нѣсколько словъ, и только графъ Вальтеръ сказалъ: — „Я долженъ сознаться вамъ, что я не раздѣляю вашего мнѣнія“, — и замолчалъ, какъ бы считая излишнимъ даже пускаться въ дальнѣйшія разсужденія. Затѣмъ онъ быстро перевелъ разговоръ на другіе предметы, спросилъ Штейнгейма относительно его путешествій, и тотъ поспѣшилъ увѣстись на другой конекъ. Онъ сталъ разсказывать о театрахъ, которые онъ посѣщалъ, о томъ какъ пользующійся евро-

пейскою извѣстностью актеръ Зейдельманъ передавалъ роль Натана, и категорически объявилъ, что игра этого актера — послѣднее слово драматическаго искусства.

— Да, но только такого искусства, которое не имѣетъ ничего общаго съ природой, — замѣтилъ Вальтеръ, — потому что естественности въ игрѣ Зейдельмана вы почти не найдете и слѣда.

— „Wo fehlt nicht irgendwo auf dieser Welt? Dem dies, dem das,“ — продекламировать Штейнгеймъ; — но все же вы должны будете сознаться, что „Натанъ“ Лессинга — настоящій chef-d'oeuvre и что Зейдельманъ всегда вполне ясно сознаетъ цѣли автора и умѣетъ передать ихъ.

— Въ данномъ случаѣ положительно нѣтъ! — произнесъ графъ. — Мнѣ кажется, напротивъ, что „Натанъ“ — это скорѣе большая аллегорія, дидактическое произведеніе, чѣмъ пьеса сценическая. Въ стремленіи своемъ представить положительную разницу религій чѣмъ-то несущественнымъ, разъ въ душѣ человѣка имѣется въ наличности внутренняя, истинная религія, Лессингъ лишилъ отдѣльныхъ представителей различныхъ исповѣданій ихъ національнаго, вѣроисповѣднаго типа, такъ что Саладинъ, храмовникъ и Натанъ, эти три столь различные характера, получаютъ у него нѣкоторое, такъ сказать, протестантское, семейное сходство. Это умаляетъ интересъ къ нимъ читателя и зрителя, чего бы, конечно, не было, если бы противоположности были обозначены болѣе ярко. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что спокойствіе, съ которымъ храмовникъ, этотъ глубоко-вѣрующій христіанинъ, узнаетъ, что онъ — потомокъ мусульманина и братъ еврейки, — довольно неестественно, какъ и вообще неестествененъ весь финалъ, который не удовлетворяетъ васъ, по крайней мѣрѣ на сценѣ. Драма мало трогаетъ зрителя, не смотря на чудные стихи ея, а при мало-мальски несовершенномъ исполненіи она становится еще скучнѣе*.

* Я бы не перепечатывала здѣсь вновь этого разсужденія, такъ какъ я теперь считаю его невѣрнымъ, — еслибъ оно не было такъ тѣсно слетено со всѣмъ ходомъ разговора, что его трудно было бы устранить. *Прим. автора.*

Г-жа Штейнгеймъ, не проронившая до сихъ поръ почти ни единого слова и игравшая съ дѣтьми Клары, позволила себѣ здѣсь робко согласиться съ графомъ.

— Какъ! И ты Брутъ! — воскликнулъ мужъ ея и, шутя, погрозилъ ей пальцемъ.

— Г-жа Штейнгеймъ совершенно права, — подтвердилъ Вальтеръ. — Въ этомъ-то именно кроется ошибка исполнителя. Онъ является намъ не тѣмъ простымъ, но разсудительнымъ человѣкомъ, который своимъ умомъ постигъ Бога, миръ и человѣка; не безпритязательнымъ мудрецомъ, который самъ даже едва постигаетъ свою глубокую мудрость и считаетъ ее чѣмъ-то вполне естественнымъ, — а увѣреннымъ въ себѣ ученымъ, который высказываетъ свои сентенціи какимъ-то докторальнымъ тономъ, сознавая глубокое ихъ значеніе. Поэтому каждый разъ, прежде чѣмъ произнести свои моральныя сентенціи, онъ становится въ позицію, и та скромность и простота, которыми онъ окружаетъ себя, кажутся намъ просто притворствомъ. Лессингъ имѣлъ въ виду представить намъ простого, скромнаго въ своей святости патріарха, а тутъ мы видимъ передъ собою какого-то профессора девятнадцатаго столѣтія, который отлично сознаетъ, что онъ въ тысячу разъ умнѣе своей аудиторіи, но остерегается выказать это, такъ какъ настолько остороженъ, что не желаетъ никого обижать. Такимъ образомъ онъ представляется намъ и трусливымъ, и самонадѣяннымъ въ одно и то же время.

Г-жа Мейнингъ улыбнулась и одобрительно кивнула головой; Женни, повидимому, также раздѣляла мнѣніе графа.

— „Dergleichen Reden hören sich gut an, doch hat es allerlei Bedenkliches damit,“ — продекламировалъ Штейнгеймъ. — Не слѣдуетъ прежде всего забывать, что Натанъ, угнетенный, презрѣнный еврей, говоритъ со своимъ властелиномъ и угнетателемъ. Этимъ, безъ сомнѣнія, и объясняется его скромный, почти трусливый образъ дѣйствій, при всей его самоувѣренности.

— Напротивъ! — воскликнула Женни. — Если онъ чувствуетъ

себя свободнымъ человѣкомъ передъ лицомъ Создателя, если онъ мучится при мысли объ угнетеніи и презрѣніи, то это должно дѣлать его лишь еще болѣе гордымъ по отношенію къ его угнетателю. Чего можетъ опасаться такой человѣкъ, какъ Натанъ? Оновъ и темницы?—Но онъ, благодаря своему самосознанію, стоитъ выше всего этого. — Смерти? Но онъ уже перенесъ смерть своей жены и своихъ сыновей, онъ вѣритъ въ Бога, и смерть для него уже не страшна. Трусливость свойственна только людямъ малодушнымъ. Но тотъ, кто, подобно Натану, чувствуетъ себя человѣкомъ свободнымъ, не боится никого и ничего и, будучи презрѣннымъ евреемъ, сознаетъ себя равнымъ лучшимъ людямъ.

Потому-ли, что Женни не понравились ранѣе того сказанныя слова Штейнгейма о необходимости равенства въ бракѣ, или же употребленное имъ теперь, въ присутствіи Вальтера, выраженіе „презрѣнный еврей“ задѣло ее теперь за живое, — но она была до того раздосадована, что едва сдерживала слезы. Последнія слова свои она произнесла съ необычной для нея рѣзкостью и затѣмъ быстро поднялась съ своего мѣста, чтобы послѣпить на встрѣчу приближавшемуся отцу своему. Она обняла его, поцѣловала его руку, и произнесла такъ тихо, что даже отецъ ея не слышалъ ея словъ: „О, ты у меня мудрецъ, хотя ты и бѣдный, презрѣнный еврей!“ — Старикъ поздоровался съ Штейнгеймомъ, весело сталъ спрашивать его о томъ, что новенькаго въ ихъ городѣ, и скоро разговоръ сдѣлался общимъ. Одна только Женни оставалась погруженною въ глубокую задумчивость. Вальтеръ замѣтилъ это и тщетно старался прочесть въ ея душѣ. Въ это время пронесся легкій вѣтерокъ, и г-жа Штейнгеймъ тревожно взглянула на своего мужа. Тотъ поднялъ воротникъ своего пальто и продекламировалъ: — „Wie ras't die Windsbraut durch die Luft! Mit welchen Schlägen trifft sie meinen Nacken!“ — А знаешь-ли, Анночка, — прибавилъ онъ, — я уже чувствую приближеніе насморка, и если мы не уѣдемъ скоро изъ этого Баденъ-Бадена, то я, пожалуй, еще совсѣмъ расхвораюсь. Впрочемъ, если тебѣ здѣсь нравится...

— О, нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! — болевше воскликнула молодая женщина, и затѣмъ прибавила, обращаясь къ дамамъ: — Здѣсь, въ Баденѣ, очень недурно, и я надѣялась поближе познакомиться съ этимъ курортомъ, о которомъ столько слышала; но у моего мужа такіе впечатлительные нервы, что онъ заранѣе предвидѣлъ, что жизнь въ этой узкой долинкѣ, гдѣ постоянно дуютъ сквозные вѣтры, не можетъ быть для него полезна. **П** я желала бы поскорѣе выбраться отсюда и переѣхать въ Эмсъ, гдѣ мой милый Штейнгеймъ думаетъ продолжать курсъ леченія.

Пока она говорила, Штейнгеймъ всталъ съ своего мѣста, застегнулъ пальто на всѣ пуговицы, подавъ руку своей маленькой женѣ и простился съ компаніей, пародируя слова Гѣте: — „Мы же, которые здѣсь только чужіе и пробыли здѣсь лишь недолго, мы радостно и весело возвращаемся назадъ и будемъ привѣтствовать васъ на нашей родинѣ. Считайте насъ своими, и мы чувствуемъ, какая честь это для насъ!“

Векорѣ эта оригинальная парочка скрылась отъ взоровъ остальной компаніи. Лакей, со свернутыми коврикомъ, слѣдовалъ за нею въ почтительномъ разстояніи.

XVI.

У г-жи Мейнингъ вечеромъ собралось довольно большое общество. Она пригласила къ себѣ гостей въ первый разъ по прїѣздѣ своемъ въ Баденъ-Баденъ, и взяла съ г. Мейера и съ Жени слово, что и они будутъ у нея, такъ какъ она желала познакомить ихъ съ нѣкоторыми изъ своихъ мѣстныхъ знакомыхъ. Общество было довольно оживленное: болтали, играли на фортепiano, и наконецъ г-жа Мейнингъ попросила Жени спѣть что нибудь. Та охотно согласилась исполнить это желаніе и пошла въ другую комнату, въ надеждѣ найти тамъ какія нибудь ноты на нѣсколько голосовъ, такъ какъ она полагала, что такого рода пѣніе будетъ интереснѣе. Этажерка, на которой лежали ноты, стояла за дверью, отворенная створка которой скрывала Жени, такъ что

стоявшіе возлѣ двери не могли видѣть ея, хотя, съ другой стороны, каждое произносимое ими слово долетало до слуха Женни.

— Что, теперь будутъ пѣть?—спросила пожилая дама съ орденскимъ знакомъ на груди у молодого атташе австрійскаго посольства при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ.

— Кажется, г-жа Мейеръ предложила спѣть что-то въ нѣсколько голосовъ, — отвѣтилъ молодой человекъ.

— Скажите пожалуйста, баронъ, — продолжала дама: — вѣдь эти Мейеры, очевидно — евреи. Какимъ же это образомъ г-жа Мейнингъ, и въ особенности графъ Вальтеръ, сошлись съ этими людьми? Говорятъ, что онъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ этого семейства и считаютъ его настолько экстравагантнымъ, что, чего добраго, онъ въ состояніи осуществить и тѣ служы, о которыхъ недавно говорили мы.

— Какъ можно говорить что либо подобное, сударыня! — воскликнулъ, смѣясь, баронъ. — Графъ Вальтеръ, правда, любитъ разыгрывать роль либерала, очутившись въ мѣщанскомъ обществѣ; однако, онъ, безъ сомнѣнія, очень далекъ отъ той глупости, которую вы готовы приписать ему, — отъ женитбы на еврейкѣ. Правда, г-жа Мейеръ очень недурна и пикантна; самолюбію ея льститъ ухаживаніе графа, а вы сами знаете, свобода курортовъ допускаетъ многое, что было бы немислимо гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ!

Женни стояла точно парализованная, едва переводя дыханіе, прислонившись головою къ этажеркѣ. Наконецъ, къ ней подошла г-жа Мейнингъ, обезпеченная долгимъ ея отсутствіемъ. Женни сначала вздрогнула, но затѣмъ тотчасъ же оправилась и произнесла, повидимому, совершенно спокойно: — Я никакъ не могу найти нотъ, да и къ тому же мнѣ что-то не хочется пѣть, и потому я просила бы тебя избавить меня отъ того. — Но г-жа Мейнингъ и слышать не хотѣла. Она стала убѣждать Женни, повела ее къ роялю и просила спѣть хотя бы одинъ романсъ, чтобы хоть отчасти исполнить данное ею обществу обѣщаніе. Женни какъ будто задумалась на минуту, затрудняясь выборомъ пьесы для пѣнія; затѣмъ, точно внезапно осябренная какою-то мыслью, она

взяла увѣренной рукой нѣсколько аккордовъ и загѣла Байроновскую „Дѣвушку Иудей“, такъ мастерски положенную на музыку Бюквенгомъ. Ея сильный, точно металлическій голосъ звучалъ еще лучше вслѣдствіе охватившаго ее сильнаго внутренняго волненія, въ пѣніи ея слышалось глубокая скорбь, и когда она пропѣла вторую строфу, оканчивающуюся словами: „О, родина, милая родина моя! Когда же Іегова сдѣлается Богомъ мести за тебя?“ — она осмѣливалась перевести духъ, и всѣ стояли точно потрясенные силой того гѣтва, который взывалъ въ этихъ звукахъ къ Господу Богу и умолялъ Его о мести. Затѣмъ пѣснь переходила въ жалобный мотивъ, голосъ Жюенни зазвучалъ мягче, но въ концѣ концовъ снова перешелъ въ могучій возгласъ: „И еврей угнетенъ врагомъ и осмѣянъ“, послѣ чего онъ замеръ въ словахъ: „О, родина, милая родина моя! Хотя бы мнѣ дано было соединиться съ тобою узами смерти!“

Во время пѣнія лицо Жюенни раскраснѣлось отъ воодушевленія, но когда она кончила, щеки ея снова покрылись блѣдностью. Она встала изъ-за рояля спокойная, но такъ бы утомленная. Не раздалось никакого шумнаго проявленія одобренія, но за то на многихъ глазахъ выступили слезы; другіе переглядывались другъ съ другомъ съ выраженіемъ удивленія. Они какъ будто смутно поняли, что здѣсь, гдѣ они рассчитывали встрѣтить пустую, свѣтскую болтовню, имъ высказана была горькая истина, которая напугала ихъ, точно привидѣніе, внезапно, среди бѣла дня, появляющееся въ обществѣ живыхъ людей. Даже Вальтеръ и г-жа Мейнингъ были удивлены. Графъ еще никогда не слышалъ *такого* пѣнія Жюенни; онъ, будучи знакомъ съ ея душевной жизнью, желалъ бы упросить ее, чтобъ она повѣрила ему причину той печали, которая—въ томъ для него не было сомнѣнія—только что потрясла ее. Онъ желалъ и долженъ былъ переговорить съ нею; но она, очевидно, избѣгала этого, и вскорѣ послѣ того, подъ какимъ-то предлогомъ, поспѣшила покинуть общество.

Вальтеръ вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ залы и воспользовался минутой, когда отецъ ея заговорилъ въ сосѣдней комнатѣ съ кѣмъ-то изъ

своихъ знакомыхъ, чтобы попросить ее дать ему возможность еще сегодня переговорить съ нею, такъ какъ отъ этого зависать его счастье и всѣ его надежды.

— Ваше счастье, графъ, лежитъ внѣ моей сферы, — отвѣтила Женни, — и вы ошибаетесь, если ищете его поблизи меня. Повѣрьте мнѣ въ томъ, и не настаивайте на вашемъ желаніи. — И она ласково подала ему на прощаніе руку и удалилась отъ-руку со своимъ отцомъ.

Пока эта маленькая сцена разыгрывалась въ сосѣдней комнатѣ, пѣніе Женни и вообще вся ея особа сдѣлались предметомъ толковъ въ гостиной. Одни восхваляли ея красоту и граціозность, другіе, напротивъ, находили ее холодной и гордой, слишкомъ серьезной и слишкомъ самоувѣренной для женщины. Такое же разногласіе замѣчалось и относительно ея пѣнія.

— Голосъ у нея прекрасный! — говорила пожилая дама съ крестомъ на груди; — но эта манера такъ публично обнаруживать себя и свои ощущенія во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о недостаточности образованія. Я готова согласиться съ тѣмъ, что, конечно, достаточно неприятно принадлежать къ еврейской наци; однако, мы же не виноваты въ томъ, что г-жа Мейеръ — еврейка и что она стыдится того; и я рѣшительно отказываюсь понять, по какому праву она держитъ себя въ обществѣ такъ странно, чего мои нервы, по крайней мѣрѣ, не въ состояніи выносить. Увѣряю васъ, что я чувствую себя отъ этого совершенно больной.

Многіе согласились съ нею, но замолчали, увидѣвъ подходившую г-жу Мейнингъ. Вскорѣ болѣе легкій оборотъ разговора совершенно изгладилъ то впечатлѣніе, которое произвело на все общество пѣніе Женни. Только г-жа Мейнингъ вспоминала о ней съ дружеской тревогой; отъ ея наблюдательности не укрылось и то, что и графъ, вскорѣ послѣ удаленія Женни, покинулъ ея домъ.

XVII.

Стоялъ душный и темный лѣтній вечеръ, когда Вальтеръ вышелъ изъ ярко-освѣщенныхъ комнатъ г-жи Мейнингъ на улицу. Въ теченіе

этого дня онъ получилъ отвѣтъ отъ своего дѣда, который не скрывалъ отъ него, что предположенный Вальтеромъ бракъ съ Жюльеи положительнo прочиворѣчить его видамъ и желаніямъ. „Но я не желаю по-рицать то, — писалъ онъ, — помѣнать чему я не въ силахъ. Ты пишешь, что рѣшеніе твое неизмѣнно, и поэтому я отъ всего сердца желаю, чтобы ты нашелъ въ будущей твоей женѣ и въ ея любви вознагражденіе за тѣ тяжелыя, [REDACTED] жертвы, которыя ты желаешь принести ради нея. Какъ скоро [REDACTED] твоя будетъ объявлена, и ты придешь съ невѣстой твоей въ наши страны, я намѣреваюсь выѣхать къ тебѣ на встрѣчу, чтобы познакомиться съ дѣвушкой, которую ты считаешь достойною носить титулъ графини Вальтеръ, т. е. таковой чести, которой готова была позавидовать не одна высшородная дѣвушка. Г-жа Мейеръ рискуетъ многимъ, возносясь на такую высоту, и съ твоей стороны потребуется не мало храбрости и энергіи, чтобы поддержать ее. Но, вонидимому, именно это-то и соблазняетъ тебя! Ну, такъ пускай же будетъ, что будетъ, и постараемся придать всему этому дѣлу возможно благопріятный оборотъ“.

Такъ какъ письмо это освобождало Вальтера отъ даннаго имъ Мейеру обѣщанія ничего не говорить пона Жюльеи о любви своей, то онъ въ теченіи цѣлаго дня, въ радостномъ волненіи, выжидалъ удобнаго случая къ тому, чтобы переговорить съ нею съ глазу-на-глазъ. Но сначала ему помѣшалъ визитъ Штейнгейма, а затѣмъ онъ затруднился сдѣлать это въ виду замѣтнаго дурного расположенія духа ея; наконецъ онъ рѣшился въ домъ Мейнингъ попросить ее дать ему возможность переговорить съ нею, но она отказала ему. Вальтеръ былъ далеко не тщеславенъ, хотя стлично сознавалъ тѣ общественныя преимущества, которыя придавали ему передъ другими мужчинами его рожденіе и положеніе въ свѣтѣ. Чуть-ли не съ самой ранней молодости ему не переставали повторять, что всякая молодая дѣвушка должна быть польщена его сватовствомъ, и всюду онъ замѣчалъ такой предупредительный пріемъ со стороны женщинъ, который только въ состояніи былъ укрѣпить его въ подобныхъ взглядахъ. Теперь онъ полю-

блгъ Женни всѣми силами своей души. Препрежне отношеніе ея къ нему поселило въ немъ надежду на то, что и она раздѣляетъ его чувства; онъ готовъ былъ защищать ее противъ предразсудковъ свѣта, распространявшихся и на него самого, — а она отвергла его, хотя ей и была извѣстна его любовь.

Полный томительной мельвѣстности, онъ возвратился наконецъ домой. Въ комнатѣ Женни видѣлся огонь, и на шторѣ мелькала вездѣ и впередъ какая-то тѣнь. Очевидно было, что и она еще не спала. — Нѣтъ, такъ дѣла не могутъ продолжаться, — сказалъ Вальтеръ самъ себѣ. — Какъ ни люблю я ее, я, однако, не желаю ни добиваться ея расположенія, какъ милостыни, если она не считаетъ меня достойнымъ ея, ни нарушать ея внутренній міръ. Или завтра же она будетъ моею невѣстой, или я никогда больше не увижу ея! — Не смотря на это твердое рѣшеніе, онъ вздохнулъ, еще разъ взглянувъ на окна Женни, и слеза затуманила его глаза. Что вызвало ее? Мысль-ли о возможности лишиться Женни, или же чувство оскорбленной гордости? Вальтеръ успѣшилъ раздавить эту слезу, какъ бы устыдился ея, и вошелъ въ домъ, чтобы броситься на свою постель; однако, сонъ бѣжалъ отъ глазъ его, и онъ все время думалъ о Женни и о завтрашнемъ днѣ.

Женни тоже провела безпокойную ночь. Подъ первымъ впечатлѣніемъ досады, она хотѣла-было, только что возвратившись домой, броситься на шею къ отцу своему, сообщить ему о случившихся и умолять его завтра же уѣхать съ нею изъ Баденъ-Бадена. Но мысль о томъ, какъ огорчить отца мысль, что на дѣтахъ его неизмѣнно лежать печать предразсудковъ, что отъ нихъ не въ состояніи спасти ихъ ни годы, ни обстоятельства, заставила ее молчать и удалиться въ свою комнату, гдѣ она въ одиночествѣ отдалась своему горю и чувству негодованія. Она не могла скрыть отъ себя, что любила Вальтера, не съ тою бурною страстностью, съ которою когда-то любила Рейнгарда, а тою болѣе спокойною любовью, которая ожидаетъ найти на груди любимаго человѣка если и не рай юношескихъ надеждъ, то во всякомъ случаѣ вѣрное убѣжище противъ всякихъ житейскихъ бурь.

Она знала, до какой степени она дорога ему, она въ состояннн была нарисовать себѣ въ самыхъ радужныхъ краскахъ будущность вблизи его, — и не отдавая себѣ хорошенько въ томъ отчета, уже связала съ этой будущностью свои надежды. Она сознавала это по тому чувству боли, которое вызывала въ ней самая мысль о необходимости разлуки съ Вальтеромъ. Но въ то же время эта разлука выступала передъ нею въ видѣ необходимости. Выраженнн услышанннн ею отъ Штейнгейма въ это утро, и разговоръ, начатый подслушаннннн ею вечеромъ, доказали ей то, что она сознавала и безъ того, а именно, что, принимая руку Вальтера, она неизбежно вступиваетъ его въ тяжелую для него борьбу, которую ей, какъ еврейкѣ, придется выдержать противъ общественнаго мнѣннн.

— Я, еще будучи наполовину ребенкомъ, — сказала она сама себѣ, — почувствовала въ себѣ настолько силы, чтобъ отречься отъ любви ради сохраненнн внутреннего мира; неужели-жъ у меня не хватитъ силъ сдѣлать теперь то же самое ради Вальтера, который желаетъ принести для меня такую большую жертву? Нѣтъ! Я одна желаю выпить до дна ту чашу страданнн, которая предопредѣлена мнѣ судьбою. Я завтра же, какъ только увижусь съ Вальтеромъ, скажу ему, что никогда не соглашусь сдѣлаться его женою, потому что люблю его и потому, что желаю, по крайней мѣрѣ, сохранить себѣ утѣшенн, что я не испортила его жизнь.

Рѣшено было съѣздить на слѣдующнй день въ Гернебахъ, для того, чтобъ переговорить съ отцомъ той молодой женщины, которую Жюли взяла подъ свое покровительство; предполагалось ѣхать въ двухъ небольшихъ, легкихъ коляскахъ, такъ какъ дорога была настолько крута, что неудобно было ѣхать въ одномъ большомъ экипажѣ. Старикъ Мейеръ еще вечеромъ предложилъ г-жѣ Мейнингъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ одной коляскѣ, и такимъ образомъ Жюли приходилось ѣхать съ Вальтеромъ. Она желала воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобъ объясниться съ нимъ и высказать ему, почему имъ пришлось разстаться. Вальтеръ, съ своей стороны, также возлагалъ

Большія надежды на эту поѣзду, и поэтому для него было очень приятно, когда на слѣдующее утро, увидѣвъ поданные къ подѣзду экипажи, маленькій Рихардъ сталъ упрашивать Женни взять его съ собою. Сначала Женни отказала ему въ этомъ, но маленькій дѣстепъ обвился ручонками вокругъ ея шеи и воскликнулъ, заливаясь слезами: — „Женни! Вѣдь ты же вчера общала мнѣ это; да и мамѣ моей ты общала, что будешь меня всюду брать съ собою, а те, что разъ общано, нужно исполнять. Пожалуйста, тетя, возьми меня съ собою. Я буду умникъ, совсѣмъ умникъ!“

Если она не желала ясно обнаружить свое наѣбрение остаться съ глазу-на-глазъ съ Вальтеромъ, то ей нельзя было отказать мальчику въ его просьбѣ, такъ какъ дѣйствительно она наканунѣ общала ему взять его съ собою. Столь же мало мысленно было для нея усадить его въ колясѣ своего отца, такъ какъ живой мальчикъ могъ бы стѣснить старика во время ѣзды. Поэтому ей пришлось, хотя и не особенно охотно, согласиться на то, чтобы взять Рихарда въ легкую коляску Вальтера, которая, благодаря двумъ прекраснымъ лошадямъ, вскорѣ до того опередила коляску ея отца, что та совершенно скрылась изъ виду.

Было прекрасное утро, и быстрая ѣзда по красивой мѣстности привела Женни въ самое лучшее расположеніе духа. Присутствіе ребенка мѣшало ей вступитъ въ тотъ разговоръ, къ которому она готовилась за ночь; Рихардъ то и дѣло выражалъ восторгъ свой то по нѣмецки, то по англійски, спрашивалъ о названіи каждой деревни, мимо которой они проѣзжали, и, вскакивая въ колясѣ, ловилъ своимъ сачкомъ каждую пролетающую мимо бабочку. Когда Женни говорила ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно, онъ видался ей на шею, спрашивалъ, развѣ онъ не умникъ, общалъ вести себя лучше, а минуту спустя начиналась еще пущая возня.

— Какъ подходит этотъ веселый ребенокъ къ окружающей насъ смѣющейся природѣ, — сказалъ Вальтеръ, любовавшійся все время веселымъ, бойкимъ мальчикомъ. — Мы, безъ сомнѣнія, всѣ созданы для

тою, чтобы быть также счастливыми; и если когда нибудь у насъ тамъ, въ лучшемъ мѣрѣ, спросить отчета въ нашихъ дѣйствіяхъ, то, безъ сомнѣнія, намъ будетъ зачтенъ грѣхомъ каждый часъ, въ который мы, по винѣ нашей, упустили возможное для насъ счастье.

— Это смотри по тому, — возразила Женни, — что мы станемъ называть виной нашей, и будемъ-ли мы...

— Женни, какъ называется эта рѣчка? — спросилъ мальчикъ, перебивая ее. Они только что выѣхали на открытое мѣсто и взорамъ ихъ открылась рѣка Мурга, по высокому, утесистому берегу которой извивалась дорога въ Герисбахъ. Чѣмъ больше они приближались къ этому городку, тѣмъ обрывистѣе становились отвѣсы скалъ. Вся мѣстность получила болѣе суровый колоритъ, они въѣхали въ высоты Шварцвальда, и около Форбаха неизажъ принялъ уже почти мрачный оттѣнокъ.

Теперь они ѣхали по лѣвому берегу Мурга, и у Женни даже положительно кружилась голова, когда она смотрѣла съ высоты утесовъ, между которыми проложена была дорога, на темную воду горной рѣчки, быстро несшейся у самаго подножія скалъ. Безпрерывные подъемы и спуски мѣшали имъ ѣхать съ одинаковой быстротой, такъ какъ лошади то медленно поднимались въ гору, то, къ великой радости Рихарда, шибко неслись подъ гору. Наконецъ они достигли высшей точки дороги, откуда начинался очень крутой спускъ, требовавшій наложенія тормазовъ даже для самаго легкаго экипажа и при самыхъ привычныхъ къ спуску лошадяхъ. Вучеръ слѣзъ съ козелъ, чтобы затормазить колеса, а Рихардъ попросилъ, чтобы ему позволили встать на сидѣніе, между Вальтеромъ и Женни, чтобы посмотрѣть, какъ вучеръ будетъ отпѣплять цѣпь тормазовъ и подсовывалъ тормазъ подъ колеса.

— Позволь мнѣ стоять здѣсь, Женни, — попросилъ мальчикъ, — и смотрѣть, какъ колеса стали теперь лѣвиться! Эй вы! — крикнулъ онъ, перегибаясь черезъ спинку коляски и замахиваясь рученками; — я вамъ задамъ, лѣвнтяи!

Въ то же мгновеніе раздался легкій лязгъ желѣза, и Рихардъ ве-

осно воскликнулъ: — „Ага! Вотъ они теперь и покатились!“ — Дѣйствительно, цѣпь одного изъ тормазовъ лопнула, другое колесо, вѣдствие того, что колеска наклонилась въ одну сторону, выскочило изъ тормазы, и колеска съ ужасающей быстротою покатила внизъ; она съ такою силою напирала на лошадей, что кучеръ не въ состояніи былъ удержать ихъ, и онѣ пустились чуть не вскачь. Стоило одной изъ лошадей оступиться, споткнуться, — и колеска свалилась бы съ высокаго откоса въ волны рѣки Муръ! Никто, исключая ликующаго мальчика, не могъ скрыть отъ себя, какъ велика была опасность.

— Ребенка! ребенка! — воскликнула Женни, увидѣвъ опасность, и съ помощью Вальтера притянула къ себѣ мальчика, котораго она въ смертельномъ ужасѣ вѣрно обхватила. Вальтеръ же не спускалъ глазъ съ лошадей. Онъ одной рукой обхватилъ Женни, какъ бы желая ее защитить, и говорилъ въ полголоса: „Не кричите! Таше, ради Бога!“ — Затѣмъ, обратившись къ кучеру, онъ говорилъ: — Натяни вѣдла! Не смотри по сторонамъ! Сдерживай, сдерживай лошадей — и мы спасены! — Но какъ онъ ни старался оставаться спокойнымъ, голосъ его дрожалъ, и лицо его было бѣлѣе мѣла; наконецъ колеска, благополучно спустившись, остановилась у подножія горы, и выбившійся изъ силъ кучеръ отпустилъ поводья и остановилъ лошадей, чтобы дать имъ вздохнуть.

Первая мысль Вальтера было о Женни, первый взглядъ, по минованіи опасности, онъ кинулъ на нее. Онъ увидѣлъ ее безжизненно откинувшуюся назадъ; она выпустила мальчика изъ своихъ рукъ и изъ небольшой ранки на вискѣ ея сочилась кровь; Рихардъ обнялъ ея шею и плакалъ. Когда она, въ тревогѣ своей, сильно рванула къ себѣ ребенка, тотъ печально попалъ острымъ концомъ своего сачка въ ея високъ и причинилъ ей небольшую ранку, но она въ волненіи своемъ сама не замѣтила ни этой ранки, ни начавшей сочиться изъ нея крови. Она помнила только одно, — что ей нужно во что бы то ни стало спасти довѣреннаго попеченію ея ребенка; но когда наконецъ лошади были остановлены, напряженное состояніе ея нервовъ, усиленное еще прове-

дежной бессонной ночью, сказалось во всей своей силѣ, и она лишилась чувствъ. Нечего было и думать о томъ, чтобъ оказать ей немедленную помощь: по близости не было ни одного дома, а ѣхавшая за ними коляска сильно отстала, и ея не было видно. Дрожащими руками Вальтеръ обвязалъ голову Женни своимъ платкомъ, обхватилъ лежавшую въ глубокомъ обморокѣ дѣвушку и велѣлъ кучеру погонять лошадей, чтобы скорѣе доѣхать до Герисбаха, гдѣ можно было оказать Женни первую помощь.

Какъ онъ еще недавно желалъ обнять и прижать къ своей груди любимую дѣвушку! Теперь это желаніе его исполнилось, — но при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ! Съ невыразимой любовью смотрѣли его глаза на закрытые глаза Женни, на ея блѣдное лицо; онъ старался посредствомъ тренія согрѣть похолодѣвшія руки ея, — и трудно описать его восторгъ, когда на щекахъ ея появился легкій румянецъ, и глубокій вздохъ показалъ, что жизнь снова возвращается къ ней, когда Женни наконецъ раскрыла свои большіе, черные глаза, съ вроткой улыбкой взглянула на ребенка и затѣмъ, съ тихими слезами радости, снова опустила свою голову на грудь Вальтера. Не будучи въ силахъ больше сдерживать себя, онъ прижалъ ее къ своему сердцу и пытался горячими поцѣлуями своими согрѣть ея похолодѣвшія губы.

— О чемъ же ты еще плачешь? Почему это тебя цѣлуетъ графъ Вальтеръ? — спросилъ мальчикъ, котораго стало тяготить томительное молчаніе и разбирало нетерпѣніе.

— А потому, что Женни моя невѣста и мы радуемся, что избѣгли смерти, — отвѣтилъ ему Вальтеръ, лицо котораго сіяло отъ счастья и отъ сознанія раздѣленной любви; — потому что теперь передъ нами открывается счастливая, прекрасная жизнь. Приблизься ко мнѣ, Рихардъ, приблизься! И ты долженъ раздѣлить нашу радость, потому что и надъ тобою, милый ребенокъ, носилась рука смерти. Приблизься, и тоже поцѣлуй Женни, поцѣлуй мою невѣсту!

А Женни? При первыхъ же словахъ ребенка она подняла свою голову отъ груди Вальтера, стыдась признанія, которое невольно обна-

ружила въ минуту слабости, когда въ сильной душевной тревогѣ, припала въ груди его, какъ бы, нища въ немъ своего признаннаго покровителя. Теперь уму ея мрачною тѣнью предстала мысль о разлуцѣ съ графомъ; она отвернулась отъ любимаго человѣка и съ глубокимъ вздохомъ закрыла руками лицо. Но голосъ Вальтера, радость и любовь, звучавшія въ его словахъ, проникли въ самую глубь ея сердца, и когда онъ нѣжно произнесъ: — „Ты отворачиваешься отъ меня?“ — она не въ состояніи была больше совладать съ своими чувствами, претянула ему обѣ руки и сказала: — Я боролась сама съ собою; я желала обхватить отъ тебя, такъ какъ твое счастье для меня дороже моего собственнаго! Но Богъ судилъ иначе! Мы еще живы — пускай же отнынѣ вся моя жизнь будетъ посвящена тебѣ!

Держа руку Женни въ своей рукѣ, а Рихарда на колѣнахъ, Вальтеръ подъѣхалъ въ гернсбахской гостинницѣ, гдѣ его уже знали, такъ какъ онъ и раньше того не разъ заѣзжалъ сюда въ своихъ экскурсіяхъ. Онъ и лакей его помогли Женни выйти изъ коляски; Вальтеръ приказалъ было позвать доктора, но она увѣрила его, что не нуждается ни въ докторѣ, ни въ какихъ либо лекарствахъ. — „Я чувствую только маленькую тяжесть въ головѣ, — сказала она, снимая повязку съ лба; — мнѣ кажется, будто я слишкомъ долго и слишкомъ крѣпко спала, да и теперь еще я не вполне увѣрена въ томъ, проснулась-ли я, или же только вижу сладкій сонъ.“

— А все же графинѣ слѣдовало бы пригласить доктора, — сказала хозяйка гостинницы, и эти слова ея вызвали на лицѣ Женни легкій румянецъ и ласковую улыбку, доставившія Вальтеру невыразимое блаженство. Рука въ руку они стали поджидать приѣзда отца ея, который не безъ удивленія увидѣлъ ихъ въ такомъ положеніи; когда же Вальтеръ разказалъ ему о случившемся, напомнилъ ему его обѣщаніе и потребовалъ исполненія его, старикъ, сильно взволнованный, благословилъ дочь свою, избѣгшую такой страшной опасности и шедшую теперь на встрѣчу такой счастливой будущности.

Мейеръ и г-жа Мейнингъ одни любовались прелестными видами,

которые представляли ишь Гернсбахъ и красивый Эберштейновій замокъ. Вальтеръ же и Женни видѣли только другъ друга, и между тѣмъ какъ первые, стоя у окна замка, восхищались прекраснымъ зрѣлищемъ, открывавшимся изъ оконъ замка, счастливые женихъ и невѣста сидѣли у подошвы горы, въ бесѣдѣ, и Женни рассказывала Вальтеру, кака она еще наканунѣ твердо рѣшилась умолять его, чтобъ онъ повинулъ ее, и какъ тяжело было для нея это рѣшеніе, потому что она любитъ его, любить отъ всего сердца. Она совершенно откровенно высказала ему всѣ свои сомнѣнія и опасенія, не скрыла даже и нечаянно подслушаннаго ею разговора у г-жи Мейнингъ, который такъ сильно оскорбилъ ее, и въ заключеніе спросила его: — „А тебя никогда не оскорбитъ, если тебѣ придется выслушать что либо подобное?“

— Никогда! — рѣшительно отвѣтилъ Вальтеръ. — Повѣрь мнѣ: если я когда либо считалъ счастьемъ что я родился на высшихъ ступеняхъ челевѣческаго общества, то это происходило именно потому, что съ этой выси тѣ предразсудки, которые смущаютъ умы толпы, постоянно казались мнѣ крайне мелочными и глупыми, и я никогда не въ состояніи былъ понять, какимъ образомъ ихъ можно было брать руководящей нитью для своего образа дѣйствій. Я горжусь тѣмъ, что мнѣ доведется украсить твою голову графской короной, доказать, что обладаніе тобою для меня дороже всѣхъ почестей міра. Никакіе упреки не въ состояніи будутъ оскорбить меня, такъ какъ я вполне увѣренъ, что никогда женщина достойнѣе тебя не носила нашего древняго имени.

— А твой дядя? Твои родные? Развѣ они будутъ также смотрѣть на вещи, какъ ты, развѣ имъ будетъ пріятно вступленіе мое въ ваше семейство? — возразила Женни.

— Мой дядя — челевѣкъ благородный, и ему, какъ и мнѣ, не приходилось бороться съ жизнью; наше мѣсто на жизненномъ пиру было уже заранѣе приготовлено для насъ. Дядя мой, подобно мнѣ, умѣетъ цѣнить то высокое положеніе, которое доставили намъ заслуги нашихъ предковъ; но онъ умѣетъ уважать и заслуги того, кому приходилось са-

нему создавать себѣ положеніе. Чѣмъ свободнѣе и благороднѣе мыслить человекѣ, тѣмъ шире ставятся его взгляды, тѣмъ сильнѣе возмущаютъ его основы, налагаемыя на другихъ, угнетеніе и несправедливость. Онъ не одобрялъ моего выбора, — сознаюсь въ томъ откровенно, — такъ какъ противъ такого выбора говорили старыя семейныя наши нравы. Но разъ я на немъ настаиваю, разъ имъ обусловливается счастье всей моей жизни, онъ полюбитъ тебя, когда тебя узнаетъ, и я его настолько знаю, что вполне увѣренъ, что ты, въ немъ найдешь друга и опору.

Среди подобныхъ разговоровъ, строя радужныя планы относительно будущаго, они провели нѣсколько часовъ, такъ что отцу Женни пришлось наконецъ напомнить ей о настоящей причинѣ ихъ пріѣзда въ Гернебахъ. Всерьѣзъ отцу больной молодой женщины пришлось съ удовольствіемъ убѣдиться, какъ легко договариваться съ людьми счастливыми. На все, чего только онъ ни требовалъ, тотчасъ же являлось согласіе. Рѣшено было предоставить въ его распоряженіе известную сумму на расширеніе его производства, между тѣмъ какъ на имя его дочери и его ребенка предполагалось положить капиталъ, достаточный для того, чтобъ она могла существовать совершенно независимо отъ отца своего; при такихъ условіяхъ онъ не находилъ препятствія къ тому, чтобы снова открыть свой домъ для дочери и внука, и они должны были на-дняхъ же переѣхать къ нему.

Лишь довольно поздно радостная компанія собралась въ обратный путь. Въ Баденъ-Баденъ ихъ ожидала новая радость, въ видѣ писемъ съ родины. Какъ предполагалъ заранѣе старикъ Мейеръ, Эдуардъ выражалъ искреннюю свою радость по поводу плана о замужствѣ Женни, о вѣроятности котораго написалъ ему отецъ. Онъ видѣлъ въ немъ несомнѣнный признакъ торжества разума надъ предрасудками, борьба противъ которыхъ сдѣлалась цѣлью его жизни; и союзъ этотъ, составляя, съ одной стороны, личное счастье для Женни, съ другой стороны — доставляя Эдуарду союзника, который отнынѣ, ради собственныхъ своихъ интересовъ и изъ чувства чести, долженъ былъ всту-

паться за права евреевъ, въ какомъ бы отношеніи ни дѣлались на нихъ посягательства. Далѣе Эдуардъ сообщаетъ, что Фердинандъ выздорѣвалъ и снова принять въ свое семейство, о чемъ упоминалось и въ письмѣ Вилліама и Клары, которые оба въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, распространялись о благодарности, которую они питаютъ къ Эдуарду. Они называли его виновникомъ ихъ счастья, — счастья, для полноты котораго теперь недоставало только присутствія воздѣ ихъ дѣтей ихъ, и Клара просила Жени и отца ея по возможности ускорить свой отъѣздъ изъ Бадена, такъ какъ она сгорала отъ нетерпѣнія поскорѣ свидѣться съ дѣтьми своими.

А такъ какъ и безъ того время, которое г-жа Мейнингъ имѣла обыкновеніе проводить въ Вадентъ-Баденѣ, близилось къ концу, то рѣшено было исполнить просьбу Клары и уѣхать изъ Бадена нѣсколько ранѣе, чѣмъ предполагалось въ началѣ.

XVIII.

Надъ Мейеровскимъ семействомъ, разнообразна перипетія жизни котораго мы прослѣдили, теперь, казалось, взошла яркая и благопріятная звѣзда. Оно выѣхало изъ Бадена вмѣстѣ съ г-жой Мейнингъ и Вальтеромъ, проводило первую почти до самой родины ея, и Жени, благополучно доставивъ дѣтей въ объятія Клары; съ радостнымъ сердцемъ, вмѣстѣ съ Вальтеромъ, вступила въ родительскій домъ свой. Семейства Мейеровъ и Горшовъ еще болѣе сблизились. Казалось, будто Эдуардъ снова обрѣлъ въ счастіи своей сестры и въ дружбѣ Вилліама и Клары веселость минувшей своей молодости, и онъ отъ всей души отдался тому братскому чувству, съ какимъ отнесся къ нему Вальтеръ. Такимъ людямъ, какъ Эдуардъ и Вальтеръ, нетрудно сойтись между собою, такъ какъ убѣжденія ихъ, хотя и исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія, все-таки сходились въ своихъ вѣчныхъ цѣляхъ. Даже прибытіе дяди Вальтера, котораго Жени ожидала не безъ чувства нѣкоторой тревоги, напротивъ, немало сдѣйствовало еще большому увеличенію ея счастья. Нѣкоторая прирожденная сдержанность, съ ко-

торю въ началѣ относился старый графъ къ Женни и къ ея семейству, скоро уступила мѣсто болѣе сердечному отношенію, вызванному сердечностью Женни и спокойнымъ достоинствомъ ея родныхъ. Уже спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ она сумѣла приобрести полное расположение стараго графа, онъ сказалъ какъ-то однажды вечеромъ Вальтеру, очутившись съ нимъ съ глазу-на-глазъ: — „Разъ дѣла уже нельзя измѣнить, я прямо скажу тебѣ, что ты могъ бы сдѣлать гораздо болѣе неудачный выборъ; эта дѣвушка, если не обращать вниманія на происхожденіе ея, представляется мнѣ настоящей жемужиной среди женщинъ. Но только послѣдуй моему совѣту: женись на ней какъ можно скорѣе. Дѣло въ томъ, что для меня все же неприятно постоянно слышать нашу фамилію, упоминаемую рядомъ съ фамиліей Мейеровъ, каковы бы ни были достоинства этаго почтеннаго семейства. Разъ Женни сдѣлается твоей женой, это само собою прекратится, и гораздо труднѣе будетъ сказать что нибудь противъ графини Вальтеръ, чѣмъ противъ дѣвицы Мейеръ. Скажи этой милой дѣвушкѣ, что я ей же желаю добра, и что именно поэтому желаю ускоренія вашего брака. Я думаю, что мнѣ не трудно будетъ убѣдить старика въ томъ, что для васъ самое лучшее—отправиться поскорѣе, въ качествѣ супруговъ, въ твои помѣстья, и затѣмъ возвратиться въ столицу лишь въ началѣ сезона. Я буду ожидать васъ тамъ, чтобы руководить первыми вашими шагами въ нашихъ кружкахъ“.

Хотя значеніе, которое придавалъ старый графъ исполненію этого плана, казалось Вальтеру преувеличеннымъ, однако, планъ этотъ слишкомъ совпадалъ съ его собственными желаніями для того, чтобы онъ не послѣдшилъ согласиться на него. И отъ г. Мейера получено было согласіе, чтобы свадьба Женни и Вальтера состоялась въ первыхъ числахъ ноября. Дядя самъ выступалъ почти всюду въ качествѣ спутника и какъ бы защитника обрученныхъ, и ему, очевидно, доставляло немалое удовольствіе находиться въ ихъ обществѣ. Иногда, правда, ему казалось какъ будто нѣсколько страннымъ, что онъ какъ бы совсѣмъ вышелъ изъ своей обычной среды, что онъ возвращается въ еврей-

скомъ семействѣ и чувствуетъ себя въ немъ совершенно хорошо; но при этомъ онъ успокоивалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что было бы неразумно прати противъ рожна и что онъ обязанъ, такъ сказать, оправдать и освятить тотъ шагъ, который разъ сдѣлалъ его племянникъ, и относиться къ будущей графинѣ Вальтеръ по родственному. Онъ объявилъ о намѣреніи своемъ остаться въ городѣ до свадьбы своего племянника; а такъ какъ ему нечего было дѣлать, то онъ занялся приобрѣтеніемъ экипажей, столоваго серебра и вообще всего, что было необходимо для будущаго хозяйства молодыхъ; или же, съ началомъ охотнаго сезона, онъ посѣщалъ знакомыхъ своихъ поимѣщиковъ, жившихъ по соседству.

Наступили уже послѣднія числа октября. Разъ какъ-то старый графъ, обѣдая въ семействѣ Мейеровъ, предложилъ племяннику своему, въ знакъ благодарности за всѣ хлопоты его по устройству будущаго хозяйства молодыхъ, оказать ему и съ своей стороны услугу и поѣхать завтра, вмѣстѣ съ нимъ, къ одному знакомому, устраивающему громадную охоту, на которую онъ пригласилъ и графа-дядю и графа-племянника. Вальтеръ сначала отвѣтилъ уклончиво, но старый графъ не хотѣлъ допускать никакихъ возраженій и сказалъ, обращаясь къ Женни:—Пожалуйста, милая моя племянница, замолвите словечко за старика дядю, который когда-то далъ вашему жениху первый урокъ въ стрѣльбѣ и желалъ бы подъ старость полюбоваться успѣхами своего ученика.

Что оставалось дѣлать Вальтеру? Ему приходилось принять предложеніе старика, тѣмъ болѣе, что просительный тонъ послѣднаго составлялъ рѣзкій контрастъ съ его обычными повелительными манерами. Всѣ встали изъ-за стола, такъ какъ графъ желалъ выѣхать еще засвѣтло, чтобы пріѣхать до наступленія ночи въ усадьбу своихъ знакомыхъ. Между обоими стариками завязался оживленный разговоръ по поводу какой-то мѣры правительства, въ то время какъ они усѣлись въ кабинетъ за чашкой кофе, передъ пылающимъ каминомъ. Вальтеръ стоялъ съ своей невѣстой въ нишѣ окна, а Эдуардъ и Іосифъ просматривали новѣйшія газеты.

— Миѣ что-то ужасно не хочется ѣхать сегодня! — проговорилъ Вальтеръ. — Хотя я вообще очень люблю охоту, но эта компанія миѣ не очень нравится; и къ тому же миѣ придется дня на два разстаться съ тобою.

— А что, — спросила Женни, — если бы я попросила твоего дядю оставить тебя въ обществѣ моихъ и отца моего, тѣмъ болѣе, что черезъ недѣлю намъ придется уѣхать?

— Нѣтъ, не дѣлай этого, моя милая, — отвѣтилъ графъ. — Въ концѣ концовъ намъ слѣдуетъ смотрѣть на эту маленькую разлуку, которая для насъ именно теперь такъ неприятна, какъ на жертву, которую мы приносимъ богамъ, для того, чтобъ они не завидывали намъ. Мы до сихъ поръ были такъ счастливы, да къ тому же развѣ мы не имѣемъ еще передъ собою и всю будущность?

— Не говори такъ, Вальтеръ, — просила его Женни. — Это звучитъ такъ самоувѣренно. А кто изъ насъ можетъ поручиться за завтрашній день?

— Какое ты суевѣрное дитя! — сказала Вальтеръ, обвиняя ее. — Почему-жъ бы судьбѣ, благопріятствовавшей миѣ съ самаго дѣтства, вдругъ отвернуться отъ меня именно теперь, когда я собираюсь раздѣлить дары ея съ тобою? Не бойся, моя милая, и положишься, вмѣстѣ со мною, на мое давнишнее, испытанное счастье!

Тѣмъ временемъ Эдуардъ взглянулъ на нихъ изъ-за своей газеты и, любуясь красивой и счастливой парочкой, сказалъ, обращаясь къ Іосифу: — Какъ жаль, что матушка не дождала до этой минуты, что она не видитъ, какое счастье выпало въ удѣлъ ея Женни и какъ радуется этому счастью нашъ старикъ! Какое бы горячее участіе она приняла и въ тѣхъ надеждахъ, которыми я теперь полонъ болѣе, чѣмъ когда либо, и которыя, быть можетъ, вскорѣ превратятся въ прекрасную дѣйствительность!

— А кто знаетъ, что можетъ еще до тѣхъ поръ случиться! — отвѣтилъ Іосифъ своимъ обычнымъ, нѣсколько скептическимъ, тономъ. — Мертвымъ все таки лучше всего! Пускай они спятъ себѣ спокойно.

Слова эти произвели непріятное впечатлѣніе на Эдуарда, находившагося въ самомъ радужномъ настроеніи духа; онъ отошелъ отъ окна и подошелъ къ старому графу, собиравшемуся уходить и приглашавшему Вальтера слѣдовать за нимъ. Тотъ нѣжно простился съ своей невѣстой: они разставались еще въ первый разъ со времени помолвки своей. Женихъ проводила его до передней.

— Значить, Вальтеръ, — говорила она, — ты пробудешь тамъ не больше двухъ дней, не такъ-ли? Послушайте, дядюшка: я не позволяю вамъ удерживать Вальтера ни однихъ часомъ дольше, свыше двухъ сутокъ, — и вы сами должны доставить его мнѣ обратно! — крикнула она вслѣдъ уходившимъ.

— Даю вамъ въ томъ мое слово! — отвѣтилъ старый графъ, удаляясь съ своимъ племянникомъ.

Такъ какъ было еще достаточно свѣтло, то Вальтеръ попросилъ дядю зайти съ нимъ въ магазинъ ювелира, которому онъ заказалъ свадебный подарокъ для Женихъ, желая сдѣлать въ этой вещи еще кое-какія измѣненія. Тамъ они встрѣтились съ однимъ молодымъ аристократомъ, служившимъ прежде въ одномъ полку съ Вальтеромъ, затѣмъ состоявшимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при различныхъ посольствахъ и лишь недавно возвратившимся въ Германію.

Удивившись встрѣчѣ съ обоими графами Вальтерами, у которыхъ не было здѣсь ни родныхъ, ни помѣстій, онъ спросилъ у молодого, между тѣмъ какъ старый графъ ушелъ съ ювелиромъ въ другую комнату, въ которой разставлено было серебро, предназначавшееся для Женихъ:

— Какая случайность занесла васъ въ этотъ городъ, любезный графъ?

— Я пріѣхалъ сюда изъ Баденъ-Бадена съ моей невѣстой, — отвѣтилъ тотъ, — и остаюсь здѣсь до нашей свадьбы.

— Вы, значить, женихъ? — спросилъ баронъ. — А кто ваша невѣста, сию спросить?

— Невѣста моя — дочь банкира Мейера.

— Ахъ, вы шутите, мой милый! — воскликнулъ баронъ сѣясь. — Жидовка!

— Что же вамъ въ этомъ кажется страннымъ? — сухо и рѣзко спросилъ Вальтеръ.

— Перестаньте шутить! — продолжалъ тотъ, все еще сѣясь. — Я очень хорошо знаю, что ваши дѣла находятся въ настолько хорошень положеніи, что вамъ нечего вступать въ такой бракъ.

— Но я только что имѣлъ честь сказать вамъ, что я женюсь на дѣвицѣ Мейеръ, — запальчиво произнесъ Вальтеръ, — и я бы попросилъ васъ отнести ваше удивленіе къ самому себѣ, такъ какъ я нахожу его нахальнымъ.

Баронъ собрался было отвѣтить въ томъ же тонѣ; но въ эту минуту старый графъ вышелъ съ ювелиромъ изъ сосѣдней комнаты, и, не зная что именно вызвало ссору, сталъ между молодыми людьми и сказалъ тихимъ, но повелительнымъ голосомъ: — Пожалуйста, госнода, безъ всякихъ сценъ! Вамъ обоимъ известно, гдѣ вы можете встрѣтиться другъ съ другомъ. Чего же вамъ больше? — И отдавъ еще спокойнымъ голосомъ ювелиру нѣсколько распоряженій, онъ взялъ подъ-руку своего племянника и спокойно вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ магазина, оставивъ тамъ одного барона.

— Что у васъ съ нимъ произошло? — спросилъ онъ Вальтера. Тотъ взволнованнымъ голосомъ сталъ рассказывать ему о только что разыгравшейся сценѣ. Старикъ задумчиво покачалъ головой.

— Вотъ этого-то именно я и опасался, — произнесъ онъ какъ бы про себя. — Нѣчто подобное не могло не случиться. — И затѣмъ онъ произнесъ, обращаясь къ Вальтеру: — Ну, и что же ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Развѣ объ этомъ еще можно спрашивать? — отвѣтилъ тотъ. — Этотъ наглецъ долженъ дать мнѣ удовлетвореніе за нанесенное имъ оскорбленіе. Я сейчасъ отправлюсь искать когонибудь изъ моихъ знакомыхъ. Я не могу теперь ѣхать на охоту, дядя.

— Потихе, потихе, Вальтеръ! — сказалъ старый графъ. — И

я тоже не поѣду. Это крайне-непріятная исторія, и ее слѣдуетъ покончить энергически и быстро, — въ этомъ я съ тобою согласенъ. По моему, тебѣ сразу же слѣдуетъ отклонить всякое посредничество, показать съ перваго же шага, что ты не позволяешь шутить съ собою въ этомъ отношеніи; а для того, чтобы всѣ могли убѣдиться въ томъ, какъ смотреть на это дѣло твое семейство, я самъ желаю явиться секундантомъ твоимъ. Правда, я успѣлъ уже нѣсколько поотвыгнуть отъ этого ремесла; но авось какъ нибудь да справлюсь съ нимъ.

Вальтеръ крѣпко пожалъ руку своему дядѣ и другу, старавшемуся замаскировать свое безпокойство подъ видомъ шутки, и съ благодарностью принялъ предложеніе его.

Вызовъ не замедлил послѣдовать, и Вальтеръ попросилъ своего дядю устроить дѣло такъ, чтобы встрѣча послѣдовала на слѣдующее же утро. Онъ пожелалъ лично сдѣлать еще на всякій случай нѣкоторыя распоряженія, и затѣмъ провести вечеръ въ мѣстѣ съ Женни. Но дядя посоветовалъ ему не дѣлать того. Онъ представлялъ ему, что Женни не ждетъ его въ этотъ вечеръ, что неожиданное появленіе его можетъ обезпокоить ее и взволновать его самого. — Вы, теперешніе молодые люди, — говорилъ онъ, — придаете подобнымъ вещамъ слишкомъ важное значеніе. Въ наше время мы смотрѣли совершенно иначе на дѣло. Впрочемъ, я не желаю мѣшать тебѣ устраивать твои дѣла, какъ ты желаешь. Не ходи только къ Женни. Вѣдь ты завтра же ее увидишь, — все равно, суждено-ли тебѣ подвергнуться маленькому кровопусканію, или ты выйдешь изъ этой встрѣчи совсѣмъ невредимымъ. А между тѣмъ ты спокойнѣе отправись на поединокъ, если не увидишь предварительно своей невѣсты.

Эти доводы показали Вальтеру убѣдительными, и онъ рѣшился послѣдовать совѣту дяди.

XIX.

Женни спокойно спала утромъ, убаюкиваемая сладкими снами, какъ вдругъ, противъ принятаго въ домъ обыкновенія, ее пришли будить.

Она не безъ удивленія спросила, чего отъ нея нужно, такъ какъ столь необычное появленіе у нея Эдуарда и отца ея заставило ее ожидать чего-то особеннаго.

— Женни, — сказалъ отецъ, — одѣвайся скорѣе! Тебѣ предстоитъ доказать сегодня, что ты обладаешь тою твердостью духа, которую мы приписывали тебѣ. Вальтеръ заболѣлъ и желаетъ тебя видѣть.

— Онъ умеръ! — воскликнула Женни, охваченная смертельнымъ ужасомъ.

— Нѣтъ, онъ живъ, — отвѣтилъ Эдуардъ, — но онъ тяжело раненъ на охотѣ, и по его желанію его перевезли сюда.

Нѣсколько минутъ спустя, Женни стояла на колѣняхъ передъ кроватью Вальтера. Онъ еще въ состояніи былъ узнать ее: это доказывалъ взоръ, полный любви и печали, которымъ онъ привѣтствовалъ ее, и слабое движеніе, которое онъ сдѣлалъ, положивъ свою руку на ея голову, когда увидѣлъ ее подлѣ себя. Но печаль, написанная на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, всеобщее безмолвіе и отсутствіе движенія слишкомъ ясно доказывали, что здѣсь нѣтъ мѣста никакой надеждѣ, что присутствующіе стояли у постели умирающаго. Голова графа снова склонилась на ея грудь, она не спускала глазъ любимаго лица, ни единая слеза не выступала на ея глазахъ, ни одна жалоба не срывалась съ губъ. Ея нѣмая печаль тревожила присутствующихъ. Старый графъ попытался вывести несчастную изъ ея ужаснаго оцѣпенѣнія словами: — „Женни, вотъ какъ мнѣ пришлось исполнить мое обѣщаніе!“ — Онъ самъ былъ, очевидно, сильно потрясенъ. Она печально взглянула на дядю своего жениха, протянула ему руку, и душа ея снова погрузилась въ безмолвное созерцаніе любимаго человѣка.

Среди такого ужаснаго и томительнаго молчанія прошелъ цѣлый часъ. Гнетущая тишина нарушалась только стараніями Эдуарда доставить нѣкоторое облегченіе раненому. Вдругъ изъ груди Вальтера вырвался глубокой вздохъ, голова его опустилась на грудь: — онъ умеръ!

Женни съ потрясающимъ, отчаяннымъ крикомъ схватила съ рукою за сердце и упала на грудь своего жениха.

XX.

На слѣдующій день можно было прочесть въ газетахъ: „Вчера въ нашемъ городѣ произошла дуэль на пистолетахъ между графомъ В... и барономъ В..., исходъ которой оказался смертельнымъ для графа. Покойный графъ собирался черезъ нѣсколько дней жениться, и глубокое горе, вызванное его кончиной, стоило жизни и несчастной невѣстѣ его. Поводомъ къ столеновенію послужили, какъ слышно, семейныя дѣла“.

Въ томъ же номерѣ газеты напечатано было слѣдующее объявленіе: „Р. Мейеръ съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаетъ друзей и знакомыхъ своихъ о скоростижной смерти единственной дочери своей Женни, и проситъ ихъ о сочувствіи его горю“.

XXI.

Старый графъ Вальтеръ распорядился, чтобы тѣло его пламянника было вывезено изъ города еще въ тотъ же вечеръ, при свѣтѣ факеловъ, для преданія землѣ въ семейномъ склепѣ. На слѣдующее утро три человека стояли; склонившись надъ свѣжей могилой: то были старикъ Мейеръ, Эдуардъ и Іосифъ. Они испросили у всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, чтобы имъ, въ видѣ особой милости, предоставлено было однимъ похоронить дорогую для нихъ покойницу, и никто не рѣшился отказать имъ въ этой просьбѣ. Солнце ярко взошло на ясномъ небѣ, и чудное осеннее утро свѣтило надъ свѣжей могилой. Въ совершенномъ одиночествѣ стояли трое мужчинъ на христіанскомъ кладбищѣ чужого города, на которомъ суждено было Женни найти вѣчное успокоеніе, вдали отъ праха ея матери и всѣхъ ея родныхъ по крови. Несчастный старикъ безмолвно устался въ землю, закрывавшую отъ взоровъ его безжизненные останки его дочери. Наконецъ изъ груди Іосифа вырва-

лось и поднялось къ небу отчаянное восклицаніе: — „Къ чему же мы еще живемъ!“ — которое вызвало первыя слезы на глазахъ отца Женни.

Но Эдуардъ энергическимъ движеніемъ выпрямился и воскликнулъ съ восторженнымъ взоромъ ясновидящаго: — „Мы живемъ для того, чтобы дождаться такого времени, когда уже не будутъ больше приноситься такія кровавыя жертвоприношенія на алтарѣ предрасудковъ! Мы будемъ жить для того, чтобы увидѣть лучшую, свободную будущность, чтобы увидѣть эмансипацію нашего народа!“

Перев. Э. Ватсонъ.

ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

I.

В И Н О.

Въ душистой тѣни вертограда
Стоялъ за работою праотець Ной:
Впервые на почвѣ земной
Сажалъ онъ лозу винограда.
И пѣлъ онъ:

„Рости, и цвѣтушъ, и высокъ,
Мой отпрыскъ зеленый, лоза винограда!
Созрѣй и разлейся, живительный сокъ,
Будь взорамъ утѣха, будь сердцу отрада,
Рости, разрастайся, лоза винограда“!

Онъ пѣлъ, а въ углу вертограда,
Мелькая сквозъ темную хвою сосны,
Двѣ красныя искры зловѣще горѣли —
На праотца зорко оттуда глядѣли
Глаза сатаны.

Нечистая дума въ душѣ назрѣвала
И тонкая дрожь по устамъ пробѣгала.

Когда-жъ виноградарь, уставъ отъ трудовъ,
 Въ свою удалился обитель,
 Къ лозѣ подошелъ Искуситель —
 Да будетъ онъ проклятъ во вѣки вѣковъ!—
 Не самъ онъ туда подошелъ,
 Но цѣлое пестрое стадо
 Привелъ онъ къ лозѣ винограда:
 Овечку привелъ онъ и льва онъ привелъ,
 Да бурога вепря за ними чредою,
 Четвертымъ кабанъ выступалъ
 И пятой—мартышка. Пять жертвъ онъ заклалъ
 Предъ юной лозою
 И, дикихъ, мятежныхъ исполненный силъ,
 Ихъ жаркою кровью лозу окропилъ...

* * *

Съ веселымъ шипѣньемъ, звеня и сверкая,
 Лучится и пѣнится влага хмѣльная...
 И вотъ онъ, веселья невольникъ и другъ,
 Библейскаго дѣда достойнѣйшій внукъ!
 Онъ чашу подьемлетъ со влагой хмѣльною—
 И цѣлое стадо являетъ собою:
 Вначалѣ онъ кротокъ, что агнецъ; потомъ
 Въ отвагѣ поспорить готовъ хоть со львомъ;
 Онъ яростью вепря кипитъ и трепещетъ;
 И вотъ, наконецъ,
 Явивъ чистоплотности той образецъ,
 Какою созданіе нѣкое блещетъ,

Мартышки приметъ онъ образъ живой
И валится на-земь съ бессмысленнымъ смѣхомъ...
Уродливыхъ призраковъ рой
Кружится надъ бѣдной его головой
И вторить ему усыпляющимъ эхомъ...

С. Фругъ.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ДОПОЛНЕНІИ НЕДОБОРА НОВОБРАНЦЕВЪ У ЕВ- РЕЕВЪ.

Злополучный вопросъ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности все еще составляетъ предметъ толковъ въ извѣстной части нашей печати, и, вѣроятно, въ виду скорого наступленія призывнаго времени, снова будетъ поставленъ на очередь. Что онъ и нынѣ не будетъ представленъ въ настоящемъ его свѣтѣ, не будетъ очищенъ отъ тѣхъ затемняющихъ его неясностей и неточностей, которыя составляютъ значительную часть его сущности, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала его возникновенія онъ получилъ такую окраску, которая всего менѣе соотвѣтствуетъ внутреннему его содержанію — въ этомъ едва-ли возможно сомнѣваться. Благодаря отчасти извѣстнымъ тенденціямъ юдофобской печати, съ особеннымъ усердіемъ старающейся запутывать этотъ вопросъ и исказять настоящій его смыслъ, отчасти обнародованію относящихся къ этому вопросу цифровыхъ данныхъ, легшихъ въ его основаніе, но далеко не изображающихъ настоящаго его характера, въ печати и извѣстныхъ учрежденіяхъ установилось неизбѣжное мнѣніе объ упорномъ и неисправимомъ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности и необходимости принимать энергическія, исключительныя мѣры противъ такой преступной ихъ наклонности. Но на самомъ дѣлѣ особенности этого ненормальнаго явленія нисколько не подають повода къ выводу такого, уже чересчуръ неблагоприятнаго для евреевъ заключенія, а, напротивъ, въ значительной степени уменьшаютъ тяжесть лежащаго на нихъ обвиненія. Нисколько не рискуя заслужить упрекъ въ пристрастіи,

мы можемъ съ положительностью сказать, что если бы не отнoсился въ этому вопросу съ предвзятымъ мнѣніемъ и не старались непременно найти въ немъ подкрѣпленіе заранѣе составленнаго взгляда на евреевъ, дѣло отбыванія ими воинской повинности не представлялось бы въ такой рѣзкой, бросающейся въ глаза формѣ и не получило бы такого несвойственного ему освѣщенія. Мы не станемъ теперь касаться исторіи зарожденія и появленія въ свѣтъ этого любимаго дѣтища юдофобовъ, не будемъ распространяться о всѣхъ условіяхъ, способствовавшихъ возникновенію у евреевъ наклонности избѣгать исполненія этой весьма важной государственной повинности. Объ этомъ уже много было говорено, и между прочимъ передовыя статьи «Нед. Хр. Восхода» тоже уже не разъ достаточно выяснила эту сторону вопроса, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на настоящія средства къ устраненію этого печальнаго явленія. Мы желаемъ только тутъ обратить вниманіе на положительное преувеличеніе этого несомнѣнно существующаго зла и на тѣ крайніе размѣры, которые ему приписываютъ. Дѣло въ томъ, что данными для опредѣленія степени исправности отбыванія евреями воинской повинности служатъ официальные свѣдѣнія, публикуемыя въ «Прав. Вѣстникѣ» тотчасъ по окончаніи призыва каждаго года; но вполнѣнствіи по отношенію къ евреямъ эти данныя значительно измѣняются, и первоначально считаемая за ними недоимка въ теченіе года пополняется, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Если бы принимали въ соображеніе это обстоятельство и старались опредѣлить настоящую величину недобора у евреевъ, то немало, можетъ быть, удивились бы исчезновенію этого, столь сильно всѣхъ пугающаго призрака массоваго ихъ уклоненія отъ воинской повинности, и превращенію въ мизерныя величины относящихся къ этому громадныхъ цифръ, которыя при болѣе подробномъ ихъ разсмотрѣніи лишаются того внушительнаго вида, въ какомъ онѣ представляются съ перваго взгляда. Какъ это ни странно, но, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что главное основаніе, краеугольный камень построеннаго обвиненія противъ евреевъ далеко не пользуется прочностью и солидностью, какихъ мы въ правѣ ожидать и требовать отъ такого капитальнаго и важнаго дѣла, какъ точное опредѣленіе настоящихъ размѣровъ еже-

годнаго *недобора* новобранцевъ-евреевъ. По крайней мѣрѣ относительно Вилькомирскаго уѣзда мы въ состояніи доказать съ цифрами въ рукахъ, что официальные статистическія числовыя данныя объ исполненіи ежегодно евреями воинской повинности въ послѣдствіи претерпѣваютъ значительныя измѣненія, далеко не соответствуя такимъ образомъ настоящему положенію дѣла. Мы уже разъ имѣли случай показать (см. «Русскій Еврей» 1881 г. № 29—31) на основаніи неопровержимыхъ цифровыхъ данныхъ, что дѣйствительное число поступившихъ въ военную службу евреевъ въ Вилькомирскомъ уѣздѣ за 1878 и 1879 гг. далеко не соответствуетъ официальнымъ даннымъ по этому предмету, составленнымъ тотчасъ по окончаніи призыва тѣхъ годовъ. Теперь же мы въ состояніи сдѣлать дальнѣйшія дополненія и во-очію показать, что замѣченное въ 1878—79 гг. явленіе постепеннаго пополненія недобора у евреевъ не представляется какимъ-то одиновымъ исключеніемъ, но повторяется изъ года въ годъ въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ. Мы располагаемъ теперь возможностью привести несомнѣнныя данныя, служація неопровержимымъ доказательствомъ, что въ теченіе 1880, 1881, 1882, 1883 и 1884 гг. первоначальный, считаемый за евреями недоборъ, тотчасъ послѣ призыва въ каждомъ изъ этихъ годовъ, безпрерывно пополнялся такъ что недочетъ или совсѣмъ исчезъ, или сократился до весьма незначительной величины. Такое рѣзкое противорѣчіе, замѣчаемое ежегодно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ между относящимися сюда официальными статистическими свѣдѣніями, обнародованными въ «Памятной книжкѣ Ковенской губ.», и тѣми данными, взятыми нами изъ присутствія по воинской повинности Вилькомирскаго уѣзда и выражающими дѣйствительную степень уклоненія евреевъ отъ воинской повинности, должно убѣдить каждаго непредубѣжденнаго читателя, что вопросъ объ уклоненіи евреевъ отъ исполненія этой весьма важной государственной повинности заключаетъ въ себѣ много невѣрнаго и неяснаго, и въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется извѣстною частью нашей печати, сильно грѣшитъ противъ истины. Считаемъ нелишнимъ тутъ же замѣтить, что въ «Памятной книжкѣ Ков. губ.» печатаются ежегодно результаты призыва, произведеннаго за годъ передъ тѣмъ, слѣдовательно, для вѣрнаго изображенія настоящаго положенія

этихъ цифровыхъ данныхъ должно было при составленіи ихъ принимать въ соображеніе происшедшія въ теченіе по крайней мѣрѣ этого года измѣненія; но по непонятной для насъ причинѣ статистическія эти свѣдѣнія оставлены тамъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, не подвергаясь никакому исправленію, согласно происшедшимъ въ нихъ измѣненіямъ. Считаемъ своею пріятною обязанностью исправить ошибки присяжнаго статистика «Памятной книжки Ковен. губ.» и обрисовать въ настоящемъ видѣ дѣло отбыванія евреями воинской повинности въ Вилькомирскомъ уѣздѣ за сказанные годы, на основаніи слѣдующихъ данныхъ.

Недоборъ новобранцевъ-евреевъ за 1880 г. показанъ въ «Памятной книжкѣ Ков. губ.» на 1882 г. (стр. 233) по Вилькомирскому уѣзду въ 64 чел., но недоборъ этотъ постепенно пополнялся впоследствии по слѣдующимъ участкамъ. По 1-му участку первоначального недобора было 30, поступило потомъ на службу 26 человѣкъ, остается недоимка 4 чел. Въ 2-мъ участкѣ не хватало сначала 3 человѣка, недочетъ этотъ затѣмъ былъ совершенно пополненъ, такъ что въ настоящее время по этому участку недобора нѣтъ. По 3-му уч. недоставало 20 чел., принято потомъ 14 чел., остались непринятыми 6 чел. По 4-му уч. недобора было 12 чел., принято 7, нехватаетъ 5. Такимъ образомъ, вмѣсто показанныхъ въ «Памятной книжкѣ» 64 чел. недобора въ дѣйствительности недостаетъ только 15 чел.

Въ 1881 г. по даннымъ, указаннымъ въ «Памятной книжкѣ» на 1883 г. всего недобора было 51 ч., но на самомъ дѣлѣ въ настоящее время считается всего только непринятыми 24, а 27 поступило на службу послѣдовательными приемами по участкамъ. Въ 1-мъ уч. недоставало первоначально 25 чел., принято потомъ 13, осталось недобора 12 ч. По 2-му уч. недобора было 1 чел., который потомъ и былъ принятъ. По 3-му уч. недобора 18 чел., впоследствии принято 10 чел., осталось недобора 8 ч. По 4-му уч. нехватало 7, принято потомъ 3 ч., осталось 4 ч.

Въ «Памятной книжкѣ» на 1884 г. (стр. 239) высчитанъ недоборъ за 1882 г. въ 17 ч., но этотъ недоборъ былъ потомъ сполна пополненъ поступленіемъ впоследствии: по 1-му уч.—14 ч., по 2-му уч.—2 ч. и по 4-му уч.—1 ч., по 3-му же уч. недобора и сначала не было.

За 1883 годъ значится въ «Памятной книжкѣ» на 1885 годъ (стр. 257) по Вилькомирскому уѣзду недобора 22 человекъ, но и этотъ недоборъ былъ пополненъ сполна. По 1-му уч. поступило дополнительно 11 чел., по 2-му уч.—2 ч., по 3-му уч.—9 чел., а по 4-му уч. недобора совершенно не было.

За 1884 г. въ «Памятной книжкѣ» на 1886 г. значится недобора по Вилькомирскому уѣзду (стр. 258) 29 ч., но въ дѣйствительности недобора осталось 14 ч., а 15 поступило впоследствии, а именно: по 1 уч. недобора было 17 ч., принято потомъ 14 ч., остались непринятыми 3 ч. По 2-му уч. не хватало 4 ч., поступило 4 ч. По 3-му уч. доставало 3 ч., и они всѣ потомъ были приняты, а по 4-му уч. пополненъ недоборъ поступленіемъ недостававшихъ 5 ч. Всего за пятилѣтіе отъ 1880 по 1884 г. включительно официальнаго недобора евреевъ-новобранцевъ по Вилькомирскому уѣзду было 183 ч., въ дѣйствительности же не хватаетъ только 53 ч., а 129 ч. поступило потомъ въ счетъ первоначальнаго недобора. Хотя по другимъ уѣздамъ Ковенской губ. у насъ нѣтъ подробныхъ цифровыхъ данныхъ относительно постепеннаго пополненія первоначально образующагося во время призыва недобора у евреевъ, но по тѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ такое послѣдовательное поступленіе евреевъ въ военную службу совершается и тамъ, и въ значительной степени способствуетъ сокращенію числящейся за ними недоимки. Но какъ бы то ни было, чтобы рѣшить вопросъ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности вполне безпристрастно и на основаніи дѣйствительныхъ статистическихъ данныхъ, слѣдуетъ прежде всего затребовать изъ губернскихъ присутствій по воинской повинности черты осѣдлости свѣдѣнія о дѣйствительныхъ недоимкахъ, считаемыхъ за евреями по отбыванію ими воинской повинности, за вычетомъ всѣхъ поступившихъ на службу послѣ призыва каждаго года, и тогда видно будетъ, насколько въ самомъ дѣлѣ велико уклоненіе евреевъ отъ этой повинности и насколько настоятельно требуется принятіе чрезвычайныхъ, репрессивныхъ мѣръ противъ нихъ. По всей вѣроятности, многимъ, относящимся къ этому вопросу искренно и безъ предвзятаго мнѣнія, придется измѣнить свой взглядъ на него, убѣдившись, что ходячее мнѣніе о массовомъ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности лишено реаль-

ной почвы, и что несвоевременное отправленіе этой гражданской обязанности не одно и то же, что полное уклоненіе отъ него. Во всякомъ случаѣ, если и можетъ уже быть вопросъ о принятіи мѣръ къ устраненію ненормальнаго явленія, замѣчаемаго при отправленіи евреями этой повинности, то онъ долженъ быть разсматриваемъ не отдѣльно, но въ связи съ тѣми обстоятельствами и условіями жизни евреевъ, которыя составляютъ единственную причину этого несомнѣннаго зла, набрасывающаго на нихъ весьма невыгодную тѣнь...

Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право требовать этого, что, по правдѣ говоря, не только за одними евреями водится этотъ грѣхъ, но и другіе не обнаруживаютъ особеннаго усердія къ исполненію этой повинности. Особенно это замѣчается у мѣщанъ-христіанъ, которые, не будучи прикрѣплены къ землѣ, какъ крестьяне, и не состоя подлѣ непосредственнымъ надзоромъ старшинъ и старость, располагаютъ возможностью при помощи разныхъ уловокъ уклоняться отъ воинской повинности. Если по отношенію къ нимъ не усматривается недобора, то это просто потому, что они призываются къ отбыванію этой повинности не отдѣльно, какъ евреи, но вмѣстѣ съ крестьянами, которымъ приходится поступать на службу за отсутствующихъ мѣщанъ. Это особенно видно въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ городской призывный участокъ состоитъ изъ одного города, безъ присоединенія къ нему сосѣднихъ волостей, слѣдовательно, гдѣ мѣщане по необходимости призываются отдѣльно отъ крестьянъ. Такъ, напр., въ г. Шавляхъ, Ковен. губ., образуемомъ отдѣльнымъ призывнымъ участкомъ, оказался недоборъ у христіанъ въ 1883 г. 19 чел., а въ 1884 г.— 18 чел. («Памятн. книжка Ковен. губ.» 1885 г., стр. 257, и «Памятная книжка» 1886 г., стр. 260). Тотъ, который имѣетъ возможность ближе присматриваться къ дѣлу призыва къ отбыванію воинской повинности, согласится со мною, что городская часть христіанскаго населенія употребляетъ тѣ же самыя средства и уловки, какія ставятся въ вину евреямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не останавливаются передъ бѣгствомъ въ Америку, чтобы только не поступить въ военную службу, въ чемъ я имѣлъ случай недавно убѣдиться во время освидѣтельствованія въ ноябрѣ прошлаго года, новобранцевъ въ качествѣ врача-экс-

перта въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, куда былъ командированъ г. начальникомъ губерніи съ этою цѣлью во время призыва. Въ Розолинскомъ именно призывномъ участіи оказалось нѣсколько христіанъ, ушедшихъ въ Америку съ цѣлью уклониться отъ военной службы, и такіе случаи, по общему голосу, составляютъ нерѣдкое явленіе въ этой мѣстности. Мы, конечно, далеки отъ мысли считать эти факты оправданіемъ для евреевъ, но во всякомъ случаѣ ихъ не должно подвергать строгому осужденію, принимая во вниманіе, съ одной стороны, что слишкомъ уже увеличиваютъ степень 'уклоненія отъ воинской повинности, а съ другой — что этотъ грѣхъ лежитъ и на совѣсти христіанъ, особенно мѣщанскаго сословія, которые если не меньше евреевъ стараются избѣгать исполненія этой гражданской обязанности, но за то лучше ихъ умѣютъ прятать концы въ воду, заставляя крестьянъ пополнять оказывающійся среди нихъ недоборъ и избѣгая такимъ образомъ контроля власти и общественнаго мнѣнія.

М. Каценеленбогенъ.

Вилькомиръ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТРАДНЫЕ СИМПТОМЫ.

1) *Письма Шлемъ-Шлиммазеля* къ своей возлюбленной Акулинѣ Ивановѣ. С. М. III—каго. Москва, 1887 г.

2) *Дѣтскія забавы* (Kinder-Spiel): достопримѣчательная любовь избалованнаго, изнѣженнаго еврейскаго барчука. Повѣсть *Шулемъ-Алейхема* (на жаргонѣ). С.-Петербургъ, 1887 г.

3) *עשרה מאמרים על חינוך*: Десять статей по вопросу о воспитаніи, *М. Калмансона*. Варшава, 1887 г.

4) *עשרה מאמרים*: Сказанія старины, составленныя *В. Ябецомъ*. Варшава, 1887 г.

Крайняя скудость сочиненій по современнымъ вопросамъ еврейской жизни составляетъ замѣтную отличительную черту нашей литературы въ послѣднее время. Вопреки старой пословицѣ: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», мы нынче какъ-то совсѣмъ перестали говорить о томъ, что такъ сильно, такъ нестерпимо у насъ болитъ, что насъ терзаетъ и отравляетъ намъ жизнь... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ все-таки больше писали, толковали, судили и рядили — и вдругъ такое затишье! Гдѣ причина этого страннаго явленія? Неужели боль уже притупилась и не имѣетъ той острой, жгучей силы, что прежде? Или внѣшнія причины нашихъ страданій уменьшились и потеряли свою интенсивность? Ни того, ни другого, кажется, нельзя утверждать — и гораздо болѣе вѣроятнымъ является чуть-ли не обратное предположеніе. Надо полагать, что боль уже такъ остра, страданіе такъ глубоко, что и говорить, даже плакать нельзя. Вѣдь бываютъ же такіе мучительные моменты въ жизни человѣка, когда и источникъ слезъ иссякаетъ, и никакое утѣшеніе, никакое облегченіе невозможно; почему бы этому не быть и въ жизни народа? И дѣй-

ствительно, много. Гора накопилось въ послѣднее время на душѣ интеллигентнаго человѣка, много мучительныхъ думъ преслѣдуетъ вездѣ мыслящаго еврея — и нѣтъ имъ облегченія, ни въ словахъ, ни въ скорбныхъ возгласахъ. Это тихое, глубокое страданіе, безъ слезъ, безъ воплей, но страданіе, раздѣдающее сердце... Но можно-ли долго находиться въ такомъ состояніи? Вѣдь надо же, наконецъ, хоть чѣмъ нибудь облегчить себя. Вы помните два замѣчательныхъ стиха въ книгѣ Іова: «И сидѣли (друзья) съ нимъ (Іовомъ) на землѣ семь дней и семь ночей, и не говорили ему ни слова, ибо видѣли, что боль очень велика. Потомъ же открылъ Іовъ уста свои и сталъ проклинать свою судьбу». Проклятiе, жалеба, плачь — хоть какъ нибудь надо же дать исходъ накинѣвшему горю.

Все поникло кругомъ, помертвѣло,
 Какъ средь дикихъ, пустынныхъ равнинъ...
 Зарыдалъ бы хоть кто нибудь слыно!
 Застоналъ бы хоть громко одинъ!..

Одинъ человѣкъ откликнулся на этотъ горестный призывъ нашего поэта — и какъ ему не сказать: спасибо? Этотъ человѣкъ — г. III—кій, и стоить его выдѣлять въ книгѣ, посвящей нѣсколько сатирическое заглавіе: «Письма Шлемъ-Шлиммазеля къ Акулинѣ Ивановнѣ». И дѣйствительно это отчасти сатира, по крайней мѣрѣ по внѣшней формѣ, ибо грустное, скорбное содержаніе весьма мало отвѣчаетъ сатирическому тону. Самъ авторъ большею частью покидаетъ сатирической тонъ и говоритъ прямо, безъ затѣй, по душѣ. Аллегорическій элементъ остается главнымъ образомъ въ названіяхъ лицъ, въ которыхъ авторъ воплощаетъ то или другое понятіе. Всякому, конечно, будетъ ясно, что Шлемъ-Шлиммазель это — нашъ злосчастный народъ, что подъ Акулиною Ивановною надо подразумѣвать нашу матушку-родину, подъ Шмулемъ — массоваго еврея вообще, подъ Степою — русскаго простолюдина. Прочтите вотъ этотъ, наприимѣръ, отрывокъ — и вы увидите, въ какомъ тонѣ пишетъ авторъ и какіе вопросы затрагиваетъ. Рѣчь идетъ о пресловутой еврейской «наживѣ», о томъ, что еврей «дѣлаетъ деньги изъ ничего».

— Ты думаешь, Акулина, что Шмулю легко достается такой хлѣбъ?
 «Очень и очень не легко, мой другъ!

«Искусство дѣлать деньги изъ ничего, на мой взглядъ — самое трудное въ жизни. За это волшебное ремесло человѣкъ принимается отъ безысходной нужды, какова и есть нужда Шмуля. Она создана не временными случайностями, а людской волей, людскимъ произволомъ.

«Жилъ себѣ Шмуль въ деревнѣ, кой-какъ перебивался изо дня въ

день. Чѣмъ онъ тамъ ни занимался, онъ во всякомъ случаѣ не воровалъ и не грабилъ, иначе бы его судили государственнымъ судомъ. Ты вдругъ вознегодовала и безъ разсужденій турнула его оттуда вонъ. Шмуль очутился въ городѣ — въ мѣстѣ, гдѣ у него ни двора, ни кола. На шеѣ голодная семья. Самъ онъ тоже оборванный, голодный.

«Мудрено-ли, что сей Кантъ, валадаясь по міру безъ пріюта, зорко слѣдитъ за дуновеніемъ вѣтерка?.. Удивительно-ли, что этотъ одинокій, гонимый челоуѣкъ напрягаетъ всѣ свои инстинкты и алчно поглощаетъ все, что можетъ удовлетворить его неодолиму хотѣнію жить?..

«Ему-ли еще думать о привлекательности труда?..

«Да всякій на его мѣстѣ сталъ бы грабить среди бѣлаго дня! Должно удивляться его умѣнію страдать. Онъ просто великъ въ своемъ ничтожествѣ: Онъ—герой кротости и терпѣнія!»... (стр. 40).

Простая, будничная сценка, совершающаяся чуть-ли не ежедневно, списанная съ любой корреспонденціи — и между тѣмъ въ ней и многихъ тому подобныхъ сценахъ заключается рѣшеніе рокового вопроса: кто виновать?.. И сколько выразительности и правды въ заключительныхъ словахъ! Да, нѣтъ сомнѣній, что другой на мѣстѣ Шмуля сдѣлался бы грабителемъ и разбойникомъ, что только Шмулевское терпѣніе, выносливость и боязливость спасаютъ общество отъ ужасныхъ бѣдствій и потрясеній, какія неизбежно должны были бы вытекать изъ невыносимаго положенія миллионной массы.

Однимъ короткимъ и выразительнымъ афоризмомъ отвѣчаетъ авторъ на обвиненіе евреевъ въ «обходѣ закона». «Жалуются на то, что Шмуль обходитъ законъ, но никто не подумаетъ о томъ, что законъ обходитъ его права» (стр. 53). Что «законъ» или, точнѣе, *произвольное толкованіе* закона со стороны низшей администраціи нарушаетъ существенныя и признанныя права евреевъ — развѣ мы этому не бываемъ свидѣтелями каждый день? Удивительно-ли, что евреи борются за свои законныя права тѣми же средствами, какими пользуются иные изъ блюстителей закона для нарушенія ихъ? «Блюститель» пытается нарушать то или другое право еврея, еврей задабриваетъ его или инымъ образомъ ухитряется уладить дѣло: это называется «обходомъ закона». Но вѣдь это скорѣе предупрежденіе «обхода» со стороны «блюстителя». Это—не наступательный, а оборонительный обходъ, вынужденный силою.

Есть одна страничка въ «Письмачѣ», которая затрогиваетъ самую большую струну нашего сердца, раскрываетъ совсѣмъ свѣжую, еще не зажившую душевную рану. Приводимъ ее безъ комментариевъ, ибо она въ нихъ не нуждается.

«Университетъ, кажись,—святыня, храмъ науки! Приходи учиться, кто пожелаетъ. Ученіе благо, ученіе свѣтъ, наука юношей питаетъ! Знаніе, что благодать небесная, во всѣхъ видахъ дорого... Отчего же это для евреевъ придумали процентики въ университетахъ? Зачѣмъ связывать низменное слово «процентъ» съ возвышеннымъ понятіемъ «университетъ»? Причемъ въ наукѣ паспортъ, типъ, носъ, скулы и какіе-то другіе кусочки тѣла, когда учатся головой, когда знаніе полезно не только тому, кто учится, но обществу, государству, словомъ — всѣмъ? Удивительно право удивительно!.. И не только удивительно, но даже грустно! Что станется съ тѣми десятками и сотнями молодыхъ людей, которые посвятили себя честному труду, но въ силу процентиковъ очутились внѣ нормы? Эти несчастные, точно нищіе, застряли на паперти. Для нихъ обѣдни не служатъ. На первой же ступенькѣ передъ ними выросла непроницаемая стѣна. Куда имъ дѣться, чѣмъ быть? Люди хотѣли честно трудиться, хотѣли честно служить обществу, имъ помѣшали!»... (стр. 52).

Приведенныя нами цитаты взяты изъ первыхъ двухъ писемъ лежащаго передъ нами выпуска книги г. Ш—каго (Тутъ кстати замѣтить, что этотъ выпускъ—второй по числу, такъ какъ года два тому назадъ былъ напечатанъ первый, незначительный, впрочемъ, по объему, выпускъ «Писемъ Шлимазеля»). Эти два письма, да еще слѣдующее за ними восьмое письмо (нумерація писемъ идетъ начиная съ перваго выпуска) написаны почти въ публицистическомъ, серьезномъ тонѣ; темою ихъ служить то, что обыкновенно входитъ въ составъ еврейскаго вопроса: ограниченія правъ евреевъ, безурядица въ ихъ экономическомъ положеніи, причины антагонизма и погромовъ etc. Гораздо болѣе фельетона и аллегоріи въ слѣдующихъ трехъ «письмахъ» (съ стр. 81 до конца книги). Тутъ авторъ является подражателемъ Щедрина и чаще прибѣгаетъ къ бичу сатиры. Такъ, въ девятомъ письмѣ онъ обличаетъ всѣ мерзости и низости «ново-временскихъ» дѣльцовъ въ формѣ слишкомъ прозрачной, чтобы трудно было разгадать—куда именно мѣтитъ авторъ. Десятое письмо есть уже совсѣмъ аллегорія. Тутъ изложена исповѣдь одного, лежащаго на одрѣ смерти, отставного солдата, котораго власти выселяютъ изъ Петербурга, лишая его послѣдняго куска хлѣба. Это, однако, не исповѣдь въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе бредъ больного или фантастическій сонъ. Больной рассказываетъ объ одномъ деревцѣ, которое было вырвано изъ родимой почвы и получило возможность двигаться, превратилось въ человѣка, стало стремиться къ самозванію, къ свободному передвиженію, чему, однако, препятствовали окружающія условія. Разгадка аллегоріи содержится въ заключительныхъ строкахъ письма. Тутъ солдатъ рассказываетъ, какъ

его, по истеченіи срока службы, отовсюду гнали—изъ Петербурга, Москвы, Кіева, Харькова, и говорятъ: «Какъ извѣдалъ я сей путь-дороженьку, какъ потаскался я изъ города въ городъ, какъ стало мнѣ и холодно, и голодно, какъ прикинулись мнѣ всякія болѣзни—я неоднократно проклиналъ этотъ волшебный *даръ свободного движенія*. Проклинаю его и теперь. Никто не могъ гнать меня съ мѣста на мѣсто, когда я былъ деревцомъ. А теперь?.. *Самое высокое, самое дорогое, чѣмъ Богъ меня одарилъ, люди сдѣлали моимъ горемъ, моимъ страданіемъ*» (стр. 158). Эти послѣднія слова прекрасны и трогательны, но аллегорія, изъ которой они вытекаютъ, слишкомъ мистична и загадочна, и во всякомъ случаѣ странно звучитъ въ устахъ простого солдата.

Вообще же мы съ большими интересомъ прочли книгу г. Ш—каго и искренне привѣтствуемъ ее, какъ отраднѣйшій симптомъ въ нашей бѣдной литературѣ.

Одно отрадное явленіе можемъ мы отмѣтить и въ нашей молодой жаргонной литературѣ. Мы говоримъ о новой повѣсти даровитаго писателя, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Шулемъ-Алейхемъ» — повѣсти, озаглавленной «Дѣтскія Забавы» (זעש-זעש). Недавно имѣли мы случай указать на маленькій эскизъ того же автора, невольно обратившій на себя наше вниманіе среди кучи бездарныхъ произведеній современной беллетристики. Новое, болѣе крупное произведеніе г. Шулемъ-Алейхема является только болѣе яркимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами раньше мнѣнія о беллетристическомъ талантѣ этого писателя. Живая наблюдательность, трезвый реализмъ, крайняя правдивость въ изображеніи жизненныхъ явленій, юмористическая форма изложенія, очень хорошо идущая къ еврейскому жаргону,—вотъ всѣ свойства этого таланта. Тутъ нечего искать поэзіи, искусственнаго драматизма; тутъ прямо схвачена одна полоса дѣйствительности и скопирована какъ она есть, безъ романтическихъ прикрасъ, просто и незатѣливо.

Весьма простая, будничная исторія лежитъ въ основаніи этого разсказа—исторія о томъ, какъ одинъ богатый еврейскій барчукъ, избалованный и пустой малый, полюбилъ порядочную еврейскую дѣвушку, какъ сошелся съ ней и какъ потомъ бросилъ ее. Чего, кажется, проще,—а между тѣмъ эта незатѣливая канва дала автору возможность нарисовать цѣлый рядъ яркихъ и правдивыхъ бытовыхъ картинокъ, рядъ интересныхъ типовъ и жизненныхъ явленій. Тутъ слегка очерчены нѣкоторые типы

старого поколѣнія—нашихъ дѣдовъ и отцовъ; тутъ же болѣе детально изображены нѣкоторые характерные представители современной молодежи. Два товарища, Мотель Фридманъ и Мееръ Фурманъ, кончаютъ одновременно хедеръ, одновременно женятся и одновременно вступаютъ въ общественную жизнь,—но вступаютъ не съ одинаковыми задатками. Сынъ богатыхъ, но невѣжественныхъ родителей, Мееръ Фурманъ отличался умомъ неподвижнымъ и характеромъ грубымъ, хотя и не злымъ; сынъ же бѣдняковъ, рано познавшій нужду, Мотель Фридманъ обладалъ быстрымъ умомъ, предприимчивостью и характеромъ дѣлового человѣка. Поэтому, когда послѣ женитьбы товарищи вступили въ торговое сотоварищество, и дѣла ихъ пошли блистательно, благодаря ловкости и промышленнымъ способностямъ Фридмана, послѣдній, не имѣя больше надобности въ своемъ компаньонѣ, поспѣшилъ отдѣлаться отъ него и при этомъ не постѣснился одурaczyć и обчитать его на сколько возможно. И такимъ образомъ Фридманъ сталъ богатѣйшимъ купцомъ, обладателемъ капитала въ нѣсколько сотъ тысячъ, а Фурманъ остался при гораздо меньшемъ, но все-таки солидномъ капиталѣ, который пустилъ въ ростъ.

Эта торговая распря между двумя бывшими товарищами, въ связи съ мелочными дрязгами между ихъ женами, была причиною того, что между двумя прежде дружественными семействами Фридманъ и Фурманъ возгорѣлась ожесточенная вражда, подобная враждѣ между классическими семействами Монтеки и Капулетъ въ «Ромео и Джульетта». Вражда длилась много лѣтъ—ровно столько, сколько нужно было для народженія молодого Ромео и молодой Джульетты въ обоихъ враждующихъ домахъ. Роль Ромео играть въ нашемъ неклассическомъ разсказѣ единственный сынъ Фридмана, Борисъ—недоучившійся гимназистъ, извѣщенный и страшно испорченный домашнимъ воспитаніемъ, даннымъ ему матерью (ибо отецъ былъ постоянно занятъ дѣлами), женщиною ограниченою и тщеславною, представляющей собою типъ еврейской «мадамъ» въ наихудшемъ смыслѣ этого слова. Роль Джульетты исполняетъ Роза, единственная дочь Фурмана, молодая дѣвушка, кончившая пансіонъ (дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ городкѣ средней руки) и выработавшая себѣ определенное міросозерцаніе, которое сводилось къ тому, что благородная дѣвица должна полюбить благороднаго юношу, выйти за него замужъ и... дальше этого ея крошечное міросозерцаніе и не простиралось. А любила тихая и благоправная Роза веселаго кутилу Бориса, и Борисъ ее любилъ, по крайней мѣрѣ, такъ онъ увѣрялъ ее въ пламенныхъ любовныхъ посланіяхъ, кото-

рыя тайкомъ посылалъ ей. Нечего говорить, что, въ виду враждебныхъ отношеній нкъ родителей, любовь эта сохранялась въ строжайшей тайнѣ. Влюбленные даже рѣдко видѣлись, а главною посредницею между ними, облегчавшею нкъ письменныя и личныя сношенія, была родственница героини, молодая вдовушка Берта Шмишельбейнъ, особа весьма некрасивая и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Въ тотъ моментъ, когда «романъ» находится въ самомъ разгарѣ, къ Бертѣ присоединяется еще помощникъ по части посредничества—гимназическій товарищъ Фридриха—Айзенштадтъ, характерный юноша, который по части теоретической «науки» былъ довольно плохъ, но за то въ совершенствѣ зналъ «науку жизни», преподаванную ему такими основательными учителями, какъ голодъ, холодъ и нужда. Благодаря такимъ практическимъ посредникамъ, влюбленные, послѣ долгихъ мытарствъ, о которыхъ не будемъ распространяться, достигаютъ своей цѣли. Энергическій Айзенштадтъ привозитъ Розу, убѣжавшую съ нимъ изъ родительскаго дома, въ Кіевъ, гдѣ въ то время находился Борисъ Фридрихъ, обвѣнчиваетъ ее съ нимъ — и для влюбленныхъ настаетъ медовый мѣсяцъ. Но еще прежде, чѣмъ этотъ мѣсяцъ кончился, нашъ дрянный герой начинаетъ скучать въ сообществѣ героини, ищетъ способовъ, какъ бы улизнуть отъ нея, что ему и удается въ одно прекрасное утро. Героиня долго ждетъ его, но наконецъ впадаетъ въ отчаяніе и, покинутая родными, умираетъ во время родовъ. Нашъ презрѣнный герой, разумѣется, и въ усъ себѣ не дуетъ, совершаетъ себѣ *tour de plaisir* за границу и наконецъ, по настоянію мамоньки, женится на богатой невѣстѣ. Вотъ и весь сказъ.

Автору довольно хорошо удалось изобразить типъ избалованнаго еврейскаго барчука. Борисъ Фридрихъ—это еврейскій Митрофанушка новѣйшей формациі, Митрофанушка, оторванный отъ природы, цивилизованный, но потерявшій глупости своего прототипа, но прибавившій къ ней свѣтскому испорченность, погоню за наслажденіями и неутолимую жажду веселой, шумной жизни. Борисъ—жертва того отвратительнаго порядка домашняго воспитанія, котораго творцами по справедливости слѣдуетъ признать нашихъ цивилизованныхъ господахъ Простаковыхъ, типическою представительницею которыхъ является мать героя—Малка Фридрихъ. Это — еврейская «мадамъ», лишенная всякихъ нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ, невѣжественная, вся ушедшая въ интересы брюха, въ наряды, въ свѣтскія удовольствія; это—еврейская провинціальная «львица», бѣсящаяся съ жару, пустая, духовно ничтожная, отстававшая отъ искренней религіоз-

ности (а, слѣдовательно, и нравственности) стараго времени и не приобретающая взаимно этого никакого другого умственного и нравственного балласта. Нетрудно понять, какое тлетворное вліяніе можетъ имѣть такая мать на своихъ дѣтей—и Борисъ Фридманъ является нагляднымъ тому примѣромъ.

Довольно рельефно изображена и личность отца героя—Мотеля Фридмана. Это—еврейскій богачъ, человѣкъ, вѣчно поглощенный дѣлами, весь ушедшій въ торговый балансъ, не имѣющій времени ни для размышленія, ни для того, чтобы заниматься интересами общественными или духовными. Это—не нравственный и не безнравственный человѣкъ, а просто — человѣкъ «дѣловой». Когда онъ прикарманиваетъ себѣ значительную сумму изъ доли своего товарища по торговлѣ, совѣсть его нѣсколько мучитъ, но потомъ онъ прискиваетъ себѣ оправданіе въ разныхъ подходящихъ обстоятельствахъ—и на этомъ успокаивается. Любопытно, что жена его, подавшая ему совѣтъ обчитать компаньона, не только не чувствуетъ при этомъ никакого угрызенія совѣсти, но испытываетъ даже нѣчто въ родѣ нравственного удовольвенія. Тутъ и лежитъ разница между среднимъ еврейскимъ мужчиною, сохранившимъ въ душѣ хоть нѣкоторые религиозно-нравственные принципы изъ тѣхъ, которые ему вдолблены были дѣтскимъ воспитаніемъ, и среднею «современною» женщиною, которой нечего было сохранять, ибо, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія умственного воспитанія, ея душа представляетъ *tabulam rasam*, на которой условія и случайности жизни пишутъ свои произвольныя заповѣди...

Не останавливаясь на анализѣ прочихъ дѣйствующихъ лицъ разсказа и въ томъ числѣ главной героини, которая, кстати сказать, вышла у автора очень блѣдною, замѣтимъ только, что въ общемъ повѣсть г. Шулешъ Алейхема—вещь талантливая, и что если авторъ будетъ продолжать писать и совершенствоваться въ томъ же родѣ, то его произведенія можно предсказать весьма видное мѣсто въ жаргонной литературѣ.

Дурное воспитаніе есть причина главнѣйшихъ недостатковъ той среды, которая изображена въ разсмотрѣнной нами сейчасъ повѣсти. А вотъ г. Калмансонъ, авторъ лежащей передъ нами серьезной книги «Десять статей по вопросу о воспитаніи», трактуетъ именно объ идеалахъ и задачахъ улучшеннаго, здороваго воспитанія. Проникнуты-ли этими идеалами господа и госпожи Фридманы? Конечно, нѣтъ: они подобными «пустяками», въ родѣ идеаловъ и теорій, не занимаются. Но авторъ, вѣроятно, не для

нихъ и писалъ свою книгу, которая рассчитана скорѣе на читателей интеллигентныхъ, серьезныхъ, ищущихъ правды.

Заглавіе книги г. Калмансона можетъ отчасти ввести въ заблужденіе. Судя по этому заглавію, можно подумать, что авторъ занимается вопросомъ о современныхъ порядкахъ еврейскаго школьнаго воспитанія и обсуждаетъ способы практическаго улучшенія этого воспитанія. Авторъ, однако, и не думалъ задаваться подобными вопросами. Не о *практикѣ*, но о *теоріи* воспитанія идетъ рѣчь въ его книгѣ, объ общихъ основныхъ началахъ педагогики; авторъ не публицистъ, а педагогъ-теоретикъ. Вообще не касаясь современныхъ порядковъ воспитанія еврейскаго юношества, хедеровъ, меламедовъ, первоначальныхъ школъ, онъ говоритъ лишь объ общихъ задачахъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, справедливо полагая, что по этой части у насъ весьма рѣдко и мало писали. «Весьма немногіе еврейскіе писатели,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—заботились вопросомъ о воспитаніи въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ европейскіе писатели. У насъ нѣтъ ни одного сочиненія, которое содержало бы въ себѣ полную теорію воспитанія, сообразную съ ходомъ просвѣщенія, прогрессомъ наукъ и духомъ времени». Первые наши просвѣтители, въ родѣ Н. Вессели и И. В. Левинсона, писали и проповѣдывали объ улучшеніи воспитанія, но главною цѣлью ихъ проповѣди было привлеченіе евреевъ къ свѣтскимъ знаніямъ, къ изученію отечественнаго языка и тому подобнымъ занятіямъ, которыя въ ихъ время считались предосудительными и противными еврейской религіи. Теперь времена переменялись. Въ настоящее время, по мнѣнію автора, нужно не доказывать необходимость и невозбранность свѣтскихъ знаній или изученія иностранныхъ языковъ, а скорѣе—необходимость религіознаго воспитанія и изученія языка древне-еврейскаго, такъ какъ и то и другое находится нынче въ крайнемъ пренебреженіи. Подъ «религіознымъ воспитаніемъ» авторъ, конечно, разумѣетъ не хедерное, традиціонное, а трезвое, здоровое воспитаніе, заключающееся въ знакомствѣ съ началами чистаго іудаизма. Доказать необходимость такого воспитанія въ связи съ отвѣчающими требованіямъ современности умственнымъ воспитаніемъ есть главнѣйшая задача «статей» г. Калмансона.

Начавъ въ первой статьѣ съ основнаго положенія, что религіозный элементъ необходимъ въ воспитаніи и что отсутствіе этого элемента, замечаемое нынѣ въ воспитаніи молодежи, идущей въ общія учебныя заведенія, вреднымъ образомъ влияетъ на нравственность молодого поколѣ-

вія,—авторъ во второй статьѣ переходитъ къ тѣмъ возраженіямъ, которыя были сдѣланы противъ религіознаго воспитанія свободномыслищими философиами, въ родѣ Милля и Бокля. Эти возраженія онъ формулируетъ въ шести тезисахъ, основанныхъ на пространныхъ цитатахъ изъ книги «О свободѣ» Милля и изъ «Исторіи цивилизаціи» Бокля. Тезисы сводятся къ слѣдующему: 1) религіозный элементъ въ воспитаніи несовмѣстимъ съ научнымъ, такъ какъ первый неподвиженъ, второй же измѣняется и прогрессируетъ; 2) религіозный духъ есть источникъ нетерпимости; 3) человѣкъ воспитывается въ духѣ извѣстной религіи по случайности рожденія, а не по свободному выбору; 4, 5 и 6) религія несовмѣстима съ прогрессомъ, съ стремленіемъ современной науки къ замиранію сверхъестественнаго естественнымъ и, наконецъ, съ идеєю о совершенномъ равенствѣ людей. Авторъ могъ бы еще короче формулировать возраженія и свести ихъ къ одному—о несовмѣстимости религіознаго элемента въ воспитаніи съ элементомъ научнымъ. Не отвѣчая прямо на это общее возраженіе, авторъ задается болѣе скромною задачей и стремится доказать, что возраженіе о «несовмѣстимости» непримѣнимо къ *иудаизму*; что послѣднему чужда всякая абсолютная догматика; что мозанемъ не стѣсняетъ свободы мнѣній, ибо велитъ не *вѣрять*, а *дѣлать*; что неподвижности въ еврейской религіи нѣтъ, ибо самъ талмудъ былъ въ свое время реформою Патикнижія; что, наконецъ, *иудаизмъ* отлично уживается и съ наукою, и съ политическою свободою, и съ свободою мысли, а слѣдовательно—не противорѣчатъ требованіямъ научнаго воспитанія. Мы бы вполне согласились съ авторомъ въ этомъ послѣднемъ общемъ выводѣ, если бы онъ нѣсколько ограничилъ его и выразился, что *иудаизмъ истинный въ гораздо большей степени* уживается съ наукою и свободою, нежели всѣ прочія религіи. Утверждать же, что начала *иудаизма нисколько* не противорѣчатъ началамъ современной науки и *абсолютно* сходятся съ ними, невозможно, ибо можно-ли сказать, напримѣръ, что библейскій рассказъ о сотвореніи міра, синайское откровеніе и прочія чудеса вполне совмѣстимы съ выводами современной геологіи и біологіи?.. Единственное, что можно утверждать, это—что *иудаизмъ*, вслѣдствіе крайней упрощенности своей догматики, наиболѣе приближается къ типу естественной религіи, къ возвышенному деизму, а потому наилегче уживается съ естествознаніемъ и наиболѣе способенъ выдержать натискъ критикующаго разума...

Слѣдующія главы, начиная съ четвертой, трактуютъ о положительныхъ

задачахъ воспитанія—умственного, нравственнаго и физическаго. Тутъ авторъ пользуется, главнымъ образомъ, теорією Герберта Спейсера, развитою въ его извѣстной популярной книгѣ. Онъ излагаетъ Спейсерову классификацію пяти родовъ человѣческой дѣятельности и соответствующихъ имъ воспитательныхъ началъ (воспитаніе, подготовляющее къ непосредственному самосохраненію, къ посредственному самосохраненію, къ исполненію родительскихъ обязанностей, къ исполненію гражданскихъ обязанностей и къ эстетическому развитію) и доказываетъ необходимость гармоническаго развитія души и тѣла, причемъ пускается даже въ психологическія тонкости (гл. 7—8). Частыя отступленія (въ родѣ изложенія Воклеовой теоріи о вліяніи естественныхъ дѣятелей на духъ человѣка, или аргументаціи Милля въ пользу индивидуальной свободы, въ главахъ 4 и 5) нѣсколько путаютъ порядокъ и схему книги, хотя сами по себѣ эти отступленія въ высшей степени полезны. Въ девятой главѣ излагаются главнѣйшія правила разумнаго воспитанія; тутъ говорится о вліяніи наследственности, товарищества, наказанія за проступки, о количествѣ занятій, о школьномъ возрастѣ etc. Въ послѣдней главѣ авторъ возвращается къ исходному своему положенію—о необходимости религіознаго элемента въ воспитаніи—и подтверждаетъ его частными доводами: говорить о насажденіи въ сердцахъ юношества религіознаго чувства, о благотворномъ вліяніи еврейскаго вѣроученія и даже обрядовъ на нравственное чувство, о необходимости изученія древне-еврейской рѣчи, и кончаетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы евреи и правительство общими силами взялись за улучшеніе порядка воспитанія.

Авторъ самъ признается (стр. 7), что не имѣлъ въ виду дать сколько нибудь обстоятельное руководство по воспитанію, а хотѣлъ только обратить вниманіе на нѣкоторыя важнѣйшія педагогическія истины и на примѣненіе ихъ къ системѣ еврейскаго воспитанія. Намъ остается только сказать, что въ этихъ предѣлахъ г. Калмансонъ очень хорошо выполнилъ свою задачу, что читатель найдетъ въ его трудѣ много прекрасныхъ и глубокихъ мыслей, почерпнутыхъ изъ образцовыхъ источниковъ и удачно скомбинированныхъ. Особенно насъ радуетъ встрѣтить въ трудѣ г. Калмансона большую начитанность не только въ сочиненіяхъ еврейскихъ мыслителей, но и въ трудахъ первоклассныхъ европейскихъ мыслителей нашего времени—качество, весьма рѣдко встрѣчающееся въ большинствѣ еврейскихъ «серьезныхъ» книгъ.

Отъ теоріи воспитанія естественно будетъ перейти къ книгѣ, имѣющей служить воспитательнымъ пособіемъ. Говоримъ о книжкѣ г. Ябеца «Сказанія старины». Въ этой книжкѣ помѣщены девятнадцать наиболее крупныхъ и интересныхъ талмудическихъ легендъ, переложенныхъ съ талмудическаго діалекта на чистый библейскій языкъ, кое-гдѣ видоизмѣненныхъ и принаровленныхъ къ потребностямъ юношества. Авторъ какъ нельзя лучше справился со своей нелегкой задачей: необыкновенная красота и легкость слога, удачныя дополненія въ библейскомъ духѣ—все это придаетъ поэтичность и задушевность и безъ того поэтичнымъ талмудическимъ сказаніямъ. Выборъ сказаній также нельзя не признать весьма удачнымъ. Такъ, въ разсматриваемой книжкѣ помѣщены: извѣстная философская легенда о борьбѣ царя Соломона съ Асмодеемъ, царемъ нечистыхъ духовъ, романтическое сказаніе о «Кошкѣ и ягѣ» (послужившее уже давно темою для поэмы покойнаго Вербеля), сказаніе о томъ, какъ іерусалимскій еврей поразилъ мудростью быстрыхъ разумомъ аеннянъ *, извѣстная исторія о Нахумѣ-ишъ-гамзу, имѣющая моральное значеніе, исторія о бѣдношъ праведникѣ Ханинѣ-бенѣ-Доса и другія тому подобныя легенды съ поэтическимъ, нравственнымъ или историческимъ значеніемъ. Всѣ эти качества дѣлаютъ произведеніе г. Ябеца прекрасною хрестоматією, весьма пригодною какъ пособіе къ изученію древне-еврейскаго языка и къ ознакомленію юношества съ главными національными легендами.

Возбужденіе въ юношествѣ любви къ нашей народной старинѣ составляетъ главную цѣль труда г. Ябеца—большого еврейскаго патріота, одного изъ наиболее фанатическихъ сторонниковъ нашей національной партіи, о которомъ мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ журналѣ, въ январьской «Лѣтописи» сего года. Эти свои мысли авторъ излагаетъ во введеніи къ своему труду, озаглавленномъ «Библія и Агада», гдѣ онъ также классифицируетъ различные роды народной поэзіи и сравниваетъ еврейскую національную поэзію съ поэзіей античнаго міра и съ средневѣковой романтикой. Такія же мысли развиты и въ предисловіи къ книгѣ,

* Это сказаніе заимствовано изъ «Мидрашъ Эйха». Кстати замѣтимъ, что сущность этой легенды составляетъ и содержаніе русской сказки о «Смѣтливомъ мужикѣ», помѣщаемой почти во всѣхъ русскихъ хрестоматіяхъ (какъ мужикъ раздѣлялъ курицу между членами одного семейства). Любопытно узнать какимъ путемъ еврейская легенда преобразилась въ русскую сказку.

написанномъ г. Рабиновичемъ, редакторомъ ежегодника «Кнѣсетъ Исраель», и въ помѣщенномъ во главѣ книги письмѣ г. С. І. Финва. Кстати надо сказать, что книжка «Сказанія старины» издана въ видѣ преміи для тѣхъ, которые своевременно подпишутся на нѣбюцій выйти въ скоромъ времени второй томъ сборника «Кнѣсетъ Исраель».

Критикусь.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Очерки сравнительной этнографіи и культуры. М. И. Кулишера. С-Пб. 1887 г.

Г. Кулишеръ много лѣтъ подвизается на поприщѣ описательной социологіи, и настоящее сочиненіе есть только сводъ наиболѣе извѣстныхъ его литературныхъ работъ въ дополненномъ и исправленномъ видѣ. Значительная эрудиція, начитанность и никогда не покидающая г. Кулишера осторожность въ обобщеніяхъ—дѣлаютъ настоящій его трудъ интереснымъ для всякаго сколько нибудь интеллигентнаго читателя. Свои основныя положенія г. Кулишеръ защищаетъ всегда съ большою убѣдительною, основанною на многочисленныхъ цитагахъ изъ сочиненій такихъ корифеевъ, какъ Бастіанъ, Лебокъ, Тейлоръ и др. Конечно, данныя сравнительной этнографіи и культуры, какъ бы онѣ ни были разнообразны, дальше эмпирическихъ обобщеній идти не могутъ, но высокая научная цѣнность этихъ данныхъ отъ этого нисколько не умаляется. «Очерки сравнительной этнографіи» изобилуютъ фактами, проливающими много свѣта на историческую эволюцію различныхъ типовъ социальныхъ отношеній, но только съ помощью биологіи и психологіи можетъ быть раскрыта закономерность этихъ фактовъ: ихъ необходимость и неизбежность. Сведенныя къ своимъ биологическимъ и психологическимъ корнямъ, данныя сравнительной этнографіи и культуры дѣлаются содержаніемъ *естественной науки* о человѣческомъ обществѣ, для которой *описательная* социологія служитъ подготовительною ступенью. Авторъ лежащихъ передъ нами „Очерковъ“ не только собираетъ, но и подвергаетъ всесторонней и нерѣдко превосходной обработкѣ и классификаціи тотъ сырой матеріалъ, который въ безчисленномъ множествѣ разсѣянъ въ описаніяхъ различныхъ путешественниковъ и наблюдателей дикихъ и полукультурныхъ народовъ. Съ неутомимостью и терпѣньемъ ученаго г. Кулишеръ слѣдитъ за медленнымъ развитіемъ того или

другого обычая, правового института не только въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а, такъ сказать, на различныхъ трехносовыхъ пространствахъ, у различныхъ народовъ. Среди нашихъ отечественныхъ знатковъ сравнительной этнографіи г. Кулишеръ занимаетъ довольно видное мѣсто, и репутація добросовѣстнаго ученаго упрочена за нимъ со времени появленія въ печати его превосходныхъ очерковъ о символизмѣ въ правѣ, жизни и исторіи. Въ разбираемой книгѣ эти очерки занимаютъ значительное мѣсто и читаются съ постоянно возрастающимъ интересомъ. Не меньшую научностью и полнотою фактовъ отличаются и двѣ послѣднія главы книги: „Торговля и торговый классъ“ и „Ростовщики и ростовщичество“, блистательно объясняющія и освѣщающія смыслъ нѣкоторыхъ экономическихъ явленій современной жизни. Тутъ, между прочимъ, читатель находитъ и любопытное сопоставленіе еврейскаго ростовщичества съ „рѣзонистовъ“ коренныхъ обывателей селъ и деревень, — сопоставленіе, дѣлаемое г. Кулишеромъ съ безупречною объективностью на основаніи словъ и наблюденій русскихъ бытописателей.

Вообще надо замѣтить, что факты изъ исторіи и преданій еврейскаго народа разсѣяны въ книгѣ г. Кулишера почти по всѣмъ отдѣламъ и служатъ какъ бы лишнимъ доказательствомъ его большой начитанности и многосторонней образованности.

На этомъ мѣстѣ мы должны отказаться отъ удовольствія передать болѣе подробно основное содержаніе книги г. Кулишера и отъ послѣдней критической оцѣнки тѣхъ трехъ теоремъ, которыя выставлены имъ въ предисловіи; и то и другое должно быть сдѣлано не на страницахъ „Восхода“. Цѣль нашей краткой библиографической замѣтки — обратить вниманіе интеллигентнаго читателя на книгу, имѣющую большой научный интерес и по формѣ изложенія всѣмъ доступную и популярную.

А. Волинскій.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. БААЛЬ-ТЕФИЛУ. Разказъ. Гл. X—XI. Бенъ-Ами.	3
II. ФИЛОНЪ. Культурный очеркъ изъ эпохи еврейско-александрійской школы. Гл. VI—VIII. Переводъ А. Ф.	23
III. ИЗЪ НАРОДНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ СРЕДНИЕ ВѢКА. По поводу одной найденной въ Дамаскѣ еврейской рукописи. А. Я. Гаркави	61
IV. ЕВРЕИ-ФАБРИКАНТЫ И ФАБРИЧНЫЕ РАБОЧИЕ И ОТЗЫВЫ О НИХЪ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ. М. Л. Веллера	82
V. ТЮРЕМНЫЕ ТИПЫ. Разказъ. (Окончаніе). А. Золотковича	89
VI. НЕДАРОМЪ. Стихотвореніе. В. Л.	105
VII. ЖЕННИ. Романъ Фанни Левальдъ. (Окончаніе). Переводъ Э. К. Ватсона.	106
VIII. ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	138
IX. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи въ концѣ книги).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ДОПОЛНЕНИИ НЕДОВОРА НОВОБРАНЦЕВЪ У ЕВРЕЕВЪ. М. Кацемеленбогена	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ОТРАДНЫЕ СИМПТОМЫ. 1) <i>Письма Шлемъ-Шлиммазеля</i> къ своей возлюбленной Акулинѣ Ивановнѣ. С. М. III—сказо. Москва, 1887 г.—2) <i>Дятскія забавы</i> (Кип-	

der-Spiel): достопринятельная любовь избалованнаго, изгнѣннаго еврейскаго барчука. Повѣсть *Шулемъ-Алейхема* (на жаргонѣ). С.-Петербургъ, 1887 г.—3) עשרה מאמרות לשאלת חינוך: Десять статей по вопросу о воспитаніи, *М. Калмансона*. Варшава, 1887 г.—4) לוחות מני קדם: Сказанія старины, составленныя *В. Ябецомъ*. Варшава, 1887 г. **Критикуса**

8

XII. БИБЛИОГРАФІЯ: Очерки сравнительной этнографіи и культуры. *М. И. Кулишера*. СПб. 1887 г. **А. Волыискаго**

21

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тяно-Литографія А. Е. Ландау..Площадь Большого Театра, 2.

1887.

БААЛЪ-ТЕФИЛУ *.

РАЗСКАЗЪ.

Х.

Въ теченіе двухъ дней праздника я почти цѣликомъ былъ поглощенъ синагогой и молитвой, такъ что у меня мало оставалось досуга и времени думать о чемъ бы то ни было другомъ. Я поэтому не могъ много предаваться своимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ театра послѣ послѣдняго посѣщенія. Но еще менѣе я могъ ихъ забыть. Часто, въ минуты самой горячей, особенно безмолвной молитвы, въ моей головѣ исполнялись цѣлыя сцены изъ слышанной оперы, и до того отчетливо и ясно, что мнѣ иногда казалось, что всѣ прихожане все это слышать вмѣстѣ со мною, и я даже крайне смущался этимъ. Разъ, напр., когда въ синагогѣ было до того тихо, что можно было разслышать чуть-ли не бѣненіе своего сердца, Бертрамъ исполнялъ самымъ отчетливымъ и самымъ старательнымъ образомъ свою превосходную каватину передъ пещерой, съ аккомпаниментомъ хора подземныхъ духовъ, и я до того жадно прислушивался къ этому божественному пѣнію, до того весь былъ поглощенъ имъ, что совсѣмъ забылъ, что я въ синагогѣ, забылъ весь міръ. Когда же въ синагогѣ стоялъ ужасный шумъ, то часто хоры и оркестръ исполняли передо мною разныя вещи. А то даже, когда я въ первый день исполнялъ какое-то соло, Рембо вдругъ запѣлъ свою удивительную нормандскую балладу, и я чуть не сталъ ее пѣть вмѣстѣ съ нимъ, до того ясно

* См. «Восходъ», кн. X.

я ее слышалъ. Нѣкоторые же мотивы, какъ, напр., арія Алисы у креста, когда она ждетъ Рембо, арія Изабеллы изъ четвертаго дѣйствія, вызываніе духовъ Бертрама—почти не оставляли меня ни на секунду. Но въ теченіе послѣднихъ трехъ дней я не имѣлъ никакой возможности все это воспроизвести вслухъ, и только прислушивался къ тому, что пѣлось въ моей головѣ. Благодаря именно этому обстоятельству, я заучилъ множество арій, о которыхъ сейчасъ по выходѣ изъ театра я и не думалъ. Больше всего меня поражало то обстоятельство, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше мѣсть сталъ я припоминать. Такимъ образомъ, въ исходѣ Ропшъ-Га-шану, когда я наконецъ освободился, моя голова до того была переполнена этой волшебной музыкой, что я нѣсколько разъ порывался во всемъ открыться Гершелю, чтобы имѣть возможность съ нимъ подѣлиться своимъ музыкальнымъ богатствомъ. Но каждый разъ, какъ я хотѣлъ это сдѣлать, меня одолѣвалъ ужасный страхъ. Мнѣ казалось, что я своею откровенностью надѣлаю страшную исторію себѣ и особенно ребѣ Авнеру. И это-то обстоятельство меня удержало. Насилу я поэтому дождался слѣдующаго утра, когда опять на свободѣ могъ увидѣться съ ребѣ Авнеромъ и вылить передъ нимъ въ звукахъ все то, что такъ тѣснилось въ моей головѣ и такъ наполняло всѣ мои мысли и чувства. Такъ какъ у ребѣ Авнера опредѣленной квартиры не было, то я, часовъ въ восемь утра, побѣжалъ въ синагогу. Она оказалась запертой; въ этотъ день молитва совершается очень рано, и она уже была окончена. День былъ прекрасный; небо чистое, темносинее; солнце ярко свѣтило, въ воздухѣ было тепло и хорошо. Я сталъ ходить кругомъ, надѣясь дождаться прихода ребѣ Авнера. Но прождавъ напрасно полчаса на улицѣ, я отперъ синагогу, такъ какъ зналъ мѣсто, гдѣ хранился всегда ключъ, и вошелъ туда. Тамъ царствовалъ ужасный беспорядокъ; въ воздухѣ столбами стояла пыль, неподвижно, словно застывши; столы, скамейки были сдвинуты съ своихъ мѣстъ, нѣкоторые изъ нихъ даже опрокинуты, на другихъ было набросано множество стульевъ и табуретовъ; на окнахъ и на нѣкоторыхъ столахъ лежали старые истрепленные молитвенники, съ общип-

ленными переплетами развернутые, пожелтѣвшіе и почернѣвшіе талесы и т. п. Окна были завѣшаны синими занавѣсками, и въ синагогѣ было страшно мрачно и угрюмо. Всюду стояла совершенно могильная тишина, нарушавшаяся иногда доносившимся по временамъ стукомъ, выходящимъ изъ находившейся въ глубинѣ узкаго переулка бочарни. Но этотъ отдаленный стукъ словно еще увеличивалъ тишину. Мнѣ стало ужасно жутко, и я поспѣшилъ поскорѣе уйти отсюда. Но снова очутившись на улицѣ, я тотчасъ же увидѣлъ издали шедшаго мнѣ на встрѣчу ребѣ Берке, который дѣлалъ мнѣ знаки рукою.

— А, вотъ и ты,—сказалъ онъ, уже подошедши:—а я уже хотѣлъ зайти къ твоему дядѣ звать тебя; ребѣ Авнеръ просилъ.

— А гдѣ же онъ?—спросилъ я.

— Онъ у ребѣ Іоське еще, прилегъ немного, ему что-то нездоровится.

— А гдѣ же живетъ ребѣ Іоське?

— Гдѣ живетъ ребѣ Іоське?—переспросилъ ребѣ Берке какъ будто съ удивленіемъ.—Ты вѣдь знаешь, гдѣ лавочка Ханы Рухель, что мужъ недавно умеръ?

— Знаю.

— Ну, отъ этой лавочки пойдешь до угла, дойдешь до второго; увидишь синій домикъ, гдѣ жилъ прежде Цодекъ.

— Какой Цодекъ?

— Не знаешь Цодека, мѣрщика Цодека, чья жена торгуетъ бураковымъ квасомъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Кого же ты знаешь, если Цодека не знаешь? Ну, пускай. Вотъ противъ этого синяго домика,—кажется, онъ уже теперь не синій,—есть подвалъ, около котораго стоитъ еврейка, торгующая хлѣбомъ и селедками. Въ этотъ подвалъ и зайди—тамъ живетъ ребѣ Іоське.

Я пошелъ по указанному направленію, и минутъ черезъ пять очутился у сказаннаго подвала. Этотъ послѣдній составлялъ подземный этажъ небольшого, очень стараго дома, походившаго скорѣе на оставленную развалину, чѣмъ на обитаемое жилище. Онъ словно стоялъ въ какой-то нерѣшительности, не зная собственно—какое лучше направленіе взять при

паденіи, и это важное обстоятельство, повидимому, удерживало его отъ рѣшительнаго рокового шага. Признаюсь, будь это вечеромъ, я бы ни за что не рѣшился войти въ этотъ пустырь, такъ какъ считалъ бы его населеннымъ всякими злыми духами, но никакъ не людьми. Но такъ какъ это было днемъ, при полномъ блескѣ солнца, разсѣвающимъ всякія суевѣрныя мысли, то я ясно увидѣлъ черезъ окно, что тамъ обитаютъ не злые духи, а обыкновенные люди, и обитаютъ въ большомъ количествѣ, какъ я могъ судить по десятку дѣтскихъ головокъ, высывавшихся каждый разъ изъ оконъ, и по заунывному пѣнію сидѣвшихъ за работой портныхъ, изъ которыхъ одинъ, блѣдный, съ вытянутымъ, заспанномъ лицомъ, съ рыжими курчавыми волосами, тоже появился у окна, держа въ рукахъ какой-то черный сюртукъ, безъ рукавовъ еще и весь покрытый бѣлыми рѣдкими швами. Другимъ торжественнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что въ домѣ тоже дѣйствительно жили люди, являлась висѣвшая надъ наружною, въ эту минуту настежъ открытою дверью вывѣска, на которой были изображены бочка, нѣсколько штофовъ съ ярлыками и человѣкъ въ поддевкѣ и въ широкихъ красныхъ штанахъ, голова котораго совершенно сливалась со штофами, не знаю—по его собственной ли винѣ, или по винѣ художника. Надъ всѣмъ этимъ красовалась надпись: «Не проходи мой питейный домъ». По той мертвой тишинѣ, которая царствовала на всей этой улицѣ, и по отсутствію въ кабакѣ всякой живой души не только изъ постороннихъ лицъ, но и изъ самихъ владѣльцевъ, ясно было видно, что тамъ дѣйствительно никто не проходилъ. И я очень склоненъ думать, что человѣкъ на вывѣскѣ былъ единственнымъ постояннымъ посѣтителемъ этого непроходимаго питейнаго дома. Почти у самыхъ дверей этого послѣдняго, къ которымъ надо было подниматься по нѣсколькимъ деревяннымъ ступенькамъ, закрывавшимъ собою одно изъ оконъ подвального этажа, немного лѣвѣе находилась черная, грязная пасть погреба. Подъ каменнымъ покатымъ навѣсомъ, закрывавшимъ эту входную пасть, стоялъ четырехугольный деревянный столъ, ножки и перекладки котораго были облѣплены цѣлыми слоями грязи; на этомъ столѣ лежали различнаго сорта хлѣбы:

ржаной, арнаутный, греческий, маленькия красивые булочки, сверху помазанныя яйцомъ, бублики, различные коржики, на яйцахъ, съ макомъ, съ медомъ и т. д. Нѣкоторые хлѣбы были разрѣзаны на половинки и четверти. Около стола, на землѣ, стоялъ небольшой боченокъ, въ которомъ, въ красновато-бурей жидкости, плавали селедки; на круглой дощечкѣ, на-половину закрывавшей боченокъ, лежало нѣсколько селедокъ, разрѣзанныхъ на маленькіе кусочки и продававшихся такимъ образомъ. Тутъ же на табуретѣ стоялъ мѣшочекъ съ сушеномъ подсолнечникомъ, сверху котораго лежало нѣсколько сильно завядшихъ яблокъ и два-три съезженныхъ и засушенныхъ лимона. По другую сторону стола, въ глубинѣ навѣса сидѣла маленькая старушка, вся завернутая въ изодранную красную шаль съ широкими бѣлыми полосами. Такъ какъ навѣсъ постепенно понижался, то она сидѣла, вся сторбившись, и ея голова приходилась на одномъ уровнѣ съ хлѣбами, отъ которыхъ ея лицо мало отличалось цвѣтомъ.

Я вошелъ въ эту черную пасть и спустился по изгрызаннымъ, прогнившимъ деревяннымъ ступенькамъ, которыя часто и вовсе отсутствовали. У конца лѣстницы, въ самомъ низу, находилась широкая, вся забрызганная грязью и покрытая густою пылью стеклянная дверь, тогда вся открытая. На самомъ порогѣ этой двери я увидѣлъ ребѣ Іосъке, сидѣвшего за своею работою. На его колѣняхъ, закрытыхъ сѣрымъ грубымъ фартукомъ, лежала сильно изрѣзанная дощечка, на которой онъ изъ куска старой кожи выкраивалъ круглую заплату и нѣсколько разъ прилаживалъ къ какому-то изодранному и запыленному сапогу очень крупныхъ размѣровъ. На головѣ у него была старая, засаленная шапка безъ козырька, задвинутая на самую макушку и еле закрывавшая цѣлый лѣсъ густыхъ взерошенныхъ волосъ. Увидѣвъ меня, онъ привѣтливо мнѣ улыбнулся и пригласилъ зайти въ комнату. Я перешелъ порогъ и вступилъ въ какую-то темную, сырую могилу, гдѣ въ первый моментъ ничего не могъ разглядѣть. Только спустя нѣсколько секундъ, я увидѣлъ слабую, мутную полосу свѣта, падавшего черезъ маленькое низенькое оконцо въ два стекла, покрытыя толстымъ слоемъ грязи и пыли, такъ какъ это оконцо

приходилось ниже уровня улицы и почти цѣликомъ входило въ землю. Темная могила, куда я вступилъ, оказалась обширнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ въ различныя направленія открывались широкія, зіяющія пасти далеко и глубоко расходящихся минъ, изъ которыхъ несло сыростью и холодомъ. Такимъ образомъ это помѣщеніе было чѣмъ-то въ родѣ корридора или преддверія обширнаго подземнаго лабиринта. Оно все было завалено массой корзинъ, ящиковъ, ручными телѣжками и ихъ обломками, старыми боченками, различными овощами, яблоками, грушами, которыя лежали кучами по различнымъ угламъ, снопами соломы, камышу, старыми рогожами и т. д., и т. д. Очевидно, погребъ служилъ складомъ для различныхъ мелкихъ торговцевъ, куда они сносили свои товары на ночь и на время праздниковъ. Такихъ погребовъ въ N. было очень много.

Въ самой глубинѣ, направо, я наконецъ слабо различилъ нѣсколько деревянныхъ ступенекъ, по которымъ и поднялся, согласно указанію ребъ Іосъе. Достигни верхней ступеньки, которыхъ всѣхъ должно было быть около пяти, я оцупью напелъ заржавленную влажную желѣзную ручку дверей, и такимъ образомъ очутился наконецъ въ большой комнатѣ, показавшейся мнѣ очень свѣтлою послѣ той темноты, изъ которой я только что вышелъ. Эта комната освѣщалась двумя оконцами такой же величины, какъ и оконцо корридора; но стекла были чисты, насколько это позволяли падавшія на нихъ съ улицы грязь и пыль.

Двѣ деревянныя, окрою окрашенныя кровати, изъ которыхъ одна тщательнѣе, даже нѣкоторымъ образомъ щеголевато застлана большимъ бѣлымъ покрываломъ съ красиво-вышитой каймой домашней работы; большой, немного удлиненный деревянный столъ, ноги котораго наискось перекрещивались въ серединѣ; темнобурый пузатый комодъ, всѣ ящики котораго въ центрѣ, вокругъ отверстія для ключа, были украшены мѣдными, овальной формы бляшками; низенькій бѣлый деревянный шкафчикъ, нѣсколько разнокалиберныхъ стульевъ, большой кованный сундукъ, крышка котораго украшена пестрыми, уже поблекшими цвѣтами и у котораго желѣзныя полосы мѣстами

поломались и поотстали, оставивъ красные слѣды на деревѣ, — вотъ и вся общая обстановка комнаты. На комодѣ были уставлены различнаго цвѣта и различнымъ образомъ разрисованные графинчики и стаканчики, затѣмъ простые обыкновенные ставаны съ блюдами, сахарница съ разбитою крышкою и наполненная пуговицами различныхъ формъ и величинъ, иглками, булавками, перепутанными нитками, и среди всего этого попадались кусокъ мѣлу, кусокъ неочиненнаго карандаша, перо съ засохшими на немъ чернилами, обгрызанный, почернѣвшій кусокъ сахару, покрытый легкимъ пушкомъ отъ нитокъ, старый ключикъ отъ карманныхъ часовъ, каковыхъ въ домѣ никогда не бывало, потертое мѣдное кольцо и т. д., и т. д. Тутъ же на комодѣ стояла, уже одинъ Богъ знаетъ, какимъ образомъ попавшая сюда гипсовая статуэтка какого-то воина въ панцырѣ, но безъ головы. Въ общемъ комната была очень опрятна, уютна и даже привѣтлива, не смотря на то, что вся была въ землѣ.

Ребъ Авнеръ полулежалъ на одной изъ кроватей. Онъ былъ полуодѣтъ и держалъ обѣ руки подъ головою.

Но мой вопросъ—что съ нимъ, онъ отвѣтилъ, что вовсе не такъ дурно чувствуетъ себя, что утромъ, вставши съ постели, онъ почувствовалъ головокруженіе и долженъ былъ опять прилечь, но что ему потомъ стало гораздо лучше, и онъ бы уже давно всталъ, да вотъ ребъ Іосъке и его жена ни за что не пускають. Дѣйствительно, когда онъ теперь опять выразилъ желаніе встать и пройти куда нибудь, жена ребъ Іосъке, находившаяся тутъ же, стала этому сопротивляться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Что касается этой женщины, то въ первую минуту я ея и не замѣтилъ, такъ какъ она сидѣла на низенькомъ табуретѣ, между кроватью, на которой лежалъ ребъ Авнеръ, и печкою, гдѣ она что-то готовила. Только когда она поднялась съ своего мѣста, чтобы взять что-то изъ деревяннаго шкафчика, стоявшаго у противоположной стѣны, подъ окномъ, я могъ ее разглядѣть. Это была еще очень молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, очень высокаго роста, стройная, но и крайне худая, такъ что платье на ней висѣло складками, словно на шестѣ. Лицо у нея было поразительной бѣлизны,

хотя слишкомъ блѣдное, почти безкровное; всѣ черты удивительно правильныя и тонкія, можно сказать—художественныя; носъ прямой, словно выточенный, губы тонкія, блѣдныя, еле сомкнутыя, такъ что зубы между ними видѣлись узкой бѣлой полоской; подбородокъ былъ немного удлинненный, заостренный. Въ общемъ эта была въ полномъ смыслѣ слова голова классической статуи на тощемъ, худомъ тѣлѣ бѣдной еврейки. Но это художественное лицо, не смотря на свою мраморную блѣдность, было полно жизненнаго выраженія, лившагося избыточно изъ ея большихъ темносинихъ глазъ, слегка затуманенныхъ влажной оболочкой и оттого еще болѣе прекрасныхъ. Производила она впечатлѣніе, особенно съ перваго раза, королевы, лишившейся престола и очутившейся вдругъ въ страшной нищетѣ. Даже тогда мнѣ казалось, что эта женщина какъ-то не на своемъ мѣстѣ, когда я увидѣлъ ея важныя, ровныя движенія, ея величественную осанку и походку. Ситцевый темно-красный платокъ, небрежно закинутый за уши и слабо подвязанный подъ подбородкомъ, очень шель къ ея бѣлому, красивому лбу. Художественностью и утонченностью отличались также ея красивыя, бѣлыя, словно алебастровыя руки, которыми она какъ-то мѣрно двигала, очищая ножомъ лукъ и бросая его въ стоявшій на плитѣ горшечекъ. Эти тонкія, благородныя руки и крошенный лукъ! Какой контрастъ! Лицо этой молодой женщины съ первой минуты привлекало меня, и я все время смотрѣлъ на нее съ какимъ-то удивленіемъ и недоумѣніемъ. Въ этомъ лицѣ, помимо его художественной классической красоты и необычайнаго благородства, было еще нѣчто такое прелестное, теплое, обаятельное; въ глазахъ выражалось столько доброты, покорности и смиренія, а вмѣстѣ съ тѣмъ столько нѣжности, столько любви! Казалось, что одного взгляда этихъ чудныхъ глазъ было достаточно, чтобы придать привѣтливости этому темному, сырому подвалу.

Вскорѣ послѣ моего прихода въ комнату появился ребѣ Іосъе. Онъ усадилъ меня радушно у стола и велѣлъ «Двейрѣ», какъ онъ называлъ свою жену, угостить меня чѣмъ нибудь. Та стала рыться въ комодѣ и вскорѣ вытащила оттуда кусокъ засохшаго ржаного пряника, нѣсколько орѣшковъ и все это

предложила мнѣ на блюдцѣ, заявляя при этомъ въ видѣ извиненія, что, когда я приду во время праздниковъ, она меня лучше угоститъ, а что теперь всѣ запасы по этой части у нея кончились.

— А что ты мнѣ дашь завтракать сегодня, Двейрка?—обратился ребѣ Іосъке къ женѣ, глядя на нее съ нѣжностью ребенка.

— Что же тебѣ дать?—то, что всегда,—отвѣтила та.

— А для ребѣ Авнера бульонъ готовъ?—спросилъ онъ снова.

— Сейчасъ будетъ; только еще одинъ разъ прокипятить. Я только что лукъ туда бросила.

— Да вотъ,—прибавила она черезъ минуту:—побѣги къ «женщинамъ» (такъ Двойра называла торговокъ), пожалуйста, и купи на грошъ петрушки, свѣжей только, да уже заодно и бѣлый свѣжій хлѣбчикъ захвати наверху у Кейры (вѣроятно, имя старухи, торговавшей у входа въ погребъ).—Ребѣ Іосъке, съ покорностью маленькаго ребенка, немедленно побѣжалъ или, лучше сказать, поскакалъ, и черезъ минуты три возвратился съ петрушкой, хлѣбомъ, да еще съ виноградомъ, котораго большую половину предложилъ тутъ же мнѣ.

Двойра кинула на него одобрителный взглядъ, отъ котораго ребѣ Іосъке растаялъ. Вообще по очень частымъ нѣжнымъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на свою жену, по тому его обращенію съ нею, по его дѣтской покорности, видно было, что онъ ее боготворилъ и благоговѣлъ передъ нею, и что вообще между супругами существовали мирная, тихая любовь и полное согласіе. Если же ребѣ Іосъке старался во всемъ угождать своей женѣ и вообще смотрѣлъ на нее, какъ на существо недосыгаемо высшее, то это не потому, чтобъ Двойра старалась ему внушать такія идеи, или держалась по отношенію къ нему надменно, а потому, что эта покорность и это благоговѣніе доставляли ему счастье и наслажденіе. Это было одно изъ тѣхъ добровольныхъ радостныхъ подчиненій, которыхъ человѣкъ не промѣняетъ на властвованіе надъ всѣмъ міромъ. Недаромъ ребѣ Авнеръ, нѣсколько дней раньше, заговоривъ какъ-то снова о своемъ габѣ и его женѣ, сказавъ между прочимъ:

— Ну, ужъ въ жизни я не видалъ такой тихой, мирной жизни.

Настоящiе голубки. Онъ ей постоянно смотритъ въ глаза, чтобы угадать и предупредить ея желанiя, а она ласково отвѣчаетъ на эти взгляды и никогда ничего не требуетъ. Тѣмъ не менѣе, ребъ Iосъе, когда отправляется за какими нибудь покупками по его части, никогда не преминетъ принести что нибудь и женѣ.

Онъ же мнѣ разсказалъ, какой ребъ Iосъе хозяинъ и какъ онъ любитъ постоянно покупать украшенiя для дома, и что это онъ накупилъ эти разноцвѣтныя графинчики и стаканчики, украшавшiе комодъ.

Между тѣмъ Двойра стала накрывать на столъ: одинъ конецъ для мужа, другой для ребъ Авнера. Оба эти конца были покрыты утиральниками, на которыхъ было приготовлено все нужное. Само собою разумѣется, что бѣлый свѣжій хлѣбчикъ былъ положенъ на томъ мѣстѣ, которое предназначалось для ребъ Авнера. Ребъ Iосъе во всемъ помогалъ женѣ, поднесъ ребъ Авнеру все нужное для совершенiя омовенiя и не раньше самъ усѣлся, какъ только тогда, когда Авнеръ уже сидѣлъ за столомъ и когда Двойра ему поднесла въ тарелкѣ красивый желтый бульонъ и половину цыпленка, распространявшiе сооблазнительный запахъ по всей комнатѣ.

Для него же, т. е. для мужа, Двойра разрѣзала половину селедки на тарелкѣ, накрошила туда луку и налила немного уксусу.

— Ну, а ты, Двейрка?—сказалъ ребъ-Iосъе, кинувъ радостный взглядъ въ сторону ребъ Авнера и его бульона.

— Я уже завтракала,—отвѣтила та.

— Что же ты завтракала?

— То же, что и ты, да еще яблокомъ закусила. И для тебя оставила половину.

— Нѣтъ, уже ты лучше сама купиай, или Мейерке дай, когда онъ изъ хедера придетъ. А вотъ, если хочешь, вскипяти воды, и мы всѣ заьемъ завтракъ чаемъ.—Двойра послѣшила исполнить желанiе мужа.

Само собою разумѣется, что, сверхъ угощенiя, ребъ Iосъе и завтракать мнѣ предложилъ, но я отказался, такъ какъ уже раньше дома позавтракалъ.

Наконецъ на столъ былъ поданъ чай въ сильно почернѣвшемъ отъ дыма жестяномъ чайникѣ. Ребъ Іосъке налилъ стаканы и подаль всѣмъ, приговаривая при этомъ: «Немного блѣдноватый, но ничего, сойдетъ». Чай былъ немного больше чѣмъ блѣдноватый, и къ тому еще отъ него ужасно несло дымомъ каменнаго угля. Тѣмъ не менѣе всѣ его пили съ удовольствіемъ, особенно самъ ребъ Іосъке. За чаемъ говорили о предстоящихъ и прошедшихъ праздникахъ, о славѣ, которая распространилась на счетъ синагоги штыперовъ благодаря ребъ Авнеру, о вчерашней толпѣ, тѣснившейся вокругъ синагоги, чтобъ послушать его; затѣмъ ребъ Іосъке перешелъ къ торжеству, которое онъ думалъ устроить на Симхасъ-Тору своимъ прихожанамъ, въ качествѣ габе, моля Бога только о томъ, чтобъ ребъ Авнеръ вполне выздоровѣлъ и присутствовалъ на этомъ торжествѣ, иначе оно потеряетъ всю прелесть. Не обошлось и безъ необходимыхъ разговоровъ о заработкахъ, о предстоящихъ издержкахъ для зимы, о запасахъ для нея. Ребъ Іосъке всѣ эти свои думы вслухъ сопровождалъ каждый разъ слѣдующею тирадою: «Ничего, у насъ великій Творецъ, и я на Него всегда твердо надѣюсь. Онъ до сихъ поръ меня не оставлялъ, и, надѣюсь, впредь не оставитъ».

Вообще ребъ Іосъке былъ большой оптимистъ, не любилъ никогда жаловаться и всегда утверждалъ, что все, слава Богу, идетъ хорошо. «Не надо только никогда испытывать Бога, — говорилъ онъ также всегда въ видѣ назиданія, — да, не надо испытывать Бога, надѣяться на чудеса и сидѣть на печкѣ и ожидать, какъ «Ишъ-Хусидъ» *; а работать самому». И работалъ же ребъ Іосъке: часто по пятнадцати часовъ въ сутки!

Заговорили также о дѣтяхъ, о меламедахъ, причемъ ребъ Іосъке сказалъ, между прочимъ: «Объ одномъ только прошу постоянно у Бога, — чтобъ мой Мейерке вышелъ человекомъ, настоящимъ человекомъ, а не такимъ невѣждой,

* Собственно значить благочестивый мужъ. Такъ начинается рассказъ, читаемый обыкновенно на исходѣ субботы, о благочестивомъ мужѣ, умиравшемъ отъ голода, и вдругъ разбогатѣвшемъ, благодаря встрѣчѣ съ Эліюгу-Гануви (про рокомъ Ильен).

какъ его отецъ. И сколько у меня будетъ силъ, буду его учить, учить и учить». И блаженное чувство разлилось по его лицу, когда онъ это говорилъ.

Такъ продолжалась бесѣда съ часъ. Наконецъ, ребъ Іосъке торопливо всталъ, чтобы уйти къ своей работѣ; ребъ Авнеръ тоже поднялся и сталъ одѣваться, заявляя, что хочетъ пройти немного, такъ какъ на дворѣ такъ хорошо. Сначала Двойра съ мужемъ опять пытались задержать, но потомъ все-таки отпустили, закутавъ его всякими платками, хотя на дворѣ было жарко, и наказавъ ему двадцать разъ не ходить много, не утомляться, а скоро возвратиться домой.

— Что это за золотые люди, этотъ ребъ Іосъке и жена! — обратился ко мнѣ ребъ Авнеръ, когда мы очутились на улицѣ: — они за мною ухаживаютъ съ какою-то необыкновенною, родительскою нѣжностью и любовью. Я и не знаю, чѣмъ могу отплатить имъ. Чего бы я только не сдѣлалъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь вознаградить ихъ за ихъ заботы, за ихъ доброту! А мнѣ, признаюсь теперь, ужасно какъ не хотѣлось къ нимъ идти на праздникъ. Недаромъ же наши мудрецы сказали: «Не гляди на кувшинъ, а на то, что есть въ немъ». — Высказавъ это, ребъ Авнеръ замолчалъ, и мы долго шли молча, сами не зная, куда направляемся.

— Что? будемъ сегодня репетировать? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я сегодня не въ силахъ, слишкомъ слабъ послѣ вчерашняго дня. Да и намъ пустяки остаются, и мы все это успѣемъ въ одинъ или два дня.

— Куда же мы теперь пойдѣмъ? — спросилъ я опять.

— Пойдемъ опять къ морю, если хочешь, — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ ужасно хочется свѣжаго, вольнаго воздуха, а то у меня грудь совсѣмъ будто сдавлена и что-то все жжетъ меня внутри, не переставая.

Я охотно согласился, и мы направились къ морю, куда было около часа ходьбы, такъ какъ надо было прорѣзать весь почти городъ въ ширину. Всѣ улицы, черезъ которыя мы проходили, были чрезвычайно оживлены массой двигавшихся по нимъ людей, каретъ, дрожекъ, всякихъ дрогъ, «биндюговъ», повозокъ, нагруженныхъ мѣшками зерноваго хлѣба, желѣзомъ

въ листахъ и палкахъ, бочками съ дегтемъ, оливковымъ масломъ, сахаромъ, ящичками съ апельсинами, лимонами, мѣшками съ орѣхами, фигами и всякими другими товарами. И чѣмъ ближе мы приближались къ морю, тѣмъ чаще и лихорадочнѣе становилось это движеніе. И отъ всего этого въ воздухѣ стоялъ такой ужасный смѣшанный гулъ, что трудно было слышать собственный голосъ. Наконецъ мы очутились у самаго моря, на большой каменной набережной. Но тутъ до того кипѣла непрерывная торопливая дѣятельность, до того кипѣло людьми и нагруженными телѣгами, направлявшимися другъ противъ друга, что мы словно были втянуты въ водоворотъ и каждый разъ рисковали быть раздавленными. Пріотившись кое-какъ около выгруженныхъ на землю мѣшковъ, мы стали любоваться на этотъ необозримый лѣсъ высокихъ мачтъ, на большинство которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги; на этотъ сплошной рядъ суденъ, тянувшихся далеко-далеко, какимъ-то пловучимъ островомъ или безконечно длиннымъ мостомъ; на эти тысячи людей, одѣтыхъ въ различные костюмы, говорившихъ на различныхъ языкахъ, и которые словно мухи переносились быстро съ суденъ на набережную, съ набережной на судна, до безконечности. Вотъ между нѣкоторыми судами-гигантами лавируютъ маленькія лодочки, чистенькія, бѣленькія, и кажутся онѣ какими-то жучками, ползущими у ногъ огромной лошади, или воробьями, прыгающими около большой скірды сѣна или хлѣба. Но шумъ и толкотня становятся невозможными, и мы поэтому пустились дальше по берегу. Послѣ часа приблизительно ходьбы мы, наконецъ, оставили весь этотъ кипучій, шумный потокъ далеко за собою и нашли себѣ тихое, укромное мѣстечко, гдѣ кругомъ не было видно ни души. Берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ покрытъ чистымъ, желтоватымъ, мелкимъ песочкомъ, блиставшимъ на солнцѣ множествомъ искръ. У самой же воды тянулась во всю длину узкая полоса красивыхъ разноцвѣтныхъ маленькихъ камешковъ. Надъ широкой песчаной полосой, бывшей на одномъ уровнѣ съ водою, возвышался довольно высокою стѣною глинистый берегъ, который придавалъ мѣстности еще болѣе уединенный, дикій видъ. Эта тянувшаяся надъ плоскимъ берегомъ глинистая стѣна была

прорѣзана множествомъ широкихъ щелей, изъ которыхъ часто вылетали и куда потомъ влетали обратно устроившія тамъ свои гнѣзда птицы; изъ нѣкоторыхъ свѣшивались книзу тощіе кустарники, иногда маленькое деревцо акаціи. Мѣсто было до того уединенно и пустынно, что намъ казалось, будто мы находимся въ десятикахъ верстѣ отъ всякаго человѣческаго жилья. Мы полуприлегли на мягкомъ, сильно нагрѣтомъ пескѣ, лицомъ къ морю, подперши головы руками, и стали смотрѣть въ безбрежную даль. И долго мы такъ лежали молча, всѣмъ существомъ поглощенные этою чудною, великою картиною, которая такъ широко разстилалась передъ нами. Хотя я уже больше трехъ лѣтъ жилъ въ N., но море въ первый разъ увидѣлъ во всей его красотѣ, въ такомъ тихомъ, уединенномъ мѣстѣ. Ходилъ я лѣтомъ очень часто купаться, но ходилъ съ товарищами, по обыкновенію, въ освященные обычаемъ мѣста, гдѣ берегъ былъ очень люденъ и еще болѣе грязенъ. Сердце мое поэтому наполнилось теперь чѣмъ-то никогда еще не испытаннымъ. Но не только въ настоящее время—я и тогда не могъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно испытывалъ я въ тѣ прекрасныя, незабвенныя минуты. Да и кто можетъ вникнуть въ то тихое, сладостное чувство, которое съ такою силою проникаетъ всего человѣка въ подобныя минуты! Кто можетъ сказать, что собственно онъ чувствуетъ, что сжимается такъ его сердце, что разливается по всѣмъ его внутренностямъ? Въ этой таинственной неопредѣленности—вся неизъяснимая прелесть этого чувства. Это моментъ, когда человѣкъ отдѣляется отъ всего вещественнаго, земнаго, и словно сливается съ вѣчностью; когда онъ перестаетъ жить матеріальною физическою жизнью, словомъ—это моментъ одного духовнаго существованія. Только въ такіе моменты онъ можетъ постигнуть Бога, безсмертіе, истинную поэзію. А кто этихъ моментовъ не переживалъ, тотъ никогда не постигнетъ смысла этихъ трехъ великихъ силъ...

Безбрежно, охватывая весь безконечный горизонтъ, тянулось море, темносинее, прозрачное, тихое, покрытою легкою зыбью. Безшумно прибывали каждый разъ его прозрачныя, легкія хрустальныя волны, чтобы умыть и снова придать блескъ

немного присохшимъ камешкамъ, пригладить песокъ. И съ тихимъ, медленнымъ всплескиваніемъ ударяясь о берегъ, распались онѣ, эти хрустальные волны, міриадами мелкихъ брызговъ, на которые солнце немедленно направляло свои золотые лучи и превращало ихъ мгновенно въ столько же разноцвѣтныхъ изумрудовъ. Иногда по поверхности вдругъ пробѣжитъ вѣтерокъ, словно сообщая каждой волнѣ какую-то чрезвычайную новость; и встревожатся онѣ, и поспѣшать, стараясь перегнать другъ друга, поскорѣе къ берегу, торопясь, повидимому, и ему передать только что услышанное. И въ этой торопливости смѣшаются онѣ вмѣстѣ и съ большимъ шумомъ всѣ разомъ прибываютъ, и, ударившись съ силою о камешки, закружатся и заплывутъ. И тутъ солнце поспѣшитъ со своими магическими лучами, и превратитъ всю эту пѣну въ тонкую серебристую или золотистую ткань, усаженную драгоценными камнями неописанной красоты, и на большомъ пространствѣ голубая эмаль воды вдругъ обрамляется такою безцвѣнною каймою. И затѣмъ снова все притихнетъ.

Далеко, словно въ самой серединѣ этой необъятной поверхности, которая, кажется, туда дальше подымается склономъ, стоитъ огромное круглое блестящее пятно, будто подъ самымъ солнцемъ, отъ котораго такая же блестящая широкая полоса направляется къ берегу. И все это вмѣстѣ кажется большимъ водоворотомъ, гдѣ бѣшено кипитъ расплавленное серебро, переливаясь широкимъ ручьемъ, устремляющимся къ сушѣ, особенно когда на все это смотрѣть, прилегли головою къ землѣ, на одномъ уровнѣ съ водою.

Вотъ издали показалась лодка, которой бѣлый парусъ крыльями развѣвается на вѣтрѣ. И быстро скользитъ она по верхушкамъ волнъ, слегка покачиваясь и накрениваясь то въ одну, то въ другую сторону. Шумно о чемъ-то разговариваютъ сидящіе въ ней люди, и странно доносятся оттуда звуки человѣческихъ голосовъ, которые, словно вмѣстѣ съ волнами, разбиваются въ брызги, достигши берега. Вотъ далеко, далеко, на самомъ горизонтѣ показалась черная точка, которая все растетъ и увеличивается. Вотъ уже ясно видны натянутые паруса, вотъ уже клубы дыма можно различить въ воздухѣ, которые

сначала кажутся тучками; еще нѣсколько минутъ, и недалеко отъ насъ проносится, величаво прорѣзывая волны, большой пароходъ, носъ котораго украшенъ какою-то крылатою фигурою. На пароходѣ копошатся и перекрикиваются люди, все какіе-то смуглые, странные, и въ странныхъ одеждахъ. И еще долго стоитъ въ воздухѣ дымъ, словно застывши на мѣстѣ, а на поверхности воды еще долго остается бѣлая пѣнистая полоса, постепенно темнѣющая, но все еще сохраняющаяся въ видѣ широкой борозды. Наконецъ снова все затихнетъ кругомъ, и только временами надъ нашими головами раздается странный крикъ чаекъ или дикихъ утокъ, носящихся стаями надъ водою. Иногда всѣ эти птицы спустятся, походятъ, пожуируютъ надъ поверхностью и опять подымутся вихремъ высоко, высоко. А солнце неподвижно стоитъ въ серединѣ яснаго блѣдно-голубого неба, и все обнимаетъ и согрѣваетъ своими теплыми, пріятными взорами. И кажется, что и оно погружено въ созерцаніе этой обаятельной красоты природы, что и оно словно охвачено тихою, сладостною думою. И море вдругъ совсѣмъ присмирѣло, словно объятое тихою дремотою подъ вліяніемъ полуденныхъ лучей, и убаюканное своимъ собственнымъ, тихимъ, мелодичнымъ плескомъ. И воздухъ неподвиженъ, тихъ и прозраченъ, до того прозраченъ, что кажется, будто въ его свѣтло-лазуревой синевѣ видишь плавающіе въ немъ какіе-то шарики, змѣйки, и т. п. И вся природа притихла и словно прислушивается напряженно къ этимъ неопредѣленнымъ, таинственнымъ звукамъ, наполняющимъ эту всеобщую тишину. Въ такія минуты человекъ точно и самъ превращается въ атомъ природы, все его существо тѣсно съ нею сливается, составляя ея нераздѣльную часть. Онъ, будто сознательно отказываясь на время отъ своего индивидуальнаго существованія, затаиваетъ дыханіе, боясь нарушить эту торжественную тишину, въ которой, кажется, совершается нѣчто необычайно-великое; даже своимъ движеніемъ, своимъ дыханіемъ. И онъ не ошибается. Дѣйствительно, въ тѣ обаятельныя минуты общей кажущейся бездѣятельности, всеобщаго самосозерцанія, сотворяется нѣчто великое, неизмѣримое, сотворяется то высокое, чистое, безсмертное, словомъ—сотворяется душа человѣческая,

все его духовное и моральное существо, все то, что мы называемъ его духовнымъ, идеальнымъ міромъ и котораго не создаетъ никакая випучая дѣятельность. Да, въ минуты тихаго, уединнаго созерцанія зародились всѣ величайшія идеи челоувѣчества, до сихъ поръ его согрѣвающія и освѣщающія, и которыя вѣчно будутъ согрѣвать и освѣщать его холодное, мрачное существованіе.

Мнѣ казалось, что уже прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ города, до того далеко былъ міръ, въ которомъ мы вдругъ очутились, отъ того, который мы только что покинули.

Ребъ Авнеръ тоже все время оставался неподвижнымъ, и только временами въ глубокой задумчивости чертилъ пальцами по мягкому, рыхлому песку. Такъ лежали мы долго, очень долго.

Тихія всхлипыванія ребъ Авнера внезапно вывели меня изъ задумчивости. Меня кольнуло въ сердце, и я быстро къ нему обернулся.

— Что съ вами, ребъ Авнеръ?—спросилъ я его, чувствуя себя, не знаю почему, какъ-то затрудненнымъ и не зная, что сказать.

— Ничего, ничего, — отвѣтилъ онъ, вдругъ быстро приподнявшись на ноги и вытирая глаза своимъ цвѣтнымъ платкомъ: — ничего, немного сдавило сердце... Да вотъ теперь мнѣ хорошо стало, и всѣ боли разомъ какъ будто рукою отняло, и дышется такъ легко и хорошо...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по берегу, потомъ остановился очень близко у воды, почти касаясь ея своими ногами. Затѣмъ онъ приподнялъ свой засаленный картузъ, задвинулъ ермолку на самую макушку, и нѣсколько разъ провелъ рукою по низко стриженнымъ свѣтло-каштановымъ волосамъ и по блѣдному лбу, и устремилъ свои блестящіе глаза въ безконечное пространство водъ. Такъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ. Прибывшая вдругъ волна заставила его быстро отскочить. Она съ силою ударилась о берегъ и шумно разсыпалась бѣлой пѣной и брызгами на широкое разстояніе. За нею вскорѣ пошла другая, третья и т. д., и море вдругъ мгновенно измѣнило свой прежній спокойный видъ, и вся поверхность его забуше-

вала, заволновалась, задвигалась и покрылась безчисленными параллельными рядами высокихъ волнъ, словно параллельными хребтами горъ; и среди этихъ высокихъ волнъ образовались длинныя углубленія въ водѣ, какъ безконечныя долины, прорѣзывающія горныя цѣпи. Водяные эти хребты быстро направлялись къ берегу, слѣдуя другъ за другомъ, и покрывавшіе ихъ верхушки пѣнистые гребни, залитые солнцемъ, блистали тысячами разнообразныхъ цвѣтовъ.

Вотъ вокругъ огромнаго камня, высоко выдающагося изъ воды въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ берега, закипѣлъ шумный водоворотъ волнъ. Онѣ съ какимъ-то бѣшенствомъ накинудись на него, какъ будто силясь разбить его въ дребезги; но ударившись о него со всею силою, онѣ мгновенно сами рассыпаются въ пыль и вздымаются въ воздухъ огромнымъ снопомъ мелкихъ хрустальныхъ брызговъ, прорѣзываемыхъ половою радужныхъ цвѣтовъ. Долго продолжается эта ожесточенная и все безуспѣшная борьба упорныхъ волнъ съ угрюмою скалою, которая молча принимаетъ разъяренныхъ враговъ, словно презирая всѣ ихъ усилія. И это гордое, презрительное равнодушіе будто еще больше усиливаетъ ярость волнъ; еще сильнѣе, еще порывистѣе, еще могучѣ становится ихъ напоръ; еще выше вздымается пыльная колонна золотистыхъ брызговъ, и еще причудливѣе ихъ отблескъ на солнцѣ. Но вотъ шумно и грозно приближается одна высокая, повидимому, самая могучая, смѣлая волна; съ ужаснымъ ревомъ сбѣжала она отчаянный, рѣшительный приступъ, и очутилась на самой верхушкѣ скалы, до сихъ поръ оставшейся недоступною. Другія, ободренные ея примѣромъ, кинулись вслѣдъ за нею, и въ нѣсколько мгновеній могучая скала исчезла въ кипучей пропасти, похороненная ревѣвшими и стонавшими волнами. Волны побѣдили, какъ и всегда побѣждаютъ и самыя микроскопическія соединенныя капли, когда крѣпко сплотятся и дружно и упорно преслѣдуютъ свою цѣль...

Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этими бурными движеніями воды, которой могучая сила и энергія, какъ бы сообщились мнѣ на мгновеніе; и въ первый разъ въ жизни я испыталъ сильное стремленіе къ кипучей дѣятельности, къ

какой собственно — этого я рѣшительно не зналъ. Я пришелъ въ какое-то азартное состояніе, бѣгалъ, скакалъ, кричалъ, съ силою бросалъ камушки въ воду, словомъ — самъ не зналъ, на чемъ излить свое страстное желаніе дѣлать что нибудь, къ чему примѣнить нахлынувшія вдругъ силы. Ребъ Авнеръ тоже какъ-то ободрился, его лицо чрезвычайно оживилось, глаза ярко заблестали, и онъ быстро зашагалъ по берегу, подбиралъ выброшенные волною ракушки, дѣлалъ каждый разъ восторженныя замѣчанія. Но побушевавъ съ часъ, вѣроятно, по причинѣ прилива, море опять стало успокаиваться. Слѣдя за его внезапнымъ пробужденіемъ и затѣмъ за его постепеннымъ успокоеніемъ, можно было подумать, что оно вдругъ было встревожено приближеніемъ какой либо угрожавшей опасности, и собралось всѣми своими силами, чтобы отразить ее. Это тѣмъ болѣе могло казаться, что никакой внѣшней причины его волненія не было видно, такъ какъ воздухъ за все время оставался тихъ и неподвиженъ. Успокоеніе совершилось медленно и постепенно. Но наконецъ возстановилась прежняя обаятельная тишина, и освѣженный воздухъ тихо вѣялъ въ лицо своимъ теплымъ, пріятнымъ дыханіемъ. Опять заблестала зыбкая поверхность мириадами изумрудовъ, опять от берега разостлался блестящій серебряный мостъ до самаго горизонта, гдѣ опять блистала и переливалась залитый лучами ослѣпительный водоворотъ.

По желанію ребъ Авнера, мы снова пріѣли, но немного дальше отъ воды, чѣмъ прежде, такъ какъ очень широкая полоса песчаного берега была мокра послѣ сильнаго прилива волнъ. Что касается меня, то, признаться, мнѣ уже хотѣлось идти домой по той простой причинѣ, что я почувствовалъ сильный голодь. Но ребъ Авнеру, повидимому, совсѣмъ не хотѣлось уйти отсюда, и я, дѣлать нечего, долженъ былъ еще остаться, хотя не особенно неохотно, такъ какъ всякая далекая прогулка всегда мнѣ доставляла большое удовольствіе и тѣмъ большее, чѣмъ долѣе она продолжалась; море же я всегда очень любилъ. Особенно сознаніе, что я нахожусь настолько далеко отъ города, что даже не вижу его, было мнѣ больше всего пріятно и внушало мнѣ нѣкоторую гордость. Послѣ моего маленькаго

городка, я городъ N. считалъ какимъ-то безконечнымъ лабиринтомъ, изъ котораго никогда вырваться нельзя.

— Какъ хорошо, какъ хорошо тутъ,—заговорилъ ребъ Аверъ, послѣ того, какъ мы снова усѣлись, устремивъ опять свои задумчивые взоры въ безконечную даль.—Какъ тихо, какъ прекрасно! Я никогда не думалъ, что есть такое хорошее въ мирѣ. И какимъ гадкимъ, душнымъ, грязнымъ кажется мнѣ теперь городъ и эта несчастная канура ребъ Юське. А вѣдь и въ нашемъ городѣ тоже кругомъ красиво; все зелень, деревья, и рѣчка есть, и холмы есть. А я никогда и не думалъ выходить за городъ и подышать свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ. Только какъ идешь купаться, то подышешь немного полемъ и рѣчкою. Вѣчно живешь взаперти и свѣта Божьяго даже никогда не видишь. И странно, очень мнѣ всегда нравилось, когда я увижу траву, деревья, даже на душѣ такъ хорошо станеть. А вотъ чтобы идти нарочно погулять—нѣтъ, этого я никогда не дѣлалъ, и другіе никогда у насъ не дѣлали. Оттого-то я, быть можетъ, такой хилый, слабый, и вѣчно кашляю, вотъ уже лѣтъ восемь или больше. Вотъ кабы такъ всѣ люди жили, на свободѣ, въ тишинѣ, въ дружбѣ и любви! Хорошо было бы, не правда-ли, клейничкеръ? Вотъ, напр., если бы я тутъ имѣлъ маленькій домикъ и все, что нужно къ жизни. Я бы тутъ жилъ со всѣми тѣми, которыхъ люблю, и тебя взялъ бы навсегда къ себѣ. Мы бы тутъ жили мирно, гуляли, пѣли, всегда бы пѣли. Вотъ тутъ пѣть хорошо! Мнѣ все кажется, все время, что и я, и все, что тутъ есть, поетъ—и волны, и воздухъ, и солнце, и небо, и голова моя переполнена самыми чудными мелодіями. Не смѣйся надо мною, но въ эту минуту мнѣ кажется, что я могъ бы создать теперь глубокіе, богатые мотивы для молитвъ, въ родѣ твоего Шомеръ-Иерузалъ, даже нѣчто высшее... Да, чтобы создать что нибудь великое для синагогальнаго пѣнія, надо все это видѣть, видѣть это безконечное море, слышать его музыку. Я бы всегда сюда ходилъ, чтобы сочинять что нибудь. Я теперь только понималъ многія мѣста въ псалмахъ, какъ, напр., эти выраженія: «Задрожало море и наполняющее его» или: «Увидѣао море, и отступило назадъ»... Какъ все это мнѣ кажется теперь величественнымъ! Или

еще вот это мѣсто въ «Ойди», который читается по пятницамъ, передъ вечернею молитвою, и гдѣ описываются опасности на морѣ, буря, вздымающіяся волны. И какъ я могъ проходить мимо всего этого! Совершенно правъ Соломонъ, когда восклицаетъ: «Какъ велики дѣянія Твои, Господь! Какъ безконечно глубоки твои мысли! Человѣкъ невѣжественный не знаетъ, а глупецъ не понимаетъ всего этого!» Да, не въ тѣсной, вонючей конурѣ, а на чистомъ, вольномъ воздухѣ, подъ широкимъ небомъ можно постигнуть величiе Бога!

Онъ немного помолчалъ и потомъ опять началъ восторженно: — Ахъ, какъ хорошо, Боже, какъ хорошо! Только опять у меня вдругъ заболѣла душа. Ахъ, какъ болить!—И онъ замолкъ, схватившись рукою за грудь. Лицо его опять вдругъ приняло выраженiе глубокой грусти и страданiя. Мнѣ тоже стало какъ-то грустно, глядя на него. Я присѣлъ на колѣни и машинально сталъ перебрасывать камушки съ руки на руку, и тоже молчалъ. Прошло нѣсколько минутъ. Какъ вдругъ ребъ Авнеръ запѣлъ. По первымъ звукамъ я узналъ романсъ Алисы изъ перваго дѣйствiя. Но какъ онъ его пѣлъ! Сколько жизни и глубокаго чувства вложилъ онъ въ каждую нотку! Какъ мягко, нѣжно и тепло звучалъ его немного дрожавшiй голосъ! И какъ обаятельно разливались эти звуки въ прозрачномъ воздухѣ! Казалось, что все притаило дыханiе, чтобы прислушиваться къ этимъ волшебнымъ звукамъ, что волны тихо, безшумно прибывали каждый разъ, удерживая свои шумныя всплескиванiя, чтобы не нарушать тишину.

Не смотря на то, что я горѣлъ желанiемъ спѣть ребъ Авнеру все, что я запомнилъ изъ оперы, и что очень сильно было мое искушенiе загѣть вмѣстѣ съ нимъ, теперь, я, однако, одолѣлъ себя и съ наслажденiемъ прислушивался къ его пѣнiю. Мнѣ казалось, что онъ эту арию поетъ несравненно лучше, чѣмъ ее пѣла пѣвица въ театрѣ, что у него все задушевейте, глубже.

Когда онъ замолкъ, я запѣлъ другую арию Алисы, изъ третьяго дѣйствiя.

— Ахъ, какъ ты поешь, какъ ты поешь!—каждый разъ восклицалъ ребъ Авнеръ. Мнѣ кажется, что я ее слышу.—Въ.

этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ мой дѣтскій, довольно сильный голосъ могъ легко напомнить женское меццо-сопрано. Ребѣ Авнеръ, по обыкновенію, заставилъ меня снѣть эту арію еще нѣсколько разъ, и каждый разъ повторялъ то же восклицаніе. Затѣмъ я сталъ пѣть другія аріи изъ той же оперы; разумѣется, не обошлось безъ любимой ребѣ Авнеромъ *Casta diva*.

— Ну, пропой еще разъ ея «вещи» въ послѣдній разъ,—попросилъ меня ребѣ Авнеръ, когда мы уже стали собираться уходить. Я пропѣлъ еще разъ обѣ аріи Алисы.

— Мнѣ кажется, что вотъ-вотъ вижу ее передъ собою, слышу ея чудный голосъ, — сказалъ онъ тихо, не глядя на меня, когда я кончилъ. Постоявъ нѣсколько секундъ, онъ опять схватился за грудь и воскликнулъ:

— Ахъ, какъ стало опять жечь въ сердцѣ, какъ горитъ, горитъ голова!—Онъ быстро запагалъ по неску; но вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за обѣ руки, нервически ихъ сдвинулъ и, словно въ какомъ-то бреду, началъ прерывающимся голосомъ:

— Клейничкеръ, Клейничкеръ, я съума сойду, я съума сойду!.. Я самъ не знаю, что со мною творится въ послѣдніе дни... У меня горитъ, горитъ все, все, сердце, голова, все тѣло въ пламени... Боже! Боже! спаси меня... спаси! Или я не знаю, что со мною будетъ! Я не въ силахъ, я не въ силахъ переносить больше эти страшныя мученія... Спаси, спаси меня, Господи!—И онъ какъ сношъ повалился на песокъ.

Меня стала бить лихорадка; колѣни дрожали, все тѣло было охвачено морозною дрожью. Я совсѣмъ какъ бы отупѣлъ въ первую минуту. Но когда я увидѣлъ мертвенно-блѣднаго ребѣ Авнера, съ страшно блиставшими, глазами, растянутымъ на песокъ, у меня слезы хлынули ручьемъ, и я сталъ оглашать берегъ громкимъ, порывистымъ плачемъ.

Ребѣ Авнеръ, услышавъ мой плачъ, быстро вскочилъ на ноги, сталъ меня успокаивать и убѣждалъ не плакать и не пугаться. Но я, однако, долго не могъ одолѣть своего плача и своей лихорадочной дрожи, и не въ состояніи былъ вымолвить слова, чтобы сказать ему что нибудь. Уже мы давно пустились об-

ратно въ городъ, а я все еще не могъ придти въ себя отъ того ужаса, который мнѣ внушило состояніе ребъ Авнера. Самое худшее для меня было то, что я рѣшительно не въ состояніи былъ понять, что именно съ нимъ происходитъ; и, сказать по правдѣ, его страшное, отчаянное состояніе меня еще больше пугало, чѣмъ трогало. Я въ первую минуту сталъ думать о какой нибудь страшной нечистой болѣзни, о какой именно — рѣшительно не знаю, приблизительно о чемъ-то въ родѣ «дыбика» (нечистый духъ), о которыхъ въ дѣтствѣ я много слышался. Я, однако, съ отвращеніемъ отталкивалъ отъ себя мысль о томъ, что ребъ Авнеръ можетъ страдать чѣмъ нибудь подобнымъ. Дальше, когда я сталъ все припоминать, всё его восклицанія, всё его слова, и все это связывать, нѣчто смутное, туманное, но болѣе или менѣе приближавшееся къ истинѣ начало мелькать въ моей головѣ. Судьбѣ угодно было разъяснить мнѣ все не только въ тотъ же день, но почти въ тотъ же часъ.

XI.

Мы молча шли домой, и мало-по-малу я успокоился. Ребъ Авнеръ все время шелъ впереди и какъ-то избѣгалъ встрѣтиться со мною взорами. Послѣ довольно продолжительной ходьбы, мы вдругъ очутились на площади передъ театромъ, хотя дорога намъ вовсе не туда лежала. Какъ это случилось, я рѣшительно не знаю, ибо не могу и думать, чтобы ребъ Авнеръ намѣренно туда направился, такъ какъ не только онъ, но и я не зналъ бы, какое направленіе намъ слѣдовало взять изъ того мѣста, гдѣ мы были, чтобы очутиться на этой площади. Думаю, что это была роковая случайность. Какъ бы тамъ ни было, очутившись тамъ, ребъ Авнеръ направился прямо къ театру, и я, разумѣется, за нимъ. Солнце уже было довольно низко, и должно было быть приблизительно около четырехъ часовъ дня. Всѣ обычные двери, которыя мы знали, оказались закрытыми, и мы стали обходить театръ со всѣхъ сторонъ. Со стороны, противоположной главному фасаду, къ нему прилегалъ небольшой садъ или нѣчто въ родѣ сквера, гдѣ было нѣсколько скамеекъ для публики. На одной изъ этихъ скамеекъ мы и

усѣлись, прямо противъ небольшихъ дверей задняго фасада. Ребъ Авнеръ какъ-то сѣлъ бокомъ и глядѣлъ въ сторону; я же сталъ осматривать эту часть театра, которой еще не видѣлъ. Минуть черезъ пять дверь, противъ которой мы сидѣли, вдругъ отворилась, и на порогѣ ея появилась стройная, красивая, совсѣмъ еще молодая дѣвушка, въ которой я сейчасъ же узналъ пѣвицу, исполнявшую роль Алисы. У меня сердце сильно екнуло. Какая-то смѣсь сильной радости и безпредѣльнаго благоговѣнія охватила меня при видѣ ея и, съ большимъ волненіемъ, я радостно и восторженно воскликнулъ очень громко: «Вотъ она!»

Ребъ Авнеръ быстро оглянулся. Но, Боже! Что съ нимъ стало вдругъ! Мертвенно-блѣдное лицо приняло мгновенно совершенно землянистый цвѣтъ, и на щекахъ появились два красныхъ пятна; голова его откинулась назадъ съ такою силой, словно она внезапно отлетѣла отъ корпуса; все тѣло его точно скомкалось, съежилось, и изъ груди вырвалось такое страшное *а!* что у меня похолодѣло на сердцѣ.

Молодая дѣвушка между тѣмъ остановилась на порогѣ съ какимъ-то толстымъ старикомъ; онъ оставался внутри, одною рукой придерживая дверь, а другою играя цѣпочкой. Такъ она разговаривала съ нимъ нѣсколько минутъ, послѣ чего старикъ вошелъ обратно въ театръ, а она какъ-то задумчиво направилась къ нашей скамьѣ. Поровнявшись съ нами, она стала насъ внимательно оглядывать съ ногъ до головы, особенно ребъ Авнера, и съ видомъ состраданія, выразившагося на ея красныхъ, полныхъ губахъ и въ ея томныхъ черныхъ глазахъ, слегка покачала своею удивительною головкой, ровно и прямо подымавшеюся на ея стройномъ, тонкомъ тѣлѣ. Насколько мнѣ кажется теперь, она насъ приняла за нищихъ; ибо я отлично помню, какъ, немного отошедши отъ насъ, она стала рыться въ карманахъ своей бархатной или плюшевой мантильки темнобронзоваго цвѣта; но, повидимому, ничего тамъ не нашла. Я теперь даже съ ужасомъ думаю о томъ, что было бы, если бы она вдругъ поднесла намъ какуюнибудь монету въ видѣ милостыни. Она, какъ видно, кого-то ожидала, ибо нѣсколько

разъ прогуливалась по одному и тому же направленію, все проходя мимо насъ, и каждый разъ повторяя свой внимательный осмотръ и свое выраженіе жалости. Наконецъ та же самая дверь снова отворилась, и оттуда вышли двѣ женщины, одна уже въ дѣтахъ, но еще сохранившая пріятныя, красивыя черты; другая — молодая, съ крайне непріятнымъ, будто заспаннымъ лицомъ, на которомъ глазъ совсѣмъ почти не было видно. Это послѣдняя, одѣтая очень бѣдно, неслла узелъ въ рукахъ. Пѣвица имъ улыбнулась, и опять задумчиво и молча направилась къ нимъ на встрѣчу, и всѣ онѣ вмѣстѣ удалились. Мы тоже поднялись и стали слѣдить за ушедшими. Онѣ очень скоро исчезли въ одномъ изъ большихъ, красивыхъ домовъ, окружавшихъ площадь. Меня охватила какая-то грусть въ родѣ той, которую испытываетъ человѣкъ, принужденный вдругъ разстаться съ людьми, съ которыми онъ хорошо провелъ нѣсколько часовъ. Что касается ребѣ Авнера, то я не могу сказать, конечно, что происходило въ то время внутри его; но лицо его выражало столько неимовѣрныхъ мукъ, что на него нельзя было смотрѣть безъ глубокой боли.

Теперь я, наконецъ, узналъ причину его страданій, но только узналъ, какъ узнаютъ какойнибудь фактъ. Понять же вполне происшедшее въ его душѣ я далеко не могъ, настолько не могъ, что, не смотря на всю мою привязанность къ нему, на все мое глубокое состраданіе, мнѣ казалось, что въ его мукахъ есть что-то нехорошее, даже преступное. Скажу больше, какъ это мнѣ ни тяжело теперь въ этомъ признаться, — эти его страданія, послѣ того, какъ я узналъ ихъ причину, даже немного оттолкнули меня отъ него въ первую минуту. Ребѣ Авнеръ какъ-то уменьшился въ моихъ глазахъ. У дѣтей и у женщинъ, не смотря на все легкомысліе тѣхъ и другихъ, часто является вдругъ гораздо больше сухой, расчетливой практичности, чѣмъ у самыхъ опытныхъ и практическихъ людей. Правда, я далеко не былъ такимъ ребенкомъ, точно также, какъ ребѣ Авнеръ не былъ рѣшительно практическимъ человекомъ. Мнѣ былъ четырнадцатый годъ; натура у меня была страстная, поэтическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сдержанная. Положеніе подневольнаго, почти всегда испытывавшаго на себѣ

несправедливости, рано развило меня во многихъ отношеніяхъ. Женская красота уже тогда имѣла для меня много обаянія и много меня привлекала, но она меня, такъ сказать, только убаюкивала, согрѣвала. Ничего другого она во мнѣ не вызывала. Наша пѣвица тоже сильно подѣйствовала на мое воображеніе, хотя скорѣе какъ какое-то идеальное воплощеніе столь страстно любимой мною музыки. И у меня сердце забилося, когда я ее увидѣлъ и, какъ я уже сказалъ, я ощутилъ какую-то пустоту по ея исчезновеніи. Я поэтому легко могъ связать слѣдствіе съ причиной—относительно того, что происходило въ душѣ ребѣ Авнера. Но, само собою разумѣется, я не былъ въ состояніи постигнуть и понять всю страшную силу его душевныхъ страданій. Я также, кромѣ того, не могъ понять и допустить, чтобы такой хорошей человѣкъ какъ ребѣ Авнеръ, такой добрый и благочестивый еврей, могъ довести себя до такого состоянія, когда дѣло идетъ о стремленіи къ такому во всѣхъ отношеніяхъ недостижимому предмету. Но осуждало его, хотя и очень сильно осуждало, одно сознаніе—это практическое сознаніе, съ дѣтства уже проведенное для меня, какъ и для всякаго еврея моей среды, строжайшія границы между доступнымъ и недоступнымъ, возможнымъ и невозможнымъ въ религіозномъ, общественномъ и матеріальномъ отношеніи. «Что значить «хочу»,—звучалъ постоянно въ моихъ ушахъ освященный уже доводъ противъ всѣхъ недоступныхъ и безумныхъ желаній:—что значить «хочу!» Ну, а если вдругъ захочу имѣть «бась-малке» (королевскую дочь)!» Однако, сердце и чувства мнѣ часто говорили другое; ибо вѣдь и я чувствовалъ сильную тоску, при мысли о чудной примадоннѣ, особенно съ момента, когда я ее увидѣлъ такъ близко, во всей ея обаятельной красотѣ.

Солнце уже совсѣмъ опустилось, мы наконецъ разошлись съ ребѣ Авнеромъ. Разошлись мы такъ же, какъ и шли, т. е. молча, не сказавъ другъ другу ни одного слова.

На другой день утромъ, часу въ девятомъ, я опять пошелъ къ ребѣ Іосъке, чтобы условиться съ ребѣ Авнеромъ о томъ, когда будемъ репетировать, и узнать также, какъ онъ себя чувствуетъ.

Ребѣ Іосъке я нашелъ на томъ же мѣстѣ, за работой. Онъ

мнѣ тихо сообщилъ, что ребѣ Авнеръ провелъ скверную ночь, хотя и меньше кашлялъ, чѣмъ наканунѣ; онъ все тихо вздыхалъ и стоналъ, и только къ утру заснулъ крѣпкимъ сномъ, послѣ чего у него выступилъ сильный потъ, и это его, ребѣ Іосъке и его жену очень обрадовало, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, потъ всегда предвѣщаетъ перемѣну къ лучшему.

— Ничего,—заклучилъ онъ:—Богъ дастъ, поправится. Надо только хорошенько за нимъ ухаживать, кормить хорошо, давать каждый день молоко, два раза въ день бульонъ изъ курицы и т. д. А ужъ за всѣмъ этимъ дѣло не станетъ.

Дѣйствительно, когда я зашелъ въ комнату, мнѣ казалось, что ребѣ Авнеръ, сидѣвшій тогда закутаннымъ въ талесъ и тихо молившійся, выглядѣлъ на этотъ разъ немного лучше. По крайней мѣрѣ, онъ не былъ такъ блѣденъ. Двойра сидѣла на томъ же мѣстѣ, около печки, гдѣ въ томъ же горшечкѣ варился бульонъ для ребѣ Авнера. Кромѣ Двойры, въ комнатѣ еще находился юноша, лѣтъ шестнадцать, худой, тощій, съ сильно вытянутой тонкой шеей, въ длинномъ сѣромъ никсовомъ кафтанѣ до пятокъ, но съ очень коротенькими, тщательно подстриженными пейсами, съ щеголевато причесанными волосами, остриженными «подъ польку», въ высокомъ картузѣ изъ темно-сѣрой парусины, ухарски надѣтомъ на бекрень. Онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Мейерке, черноволосымъ и черноглазымъ сыномъ ребѣ Іосъке, на сундукѣ, и надѣвалъ ему башмаки, заставляя его въ то же время повторять за собою слова утренней молитвы.

— Ну, теперь «цицисъ» бери въ руки,—скомандовалъ юноша, снявъ Мейерке съ сундука и поставивъ его по серединѣ комнаты. Мальчуганъ заложилъ руки за спину, добылъ съ большими трудами запутавшіеся вокругъ пуговицъ его штанишекъ коротенькіе ццисисъ, и, собравъ ихъ наконецъ всѣ четыре, сталъ ихъ усердно и звучно цѣловать, опять повторяя всѣ слова, подсказываемыя юношею. Какъ читатель уже вѣроятно догадываешься, этотъ юноша былъ никто иной какъ бегельферъ; онъ скоро увелъ Мейерке въ хедеръ, послѣ того какъ мать подала ему разныхъ припасовъ.

Прежде чѣмъ уйти, бегельферъ обратился къ Двойрѣ.

— Ребъ Хуне велѣлъ спросить васъ на счетъ вашей дѣвочки.

— На счетъ моей Брайнеле?—отвѣтила та:—да, она послѣ праздникова то же начнетъ ходить въ хедеръ. Теперь она все у моей матери, которая ее не отпускаетъ вотъ уже вторую недѣлю.

Какъ и вчера, Двойра накрыла на столъ и подала завтракъ вскорѣ появившемуся мужу и ребъ Авнеру. Но этотъ послѣдній очень вяло, очевидно, противъ своей воли, ѣлъ свой бульонъ и вскорѣ совсѣмъ оставилъ его, къ великому отчаянію обоихъ супруговъ. Они только тогда успокоились, когда ребъ Авнеръ обѣщалъ все съѣсть позже, днемъ, отговариваясь тѣмъ, что онъ не привыкъ кушать такъ рано. Во всѣхъ его движеніяхъ, во всей его наружности, въ его разговорѣ, проглядывали не то апатія и утомленіе, не то равнодушіе человѣка, махнувшаго на все рукою въ отчаяніи, и котораго поэтому все тяготитъ. Всякое слово, которое онъ долженъ былъ произнести, всякій взглядъ, который онъ испытывалъ на себѣ или принужденъ былъ бросить на другого, стоили ему, казалось, неимоверныхъ усилій и причиняли чрезвычайныя пытки. Какъ только его оставляли, онъ откидывался назадъ, къ стѣнѣ, возлѣ которой сидѣлъ, закрывалъ верхнюю часть лица одною рукою, другою держась за грудь.

Когда онъ мнѣ заявилъ, что мы репетировать будемъ только передъ вечеромъ, когда ему станетъ немного лучше, я собрался уйти; но ребъ Авнеръ сталъ меня удерживать и просить опять пойти съ нимъ къ морю, такъ какъ ему, по его словамъ, легче послѣ вчерашней прогулки, и онъ эту ночь, хотя и спалъ плохо, но кашлялъ гораздо меньше. Я рѣшительно отказался, потому что обѣщалъ матери непременно пойти съ нею на кладбище. Я дѣйствительно вышелъ. Ребъ Авнеръ вышелъ вслѣдъ за мною, и снова сталъ умоляющимъ голосомъ просить меня идти съ нимъ.

— Съ тобою мнѣ все-таки легче,—началъ онъ.—Когда же я остаюсь одинъ, то у меня голова начинаетъ переворачиваться, и я какъ безумный мечусь туда и назадъ. Хуже всего, когда эти добрые мои хозяева начинаютъ меня спрашивать,

что со мною, и предлагаютъ различные средства. Что могу я имъ сказать, Боже ты мой! И что могутъ они сдѣлать для меня! Никто, никто не можетъ помочь мнѣ. Только одинъ Богъ можетъ излечить мое больное сердце. А какъ оно болитъ, какъ болить!—И онъ замолеъ, мрачно и безнадежно покачивая головою. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія, онъ снова началъ:

— Когда я сижу у ребъ Іосъке, мнѣ кажется, что они все видятъ, что дѣлается внутри меня, все читаютъ на моемъ лицѣ, и я не могу переносить ихъ взоровъ. Особенно бѣдная, золотая Двойра не спускаетъ съ меня своего нѣжнаго, материнскаго взгляда, и, видно, сильно страдаетъ за меня. Но мнѣ отъ этого еще хуже. Мнѣ хотѣлось бы запрятаться куда нибудь далеко отъ людей. Только бы ты со мною былъ. Передъ тобою я могу всю мою душу показать, ты все знаешь, и никогда никому ничего не скажешь. А когда я говорю, мнѣ все-таки легче, будто немного тяжести съ сердца снимаю. Ахъ, какъ подумаю о ночи, меня страхъ и ужасъ охватываютъ! Какія все страшныя мысли приходятъ, какія мученія испытываю! Всю эту ночь она предо мною стояла, ни на одну минуту не покидала. Вотъ такъ станеть, и стоять, стоять предо мною, и все съ грустью смотреть на меня, какъ вчера. А у меня сердце чуть не выпрыгиваетъ, такъ и рвется, рвется на части, такъ и горить, горить, словно обложили его огнемъ со всѣхъ сторонъ, и весь я горю какъ въ пламени. Боже! Боже! за что же ты мнѣ такое наказаніе тяжкое послалъ! За что, за что! Чѣмъ я такъ согрѣшилъ?—И онъ горько заплакалъ...

Чего бы я не отдалъ, чего бы я не сдѣлалъ въ ту минуту, чтобы хоть сколько нибудь облегчить тяжкія пытки несчастнаго страдальца! Какъ заледенѣла у меня кровь, когда я услышалъ этотъ горькій плачь!

Само собою разумѣется, что я забылъ не только данное матери обѣщаніе, но и весь міръ.

Незамѣтно, не помня рѣшительно, гдѣ и какъ мы проходили, мы очутились у берега моря, на томъ же мѣстѣ, что и вчера. Ребъ Авнеръ сталъ жадно вдыхать въ себя свѣжій морской воздухъ, согрѣтый солнцемъ, приговаривая:

— Ахъ, этотъ чистый, свѣжій, мягкій воздухъ немного охлаждаетъ сжигающій меня жаръ.

Онъ дѣйствительно, вскорѣ какъ будто немного ободрился.

Обаятельная тишина, чудный видъ разстилающагося на безконечное пространство безбрежнаго моря, залитаго цѣлыми снопами мягкихъ, теплыхъ лучей ярко свѣтившаго солнца; необъятный свѣтло-голубой сводъ неба, окутывавшаго все своею волшебною лазурью; тихіе, неопредѣленные звуки, разлитые и словно висѣвшіе въ прозрачномъ воздухѣ; убаюкивающее мирное всплескиваніе хрустальныхъ волнъ—все это вмѣстѣ, казалось, даже мертвому могло возвратитъ жизнь.

Провели мы тутъ часа четыре, и почти такъ же, какъ и наканунѣ. Только на этотъ разъ ребъ Авнеръ больше говорилъ и больше пѣлъ то вмѣстѣ со мною, то одинъ, и пѣлъ удивительно, чудно-хорошо, какъ и вчера, сохранивъ, однако, бодрость духа до самаго конца. О ней почти не упомянулъ, а все дѣтски-мечтательно строилъ планы или волшебные замки относительно будущаго. Напр., о томъ, чтобы сдѣлаться знаменитымъ хазаномъ, завести много пѣвчихъ, объѣхать съ ними «весь міръ», накопить себѣ достаточно денегъ, построить въ какомъ нибудь хорошемъ мѣстѣ домикъ для себя съ дѣтьми и женою, а около большую синагогу съ хорошимъ резонансомъ, и тамъ пѣть съ хоромъ каждую субботу, да такъ, чтобы «весь міръ» уже туда прѣзжалъ слушать. Особенно ему хотѣлось научиться нотамъ, чтобы записать всѣ свои «мысли», конечно, музыкальныя. Замѣчу еще мимоходомъ, что о своей женѣ онъ говорилъ, упоминая о ней, съ большою любовью, и, какъ видно было изъ его нѣсколькихъ словъ, она его ужасно любила и вообще была женщина очень хорошая.

Очень неохотно оставилъ ребъ Авнеръ это прекрасное мѣсто, и какъ только мы ушли оттуда, лицо его опять приняло мрачное, угрюмое выраженіе.

Возвратившись обратно въ городъ, мы разошлись до вечера, когда снова сошлись въ синагогѣ, гдѣ очень поздно репетировали и бесѣдовали, чуть-ли не до полночи. Ребъ Авнеръ тамъ и остался ночевать, такъ какъ не могъ выносить душпаиваго подвального воздуха.

Нечего и говорить о томъ, какъ досталось мнѣ отъ матери за то, что я не явился, чтобы пойти съ нею на кладбище; досталось, конечно, только словами; ибо моя мать никогда не поднимала руки на дѣтей, за что ее и упрекали всѣ родственники, убѣждая ее, что она насъ сама всѣхъ ведетъ къ гибели, рѣжетъ собственными руками и т. д.

Такъ прошли почти всѣ промежуточные дни между Ропш-Гапаной и Иомъ-Кипуромъ. Утро до обѣда мы проводили на берегу моря, на нашемъ излюбленномъ мѣстѣ, а передъ вечеромъ и по вечерамъ сходились въ синагогѣ и репетировали, очень часто до самой полночи. Ребъ Авнеръ страдалъ не меньше, но все-таки прогулки его много разсѣивали и приносили ему хоть нѣкоторое облегченіе.

Въ тому онъ словно сталъ свѣкаться съ своимъ несчастьемъ, все рѣже и рѣже о немъ говорилъ, загоняя его, такъ сказать, все глубже и глубже внутрь себя. Только иногда, среди пѣнія или среди разговора, онъ вдругъ быстро схватится за грудь и, по обыкновенію, застонеть:

— Ахъ, какъ жжетъ, какъ жжетъ!

Ребъ Йосъке и Двойра при встрѣчѣ со мною еще чаще стали жаловаться на то, что ребъ Авнеръ проводитъ очень тревожныя ночи, часто встаетъ и ходитъ по комнатѣ, и что онъ совсѣмъ почти ничего не ѣстъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бекъ-Ами.

БИБЛЕЙСКІЯ КАРТИНКИ.

III.

(Жертвенникъ Авеля).

Не первый разъ надъ хмурою землею
Свершала осень грустный свой обходъ,
И крыла доль увядшею листвою,
И тучами темнила небосводъ.
Не первый разъ во мглѣ всходили зори
И наливались сочные плоды,
И бушевало бѣшенное море,
Какъ вольный конь, незнающій узды.
Не первый разъ, свою собирая жатву,
О теплыхъ дняхъ молился человекъ
И приносилъ торжественную клятву —
Своимъ полямъ не измѣнять вовѣкъ...
Но въ первый разъ подъ небомъ увидали
Безмолвный трупъ, лежащій на землѣ.
Всѣ смертные, въ испугъ и печали,
Теперь сошлись...

Въ зачерѣвшею мглѣ

Еще дымилось жертвенниковъ пламя,

Треща, огонь по сучьямъ пробѣгалъ,
 И легкій дымъ, какъ прозрачное знамя,
 Туманною завѣсой трепеталъ.
 И сиротливо жертвы догорали,
 И не было жрецовъ у алтарей:
 Одинъ бѣжалъ и скрылся въ темной дали,
 Другой лежалъ недвижимъ, безъ рѣчей.
 Былъ страненъ ликъ усопшаго; безмолвный,
 Онъ сохранялъ величіе и страхъ,
 Густыхъ кудрей разбросанныя волны
 Какъ мягкій лень темѣли на плечахъ,
 И на челѣ таинственная дума
 Свѣтилася загадкою уму,
 И на устахъ, сомкнувшихся угрюмо,
 Блуждалъ вопросъ неслышный: „почему?“
 Всѣ стали звать умершаго собрата,
 Но онъ былъ нѣмъ, неумолимо нѣмъ;
 Онъ улетѣлъ отъ жизни безъ возврата...
 Онъ улетѣлъ—куда?.. зачѣмъ?..
 Не встанетъ онъ на нихъ взглянуть привѣтно...
 Ужь подходилъ заплаканный отецъ,
 Бралъ за руки, взывалъ къ нему, но тщетно;
 Былъ недвижимъ невномлющій мертвецъ.
 И мать къ нему склонялася, рыдая,
 Чтобы согрѣть хладѣющую грудь...
 Напрасно все!.. Дышала ночь нѣмая,
 А сынъ ея не могъ теперь вздохнуть...

И ужасъ всёхъ наполнилъ непонятный,
И тайный страхъ оледенилъ сердца...
Казалось, сводъ неба необъятный
Сейчасъ падеть, чтобъ спрятать мертвеца...
Но было все торжественно въ природѣ:
Спокойныхъ звѣздъ лазурные огни
Текли какъ встарь, въ алмазномъ хороводѣ,
На жертвенникахъ тѣли головы,
Плыль вѣтерокъ по дремлющимъ вершинамъ,
Дрожала зыбь въ серебряной рѣвѣ,
И оглашался вздохомъ соловьинымъ
Эдемскій садъ, темнѣвшій вдалекѣ...

К. Фосановъ.

Ф И Л О Н Ъ.

КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ. ИЗЪ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКО - АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ШКОЛЫ.

ІХ *.

Позорное преступленіе, совершенное Деметріемъ, нанесло сильный ударъ всей его партіи. Болѣе разсудительная часть александрійскаго населенія начала мало-по-малу отстраняться отъ шайки, написавшей на своемъ знамени кощунство, убійство и грабежъ. Звѣзда Апіона стала быстро падать. Число его приверженцевъ снова уменьшилось до размѣровъ маленькой кучки, и хотя эта послѣдняя и осталась ему вѣрною и обнаружила твердое намѣреніе всюду слѣдовать за нимъ, тѣмъ не менѣе послѣ такого постыднаго пораженія онъ не смѣлъ рассчитывать на то, что ему снова удастся подстрекнуть массу къ насиліямъ противъ евреевъ и вывести такимъ образомъ намѣстника изъ его пассивной роли. Оставалось одно только средство, которое могло бы снова поднять сильно упавшее вліяніе грамматика: побудить намѣстника къ открытому одобренію враждебнаго евреямъ движенія. Если бы поощреніе къ нападенію на евреевъ и на ихъ имущество исходило сверху, тогда нечего было бы сомнѣваться въ успѣхѣ. Но побудить Флакка къ этимъ крайнимъ мѣрамъ онъ могъ надѣяться только въ томъ случаѣ, если бы на его сторонѣ въ качествѣ союзницы стояла Дорисъ. Какъ, однако, овладѣть ею? Напасть на

* См. «Восходъ», в. X.

священную келью Оніаса и насильно оторвать Дорисъ отъ ея пріемнаго отца онъ не рѣшался: на это у него не хватало мужества. Кромѣ того, суевѣрную александрійскую чернь, которая питала безграничный страхъ къ обитателямъ Маресоейскаго озера, постоянно одѣтымъ въ бѣлыя одежды и пользовавшимся славою особенной святости, подобное преступленіе взволновало бы не меньше, чѣмъ оскверненіе храма, совершенное Деметріемъ, и волею-неволею побудило бы Флакка отказаться отъ виновника этого преступленія. Совершенно иначе сложилось бы дѣло, если бы можно было выманить Дорисъ изъ неприступнаго круга эссейскихъ владѣній и похитить ее безъ всякаго шума. Для подобной цѣли онъ нуждался въ помощи товарищей надежныхъ и молчаливыхъ, какъ могила. Послѣ зрѣлаго размышленія выборъ Апіона палъ, наконецъ, на кровожаднаго судебного писца Исидора и на демонски-злого Лампо; оба достойныхъ сообщника обѣщали грамматикѣ исполнить все, чего бы онъ отъ нихъ ни потребовалъ. И вотъ три эти духа тѣмы принялись каждый вечеръ вплоть до глубокой ночи рыскать вокругъ виноградниковъ Маресоейскаго озера и обходили хижину Оніаса, зорко наблюдая за нею и выжидая благопріятнаго случая, чтобы напасть на ничего неподозрѣвавшую Дорисъ и овладѣть ею.

Однако, случай этотъ заставлялъ долго ждать себя, потому что Оніасъ тщательнѣе, чѣмъ когда либо, оберегалъ свою пріемную дочь съ тѣхъ поръ, какъ намѣстникъ въ сопровожденіи Апіона столь неожиданно появился въ его келии. Но съ этого момента исчезла бодрость, которая до того его такъ отличала. Онъ часто впадалъ въ мрачное настроеніе, которое насильственно подавлялъ каждый разъ, какъ только замѣчалъ, что Дорисъ наблюдаетъ за нимъ. «Что могло бы,—безпрерывно спрашивалъ онъ себя,—побудить этого Апіона привести сюда намѣстника? Очевидно, тайна моей дорогой Дорисъ сдѣлалась ему извѣстною!.. Но кто бы могъ быть предателемъ? Вѣдь, кромѣ меня, Филона и Ананія ни одинъ смерт-

ный не знаетъ о происхожденіи этой дѣвушки!.. И что стало съ благороднымъ Ананіемъ!>...

Внезапное исчезновеніе Ананія совершенно сокрушило маститаго старца. Съ того дня, когда тотъ, возвратившись изъ своего миссіонерскаго путешествія, сдѣлалъ сообщеніе во время общественной трапезы, онъ его больше не видѣлъ, а между тѣмъ ему нужно было узнать отъ него еще о столь многихъ важныхъ дѣлахъ, получить отвѣтъ еще на столько неясныхъ вопросовъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ дней послѣ той памятной субботы, Ананій всецѣло посвятилъ себя эссеямъ, рѣшившимся, по его побужденію, выступить въ свѣтъ въ качествѣ миссіонеровъ ордена. Онъ раздѣлилъ ихъ на группы, далъ имъ необходимыя инструкціи и обозначилъ точно страны и города, въ которыхъ они должны были проявить свою дѣятельность. На третій день онъ удалился съ Мареейскаго озера и болѣе не возвращался. Во всѣ стороны эссен были разсланы для поисковъ. Напрасно, онъ словно канулъ въ воду.

Къ счастью Оніаса, Дорисъ не раздѣляла его душевнаго настроенія; она, напротивъ, своимъ радостнымъ лицомъ разгоняла всѣ тѣ мучительныя заботы, которыя его угнетали тайкомъ. Дорисъ была счастлива, безмѣрно счастлива. Правда, посѣщеніе намѣстника и непонятное поведеніе его спутника сильно напугали ее; правда, она слышала изъ своей келіи разговоръ своего пріемнаго отца съ неизвѣстнымъ и узнала изъ него, что гость, столь неожиданно явившійся, былъ никто иной, какъ александрійскій намѣстникъ. Но что за дѣло было ей до всего этого? Аполдосъ любилъ ее — онъ признался ей въ своей пламенной любви, — Оніасъ и Филонъ благосклонно смотрѣли на эту любовь, — что же ей бояться намѣстника или кого бы то ни было на свѣтѣ?.. О, любовь эта до того наполняла все ее существо, дѣлала ее до того безконечно блаженною и придавала ей такую увѣренность, что она не подозрѣвала никакой опасности, да и если бы подозрѣвала, то не страшилась бы ея. По этому-то она умолчала передъ своимъ Аполлосомъ и о по-

сѣщеніи намѣстника. Оно казалось ей теперь совершенно немѣющимъ значенія—къ чему же напрасно тревожить возлюбленнаго? Кроме того, она и не имѣла благопріятнаго случая для такого сообщенія: Аполлосъ приходилъ теперь гораздо рѣже, чѣмъ прежде, такъ какъ онъ ежедневно отправлялся съ своимъ отцомъ въ городъ и едва могъ два-три раза въ недѣлю урвать время, да и то лишь вечеромъ, чтобы носѣтить своихъ мареоеійскихъ друзей. А когда онъ являлся на эти короткія свиданія, то влюбленные имѣли сказать другъ другу такъ много, такъ безконечно много, что сами не знали, съ чего начать — и едва ихъ переполненные сердца находили надлежащія слова, какъ наступала минута разлуки, и Аполлосъ долженъ былъ снова спѣшить домой. Немногіе часы блаженства пролетали съ быстротою молніи.

Счастье обоихъ влюбленныхъ дѣйствовало необыкновенно благотворно на душевное настроеніе Оніаса. Когда онъ видѣлъ ихъ обоихъ сидящими рука объ руку и поглощенными въ созерцаніе другъ друга и прислушивался къ ихъ усладительнымъ рѣчамъ, тогда онъ забывалъ и намѣстника, и Апіона, и всѣ тревоги, которыя ему причинили эти два человѣка. И какъ дѣтски радовался онъ тѣмъ вечерамъ, когда Аполлосъ долженъ былъ прійти! Радость его почти соперничала съ радостью его Дорисъ.

Былъ чудный июльскій вечеръ. Оніасъ сидѣлъ передъ своей хижиной въ дружеской бесѣдѣ съ Аполлосомъ и Дорисъ. Тихій, прохладный вѣтерокъ доносился съ озера и освѣжалъ члены, утомленные дневнымъ палящимъ зноемъ. Аполлосъ говорилъ о своихъ планахъ въ будущемъ и рисовалъ ихъ самыми яркими красками. Вскорѣ, — думалъ онъ, — въ Александрію, нынѣ столь пренебрегаемой Римомъ, снова наступятъ хорошія времена, и тогда онъ отправится въ дальній путь проповѣдывать божественное ученіе людямъ, жаждущимъ спасенія. Его отецъ совершенно одобряетъ это рѣшеніе, и онъ убѣжденъ, что и Оніасъ радостно будетъ его привѣтствовать.

Только что Оніасъ хотѣлъ отвѣтить, какъ къ нему поспѣшно приблизился одинъ эссей и сообщилъ, что братъ Алхимосъ при смерти и желаетъ говорить съ нимъ.

— Такъ и онъ уже усталъ жить?—спросилъ Оніасъ.— Конечно, ничего удивительнаго въ этомъ и не было бы.— скавалъ онъ про себя. Человѣкъ этотъ праведно прожилъ сто лѣтъ и честно потрудился въ своей жизни.— Былъ-ли онъ боленъ въ послѣдніе дни?

— Ничуть,—отвѣтилъ эссей.—Еще за часъ сдѣлалъ онъ бодрый подъ пальмою предъ своимъ домомъ, окруженный толпою юношей, благоговѣиво и жадно внимавшихъ его поученію. Но какъ только солнце начало склоняться къ закату, онъ медленно приподнялся, нагнулся впередъ и протянулъ къ солнцу руки, какъ будто хотѣлъ послѣдовать за нимъ. Въ такомъ положе­ніи онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не исчезли послѣдніе лучи. Тогда онъ промолвилъ: «Прощай, чудное свѣтило, прощай навсегда! Я видѣлъ тебя сегодня въ послѣдній разъ», и повернувшись затѣмъ къ намъ, тепло распростился съ каждымъ отдѣльно, говоря, что его жизненный путь свершенъ и что черезъ нѣсколько часовъ онъ покинетъ адѣйный міръ.— После этихъ словъ мы отвели его въ его келію и уложили на постель. Я же получилъ порученіе поспѣшить къ тебѣ, дабы ты не пришелъ слишкомъ поздно.

Оніасъ между тѣмъ поднялся съ мѣста и накинулъ на себя поданную Дорисъ мантию. Когда эссей кончилъ свой краткій рассказъ, Оніасъ велѣлъ ему отправиться впередъ, а самъ послѣдовалъ за нимъ, сопровождаемый Аполлосомъ и Дорисъ. Каррабасъ, какъ всегда прихрамывая, шелъ позади Оніаса. Хижина умирающаго Алхимоса расположена была приблизительно въ половинѣ пути между домами Оніаса и Филона, на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ шаговъ влѣво отъ тропинки, которая вела отъ виллы Филона къ озеру. Придя къ цѣли своего путешествія, они уже нашли тамъ значительную толпу эссеевъ. Оніасъ простился на короткое время съ Аполлосомъ и Дорисъ

и предложили имъ отыскать каменную скамью, находившуюся на срединѣ упомянутой тропинки, и подождать тамъ его возвращенія. Вслѣдъ за этимъ онъ въ сопровожденіи Каррабаса вошелъ въ келію Алкимоса.—Влюбленные направились по указанному имъ пути черезъ виноградники, которые окаймляли равсѣянные здѣсь хижины эсеевъ.

Ночь была очень темна, и Дорисъ робко прижалась къ своему возлюбленному. Вдругъ она вадрогнула.

— Что съ тобою?—спросилъ Аполлосъ въ испугѣ.

— Развѣ ты не слышалъ позади насъ шума?

— Конечно, но этотъ шумъ шелъ изъ хижины умирающаго Алкимоса.

— Я очень тревожусь—произнесла Дорисъ послѣ короткой паузы.—Если бы только отецъ Оніасъ не сбился съ пути среди этого густого мрака!

— Будь спокойна,—возразилъ Аполлосъ.—Каррабасъ съ нимъ, а онъ видитъ въ темнотѣ, какъ кошка.

Снова легкое содроганіе пробѣжало по членамъ Дорисъ.

— Я слышала совсѣмъ близко шаги,—прошентала она возлюбленному.—Вовратимся, Аполлосъ!

— Не пугайся, дитя!—успокаивалъ Аполлосъ.—Чего намъ здѣсь бояться? Вся эта окрестность считается священною, и никто не запомнитъ, чтобы здѣсь было когда либо совершенно какое либо насиліе. Даже самые закоренѣлые злодѣи не отваживаются проникнуть въ эти мѣста. Къ тому же при мнѣ оружіе и рука моя такъ же вѣрна, какъ никакая другая въ Александріи.

— Но если на насъ нападутъ вѣроломно, изъ за угла?—едва слышно прошентала Дорисъ.

— Ты взволнована, голубка,—возразилъ Аполлосъ.—Кто можетъ напасть на насъ, кто рѣшится на это здѣсь, въ этомъ священномъ мѣстѣ? Сознайся, что смерть, посѣтившая жилище столѣтняго Алкимоса, разгорячила твое воображеніе, и онъ теперь бросаетъ мрачныя тѣни въ твоей душѣ.

— Быть можетъ, ты правъ, — отвѣтила нѣсколько успокоенная Дорисъ. — Умереть, должно быть, — ужасно. Мысль эта всегда наводитъ на меня уныніе. Жизнь такъ прекрасна, ахъ, такъ прекрасна — а смерть...

— Ничто иное, — прервалъ Аполлосъ, — какъ переходъ отъ конечной земной жизни къ вѣчной небесной.

— Но я не знаю той небесной жизни, — а эта земная такъ божественна, такъ небесна, что я ни за что не промѣняла бы ее на какую либо другую!

Влюбленные достигли теперь каменной скамьи, цѣли своего пути, и опустились на нее. Шумъ услышанный прежде, повторился снова, и Аполлосъ удвоилъ вниманіе. Но для того, чтобы разсѣять мрачныя мысли своей возлюбленной, онъ попытался дать разговору другой оборотъ, и потому сказалъ:

— Посмотри на тѣ тяжелыя облака, которыя поднимаются надъ моремъ; они возвѣщаютъ приближеніе грозы, которая благотѣльно подѣйствуетъ на природу, жадно ожидающую освѣженія.

— Если бы только она не застигла тебя на обратномъ пути! — отвѣтила озабоченная Дорисъ.

— А если бы и такъ, что за бѣда? Небольшой ливень въ это время года можетъ меня только освѣжить. Къ тому же я обладаю талисманомъ, который мнѣ на добрую треть сократитъ путь. Видишь-ли этотъ ключъ? Онъ откроетъ мнѣ калитку нашего сада, выходящаго на озеро, а разъ я тамъ, — я уже дома. Однако, я чуть-чуть не забылъ, что я и тебѣ принесъ такой же ключъ. Возьми его, а также и еще одинъ ключъ, который дастъ тебѣ доступъ къ нашему дому со стороны сада. Сохрани ихъ оба и воспользуйся ими, если тебѣ когда либо, будетъ-ли это днемъ или ночью, понадобятся услуги мои или моихъ...

— Я понимаю тебя, добрый Аполлосъ, — возразила печально Дорисъ. — Ты, конечно, предчувствуешь, что отецъ Оніасъ

насъ вскорѣ навсегда покинетъ. Ахъ, и я опасуюсь этого, потому что въ теченіи послѣднихъ недѣль онъ сильно упалъ духомъ и часто говорить о предстоящей смерти.—Но, нѣтъ, онъ не долженъ умереть!—воскликнула дѣвушка страстно. — Онъ не долженъ умереть! Что тогда станется съ Дорисъ?

— Будь спокойна, — утѣшала Аполлосъ, и его голосъ дрожалъ отъ глубокаго волненія. — Будь спокойна, дорогая. Онъ еще будетъ еще долго жить, и Дорисъ не одинока и не беззащитна. Развѣ твой благородный отецъ не благословилъ нашей любви? Развѣ Филонъ и Исмена не любятъ и не считаютъ тебя дочерью?

При этихъ словахъ Дорисъ крѣпко прижалась къ возлюбленному, и ея пылающія щеки коснулись губъ юноши, который, повинаясь непреодолимому влеченію, запечатлѣлъ на ея устахъ первый горячій поцѣлуй.

Невѣдомая до того дрожь блаженства пробѣжала по всему существу дѣвушки, она прошептала: «дорогой Аполлосъ!» и въ упоеніи страсти упала въ его объятія. Исчезли ночныя тѣни, такъ сильно тревожившія ее, исчезли мучительныя заботы объ отцѣ, и какъ ни глубоко былъ мракъ, окружавшій влюбленныхъ, въ ихъ сердцахъ горѣлъ яркій, блаженный огонь — глубоко подъ жими лежалъ остальной міръ...

Въ то время какъ влюбленные сидѣли на скамьѣ, погруженные въ сладкія мечты, трое злодѣевъ, — Апіонъ, Исидоръ и Лампо, слѣдовавшіе за нашей парочкой уже довольно долго, тихо подкрались къ нимъ. По знаку, поданному Апіономъ, они остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменной скамьи, послѣ чего грамматикъ одинъ медленными шагами приблизился къ ней. Остановившись позади влюбленныхъ, онъ подъ прикрытіемъ пальмы могъ, оставаясь незамѣченнымъ, ворко наблюдать за ними. Теперь онъ узналъ Аполлоса. Тотчасъ же онъ возвратился къ своимъ сотоварищамъ и шепнулъ имъ: — «Это Аполлосъ, сынъ еврея Филона! онъ дитя смерти!

слышите-ли вы?» — «Дитя смерти!» — повторили рѣшительно злодѣи и бросились съ обнаженной сталью на свою жертву. Уже три кинжала блеснули надъ головою блаженно мечтавшаго Аполлоса — когда внезапно раздался глубоко потрясающій хоръ, который, казалось, то доносился издали, то звучалъ совѣмъ вблизи, то изъ вышины, то изъ глубины, — и оледенилъ кровь убійцъ. Холодный ужасъ охватилъ трехъ чудовищъ, думавшихъ, что ихъ преслѣдуютъ Эрминии, вездѣ настагающія свои жертвы. Руки ихъ, протянутыя для рокового удара, замерли въ воздухѣ; ноги, казалось, внезапно приросли къ землѣ, и, не будучи въ состояннн пошевелить ни однимъ членомъ своего тѣла, они стояли неподвижныя какъ статуи, съ отвратительно искаженными отъ страха чертами лица; все ближе и ближе слышно было торжественное пѣнне, раздававшееся со всѣхъ холмовъ, то глухо замирая, то снова грозно звуча.

Еще не совѣмъ умолкли послѣднiя слова пѣсни, какъ поднялся ураганъ, который своимъ дикимъ шумомъ пробудилъ трехъ оглушенныхъ злодѣевъ и возвратилъ имъ сознанiе. Съ крикомъ ужаса — они думали уже, что находятся въ рукахъ богинь мщенiя — рванулись они впередъ и исчезли въ мракѣ ночи.

Этотъ порывъ бури и раздавшiйся позади крикъ отчаянiя пробудили и влюбленныхъ изъ ихъ глубокихъ грезъ, и они съ испутомъ вскочили. Правда, и до ихъ слуха достигло глухое гнѣнне хора, но не оно испугало и поразило ихъ. Они не разъ уже слышали у озера это пѣнне, и оно принесло имъ только вѣсть, что душа престарѣлаго Алкимоса покинула свою брениую оболочку. Но что означалъ тотъ возгласъ отчаянiя, который слышенъ былъ непосредственно позади ихъ? Тщетно напругали они зрѣнiе, чтобы проникнуть окружавшiй ихъ мракъ; они ничего не могли открыть... Благо имъ, что они не подозрѣвали опасности, угрожавшей ихъ жизни!

Бура, такъ внезапно наступившая, вскорѣ улеглась. Снова господствовала могущественная тишина, и вотъ послышались чьи-то

524

наги. Дорисъ, наклонивъ голову, начала прислушиваться, и чрезъ мгновеніе радостно бросилась на встрѣчу приближавшимся. То были Оніасъ и Каррабасъ.

X.

Опасенія, выраженныя Филономъ, когда онъ услышалъ вѣсть о восшествіи на престолъ Кая Калигулы, были, къ сожалѣнію, слишкомъ основательны. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ воцаренія этого императора—и необузданный, дикій, превышающій всякое описаніе образъ жизни привелъ его на одръ болѣзни; когда онъ его снова покинулъ, на римскомъ престолѣ очутился безумный, кровожадный тираннъ. Его помѣшанному честолюбію уже не было достаточно показываться народу—какъ это онъ дѣлалъ прежде—въ видѣ полубога въ лвиной шкурѣ съ палицею на плечѣ; во время болѣзни онъ выросъ до бога и началъ выступать публично — то какъ Аполлонъ съ лучистою короною, то какъ Нептунъ съ трезубцомъ, то какъ Марсъ или Гермесъ. Его развратная свита подкрѣпляла его въ этомъ сумасбродствѣ, жалкій сенатъ подчинялся всѣмъ его безумнымъ прихотямъ, и во всемъ римскомъ государствѣ приносились въ жертву гекатомбы новому божеству. Всѣ чиновники въ обширной имперіи спѣшили строить безумному цезарю храмы и алтари и ставить изображенія императора во всѣхъ святилищахъ. Съ тайнымъ ужасомъ взирали евреи на это кощунство, дрожа отъ мысли, что придетъ время, когда и ихъ, какъ подданныхъ римскаго императора, принудятъ поставить въ еврейскихъ храмахъ изображенія цезаря и воздавать этимъ идоламъ божескія почести.

Однако, пока Агриппа оставался при императорскомъ дворѣ, до тѣхъ поръ евреямъ въ этомъ отношеніи опасаться было нечего. Правда, съ нѣкотораго времени враги евреевъ начали толпиться вокругъ императора и дѣлали всѣ попытки для того, чтобы добиться эдикта, по которому евреи, какъ

палестинскіе, такъ и тѣ, которые жили въ земляхъ, принадлежавшихъ римскому государству, обязаны были бы поставить статуи императора въ своихъ храмахъ. Въ особенности принимали въ этомъ горячее участіе друзья Апіона, его землякъ Геликонъ и трагедъ Аполлесъ изъ Аскалона, игравшіе въ безпутной свитѣ Кая выдающуюся роль; но и они не были въ состояніи поколебать вліяніе Агриппы, въ которому императоръ, не смотря на свои измѣнчивые капризы, оставался благосклоннымъ до конца своей жизни. Только когда Агриппа, въ началѣ второго года царствованія Кая, оставилъ Римъ для того, чтобы отправиться въ свою провинцію Іудею, друзья Апіона получили бѣльшій просторъ для своей дѣятельности.

Отъѣздъ Агриппы изъ Рима сдѣлался роковымъ для палестинскихъ, но еще болѣе—для александрійскихъ евреевъ.

Было-ли то тщеславіе, или же просто уступая желаніямъ александрійскаго еврейскаго населенія, но Агриппа рѣшилъ предпринять свой путь въ Іудею черезъ Александрію и показывать тамъ себя въ царственномъ блескѣ.

Еще раньше отплытія изъ Рима, Апіонъ получилъ уже отъ своихъ римскихъ друзей вѣсть о предстоящемъ прибытіи князя Агриппы въ Александрію, и его упавшій духъ снова воспрянулъ.

Дѣло въ томъ, что печальный исходъ его попытки отправить Аполлоса на тотъ свѣтъ и захватить Дорисъ, окончательно разрушилъ всѣ его надежды на пріобрѣтеніе вновь первенствующей роли въ Александріи, и онъ впалъ въ мрачную задумчивость, изъ которой его вывела столь неожиданная и столь желанная вѣсть. «Эти проклятые евреи,—ликовалъ онъ,—сами даютъ мнѣ въ руки оружіе для своей гибели, и я стую имъ воспользоваться».

Не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, онъ собралъ свою вѣрную свиту и началъ совѣщаться съ ней—какимъ образомъ всего лучше извлечь пользу изъ появленія князя іудеевъ въ Александріи. Всѣ сообщники рѣшили единогласно, что бле-

стаций въѣздъ Агриппы въ Александрію поставитъ намѣстника въ тѣни и оскорбитъ его до глубины души. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, наступилъ самый благоприятный моментъ для того, чтобы заставить Флакка выйти изъ его пассивной роли и пристать къ враждебной евреямъ партіи. Окончивъ совѣщаніе, они отправились съ этой сенсационной новостью къ намѣстнику. Тотъ сначала не хотѣлъ придавать никакой вѣры всей этой исторіи и принялъ ее за замышленіе Апіона, желавшаго подвинуть его къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ евреевъ. Но когда онъ прочелъ представленныя грамматикомъ письма изъ Рима, когда онъ увидѣлъ приготовленія, дѣлавшіяся еврейскимъ населеніемъ Александріи для приѣма новаго іудейскаго царя, то имъ овладѣлъ сильный гнѣвъ, и онъ поклялся жестоко отплатить за готовившееся ему униженіе. Съ этой минуты Апіонъ уже больше не отходилъ отъ намѣстника; безъ устали онъ напентывалъ ему обвиненія противъ еврейскаго населенія, которое будто бы только и стремилось къ сверженію намѣстника и во главѣ этого мнимаго движенія, направленаго противъ Флакка, онъ ставилъ Филона. «Иначе, — такъ мотивировалъ онъ свой доносъ, — чтѣ могло бы его побудить покинуть сельское уединеніе и взять на себя руководство александрійскими евреями? Конечно, ничто иное, какъ честолюбіе и необузданное желаніе доставить своему іудейству побѣду надъ язычествомъ. Ради этой же цѣли онъ выписалъ изъ Рима новоиспеченнаго іудейскаго царя». Такими рѣчами онъ отравлялъ непрерывно слухъ намѣстника, который пришелъ въ еще большее возбужденіе, когда грамматикъ сообщилъ, что всѣ старанія его овладѣть своею дочерью, охраняемой главою эссеевъ, бесплодно разбивались до сихъ поръ о бдительность Филона и его сына Аполлоса. Этотъ Аполлосъ ищетъ, дескать, пріобрѣсти любовь беззащитной дѣвушки и находить содѣйствіе въ этомъ, со стороны какъ стараго Оніаса, такъ и Филона, двухъ фанатиковъ,

которые въ своей слѣпой ненависти къ язычеству, стремятся этимъ путемъ обратить въ лоно еврейской религiи дочь языческихъ родителей. Когда Исодоръ и Лампо подтвердили слова своего достойнаго товарища и заявили, что они сами были свидѣтелями, какъ Аполлосъ ночью признавался Дорисъ въ любви, въ душѣ Флакеа поднялась цѣлая буря ревности. Апiонъ счелъ минуту удобною для того, чтобы убѣдить намѣстника употребить противъ Онiаса открытое насилiе, но тотъ, при всемъ своемъ ослѣпленномъ гнѣвѣ, и слышать объ этомъ не хотѣлъ. «Я боюсь,—говорилъ намѣстникъ,—выступить съ насилiемъ противъ обитателей Маресейскаго озера, считающихся священными личностями; это возбудило бы всеобщее неудовольствiе, а чувства большинства слѣдуетъ падать. Что же касается до Филона и дерзкаго еврейскаго населенiя, то я съ ними живо справлюсь, какъ только окончатся празднества, устраивающiяся въ честь Агриппы. Все остальное, подобно спѣлому плоду, упадетъ тогда само собою».

Апiонъ остался доволенъ и этимъ результатомъ. Теперь необходимо было возбудить броженiе въ подонкахъ черни, а это при настоящихъ условiяхъ не представляло никакихъ затрудненiй. Александрийцы испытывали чувство живѣйшей зависти при видѣ того, сколько труда и денегъ ихъ еврейскiе сограждане вкладывали въ приготовленiя къ достойному приему Агриппы, и зажигательныя рѣчи Апiона падали на благодарную почву. Но грамматикъ не удовлетворился этимъ. Онъ желалъ обезпечить себѣ на этотъ разъ вѣрный успѣхъ, отрѣзать намѣстнику всякую возможность отступленiя и заставить его смотрѣть на дѣло партiи, враждебной евреямъ, какъ на свое собственное. Съ этой цѣлью онъ разослалъ своихъ креатуръ, которыя привлекли въ городъ всю праздную чернь, находившуюся въ окрестностяхъ Александрии, поймавъ ихъ на соблазнительную удочку легкаго обогащенiя. Такимъ образомъ, къ прiѣзду Агриппы Александрiя кишѣла народомъ, и ненавистники ев-

реевъ втайнѣ ликовали. Евреи, однако, повидимому ничего не замѣчали. Радостное волненіе изъ-за предстоящаго прибытія властителя ихъ родной стороны, осыпаннаго владыкой міра столь высокими знаками милости, дѣлало ихъ слѣпыми ко всему, происходившему въ ихъ непосредственной близости. Но что же дѣлалъ проницательный и дальновидный Филонъ? Онъ снова удалился въ свою мирную загородную обитель. Когда еврейское населеніе Александріи выразило намѣреніе пригласить Агриппу, онъ подавъ свой голосъ противъ этого, но видя, что ослѣпленная толпа и слышать объ этомъ не хотѣла, умолялъ, по крайней мѣрѣ, воздержаться отъ празднествъ и пышныхъ зрѣлищъ въ настоящій моментъ, когда всюду притаились враги евреевъ. Алабархъ также применилъ къ этому взгляду, но значительное большинство еврейскаго населенія оставалось глухимъ ко всѣмъ трезвымъ предостереженіямъ. Они, молъ, какъ старѣйшіе граждане Александріи, имѣютъ по меньшей мѣрѣ такія же права, какъ и всякая другая національность, и не хотятъ дать себя запугать зловнымъ, завистливымъ крикунамъ. Къ тому же, на ихъ обязанности тѣмъ болѣе лежитъ встрѣтить достойнымъ образомъ князя изъ рода Иродова, что самъ императоръ отличилъ его въ такой высокой степени...

Это теченіе сдѣлалось вскорѣ настолько господствующимъ, что оно силою унесло и алабарха, долго ему сопротивлявшася; Филонъ же, видя приближеніе бѣды, но не будучи въ состояніи отворотить ее, возвратился съ опечаленнымъ сердцемъ къ своимъ пенатамъ.

— Подальше, — воскликнулъ онъ съ тоскою, — подальше отъ ослѣпленныхъ, расчитывающихъ на капризъ тиранна, на минутную милость слабоумнаго императора! — Никакія просьбы и увѣщанія не могли также убѣдить его покинуть свое мирное уединеніе для того, чтобы принять участіе во встрѣчѣ Агриппы.

Наступило, наконецъ, утро, въ которое долженъ былъ при-

быть въ Александрію съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидавшійся Агриппа. Уже далеко до разсвѣта цѣлыя толпы волною стремились по кварталу Дельты къ гавани, а чрезъ нѣсколько часовъ весь берегъ былъ усѣянъ сотнями тысячъ людей. Не смотря на это, повсюду царили полное спокойствіе и порядокъ: подавляющее большинство собравшихся состояло изъ членовъ еврейской общины, въ торжественномъ настроеніи ожидавшихъ прибытія еврейскаго князя—любимца императора. Впереди стоялъ алабархъ, окруженный высокимъ еврейскимъ совѣтомъ. Непосредственно передъ прибытіемъ роскошно убраннаго флагами судна, которое привезло съ собою князя, прѣхаль къ гавани и намѣстникъ и былъ встрѣченъ воодушевленными привѣтствіями народа. Онъ побаивался фаворита императора, и какъ ни возмущалась противъ этого его гордость, онъ поборолъ ее и выѣхаль встрѣтить Агриппу.—Между тѣмъ давно жданное судно вошло въ гавань, и изъ сотенъ тысячъ грудей вырвался оглушительный, громовый крикъ, наполнившій всю Александрію.—Marin! Marin! (Господинъ нашъ! господинъ нашъ!)—воскликнула толпа, собравшаяся на берегу.—Marin! Marin!—переливались раскаты по всѣмъ улицамъ пяти частей города. Снова наступило глубокое безмолвіе. Агриппа высадился на берегъ. Тронутый восторженнымъ пріемомъ, онъ обнялъ алабарха и затѣмъ, тепло пожавъ протянутую ему намѣстникомъ руку, обратился къ нему съ нѣсколькими любовными словами. Послѣ этого короткаго привѣтствія, князю подвели коня. Когда толпа увидѣла величественную фигуру Агриппы въ пурпуровой мантии и съ ярко блестящей царской діадемой на головѣ, изъ устъ ея снова вырвался восторженный крикъ одушевленія. Медленно двинулась процессія чрезъ кишѣвшій несмѣтными массами народа кварталъ Дельты, держа путь ко дворцу алабарха. По правую руку сіявшего радостью іудейскаго царя ѣхаль алабархъ, по лѣвую намѣстникъ, блѣдное, мрачное лицо котораго представляло непривѣтную противоположность съ праздничнымъ настроеніемъ окружающей

свиты. При непрерывныхъ ликованіяхъ толпы процессія достигла, наконецъ, жилища алабарха. Здѣсь намѣстникъ, съ изысканною, но видимо вынужденною вѣжливостью, распростился съ Агриппою, послѣ чего послѣдній, привѣтливо раскланиваясь во все стороны, удалился въ апартаменты дворца. Онъ хотѣлъ отдохнуть здѣсь нѣсколько часовъ, чтобы затѣмъ осмотрѣть достопримѣчательности Александріи и принять предложенныя еврейскимъ населеніемъ оваціи. Распорядители праздника раздѣлили толпу на группы и направили ихъ въ различныя синагоги и молитвенные дома, гдѣ въ честь Агриппы назначено было торжественное богослуженіе. Прошло немного времени, и толпа разсѣялась. Кварталь Дельты снова принялъ свою будничную фязіономію.

Пріемъ въ домѣ алабарха былъ необыкновенно сердеченъ. Аполлонія и сынъ ея Тиверій восхищены были непритворною любезностью князя. Онъ обнялъ нѣсколько разъ алабарха и откровенно высказался, что всею своимъ счастьемъ обязанъ этому благородному человѣку, спасшему его отъ вѣрной, неминуемой гибели. Когда онъ снялъ свою пурпуровую мантию, вниманіе алабарха обратила на себя необыкновенно тяжелая золотая цѣпь, которая, не смотря на то, что она нѣсколько разъ обвивала шею Агриппы, все еще низко спускалась на его груди. Агриппа понялъ безмолвный вопросъ своего друга и сказалъ:

— Ты, конечно, удивляешься, видя на мнѣ такое тяжелое бремя?

— По-истинѣ такъ,—отвѣтилъ алабархъ.—Цѣпь должна тяжело отзываться на твоихъ плечахъ, а благородный металлъ ужъ, конечно, не уменьшаетъ ея вѣса.

— Это дорогое воспоминаніе,—возразилъ Агриппа,—подарокъ императора. Какъ ни неудобенъ онъ для меня подчасъ, но я не охотно расстаюсь съ нимъ, потому что съ этою цѣпью связана цѣлая исторія страданій.

— Исторія страданій?—вырвалось одновременно изъ устъ алабарха, Аполлоніи и Тиверіа.—Разскажи намъ ее!

— Она отчасти вамъ уже извѣстна, — отвѣтилъ Агриппа. — Вы вѣдь знаете, что я въ теченіи шести долгихъ и мучительныхъ мѣсяцевъ томился въ темницѣ.

— Объ этомъ мы, конечно, слышали, но ближайшія подробности твоего заключенія и освобожденія остались для насъ неизвѣстны.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ ихъ вкратцѣ сообщу. Вамъ не безъизвѣстно, что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я снова возвратился въ Римъ, мнѣ съ помощью тещи императора Антоніи снова удалось добиться доступа ко двору и приобрести утраченную милость государя. Однажды, проѣзжая по улицамъ Рима съ Каемъ, дружески ко мнѣ расположеннымъ, я, въ порывѣ увлеченія, произнесъ необдуманная слова: «пора Тиверію уступить тебѣ мѣсто!» Возница слыжалъ это неосторожное выраженіе. Я узналъ объ этомъ, когда впоследствии, по случаю совершенной въ моемъ домѣ кражи, предалъ его суду. Онъ потребовалъ свиданія съ императоромъ, заявляя, что имѣетъ сообщить ему важную тайну. — Не предчувствуя ничего, я самъ настаивалъ предъ императоромъ на томъ, чтобы этотъ человѣкъ былъ выслушанъ. Возницу вводятъ предъ лицо государя, и онъ обвиняетъ меня въ оскорбленіи величества. Можете себѣ представить, какъ я былъ уничтоженъ. Тиверій призываетъ Макрона, начальника преторіанцевъ, и, отвернувшись, произноситъ: «заковать его въ цѣпи и отправить въ тюрьму!» Макронъ въ мучительномъ недоумѣніи: онъ не знаетъ, къ кому относится это страшное приказаніе и не рѣшается переспросить императора. Тутъ моя благородная покровительница Антонія дѣлаетъ ему знакъ, и онъ отправляетъ въ тюрьму возницу. Я спасенъ! — Нѣсколько дней послѣ этого императоръ встрѣчаетъ меня въ циркѣ. Немедленно громовымъ голосомъ зоветъ онъ стражу и велитъ ей заковать меня и отвести въ темницу. Здѣсь я

сидѣлъ въ заключеніи, не имѣя никакой надежды на освобожденіе и со дня на день ожидая смерти отъ руки палача.

— А твои друзья при дворѣ? Развѣ они ничего не дѣлали для твоего освобожденія?—спросилъ алабархъ.

— Для меня именно и было счастьемъ, что они не принимали никакой попытки и такимъ образомъ заставили императора позабыть обо мнѣ; иначе я погибъ бы безвозвратно. Только въ послѣднія недѣли моего заключенія имъ удалось добиться для меня нѣкоторыхъ облегченій; я получилъ возможность ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ бродить по тюремному двору и наслаждаться живительнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, одинъ изъ моихъ вольноотпущенниковъ подбѣжалъ ко мнѣ, запыхаясь, и шепнулъ:—Левъ умеръ!—При этой неожиданной вѣсти я отъ радости затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, такъ что оковы зазвенѣли. Черезъ нѣсколько минутъ является центуріонъ, мой тюремщикъ, до того безчувственной свидѣтель моихъ страданій, и, сіяя радостью, протягиваетъ распростертыя объятія. Онъ освобождаетъ меня отъ оковъ, предсказываетъ блестящую будущность, такъ какъ Тиверій умеръ и на всемірномъ престолѣ воссядетъ Кай, мой покровитель. Вслѣдъ за этимъ онъ приглашаетъ меня къ себѣ и устраиваетъ въ честь меня цѣлое пиршество. Въ то время какъ я, словно въ грезахъ, сижу за столомъ, оглушенный неожиданной радостью и безъ силы собраться съ мыслями, является ужасный вѣстникъ съ потрясающимъ сообщеніемъ: «мнимо-умершій Тиверій снова возвратился къ жизни!» Какъ бѣшеный, бросается на меня центуріонъ, снова надѣваетъ на меня цѣпи и влачитъ обратно въ тюрьму.

— Бѣдный, бѣдный князь!—сказала Аполлонія. — Какъ сильно долженъ былъ ты страдать!

— Ночь, послѣдовавшая за этимъ, была ужасна и я никогда ея не забуду. По счастью, она была послѣднею, кото-

рую я провелъ въ тюрьмѣ. На слѣдующее утро я былъ свободенъ. Тиверій на этотъ разъ дѣйствительно умеръ: Макронъ задушилъ его, когда онъ, къ ужасу окружающихъ, снова ожилъ. Кай, новый императоръ, открываетъ двери моей темницы, возлагаетъ діадему на мою голову, велитъ по образцу желѣзныхъ цѣпей, которыя я носилъ въ заключеніи, приготовить золотыя и, въ знакъ особенной милости, надѣваетъ ихъ мнѣ на шею. Это и есть та достопамятная цѣпь, и вы, конечно, не будете уже теперь удивляться, что я только очень неохотно расстаюсь съ нею... Но скажите мнѣ, отчего я не вижу жемчужины Александрии, вѣнца учености, украшенія еврейства; гдѣ Филонъ?..

Послѣднія слова не были еще окончены, когда въ комнату вбѣжалъ рабъ съ смертельной блѣдностью на лицѣ и возвѣстилъ, что громадная толпа народа приближается къ кварталу Дельты. Дѣйствительно, уже въ ту же самую минуту съ улицы послышался дикій шумъ. Алабархъ посѣпшилъ къ окну и, бросивъ испытующій взглядъ на улицу, пробормоталъ про себя успокоительныя слова:—Ничего особеннаго. Обыкновенная праздная чернь, какъ всегда шумно пробирающаяся по городу... Но что я вижу? — прибавилъ онъ вслѣдъ затѣмъ съ испугомъ.—Не Апіонъ-ли это и его сообщники Исидоръ и Лампо, укрывшись, въ заднихъ рядахъ подстрекають толпу? Клянусь всемогущимъ Богомъ, это они! Дѣло принимаетъ скверный оборотъ. Они замышляютъ, очевидно, какое нибудь оскорбленіе. Послѣвши внизъ, Тиверій, и вели занять всѣ входы! Ты, Аполлонія, позаботься о томъ, чтобы любопытные слуги не пробрались изъ дому, а я самъ отправлюсь къ намѣстнику и попрошу его прислать сюда отрядъ солдатъ для поддержанія порядка.

— Не теперь,—умоляла Аполлонія, заступая дорогу мужу,—не теперь. Толпа растетъ съ минуты на минуту и съ тобою могло бы случиться несчастье.

— Будь спокойна,—возразилъ алабархъ, осторожно отстра-

няя жену. — Я пройду черезъ заднія ворота и окольными путями безопасно доберусь до префектуры. — И, распроставшись на короткое время съ Агриппой, алабархъ въ сопровожденіи жены и сына вышелъ изъ комнаты, въ которой остался одинъ Агриппа.

Побуждаемый отчасти желаніемъ познакомиться съ прославленною александрійскою чернью, отчасти безпокойствомъ, внушеннымъ словами алабарха, Агриппа направился къ окну. Но то, что онъ увидѣлъ, показалось ему до того невиннымъ зрѣлищемъ, что онъ не могъ удержаться отъ улыбки и не удивиться опасеньямъ алабарха.

Толпа буйныхъ мальчишекъ гналась за маленькимъ, хромоногимъ, неистово кричавшимъ человѣчкомъ и восклицала во все горло: «Кар-ра-басъ, Кар-ра-басъ, Кар-ра-басъ-басъ-басъ». Но за уличными мальчиками слѣдовала несмѣтная толпа, среди которой замѣчались зловѣщіе оборвыши, повидимому, расположенные превратить простую дѣтскую шалость въ серьезную исторію. Достигнувъ дворца алабарха, эти оборвыши отстраняютъ маленькихъ крикуновъ, и вотъ начинается дикая, возмутительная охота на несчастнаго идіота, мечущагося во всѣ стороны; кругъ постепенно суживается и суживается и дѣлаетъ наконецъ невозможнымъ всякое бѣгство. Каррабасъ, повидимому, находитъ удовольствіе въ этой охотѣ, потому что онъ неустанно оглашаетъ воздухъ радостными кликами. Между тѣмъ неугомимыя руки, при бурныхъ крикахъ одобренія толпы, воздвигаютъ деревянный помостъ, долженствующій изображать тронъ. Пара мускулистыхъ парней хватаютъ Каррабаса, накидываютъ на него мантию изъ плетенаго камыша, надѣваютъ на голову корону изъ панируса, вкладываютъ въ руку бичъ, изображающій скипетръ, и усаживаютъ его на импровизированный тронъ. Лишь только толпа замѣчаетъ безумнаго, высоко возсѣдающаго на помостѣ въ шутовской одеждѣ и посылающаго во всѣ стороны улыбки, она раздражается не-

истовымъ весельемъ, и дикій ревъ «Marin! Marin!» потрясаетъ окна алабархова дворца.

До глубины души возмущенный нанесеннымъ ему позоромъ, Агриппа отекочилъ отъ окна. Онъ готовъ былъ отъ стыда провалиться сквозь землю. Онъ, любимецъ императора, царь иудеевъ, становится публично предметомъ глумленія и насмѣшекъ со стороны черни тамъ, гдѣ онъ рассчитывалъ встрѣтить величайшій почетъ и триумфъ! «О, неизгладимый позоръ!—стонать онъ, въ сильномъ волненіи опускаясь на кресло.—Но ты этого хотѣлъ, старый ребенокъ, такъ пожилай же то, что самъ посѣялъ!»

Между тѣмъ толпа непрерывно реветъ: «Marin! Marin!», а Каррабасъ не устаетъ улыбаться и ликовать... Но что внезапно случилось съ нимъ? Краска сошла съ его щекъ; блѣдный, какъ смерть, и неподвижный, какъ статуя, сидитъ онъ, пристально устремивъ свой, обыкновенно безпокойно блуждающій взоръ въ *одну точку*. Это ужъ не глаза безумнаго! Какъ странно они сверкаютъ! А эта гнѣвная черта у губъ, на которыхъ раньше обыкновенно играла добродушная улыбка! Робкій шопотъ проходитъ среди испуганныхъ рядовъ. Они хотятъ отступить, но напоръ толпы слишкомъ силенъ. Вдругъ, однимъ движеніемъ Каррабасъ далеко откидываетъ отъ себя камышевую мантию и папирусовую корону, взбирается на вершину помоста и однимъ скачкомъ бросается въ середину толпы, которая съ крикомъ ужаса разступается передъ нимъ. Второй скачокъ—и съ дикимъ ревомъ, какъ голодный хищный звѣрь, бросается онъ на свою жертву и хватаетъ ее за горло. «Мерзавецъ! Разбойникъ! Грабитель!»—были единственные слова, произнесенныя Каррабасомъ, когда онъ повисъ на шеѣ испуганнаго до смерти Апіона и началъ душить его.

Наступила ужасная борьба; но все усилія Апіона освободиться отъ безумнаго остались тщетны—такъ крѣпко обхватилъ его Каррабасъ. Уже руки грамматика начали отказываться

отъ борьбы, уже онѣ повисли внизъ, конвульсивно подергиваясь; еще нѣсколько мгновений, и онѣ свалился бы безжизненной массой на землю... Но въ этотъ рѣшительный моментъ стоявшій подлѣ него Лампо приходитъ въ себя, подкрадывается къ Каррабасу и вонзаетъ въ него кинжалъ. Высоко брызнула струя крови, и несчастный безумецъ, сраженный, безмолвно падаетъ на землю. Лампо подхватываетъ полумертвого грамматика и исчезаетъ съ нимъ, оставивъ оцѣпенѣвшую отъ ужаса толпу.

XI.

Погруженный въ мрачныя мысли, съ опущенною головою сидѣлъ Агриппа, когда алабархъ, возвратившись отъ намѣстника, въ сильномъ возбужденіи вошелъ въ комнату. Намѣстникъ на-отрѣвъ отказался удовлетворить его справедливое требованіе. Онъ не хотѣлъ отпустить ни одного человѣка для защиты евреевъ, которыхъ онъ называлъ мятежниками и возмутителями. Они, — говорилъ онъ, — своимъ вызывающимъ обращеніемъ, выразившимся во встрѣчѣ князя Иудей, до такой степени вооружили противъ себя все не-еврейское населеніе Александріи, что еслибъ онъ обнаружилъ только намѣреніе двинуть своихъ солдатъ противъ толпы, то вызвалъ бы этимъ кровавую уличную борьбу, жертвою которой долженъ былъ бы пасть ввѣренный его попеченію городъ. Такимъ образомъ, онъ лишенъ возможности защитить евреевъ, если бы даже на нихъ было произведено нападеніе; пусть они сами найдутъ средства предотвратить бѣду, накликаемую ихъ же собственнымъ наглымъ высокомеріемъ.

— И Флаккъ осмѣлился дать тебѣ подобный отвѣтъ? — спросилъ, медленно поднимаясь съ своего мѣста Агриппа, послѣ того, какъ алабархъ, задыхаясь отъ волненія, сообщилъ ему переданныя намѣстникомъ слова. — Онъ осмѣлился сказать это, зная, что я здѣсь? Какъ, развѣ онъ не понимаетъ, что одно слово изъ моихъ устъ можетъ навѣки погубить его?

— Онъ чувствуетъ себя, повидимому, совершенно безопаснымъ,—отвѣтилъ убитый алабархъ, — потому что рѣшился принести насъ въ жертву жадной къ грабежу черни. О, Агриппа!—продолжалъ онъ, и голосъ его дрожалъ отъ внутренняго горя,—если небо не пошлетъ скоро помощи, то еврейство александрійское погибло...

— Успокойся,—утѣшалъ Агриппа, который возвратилъ себѣ теперь все свое хладнокровіе.—Успокойся. Я навлекъ своимъ безразсудствомъ на васъ неприятности, а на себя оскорбленіе, и постараюсь, на сколько возможно, поправить свою вину. Поэтому вели позвать ко мнѣ моего вольноотпущеннаго Езекиелоса, который находится въ моей свитѣ; онъ немедленно отправится съ письмами въ Римъ.

Когда алабархъ удалился, Агриппа сѣлъ за столъ и написалъ своимъ римскимъ друзьямъ и императору письма, въ которыхъ описывалъ печальное положеніе евреевъ въ Александріи, опасности, угрожавшія имъ со стороны черни, подстрекаемой намѣстникомъ, нанесенное ему лично тяжкое оскорбленіе, и въ заключеніе требовалъ немедленной помощи.

Запечатавъ письма, онъ передалъ ихъ своему вѣрному Езекиелосу съ приказаніемъ немедленно отправиться въ Римъ. Затѣмъ онъ сообщилъ алабарху свое рѣшеніе покинуть Александрію еще сегодня при наступленіи сумерекъ и возвратиться въ свое царство. Алабархъ не противорѣчилъ ему и не пытался даже поколебать его рѣшеніе, зная хорошо, что дальнѣйшее пребываніе Агриппы въ Александріи усилить только до бѣшенства однажды возбужденное народное неудовольствіе.

Между тѣмъ передъ домомъ алабарха снова водворилось полнѣйшее спокойствіе; причиною этого было смятеніе, вызванное Каррабасомъ. Апіонъ составилъ слѣдующій планъ: вначалѣ оскорбить еврейскаго князя при посредствѣ наглой, хищной черни и затѣмъ, когда она будетъ приведена въ возбужденіе, направить ее на еврейскій кварталъ и разграбить его. Но такъ какъ онъ былъ унесенъ съ сборнаго пункта полу-

мертвымъ, и главные вожакъ и часть мятежниковъ пришли въ сильное смятеніе, то все сегодняшнее, такъ хорошо начатое движеніе осталось безъ главы. Толпы, предоставленныя самимъ себѣ, бродили безцѣльно по улицамъ квартала Дельты и нападали на синагоги, переполненныя молящимися. Но здѣсь онѣ встрѣчали упорное сопротивленіе и были отбрасываемы вездѣ, гдѣ евреи превосходили ихъ числомъ и рѣшились до послѣдняго человѣка защищать свои синагоги. Яростно убѣгали отсюда мятежники и бросались въ другія части города, мѣтѣ населенныя евреями, гдѣ они могли безопасно потѣшать свою удаль. Здѣсь они нападали на дома и фабрики евреевъ, грабили и разоряли въ теченіи цѣлой ночи, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, такъ какъ еврейскіе обитатели при приближеніи грабителей спасались бѣгствомъ въ кварталъ Дельты. Хищническіе инстинкты черни были пробуждены, и такъ какъ они не встрѣчали никакого отпора со стороны правительства, то число мятежниковъ увеличивалось съ каждымъ часомъ до такой степени, что уже черезъ нѣсколько дней были сдѣланы приготовленія для вторичнаго нападенія на кварталъ Дельты.

Вечеромъ того же дня, въ который Агриппа совершилъ свой, столь торжественный и многообѣщающій въѣздъ въ Александрію, онъ прокрадывался съ своею свитою среди глубокаго ночного мрака изъ этого города, и его единственнымъ спутникомъ до гавани былъ алабархъ. Печально распростились оба друга. Ни одно слово не вырвалось изъ полной горя груди, но тяжелыя слезы, катившіяся при разставаніи по ихъ щекамъ, выдавали ихъ глубокое внутреннее волненіе. Въ Александріи Агриппа похоронилъ послѣдніе остатки своего легкомыслія.

Но какимъ образомъ случилось, что Флаккъ, который еще утромъ насильно подавилъ глубокую непріязнь къ Агриппѣ и находился въ гавани при приѣмѣ императорскаго любимца, осмѣлился уже въ полдень того же дня допустить оскорбленіе князя чернью на улицѣ и отвѣтить такимъ возмутительнымъ

отказомъ алабарху, представителю третьей и, по собственному признанію намѣстника—лучшей части александрійскаго населенія? Развѣ въ полдень онъ имѣлъ менѣе основаній опасаться Агриппы, чѣмъ утромъ?

Это было дѣйствительно такъ. Когда, исполненный горькой злобы, онъ простился съ Агриппою и, горя желаніемъ мести, возвратился въ свой дворецъ, то нашелъ дома между письмами, полученными изъ Рима, приказъ, дававшій ему въ руки сильное оружіе противъ евреевъ. Онъ громко возликовалъ, пробѣжавъ этотъ приказъ, который предписывалъ ему помѣстить изображенія императора во всѣхъ храмахъ и требовать божескихъ почестей для нихъ. Онъ зналъ, что евреи пожертвуютъ скорѣе жизнью, нежели допустить осквернить свои храмы изображеніемъ, которому будутъ воздаваться божескія почести. Такимъ образомъ онъ могъ ихъ выставить мятежниками и нарушителями императорскихъ постановленій, могъ въ своемъ докладѣ императору сказать, что въ Египтѣ только одни евреи упорно сопротивляются поклоненію императорскимъ изображеніямъ, въ то время какъ все остальное населеніе съ ликованіемъ и восторгомъ привѣтствуетъ поклоненіе цезарю, воздастъ почести новому божеству и приноситъ ему жертвоприношенія. Противъ такихъ обвиненій, возведенныхъ на евреевъ, даже и вліяніе Агриппы, который къ тому же и былъ далеко отъ Рима, не могло ничего сдѣлать. Флаккъ, слѣдовательно, полагалъ, что ему его нечего опасаться, и извѣстіе объ оскорбленіи, нанесенномъ Агриппѣ приверженцами Апіона, доставило ему радостное удовлетвореніе. Было ясно,—полагалъ намѣстникъ, что Апіона близко касалось униженіе, приготовленное намѣстнику, и что онъ мстилъ за него. Апіонъ сильно выигралъ въ мнѣніи и милости Флакка. «Я очень опшибался на счетъ вліянія этого человѣка,—говорилъ онъ.—Онъ имѣетъ при императорскомъ дворѣ могущественныхъ покровителей и обладаетъ точнѣйшими свѣдѣніями обо всемъ происходящемъ и даже о предполагаемомъ. Уже нѣсколько недѣль тому назадъ онъ сообщилъ мнѣ,

что Кай Калигула хочетъ осчастливить міръ новымъ божествомъ. Тогда я считалъ это безуміемъ. Теперь я имѣю неоспоримое доказательство, что Кай—богъ, и горе тому, кто не признаетъ этого!... Къ тому же Апіонъ пользуется прочною благосклонностью простой черни, и уже одно чувство самосохраненія обязываетъ меня держаться его. Правда,—прибавилъ онъ боязливо,—Оніасъ сказалъ, что онъ мой злой геній, и предсказалъ погибель чрезъ него... Но Оніасъ еврей, а Апіонъ—непримиримый врагъ евреевъ—отсюда и вражда. Наконецъ, насъ связываютъ взаимные интересы, и почему бы онъ для своего собственного вреда захотѣлъ моей гибели?»

Таковыми и подобными словами Флаккъ усыплялъ свою тревогу и давалъ полную волю разгулу и произволу возбужденной врагами евреевъ черни.

Но если уже въ первые дни послѣ отъѣзда Агриппы дѣло не дошло до кровавой стычки между мятежниками и евреями, то этому были обязаны только осмотрительности послѣднихъ, которые, не смотря на свое численное превосходство, не выходили изъ оборонительнаго положенія, чтобы не дать своимъ врагамъ даже малѣйшаго повода обвинить евреевъ въ томъ, что они вызвали борьбу. Во всякомъ случаѣ, они рассчитывали на то, что намѣстникъ не долго будетъ спокойнымъ зрителемъ этихъ гоненій, которыя были порождены безбожною злобою и могли повести къ печальной катастрофѣ; они вѣрили, что онъ подавитъ ихъ однимъ ударомъ и накажетъ зачинщиковъ по всей строгости закона. Но въ этомъ-то они и ошиблись. Прошла цѣлая недѣля, а грабежи принимали все большіе и большіе размѣры, не встрѣчая ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны намѣстника. Снова отправился къ нему алабархъ съ цѣлью побудить его принять мѣры противъ мятежниковъ. Напрасно! Онъ вынесъ изъ своего посѣщенія только печальную увѣренность, что Флаккъ хочетъ вынудить евреевъ къ борьбѣ, чтобы потомъ выставить ихъ зачинщиками и быть въ состояніи напасть на нихъ. Когда высокій совѣтъ

семидесяти знатнѣйшихъ евреевъ былъ извѣщенъ о намѣреніяхъ намѣстника, то онъ рѣшилъ, не смотря на протестъ довольно значительнаго меньшинства, стоявшаго за борьбу и за отмщеніе нанесеннаго евреямъ оскорбленія, строго сохранять то же оборонительное положеніе, но за то безотлагательно снарядить посольство къ императору, чтобы у ступеней трона просить справедливости и правосудія.

Вечеромъ того же дня, въ который было принято это рѣшеніе, одинъ рабочій, служившій на фабрикѣ члена еврейскаго совѣта Андрона, сообщилъ весь планъ похода, который вожаки антиеврейскаго движенія начертали для будущаго. По этому плану прежде всего въ еврейскихъ синагогахъ должны были быть поставлены статуи императора, надъ которыми теперь день и ночь работали. При этомъ рассчитывали на сильное сопротивленіе со стороны евреевъ, которое будетъ насильно подавлено намѣстникомъ. Разъ евреи выйдутъ изъ своей оборонительной тактики, можно будетъ ихъ провозгласить нарушителями императорскихъ постановленій и оскорбителями величества и подъ эгидою правительства предпринять уничтожающую борьбу. Первымъ актомъ этой борьбы послужитъ сожженіе домовъ еврейскихъ вожаковъ и умерщвленіе послѣднихъ, потому что съ устраненіемъ ихъ главная работа будетъ совершена, и тогда нуждающаяся александрійская чернь безпрепятственно можетъ завладѣть имуществомъ евреевъ.

Не откладывая въ долгій ящикъ, Андронъ сообщилъ переданное ему открытіе высокому совѣту, и тутъ было единогласно рѣшено отправить депутацію къ императору въ эту же ночь—изъ опасенія, чтобы мятежники, узнавъ о намѣреніяхъ евреевъ, не зацѣрили гавани и не сдѣлали такимъ образомъ невозможнымъ отъѣздъ депутатовъ. Для посольства къ императору были выбраны: алабархъ, Филонъ и сынъ его Аполлосъ. Алабархъ принялъ выборъ, павшій на него, и объявилъ, что онъ готовъ въ эту же ночь отплыть вмѣстѣ со своими обоими товарищами, но просилъ собраніе соблюдать строжай-

шее молчаніе объ отправленіи и намѣреніяхъ этого посольства до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнутъ какой либо осязательный результатъ. Вслѣдъ за этимъ онъ распространился со своими коллегами и послѣвшиль домой извѣстить о принятомъ рѣшеніи свое семейство, которое должно было сопровождать его въ Римъ—такъ какъ онъ не хотѣлъ оставлять Тиберіа безъ надзора—и поторопиться съ необходимыми для путешествія приготовлениями. Исполнивъ это, онъ отправился на виллу брата и прибылъ туда около полуночи. Маленькая семья еще не спала и печально бесѣдовала о господствовавшемъ въ городѣ печальномъ состояніи, извѣстіе о которомъ проникло къ нимъ только сегодня. Только что Филонъ сообщилъ женѣ и сыну свое рѣшеніе вновь покинуть уединеніе свое и выступить въ числѣ борцовъ за угрожаемыхъ въ своемъ существованіи единовѣрцевъ, когда вошелъ алабархъ. Въ короткихъ словахъ онъ овнакомилъ брата съ положеніемъ дѣлъ и съ рѣшеніемъ высокаго совѣта, которое не терпѣло никакого замедленія. Филонъ и Исмена не долго раздумывали и высказались за немедленное отравленіе. Аполлосъ попробовалъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія, указывая на то, что можно по крайней мѣрѣ подождать до утра, что слѣдовало бы извѣстить о путешествіи и его пѣли марео-ейскихъ друзей, которымъ въ противномъ случаѣ это неожиданное исчезновеніе можетъ причинить величайшее безпокойство. Но алабархъ привелъ такіе вѣскіе доводы въ пользу необходимости безотлагательнаго отъѣзда и сохраненія его въ тайнѣ, онъ, кромѣ того, счумѣлъ настолько разсвѣять всѣ опасенія своего племянника, что тотъ долженъ былъ наконецъ сдаться и даже отклонить первоначальное намѣреніе послать нѣсколько пояснительныхъ строкъ Оніасу.

Разсвѣтъ засталъ уже нашихъ путешественниковъ на морѣ.

XII.

Рана, которую преступный Лампо нанесъ изъ-за спины не-счастному Каррабасу, была, по счастью, не смертельна, и не

она, а сильное возбужденіе, причиненное видомъ Апіона и борьбою съ нимъ, повергло его на землю безъ сознанія. Въ этомъ положеніи его нашли два эссея, проходившіе случайно этою дорогою. Они узнали его, наложили надлежащую повязку и перенесли раненаго на носилкахъ въ жилище Оніаса. Послѣдній сильно испугался, увидѣвъ раненаго идиота, но еще больше, когда ему сообщили, что Каррабасъ получилъ эту рану въ борьбѣ съ Апіономъ. Какимъ образомъ случилось, что это кротчайшее, несчастное созданіе, отвѣчавшее на оскорбленія и ругательства улыбкою, увлеклось до борьбы, и какъ разъ съ Апіономъ? Что могъ ему сдѣлать Апіонъ? Какія отношенія могли существовать между ними?.. Однажды уже Каррабасъ пришелъ изъ города въ подобномъ душевномъ состояніи;—неужели и тогда Апіонъ былъ виновникомъ его? На эти и подобные имъ вопросы оба эссея не могли, конечно, ничего отвѣтить, потому что изъ всего загадочнаго происшествія они могли узнать только, что послѣ того какъ Каррабасъ терпѣливо сносилъ долгое время всѣ насмѣшки грубой черни, онъ неожиданно бросился на Апіона и былъ раненъ въ борьбѣ съ нимъ.

Три дня лежалъ Каррабасъ въ лихорадкѣ, во время которой Оніасъ не отходилъ отъ его постели, не смотря на то, что онъ отъ слабости самъ еле держался на ногахъ. Онъ слѣдилъ за каждымъ вздохомъ, глоталъ всякое слово лежавшаго въ бреду, въ надеждѣ найти разгадку тайны. Но что могли ему объяснить отрывочныя слова, вырывавшіяся съ невыразимыми усиліями изъ устъ больного: «Малихъ! Разбойникъ! Убийца!» Кто былъ этотъ Малихъ? Оніасъ прислушивался съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, и въ первый разъ въ жизни рассердился на Дорисъ, когда она появилась у двери и хотѣла отвлечь его вниманіе отъ постели больного. Бѣдная дѣвушка страдала вдвойнѣ: съ одной стороны, болѣзнь Каррабаса ее безпокоила, съ другой—мучила ее мысль, что Оніасъ отъ своего неусыпнаго бодрствованія въ теченіи дня и ночи оконча-

тельно потеряетъ послѣдніе остатки своихъ, замѣтно убывающихъ силъ. Всѣ представленія, которыя она дѣлала по этому поводу своему отцу, оставались безуспѣшны, и онъ не допускалъ даже ея присутствія вблизи больного. Смутное предчувствіе заставляло его опасаться, что Каррабасъ въ бреду можетъ сдѣлать разоблаченія, опасныя для спокойствія и Дорисъ. Она уступила, хотя и не безъ сопротивленія, и посвятила себя всецѣло своему возлюбленному Аполлосу, который проводилъ теперь цѣлые дни у озера. Онъ счумѣлъ ее наконецъ убѣдить, что именно подобное напряженіе въ состояніи поднять ослабѣвшія жизненныя силы ея отца и придать имъ юношескую бодрость.

Къ вечеру третьяго дня лихорадка начала постепенно исчезать. Больной дышалъ свободнѣе и впалъ скоро въ спокойный сонъ. Оніасъ также задремалъ, и когда онъ спустя нѣсколько часовъ проснулся, то къ радостному своему изумленію увидѣлъ Каррабаса сидящимъ на постели и бросающимъ удивленные взоры на блѣдно освѣщенную комнату. «Гдѣ я?» — шептала онъ безпрестанно про себя и губы его дрожали отъ слабости. Тутъ взоръ его упалъ на Оніаса. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на него, и какъ будто къ нему сразу вернулись всѣ воспоминанія; онъ повернулся къ Оніасу съ быстрымъ вопросомъ: «Умеръ-ли онъ? Умеръ-ли онъ?»

Оніасъ не понималъ смысла этихъ словъ, не зналъ, какое значеніе они имѣютъ. И все же онъ не могъ думать, что больной и теперь бредитъ, потому что идиотъ производилъ впечатлѣніе человѣка, къ которому вернулось полное сознаніе. Оніасъ былъ знакомъ съ подобными душевными состояніями, имѣя возможность въ теченіе своей долготѣйшей жизни наблюдать и лечить неисчислимое число душевно больныхъ. Такъ, онъ съ самаго начала причислилъ Каррабаса къ категоріи тѣхъ безумныхъ, которыхъ можетъ привести въ нормальное состояніе сильное душевное потрясеніе. Когда Каррабасъ повторилъ

слова: «умеръ ли онъ?» Оніасъ спросилъ его наконецъ, повидимому, равнодушнымъ голосомъ, про кого онъ спрашиваетъ?

— Про кого я спрашиваю?—возразилъ взволнованный Каррабасъ.—Про кого же, какъ не про того злодѣя Малиха! Я задушилъ его! Онъ мертвъ, мертвъ, мертвъ!

— Кто такой Малихъ?—спросилъ Оніасъ съ принужденнымъ спокойствіемъ, между тѣмъ какъ въ немъ дрожали всѣ фибры. Ему было ясно, что Каррабасъ находился теперь въ полномъ сознаніи. Такъ связно онъ никогда еще не говорилъ, такъ ясно ни разу еще до сихъ поръ не звучали его слова... Но кто же этотъ Малихъ, на котораго Каррабасъ вводитъ такія ужасныя обвиненія? Неужели Малихъ и Апіонъ—одно и то же лицо?

Каррабасъ собралъ всѣ свои силы, чтобы отвѣтить. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ ухватился одною рукою за сидѣвшаго подлѣ него Оніаса, а другою за край своей постели, и изъ его груди съ ужасающей рѣзкостью вырвались слова:

— Кто такой Малихъ? Разбойникъ онъ и убійца! Мою мать онъ убилъ, мою сестру замучилъ до смерти... а маленькое созданіе, о, о, о!..

Потокъ слезъ заглушилъ его голосъ. Онъ упалъ на постель и горько заплакалъ.

Этотъ бурный взрывъ горя подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ на Оніаса. Въ первый разъ видѣлъ онъ Каррабаса плачущимъ. Хотя самъ глубоко взволнованный, онъ сохранилъ настолько самообладанія, чтобы успокоить больного и снова заставить его уснуть.

Начало уже разсвѣтать, когда Каррабасъ вторично проснулся. Нѣсколько часовъ сна, повидимому, утишили бурю въ его душѣ. Съ невыразимо грустною улыбкой, представлявшей рѣзкій контрастъ съ его обычною бессмысленною улыбкой, онъ долго смотрѣлъ на Оніаса, съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидавшаго его словъ, и потомъ спросилъ его усталымъ голосомъ:

— Знаешь-ли ты Ананія?.. Навѣрно, ты его знаешь... Онъ одѣтъ совершенно такъ, какъ и ты и наши сосѣды у озера... онъ также благороденъ и чистосердеченъ, какъ ты...

При имени Ананія Оніасъ содрогнулся. Неужели Каррабасъ говорить про брата ордена, Ананія? Но когда и гдѣ онъ могъ узнать его? Опять новая загадка! Оніасъ старался желаніемъ осыпать вопросами своего питомца, но боялся взволновать его. Увидѣвъ его, однако, спокойно лежащимъ и свободно дышащимъ, онъ произнесъ:

— Я зналъ дѣйствительно одного Ананія—онъ былъ моимъ другомъ. Но кто же твой Ананій? Когда видѣлъ ты его?

— Когда я его видѣлъ?.. Мнѣ кажется, это было вчера... Я совершенно отчетливо припоминаю это... Но увы! Малихъ сжегъ его!

Эти послѣднія слова, произнесенныя въ дикомъ отчаяніи, сильно испугали Оніаса. Говорилъ-ли больной правду, или же опять бредилъ? Но его слова вовсе не походили на бредъ. И развѣ не назвалъ Каррабасъ имени Ананія, котораго и онъ знаетъ? Развѣ этотъ Ананій не могъ быть тѣмъ самымъ, который нѣкогда принесъ Дорисъ къ Маресейскому озеру? Старецъ потерялъ теперь окончательно спокойствіе и быстро спросилъ, гдѣ Каррабасъ познакомился съ Ананіемъ?

Каррабасъ долго раздумывалъ, потиралъ себѣ лобъ, произносилъ непонятные слоги. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось отыскать настоящее слово, и онъ отвѣтилъ:

— Въ Латополисѣ!

— Это тотъ самый!—воскликнулъ сильно взволнованный Оніасъ.—И мой Ананій тоже изъ Латополиса!—Наступила продолжительная пауза. Каррабасъ, въ изнеможеніи снова сомкнулъ глаза; въ головѣ же Оніаса работали тысячи мыслей: онъ отыскивали нить, которая могла бы вывести его изъ этого лабиринта загадокъ. Одно только было совершенно ясно: Каррабасъ говорилъ не въ бреду, хотя его слова и были безсвязны и отрывочны. Одинъ Ананій могъ бы разъяснить тайну; но

онъ исчезъ. Спустя восемь дней, Каррабасъ совершенно оправился: перенесенный кризисъ подѣйствовалъ на все его существо, какъ это и предвидѣлъ Оніасъ, необыкновенно благотѣтельно. Безумная улыбка исчезла съ его губъ. Слова его, все еще съ трудомъ произносимыя, звучали понятнѣе, мысли его были довольно связаны. Правда, онъ говорилъ очень мало и, повидимому, былъ постоянно погруженъ въ мечты; но то, что онъ говорилъ, было осмысленно. Только въ одномъ отношеніи онъ остался, къ грустному разочарованію нашего Оніаса, такимъ же, какъ и прежде. Память его была по прежнему слаба, и какъ ни старался Оніасъ вызвать новыя воспоминанія прошлаго, все было напрасно. Кромѣ уже сдѣланныхъ неясныхъ намековъ, Каррабасъ могъ рассказать только очень немного, и это немного было такъ сбивчиво и безсвязно, что Оніасъ вскорѣ прекратилъ всякія дальнѣйшія попытки въ этомъ отношеніи. Да маститый, изнеможенный старецъ и долженъ былъ сдѣлать это, потому что полнѣйшее истощеніе, съ которымъ онъ тамъ долго и съ такими геройскими усиліями боролся, бросило его наконецъ, еще до окончательнаго выздоровленія Каррабаса, на одръ болѣзни, который ему суждено было больше не покинуть. И вотъ онъ часами лежалъ съ сомкнутыми глазами во снѣ, напоминавшемъ вѣчный сонъ смерти. Очередь ухаживать была теперь за Каррабасомъ, и какъ ни слабъ былъ онъ вначалѣ, онъ, казалось, нашелъ крѣпость и силы въ услугѣ, которою ему пришлось оплачивать Оніасу. Его дѣятельною помощницею была Дорисъ. Бѣдная дѣвушка сильно страдала: то, чего она опасалась, казалось, начало сбываться. Но Каррабасъ чувствовалъ съ нею, плакалъ съ нею, молился съ нею—и это поддерживало ея скорбящій духъ. Когда же появлялся Аполлосъ со своимъ любвеобильнымъ сердцемъ и утѣшительными и ободряющими словами, ея угнетенное состояніе облегчалось, и въ подобныя минуты она даже питала надежды на возможность выздоровленія отца, тѣмъ болѣе, что старикъ при видѣ пре-

краснаго юноши всегда выходилъ изъ своей летаргіи, улыбался, шепталъ ободряющія слова и поочередно ласкалъ своихъ любимцевъ, стоявшихъ у его постели. Нерѣдко въ такія минуты онъ тихо говорилъ про себя:—Нѣтъ, я не хочу умереть! Я не могу и не долженъ умереть, пока не буду говорить съ Ананіемъ. И Ананій придетъ! Смутное предчувствіе говорить мнѣ, что онъ придетъ!—И дѣйствительно, сильная воля, жившая еще въ умирающемъ, казалось, побѣждала самую смерть.

Но однажды Аполлосъ, который въ послѣднее время обыкновенно ежедневно находился у озера уже въ первые утренніе часы, къ ужасу нашей Дорисъ, не пришелъ. Когда прошли второй и третій день, а другъ, такъ страстно ожидаемый, не появлялся, то дѣвушку охватила невыразимая тоска, усиленная еще больше зловѣщими слухами, распространенными вокругъ озера и дошедшими до Дорисъ. Эти слухи передавали, что возстаніе въ Александріи принимаетъ ужасающіе размѣры и грозитъ въ ближайшемъ будущемъ еврейскимъ вилламъ, расположеннымъ вблизи озера; прибавляли далѣе, что видѣли будто бы уже значительныя толпы народа, направлявшіяся въ ту сторону, гдѣ находился домъ Филона.

Но развѣ къ озеру не доходили болѣе точныя свѣдѣнія изъ сосѣдней Александріи? Дѣйствительно, въ послѣднія недѣли этого уже не было, потому что съ тѣхъ поръ, какъ орденъ по побужденію Ананія выслалъ въ міръ всѣ свои молодыя силы, всякое сношеніе съ городомъ прервалось; остались одни старые, хилые мужчины, которые только въ исключительныхъ случаяхъ покидали свои жилища. Такимъ образомъ изъ города получались крайне скудныя свѣдѣнія, да и то большею частью запоздалыя. Но чѣмъ неопредѣленнѣе и туманнѣе они были, тѣмъ больше поля они оставляли фантазіи. Что же удивительнаго, если бѣдная Дорисъ была совершенно внѣ себя, когда Аполлосъ не явился и на утро четвертаго дня?

Развѣ при настоящихъ обстоятельствахъ она не должна была ожидать наихудшаго? По крайней мѣрѣ сто разъ вскакивала она въ этотъ день съ своего мѣста, чтобы полетѣть къ виллѣ Филона; но она не могла двинуться съ мѣста, прикованная точно волшебною силой къ постели больного. Она не могла покинуть своего дорогого, столь тяжело пораженнаго отца.

По странной случайности, сегодня, когда отчаяніе Дорисъ, казалось, достигло высшей степени, Оніасъ чувствовалъ себя гораздо лучше, нежели въ предшествовавшіе дни. Весь день онъ былъ бодръ и постоянно улыбался сидѣвшей возлѣ него дочери, какъ будто онъ чувствовалъ страшную скорбь, бушевавшую въ душѣ этого бѣднаго созданія.— Послѣ полудня пришелъ его навѣститъ старый другъ, сѣдловластый братъ ордена, Озіасъ. Оніасъ протянулъ ему радостно обѣ руки и сдѣлалъ усиліе, чтобы показаться крѣпкимъ и разсѣять опасенія своей Дорисъ. Она при входѣ старца встала, чтобы уступить ему свое мѣсто, и по знаку отца удалилась въ свою комнату. Здѣсь она упала на колѣни и хотѣла въ молитвѣ найти успокоеніе тревоги своего сердца. Но ея мысли сбивались; ломая руки, она встала и бросилась на свою постель. Подъ подушкою что-то зазвенѣло. Точно электричество пробѣжало по тѣлу Дорисъ при этомъ звукѣ... Это ключи, которые откроютъ ей садъ и домъ Филона. Съ лихорадочною послѣдностью беретъ она ихъ и стремится изъ комнаты. Словно преслѣдуемая злыми духами, летитъ она съ быстротою вихря по дорогѣ, ведущей къ виллѣ Филона. Солнце направляетъ палящія лучи свои на ея голову, но она ничего не чувствуетъ. Нѣсколько разъ раздаются за нею крики, зовущіе ее, она не слышитъ ихъ. Сердце стучитъ точно молоть, голова горитъ, передъ глазами туманъ, и она едва замѣчаетъ, что достигла стѣны сада. Какъ слѣпая, она ощупываетъ валичку, открываетъ ее дрожащею рукой и бросается въ садъ. До ея ушей доносится шумъ, подобный глухому морскому прибою. Она останавливается на мгновеніе. Сомнѣнія нѣтъ—

это гулъ человѣческихъ голосовъ, несущійся изъ виллы. Смертельный ужасъ охватываетъ ее, она готова упасть, но дѣлаетъ надъ собою усиліе, поднимается и неровною походкою направляется по аллеямъ сада. Чтобы сократить дорогу, она бросается въ кусты и попадаетъ въ непроходимую чащу, изъ которой освобождается, употребивъ послѣднія силы. Въ борьбѣ съ терновникомъ она оставляетъ здѣсь кусокъ платья, тамъ — часть своей золотистой косы. Она не чувствуетъ, что ея ноги изранены, она не видитъ, что кровь ея орошаетъ траву, потому что шумъ, которой она услышала при входѣ въ садъ, становится все сильнѣе, по мѣрѣ ея приближенія къ виллѣ, и поглощаетъ всѣ ея чувства. Уже она слышитъ ясные крики: «Рубите деревья и жгите ихъ! Долой евреевъ! Долой Филона!»

Обливаясь потомъ, окровавленная, съ распущенными волосами и помраченнымъ умомъ, Дорисъ достигаетъ дома. Она видитъ дверь запертою; механически она вынимаетъ ключъ изъ складокъ своего платья, и отворивъ послѣ невѣроятныхъ усилій дверь, входитъ въ домъ, обыскиваетъ нижній этажъ, продолжая произносить глухимъ и надорваннымъ голосомъ имя Аполлоса. Но глухо и непривѣтливо отдается ея голосъ въ пустыхъ комнатахъ, а шумъ передъ домомъ становится все сильнѣе, удары топоровъ все чаще. «Они должны быть въ верхнемъ этажѣ, — стонетъ измученная до смерти Дорисъ, — я пойду къ нимъ, спасти ихъ или умереть съ ними!» Шатаясь она поднимается по ступенямъ и, дойдя до верху, падаетъ безъ сознанія на полъ съ крикомъ: «Аполлосъ!»

Между тѣмъ на дворѣ передъ домомъ валятся одинъ за другимъ столѣтніе дубы съ громоподобнымъ оглушительнымъ трескомъ, потрясающимъ домъ до самаго основанія. Толпа разражается безконечнымъ ликованіемъ. Среди нея находится Апіонъ, потирающій себѣ самодовольно руки, потому что онъ видитъ себя почти у желанной цѣли... Онъ невыразимо страдаетъ въ послѣднее время! Смертельный страхъ, въ которомъ онъ

находился въ объятіяхъ бѣшеннаго Каррабаса (онъ къ ужасу своему узналъ его), парализовалъ его тѣло и душу. Всѣ тѣ мучительные ужасы, которые онъ испыталъ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ впервые Дорисъ въ хижинѣ Оніаса, снова выступили передъ его истерзанной душой. «Они не хотятъ превратиться!—стожалъ онъ,—они не прекратятся и съ моею смертію!» И снова въ его ушахъ прозвучалъ тотъ грозный хоръ, который привелъ его въ такой ужасъ, у озера.

Такъ проходили долгіе мучительные дни, долгія ночи, и товарищамъ его Исидору и Лампо не удавалось успокоить его и подвинуть къ дальнѣйшему участію въ предпринятомъ имъ преслѣдованіи евреевъ. А между тѣмъ они должны были какою угодно цѣною снова поставить его во главѣ движенія, если не хотѣли видѣть уничтоженными всѣ прекрасныя надежды, связанныя съ этимъ движеніемъ. Они хорошо понимали, что безъ Апіона, которому подчинялся какъ народъ, такъ и намѣстникъ, все возстаніе окажется картечнымъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, и не принесетъ зачинщикамъ его никакихъ осязательныхъ результатовъ. Видя, что Апіонъ остается глухъ ко всѣмъ ихъ представленіямъ, достойные сообщники прибѣгли къ столь же древнему, сколько и вѣрному средству. Именно, они направили нѣсколько сотъ самыхъ буйныхъ грабителей къ виллѣ Филона съ указаніемъ сжечь ее вмѣстѣ съ обитателями. Это подѣйствовало: когда они передали грамматикѣ извѣстіе о предстоящемъ нападении на жилище его смертельнаго врага, онъ радостно воспрянулъ. Мигомъ были забыты всѣ перенесенные имъ ужасы. Вѣдь его пламениѣйшему желанію предстояло такъ неожиданно сбыться, его смертельный врагъ будетъ уничтоженъ — а отъ жилища Филона до дома Оніаса рукой подать. Одновременное нападеніе на Оніаса могло ему дать въ руки Дорисъ—тогда онъ сдѣлается и останется всемогущимъ въ Александріи... Апіонъ впалъ теперь въ другую крайность. Онъ ликовалъ, прыгалъ, сіяя блаженствомъ, и цѣ-

ловадь поочередѣ обѣихъ своихъ наперсниковъ, которые радостно его приняли въ свою компанію, и достойный триумвирать поспѣшили къ виллѣ Филона, гдѣ они нашли уже въ полномъ сборѣ значительную толпу поджигателей и убійцъ. Къ счастью эти гнусные герои были совершенно незнакомы съ мѣстными условіями и долго не могли оріентироваться. Они пришли по дорогѣ, ведущей изъ Александріи, и только послѣ продолжительныхъ поисковъ открыли виллу, окруженную густою рощей. Садъ, простиравшійся по направленію къ озеру, остался скрытымъ отъ ихъ взоровъ. Лампо первый выскочилъ изъ рядовъ своей арміи и произнесъ тономъ командира: «Рубите деревья!» Толпа, какъ безумная, кинулась на рощу, и не прошло часу, какъ густой садъ сильно порѣдѣлъ. Вѣковые великаны лежали на землѣ, и надъ ними выдавался беззащитный домъ, простирая свою обнаженную грудь всѣмъ нападеніямъ. — «Бросьте огонь въ чану!» раздавалось со всѣхъ сторонъ, и съ быстротою молніи приносятъ сухой хворостъ, подкладываютъ его подъ срубленные деревья и зажигаютъ. Сердце Апіона готово выпрыгнуть отъ радости. Онъ пристально смотритъ на окна, въ надеждѣ увидѣть въ одномъ изъ нихъ Филона. Онъ хочетъ насладиться его отчаяніемъ, хочетъ, чтобы и Филонъ его видѣлъ. Пусть онъ, умирая, знаетъ, кто ему приготовилъ эту ужасную гибель! — Ага, какъ тамъ шипитъ, трещитъ и хруститъ! Наконецъ-то эти высококобѣрные евреи должны будутъ выйти изъ своего убѣжища! Но вотъ уже цѣлыя облака дыма поднимаются надъ стѣнами — и все еще ни слѣда живого существа. Развѣ весь домъ вымеръ? — Вдругъ въ верхнемъ этажѣ стремительно раскачиваются оконныя половинки. Толпа надаетъ бурный лнкующій крикъ, къ которому присоединяется и полный ожиданія Апіонъ. Но вотъ у окна появляется Дорисъ — и толпа замираетъ. Несчастная дѣвушка, очнувшись отъ обморока, услышала съ ужасомъ ревъ толпы, трескъ валящихся деревьевъ, злобщій шумъ огня, и страшное предчувствіе пробѣжало въ ея затуманенномъ мозгѣ. Она поспѣшила къ окну, она стоитъ здѣсь,

какъ окаменѣлое олицетвореніе горя. Лицо ея блѣдно какъ смерть, зубы судорожно сжаты, и въ глазахъ, дико вращающихся въ орбитахъ, видно безуміе...

При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ ужасъ сковалъ члены Апіона. Съ широко раскрытыми глазами онъ смотритъ нѣсколько секундъ на призракъ, потомъ съ хриплымъ крикомъ бросается къ дикой толпѣ: — «Спасите, спасите ее! Она гречанка! Спасите ее!» Но всѣ крики его напрасны. Никто не хочетъ рисковать своею жизнью за несчастное созданіе, къ которому уже прикоснулось пламя... Дорисъ отшатнулась отъ окна, но черезъ секунду уже она снова появляется у него съ протянутыми руками, хватается за подоконникъ, какъ будто сопротивляясь невидимой силѣ, влекущей ее назадъ. Еще разъ она пошатнулась, вотъ она подается назадъ и скрывается: ея уже не видно... Въ открытое окно врывается удушливый густой дымъ, а за нимъ огненные языки. — «Она сгорѣла!» — реветъ Апіонъ, ломая руки, и убѣгаетъ.

XIII.

Каррабасъ остался у постели своего покровителя, когда Дорисъ оставила ее при появленіи Овіаса. Продолжительное ея отсутствіе начало его беспокоить и онъ, воспользовавшись тѣмъ, что оба старца увлеклись бесѣдою, проскользнулъ незамѣтно изъ комнаты. Какъ испугался онъ, когда не нашелъ Дорисъ ни въ ея комнатѣ, ни по близости дома! Въ сильномъ волненіи онъ бросался во всѣ стороны, непрерывно называя ее по имени. Въ это время на крики его пришла одна старушка, работавшая въ сосѣднихъ виноградникахъ, и рассказала ему, что она не задолго до того видѣла дѣвушку, бѣжавшую по тропинкѣ, ведшей къ дому Филона, нѣсколько разъ окликала ее, но безуспѣшно. — Каррабасъ не дослушалъ старушки и пустился стремглавъ по указанному направленію. Вскорѣ онъ достигъ стѣны сада и дверь его, обыкновенно запертую,

нашелъ открытою. Нѣтъ сомнѣнiя: Дорись прошла черезъ эту дверь. Дикiй ревъ, достигшiй до его слуха при входѣ въ садъ, ускорилъ его шаги, и онъ вошелъ въ верхнiй этажъ виллы почти въ ту самую минуту, когда Дорись, очнувшись отъ обморока, устремилась къ окну. Онъ остановился на мгновенiе перевести духъ, затѣмъ тихо подкрался къ окну, схватилъ съади дѣвунку и съ большими усилiями оттащилъ ее къ лѣстницѣ. Но тутъ Дорись, не оборачиваясь и не смотря на своего похитителя, сильно рванулась и снова бросилась къ окну. Однимъ прыжкомъ Каррабасъ, которому видъ смертельной опасности придалъ нечеловѣческiя силы, настигъ ее, обвилъ вокругъ нея свои руки, и, благодаря своему знакомству со всѣми выходами дома, ему удалось привести ее въ садъ. Но и здѣсь они еще не были спасены, потому что вѣтеръ гналъ въ ихъ сторону жгучiй дымъ, и какъ ни истощенъ былъ Каррабасъ, онъ долженъ былъ летѣть со своею ношею все дальше и дальше, если не хотѣлъ сдѣлаться вмѣстѣ съ нею жертвою пламени. Только въ ста шагахъ отъ горящаго дома онъ, смертельно измученный, упалъ на землю, не выпуская, однако, изъ своихъ рукъ почти безжизненно лежавшую въ его объятiяхъ Дорись. Они избѣжали непосредственной опасности; но огонь дѣлалъ ужасящiе успѣхи и уже охватилъ деревья сада. Каррабасъ лежалъ въ тупомъ отчаянiи. Всѣ его усилiя подняться снова были напрасны: силы отказывались ему служить. Но вотъ онъ услышалъ вблизи голоса, шедшiе, казалось, изъ задней стороны сада. Онъ началъ прислушиваться, замирая между страхомъ и надеждою. По его членамъ пробѣжала радостная дрожь, онъ увидѣлъ толпу эсеевъ, приближавшихся быстрыми шагомъ. Они замѣтили изъ своихъ жилищъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ, громадный столбъ пламени надъ домомъ Филона и посѣвшили туда. Какъ испугались они при видѣ Каррабаса и Дорись, лежавшихъ на землѣ въ такомъ положенiи! Они осыпали вопросами Каррабаса, смотрѣвшаго на нихъ полуоткрытыми глазами; но его конвульсивно подергивавшiяся уста

не издавали ни одного звука. Тогда они подняли обоихъ несчастныхъ, вынесли ихъ изъ сада и перенесли въ одну изъ ближайшихъ хижинъ эсеевъ. Ихъ усиліямъ удалось вскорѣ укрѣпить Каррабаса настолько, что онъ снова получилъ способность говорить. Не такъ легко шло дѣло съ Дорисъ. Обморокъ, въ который она впала, упорно сопротивлялся всѣмъ средствамъ и усиліямъ. Наконецъ и она очнулась, но что это было за пробужденіе! Глаза ея были открыты, но они были точно подернуты пеленою. Она не узнавала никого изъ окружающихъ, даже Каррабаса, который стоялъ подлѣ нея на козлыняхъ и то смѣялся, то плакалъ. Отъ времени до времени губы ея шептали: «сгорѣлъ! сгорѣлъ!», но ни малѣйшаго волненія не обнаруживало ея существо. Всѣ чувства, казалось, умерли въ ней. Перенесенные ужасы и увѣренность въ томъ, что Аполлосъ и его родители сгорѣли, затемнили рассудокъ несчастной дѣвушки.

Въ это самое время у намѣстника происходили бурныя сцены. Его шпионамъ сегодня удалось наконецъ, послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, разузнать, что сдѣлалось съ алабархомъ, который уже въ теченіи нѣсколькихъ дней нигдѣ не показывался. Одинъ изъ рабовъ алабарха попался въ ихъ руки, и они пытали его до тѣхъ поръ, пока онъ не признался, что его господинъ вмѣстѣ съ Филономъ ночью уѣхалъ въ Римъ. При этой неожиданной вѣсти Флаккъ всныкнулъ. «Они хотятъ меня погубить,—заскрежеталъ онъ,—но я ихъ предупрежу!» Въ эту минуту появился центуріонъ и сообщилъ, что нѣсколько сотъ мятежниковъ направилась къ виллѣ Филона съ цѣлю напасть на нее и сжечь ее до тла, тогда какъ остальные готовились къ новому нападенію на Дельту. «Смерть этому измѣнническому жидовскому исчадію!—воскликнулъ Флаккъ при этой желанной вѣсти.—Пойди и вели поставить императорскія статуи во всѣхъ синагогахъ этого народа, одинаково ненавистнаго богамъ и императору, и уничтожьте все, что станетъ поперекъ дороги!»

Ужасный приказъ едва былъ произнесенъ, какъ центурионъ, бывший союзникомъ Апіона и его приверженцевъ, посѣвшиль выполнить его. Флаккъ остался одинъ въ комнатѣ. Онъ начиналъ приходить въ себя и раздумывать о послѣдствіяхъ приказанія, отданнаго въ минуту перваго возбужденія. Легкая дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, и онъ, точно пробуждаясь отъ дурного сновидѣнія, провелъ рукою по вспотѣвшему лбу. Безъ сомнѣнія, онъ отмѣнилъ бы роковой приказъ, если бы приходъ Апіона не далъ новой пищи его гнѣву. Грамматикъ вбѣжалъ, задыхаясь, и какъ безумный закричалъ:—«Моя дочь сгорѣла! Она сгорѣла въ домѣ жида Филона!»

Флаккъ подумалъ сперва, что Апіонъ сошелъ съ ума. Но когда тотъ, постепенно придя въ себя, описалъ ужасный пожаръ и закончилъ тѣмъ, что его дочь, которую очевидно держали плѣнницею въ домѣ Филона, сдѣлалась жертвою пламени, гнѣвъ намѣстника снова вспыхнулъ, и онъ осыпалъ проклятіями не только Филона и евреевъ, но и самого грамматика, обвиняя его въ жалкой трусости и безсердечіи, съ которыми онъ даже не попытался спасти свою дочь отъ мучительной смерти.

Апіонъ чувствовалъ всю тяжесть упрека и думалъ ослабить его, возражая намѣстнику, что той же участи подверглись и его смѣртельный врагъ, Филонъ и похититель дѣвушки, Аполлосъ.

— Глупецъ!—закричалъ Флаккъ.—Филонъ и Аполлосъ живы, они живы оба на мою и твою гибель.

— Ты изволишь шутить, —прошипѣлъ Апіонъ съ отвратительною улыбкой.—Ты изволишь шутить, благородный Флаккъ. Я знаю, что Филонъ и его семья погибли жалкою смертію при пожарѣ.

— А я повторяю тебѣ, —крикнулъ намѣстникъ, —что они живы! Мнѣ только что сообщили изъ достовѣрнѣйшаго источника, что они отправились нѣсколько дней тому назадъ въ

Римъ, чтобы принести на меня жалобу императору и добиться моего увольненія!

Эти слова намѣстника точно громомъ поразили Апіона. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ, оглушенный, дрожа всѣмъ тѣломъ, потомъ съ трудомъ произнесъ:

— Такъ Филонъ и Аполлосъ живы, а моя несчастная дочь сгорѣла?!

— Да, это такъ, — отвѣтилъ намѣстникъ, скрежеща зубами.

— Мщеніе, Флаккъ! — вскрикнулъ въ свою очередь Апіонъ, внѣ себя отъ ярости и гнѣва. — Я жажду мести, кровавой мести, или я сдѣлаю изъ Александріи костеръ!

— Оставь свое хвастовство, оно здѣсь неумѣстно, — возразилъ Флаккъ. — А что касается мщенія, то это мое дѣло. Это хитрое жидовское исчадіе объявило мнѣ войну, и я не отказываюсь отъ нея. Я даже началъ уже ее: знай, что я только что отдалъ приказъ поставить изображенія цезаря во всѣхъ еврейскихъ синагогахъ — и ты знаешь, что это должно означать.

— Ты сдѣлалъ это? — спросилъ Апіонъ, шатаясь отъ радостнаго изумленія.

— Да, это, и еще больше. Я рѣшился выслать войско, такъ какъ сопротивленіе евреевъ будетъ, очевидно, упорное. Ты знаешь теперь участь александрійскаго еврейства...

— Божественный Флаккъ! — ликовалъ Апіонъ. — Божественный Флаккъ! Ну, теперь снова все хорошо! — Съ этими словами онъ поспѣшилъ изъ дворца.

Борьба противъ евреевъ Александріи подъ эгидою правительства приняла ужасные размѣры. Прежде всего она сосредоточилась вокругъ синагогъ, гдѣ должны были поставить императорскія статуи. Но евреи защищались съ львинымъ мужествомъ за свои святилища и неоднократно отбивали самыя сильныя нападенія. Они не отступили и тогда, когда Флаккъ велѣлъ выступить противъ нихъ войскамъ. Только когда мятежники, подкрѣпляемые солдатами, послѣ долгой

безуспѣшной осады зажгли синагоги, они начали постепенно отступать и оставили наконецъ своимъ непріятелямъ поле сраженія, представлявшее пылавшія развалины.

Между тѣмъ по всей Александріи разнесся съ быстротою молніи слухъ, будто бы намѣстникъ, по повелѣнію императора, объявилъ евреевъ лишенными всѣхъ ихъ исконныхъ правъ и привиллегій. Этотъ слухъ заставилъ и ту часть александрійской черни, которая сохраняла до сихъ поръ колеблющееся, выжидательное положеніе, принять участіе въ преслѣдованіи евреевъ, чтобы не остаться обездоленною при распредѣленіи добычи.

И вотъ, закипѣла борьба на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ Александріи. Въ одинъ день всѣ евреи были вытѣснены изъ всѣхъ четырехъ частей города и заперты въ кварталѣ Дельты, куда они спаслись бѣгствомъ...

То, что послѣдовало за этимъ, до такой степени ужасно, что пусть лучше оно останется покрыто завѣсой любви къ человечеству.—Какъ ни раскаивался Флаккъ въ послѣдствіяхъ своего послѣдшаго рѣшенія, онъ не могъ болѣе отступить. Бразды правленія выпали изъ его рукъ, и онъ вынужденъ былъ какъ бы поощрять то кровавое зрѣлище, которое происходило теперь въ Александріи...

Въ теченіи цѣлыхъ четырехъ недѣль евреи, скученные въ кварталѣ Дельты, переносили адскія мученія. Умирая отъ голода и жажды, изнемогая отъ невыносимаго зноя, поминутно спугиваемые точно дичь безчеловѣчными, кровожадными ордами, загнанные ими до смерти, они каждую минуту ожидали своего конца.

Въ эти ужасныя четыре недѣли цвѣтущее благосостояніе Александріи было уничтожено, высокая культура этого города, имѣвшаго столь возвышенную миссію, получила смертельный ударъ, отъ котораго ей уже не суждено было больше оправиться.

Но эта катастрофа отомстила за себя жестоко своимъ пре-

ступнымъ зачинщикамъ. Одною изъ первыхъ ея жертвъ былъ Флаккъ. Но и тѣ греческіе и египетскіе купцы и фабриканты, которые вначалѣ съ скрытымъ удовольствіемъ смотрѣли на возроставшее броженіе противъ своихъ еврейскихъ конкурентовъ и втайнѣ поддерживали пламя возстанія, должны были вскорѣ къ своему величайшему ужасу убѣдиться, что они собирали горячіе угли на свои собственныя головы. . . Грабившія и убивавшія толпы не ограничились только евреями, имущество которыхъ они въ нѣсколько недѣль разрушили, расхитили и промотали; они начали вести борьбу вообще съ зажиточными, не разбирая—былъ ли обладатель египтянинъ или грекъ. Тогда эти люди прибѣжали съ жалобами къ Флакку и осыпали его просьбами о помощи. Но намѣстникъ былъ совершенно безсиленъ: грабители и ихъ коноводы не обращали на него никакого вниманія, а солдаты и офицеры были съ ними заодно.

Тогда-то Апіону и его помощникамъ тоже стало жутко; движеніе сдѣлалось имъ не подь силу. Темныя, враждебныя всякому порядку силы стали во главѣ мятежа и оттѣснили совершенно грамматика. Апіонъ началъ дрожать за свою собственную безопасность, и его голова неустанно работала надъ придумываніемъ средства снова возстановить уничтоженный авторитетъ намѣстника и вмѣстѣ съ этимъ прежній порядокъ въ Александріи. Напрасно пытался онъ составить совѣтъ изъ себя, своихъ товарищей и намѣстника: ужасный шумъ толпы, день и ночь окружавшей префектуру, препятствовалъ этому. Самъ Флаккъ оставался невидимымъ.

Перев. А. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГЛАВА ИЗЪ АНТРОПОЛОГІИ ЕВРЕЕВЪ.

О РАСПРЕДѢЛЕНІИ ПОЛОВЪ ПРИ РОЖДЕНІИ.

Физическая жизнь евреевъ, только весьма недавно сдѣлавшаяся предметомъ серьезнаго изученія для очень ограниченнаго числа компетентныхъ лицъ, естественно представляется въ настоящее время областью крайне мало разработанной, въ которой многіе отдѣлы—и притомъ весьма крупные—или почти вовсе не подвергнуты рассмотрѣнію, или же затронуты изслѣдованіемъ лишь крайне поверхностно. Къ такимъ совершенно непечатымъ угламъ еврейской демографіи принадлежитъ, между прочимъ, чрезвычайно интересный вопросъ *о необыкновенно сильномъ преобладаніи у евреевъ мужскихъ рожденій надъ женскими*. Вопросъ этотъ совсѣмъ не изученъ, и тѣ немногіе авторы, которые случайно и мимоходомъ коснулись его въ своихъ сочиненіяхъ, очень мало сдѣлали для его разъясненія. Одни изъ нихъ совершенно отрицали самый фактъ и утверждали, что если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ статистика обнаруживаетъ иногда слишкомъ высокій перевѣсъ числа рождающихся мальчиковъ у евреевъ, то это является лишь слѣдствіемъ неправильныхъ еврейскихъ метрическихъ записей, въ которыхъ значительное число женскихъ рожденій остается неотмѣченнымъ. Другіе, признавая самый фактъ своеобразнаго распредѣленія половъ при рожденіи не подлежащимъ большому сомнѣнію, однако, не останавливались на его изслѣдованіи и предполагали, что причиною его является единственно расовая индивидуальность евреевъ,—та будто бы присущая еврейскому народному организму проблематическая «врожденная сила» (*vitalité inhérente, Volk-zähung*), которой издавна приписываютъ если не исключительную,

то по меньшей мѣрѣ главную роль въ происхожденіи многихъ другихъ физическихъ особенностей евреевъ. Затѣмъ, какъ ни кажется естественнымъ стремленіе объяснить интересующее насъ явленіе тѣми или другими условіями еврейской жизни, въ этомъ направленіи, сколько намъ извѣстно, не было сдѣлано ни одной попытки.

Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью, во первыхъ, по возможности собрать разбросанныя въ медицинской литературѣ и въ официальныхъ статистическихъ изданіяхъ подходящія данныя, по которымъ можно было бы съ положительностью принять или отвергнуть фактъ ненормальнаго преобладанія у евреевъ мужскихъ рожденій надъ женскими, и во вторыхъ, въ случаѣ подтвержденія самаго факта, поискать причины его въ особенностяхъ семейнаго, религіознаго и общественнаго быта евреевъ.

Извѣстный основатель научной статистики въ Пруссіи, директоръ прусскаго статистическаго бюро Гофманъ, какъ кажется, первый обратилъ вниманіе на то, что перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими у евреевъ значительно превышаетъ обыкновенную норму, наблюдаемую у всѣхъ прочихъ народовъ. Въ отчетахъ статистическаго бюро онъ указалъ, что въ пятилѣтіе 1830—1834 гг. въ Пруссіи на 100 родившихся дѣвочекъ приходилось у христіанъ 106 мальчиковъ, а у евреевъ—111. Указаніе это было впервые принято въ статистическую науку въ 1841 г. профессоромъ Бернулли, отведшимъ ему мѣсто въ своемъ «Руководствѣ къ статистикѣ» *. Вслѣдъ затѣмъ Гофманъ подтвердилъ свое указаніе новыми данными въ 1843 и 1847 гг., въ двухъ обнародованныхъ имъ интересныхъ сочиненіяхъ **. Въ 1849 г. Несторъ европейской статистики Ваппеусъ нашелъ этому новое подтвержденіе въ громадной массѣ данныхъ изъ статистики разныхъ государствъ и прибавилъ еще новое указаніе, — что ненормально сильный перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими замѣчается у евреевъ даже на дѣтяхъ незаконнорожденныхъ, между которы-

* *Bernulli. Handbuch d. Populationsstatistik, 1841, p. 357.*

** *Sammlung kleiner Schriften staatswissenschaftlichen Inhalts, Berl. 1843, u. Nachlass kleiner Schriften, 1847.*

ми у христіанъ количество мальчиковъ бываетъ обыкновенно еще меньше, чѣмъ между законнорожденными *. Въ 1856 году фактъ, указанный Гофманомъ, былъ замѣченъ въ Венгріи Глаттеромъ, который установилъ его для народонаселенія визельбургскаго комитата на основаніи статистическихъ данныхъ за 23 года **. Въ 1857 году имѣвшіяся въ литературѣ данныя по этому пункту были уже настолько многочисленны и солидны, что извѣстный авторъ научнаго «Руководства медицинской географіи и статистики» Буденъ, не сопоставляя относящихся сюда цифръ и считая фактъ общезвѣстнымъ, могъ заявить ***: «ездѣ, гдѣ до сихъ поръ было изучаемо еврейское племя, найдено, что въ отношеніи рожденій, смертности и пропорціональности половъ оно подчинилось инымъ статистическимъ законамъ, чѣмъ тѣ племена, среди которыхъ оно живетъ». Однако, для нѣкоторыхъ странъ соответствующія статистическія цифры были обстоятельно разобраны только впоследствии. Въ 1860 г. своеобразное распрежденіе половъ было отмѣчено во Франціи парижскимъ статистическимъ бюро, въ его отчетѣ о движеніи населенія ****. Въ 1866 г. появилась первая работа извѣстнаго венгерскаго статистика Тормая, замѣтившаго этотъ же фактъ у будапештскихъ евреевъ † и подтвердившаго его затѣмъ новыми данными въ своихъ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ. Въ Австріи соответствующія указанія были сдѣланы въ 1872 году Глаттеромъ **†, на основаніи статистическихъ цифръ за пятилѣтіе 1865—1869 г., и вскорѣ затѣмъ Шиммеромъ ***†, на основаніи данныхъ за десятилѣтіе 1860—1870 гг. Вышедшій въ 1874 г. высоко-авторитетный трудъ проф. Эстерлена †† — «Руководство медицинской статистики» тоже

* Bevölkerungsstatistik, 1849.

** *Glatter*. Ueber die Lebensschancen der Israeliten gegenüber den christlichen Confessionen. Veltzar, 1856.

*** *Budenz*. «Руководство медиц. геогр. и статистики», перев. Гейнца. Спб. 1864 г., т. I, стр. XII.

**** Привед. въ „Rev. Scientifique“, 1881, p. 623.

† *Tormay*. Lebens- und Sterblichkeits-Verhältnisse. Pest, 1866.

**† *Glatter*. Die Volksbewegung Wiens. Wien, 1872.

***† *Schimmer*. Statistik des Judenthums. Wien, 1873.

†† *Oesterlen*. Handbuch der medicinischen Statistik. Tübingen, 1874.

цитировалъ этотъ фактъ и подтвердилъ его новыми данными прусской статистики. Въ томъ же году ненормально-сильный перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими у евреевъ былъ замѣченъ въ Баваріи и констатированъ въ изданномъ въ томъ году отчетѣ статистическаго комитета *. Въ 1881 году въ парижскомъ журналѣ «Revue Scientifique» появилась статья о нѣкоторыхъ физическихъ особенностяхъ евреевъ, въ которой, между прочимъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими у евреевъ значительно выше, чѣмъ у другихъ народовъ **. Въ это же время въ журналѣ «Oesterr. Statistische Monatschrift» начали появляться статистическія работы проф. Нагеля, между прочимъ подтверждавшія этотъ фактъ для Венгріи на основаніи большого числа данныхъ. Въ 1884 году проф. Нагель помѣстилъ въ «Stat. Monatschrift» ***, а вслѣдъ затѣмъ въ «Neuzeit» **** специальную статью о распредѣленіи половъ въ Венгріи, доказавшую этотъ фактъ неопровержимыми статистическими цифрами.

Всѣ эти цитированные нами авторы согласны между собою въ томъ, что отношеніе между числами рождающихся мальчиковъ и дѣвочекъ у евреевъ сравнительно очень велико, но приводимыя ими цифры далеко не одинаковы. На 100 дѣвочекъ рождается у христіанъ, по всѣмъ приведеннымъ даннымъ, 104—106 мальчиковъ, у евреевъ же отъ 109 (въ Баваріи) до 128 (въ Австріи, по Шиммеру).

Для Россіи, сколько намъ извѣстно, въ общей и медицинскои литературѣ не существуетъ ни одного указанія на своеобразное распредѣленіе половъ у евреевъ, основаннаго на сколько нибудь значительномъ числѣ статистическихъ данныхъ; по крайней мѣрѣ наши поиски въ этомъ направленіи были безуспѣшны, если не считать немногихъ газетныхъ корреспонденцій изъ отдѣльныхъ городовъ, въ которыхъ по статистическимъ даннымъ за короткіе проме-

* „Revue Scientifique“, p. 621.

** Ibidem, p. 627.

*** Die Sexualität in Ungarn, въ „Statistische Monatschrift“, Jahrg. VIII, Heft X.

**** Neuzeit, 1884, № 18.

жутки времени можно было заключить о большомъ перевѣсѣ у евреевъ мужскихъ рожденій надъ женскими. Мы, поэтому, вынуждены обратиться къ непосредственному источнику, могущему дать намъ интересующія насъ свѣдѣнія—къ издаваемому центральнымъ статистическимъ комитетомъ ежегоднымъ отчетамъ о движеніи населенія въ Россійской имперіи. Подобные регулярные отчеты *, какъ извѣстно, начали выходить въ Россіи весьма недавно,—всего вышло до сихъ поръ 13 выпусковъ, содержащихъ свѣдѣнія за 13 лѣтъ, съ 1867 по 1879 г. включительно. Данныя, собранныя за четырехлѣтіе 1867—1870 гг., нѣсколько разработаны самимъ комитетомъ и въ видѣ «выводовъ» изложены при отчетѣ за 1870 г. Въ этихъ «выводахъ» мы находимъ, между прочимъ, и слѣдующій **: евреи даютъ сравнительно большой перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими, такъ какъ по среднему выводу за четырехлѣтнія данныя, на 100 дѣвочекъ родилось мальчиковъ:

У евреевъ	128,9
› магометанъ	105,3
› протестантовъ	105,2
› католиковъ	104,8
› православныхъ	104,3

Затѣмъ, за девятилѣтній періодъ, съ 1871 по 1879 г., въ «Статистическомъ временникѣ» содержится только сырой матеріалъ, въ видѣ необработанныхъ цифръ, показывающихъ количество родившихся въ каждомъ году мужчинъ и женщинъ по вѣроисповѣданіямъ. Сложивъ показанныя для каждаго вѣроисповѣданія цифры родившихся за всѣ девять лѣтъ, мы получили слѣдующую таблицу:

	Р о д и л о с ь .		На 100 дѣвоч. приходится мальч.
	Мальчиковъ .	Дѣвочекъ .	
Православныхъ	12.638,852	12.107,300	104,4
Раскольниковъ	147,389	141,958	103,8
Католиковъ	577,750	551,786	104,7
Протестантовъ	407,552	388,873	104,8
Евреевъ	354,603	254,256	139,4
Идолопоклонниковъ	25,622	24,639	103,9

* «Статистическій временникъ Россійской имперіи», издаваемый Центральнымъ статистич. комитетомъ при мин. вн. дѣлъ.

** «Статист. временникъ», серія II, вып. 17, стр. V.

Послѣдняя графа справа показываетъ процентныя отношенія между числами родившихся мальчиковъ и дѣвочекъ, и изъ нея видно, что на 100 дѣвочекъ у евреевъ родилось 139 мальчиковъ въ то время, какъ у прочихъ національностей родилось только 103—105 дѣтей мужского пола.

Весьма вѣроятно, что содержащаяся въ статистическихъ отчетахъ свѣдѣнiя о числѣ родившихся женскаго пола у евреевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ниже дѣйствительности. Это мыслимо въ виду слѣдующаго обстоятельства. О родившемся еврейскомъ мальчикѣ свѣдѣнiе вносится раввиномъ въ метрическую книгу при выдачѣ имъ разрѣшенiя совершить обрядъ обрѣзанiя, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ еврей. Далѣе, мужчинѣ, не записанному своевременно въ метрическихъ и сословныхъ книгахъ, впоследствии предстоитъ много весьма тягостныхъ хлопотъ при отбыванiи воинской повинности, при полученiи документовъ на право торговли, жительства, женитьбы и т. д. Поэтому естественно, что о рожденiи мальчика родители-евреи заинтересованы всегда заявлять во-время кому слѣдуетъ. Еврейская же женщина поставлена въ совершенно другiя условiя; она можетъ иногда прожить весь свой вѣкъ—не имѣя, по крайней мѣрѣ, до замужества, никакихъ официальныхъ документовъ. Возможно поэтому, что о рожденiи дѣвочки еврей иногда не дѣлаютъ формальныхъ заявленiй, особенно въ захолустьяхъ, гдѣ поѣздка въ ближайшiй городъ къ раввину сопряжена съ большими затрудненiями. Понятно, что это обстоятельство можетъ нѣсколько отразиться на общей цифрѣ родившихся дѣвочекъ и увеличить относительное количество родившихся еврейскихъ мальчиковъ. Но этимъ во всякомъ случаѣ нельзя объяснить всего громаднаго перевѣса мужскихъ рожденiй надъ женскими. Прежде всего—факты незаявленiя о рожденiи дочери имѣютъ всегда случайный характеръ, они весьма немногочисленны, и влiянiе ихъ на общую цифру рожденiй не можетъ быть велико и должно почти совершенно теряться въ большой массѣ статистическихъ данныхъ. Затѣмъ, большой перевѣсъ мужскихъ рожденiй у евреевъ наблюдается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ собиранiе метрическихъ свѣдѣнiй организовано безукоризненно, находится подъ строгимъ контролемъ полицiи и городского управленiя и совершенно не зависитъ отъ произвола. Подобная организациа существуетъ въ

Пруссіи, во Франціи и въ Бельгіи, гдѣ, какъ мы видѣли, цифра родившихся еврейскихъ мальчиковъ оказывается однако сравнительно очень высокой. Изъ русскихъ городовъ мы находимъ подобную организацію въ Петербургѣ, гдѣ домовыя книги ведутся чрезвычайно аккуратно, гдѣ о всякомъ случаѣ рожденія или смерти дворника, находящіеся подъ бдительнымъ надзоромъ приставовъ и участковыхъ надзирателей, обязательно заявляютъ полиціи не позже 24-хъ часовъ послѣ происшествія, и гдѣ мы тѣмъ не менѣе находимъ, что число рождающихся еврейскихъ мальчиковъ сравнительно очень велико. Изъ метрическихъ выписокъ, любезно сообщенныхъ намъ почтеннымъ раввиномъ столичной еврейской общины д-ромъ философіи А. Н. Драбкинымъ, видно, что въ Петербургѣ въ 1881 году родилось 356 еврейскихъ мальчиковъ и 280 дѣвочекъ (127 мальч. на 100 дѣв.), въ 1882 г.—364 м. и 266 дѣв. (137 на 100), въ 1883 г.—362 м. и 298 дѣв. (122 на 100) и т. д., среднимъ счетомъ по 126 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, мы считаемъ возможнымъ, соблюдая всю осторожность, требуемую научной статистикой, признать, однако, установленнымъ тотъ фактъ, что у евреевъ *перестъ мужскихъ рожденій надъ женскими значительно больше, чѣмъ у христіанъ.*

Какъ было уже упомянуто нами, нѣкоторые авторы, и особенно Буденъ, думали объяснить этотъ замѣчательный фактъ единственно антропологической особенностью еврейской расы. Но легко видѣть, что такое объясненіе собственно нисколько не разъясняетъ сущности вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ даже, что въ антропологическихъ свойствахъ еврейской расы дѣйствительно имѣются нѣкоторыя совершенно своеобразныя черты, неприсущія никакимъ другимъ расамъ. Но въ такомъ случаѣ все-таки остается вопросъ: почему же эти черты развились именно у евреевъ? Въдѣ извѣстно, — и этотъ фактъ считается со временъ Дарвина неизблжно установленнымъ въ наукѣ, — что различные роды, виды и разновидности какъ между людьми, такъ и вообще въ животномъ царствѣ, не представляютъ собою постоянныхъ и неизмѣнныхъ органическихъ формъ; наоборотъ, они постоянно измѣняются подъ вліяніемъ окружающей

обстановки и образа жизни, при этомъ теряютъ нѣкоторые присущія имъ свойства и черты, приобретаютъ вмѣсто нихъ совершенно новыя, постепенно развивающіяся и усиливающіяся; въ длинномъ ряду поколѣній каждый видъ можетъ, благодаря наслѣдственности и окружающей средѣ, видоизмѣниться настолько, что теряетъ всякое даже отдаленное сходство со своимъ первымъ родоначальникомъ и прототипомъ. Значитъ, если еврейская национальность обладаетъ теперь какими нибудь специфическими свойствами, то эти свойства очевидно развились въ ней подъ вліяніемъ извѣстныхъ бытовыхъ условій, существовавшихъ въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ, и всякій другой народъ, находясь при тѣхъ же условіяхъ, *caeteris paribus*, приобреталъ бы тѣ же антропологическія свойства. Слѣдовательно, мы теоріей о расовой исключительности евреевъ удовлетвориться ни въ какомъ случаѣ не можемъ и въ концѣ концовъ все-таки должны будемъ остановиться предъ вопросомъ: *«какіе бытовые моменты обуславливаютъ у евреевъ своеобразное распределеіе половъ при рожденіи?»*

Читатель можетъ предвидѣть, что отвѣтъ на этотъ нѣгмъ еще не затронутый вопросъ чрезвычайно труденъ, ибо прежде чѣмъ искать въ еврейскомъ быту тѣхъ условій, которыя способствуютъ рожденію большаго числа мальчиковъ, мы должны знать вообще тѣ обстоятельства, которыя въ одномъ случаѣ вызываютъ рожденіе мальчика, а въ другомъ—рожденіе дѣвочки. Такимъ образомъ, мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ одной изъ любопытнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—сокровеннѣйшихъ тайнъ утробной жизни, въ которую тщетно старался проникнуть пытливый умъ человѣческій въ теченіи многихъ вѣковъ. Мы должны наложить всѣ теоріи и догадки, которыя были высказаны на этотъ счетъ нѣкоторыми остроумными учеными и мыслителями и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть, насколько по этимъ теоріямъ можно объяснить интересующее насъ явленіе изъ физической жизни евреевъ.

Ученіе о причинахъ образованія того или другого пола въ зародышѣ, какъ и всякій другой отдѣлъ человѣческой мысли, какъ наконецъ — наука и философія вообще, — въ своемъ постепенномъ развитіи пережило три различныхъ періода: богословскій, метафизическій и позитивный. Въ старину, когда человѣкъ не умѣлъ еще мыслить и всѣ представлявшіеся ему въ жизни докуч-

ливые вопросы разрѣшалъ однимъ тезисомъ: «такъ predeterminedено свыше», тогда и вопросъ о причинахъ образованія пола рѣшался по общему теологическому шаблону, устранявшему всякія сомнѣнія и недоразумѣнія. Метафизики уже старались приписывать для этого вопроса какой нибудь отвѣтъ рационалистическаго свойства, но придуманныя ими объясненія отличались полнымъ произволомъ и не имѣли подъ собою никакой фактической почвы. Къ этой категоріи нужно отнести, напримѣръ, гипотезу отцовъ медицинской науки Гиппократъ и Галена, которые учили, что мужскіе зародыши развиваются въ правомъ яичникѣ, «потому что въ немъ преобладаетъ тепло», а женскіе формируются въ лѣвомъ, «холодномъ» яичникѣ. Къ той же категоріи произвольныхъ толкованій можно причислить и объясненіе талмудистовъ, что полъ ребенка зависитъ отъ того, кто изъ обоихъ родителей крѣпче и страстнѣе, причемъ предполагалось, что если здоровѣе отецъ, то рождается мальчикъ, а если здоровѣе мать—то образуется плодъ женскаго пола *). Эти метафизическія воззрѣнія, конечно, оказались совершенно несостоятельными при первой же попыткѣ провѣрить ихъ на дѣлѣ. Животныя, у которыхъ нарочно вылучали правый яичникъ (Bischoff), однако рожали затѣмъ дѣтенышей-самцовъ; очень слабыя и даже больныя и безучастныя къ жизни женщины силою да рядомъ производятъ на свѣтъ Вожій дѣтей женскаго пола. Точно такимъ же образомъ были опровергнуты всѣ прочія метафизическія гипотезы, которыя въ большемъ количествѣ были предложены для объясненія интересующаго насъ вопроса,—и мы можемъ поэтому совершенно обойти ихъ молчаніемъ. Въ позитивный періодъ изслѣдованіе этого вопроса вступило только въ нѣвѣшнемъ столѣтіи, и, обращаясь къ соотвѣтствующей научной литературѣ, мы находимъ тамъ четыре теоріи, предложенныя для объясненія развитія различнаго пола въ зародышѣ, которыя сводятся къ двумъ категоріямъ.

Одна серія теорій имѣетъ своимъ основаніемъ статистическія данныя о рожденіяхъ дѣтей обоого пола. Ученые, создавшіе эти теоріи, изучали имѣющіяся въ вѣдомостяхъ о рожденіяхъ различ-

*) Талмудъ, трактатъ „Nida“, fol 81 a.

ныя свѣдѣнія о родителяхъ, преимущественно—объ ихъ возрастѣ, и на этомъ базисѣ строили свои выводы. Такимъ образомъ возникли двѣ теоріи—Гофакеръ-Садлерская и норвежская.

Гофакеръ-Садлерская теорія *, основанная на незначительномъ числѣ статистическихъ данныхъ предполагаетъ, что на развитие того или другого пола вліяетъ *взаимное отношеніе между возрастaми обоихъ родителей*; именно: если мужъ значительно старше жены, то рождается больше мальчиковъ; если, наоборотъ, жена старше мужа, то рождается больше дѣвочекъ; при равенствѣ же лѣтъ обоихъ супруговъ рождается приблизительно одинаковое число дѣтей обоего пола. Такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ мужъ бываетъ нѣсколько старше своей жены, то отсюда, какъ общее явленіе, на 100 дѣвочекъ рождается обыкновенно 106—107 мальчиковъ.

Теорія эта, которая на первыхъ порахъ было нашла себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ статистикѣ французской рождаемости, встрѣтила, однако, вскорѣ очень вѣскія возраженія. Между прочимъ Бреслау **, основываясь на солидномъ количествѣ тщательно изученныхъ швейцарскихъ отчетовъ, показалъ, что въ цюрихскомъ кантонѣ пропорціональность половъ при рожденіи нисколько не соотвѣтствуетъ теоріи о вліяніи перевѣса возраста отца надъ возрастомъ матери. Подобныя же опроверженія появились затѣмъ въ немаломъ количествѣ со стороны разныхъ другихъ авторитетныхъ изслѣдователей (Noirot, Platter), и Гофакеръ-Садлерская гипотеза потеряла почти всякое значеніе ***. Она должна была уступить занятое было ею мѣсто въ наукѣ другой, болѣе солидной теоріи, такъ называемой *норвежской*. Послѣдняя, тоже основанная на статистическихъ данныхъ, но уже гораздо болѣе многочисленныхъ и тщательнѣе изученныхъ, предполагаетъ, что возрастъ отца никакого вліянія на полъ потомства не имѣетъ, и что главный моментъ, имѣющій значеніе въ данномъ случаѣ, это *возрастъ матери*: матери молодя рожаютъ большей частью мальчиковъ, а пожилыя—

* Hofacker. Ueber die Eigenschaften, welche sich von den Eltern auf die Nachkommen vererben. Tübingen, 1828. Sadler. Law of populat. London, 1830.

** Magas. für Geburtsk., т. XXI, прибавл., стр. 67 и XXII, стр. 148.

*** См. Янсонъ, «Сравнит. статистика Россіи и европ. госуд.», т. I, Слб., 1878, стр. 174.

преимущественно дѣвочекъ. Эта теорія подтвердилась при изученіи рождаемости различныхъ странъ и въ настоящее время имѣеть въ наукѣ полное право гражданства *.

Разсматривая съ точки зрѣнія норвежской теоріи возрастъ еврейскихъ женщинъ, вступающихъ въ бракъ, мы находимъ, что тутъ дѣйствительно имѣется то условіе, которое необходимо для преобладанія въ потомствѣ дѣтей мужского пола, т. е., мы убѣждаемся, что еврейки выходятъ замужъ въ гораздо болѣе молодомъ возрастѣ, чѣмъ дѣвушки другихъ національностей. Напр., въ Россіи, въ четырехлѣтіе 1867—1870 гг., на 1,000 невѣстъ приходилось дѣвицъ 16—19 лѣтняго возраста:

У евреевъ	598
› православныхъ	595
› магометанъ	476
› католиковъ	377
› протестантовъ	278

Таблицу эту мы находимъ въ отчетѣ центрального статистическаго комитета **.

За трехлѣтіе 1871—1873 гг. мы въ отчетахъ этого комитета нашли только сырой статистическій матеріалъ, изъ котораго, по сопоставленіи соответствующихъ данныхъ и производствъ нужныхъ выкладокъ, составили слѣдующую таблицу. На 1,000 невѣстъ приходится 16-19 лѣтнихъ дѣвицъ ***:

У евреевъ	609
› православныхъ	584
› магометанъ	498
› католиковъ	384
› протестантовъ	265

Подобныя же данныя мы находимъ и для періода 1874 —

* См., напр., *Янсонъ*, I. с. и *Oesterlen*, Handb. der medicin. Statistik, Tübingen, 1874, а также проф. *Скоорцовъ*, Курсъ практической гигіены, т. I, Варшава, 1884, стр. 89.

** Статист. врем., сер. II, вып. XIV, стр. XXVII.

*** Составл. по даннымъ за соответствующіе годы (Статист. врем.).

1880 гг., хотя въ послѣдніе годы число очень молодыхъ невѣстъ стало нѣсколько уменьшаться.

Въ западно-европейскихъ странахъ еврейки тоже вступаютъ въ бракъ сравнительно очень рано. Въ Пруссіи фактъ этотъ былъ указанъ еще въ сороковыхъ годахъ Гофманомъ * и съ тѣхъ поръ ежегодно подтверждается официальными статистическими отчетами. Для Австріи мы находимъ весьма краснорѣчивое подтвержденіе того же факта въ извѣстномъ трудѣ Шиммера **, который, на основаніи статистическихъ данныхъ за десять лѣтъ (1861—1870), составилъ слѣдующую таблицу:

	У христіанъ.	У евреевъ.
Общее число браковъ .	168,511	2,280
Число невѣстъ 16—19 л.	25,545	535
» » 20—24 »	43,754	779

Т. е. на 1,000 невѣстъ приходится 16-19 лѣтнихъ дѣвицъ у евреевъ 235, у христіанъ — 151, и 20-24 лѣтнихъ дѣвицъ у евреевъ—343, у христіанъ —260.

Какъ всѣ эти и подобныя имъ многочисленныя (опускаемая нами за излишествомъ) статистическія данныя ни убѣдительно сами по себѣ, ихъ, однако, нельзя еще признать удовлетворительными съ строго научной точки зрѣнія, въ виду слѣдующаго обстоятельства: сравнительно большее число юныхъ невѣстъ еще не доказываетъ, что еврейская мать вообще моложе матери-христіанки, ибо возможно, что число очень старыхъ женщинъ, вступающихъ въ бракъ, у евреевъ тоже больше, чѣмъ у христіанъ, и тогда средній возрастъ невѣстъ можетъ оказаться у евреевъ не меньше, а, наоборотъ, даже больше, чѣмъ у христіанъ. Такимъ образомъ является необходимость опредѣлить средній возрастъ невѣсты у различныхъ народовъ. Такихъ данныхъ мы нигдѣ не нашли и потому должны были составить ихъ по сырому матеріалу, имѣющемуся въ нашихъ официальныхъ статистическихъ отчетахъ, пользуясь обычнымъ статистическимъ способомъ (нахожденія средней арифметической величины). Вслѣдствіе сложности вы-

* *Hoffmann*. Nachlass kleiner Schriften, I. c.

** *Schimmer*, Statistik des Judenthums, I. c.

кладовъ, мы ограничились вычисленіемъ данныхъ за одинъ годъ, взятый совершенно случайно (за 1872). Полученные нами результаты выражаются въ слѣдующей таблицѣ. Возрастъ женщины, при выходѣ замужъ, равняется, среднимъ счетомъ,

у православныхъ	24 год.	11 мѣс.
» протестантовъ	24 »	9 ¹ / ₂ »
» католиковъ	23 »	7 »
» магометанъ	23 »	3 ¹ / ₂ »
» евреевъ	21 »	7 ¹ / ₂ »

Эта таблица подтверждаетъ наше предположеніе о непригодности данныхъ о числѣ юныхъ невѣстъ для сужденія о возрастѣ вступающихъ въ замужество женщинъ вообще (напр., у православныхъ, дающихъ большой процентъ 16 - 19 лѣтнихъ невѣстъ, средний возрастъ невѣстъ оказывается однако очень значительнымъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что еврейки выходятъ замужъ обыкновенно гораздо раньше христіанокъ и магометанокъ.

Очевидно въ виду этого, что съ точки зрѣнія норвежской теоріи развитія пола, еврейки должны рожать наибольшее число дѣтей мужскаго пола; слѣдовательно, сильное преобладаніе мужскихъ рожденій надъ женскими, возбуждающее столько недоумѣній, находитъ себѣ въ данномъ случаѣ вполне простое и естественное объясненіе.

Кромѣ теорій, составленныхъ на *статистической* подкладкѣ, для уясненія развитія пола существуютъ еще другія гипотезы, построенныя на почвѣ *біологической*, т. е., на непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ жизнью животныхъ и растений. Базисомъ для различнаго рода сужденій послужилъ тутъ тотъ давно замѣченный фактъ, что нѣкоторыя растения, напр., дыни и огурцы, подъ влияніемъ свѣта, тепла и сухости даютъ такъ называемыя мужскіе цвѣты, а подъ влияніемъ тѣни, холода и влаги—только женскіе. Путемъ изученія этого факта, замѣченнаго также на нѣкоторыхъ представителяхъ животнаго царства, ученые стремились прийти къ какому нибудь выводу. Выводы дѣйствительно получились весьма серьезныя, но, какъ всегда бываетъ въ запутанныхъ

научныхъ вопросахъ, первыя рѣшенія были неудачны, и только дальнѣйшія попытки увѣнчались успѣхомъ.

Первый работавшій въ этомъ направленіи, д-ръ Плоссъ, не входя въ детальное изученіе вышеупомянутыхъ біологическихъ фактовъ, думалъ, что дѣйствіе свѣта и тепла отражается непосредственно на формирующемся плодѣ, и потому онъ, обобщивъ немного эти факты, составилъ *гипотезу вліянія экономическихъ условий* *. По этой гипотезѣ, развитіе того или другого пола въ зародышѣ зависитъ отъ матеріальной обстановки, въ которой находятся родители, и особенно мать: матери зажиточныя, живущія привольно, въ теплыхъ, свѣтлыхъ и сухихъ квартирахъ, пользующіяся хорошей пищей, развлечениями и прочими земными благами, производятъ преимущественно дѣтей мужского пола; матери же изъ бѣднаго класса рожаютъ преимущественно дѣвочекъ. Если бы враги еврейской національности, любящіе подчасъ побивать свою жертву quasi-научными данными, знали о существованіи этой гипотезы, то они навѣрное не преминули бы воспользоваться ею для своихъ цѣлей и выставили бы на видъ, что большое число мужскихъ роженій у евреевъ доказываетъ ихъ зажиточность, добытую эксплуатаціей, и т. п.

Но гипотеза Плосса оказалась совершенно несостоятельной уже вскорѣ послѣ ея появленія. Знаменитый статистикъ Ваппеусъ ** разбилъ ее, не входя въ разборъ ея теоретическихъ соображеній, на основаніи статистическихъ данныхъ, обнимающихъ ни больше, ни меньше, какъ $58\frac{1}{4}$ милліона родовъ. По этимъ даннымъ обнаружилось, на примѣръ, что въ нѣкоторые годы, слѣдующіе за войнами или сильными неурожаями, когда экономическое положеніе населенія бываетъ наихудшее, какъ разъ случается довольно часто, что число рождающихся мальчиковъ значительно превышаетъ число дѣвочекъ. Почти одновременно съ Ваппеусомъ противъ гипотезы Плосса выступилъ Бреслау ***, который распаталъ тѣ теоретическія основы, на которыхъ эта гипотеза зиждилась, а именно—доказалъ, что на плодъ, находящійся въ утробѣ матери

* Журн. Monatschrift für Geburtskunde, т. XII, стр. 312.

** Wappaeus. Allgem. Bevölkerungsstatistik, т. II, 1861, стр. 150.

*** Oesterlen's Zeitschrift für Hygiene, 1860, т. I, стр. 314.

въ своеобразной атмосферѣ, внѣшняя обстановка матери не оказываетъ почти никакого вліянія. Въ настоящее время за гипотезой Плосса въ наукѣ не признають никакого значенія, и она одинаково отвергнута какъ специалистами-акушерами *, такъ и жорифелми статистики **. Опуская затѣмъ цѣлый рядъ крупныхъ работъ Зибольда, Брема, Келливера, Пагенштехера и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ зоологовъ и врачей, которые, не создавая собственныхъ теорій происхожденія пола, обогатили науку многими чрезвычайно важными наблюденіями надъ условіями рожденія самцовъ и самокъ въ животномъ царствѣ и тѣмъ подготовили почву для дальнѣйшаго изслѣдованія и правильнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса, мы остановимся на замѣчательной работѣ профессора Тури, который, воспользовавшись накопившимся цѣннымъ научнымъ матеріаломъ, предложилъ новое объясненіе развитія пола,—*теорію вліянія менструаціи*, пріобрѣтшую въ короткое время и сохранившую до сихъ поръ право гражданства въ наукѣ ***. Въ основѣ этой теоріи лежитъ слѣдующій, замѣченный этими учеными фактъ: если оплодотвореніе самки происходитъ вскорѣ послѣ начала течки, то рождаются обыкновенно самки, если же оно совершается въ концѣ, или по окончаніи течки, то рождаются преимущественно самцы. Примѣняя это къ человѣку, Тури предполагаетъ, что здѣсь въ образованіи пола главная роль тоже принадлежитъ мѣсячнымъ кровлям,—слѣдовательно, если женщина оплодотворена скоро послѣ начала менструаціи, то потомокъ будетъ, вѣроятно, женскаго пола, а если оплодотвореніе произошло въ концѣ регуль, или спустя нѣсколько дней по окончаніи ихъ, то родится по всей вѣроятности мальчикъ. Привлекательность этой теоріи для врача и естествоиспытателя заключается въ томъ, что тутъ вполне возможна проверка ея на опытѣ,

* См., напр., *Шрадера*, „Акушерство“, перев. проф. Горвица, 1876 г., стр. 23.

** См., напр., *Янсонъ*, „Сравнит. статист. Россіи и европ. госуд.“, 1878 г., т. I, стр. 175.

*** *Thury*. Ueber das Gesetz der Erzeugung des Geschlechts bei den Thieren und Menschen. Leipzig, 1864. Книга эта составляетъ библиографическую рѣчь. Одна изъ немногихъ экземпляровъ ея находится въ библиотекѣ военно-медицинской академіи, въ С.-Петербургѣ.

именно—стоитъ только скрещивать разныхъ домашнихъ животныхъ, однихъ до течки, другихъ—по окончаніи ея; и смотрѣть затѣмъ, какого пола родится потомокъ. Тури такъ и дѣлалъ, и результаты его опытовъ дали его теоріи весьма солидную точку опоры.

По отношенію къ евреямъ намъ здѣсь очень важно припомнить одно чрезвычайно разумное правило Моисеева законодательства,—правило, по которому евреикамъ строго воспрещается соитіе не только въ началѣ или во время менструаціи, но даже въ извѣстный промежутокъ времени (въ теченіе 8 дней) по полномъ ея окончаніи. Такъ какъ правило это еврейскимъ населеніемъ,—по крайней мѣрѣ такъ называемой массой, благочестиво охраняющей всѣ библейскія предписанія,—соблюдается довольно строго, то отсюда естественно, что, по теоріи Тури, еврейки должны производить сравнительно много мальчиковъ.

Продолжая отыскивать дальнѣйшія причины, которыми можно бы было объяснить громадное преобладаніе у евреевъ мужскихъ рожденій надъ женскими, мы должны указать на одинъ очень важный моментъ, который имѣетъ весьма большое значеніе въ данномъ случаѣ, и на который, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ совершенно не было обращено вниманія при обсужденіи занимающаго насъ вопроса. Мы говоримъ о заботливомъ уходѣ за матерью во время беременности и о его послѣдствіи—сравнительно ничтожномъ числѣ мертворожденныхъ и недоношенныхъ плодовъ у евреевъ. Извѣстно, что мужской плодъ, находясь въ утробѣ матери, требуетъ гораздо болѣе соковъ и вообще благоприятныхъ условій для полного своего развитія, чѣмъ женскій; это объясняется какъ болѣе крупными размѣрами мужского организма, такъ и болѣе интенсивнымъ питаніемъ и кровообращеніемъ его. Отсюда вытекаетъ то слѣдствіе, что мужскіе плоды чаще, чѣмъ женскіе, выходятъ недоношенными и мертворожденными; приблизительно принимается, что на сто выкидышей женскихъ плодовъ приходится 116—117 мужскихъ. Между тѣмъ, у евреевъ вообще бываетъ сравнительно мало выкидышей. Неоднократно цитированный

нами Гофманъ даетъ слѣдующую весьма любопытную таблицу *. Въ теченіе 1822—1840 гг. въ Пруссіи было во всемъ населеніи 12.478,271 рожденій, изъ нихъ мертворожд. — 416,000; въ еврейскомъ населеніи было рожденій — 107,690, въ томъ числѣ мертворожд. — 2,724. Это значить, что въ то время какъ во всемъ Прусскомъ королевствѣ одинъ мертворожденный приходится на 30 рожденій, у евреевъ одинъ выкидышъ приходится только на 36 (35,9) рожденій. Подобное же сообщаютъ и другіе изслѣдователи. По вычисленіямъ извѣстнаго спеціалиста по медицинской статистикѣ, профессора Эстерлейна **, количество мертворожденныхъ составляетъ у христіанъ 3,9% всѣхъ рожденій, а у евреевъ не болѣе 2—2¹/₂%. Приблизительно къ такимъ же выводамъ пришелъ и проф. Пфейферъ ***, вычисляя количество мертворожденныхъ въ Германіи.

Вообще, фактъ незначительнаго числа выкидышей у евреевъ признается очень многими авторами *† и можетъ считаться вполне установленнымъ въ медицинской статистикѣ. Понятно, что тѣ плоды, которые рождаются у евреевъ сверхъ обычной у христіановъ нормы, приходятся на долю зародышей мужского пола, требующихъ болѣе заботливаго ухода въ періодъ утробнаго развитія. Очевидно также, что въ виду этого, число рождающихся живыхъ мальчиковъ должно у евреевъ быть относительно больше, чѣмъ у христіановъ.

Наконецъ, послѣднимъ обстоятельствомъ, играющимъ замѣтную роль въ распредѣленіи половъ у новорожденныхъ евреевъ, является сравнительно сильное развитіе семейственности и его ближайшее послѣдствіе—*ничтожное число незаконнорожденныхъ* у евреевъ. Давно уже замѣченъ былъ тотъ фактъ, что между дѣть-

* Hoffmann. Sammlung klein. Schriften, 1843.

** Oesterlen. Handbuch der medicinischen Statistik, Tübingen, 1874, p. 103.

*** Сборникъ Gerhardt'a: Handbuch der Kinderkrankheiten. Tübingen, 1877, T. I, p. 552.

*† Напр., Boudin, Bernoulli, l. c., авторомъ цитированной нами выше статьи изъ „Revue Scientifique“, 1881, T. I, pp. 619 и мн. др. обстоятельный разборъ причинъ, вызывающихъ уменьшеніе числа выкидышей у евреевъ, см. нашъ очеркъ „О физич. сост. евреевъ“. Спб., 1886 г., стр. 2—5.

ми, рождающимися внѣ брака, женскій полъ значительно преобладаетъ надъ мужскимъ, такъ что на 100 мальчиковъ рождается 115—116 дѣвочекъ. Такимъ образомъ, незаконныя рожденія своей массой измѣняютъ общую цифру отношенія между дѣтьми обоого пола въ пользу женскаго и уменьшаютъ сравнительный коэффициентъ мужскихъ роженій. Между тѣмъ, число незаконныхъ роженій у евреевъ чрезвычайно невелико. По статистикѣ проф. Ю. Э. Янсона *, на 1,000 законныхъ роженій приходится незаконныхъ: у протестантовъ—32, у католиковъ—31, у православныхъ—29, а у евреевъ только два. Официальный отчетъ центрального статистическаго комитета прямо отмѣчаетъ, что по малочисленности внѣбрачныхъ роженій евреи рѣзко отличаются отъ христіанъ, и говоритъ объ этомъ слѣдующее. «Вообще въ Россіи изъ 1,000 родившихся 30 принадлежатъ къ незаконнорожденнымъ, и это отношеніе почти не измѣняется для православныхъ, католиковъ и протестантовъ; только у евреевъ (и магометанъ) процентъ незаконнорожденныхъ несравненно меньше, именно—2,2» **. Подобное же явленіе мы наблюдаемъ и за границей. Въ Пруссіи, говоритъ проф. Скворцовъ ***, наблюдается 9,3% незаконныхъ роженій у протестантовъ, у католиковъ — 6,1%, а у евреевъ только 2,8%. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ **† въ періодъ 1864—70 гг. родилось:

	Законнорожд.	Незаконнор.	% незаконнор.
Католиковъ . . .	239,009	35,869	14,23
Евангелистовъ. .	135,126	17,989	12,31
Евреевъ	6,081	111	1,83

Въ Баваріи въ 1876 году на 100 роженій приходилось внѣбрачныхъ: у католиковъ—13, у протестантовъ—12, у евреевъ—1. Такой же крайне ничтожный процентъ незаконныхъ роженій мы находимъ у евреевъ въ Австріи, Франціи, Англіи, словомъ — повсюду. Естественно, что уменьшеніе количества незаконнорож-

* Янсонъ, I. с., т. I, стр. 190.

** Обзоръ движ. насел. въ Европ. Россіи за 1867—1870 г. (Статистич. временникъ центр. стат. ком., серія II, вып. 17, стр. IV).

*** Проф. Скворцовъ, Курсъ практич. гигиены, т. I, Варшава, 1884, стр. 91.

**† Журн. „Revue Scientifique“, 1881 г., т. I, р. 621—622.

денныхъ соотвѣтственно уменьшаетъ общее число рождающихся дѣвочекъ, а это имѣетъ свою замѣтную долю вліянія на увеличеніе относительнаго числа рождающихся еврейскихъ мальчиковъ.

Мы разобрали всѣ наиболее вѣроятныя теоріи и догадки, которыя существуютъ въ медицинѣ для объясненія происхожденія пола, и могли убѣдиться, что по каждой изъ нихъ *своеобразное распределеніе половъ у евреевъ находитъ себѣ прямую причину въ томъ или другомъ условіи еврейской жизни.* Такимъ образомъ, для рѣшенія этого вопроса нѣтъ никакой надобности ссылаться на «расовую индивидуальность» евреевъ, которая вообще представляется очень проблематичной.

Д-ръ С. Грузенбергъ.

* * *

Ни слова! Довольно!.. Я вѣрилъ, но вѣра
Погасла, какъ лучъ предзакатный ..
О, если-бъ съ презрѣнной душой лицежбра
Явился я въ мѣръ необъятный!
О, если-бъ я могъ средь толпы равнодушной
Жить подлѡю, низкою лестью,
И счастья, и славы искать, малодушно
Торгуя своею же честью!—
Быть можетъ, тогда я позналъ бы всю сладость,
Всѣ прелести жизни хваленой,
И дивную нѣгу, и свѣтлую радость
Я пилъ бы изъ чаши бездонной...
Но, нѣтъ! Лицежбритъ душой не могу я,
И рѣчь моя дышетъ не лестью,
И славы, и счастья ищу, не торгуя
Униженно собственной честью;
Не низну предъ сильнымъ своей головою,
И долу предъ нимъ не склоняюсь,
И рабски у ногъ властелина порою
Не ползаю, не пресмыкаюсь...

Не рабъ я презрѣнный! Не грязень и мелокъ
 Тотъ путь, что себѣ избираю;
 Не грязень, когда и въ отчаяньи сдѣлокъ
 Я съ совѣстью не заключаю;
 Не грязень, когда передъ всѣми открыто
 Прямой, хоть тернистой дорогой
 Впередъ пробиваюсь я съ мукой сокрытой
 И съ тайной, зловѣщей тревогой;
 Не грязень, когда, не страшась приговора
 Толпы, одержимой враждою,
 Ни волкъхъ насмѣшекъ, ни злого укора,
 Вступаю въ борьбу съ клеветою,
 Съ шипящею злобой, какъ море обильной,
 Какъ море могучей, какъ море всеильной,
 Все губящей, все предъ собою...
 Не грязень мой путь, освященный страданьемъ,
 Тотъ путь, гдѣ такъ много святого,
 Такъ много надеждъ и порывовъ съ рыданьемъ
 Уже схоронилъ я... Ни слова!
 Довольно! Ни слова... Иль сердце отъ боли
 Въ усталой груди разорвется!..
 Пусть труденъ мой путь, но душа жаждетъ воли,
 Но честь моя не продается...
 Я лстить не могу, не могу унижаться,—
 Я гордъ! Не душою раба,
 Чтобъ могъ за улыбку у ногъ пресмыкаться,
 Меня одарила судьба.

О, нѣтъ! Лучше жить, безконечно страдая,
Съ судьбой до безсилья бороться,
Пить чашу невзгодъ, чашу скорби, но зная—
Что „честь моя не продается“...

Б. Лесманъ.

ЮРИСТЫ О ШЕЙЛОКЪ.

Ни одинъ изъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ, за исключеніемъ развѣ грустнаго образа датскаго принца, не вызывалъ столько толковъ въ литературѣ, какъ образъ Шейлока. Изъ прекрасной статьи проф. Гретца, напечатанной въ свое время въ «Восходѣ», читатель знаетъ, что вопросъ объ основной идеѣ, выраженной великимъ англійскимъ драматургомъ въ «Венеціанскомъ Купцѣ», большинство критиковъ рѣшаетъ на почвѣ національно-религіозной; что въ то время какъ одни изъ нихъ, основываясь на этой пьесѣ, силятся во что бы то ни стало представить доказательства враждебнаго отношенія нашего поэта къ еврейству, другіе, напротивъ, видятъ въ ней если не аполіогію еврейства, то ужъ во всякомъ случаѣ протестъ противъ направленныхъ на него гоненій, — гоненій, которыя и дѣлаютъ возможнымъ появленіе въ этомъ народѣ такихъ типовъ, какъ Шейлокъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что попытки рѣшенія вопроса дѣлаются исключительно только въ этомъ національно-религіозномъ направленіи, что разногласіе критиковъ исчерпывается двумя только что приведенными противоположными мнѣніями. Далекое нѣтъ: «Венеціанскаго Купца» пытались освѣтить и не съ одной только этой стороны. На страницахъ «Восхода» не мѣсто, конечно, входить въ разсмотрѣніе всѣхъ разнообразныхъ мнѣній, которыя высказаны критиками объ основной мысли нашей пьесы и совершенно исключаютъ указанную точку зрѣнія. Оставляя послѣднія мнѣнія въ сторонѣ, мы остановимся лишь на тѣхъ попыткахъ истолкованія пьесы, которыя переносятъ рѣшеніе вопроса на почву *юридическую*, такъ

какъ такая постановка вопроса у писателей, изложеніемъ взглядовъ которыхъ мы сейчасъ займемся, не только не исключаетъ національно-религіозной стороны интересующей насъ пьесы, вопроса о племенномъ и религіозномъ антагонизмѣ, играющаго въ ней столь видную роль, но, напротивъ, близко соприкасается съ ними.

Нечего и говорить, что такая пьеса, какъ «Венеціанскій Купецъ», затрагивающая, особенно въ сценѣ суда, этой центральной сценѣ всей пьесы, чисто-юридическіе вопросы, не могла не подать повода къ объясненію ея именно на почвѣ юридической. И мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что даже критики, не принадлежащіе къ сонму юристовъ, обращаются за рѣшеніемъ занимающаго ихъ вопроса къ юриспруденціи. Таковы попытки Ретшера, Геблера, Ульрици, Кестлина, Зимрока и др., которыхъ, какъ совершенно неудачныхъ съ точки зрѣнія юриспруденціи, нѣтъ надобности здѣсь касаться*.

Но вотъ о Шейлокѣ заревожилъ записной юристъ,—юристъ, имя котораго принадлежитъ къ числу авторитетнѣйшихъ въ новѣйшей юридической литературѣ и пользуется громкою извѣстностью далеко за предѣлами тѣснаго круга спеціалистовъ. Мы разумѣемъ здѣсь геттингенскаго профессора Рудольфа *Герима*. Въ 1872 году талантливый авторъ извѣстнаго сочиненія «О духѣ римскаго права» (*Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*) издалъ надѣлавшую много шуму брошюру «*Der Kampf um's Recht*» (Борьба за право)**.

* Интересующихся отсылаемъ къ книгѣ проф. I. Kohler «*Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz*», 1 Lief. (Würzburg, 1883),—книгѣ, которую мы ниже специально займемся,—гдѣ изложены мнѣнія этихъ критиковъ (см. стр. 3—4, примѣч. и стр. 94, примѣч.). Колеръ находитъ даже, что «не-юристъ не можетъ достигнуть вѣрнаго пониманія юридическихъ элементовъ пьесы» (стр. 3).

** Чтобы читатель могъ судить о рѣдкомъ успѣхѣ, вышедшемъ на долю этой брошюры, достаточно сказать, что въ 1884 году она вышла уже седьмымъ изданіемъ, и что она переведена на всѣ европейскіе языки (въ предисловіи къ 7 изданію авторъ называетъ 19 переводовъ), въ томъ числѣ два раза на русскій (оба перевода появились въ 1874 году, первый въ «Юрид. Вѣстникѣ», второй, г. Волкова, въ изданіи Солдатенкова). Брошюра породила уже цѣлую литературу. Для читателей «Восхода» небезынтересно будетъ узнать, что Геримъ упоминаетъ о сочиненіи, составляющемъ разработку затронутой имъ темы примѣни-

въ которой призываетъ каждого на защиту всѣми зависящими отъ него средствами принадлежащихъ ему правъ противъ недобросовѣстныхъ посягательствъ на ихъ неприкосновенность, горячо доказывая необходимость такой защиты права, какъ бы оно ни было ничтожно, такой борьбы за него какъ въ интересахъ личности, достоинство которой страдаетъ отъ этихъ посягательствъ, такъ и въ интересахъ общества, благо котораго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ неприкосновенностью правъ каждого изъ его сочленовъ и съ развитіемъ въ нихъ чувства законности. Борьба за право,—говоритъ Герингъ, «есть обязанность управомоченнаго лица по отношенію къ самому себѣ, т. е. она предписывается чувствомъ моральнаго самосохраненія; она есть въ то же время обязанность лица по отношенію къ обществу, такъ какъ необходимо, чтобы право имѣло значеніе реальной силы» (изд. 7, стр. 19—20). Свою мысль авторъ прекрасно резюмируетъ въ изреченіи, которое ставитъ въ параллель со словами библіи: «въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой насущный»—«въ борьбѣ,—говоритъ Герингъ,—обрѣтешь ты свое право» (стр. 97).

Естественно, что, проводя такой взглядъ, Герингъ не могъ отнестись къ Шейлоку иначе, какъ къ *persona grata*, не могъ не увидѣть въ немъ воплощенія той, не останавливающейся ни предъ какими препятствіями борьбы за право, горячимъ проповѣдникомъ которой является нашъ авторъ. Въ этой борьбѣ Шейлока за принадлежащее ему право заключается, по мнѣнію Геринга, высокій трагическій интересъ его фигуры: «онъ обмануть,—говоритъ Герингъ,—въ своемъ правѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ,

тельно къ судьбамъ еврейства: это книга д-ра *Schmiede* «Die Lehre vom Kampf um's Recht im Verhältniss zu dem Judenthum und dem ältesten Christenthum», Wien, 1875, изъ которой нашъ авторъ цитируетъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ такое поученіе еврейскаго пріста: «составляетъ-ли предметъ спора кофѣйка или сотни рублей—это въ твоихъ глазахъ должно быть совершенно безразлично». Отмѣтимъ еще, что Герингъ отзывается съ большою похвалою о романѣ симпатичнаго беллетриста *К. Э. Францова*, написанномъ на ту же тему и посвященъ одинаковое съ рассматриваемой брошюрой заглавіе (см. предисл. къ 7 изд. и стр. 64, примѣч.).

долженъ понимать дѣло юристъ» (стр. 59, примѣч.; см. также предисл. къ 7 изд., XII сл.).

Посмотримъ, какъ мотивируетъ свое мнѣніе юристъ.

«Поэтъ, — говоритъ онъ, — воленъ былъ, конечно, сочинить свою собственную юриспруденцію, и мы не станемъ сожалѣть, что онъ такъ поступилъ или, вѣрнѣе, сохранилъ безъ измѣненій старую басню; но если юристъ пожелаетъ подвергнуть ее критикѣ, то онъ не можетъ не сказать, что *вексель ничтоженъ, такъ какъ содержаніе его безнравственно*. Судья долженъ былъ съ самаго начала отвергнуть его на этомъ основаніи; разъ же онъ этого не сдѣлалъ, разъ «мудрый Даниилъ» призналъ за нимъ силу, то запретить лицу, которому позволено вырѣзывать фунтъ мяса изъ живого тѣла, неизбежно съ этимъ связанное пролитіе крови было непроситительной уверткой, возмутительнымъ крючкотворствомъ» (тамъ же).

«Также точно, — остроумно замѣчаетъ Іерингъ въ другомъ мѣстѣ, — судья могъ бы присудить должника къ уплатѣ долга и затѣмъ въ исполнительной инстанціи заставить кредитора достать деньги руками изъ раскаленной печи, или, если бы должникъ былъ кровельщикомъ, получить ихъ на башенномъ шпиглѣ, если бы онъ былъ водолазомъ, то на днѣ морскомъ, и это на томъ основаніи, что въ векселѣ не имѣется никакой оговорки относительно мѣста уплаты» (предисл. къ 7 изд., XII, примѣч.).

Іерингъ напоминаетъ по этому поводу, что еще древнее римское право, получившее свое выраженіе въ законодательствѣ XII таблицъ, предусматривало возможность подобныхъ увертокъ, и потому, давая кредиторамъ несостоятельнаго должника право разсѣчь его на части, постановляло при этомъ, что относительно величины кусковъ имъ предоставляется полная свобода (*si plus minusve secuerint, — гласитъ законодательство XII табл., sine fraude esto!*).

«Сказаль-ли я слишкомъ много, — заключаетъ Іерингъ свою аргументацію, — утверждая, что еврей здѣсь обмануть? Правда, это дѣлается въ интересахъ гуманности, но развѣ несправедливость перестаетъ быть несправедливостью, разъ она совершается въ интересахъ гуманности?» (XIII).

Въ такихъ выраженіяхъ критикуетъ талантливый юристъ

рѣшеніе «мудраго Давіила»; но этой критикой онъ не ограничивается: мы находимъ у него же и мастерскую характеристику Шейлока съ точки зрѣнія ученія о борьбѣ за право. Въ главахъ Теринга нашъ ростовщикъ—герой, страдающій за эту пропагандируемую имъ идею борьбы. Остановившаяся на образѣ Шейлока для иллюстраціи того положенія, что борьба за нарушенное право, руководимая даже чисто-эгоистическими побужденіями, играетъ чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ поддержанія правового порядка и развитія чувства уваженія къ закону, доказывая, что такая борьба поднимаетъ лицо часто на ту высоту, гдѣ оно, само подчасъ того не замѣчая и не сознавая, становится защитникомъ закона,—Терингъ говоритъ:

«Ненависть и жажда мести привели Шейлока въ судъ, чтобы вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла Антоніо, но тѣ слова, которыя поэтъ заставляетъ его произнести, также справедливы въ его устахъ, какъ и въ устахъ всякаго другого. Это—языкъ, которымъ всегда и всюду будетъ говорить оскорбленное чувство права, это сила и непоколебимость убѣжденія, что право всегда должно оставаться правомъ, это энергія и пафосъ чело-вѣка, сознающаго, что въ дѣлѣ, которое онъ защищаетъ, заинтересованъ не онъ только лично, но и законъ» (58).

Приведа затѣмъ извѣстныя слова Шейлока въ отвѣтъ на всѣ просьбы судей объ оказаніи Антоніо пощады *, Терингъ восклицаетъ: «я жду суда» **. Поэтъ въ этихъ трехъ словахъ опредѣлилъ значеніе борьбы за право такъ удачно, какъ ни одинъ философъ права. Отъ этихъ словъ юридическое притязаніе Шейлока получило значеніе вопроса о правѣ Венеціи.

* «Такъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете—я плюну на законы
Венеціи: въ нихъ, значитъ, силы нѣтъ.
Я жду суда. Дождусь-ли—отвѣчайте?»

(«Венец. Купецъ», перев. П. И. Вейнберга, изд. Гербеля (3), т. I).

** Терингъ, руководясь нѣмецкимъ переводомъ «Венец. Купца», выражается сильнѣе; тамъ сказано: «ich fordre das Gesetz» (я требую примѣненія закона). Мы оставляемъ безъ измѣненія стихотворный переводъ этого мѣста.

Какимъ могущественнымъ, величественнымъ представляется образъ этого человѣка въ тотъ моментъ, когда онъ произноситъ эти слова! Это уже не жидъ, требующій фунта мяса, это самъ законъ Венеціи стучится въ двери правосудія, ибо его право есть въ то же время и право Венеціи; съ первымъ терпитъ крушеніе и послѣднее. И когда онъ самъ затѣмъ падаетъ подъ тяжестью приговора судьи, презрительною шуткою уничтожающаго его право, когда, далѣе, у него, преслѣдуемаго злою насмѣшкою, подавленнаго, разбитаго, трясущагося всѣми членами, подкашиваются ноги,—кто можетъ тогда удержаться отъ чувства, что вмѣстѣ съ нимъ погибло и право Венеціи, что не жидъ Шейлокъ медленно оставляетъ сцену, но типичная фигура средневѣкового еврея, этого общественнаго парія, тицетно взывающегоъ о правѣ? Ужасный трагизмъ его судьбы заключается не въ томъ, что ему отказываютъ въ правѣ, а въ томъ, что онъ, средневѣковой еврей, питаетъ вѣру,—можно сказать, какъ если бы онъ былъ христіанинъ,—питаетъ твердую вѣру въ право, которой ничто не можетъ поколебать, которую поддерживаетъ въ немъ и самъ судья, пока разразившаяся надъ нимъ, какъ громовый ударъ, катастрофа не раскрываетъ ему его заблужденія и поучаетъ, что онъ не болѣе, какъ средневѣковой жидъ, за которымъ признаютъ право лишь для того, чтобы сейчасъ же и обмануть» (стр. 58—60).

Мы извлекли изъ брошюры Геринга все, что имѣетъ отношеніе къ занимающему насъ произведенію Шекспира, и убѣдились, думается намъ, что Герингъ, стоя на почвѣ юридической, пришелъ къ такому пониманію пьесы, какое мы находимъ у писателей, рассматривающихъ ее подъ религіозно-національнымъ угломъ зрѣнія и видящихъ въ ней протестъ противъ слѣпой ненависти къ еврейству; во имя этой ненависти,—говорятъ названные критики,—еврейство подвергается самому постыдному преслѣдованію, не останавливающемуся даже предъ такими средствами, какъ явное издѣвательство надъ правосудіемъ; и на эту ненависть еврейство вынуждено отвѣчать такою же ненавистью, доходящею подчасъ до столь ужасающей жажды мести, какую мы наблюдаемъ въ Шейлокѣ.

Однако, мысли, высказанныя о Шейлокѣ Герингомъ и сей-

часть нами изложенныя, встрѣтили сочувствіе не у всѣхъ безъ исключенія юристовъ: такъ онѣ нашли себѣ противника въ лицѣ другого нѣмецкаго юриста, неутомимаго вюрцбургскаго профессора, знатока своего дѣла *I. Колера* (Kohler), который выясненію высокаго значенія Шекспира для юриспруденціи посвящаетъ особый трудъ, озаглавленный «Шекспиръ предъ судомъ юриспруденціи» (Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz. Lief. 1—2, Würzburg, 1883—4).

Колеръ восторгается глубиною юридическихъ идей, заключенныхъ въ произведеніяхъ великаго поэта вообще и въ «Венеціанскомъ Купцѣ», разборомъ котораго онъ занимается въ первомъ выпускѣ своего труда, въ частности. Знаменитая сцена суда, по его мнѣнію, «содержитъ въ себѣ квинтъ-эссенцію права въ его сущности и развитіи (die Quintessenz von Wesen und Werden des Rechtes), юриспруденцію, болѣе глубокую, чѣмъ десять учебниковъ «Пандектъ», и проникаетъ въ исторію права глубже, чѣмъ всѣ историко-юридическіе труды, начиная съ Савиньи и кончая Герингомъ» (6) *.

Въ противоположность Герингу, Колеръ рѣшительно отзывается Шейлоку въ своемъ сочувствіи. Приведя знакомый намъ отзывъ Геринга о сценѣ суда, онъ такъ говоритъ о впечатлѣніи, производимомъ на него самого этою сценой:

«Я, съ своей стороны, часто видѣлъ Шейлока въ исполненіи первоклассныхъ актеровъ, я слѣдилъ за различнымъ сценическимъ воспроизведеніемъ этого замѣчательнаго типа, я наблюдалъ, какъ одинъ изображаетъ его дикимъ звѣремъ, алчущимъ добычи, другой—гордымъ мученикомъ, страдающимъ за

* Разногласіе, вызванное различнымъ пониманіемъ нами юристами характера Шейлока, перешло въ полемику: Герингъ оиѣтилъ Колеру въ предисловіи къ 7 изданію «Kampf um's Recht»; Колеръ не остался въ долгу и возразилъ своему оппоненту въ отдѣльной брошюрѣ—«Nachwort zu Shakespeare vor dem F. d. J.» (Würzburg, 84), составляющей дополненіе къ его труду. Предоставилъ Герингъ своему противнику сказать послѣднее слово,—это покажетъ слѣдующее изданіе брошюры Геринга, которое не заставитъ себя, вѣроятно, долго ждать. Вниманіе, оказанное Колеромъ мнѣніямъ Геринга, дало послѣднему поводъ къ остроумному замѣчанію, что собственно онъ, Герингъ, а не Шекспиръ привлеченъ Колеромъ «въ суду юриспруденціи» (стр. XVI).

свой народъ и, лишь только это становится возможнымъ, платящимъ сторицею; я внимательно прислушивался къ тому, какъ одинъ болѣе отъвѣнялъ его любостязательность и жажду мести, другой—непоколебимую твердость его воли, неискоренимое упрямство, почти по Коріолановски, можно сказать, объявляющее войну всему, что общество заключаетъ въ себѣ благороднаго, священнаго, нравственнаго, и не останавливающегося предъ воплемъ отчаянія, который исторгаетъ въ обществѣ эта шакалоподобная хищность, эта жажда мести, вызывающая представленіе о тигрѣ. Никогда, однако, не пробуждалось во мнѣ и тѣни симпатіи къ этому, такъ ловко и основательно наказанному негодяю; и въ этой сценѣ суда, которая принадлежитъ къ числу лучшихъ, созданныхъ когда либо Шекспиромъ, я, хотя и самъ юристъ, прислушивался къ рѣчамъ мудраго Дачила съ затаеннымъ дыханіемъ, со стѣсненіемъ въ груди, переходившимъ въ радостное ликованіе, когда мечъ правосудія разрушаетъ давно сплетенный замыселъ на жизнь благороднаго Антонио, и истецъ, который хотѣлъ грязью своей низкой души осквернить алтарь права, который самое право хотѣлъ низвести до своей низкой жажды мести, съ позоромъ и стыдомъ изгоняется изъ храма правосудія» (стр. 5) *.

И такъ, Колеръ беретъ рѣшеніе Порціи подъ свою защиту, силится убѣдить въ несостоятельности нападокъ, которымъ оно

* Мы, конечно, не смѣемъ сомнѣваться въ томъ, что таково было въ дѣйствительности настроеніе уважаемаго юриста во время представленія въ театрѣ сцены суда, но подобное настроеніе, обуславливающееся всецѣло впечатлительностью и восприимчивостью зрителя, представляется для насъ мало доказательнымъ при рѣшеніи вопроса о характерѣ Шейлока, такъ какъ мы, говоря по совѣсти, не знаемъ, почему бы мы должны были придавать *чувствамъ* Колера больше значенія, чѣмъ чувствамъ англичанки, описанной Генрихомъ Гейне („Женщины и дѣвушка“ Шекспира, Джессика, русск. пер. подъ ред. П. Вейнберга, т. III, стр. 23). „Когда я видѣлъ представленіе этой пьесы (Вен. Куп.) на сценѣ дририленскаго театра,—говоритъ Гейне,—подлѣ меня въ ложѣ сидѣла одна прекрасная блѣдная британка, которая въ концѣ четвертаго акта горько плакала и нѣсколько разъ восклицала: какъ дурно обходятся съ этимъ бѣднякомъ! Ея лицо имѣло самыя благороднѣйшія греческія очертанія, а глаза были большіе и черные. Я никогда не могъ ихъ забыть этихъ большихъ, черныхъ глазъ, плававшихъ о Шейлокъ“.

подверглось со стороны Геринга. Съ этою цѣлью онъ обращается къ исторіи права и думаетъ найти оправданіе сценѣ суда въ ученіи о весьма важномъ въ исторіи права явленіи, — въ ученіи о прогрессивномъ развитіи права. По этому ученію указанное явленіе сводится къ постепенной отмініи суровыхъ постановленийъ закона путемъ судебного рѣшенія, гдѣ судья является проводникомъ новыхъ правовыхъ идей на мѣсто старыхъ, проникнутыхъ духомъ суровости и противорѣчащихъ уже вслѣдствіе этого болѣе развитому правосознанію народа. По мнѣнію Колера, сцена суда есть страница изъ исторіи долгового права, изъ исторіи личной отвѣтственности за долги, и въ освѣщеніи этого явленія съ точки зрѣнія приведеннаго ученія заключается, — думаетъ онъ, — неуывдаемая заслуга Шекспира предъ юриспруденціей. Мы сейчасъ познакоимся съ аргументаціей Колера, направленной на истолкованіе нашей пьесы въ этомъ именно смыслѣ, но предварительно остановимся на характеристикѣ, даваемой имъ Шейлоку и составляющей полную противоположность отзыву Геринга объ этомъ лицѣ.

Нашъ авторъ горячъ возстаетъ противъ взгляда на Шейлока, какъ на жертву религіозной нетерпимости; въ его кровъ о жадности онъ отказывается видѣть продуктъ тѣхъ преслѣдованій и насмѣшекъ, которымъ постоянно приходится подвергаться ему, какъ представителю гонимаго племени. Эти преслѣдованія, — думаетъ Колеръ, — лишь отчасти извиняютъ его поведеніе, какъ, съ другой стороны, лишь отчасти смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить для него и грубость эпохи, мирящейся съ существованіемъ и другихъ возмущающихъ наше нравственное чувство учреждений, напримѣръ, съ рабствомъ. Мы знаемъ, что Шейлокъ не преминулъ указать на это своимъ судьямъ*; Колеръ признаетъ справедливость такого упрека, но, — говоритъ онъ, — «всѣ эти смягчающія обстоятельства болѣе чѣмъ перевѣшиваются тою чрезмѣрною низостью, которою проникнуть весь характеръ Шейлока». «Шейлокъ, — продолжаетъ онъ, — не типъ мстителя за національность, который, забывъ собственное я,

* Обдумайте вы вотъ что: есть немало
У васъ рабовъ и проч. (перев. П. И. Вейнберга).

ставить свою жизненную цѣлью мести за свой народъ, онъ не Мардахай, хотя бы ненависть къ иновѣрцамъ и составляла отличительную черту его характера... Жажда мести, руководящая Шейлокомъ, есть низкая жажда, она жажда мести корыстолюбца, обманувшагося въ надеждѣ на наживу» (74). И однако, когда этому человѣку, единственно характерной чертой котораго является, по мнѣнію Колера, чувство корыстолюбія, предлагаютъ за отказъ отъ требованія фунта мяса 6,000 червонцевъ, онъ отвѣчаетъ:

Когда бъ червонецъ каждый
Въ тѣхъ тысячахъ имѣлъ хоть шесть частей,
И каждая червонецъ составляла
Въ отдѣльности, я и тогда бы ихъ
Не взялъ отъ васъ...

Для мести «корыстолюбца», обманувшагося въ надеждѣ на наживу, это уже слишкомъ много! Такой отказъ можетъ обусловливаться извѣстной идеей, но никакъ не простымъ любостыжаніемъ.

Корыстолюбіе не мѣшаетъ Шейлоку,—замѣчаетъ авторъ,—живо чувствовать угнетенное положеніе своего народа, но такое чувство объясняется, по его мнѣнію, лишь тѣмъ, что гнетъ причиняетъ вредъ лично ему. «Не Шейлокъ, какъ еврей,—говоритъ Колеръ,—но Шейлокъ, какъ ростовщикъ, составляетъ типическое лицо драмы; но что для эпохи «Венеціанскаго Купца» ростовщикъ взять изъ среды средневѣкового еврейства, которому его положеніе, огражденное отъ вліянія культурныхъ факторовъ того времени, придавало еще особый отпечатокъ,—это само собою понятно» (76, примѣч.).

И такъ, Шейлокъ не болѣе какъ ростовщикъ, вампиръ, «находящій удовольствіе въ растерзаніи ближняго и съ гордостью еще объ этомъ говорящій» (77).

Авторъ, думается намъ, забываетъ, что, высказывая такой взглядъ, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ о Шекспирѣ, превознося его поразительный реализмъ. Не было-ли бы, спрашивается, погрѣшностью противъ этого реализма представить Шейлока, этого ростовщика, занимающагося своимъ промысломъ въ Венеціи, гдѣ все проникнуто

духомъ торговли, гдѣ даже великодушный Антоніо занятъ коммерческими расчетами,—не было-ли бы погрѣшностью выставить его идеальнымъ страдальцемъ за угнетенный народъ, все существованіе котораго было поглощено стремленіемъ отомстить христіанамъ за ихъ безконечныя притѣсненія и угнетенія евреевъ? Это значило бы, конечно, только односторонне освѣтить вопросъ объ отношеніяхъ въ средніе вѣка между христіанами и евреями. Въ тяжелой борьбѣ за свое существованіе, стѣсненные до-нельзя въ своей дѣятельности, эти послѣдніе были вынуждены всю свою энергію направить къ достиженію посредствомъ торговли богатствъ. Эту сторону исторіи средне-вѣковыхъ евреевъ Шекспиръ изобразилъ въ Шейлокѣ рядомъ съ тѣмъ чувствомъ ненависти, которое намъ теперь могло бы показаться чудовищнымъ, еслибъ гениальный драматургъ не счумѣлъ такъ глубоко обосновать это чувство. Колеръ указываетъ, правда, на то, что Шейлокъ, когда ему отказано въ его жестокомъ требованіи, готовъ удовольствоваться обратнымъ полученіемъ денегъ, данныхъ взаймы Антоніо; это, по его мнѣнію, не мирится съ приписываемыми Шейлоку качествами мстителя за національность. Но достаточно припомнить знаменитый монологъ Шейлока, гдѣ онъ горячо доказываетъ всю несправедливость направленныхъ на его единовѣрцевъ гоненій *, чтобы убѣдиться, что въ представленіи Шейлока его личныя страданія должны быть именно тѣсно слиты со страданіями его племени, а не отдѣляться другъ отъ друга, въ ущербъ превозносимому самимъ Колеромъ реализму Шекспира. Шейлокъ дѣйствительно мститъ за свой народъ, не переставая въ то же время оставаться ростовщикомъ; но едва-ли Колеру удастся указать хоть одинъ монологъ Шейлока по поводу фунта мяса, въ которомъ чувство корыстолюбія не подавлялось бы непреодолимымъ желаніемъ отомстить христіанамъ за поруганный ими народъ; не удастся задуманный Шейлокомъ планъ мести—онъ, дѣйствуя совершенно въ духъ того класса, къ которому принадлежитъ, желаетъ по-

* „И все за что? За то, что я жидъ“ и проч. (д. III, сц. I, перев. Вейнберга).

лучить обратно свои деньги, и мы рѣшительно не понимаемъ, почему Шейлокъ долженъ былъ отказаться отъ полученія обратно обѣщаннаго ему ранѣе выкупа и даже собственныхъ денегъ и обогатить ими тѣхъ, кто надъ нимъ только что надругался? Повторяемъ опять, никто не считаетъ Шейлока типомъ героя, всецѣло поглощеннымъ однимъ только чувствомъ мести за свой угнетенный народъ, вообще чуждымъ всякихъ корыстолюбивыхъ стремленій; вопросъ только въ томъ, является-ли Шейлокъ въ драмѣ Шекспира безкорыстнымъ мстителемъ за свой народъ, или лишь «корыстолюбцемъ, обманувшимся въ надеждѣ на наживу». Едва-ли Колеру удалось доказать последнее. Вотъ въ какомъ смыслѣ, кажется намъ, можно говорить о Шейлокѣ, какъ о страдальцѣ за идею.

Отвѣтимъ еще противорѣчіе, въ которое впадаетъ нашъ авторъ, стремясь доказать отсутствіе и тѣни какой либо чело-вѣческой черты въ характерѣ Шейлока. Мы имѣемъ въ виду то объясненіе, которое даетъ онъ звучащему горькой ироніей утвердительному отвѣту Шейлока на вопросъ, доволенъ-ли онъ произнесеннымъ надъ нимъ судомъ *: «Шейлокъ падаетъ,—говоритъ Колеръ,—не подъ тяжестью несправедливаго приговора, какъ думаетъ Терингъ, а потому, что голосъ мудраго Даніила коснулся большого мѣста въ сердцѣ ростовщика, *который етъ тоже человекъ* **, и, такимъ образомъ, разбилъ въ прахъ всѣ его логическія хитросплетенія» (90). Довольно трудно, думается намъ, примирить такое объясненіе съ вышеприведеннымъ утвержденіемъ автора о характерѣ и нравственныхъ качествахъ Шейлока.

Пора, однако, заняться этимъ судомъ надъ Шейлокомъ и истолкованіемъ, предлагаемымъ Колеромъ.

«Какъ долженъ,—спрашиваетъ авторъ,—отнестись къ нему судъ? Долженъ-ли судъ пожертвовать частицей права потому, что народное правосознаніе усматриваетъ въ осуществленіи

* *Порція*. Жидъ, отвѣчай: доволенъ
Рѣшеніемъ ты?

Шейлокъ. Доволенъ.

** Курсивъ нашъ.

права (Шейлокомъ) безсовѣстное нарушение общественнаго приличія? (Anstandes)» (78).

Какъ юристъ, Колеръ, конечно, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ горячо возстаетъ противъ вмѣшательства права въ область морали и разъясняетъ, какъ вредно отражается такое вмѣшательство на правильномъ отправленіи гражданскаго правосудія: «Право, — говоритъ онъ, — должно оставаться правомъ; оно должно оставаться правомъ и въ томъ случаѣ, когда единичныя личности желаютъ воспользоваться имъ въ безнравственныхъ цѣляхъ. Право можетъ требовать отъ cadaго, чтобы онъ подчинился правовому порядку, но оно никого не можетъ принудить быть добродѣтельнымъ. Всякое вмѣшательство права—я разумѣю право гражданское—въ область морали—а попытки такого вмѣшательства дѣлались не разъ— жестоко мстило за себя» (тамъ же).

Но слѣдуетъ-ли отсюда, что судъ надъ Шейлокомъ несправедливъ, что «судья, по выраженію Колера, долженъ, подобно Юнію Бруту, закрыть свое лицо и принести Антонію въ жертву?» Колеръ думаетъ, что нѣтъ. «Всякому, — говоритъ онъ, — извѣстно рѣшеніе мудраго и справедливаго Даніила, всякій чувствуетъ облегченіе, которое вносится этимъ лучомъ свѣта, прогоняющимъ ночную тьму» (81). Но юристъ не можетъ удовольствоваться этимъ чувствомъ; юристъ долженъ найти для него юридическое оправданіе, и нашъ авторъ стремится доказать, что «рѣшеніе можетъ быть оправдано предъ судомъ юриспруденціи, — здѣсь, гдѣ мы имѣемъ дѣло не съ метафизическою, а съ реальною, земною справедливостію» (тамъ же).

Колеръ полагаетъ, что рѣшеніе правильно не только съ точки зрѣнія нашихъ представлений о правѣ, отрицающихъ дѣйствительность сдѣлокъ, содержаніе которыхъ безнравственно, но и съ точки зрѣнія той эпохи, къ которой нашъ авторъ относитъ дѣйствіе пьесы и которая, по его мнѣнію, является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи личной ответственности за долги, — пунктомъ, когда народное правосознаніе въ лицѣ судьи, начинаетъ возставать противъ суровыхъ предписаній закона относительно несостоятельныхъ должниковъ.

Свою аргументацію авторъ начинаеть съ признанія справедливости возраженій Геринга противъ требованій, которыя предъявляетъ къ Шейлоку Порція, признавъ за нимъ право получить удовлетвореніе по векселю. Но, — спрашиваетъ Колеръ, — «неужели чувство могло обмануть насъ настолько, что мы, прослушавъ пьесу, не ощущаемъ чувства боли, причиняемой поруганіемъ права? Вѣдь если бы Герингъ былъ правъ, то въ чашѣ остался бы осадокъ, который отравилъ бы наслажденіе, и юристъ не могъ бы почувствовать себя удовлетвореннымъ, какъ и моралистъ, когда въ нравственномъ мірѣ звучитъ фальшивая нота, какъ и музыкантъ, когда въ мірѣ звуковъ замѣчается рѣзкій диссонансъ» (83).

Колеръ думаетъ, что чувство насъ нисколько не обманываетъ, что диссонанса на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого: «если тѣмъ не менѣе, — говоритъ онъ, — внутреннее чувство учитъ насъ, что рѣшеніе правильно не только съ нашей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія той эпохи, то, значитъ, въ ходѣ разсужденія не принято въ соображеніе одно обстоятельство, то, слѣдовательно, упущенъ изъ виду какой нибудь юридическій факторъ» (тамъ же). И этотъ упущенный факторъ есть, по мнѣнію Колера, правосознаніе судьи, живущій въ немъ правовой инстинктъ, который не выработался еще въ совершенно ясное представленіе и скрывается еще поэтому за невѣрными мотивами, приводимыми мудрымъ Данииломъ.

Свою мысль нашъ авторъ развиваетъ затѣмъ слѣдующимъ образомъ:

«Развитіе права въ эпоху «Венеціанскаго Купца», — говоритъ онъ, — достигло уже той стадіи, когда вексель Шейлока противорѣчитъ не только нравственности и чувству приличія, но и чувству права и справедливости; залогъ въ видѣ фунта мяса представляется уже правовому чувству судьи тѣмъ-то грубымъ, стоящимъ внѣ права, покоящагося на основахъ морали, тѣмъ-то такимъ, что уже не можетъ быть отнесено къ сферѣ права. Здѣсь, — продолжаетъ авторъ, — совершился процессъ, принадлежащій къ числу жизненныхъ процессовъ права, — процессъ, состоящій въ томъ, что право воспринимало принципы, принадлежащія къ иному нравственному порядку,

и дѣлаетъ ихъ частью самого себя; оно растетъ и развивается въ нравственной атмосферѣ этической жизни и заимствуетъ изъ богатыхъ сокровищъ нравственныхъ истинъ все новые и новые жизненные элементы» (87).

«Этотъ процессъ; — говоритъ далѣе нашъ авторъ — совершается не путемъ внѣшняго приговора, но при помощи управляющихъ исторіей человечества духовныхъ силъ. Конечно, дѣломъ законодательства должно быть постоянное изслѣдованіе пульса народныхъ инстинктовъ, и лишь только правосознаніе достигаетъ предѣла насыщенія, — внесеніе твердымъ рѣзкомъ закона новой нормы въ книгу права; но законодательство не въ силахъ всегда и всюду это дѣлать: оно слишкомъ подчинено самымъ разнообразнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ влияніямъ, чтобы идти въ ногу съ ростомъ правовыхъ идей. Но гдѣ этого не дѣлаетъ законодательство, тамъ дѣлаетъ юстиція; она дѣлаетъ это, часто безсознательно, но все-таки дѣлаетъ... Чувство права будетъ безсознательно проникать дѣйствія судьи, оно неизбежно будетъ давать направленіе его приговору. Судья будетъ приводить самыя невѣрные, никого не убѣждающіе мотивы, и эти мотивы его приговора являются въ данномъ случаѣ лишь палліативами, дающими надлежащій юридическій рельефъ лучамъ того сознанія, которое въ немъ живетъ, но въ которомъ онъ не въ состояніи отдать себѣ отчетъ; и когда правосознаніе достигаетъ такой степени, что судья не въ силахъ добыть благоприятное рѣшеніе путемъ логической дедукціи, онъ будетъ хвататься за всякую соломенку, за всякій призрачный мотивъ, лишь бы только мотивировать свое рѣшеніе».

Таковы соображенія, приводимыя Колеромъ въ защиту рѣшенія Порціи. Обращаясь къ этому послѣднему, онъ говоритъ: «Теперь понятно, почему мудрый Даніилъ такъ плохо мотивируетъ свое рѣшеніе: это хорошее рѣшеніе, но дурно мотивированное; однако, такое рѣшеніе все же лучше, чѣмъ дурное съ хорошей мотивировкой. Давайте только, — восклицаетъ Колеръ, — хорошія рѣшенія — хорошіе мотивы придутъ сами собою!» (88).

Какъ видимъ, въ основаніи взгляда Колера на занимающую насъ пьесу лежитъ ученіе о прогрессивномъ развитіи права,

ученіе о судѣ, какъ о факторѣ правообразованія. Трудно возразить чтонибудь противъ этого ученія—оно блестяще изложено у нашего автора и подкрѣплено массою ссылокъ и указаній на факты, засвидѣтельствованные исторіей права.

Но едва-ли, думается намъ, можно согласиться съ нимъ, что мы должны воспользоваться этимъ ученіемъ для истолкованія нашей пьесы, что въ немъ мы должны искать оправданія кажущейся, по его мнѣнію, несправедливости суда надъ Шейлокомъ. Невозможно допустить, чтобы Шекспиръ имѣлъ въ виду выразить въ сценѣ суда тотъ взглядъ на прогрессивное развитіе правовыхъ идей и на роль судьи въ процессѣ этого развитія, который проводитъ нашъ авторъ. Слишкомъ рискованно, по нашему мнѣнію, видѣть выраженіе такого взгляда въ оговоркѣ Порціи относительно пролитія крови,—оговоркѣ, явная несостоятельность которой рѣзко бросается въ глаза. Мы позволимъ себѣ, въ опроверженіе взгляда Колера, указать на слова, вложенныя Шекспиромъ въ уста Порціи:

Уставленный законъ

Переимѣнить нельзя ничьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,

*И отвернется вѣдьма немало гла
Во республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя.*

Не слѣдуетъ забывать, что, какъ упоминаетъ въ предисловіи самъ Колеръ, основываясь на трудахъ биографовъ Шекспира Кемпбелля и Рѣштона повѣтъ если и не былъ юристомъ, то ужъ во всякомъ случаѣ долго вращался въ мірѣ юристовъ; разъ это такъ, то какъ же, спрашивается, примирить съ этимъ столь явное игнорированіе въ сценѣ суда самыхъ азбучныхъ истинъ юридической науки? Полагаемъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ можно—лишь рѣшительно отвергнувъ взглядъ, приписываемый поэту нашимъ авторомъ.

Если бы, думается намъ, такова была идея, лежащая въ основаніи сцены суда, то Шекспиръ всегда съумѣлъ бы найти для ея выраженія болѣе удачную форму, а не столь вопіющую противъ здраваго юридическаго смысла. Укажемъ хотя бы на

мнѣніе *Питчера*, по которому Шейлокъ долженъ получить отказъ потому, что условіе относительно фунта мяса заключено въ шутку *.

Приведа это мнѣніе, Колеръ прекрасно доказываетъ его юридическую несостоятельность **. Полагаемъ, что отказъ Шейлоку въ искѣ, мотивированный согласно предложенію Питчера, не поражалъ бы все-таки своей нелѣпостью въ такой степени, какъ въ рѣшеніи «мудраго Даниила», гдѣ «маска ложной мотивировки», употребляя выраженіе Колера, слишкомъ прозрачна, чтобы стоило ее срывать. Колеръ спрашиваетъ, правда: «почему же онъ (Шейлокъ) не обратилъ въ ничто ложную аргументацію мудраго Даниила силою своего разлагающагося разсудка? Вѣдь и мы это умѣемъ, хотя мы не такіе тонкіе юристы, не такіе виртуозы, какъ Шейлокъ» (91).

Колеръ думаетъ, что его заставляетъ умолкнуть торжество правосудія, что его ослѣпляетъ блескъ, распространяющійся отъ «солнца прогресса, которое снова бросаетъ свои согрѣвающіе лучи на мѣсто суда, возвѣщая побѣду царства Зороастра надъ силами тьмы» (90).

Но такъ-ли это? Что новаго собственно узналъ въ судѣ Шейлокъ? Что можно жестоко пострадать, преслѣдуя то, что считаешь своимъ несомнѣннымъ правомъ, что и другіе признаютъ за твое право? Предъ величіемъ такой мысли едва-ли слѣдовало такъ глубоко преклониться, чтобы забыть и безконечныя страданія своего народа, и собственное корыстолюбіе. Свою месть вѣдь онъ и самъ не могъ считать гуманною, вопросъ лишь въ томъ, была-ли эта месть съ точки зрѣнія того вѣка достаточно вызвана христіанами, достаточно мотивирована, — на этотъ вопросъ судъ не далъ и не могъ дать отрицательнаго отвѣта. Поэтому не правъ-ли скорѣе Герингъ, предполагая, что Шейлокъ падаетъ подъ тяжестью несправедливаго приговора? Онъ такъ пораженъ этой насмѣшкой, этимъ глумленіемъ надъ правосудіемъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ, иронически признавъ себя довольнымъ, удалиться изъ суда;

* См. *Kohler*, I, § 82 и слѣд.

** Тамъ же, примѣч.

онъ понимаетъ, что ему нечего возражать: возрази онъ теперь, у судей всегда найдется другая увертка, быть можетъ, еще болѣе грубая; но вѣдь онъ уже могъ убѣдиться въ томъ, что вопросъ объ отказѣ ему въ исхѣ рѣшенъ положительно, не всели равно въ такомъ случаѣ, для Шейлока, какъ будетъ мотивированъ отказъ; вѣдь и самъ Колеръ считаетъ этотъ вопросъ правднымъ.

Но, какъ мы знаемъ, отказомъ Шейлоку въ удовлетвореніи его жестокаго требованія дѣло не ограничивается; мы знаемъ, что у Шейлока конфискуется его имущество, и онъ приговаривается къ принятію христіанства. Неужели и эта часть приговора, гдѣ нарушеніе элементарныхъ юридическихъ истинъ доходить до апогея,—неужели и она можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія защищаемаго Колеромъ воззрѣнія? Колеръ предвидитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него въ утвердительномъ смыслѣ, но аргументація его становится здѣсь уже полною натяжкой. Вотъ это мѣсто:

«Но,—говоритъ авторъ,—насъ, юристовъ, не легко удовлетворить, и у меня лежитъ еще кое-что камнемъ на сердцѣ. Не заключается ли несправедливость въ томъ, что Шейлокъ не только получаетъ отказъ, но еще къ тому же приговаривается,—приговаривается почти къ полному уничтоженію своего существованія?.. Въ этомъ, конечно, есть несправедливость, но эта несправедливость представляется вполне обоснованной со всемірно-исторической точки зрѣнія, и въ принятіи этого элемента Шекспиръ, какъ историкъ права, превзошелъ самого себя: никакой прогрессъ въ мірѣ, будь это даже прогрессъ въ правѣ, невозможенъ безъ индивидуальной несправедливости; всякій прогрессъ въ обществѣ долженъ шагать чрезъ трупы... Что Шейлокъ не только получаетъ отказъ, но и терпитъ наказаніе—это необходимо для увѣнчанія побѣды, которую одерживаетъ новый юридическій принципъ. Никакой другой Шейлокъ не долженъ впредь подкапываться подъ юридическую неприкосновенность лица при помощи залога человѣческаго мяса, въ надеждѣ выиграть процессъ въ судѣ, или рискуя въ крайнемъ случаѣ, при измѣнчивости судейскихъ воззрѣній, проиграть его. Нѣтъ! Кто отнынѣ будетъ хвататься за обрывки стараго права и

рыть ближнему яму, тотъ пусть лишится жизни; и дабы это было неизбежно на всѣ времена, пусть будетъ сдѣланъ починъ на этомъ типичномъ шакалѣ: ножъ, обнаженный имъ противъ Антоніо, пусть не только выпадетъ изъ его рукъ, но и падетъ на его собственную голову, пусть будетъ признано за нимъ больше права, чѣмъ ему того хотѣлось!» (95).

Соглашаясь съ Колеромъ, что судъ можетъ содѣйствовать прогрессу въ правѣ внесеніемъ въ устарѣвшее право путемъ самыхъ страшныхъ натяжекъ (противорѣчащихъ, какъ это мы видимъ въ рѣшеніи Порціи, общимъ юридическимъ принципамъ), новыхъ, болѣе гуманныхъ началъ, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно, оставаясь на *чисто юридической* почвѣ, признать факторомъ прогресса самое тяжкое уголовное наказаніе за искъ, хотя и противорѣчащій нашему нравственному мировоззрѣнію, но правильно основанный на дѣйствующемъ правѣ? Въмѣсто возраженій, мы приведемъ въ отвѣтъ Колеру его собственные слова, выше нами цитируемыя: «Право можетъ требовать отъ каждаго, чтобъ онъ подчинялся правовому порядку, но оно никого не можетъ принудить быть добродѣтельнымъ». Ну, а тотъ принципъ, которымъ Колеръ объясняетъ рѣшеніе Порціи: «Кто отнынѣ будетъ хвататься за обрывки стараго права и рыть ближнему яму, тотъ пусть лишится жизни», — что же это такое, какъ не грубое вкочлачиваніе добродѣтели? Въдь это—вмѣшательство права въ область морали, а «*всякое*» такое вмѣшательство,—нѣсколько рѣзко утверждаетъ самъ Колеръ,—«жестоко мстило за себя!»

Мы видимъ, такимъ образомъ, что едва-ли юридически можно оправдать тотъ безусловно жестокой приговоръ, который прелестная Порція съ такимъ легкимъ сердцемъ произноситъ надъ человѣкомъ, смѣло добивавшимся того, что онъ считалъ своимъ правомъ («когда я правъ, какой мнѣ страшенъ судъ?» — спрашиваетъ Шейлокъ дожа), что считали его правомъ и судья, и всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица, начиная съ самого Антоніо. Если мы обратимся затѣмъ къ деталямъ знаменитой сцены суда, для насъ станетъ еще очевиднѣе, что Шекспиръ въ ней отнюдь не желалъ изобразить торжество справедливости надъ извергомъ-жидомъ или извергомъ-ростовщикомъ.

Во первыхъ, съ какой поразительной легкостью, чтобъ не сказать—легкомысліемъ, судъ переходитъ отъ признанія иска исполнѣ правильнымъ и подлежащимъ удовлетворенію—къ наказанію *смертной казни* лица, этотъ искъ предъявившаго! Странный способъ изобразить медленный историческій процессъ трудной побѣды чувства справедливости надъ устарѣвшимъ, формально-обязательнымъ правомъ!

Характерны далѣе тѣ приемы, помощью которыхъ очаровательная Порція ловить въ свои грубо сплетенныя сѣти Шейлока. Убѣждая его отказаться отъ фунта мяса, она добавляетъ:

«Я говорю все это для того,
 Чтобъ чѣмъ нибудь смягчить твой искъ законный;
 Но если ты настаиваешь въ немъ,
 То строгій судъ Венеціи обязанъ
 Постановитъ рѣшенье надъ купцомъ».

Еще болѣе ободренный такими словами, Шейлокъ отказывается отъ выкупа и требуетъ выговоренной въ *сдѣлкѣ* неустойки; когда же впоследствии его ставятъ въ невозможность получить эту неустойку, и онъ требуетъ предложеннаго ему раньше выкупа (на что противная сторона, въ лицѣ Бассаніо, тотчасъ соглашается), Порція ему въ такомъ требованіи отказываетъ (это въ гражданскомъ процессѣ!), такъ какъ,—мотивируетъ она,—самъ Шейлокъ раньше отъ этого выкупа «отрелся предъ судомъ». Неужели эти увертки, эта жалкая игра словами также есть факторъ прогресса въ правѣ? Не значитъли это добиваться его уже слишкомъ дорогою цѣною, цѣною провозглашенія для суда позволительнымъ принципа: цѣль оправдываетъ средство?

Слѣдующее сопоставленіе даетъ намъ возможность еще лучше оцѣнить по достоинству только что аргументированный Порціей отказъ Шейлока въ выкупѣ и самомъ долгѣ. Когда Порція приговариваетъ Шейлока къ смертной казни, дожъ говорить:

Чтобъ нашихъ чувствъ различье
 Увидѣлъ ты, я жизнь тебѣ дарю
 Безъ просьбы твоихъ...

А затѣмъ, въ отвѣтъ на предложеніе Антоніо, тотъ же дожъ говорить:

Быть по сему. Иначе то прощенье,
 Которое я далъ ему (Шейлоку), тотчасъ
 Возьму назадъ.

И такъ, разъ заявленный гражданскимъ истцомъ предметъ иска считается безповоротно связывающимъ его, хотя бы онъ пришелъ къ соглашенію съ отвѣтчикомъ относительно иного способа удовлетворенія иска, между тѣмъ какъ судья можетъ измѣнить официально произнесенный имъ приговоръ по произволу! Или, быть можетъ, и это необходимо въ интересахъ *прогресса* въ правѣ?

Еслибъ все это и могло еще оставлять хоть тѣнь сомнѣнія относительно того значенія, которое Шекспиръ придавалъ сценѣ суда, то наказаніе, наложенное на Шейлока и состоявшее въ принужденіи креститься подъ угрозой потери всего имущества, ясно указываютъ ту религіозную подкладку, которую носить вся сцена суда. Невозможно поэтому заподозрить Шекспира въ сочувственномъ къ ней отношеніи.

Напротивъ, намъ кажется, что какъ это противорѣчіе, такъ и всѣ прочія, какъ признаетъ самъ Колеръ, довольно грубыя натяжки, которыя обнаруживаетъ сцена суда, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Шекспиръ имѣлъ въ виду возможно рельефнѣе обрисовать господствовавшее въ средніе вѣка отношеніе къ евреямъ, какъ можно яснѣе подчеркнуть это возмутительное отношеніе, которое нашло себѣ свое такъ сказать кульминаціонное выраженіе въ произведеніи другого великаго драматурга, въ знаменитыхъ словахъ патриарха:

Thut nichts,
 Der Jude wird verbrannt!..

Мы, въ заключеніе, не можемъ не привести тѣхъ ѣдкихъ словъ, которыми Іерингъ отвѣтилъ Колеру по поводу его восторженнаго, выше нами изложеннаго отношенія къ сценѣ суда: «Это,—вослицаетъ Іерингъ,—тѣ «согрѣвающіе лучи, которые бросаетъ солнце прогресса на мѣсто суда!»—Евреи и еретики испытали уже нѣкогда ихъ согрѣвающую силу на кострахъ Торквемады! Такъ-то торжествуетъ царство Зороастра надъ силами тьмы?!...»

ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

II.

АДАМОВО РЕБРО.

На ветхій пергаментъ красивой и вѣжной рукой указуя

Мудрому равви—сѣдому и блѣдному старцу,

Со смѣхомъ задорнымъ промолвила патриціанка:

— „Какъ поступилъ-бы Зевесъ-громовержець—не знаю.

Но, равви,—вѣдь это не въ честь и хвалу Саваоѳу:

Богу, Зиждителю міра, владыкѣ вселенной,

Какъ тату nocturno, похитить у смертнаго часть его тѣла—

Имъ же, Владыкой, изъ праха рожденную плоть, и къ тому же—
У спящаго, равви, у спящаго!“..

Съ вроткой и свѣтлой улыбкой

Равви взглянулъ на прекрасную дочь всепобѣднаго Рима:

— „Однажды,—сказалъ онъ,—подъ кровъ мой убогій порою пол-
ночной

Хищникъ проникъ и похитилъ мой старый, желѣзный свѣ-
тильникъ,

А вмѣсто него мнѣ оставилъ—злодѣй!—золотую лампаду

Тонкой работы“...

— „Но... равви!“...

— „Тончайшей работы,

Со множествомъ крупныхъ, блестящихъ алмазовъ“...

— „О, равви!

Равви!—воскликнула римлянка: хищникъ—сказалъ ты? Ка-
кой же...

Какой же онъ хищникъ?.. Взамѣну лампы желѣзной“...

И не окончила. Мигомъ горячей, стыдливою краской
Зардѣлось цвѣтущее личико римлянки юной.

И, улыбаясь и взглядомъ веселымъ и яснымъ любуясь
Румянцемъ смущенья на свѣтлыхъ чертахъ красоты покоренной,

Равви склонился главою своей бѣлокудрой,
Съ любовью цѣлуя священныя строки завѣтнаго свитка...

С. Фругъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАТЕРІАЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ПО ОФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ).

По послѣднимъ даннымъ гродненскаго статистическаго комитета * числится всего жителей въ губерніи 1.321,144, которые распредѣляются по исповѣданіямъ слѣдующимъ образомъ:

	В С Е Г О.			Е В Р Е Е В Ъ.			°/о отном. евр. къ проч. нас.
	Муж.	Жен.	Итого.	Муж.	Жен.	Итого.	
Въ уѣздахъ .	551,789	545,631	1.097,420	57,968	61,960	119,928	10,9
„ город. **	112,600	104,124	223,724	75,977	70,432	146,409	65,4
Всего въ губ.	671,389	649,755	1.321,144	133,945	132,392	266,337	20,2

Слѣдовательно, во всей гродненской губерніи евреевъ слишкомъ 266 т., они составляютъ $\frac{1}{5}$ часть всего населенія губерніи; въ городахъ же они составляютъ около $\frac{2}{3}$ населенія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и больше. Видѣ черты городовъ и мѣстечекъ («черты въ чертѣ») евреевъ въ настоящее время проживаетъ весьма немного; въ первой графѣ нашей таблицы, въ уѣздахъ, заключаются и проживающіе въ мѣстечкахъ, гдѣ евреи составляютъ преобладающее населеніе.

Изъ городовъ отиѣтимъ здѣсь болѣе крупныя и болѣе населенныя:

	Всего.	Евреевъ.	°/о
Гродно . . .	39,826	27,343	68,7
Вѣлюстокъ . .	50,726	42,798	84,4

* Памятная кн. по Гродн. губ. на 1887 г.

** Губернскомъ, уѣздныхъ и заштатныхъ, кромѣ мѣстечекъ и посадовъ.

Восходъ.

	Всего.	Евреевъ.	%
Брестъ . . .	39,901	25,000	62,7
Кобринъ . . .	8,120	5,304	65,3
Слонимъ . . .	22,275	182,12	81,8
Пружаны . . .	7,532	5,243	69,6

За отчетный годъ число евреевъ увеличилось на 16,161 человекъ, т. е. на 6⁰/₀, между тѣмъ какъ въ среднемъ выводѣ за 10 лѣтъ приростъ, естественный, населенія, вслѣдствіе перевѣса числа родившихся надъ числомъ умершихъ, колеблется около одного процента, такъ что этотъ приростъ есть слѣдствіе иммиграціи; изъ этого числа переселившихся сюда изъ другихъ мѣстъ, большая доля, около 10 тыс., падаетъ на городъ Бѣлостокъ, который въ послѣднее время, благодаря сильно разившейся фабричной и торговой дѣятельности, сталъ привлекать переселенцевъ изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ черты.

По статистикѣ занятій населенія свѣдѣнія въ данныхъ мѣстнаго стат. комитета весьма скудны, и тѣмъ менѣе относительно участія евреевъ, и намъ пришлось пользоваться другими источниками.

Изъ указателя фабрикъ и заводовъ, составленнаго П. Л. Орловымъ на основаніи официальныхъ данныхъ, мы сдѣлали выборку о числѣ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ евреямъ. Данные эти (число заводовъ и суммы производства) сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

	В с е г о.		Въ томъ числѣ у евреевъ.	
	Число фабр. и зав.	Сумма произв.	Число фабр. и зав.	Сумма произв.
I. Производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ . . .	178	6,319 *	92	1,907
II. Производства по обработкѣ дерева	8	44	2	4
III. Производства химическія . . .	—	—	—	—
IV. Производства по обработкѣ сала и воска	10	70	9	66
V. Производства по обработкѣ животныхъ продуктовъ . . .	9	103	7	51

* Сумма производства въ тысяч. руб.

МАТЕРИАЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБ. 3

	В с е г о .		Въ томъ числѣ у ев- реевъ.	
	Число фабр. и зав.	Сумма. произв.	Число фабр. и зав.	Сумма. произв.
VI. Производства известковое, кирпичное, гончарное и стеклянное	20	147	11	81
VII. Производства машинно- строи. и по обраб. метал.	3	64	1	8
VIII. Производства питатель- ныхъ продуктовъ	43	439 **	18	163
IX. Производства продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ .	170	6,228 **	77	2,355
X. Разныя производства, не- вошедшія въ предыдущіе отдѣлы	1	5	—	—
Итого по всѣмъ производств.	442	13,416	217	4,635

Изъ приведенныхъ въ этой таблицѣ данныхъ видно, что евреямъ принадлежитъ половина (49,1%) всѣхъ промышленныхъ заведеній въ губерніи, но сумма стоимости производимаго на нихъ товара составляетъ $\frac{1}{3}$ (34,5%) всей суммы производства—это значитъ, что евреи преобладаютъ въ мелкомъ производствѣ; дѣйствительно, средній размѣръ производства одной фабрики, вычисленный по даннымъ вообще по губерніи, равенъ 30,400 руб., а для еврейской фабрики—20,400 р.

Разматривая же въ частности по отдѣльнымъ производствамъ, мы видимъ, что евреи принимаютъ исключительное участіе въ слѣдующихъ производствахъ: шерсто-вязальномъ, бумажномъ и картонномъ, лѣсопильномъ, салотопенномъ, мыловаренномъ, свѣчно-сальномъ, кожевенномъ, маслобойномъ, искусственныхъ минеральныхъ водъ и табачномъ; совсѣмъ не принимаютъ участія въ производствахъ: рогожномъ, смолекуренномъ, скипидарномъ, известковомъ, гончарномъ, машинно-строительномъ и въ экипажномъ; въ остальныхъ же производствахъ участіе ихъ болѣе или менѣе дѣятельное; въ обрабатывающей промышленности губерніи они участвуютъ не только своими капиталами въ качествѣ хозяевъ-предпринимателей, но и своимъ трудомъ въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ, служащихъ и завѣдующихъ. На большинствѣ еврейскихъ фабрикъ работаютъ еврей-работчіе; въ нѣкоторыхъ производствахъ они доставляютъ исключительный контингентъ

рабочихъ, напр., на табачныхъ фабрикахъ (на нѣкоторыхъ до 60—70% женщинъ почти исключительно еврейки), мыловаренномъ, свѣчномъ и др., также много на суконныхъ фабрикахъ, преимущественно ткачей. По вычислениямъ фабричнаго инспектора виленскаго фабричнаго округа, въ составъ котораго входитъ и гродненская губ., число евреевъ-рабочихъ въ среднемъ выводѣ по всему округу составляетъ около 40%; если принять въ данномъ случаѣ эту норму, то мы получимъ для всей гродненской губ. число рабочихъ-евреевъ до 5 тыс. (4,953), такъ какъ общее число фабричныхъ рабочихъ опредѣляется въ 12,383 человека (см. «Обзоръ гродненской губерніи за 1886 годъ»—приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету, стр. 6).

Въ приведенную выше таблицу не вошли мелкія промышленныя заведенія съ оборотомъ, не превышающимъ 1,000 рублей и носящія характеръ кустарно-ремесленный; въ нихъ участіе евреевъ сильно преобладающее. На одинъ видъ такого кустарнаго производства съ исключительнымъ участіемъ евреевъ указывается въ «Обзорѣ», именно на заводы по выдѣлкѣ изюмнаго вина. Такихъ заводовъ въ гродненской губерніи 250, съ производительностью на 165,562 р. или въ среднемъ выводѣ 666 р. на каждый. Изюнное вино,—говорится въ «Обзорѣ»,—имѣетъ религіозное назначеніе для еврейскихъ обрядовъ; судя по густотѣ и крѣпости его, оно проникаетъ въ торговлю подъ видомъ малаги и употребляется далеко не одними только евреями.

Въ 1886 году призыву къ исполненію воинской повинности подлежало 18,258 человекъ: вынутаю жребія подлежало всего 16,343 чел.; изъ нихъ принято на службу 4,332—столько, сколько слѣдовало по гродненской губерніи по общей разверсткѣ, т. е. *призывъ 1886 г. былъ заключенъ безнедомочно*, при зачетѣ одной только кавказца, не смотря на то, что по разверсткѣ слѣдовало сдать на 379 человекъ болѣе въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ («Обзоръ», стр. 23).

Изъ числа 4,331 принято новобранцевъ-евреевъ 1,059, т. е. 24,3%, при процентномъ отношеніи евреевъ къ населенію въ 20.

По сравненію съ 1885 годомъ принято на службу евреевъ болѣе на 637 человекъ, т. е. болѣе чѣмъ вдвое; какимъ образомъ въ одинъ годъ могла произойти такая разниця, отчетъ не объясняетъ. Какого напряженія стоило еврейскому населенію такое бездомочное заключеніе набора, видно изъ того, что принято на службу 19 человекъ, пользовавшихся по семейному положенію правомъ на льготу 1-го разряда (отчетъ не указываетъ

МАТЕРИАЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ ЕвРЕЕВЪ ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБ. 5

числа льготныхъ, принятыхъ на службу по національностямъ, по 1-го разряда льготы, какъ извѣстно, даются исключительно на евреевъ), т. е. многимъ семьямъ приходилось лишиться единственнаго работника и кормильца въ семьѣ.

По убѣдавъ число принятыхъ евреевъ колеблется въ очень большихъ предѣлахъ: отъ 33—въ Волновыскомъ и 158—въ Вѣльскомъ; въ среднемъ выводѣ—около 100.

Всего не явилось къ призыву по всей губерніи 567 человекъ; сколько евреевъ въ томъ числѣ—не показано.

Число учащихся евреевъ въ средно-учебныхъ заведеніяхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Всего.	Евреевъ.	%
Въ гродненской гимназіи и брестской прогимназіи	577	123	21,31
» бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ	305	78	25,5
» гродненской женской гимназіи	289	122	42,21
	1171	323	27,5

Но въ общемъ процентъ учащихся евреевъ будетъ меньше; такъ, въ гродненской губерніи существуютъ два заведенія—учительская семинарія съ 162 учащимися и институтъ благородныхъ дѣвицъ—съ 122 учащимися, въ которыхъ евреямъ доступъ воспрещенъ; все число учащихся въ средно-учебныхъ заведеніяхъ 1,455 и еврей, слѣдовательно, составляютъ 22,2%, т. е. мало превышаютъ процентное отношеніе населенія. Гораздо меньшее отношеніе числа евреевъ, учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ всего числа 29,818 на долю евреевъ приходится 733 ученика, т. е. 2,5%, но за то къ услугамъ еврейскихъ дѣтей существуютъ спеціально-еврейскія учебно-воспитательныя заведенія, а именно:

3 евр. уч. (1 двухклассное и 2 одноклас.) съ 238 учащимися; кромѣ того отчетъ насчитываетъ: 219 частныхъ еврейскихъ училищъ, какъ-то: частныя школы грамотности, сивботы, таллудъ-торы, хедеры и приюты, съ общимъ числомъ учащихся въ 4,075, въ томъ числѣ шесть заведеній спеціально-женскихъ, съ 399 ученицами; остальные 243 ученицы обучаются въ общихъ школахъ, съ отдѣленіями для дѣвочекъ; интересно также, что въ городскихъ приходскихъ школахъ и въ частныхъ христіанскихъ школахъ число еврейскихъ дѣвочекъ значительно превышаетъ число еврейскихъ мальчиковъ.

Приводимая отчетомъ общая цифра учащихся въ частныхъ еврейскихъ школахъ—4,075—далеко ниже дѣйствительной, такъ какъ хедеры, при полномъ отсутствіи какого либо контроля, не поддаются правильной регистраціи. Изъ другихъ сторонъ удовлетворенія духовно-нравственной потребности народа отмѣтимъ число благотворительныхъ учреждений: благотворительныхъ обществъ, официально существующихъ, всего три; изъ 35 богадѣленъ во всей губерніи еврейскихъ—21; изъ 25 больницъ—14 еврейскихъ на 180 кроватей; въ отчетномъ году во всѣхъ еврейскихъ больницахъ лечилось 2,385 человекъ, т. е. около половины всего числа больныхъ всѣхъ больницъ въ губерніи; слѣдовательно, по отношенію къ обезпеченію медицинской помощи бѣдный классъ евреевъ поставленъ въ относительно лучшія условія, чѣмъ прочее населеніе губерніи. Къ сожалѣнію, количественная сторона не соответствуетъ качественной—средній процентъ смертности въ еврейскихъ больницахъ—9,64—превышаетъ на 2 слишкомъ $\%$ общій $\%$ смертности для больныхъ, пользовавшихся внѣ больницъ, что обуславливается крайней неудовлетворительностью общей больничной обстановки, весьма рѣдко удовлетворяющей самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены, а это въ свою очередь зависитъ отъ крайней скудости средствъ на ихъ содержаніе.

Мы уже говорили, что относительно занятій данныя весьма скудны; отмѣтимъ участіе евреевъ въ такъ наз. либеральныхъ профессіяхъ: изъ 60-ти вольно-практикующихъ врачей, ветеринаровъ и дантистовъ—евреевъ 22, въ томъ числѣ 2 женщины-врача. Изъ 65 частныхъ аптекъ, городскихъ и сельскихъ и отдѣленій, во владѣніи и арендѣ у евреевъ находится 5. Изъ 10 присяжныхъ повѣренныхъ, занимающихся адвокатурой,—3 еврея.

Объ участіи евреевъ въ сельско-хозяйственной промышленности отчеты не приводятъ никакихъ данныхъ; на существованіе въ губерніи евреевъ-земледѣльцевъ есть только намекъ: именно въ статьѣ о поступленіи податей и окладныхъ платежей указывается, что съ евреевъ-земледѣльцевъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ, причитается окладного сбора 1,343 р. 43 к., и съ живущихъ на собственныхъ земляхъ—82 р. 80 к., но не указано ни количества земли, ни числа лицъ, занятыхъ въ этой отрасли промышленности въ настоящее время, между тѣмъ извѣстно, что въ гродненской губерніи было основано цѣлыхъ 16 колоній, о дальнѣйшей судьбѣ и современномъ положеніи которыхъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Приведемъ здѣсь кое-какія данныя, касающіяся основанія и устройства этихъ

колоній, свѣдѣнія, сообщаемыя П. Л. Бобровскимъ въ своемъ «Описаніи гродненской губерніи», изданномъ въ 1863 году *.

Для поселенія евреевъ было отведено 7,260 дес. казенной земли въ 403 участкахъ; изъ этого количества въ 1861 г. (во время составленія описанія) во владѣніи евреевъ-земледѣльцевъ состояло 165 участковъ въ 2,655 дес.; оставалось незаселенными 4,606 дес. Евреевъ-колонистовъ числилось тогда 192 семейства, наличныхъ душъ—705 муж. и 671 жеп.; всего—1,376 человекъ. Кромя того, нѣсколько семействъ поселились для занятія хлѣбопашествомъ на собственной, купленной землѣ.

Въ виду того большого интереса для изученія экономическаго быта евреевъ западнаго края, который имѣли бы свѣдѣнія о современномъ положеніи колоній, было бы весьма желательно, чтобы мѣстные корреспонденты занялись собираніемъ этого свѣдѣній на мѣстѣ.

Для облегченія дѣла собиранія данныхъ приведемъ здѣсь списекъ основанныхъ колоній съ распредѣленіемъ ихъ по уѣздамъ: въ Волковыскомъ уѣздѣ—1) Галилейская, 2) Израильская (мѣстное названіе Михалково), 3) Іереміовщина; въ Гродненскомъ—4) Каплицы, 5) Вурки, 6) Бяльчицы; въ Слонимскомъ—7) Синайская, 8) Иудейская, 9) Константиновка, 10) Павлово; въ Пружанскомъ—11) Гавриловичи, 12) Сосновица (здѣсь нѣсколько семействъ-евреевъ поселены не отдѣльно, а среди прочихъ крестьянъ); въ Кобринскомъ уѣздѣ—13) Яковлево; въ Брестскомъ—14) Авраамовская, 15) Саровская, 16) Лотовская; въ Сокольскомъ уѣздѣ—17) Палестинская, 18) Ханаанская и 19) Исаковская (см. П. Л. Бобровский, «Опис. Гродн. губ.», томъ II, прилож. 25 а).

М. В.

* Матер. для географ. и стат. Россіи, собранные офад. ген. шт., т. XIV.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЕЧАЛЬ СОВРЕМЕННОСТИ И УТѢШЕНІЕ ИСТОРИИ.

1) *La Russie juive, par Kalixt de Wolski* (Еврейская Россія, сочиненіе Каликта Вольскаго). Paris, 1887, Albert Savine.

2) *Apologie des juifs: Etude historique et littéraire sur l'état politique et social des juifs depuis la chute de Jérusalem jusqu'à 1306.* Par *Avigdor Chaikin, rabbin* (Апология евреевъ: Историко-литературное изслѣдованіе о политическомъ и общественомъ положеніи евреевъ отъ паденія Іерусалима до 1306 года. Сочиненіе раввина Авигдора Хайкана). Paris, 1887, Vieweg.

Въ началѣ нынѣшняго года, почти одновременно, вышли въ свѣтъ въ Парижѣ двѣ книги, изъ которыхъ одна направлена противъ евреевъ и написана въ духѣ моднаго современнаго антисемитизма, другая же, напротивъ, защищаетъ евреевъ и выставляетъ, на видъ наиболѣе свѣтлыя стороны ихъ исторической жизни. Судьба этихъ двухъ книгъ была столь же различна, какъ и ихъ тенденціи. Одна изъ нихъ имѣла значительный успѣхъ, просвистала по Европѣ подобно разрывной бомбѣ и отчасти даже попала въ цѣль, хотя и далеко за предѣлами той мѣстности, откуда она была пущена; другая же тихо и безшумно, словно крадучись, прошла по литературной нивѣ и въ нашей русской печати едва-ли извѣстна даже по названію. А между тѣмъ, первая изъ этихъ книгъ есть недобросовѣстный памфлетъ, сплошной скандалъ, а вторая — серьезный и добросовѣстный трудъ, основанный на неоспоримыхъ фактахъ. Слѣдуетъ-ли удивляться такой несправедливости судьбы? Конечно, нѣтъ. Это уже всегда такъ бываетъ, что скандалъ привлекаетъ много зрителей и слушателей, между тѣмъ какъ отъ серьезнаго и истиннаго толпа отворачивается. Крикливая, нарумяненная, навязчивая кокетка Ложь открыто гуляетъ по торжищу жъзни и вездѣ находитъ ласковый пріемъ; тихая же и простая Правда

сидить въ углу, никому не навязывается и обращаетъ на себя вниманіе лишь весьма немногихъ избранныхъ людей, способныхъ отличать настоящую красоту отъ поддѣльной... Это—старый и грустный фактъ, благодарный матеріалъ для «плачущихъ философовъ», въ родѣ Гераклита, Экклезиаста, Шопенгауэра,—да не о немъ тутъ рѣчь. Наша нефилософская, а критическая задача состоитъ въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ смотрѣть и лжи, и правдѣ прямо въ лицо, опредѣлять настоящее ихъ мѣсто и устанавливать фактъ различія между ними. И если самъ случай дастъ намъ въ руки живую антитезу и ставить передъ нами рядомъ и ложь, и правду, то мы, конечно, должны воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ.

Читатель уже знаетъ по заголовку, о какихъ тутъ книгахъ идетъ рѣчь. Первая изъ этихъ книгъ—«Еврейская Россія» г. Вольскаго—отчасти уже, вѣроятно, знакома ему по возбужденной ею газетной полемикѣ *. Говоримъ: «отчасти», ибо полемика эта только вскользь коснулась нѣкоторыхъ частныхъ и отдѣльныхъ пунктовъ разсматриваемаго сочиненія, а потому не могла дать о немъ полного, связнаго понятія. А между тѣмъ только подробный разборъ этой книги можетъ намъ дать понятіе какъ о ней самой, такъ и вообще о тѣхъ приемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ застрѣльщики современной юдофобіи для достиженія своихъ человѣконенавистническихъ цѣлей.

Прежде всего—кто такой авторъ книги, г. Каликсть де-Вольскій?—Личность въ литературѣ совершенно неизвѣстная, по имени—полякъ, по языку—французъ, но по профессіи, очевидно, антисемитъ. Въ настоящее время этого человѣка уже нѣтъ въ живыхъ; но крайней мѣрѣ на это указываетъ одно примѣчаніе въ книгѣ, въ которомъ издатели говорятъ: «Авторъ настоящаго труда оставилъ по себѣ цѣлый рядъ дополнительныхъ къ нему этюдовъ. Мы чувствуемъ себя обязанными передъ его дорогою памятью свято изложить здѣсь (въ послѣднихъ главахъ книги) идеи, разбѣяныя въ оставленныхъ имъ произведеніяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ настоящими, столь важнымъ само по себѣ, изслѣдованіемъ» (стр. 307). И такъ, г. де-Вольскій находится уже нынѣ въ «мирѣ прав-

* Запѣвало юдофобской нашей печати „Новое Время“, а за нимъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ посвятили рядъ статей этому памфлету, который онѣ провозгласили „серьезнымъ“ и чуть-ли даже не гениальнымъ трудомъ. См. по поводу этихъ статей „Нед. Хроникѣ Восхода“, №№ 16, 17 и др. сего года.

ды», гдѣ ему приходится, можетъ быть, выслушивать ту же самую грозную филиппику, какою встрѣчаютъ «сочинителя» въ известной баснѣ Крылова... И кто знаетъ, радъ-ли онъ теперь тѣмъ ревностнымъ заботамъ о спасеніи его души, какія выказываетъ его издатель г. Альбертъ Савинъ, усматривающій въ сочиненіи своего покойнаго друга и, повидимому, соотечественника нѣчто весьма важное для блага человѣческаго? Кто знаетъ, если бы г. Вольскій могъ теперь исходатайствовать временный отпускъ у властей небесныхъ, не явился-ли бы онъ на землю прямо въ «Nouvelle librairie parisienne», въ своему душеприкащику-издателю, и не сказали бы ему: «Любезный другъ, ради Бога не усердствуй, ибо за такія штуки на томъ свѣтѣ жарятъ немилосердно»?... Всего этого, конечно, нельзя знать, но несомнѣнно одно: что тѣмъ автора пока не тревожить еще издателя, который не только озаботился напечатаніемъ труда своего единомышленника, но еще не побѣдился снабдить этотъ «серьезный и глубокій трудъ» (ouvrage sérieux et profond) обширнымъ предисловіемъ, написаннымъ въ духѣ наступательнаго, воинствующаго антисемитизма.

«Новое теченіе проложило себѣ русло въ литературѣ! И разъ это случилось, оно несомнѣнно такъ и должно было случиться. Это теченіе называется *антисемитизмомъ*, и самый фактъ его появленія свидѣтельствуетъ о томъ, что гдѣ-то пробился ключъ, гдѣ-то прорвалась плотина. Антисемитская литература есть продуктъ, нѣсколько еще скороспѣлый, инстинктивнаго, бессознательнаго ужаса передъ постоянными захватами современнаго еврея. Въ лагерѣ христіанъ господствуетъ еще страхъ; тутъ еще соображаютъ—и вскорѣ рѣшатся!» Такими безсвязными восклицаніями начинается «предисловіе» издателя—и восклицанія эти не умолкаютъ на протяженіи цѣлыхъ 17 страницъ, занимаемыхъ этимъ предисловіемъ. Призвавъ «новымъ» такое теченіе, которое ведетъ свое начало отъ временъ ветхозавѣтнаго Гамана и еще въ среднихъ вѣкахъ могло быть названо старымъ, авторъ предисловія съ восторгомъ—искреннимъ или поддѣльнымъ, трудно узнать—говоритъ далѣе о великой будущности «благороднаго движенія» (généreux mouvement) противъ евреевъ—этихъ непримиримыхъ враговъ христіанства, этихъ тирановъ, властвующихъ надъ всѣми народами, среди которыхъ они живутъ, и т. д., и т. д. Гдѣ же центръ этой власти? Разумѣется, въ «кагалѣ». Кто его главные представители? Ротшильдъ и еврейскіе банкиры и капиталисты всѣхъ странъ. «Едва только рухнула величайшая власть *политическая*, воплощенная въ личности Наполеона I, тотчасъ же возникла величайшая власть финан-

совая, представляемая Ротшильдомъ» (стр. XIII). До сихъ поръ христіанскіе народы страдали отъ тиранніи евреевъ; теперь же народы возмутились, народы возстали, вооружились, идутъ войною на своихъ поработителей—и предводителямъ «возставшихъ» остается только воодушевлять ихъ боевыми кликами: «à l'oeuvre donc! à l'oeuvre!» (стр. VI). И подобными возгласами переполнено все предисловіе, отъ первой строчки до послѣдней.

Мы уже такъ привыкли къ этимъ возгласамъ въ сочиненіяхъ современныхъ антисемитовъ, такъ сильно прожужжали намъ уши эти крики о еврейскомъ міродержавствѣ, а между тѣмъ всякій разъ, когда эти возгласы вновь долетаютъ до нашего слуха, они поражаютъ насъ своею странностью, парадоксальностью, и возбуждаютъ глубокое недоумѣніе. И припоминается намъ тогда одно историческое сказаніе. Про царя Ивана Грознаго рассказываютъ, что съ людьми особенно ему ненавистными онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: облакая ихъ въ свое царское одѣяніе, сажалъ на царскій престолъ, а самъ кланялся имъ въ ноги, валялся передъ ними по землѣ и вообще всячески унижался; по окончаніи же этой церемоніи, несчастныхъ «царей на часъ», по приказанію грознаго властелина, стаскивали съ престола, сдирали съ нихъ царскія одежды, били и топтали ногами и, потѣшившись надъ ними вдоволь, предавали лютой казни, какъ измѣнниковъ царю и похитителей престола. Не такъ же ли поступаютъ съ евреями современные антисемиты? Безправный, забитый многолѣтними страданіями народъ они объявляютъ властелиномъ вселенной, сажаютъ его на тронъ Европы, заставляютъ всѣ прочіе народы служить и кланяться ему—и всю эту комедію продѣлываютъ для того только, чтобы затѣмъ съ эффектомъ стащить мнимаго властелина съ престола и предать его казни, какъ узурпатора. Не жестокая-ли это иронія, не безсердечная-ли потѣха надъ безсиіемъ гонимаго народа, не горькая-ли «насышка надъ бѣднякомъ»?... Ибо подойдите къ евреямъ поближе, посмотрите на нихъ не изъ прекраснаго далека улицы Друо въ Парижѣ, а со «школьнаго двора» любого городка въ чертѣ оублности—и то-ли вы увидите, о чемъ трубятъ антисемиты? Какъ? Эти могучіе властелины, пританувшіе къ себѣ богатства всего міра, тѣснятся въ душной «чертѣ», живутъ въ безысходной нуждѣ, бѣдствуютъ, поѣдаютъ другъ друга, лишены самаго первобытнаго права свободнаго передвиженія, крайне стѣснены въ своихъ промыслахъ, не имѣютъ права государственной службы, изгоняются изъ гимназій и университетовъ, преслѣдуются всякою мелкою административною

сошкою и, матеріально разоренные, нравственно униженные, бѣгутъ безъ оглядки въ Америку и Палестину! Что это такое? Подвластный евреямъ русскій народъ (вѣдь о *русскихъ* евреяхъ идетъ рѣчь въ рассматриваемомъ сочиненіи) предписываетъ имъ, въ лицѣ своего законодательства, въ высшей степени стѣснительные законы, отравляющіе имъ жизнь — и властелины молчатъ, и всемогущій кагалъ не принимаетъ своихъ оборонительныхъ мѣръ? И эта несчастная, стономъ стонущая четырехмилліонная масса, которую развѣ гнѣвныи не бьетъ, которая мечется въ своей душевной клеткѣ, страстно ища выхода,—эта голодная, приниженная толпа паріевъ царствуетъ надъ окружающимъ міромъ, имѣетъ въ своемъ услуженіи сто-милліонный русскій народъ?..

Странный, нелѣпый парадоксъ! Средніе вѣка создали мнѣ о «вѣчномъ жидѣ» Агасферѣ, который въ наказаніе за свое ветхозавѣтное упорство и отрицательное отношеніе къ христіанству обреченъ былъ на вѣчное скитальчество, на жизнь неприютную, на страданія и униженія. Этотъ мнѣ имѣлъ хоть реальное основаніе въ фактахъ исторіи. Но вотъ просвѣщенное XIX-е столѣтіе изобрѣло другой мнѣ—объ Агасферѣ-міродержавцѣ, завоевавшъ весь міръ христіанскій и истащивъ ему за свое прежнее униженіе *. Но согласенъ-ли этотъ новый мнѣ хоть сколько нибудь съ фактами современной дѣйствительности? Посмотрите: вѣдь Агасферъ все еще держитъ въ рукахъ свой странническій посохъ, вѣдь изъ многихъ домовъ его все еще безжалостно тонятъ, отказывая ему въ ночлегѣ, въ настоящемъ кускѣ хлѣба, въ глоткѣ воды; смотрите, вѣдь лицо его болѣе, чѣмъ когда либо, выражаетъ глубокое страданіе, усталость, страхъ и отчаяніе!.. Чему же вѣрить—мнѣю или дѣйствительности?

Къ области антисемитической миеологіи (а вѣдь такая специальная миеологія существуетъ) относятся несомнѣнно и все то, что говорится въ первой главѣ разбираемой книги самимъ авторомъ ея, г. Вольскимпъ. Здѣсь приводится длинная рѣчь какого-то «великаго раввина», произнесенная будто бы въ «тайномъ собраніи» представителей еврейскаго народа, происходящемъ разъ въ сто лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится могила «великаго учителя Калеба, святого раввина Симеона-бенъ-Іегуды» (?!). Въ этой рѣчи говорится о стремленіи евреевъ къ власти надъ міромъ посред-

* „Тщеславный, гордый и мстительный еврей захотѣлъ сдѣлаться властелиномъ и преслѣдователемъ въ свою очередь“ (Предисловіе къ „Russie juive“, стр. XI).

ствомъ «величайшей силы на землѣ»—силы денегъ; ораторъ убѣждаетъ своихъ слушателей, что такія стремленія должны питать въ душѣ всякій израильянинъ, который долженъ обогащаться для того, чтобы разорять христіанина, долженъ приобретать власть для того, чтобы поработать христіанина, вообще долженъ всѣ свои дѣйствія соображать съ великою конечною цѣлью—«съ цѣлью властвовать надъ міромъ, какъ это было завѣщано праотцу нашему Аврааму». Но откуда же заимствована эта рѣчь, произнесенная при столь таинственной обстановкѣ? Авторъ настолько «добросовѣстенъ», что «въ точности» указываетъ источникъ. Рѣчь, видите-ли, заимствована изъ англійскаго сочиненія *Джона Редклифа* подѣ заглавіемъ: «Отчетъ о политико-историческихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія». Когда же эта книга напечатана, гдѣ издана?—объ этомъ исторія молчитъ, ибо ей невыгодно объ этомъ говорить. А невыгодно потому, что по справкѣ оказывается, что англійское сочиненіе Джона Редклифа «Отчетъ о политико-историческихъ событіяхъ», etc. есть ничто иное, какъ плохой *нѣмецкій романъ*, а скопированная г. Вольскимъ въ качествѣ «историческаго документа» рѣчь «великаго раввина» есть ничто иное, какъ плодъ фантазіи романиста, вложившаго подобную рѣчь въ уста одного изъ своихъ героев *. И такимъ образомъ г. Вольскій въ первой же главѣ своей книги совершилъ возмутительный подлогъ, выдавъ вымышленную «рѣчь» какого-то нѣмецкаго романиста за несомнѣнный историческій документъ.

Чего же можно ожидать отъ человѣка, способнаго совершать такія вещи, отъ человѣка, отрекомендовавшаго себя въ самомъ началѣ своей книги лжецомъ и фальсификаторомъ? Вы читаете дальше, и убѣждаетесь, что вся почти книга составляетъ въ сущности изложеніе известной «Книги Кагала» Брафмана, а сверхъ того есть ничто иное какъ сводъ общихъ мѣстъ антисемитической литературы. Все это вложено безъ системы, безъ связи, въ самый живописномъ безпорядкѣ. Авторъ въ сущности является переводчикомъ, приводящимъ разныя цитаты изъ разныхъ юдофобскихъ сочиненій, причѣмъ иногда указываетъ источники, иногда же благо разумно умалчиваетъ о нихъ **, При указаніи главнаго источника своего сочиненія

* См. подробнѣе объ этомъ передовую статью въ „Нед. Хроникѣ Восхода“, въ № 16 настоящаго года.

** Любопытнѣе всего, что русскіе антисемиты сочли нужнымъ сдѣлать переводъ съ этого перевода, и выпустили книгу г. де-Вольскаго на русскомъ языкѣ. Но французскій оригиналъ уже самъ по себѣ до такой степени скандаленъ, что мы не сочли нужнымъ даже и взглянуть на русскій переводъ его, о которомъ

авторъ не могъ отказаться отъ присущей ему привычки—и опять совралъ. Онъ говоритъ (стр. 3), что «Книга Кагала» вскорѣ по своемъ появленіи произвела большой переволонъ между евреями, которые поспѣшили ее раскупить съ цѣлью уничтожить ея экземпляры, и что ему, автору, удалось съ большимъ трудомъ достать одинъ экземпляръ, чудеснымъ образомъ спасенный отъ истребленія. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что «Книга Кагала» выдержала два изданія *, что экземпляры второго изданія и нынѣ еще можно достать во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и что, наконецъ, издавна существуетъ французскій переводъ (или даже, если не ошибаемся, два перевода) этой книги. Для чего же повадился автору этотъ наглый обманъ? Не для того-ли, чтобы имѣть лишній поводъ очернить евреевъ? Вѣдь для этой цѣли все позволительно: fiat antisemitismus, pereat veritas!..

Начиная съ третьей главы (о содержаніи первой мы говорили; вторая глава содержитъ въ себѣ цитаты изъ юдофобской книги нѣкоего *Туснелля*, озаглавленной: «Евреи—цари нашего времени»), цѣлый рядъ главъ посвященъ изложенію Брафмановскихъ воззрѣній на еврейство. Сущность всѣхъ этихъ главъ сводится къ одному: «Кагаль, это еврейское правительство, все заполонилъ, все подчинилъ себѣ и надъ всѣмъ господствуетъ!» Въ подтвержденіе сего вводится изъ книги Брафмана: многіе документы, заключающіе въ себѣ постановленія разныхъ кагаловъ и относящіеся къ концу прошлаго и къ самому началу настоящаго столѣтія. Что же преступнаго находимъ мы въ этихъ документахъ? А вотъ что. Въ четырехъ документахъ, которымъ авторъ придаетъ самое большое значеніе, заключаются «правила относительно приглашеній на семейные праздники и религиозныя церемоніи», въ родѣ обрѣзанія, свадьбы и т. п. (стр. 36—44). Въ другой серіи документовъ заключаются распоряженія разныхъ еврейскихъ общинныхъ правленій касательно взиманія съ евреевъ особаго сбора, необходимаго на покрытие расходовъ по ходатайствамъ передъ начальствомъ объ облегченіи разныхъ тяготъ, о расширеніи промышленныхъ правъ евреевъ и т. п. (стр. 61—74). Дальше идутъ спеціальныя постановленія объ убоѣ скота и мясѣ кошерномъ и трэфномъ, о формахъ судопроизводства у раввиновъ, о еврейскихъ религиозныхъ братствахъ, объ отлученіяхъ отъ

«Новое Время» чуть-ли не ежедневно напоминаетъ публикѣ на первой страницѣ этой газеты.

Ред.

* Въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, на книжномъ рынкѣ появляется новое, *третье* изданіе «Книги Кагала», въ двухъ томахъ (цѣна 3 руб.).

синагоги, и наконецъ о пресловутыхъ «казакахъ и меропіи» (отъ 7-ой до 13-й главы). Все это торжественно выставляется на показъ и говорится: «Вотъ вамъ весь *corpus delicti* еврейскаго народа! Вотъ несомнѣнные доказательства его преступности! Распните, распните его!»

Здѣсь, конечно, и неумѣстно, и нѣтъ никакой надобности отвѣчать на всѣ эти старья, избитыя обвиненія, ложность которыхъ такъ часто изобличалась вѣскими и несомнѣнными фактами. Мы позволимъ себѣ только указать на одно общее возраженіе, которое до сихъ поръ, кажется, упускалось изъ виду защитниками еврейства, противъ наветовъ Брафмана и которое между тѣмъ важнѣе всѣхъ прочихъ частныхъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно доказываютъ всѣ документы, приводимые Брафманомъ, если даже допустить ихъ безусловную вѣрность и подлинность? Они доказываютъ только, что кагалъ *существовалъ* въ эпоху, къ которой относятся эти документы, т. е. въ концѣ прошлаго и въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, но они не могутъ доказать, что кагалъ *существуетъ* нынѣ, послѣ официального его упраздненія въ 1843 г. Спросите исторію—и она вамъ скажетъ коротко и ясно: что кагалъ, какъ органъ еврейскаго внутренняго самоуправленія, былъ учрежденъ не позже XVI вѣка польскими королями не въ интересахъ евреевъ, а для ихъ собственной выгоды, для выгодъ ихъ казны, ибо главная обязанность кагала состояла во взиманіи съ евреевъ въ пользу казны многочисленныхъ податей и налоговъ, которыми евреи щедро оплачивали даруемныя имъ «права и привилегіи»; что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія власти кагала, наиболѣе страдала отъ этой власти еврейская масса, страдали «рядовые евреи» (какъ выражается въ своемъ изслѣдованіи «Литовскіе Евреи» проф. Бершадскій), ибо если эта масса составляла своего рода узаконенное государство въ государствѣ, то оно имѣло надъ собою правительство надъ правительствомъ, имѣло надъ собою двѣ власти—королевство-шляхетскую и кагалную. Далѣе, исторія вамъ покажетъ, что съ присоединеніемъ Польши, Литвы и Бѣлоруссіи къ Россіи (въ 1773 г.) этотъ *вредный для евреевъ и насильно имъ навязанный* порядокъ кагальнаго самоуправленія не былъ упраздненъ; что вредность его отчасти только ослаблена гуманнѣмъ положеніемъ 1804 года, отнявшимъ у кагаловъ и раввиновъ право херема—отлученія ослушниковъ отъ синагоги; что до официального его упраздненія указомъ 1844 г. кагалъ служилъ нашему правительству въ качествѣ особой еврейской податной инспекціи, да и послѣ его упраздненія за нимъ еще фактически осталось право надзора за правильнымъ

исполненіемъ еврейни рекрутской повинности,—право, которымъ онъ пользовался для угнетенія массы еврейской, для подавленія въ ней всякихъ стремленій къ просвѣщенію и разумной общегражданской жизни; что, наконецъ, *фактически и окончательно* кагалъ былъ упраздненъ изданіемъ новаго устава о всеобщей воинской повинности 1874 года—и упраздненъ къ величайшему благу самихъ евреевъ. Можно-ли послѣ этого документами, относящимися къ эпохѣ полновлестія кагала, въ концѣ прошлаго вѣка, доказать существованіе кагала и помнитъ? Да и вообще можно-ли евреевъ обвинять въ существованіи, въ прежнее время, учрежденія, которое не ими и не въ ихъ интересахъ создано и отъ котораго они больше всего страдали? Да въ такомъ случаѣ, почему бы не виѣнить евреямъ въ вину существованіе испанской инквизиціи, которая тоже вѣдь была преимущественно «еврейскимъ учрежденіемъ»?

Этого общаго возразенія, основаннаго на фактахъ исторіи и современности, достаточно, по нашему мнѣнію, для отраженія всѣхъ обвиненій, выставленныхъ противъ евреевъ, въ цѣломъ рядѣ главъ, г. Вольскимъ и списанныхъ имъ съ русскихъ юдофобскихъ сочиненій. Но для такихъ господъ что значать факты исторіи и факты дѣйствительности? У нихъ есть своя собственная подложная исторія, извращенная дѣйствительность, своя собственная фабрика фальшивыхъ документовъ, въ которыхъ чего хочешь, того и просишь. Вотъ, напримѣръ, настоящая исторія показываетъ, что Наполеонъ I былъ другомъ и благодѣтелемъ евреевъ, основателемъ ихъ гражданской равноправности; по подложной же исторіи г. Вольскаго выходитъ, что Наполеонъ, подобно Гаману и Новуходоносору, былъ врагомъ и преслѣдователемъ евреевъ! (см. стр. 248 и 253). Извѣстный и не разъ уже обличенный доносъ Державина (министра юстиціи въ началѣ царствованія Александра I) на евреевъ служить г. Вольскому единственнымъ «несомнѣннымъ документомъ», на которомъ онъ строитъ всю исторію еврейско-русскихъ отношеній въ началѣ нынѣшняго вѣка (вся почти 5-я глава). Вотъ какъ у юдофобовъ пишется исторія!...

Странное впечатлѣніе производитъ вторая половина книги г. Вольскаго. Въ этой половинѣ описываются многіе нравы, обычаи и бытовые особенности русскихъ евреевъ—вообще такіе внутренніе факты, которые или вовсе безразличны въ отношеніи правовомъ и государственномъ, или даже сами по себѣ по большей части возбуждаютъ не презрѣніе, а симпатію къ евреямъ. Какую связь имѣютъ эти описанія съ обвинительнымъ актомъ, сочиненнымъ г. Вольскимъ противъ евреевъ? Для какой цѣли

приводить онъ эти факты изъ частной жизни подсудимаго—въ качествѣ смягчающихъ или же отягощающихъ вину обстоятельствъ? Многія выраженія, да и самый способъ изложенія заставляютъ думать, что авторъ понимаетъ эти факты въ послѣднемъ смыслѣ, въ смыслѣ обстоятельствъ, отягощающихъ вину и подтверждающихъ общественную злобредность евреевъ. Такъ, онъ подробнѣйшимъ образомъ и въ тонѣ очевидно недоброжелательномъ описываетъ еврейскіе законы о пищѣ (гл. VII), еврейскія религиозныя братства (гл. IX), церемоніи синагогальныя при чтеніи «торы» (гл. X), обряды праздниковъ Нового года, для всепрощенія и пр. (гл. XIII и XXIII), обряды и обычаи, соблюдаемые при обрѣзаніи и свадьбѣ (гл. XVIII и XIX), порядки хедернаго воспитанія (гл. XXII); не ускользнула отъ его зоркаго взгляда даже та группа спеціальныхъ обрядовъ, которая относится къ «миввѣ», къ очищенію еврейской женщины (гл. XXV). Нѣкоторымъ изъ этихъ описаній нельзя отказать въ вѣрности, по крайней мѣрѣ приближительной; въ другихъ же мы находимъ по-истинѣ смѣхотворныя указанія, свидѣтельствующія о весьма плохомъ знакомствѣ автора съ описываемымъ имъ бытомъ. Такъ, напримѣръ, по наблюденіямъ автора, «китель» (саванъ) надѣвается евреями каждый день при молитвѣ, между тѣмъ какъ его употребляютъ только дважды въ годъ (стр. 197); въ *хедерахъ* ученики въ свободные часы изучаютъ по желанію языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій (стр. 283); можно найти немало другихъ подобныхъ этимъ курьезовъ. Изъ какихъ источниковъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія по части еврейскаго быта—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, можно биться объ закладъ, что онъ и въ глаза не видалъ тѣхъ источниковъ, на которые то и дѣло указываетъ въ ссылкахъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ какъ то, что многія цитаты по проверкѣ не оканчиваются въ тѣхъ мѣстахъ, откуда онѣ будто-бы заимствованы, такъ и то, что самыя названія источниковъ исковерканы до неузнаваемости. Такъ, напримѣръ, кодексъ «*Jore Dea*» превращается въ *Zore-deia* (стр. 77), пять отдѣльныхъ книгъ подъ заглавіемъ: «Игеретъ Шерירים», «Юхсинъ», «Шааре-Цедекъ», «Цемахъ-Давидъ» и «Шебетъ Іегуда» цитируются авторомъ такъ, какъ будто это были два сочиненія, и въ такой формѣ: «*Tecten-Scherira Iouhsin-Schaare; Cedek, Cemach, Duvide, Ihouda*» (стр. 216); «Исторія евреевъ» Гретца превращается въ «*Graetz-Geschichte des Judentums*» (ibid); «Кирія Неэмана» Фина—въ «*Kiria-nesseman*» (226 и др.); талмудическій трактатъ «Хулинъ»—въ имя раввина «раби Кулузы», котораго авторъ признаетъ «однимъ изъ величайшихъ тол-

кователей талмуда» (стр. 117). И послѣ всего этого авторъ имѣеть дерзость увѣрять, что свои свѣдѣнія онъ черпалъ непосредственно изъ всѣхъ этихъ источниковъ («Les sources où nous avons puisé pour la rédaction de ces chapitres sont» etc., стр. 216)! Человѣкъ, очевидно незнакомый съ еврейскимъ языкомъ, выдаетъ свои сообщенія за результатъ непосредственнаго изученія еврейскихъ источниковъ! Не явный-ли это обманъ? Да и не одни названія источниковъ фальсифицируетъ г. Вольскій: всѣ почти спеціальныя еврейскіе термины, приводимыя въ его книгѣ, исковерканы до неузнаваемости, такъ что мы вмѣсто „херема“ имѣемъ „he-chem“ (стр. 38 и мн. др.), мѣсяцъ «тишри»—въ «Siechry» (154) «те-кіась-шоферъ»—въ «Fekiel-Chofé», «талмудо-торы»—въ «Talmudog» (168), «мафтеръ»—въ «maxtire» (192). и т. п. Если бы путешественникъ, описывающій нравы, положимъ—китайцевъ на основаніи ихъ литературы, обличень былъ въ незнаніи китайскаго языка и въ недобросовѣстномъ искаженіи фактовъ, то несомнѣнно и его книга, и онъ самъ были бы выставлены къ позорному столбу; но когда такой же обманъ совершается по отношенію къ евреямъ, то не только автору все сходитъ съ рукъ, но книга его находятъ себѣ даже многихъ читателей и почитателей...

Не въ невѣжествѣ, однако, *главный* грѣхъ автора, не въ незнаніи фактовъ, а въ умысленно-невѣрномъ ихъ освѣщеніи. Изобразивъ разныя особенности еврейскаго быта, не имѣющія никакого вліянія на отношенія евреевъ къ другимъ народамъ, авторъ въ началѣ 27-й главы восклицаетъ съ пафосомъ: «Послѣ всего того, что было сказано въ предыдущихъ главахъ объ интимной и секретной (?) жизни евреевъ, легко объяснить себѣ тѣ преслѣдованія, которымъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена подвергался этотъ *неисправимый, заносчивый и фанатическій* народъ» (слова подчеркнуты въ подлинникѣ). Ясно и понятно, не такъ-ли? Если еврей въ своей «интимной жизни, до которой никому дѣла не должно быть, держатся извѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ и т. п., то очевидно, что ихъ терпѣть нельзя, что они должны быть всѣмъ ненавистны. Но вѣдь еврей могли бы сказать своимъ врагамъ: Какое вамъ дѣло до нашей внутренней жизни, до нашихъ личныхъ привычекъ, до нашихъ убѣжденій? Какое вамъ дѣло, если наши праздники обставлены безчисленными обрядами, если наши законы о пищѣ очень строги, если наши религіозныя церемоніи весьма сложны, если наши женщины моются въ грязныхъ «миквахъ»? Вѣдь отъ этого только *намъ* нехорошо, *мы* падаемъ подъ бременемъ безчисленныхъ обрядовъ, взваленнымъ на насъ раввинами, *мы* свя-

заны на каждомъ шагѣ религиозными обязанностями. *Васъ* же это несколько не касается. Или вы очень сердобольны и не можете равнодушно смотрѣть на наши страданія? Ахъ, добръѣшніе люди, не похожи-ли вы въ такомъ случаѣ на челоуѣка, который изъ ненависти къ своему ближнему поджигаетъ темною ночью его домъ, а затѣмъ является къ несчастному погорѣльцу и говорить: дорогой другъ, ты совсѣмъ не заботишься о себѣ, не кушаешь во-время, заваленъ работою; тебѣ бы побольше за собою смотрѣть, а то, чего добраго, заболѣешь. Не такъ-ли и вы поступаете? Вы, пользуясь господствующею ночью темнотою, поджигаете все зданіе нашей жизни, хотите погубить насъ, и въ то же время являетесь къ намъ съ добрыми совѣтами! Ужъ извините: добрые совѣты принимаютъ отъ друзей, но не отъ враговъ. Предоставьте уже намъ самимъ вѣдать свои собственные дѣла, какъ знаемъ.

Весьма странно звучать также въ устахъ такого завязатаго юдофоба, какъ г. Вольскій, слѣдующія рѣчи, заключающія въ себѣ краткое резюме рѣшенія еврейскаго вопроса,—резюме, подъ которымъ мы сами бы охотно подписались, еслибъ ему приданъ былъ надлежащій смыслъ. «Общая жизнь, общія обязанности, общее воспитаніе, общее управленіе, одинаковыя для евреевъ и для христіанъ, а взаимнъ этого общія права и равенство—вотъ въ чемъ заключается рѣшеніе еврейскаго вопроса» (стр. 306). Авторъ могъ бы еще больше укоротить свое резюме и сказать просто: «общія обязанности и общія права, т. е. равенство!» Тогда стало бы ясно, что разъ въ «обязанностяхъ» евреи давно уже совершенно уравниены съ христіанами, остается только уравнивать ихъ и въ «правахъ». Но такой прямой выводъ автору не по сердцу: противъ этого кричитъ вся его книга, а слѣдовательно, и слова его слѣдуетъ принять только за пустыя фразы, сказанныя для того только, чтобы похвастаться либерализмомъ. Мы въ этомъ особенно убѣждаемся, когда читаемъ тѣ лживыя обвиненія противъ евреевъ, которыя непосредственно предшествуютъ приведенной фразѣ (стр. 305), и также тѣ, которыя за нею непосредственно слѣдуютъ. Приведенная «либеральная» фраза заключаетъ собою 27-ю главу книги; къ началу же слѣдующей 28-й главы издателемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Промежутокъ въ вѣсколько лѣтъ отдѣляетъ нижеслѣдующія главы отъ предшествующихъ имъ главъ, вслѣдствіе чего *идеи автора должны были нѣсколько видоизмѣниться*; но тѣмъ не менѣе господствующая идея—идея о крайней вредности еврейства—остается и здѣсь и проявляется съ болѣею еще силою» (стр. 307). И такъ, авторъ былъ такой впечатлитель-

ный человекъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ убѣжденіи его «должны были» видоизмѣниться—и кто знаетъ,—поживи онъ еще нѣсколько лѣтъ, не претерпѣли-ли бы его «идеи» новое видоизмѣненіе и несталъ-ли бы онъ совсѣмъ юдофиломъ по искреннему раскаяніи въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ? Этого, однако, не судили боги, а пока вышло прямо наоборотъ: духъ юдобобобини еще усилился въ авторѣ послѣ первой метаморфозы, и онъ устыдился даже того грама либерализма, который отпустилъ въ приведенной нами выше фразѣ. И дѣйствительно, послѣднія три главы его книги (начиная съ 28-й) переполнены самыми рѣзкими выходками въ юдобобскомъ вкусѣ. Тутъ онъ уже не разсматриваетъ еврейскаго вопроса, не подыскиваетъ рѣшеній, а только нападаетъ, кричитъ, ругается, вообще рубить сплеча. Евреи, молъ негодяи, разбойники, отъ нихъ вся бѣда на Руси, отъ нихъ и мужикъ русскій бѣдствуетъ (а почему же мужикъ бѣдствуетъ внѣ черты осѣдлости, гдѣ евреевъ, особенно въ деревняхъ, почти нѣтъ?), они одарены необыкновенными способностями и «наивному» славянину не устоять противъ нихъ въ борьбѣ за существованіе и т. д., и т. д. въ такомъ же родѣ. Надо-ли на все это отвѣчать, все это опровергать? Нѣтъ, это уже и старо, и бесполезно. Монтескье давно уже сказалъ: «Когда вамъ приходится *доказывать* вещи столь ясныя сами по себѣ, то можете быть увѣренными, что вы ничего не докажете и никого не убѣдите».

Но что же дѣлать? Молчать, не защищаться? Да! бываютъ такіа обстоятельства, когда приходится отказываться отъ самозащиты, когда приходится отвѣчать или скорбнымъ молчаніемъ, или глубокимъ вздохомъ на самыя рѣзкія нападенія и оскорбленія. Часто, когда борьба длится ужъ очень долго, устаешь защищаться, устаешь негодовать—и тогда на смѣну раздраженію и негодованію являются тихая скорбь, глубокое молчаливое горе. Руки отдыхаютъ, сердце работаетъ. И въ такіе печальные моменты человекъ убѣгаетъ изъ кровавой сѣчи жизни, уходитъ въ себя, въ свое прошлое, и чѣмъ обильнѣе фактами это прошлое, тѣмъ богаче пищу имѣетъ онъ для своего измученнаго сердца—пищу подкрѣпляющую, ободряющую, дающую силы на новую борьбу. Такіе моменты мы всѣ часто переживали въ послѣдніе годы и переживаемъ теперь. Усталые, разочарованные настоящими, мы ищемъ утѣшенія въ прошедшемъ, въ исторіи. Наша многовѣковая исторія можетъ имѣть для насъ въ этомъ смыслѣ двоякое значеніе: воспоминаніе, о печальныхъ явленіяхъ нашего прошлаго, о пережитыхъ нами страданіяхъ—убѣждаетъ насъ въ томъ, что намъ нечего она-

саться нынѣшнихъ гоненій и преслѣдованій, которыя, какъ и встарь, не ослабятъ, а, наоборотъ, укрѣпятъ наше народное чувство; воспоминаніе же объ отрадныхъ явленіяхъ нашей исторіи, о нашихъ успѣхахъ и славныхъ завоеваніяхъ въ области духа—можетъ внушить намъ гордость и чувство собственнаго достоинства, необходимое какъ противовѣсъ переносимымъ нами нынѣ униженіямъ и оскорбленіямъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ исторія наша могла бы быть въ высшей степени поучительна и для нашихъ враговъ, которые увидѣли бы изъ нея, что еврейство, даже материально поработенное, всегда царило въ области духа, что эта постоянная жизнь духа и спасла его отъ смерти, часто даже спасала мысль всего человѣчества отъ застоя, и что первоучитель чистой вѣры—еврейскій народъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть благотворное вліяніе на народы, среди которыхъ ему приходилось и приходится жить.

И въ этомъ именно смыслѣ авторъ второй изъ разсматриваемыхъ нами книгъ, г. Хайкинъ, озаглавилъ ее «Apologie de juifs» (Защита евреевъ), и онъ могъ бы съ одинаковымъ правомъ озаглавить ее «Consolation des juifs» (Утѣшеніе евреевъ). Не безъ нѣкотораго душевнаго облегченія читаемъ мы тѣ отзывы выдающихся христіанскихъ мыслителей о значеніи еврейской исторіи, которые приведены авторомъ «Апологій» во введеніи въ его книгу. Кратокъ, но выразителенъ отзывъ Эрнеста Ренана: «Исторія еврейскаго народа есть одна изъ прекраснѣйшихъ исторій въ мірѣ, и я нисколько не жалѣю, что посвятилъ ей всю свою жизнь» (стр. II). «Когда вы развѣртываете картину безчисленныхъ несчастій, перенесенныхъ евреями,—говоритъ другой французскій мыслитель, Пишаръ,—когда вы обозрѣваете эти долгіе вѣка ихъ бѣдствій и ужасныхъ страданій, и затѣмъ переноситесь мыслью въ исторію другихъ народовъ, гораздо болѣе великихъ, болѣе богатыхъ и болѣе могущественныхъ, чѣмъ народъ еврейскій, и тѣмъ не менѣе исчезнувшихъ съ лица земли со всѣмъ своимъ величіемъ, богатствомъ и могуществомъ,—тогда вы останавливаетесь въ изумленіи передъ этимъ маленькимъ народомъ, который былъ столь часто гонимъ, столь часто служилъ мишенью для самыхъ безчеловѣчныхъ преслѣдованій, и который не смотря на все это не исчезъ съ лица земли, не упалъ подъ бременемъ такихъ несчастій, какихъ не могъ бы никоимъ образомъ выдержать всякій другой народъ» (тамъ-же). Еще яснѣе и энергичнѣе выражается великій Дизраэли въ своей рѣчи, произнесенной по случаю обсужденія еврейскаго вопроса въ англійскомъ парламентѣ въ 1854 году. «Я всегда принималъ сторону евреевъ,—сказалъ Дизраэли,—потому что, по

моему мнѣнію, еврейская раса есть та малая семья, которой великая семья человѣческая наиболѣе обязана. Когда мнѣ говорятъ, что допущеніе евреевъ въ парламентъ несовѣстно съ христіанскимъ духомъ этого собранія, я отвѣчаю, что именно потому, что вы составляете собраніе христіанское, вы обязаны дать евреямъ мѣсто посреди васъ. Когда я обдумываю все то, чѣмъ мы имъ обязаны; когда я соображаю, что именно ихъ исторія, ихъ поэзія, ихъ законы—наставляли, утѣшали насъ и организовали нашъ религіозный бытъ, и когда я думаю о тѣхъ предметахъ болѣе священнаго характера, которые здѣсь считаю неумѣстнымъ коснуться,—то смѣло объявляю, что именно какъ христіанинъ я не могу отвергать требованій того племени, которому христіанство столько обязано... Есть еще другое основаніе, заставляющее меня желать равноправія евреевъ въ Англіи, а именно: всѣ страны, гдѣ евреи преслѣдовались, потерпѣли сами очень много въ своей силѣ и энергіи. Предо мною живой памятникъ: посмотрите на Испанію и Португалію».. (стр. V)

Но простые факты исторіи гораздо краснорѣчивѣе всякихъ словъ и широкихъ обобщеній. Изложенію или, точнѣе, обзору этихъ фактовъ посвященъ собственно трудъ г. Хайкина. Въ довольно живомъ и связномъ изложеніи г. Хайкинъ обозрѣваетъ событія обширной эпохи, простирающейся отъ паденія Іерусалима до 1306 года. Последній годъ принятъ авторомъ за пунктъ дѣленія, какъ годъ изгнанія евреевъ изъ Франціи и вообще какъ начало того періода преслѣдованій, гоненій и притѣсненій, который длится во всей Европѣ отъ начала XIV до конца XVIII столѣтія. Обозрѣваемую имъ обширную эпоху авторъ разбиваетъ на три части: время отъ паденія Іерусалима до Карла Великаго (70—787 г.); отъ Карла Великаго до эпохи тоссафистовъ—толкователей талмуда во Франціи (787—1105 г.), и отъ тоссафистовъ до упраздненія еврейскихъ школъ во Франціи (1105—1306). Сообразно этому дѣленію и трудъ автора распадается на три большія главы. Не смотря на то, что авторъ принимаетъ за точки дѣленія событія изъ жизни французскихъ евреевъ—чѣмъ платитъ дань уваженія той странѣ, которой онъ состоитъ полноправнымъ гражданиномъ—тѣмъ не менѣе въ своемъ обзорѣ онъ удѣляетъ одинаковое вниманіе всѣмъ частямъ тогдашняго разсѣяннаго еврейства. Въ первой главѣ дѣлается весьма бѣглый обзоръ той эпохи, которая во всеобщей еврейской исторіи носитъ названіе «талмудической», ибо составленіе талмуда есть главное содержаніе этой эпохи. Центромъ духовной жизни евреевъ является тогда Востокъ. Въ своей оцѣнкѣ талмуда авторъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на

морально-философскую его часть—на агаду. Въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній объ исторической важности этой части талмуда, онъ приводитъ отзывы старинныхъ и авторитетныхъ христіанскихъ писателей—Буксторфа, Вагензейля и Воссюэ. Эти люди не отличались особеннымъ расположеніемъ къ евреямъ, и тѣмъ не менѣе они всё отдають дань уваженія той великой энциклопедіи, которая называется «Талмудомъ». Буксторфъ видитъ въ ней «обширное собраніе свѣдѣній по юриспруденціи, медицинѣ, физикѣ, нравственности, политикѣ, астрономіи и по другимъ наукамъ,—свѣдѣній, представляющихъ въ лучшемъ свѣтѣ исторію еврейскаго народа въ то время». Вагензейль высказывается въ томъ же смыслѣ и замѣчаетъ, что «талмудическія книги отнюдь не должны быть исключены изъ христіанской литературной республики». Воссюэ признаетъ религіозно-философское міросозерцаніе талмуда «весьма глубокимъ и достойнымъ вниманія современной философіи» (стр. 15—17).

Отъ бѣлаго обзора духовной дѣятельности евреевъ авторъ переходитъ въ той же главѣ къ исторіи ихъ внѣшней жизни, ихъ разсѣянія и поселенія въ разныхъ странахъ. Тутъ, авторъ, къ сожалѣнію, нѣсколько путаетъ порядокъ своего изложенія и рассказываетъ о поселеніяхъ евреевъ не въ географическомъ или хронологическомъ, а въ случайномъ порядкѣ, такъ что выходитъ такая послѣдовательность: Персія, Италия, Германія, Китай, Малабарскіе острова, Аравія, Александрія, Римъ, Испанія, Галлія, Багдадскій халифатъ (стр. 17—41). Большимъ нарушеніемъ порядка нужно признать еще то, что авторъ, часто забывая какъ бы объ эпохѣ), имъ обзорѣваемой, безъ нужды дѣлаетъ отступленія въ эпохи болѣе отдаленныя. Такъ, рассказывая о діаспорѣ евреевъ *послѣ паденія Иерусалима*, онъ безъ всякой надобности прерываетъ изложеніе и рассказываетъ о колонизаціи евреевъ въ Александрію, имѣвшей мѣсто задолго до разрушенія Иерусалима и относящейся преимущественно къ дохристіанской эпохѣ Птолемеевъ. За это нарушеніе порядка авторъ наказанъ тѣмъ, что допустилъ одну фактическую ошибку: онъ говоритъ, что извѣстный философъ Филонъ Александрійскій стоялъ во главѣ еврейской депутаціи, отправленной къ Цезарю (Юлію?), между тѣмъ какъ депутація эта была отправлена 70-ю годами позже къ римскому императору *Каю Калпурію*. Впрочемъ, при всѣхъ этихъ недостаткахъ и мелкихъ неточностяхъ, изложеніе автора всегда интересно и обильно полезными свѣдѣніями.

Немало такихъ свѣдѣній находимъ мы и во второй главѣ, изображающей эпоху возникновенія арабско-еврейской культуры. Тутъ и порядокъ

соблюденъ въ нѣсколько большей степени, чѣмъ въ предыдущей главѣ. Авторъ сначала описываетъ состояніе евреевъ въ восточномъ халифатѣ и въ сѣверной Африкѣ, а затѣмъ уже переходитъ къ исторіи евреевъ въ арабской Испаніи. Жаль только, что и тутъ авторъ вставилъ кусокъ Востока въ исторію Запада и рассказываетъ объ основателѣ караимства Аванѣ и о Саадѣ Гаонѣ, жившихъ въ Вавилоніи, въ промежуткѣ между Хасдаемъ ибнъ-Шапрутомъ, піонеромъ испанско-еврейской образованности, и школою еврейскихъ грамматиковъ въ Испаніи. Въ разсматриваемой главѣ авторъ особенно подробно останавливается на личностяхъ поэтовъ ибнъ Гебироя и Иегуды Галеви въ Испаніи и комментатора Раши во Фравціи. Глава заканчивается обзоромъ дѣятельности первыхъ «тоссафистовъ» во Франціи и Германіи.

Третья и самая обширная глава (стр. 100—214) разсматриваетъ время блестящаго расцвѣта арабско-еврейской культуры въ лицѣ ея главныхъ представителей: Авраама ибнъ-Эзры, Маймонида и поэта Алхаризи. Последнему авторъ почему-то удѣляетъ очень много мѣста, вдвое больше чѣмъ великому Маймониду, съ значеніемъ котораго въ исторіи Алхаризи, конечно, не можетъ сравниться. Доведши исторію испанскихъ евреевъ до начала XIV столѣтія, авторъ переходитъ къ евреямъ французскимъ и тутъ подробнѣйшимъ образомъ описываетъ дѣятельность школы «тоссафистовъ» (казуистическихъ толкователей талмуда) въ сѣверной Франціи и болѣе разностороннюю дѣятельность южно-французскихъ (провансальскихъ) мыслителей, ученыхъ и поэтовъ. При этомъ авторъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на значеніе провансальскихъ университетовъ, въ которыхъ преподавателями состояло очень много евреевъ, для образованности Европы, — фактъ, давно уже обратившій на себя вниманіе историковъ въ родѣ Мишле, Шлоссера и Дрепера. Много мѣста отведено при этомъ дѣятельности еврейскихъ медиковъ, вліяніе которыхъ на образованность среднихъ вѣковъ уже достаточно разъяснено въ превосходныхъ сочиненіяхъ Кармоли, Бедаррида и др. Въ описаніи экономической жизни евреевъ въ среднихъ вѣкахъ авторъ идетъ по слѣдамъ Штоббе и Рошера, выставляя различныя особенности этой жизни результатомъ общихъ условій тогдашней жизни и отношенія законодательства къ евреямъ. По поводу средневѣковаго обвиненія въ употребленіи христіанской крови, мы находимъ ссылки на эдикты разныхъ папъ и даже на публичныя заявленія современныхъ намъ мыслителей, въ родѣ Ренана и профессоровъ парижскаго юридическаго факультета. Глава оканчивается историческими доказатель-

999

ствами въ пользу гражданской равноправности евреевъ во всѣхъ странахъ, гдѣ имъ приходится жить.

Къ книгѣ приложенъ обширный (въ слишкомъ сто страницъ) отдѣлъ «Примѣчаній», гдѣ, съ одной стороны, указаны источники, которыми пользовался авторъ, а съ другой—перечислены подробно печатныя и рукописныя сочиненія разныхъ писателей, названныхъ въ текстѣ, съ краткимъ изложениемъ содержанія этихъ сочиненій. «Примѣчанія» свидѣтельствуютъ о весьма обширной эрудиціи автора и о его глубокомъ знакомствѣ съ еврейскою историческою литературою.

Не смотря, однако, на эту эрудицію, г. Хайкинъ въ сущности не даетъ людямъ, знакомымъ съ еврейскою исторіей, ничего фактически новаго. Вся заслуга его труда заключается въ популярномъ изложеніи и искусномъ подборѣ такихъ фактовъ, которые, дѣлаясь извѣстными людямъ, раньше ихъ не знавшимъ, могутъ значительно измѣнить ихъ воззрѣнія на евреевъ. Люди, постигшіе и величіе, и трагизмъ еврейской исторіи, никогда не будутъ врагами евреевъ. Юдофобія есть скорѣе плодъ невѣжества, нежели знакомства съ еврейскимъ народомъ. Еслибы современные гонители еврейства хорошо познакомились съ нашею исторіей, они бы, можетъ быть, если въ нихъ только сохранилась хоть капля искренности, бросили свою античеловѣчную пропаганду; они бы увидѣли, что передъ ними стоятъ не виновный, а вѣковой страдалецъ.... Къ пробужденію такихъ добрыхъ чувствъ въ людяхъ предубѣжденных и стремится авторъ разсмотрѣнной нами книги. И въ этомъ отношеніи онъ настолько успѣлъ, что имѣлъ полное право заключить свой трудъ слѣдующими прочувствованными словами: «Мы полагаемъ, что изъ всего вышеназложеннаго достаточно ясно вытекаетъ, какія важныя услуги оказали средневѣковые евреи народамъ тѣхъ странъ, гдѣ съ ними хорошо обходились. Мы должны быть благодарны евреямъ за то, что они употребили всю свою упорную дѣятельность, всю силу своего духа и даже упрямства для того, чтобы препродать къ намъ драгоценную сокровищницу человѣческаго разума—плодъ сорокавѣковыхъ трудовъ, лежащій въ основаніи современной цивилизаціи. И мы бы не могли лучше выразить нашу мысль, какъ употребивъ вѣщія слова Мирабо: «Если вы хотите сдѣлать изъ евреевъ хорошихъ людей и полезныхъ гражданъ, то необходимо должны удалить съ ихъ пути всѣ унижительныя препоны и дать имъ всѣ средства къ свободной жизни!»

Критикусъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Еврейская синагога и ея функции (преимущественно по ученію Мишны). Статья *Н. Зезюлинскаго* въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», январь 1887 года.

Появленіе статей по еврейской исторіи и наукѣ въ журналѣ общерусскомъ составляетъ весьма рѣдкій феноменъ, и на одномъ изъ такихъ феноменовъ мы теперь намѣрены остановиться.

Изъ десяти страницъ, занимаемыхъ этой статьей, добрыхъ три четверти занято примѣчавіями и едва одна четверть—текстомъ. Авторъ такъ вдался въ эрудицію, что для самихъ фактовъ и догматическихъ положеній у него мѣста не осталось. Г. Зезюлинскій имѣлъ въ виду прослѣдить происхожденіе синагогъ, первое время ихъ появленія, и дать понятіе о функцияхъ древней синагоги въ началѣ христіанской эры. Главнымъ источникомъ для подобнаго рода изслѣдованій служить, конечно, Мишна, на основаніи которой (и особенно по трактатамъ *Берахотъ*, *Мегила*, *Таанитъ*) можно представить полную и рельефную картину состоянія синагоги и ея отправленій въ эпоху возникновенія христіанства. Г. Зезюлинскій хотя и пользовался этимъ источникомъ, но не извлекъ изъ него и десятой части того, что можно было извлечь. Мы находимъ въ его статьѣ лишь самую общую и блѣдную картину синагогальной жизни: видимъ въ общихъ чертахъ внѣшнее устройство синагогъ, порядокъ богослуженія въ нихъ, порядокъ чтенія *Св. Писанія* и проповѣдей, но не замѣчаемъ присутствія того духа живого, которымъ были созданы и одухотворены всѣ эти синагогальные обычаи и церемоніи. Да и въ самихъ внѣшнихъ атрибутахъ синагогъ авторъ отдаетъ предпочтеніе мелочамъ и пренебрегаетъ всѣмъ крупнымъ, характернымъ. Большею частью онъ только устанавливаетъ фактъ, что такъ-то и такъ-то дѣлалось, но не описываетъ *почему* и *какъ* все это дѣла-

лось, — что несомнѣнно гораздо интереснѣе. Вотъ почему изложеніе у него выходитъ крайне сухое, блѣднѣе, не могущее заинтересовать никого, кромѣ развѣ свѣдущихъ специалистовъ, для которыхъ едва-ли и писалъ авторъ, ибо все это имъ давно уже извѣстно.

Чтобы не быть голословными, приведемъ для примѣра взятый на выдержку одинъ отрывокъ, характеризующій манеру писанія автора. «За чтеніемъ парашей изъ Пятикнижія слѣдовало чтеніе какого нибудь отдѣла изъ книгъ пророческихъ, называвшагося, вѣроятно, по своему заключительному характеру библиотенія, гафтаромъ. Выборъ гафтары зависѣлъ отъ воли чтеца, каковымъ долженъ былъ быть тотъ самый, который читалъ и «ше-му» съ молитвою. Гафтара читалась только на субботнемъ и праздничномъ богослуженіи, но не на недѣльномъ» (стр. 9). Неправда-ли, какъ-то сухо, казенно, безжизненно!

Не обладая, однако, даромъ живого изложенія, авторъ разсматриваемой статьи несомнѣнно обладаетъ громадною эрудиціей, обширною начитанностью въ произведеніяхъ еврейской науки и исторіи. Это видно изъ его многочисленныхъ примѣчаній къ тексту, исцеленныхъ ссылками на сочиненія Цунца, Касселя, Франкля, Герцфельда, Стапфера, Шюрера и многихъ другихъ изслѣдователей иудаизма. При крайней рѣдкости у насъ, даже между православными богословами, людей свѣдущихъ въ еврейской исторіи и литературѣ, самая эта эрудиція уже составляетъ большую заслугу.

Отътъ буквального перевода юридическаго отдѣла Маймонида. Уставъ о похищеніи и о находкѣ потерянной вещи. Съ сравнительными указаніями на соответствующія его содержанію статьи русскаго законодательства. Переводилъ (перевелъ?) и составилъ частный повѣренный при тельшевскомъ мировомъ съѣздѣ *III. М. Гурвичъ*. Вильна, 1887. 114 стр. in 8°.

«Моисеево законодательство, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — давно уже приобрѣло права гражданства въ наукѣ и разрабатывается учеными наравнѣ (?) съ римскимъ правомъ». Но это только въ Западной Европѣ; въ русской же юридической литературѣ весьма мало изслѣдована эта часть, что объясняется, по мнѣнію г. Гурвича, отсутствіемъ у насъ переводовъ раввинскихъ юридическихъ произведеній. «Желая пополнить этотъ пробѣлъ», г. Гурвичъ предпринялъ изданіе сочиненій Маймонида, нѣсколько

трактатовъ котораго онъ уже успѣлъ перевести, и теперь даетъ публикѣ одинъ изъ такихъ трактатовъ, заглавіе кою выписано нами выше. Свой «буквальный переводъ» авторъ снабдилъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ сравниваетъ нѣкоторые еврейскіе гражданскіе законы съ русскими.

Въ «введеніи» авторъ сравниваетъ опредѣленія понятій похищенія и находки по еврейскому праву съ таковыми же опредѣленіями по русскому праву. Въ подстрочныхъ же примѣчаніяхъ онъ занимается преимущественно сравненіемъ частныхъ случаевъ въ обѣихъ правовыхъ системахъ. По большей части эти сравненія весьма интересны и обличаютъ въ авторѣ знакомство съ дѣйствующимъ русскимъ правомъ. Весьма интересно, напримеръ, общее положеніе, что «отчаяніе» владѣльца потерянной вещи въ полученіи ея признается еврейскими законами достаточнымъ поводомъ къ присвоенію этой вещи нашедшимъ ее, русскій же законъ этого не признаетъ (стр. 10 и 77). Интересно также сравненіе законовъ объ азартныхъ играхъ. По еврейскимъ законамъ обыгрываніе признается *безусловно* наказуемымъ поступкомъ; по русскому же закону наказуемымъ обыгрываніемъ признается лишь обыгрываніе при помощи обмана (стр. 51). Мы привели эту пару примѣровъ только на выдержку; интересующихся же отсылаемъ къ самой книгѣ.

Въ заключеніе мы должны выразить сожалѣніе, что г. Гурвичъ, будучи, повиданому, свѣдущимъ законникомъ, является весьма неважнымъ грамотѣемъ. Переводъ его близокъ къ подлиннику, но довольно далекъ отъ духа русскаго языка: тяжелый, деревянный слогъ, часто неясный и загадочный, иногда даже совершенно неправильный. Вотъ нѣсколько обращеній: «Когда похищенное имущество не приняло другого вида, а оно находится въ томъ же видѣ какъ оно было, хотя хозяинъ уже (въ полученіи его) отчаявался и хотя похититель умеръ и оно находится въ рукахъ сыновей его, то само оно должно быть возвращено хозяину» (стр. 18). «Когда кто находятъ потерянную вещь его (?) учителя и потерянную вещь его (?) отца, то если отецъ его былъ столько же образованъ какъ учитель его, то (?) потерянная вещь учителя его имѣетъ преимущество» etc. (стр. 80). «Кто *потребуетъ* продажи раба или рабыни, или дома, или вещей своего ближняго, или другого предмета, который можно приобрести отъ него, и *настаивалъ* на томъ чрезъ пріятелей и сильно упра-

шивалъ *его*, пока *онъ* не приобрѣлъ отъ *него*, то хотя *онъ* и далъ *ему* много денегъ, *тотъ* нарушаетъ заповѣдь» etc. (стр. 16).

Весьма желательно, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ своего перевода авторъ по возможности устранилъ эти недостатки и побольше заботился о правильности и ясности своего слога. Иначе цѣль его труда не будетъ достигнута.

С. М.

ЕВРЕИ И УМОПОМЪШАТЕЛЬНОСТЬ.

Ц. Ломброзо. *Геніальность и помъшательство. Параллель между великими людьми и помъшанными.* С. П. В.

Я здѣсь не стану вдаваться въ оцѣнку замѣчательной теоріи уважаемаго профессора туринскаго университета; теорія эта уже оцѣнена въ общихъ журналахъ. Я приведу здѣсь только тѣ факты и безпристрастныя сужденія, касающіеся евреевъ, которые приводятся въ этомъ сочиненіи.

Въ главѣ (V) «О вліаніи расы и наслѣдственности на геніальность и помъшательство» Ломброзо довольно подробно коснулся вопроса о развитіи геніальности и помъшательства среди евреевъ.

«Въ своихъ монографіяхъ «Uomo bianco e l'uomo di colore» и «Pensiero e Meteore», я уже указалъ, — говоритъ онъ, — на тотъ фактъ, что вслѣдствіе испытанныхъ евреями въ средніе вѣка жестокихъ преслѣдованій (результатомъ чего явились истребленія слабыхъ индивидовъ, т. е. своего рода подборъ), а также вслѣдствіе умѣренного климата, европейскіе евреи достигли такой степени умственного развитія, что, пожалуй, даже опередили арійское племя, тогда какъ въ Африкѣ и на Востокѣ они остались на томъ же низкомъ уровнѣ культуры, какъ и остальные семиты. Кромя того, статистическія данныя показываютъ, что среди евреевъ даже болѣе распространено общее образованіе, чѣмъ среди другихъ націй *; что они

* Въ 1861 г. въ *Италіи* было 645 человекъ неграмотныхъ на 1000 католиковъ и только 58 на тысячу евреевъ.

Въ 1867—68 годахъ на 100 учащихся приходилось окончившихъ курсъ:

въ техн. школахъ	{	католиковъ . . .	67	на 100
		евреевъ	78	" "
въ лицейхъ	{	католиковъ . . .	54	" "
		евреевъ	96	" "
въ гимназіяхъ	{	католиковъ . . .	53	" "
		евреевъ	100	" "

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *Пруссіи* приходился въ 1849 г. 1 учащійся на 467 католиковъ, 1 на 243 протестанта и 1 на 53 еврея.

занимають выдающееся положеніе не только въ торговлѣ, но и во многихъ другихъ родахъ дѣятельности, напр., въ музыкѣ, журналистикѣ, литературѣ, особенно сатирической и юмористической, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицины. Такъ, въ музыкѣ еврейскіе принадлежатъ такіе гени, какъ Мейерберъ, Галеви, Гузиковъ, Мендельсонъ и Оффенбахъ; въ юмористической литературѣ: Гейне, Сафиръ, Камерини, Ревере, Калиссъ, Якобсонъ, Юнгъ, Вейль, Фортисъ и Гозланъ; въ изящной словесности: Ауэрбахъ, Кошпертъ и Агиляръ; въ лингвистикѣ: Асколи, Мунъ, Фиорентино, Луццато и др.; въ медицинѣ: Валентинъ, Германъ, Гайденгайнъ, Шиффъ, Касперъ, Гиршфельдъ, Штиллинъ, Глугеръ, Лауренсъ, Траубе, Френкель, Кунъ, Конгеймъ, Гиршъ (и въ послѣднее время, Кокъ); въ философіи: Спиноза, Зомергаузенъ и Мендельсонъ, а въ социологіи: Лассаль и Марксъ. Даже въ математикѣ, къ которой семиты вообще мало способны, можно указать изъ числа евреевъ на такихъ выдающихся специалистовъ, какъ Гольдшмитъ, Бееръ и Маркусъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти всѣ гениальные люди еврейскаго происхожденія обнаруживали большую склонность къ созданію новыхъ системъ, къ измѣненію социальнаго строя общества; въ политическихъ наукахъ они являлись преобразователями, въ теологіи—основателями новыхъ вѣроученій, такъ что еврейскіе въ сущности обязаны если не своимъ происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ своимъ развитіемъ, съ одной стороны, рационализмъ и социальныя теоріи, а съ другой—христіанство и мозаизмъ, точно также какъ въ торговлѣ они первые ввели векселя, въ философіи—позитивизмъ, а въ литературѣ—неогуморизмъ (нео—humorismo).

Указывая далѣе, чего эти всѣ преимущества стоятъ еврейской національности, Ломброзо говоритъ:

«И въ то же время именно среди евреевъ встрѣчается вчетверо и даже вшестеро больше помѣшанныхъ, чѣмъ среди ихъ согражданъ, принадлежащихъ къ другимъ національностямъ.»

«Извѣстный ученый Серви вычислилъ, что въ Италіи въ 1869 г. одинъ сумасшедшій приходился на 391 еврея, т. е. почти вчетверо больше, чѣмъ среди католиковъ. То же самое подтвердилъ въ 1879 г. Верга, по вычисленіямъ котораго процентъ помѣшанныхъ между евреями оказался еще значительнѣе. Такъ,

среди католиковъ	приходится	1	сумасшедшій	на	1,775	человѣкъ.
» протестантовъ	»	»	»	»	1,725	»
» евреевъ	»	»	»	»	384	человѣка.

«Тиггесъ (Tigges), изучившій болѣе 3,100 душевно-больныхъ; говорить въ своей статистикѣ помѣшательства въ Вестфаліи, что оно распространяется среди ея населенія въ такой пропорціи:

отъ 1 до 3 на 7,000 жителей между евреями		
» 1 » 11 » 14,000	»	» католиками
» 1 » 13 » 14,000	»	» лютеранами.

«Наконецъ, для 1871 года Майръ нашелъ число помѣшанныхъ:

въ Пруссіи . . .	8,6 на 40,000 христіанъ и 14,1 на 10,000 евреевъ.
» Баваріи . . .	9,8 » » » 25,2 » » »
» всей Германіи.	8,7 » » » 16,1 » » »

«Какъ видите, это—поразительно большая пропорція, особенно если принять во вниманіе, что хотя въ еврейскомъ населеніи и много стариковъ, чаще всего подвергающихся помѣшательству отъ старости, но за то чрезвычайно мало алкоголиковъ».

При видѣ такихъ ужасныхъ цифръ, такого сравнительно громаднаго количества помѣшанныхъ среди евреевъ, Ломброзо, какъ безпристрастный человѣкъ и мыслитель, не можетъ удержаться отъ того, чтобы не бросить упрека въ лицо антисемитамъ, этой *язвѣ современной Германіи и Россіи*, какъ онъ ихъ справедливо называетъ.

«Такая роковая привиллегія еврейской расы, — говоритъ онъ, — осталась, однако, незамѣченной со стороны антисемитовъ, составляющихъ язву современной Германіи. Если бы они обратили вниманіе на этотъ фактъ, то, конечно, не стали бы такъ негодовать на успѣхи, дѣлаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы, какъ дорого приходится евреямъ расплачиваться за свое умственное превосходство даже въ наше время, не говоря уже о бѣдствіяхъ, испытанныхъ ими въ прошлое. Впрочемъ, *врядъ-ли тогда евреи были болѣе несчастливы, чѣмъ теперь, когда они подвергаются преслѣдованіямъ именно за то, что составляетъ ихъ славу*».

Таково сужденіе одного изъ великихъ мыслителей нашего времени. Пусть это послужитъ утѣшеніемъ нашему несчастному племени въ такое тяжелое для него время, какъ настоящее. Пусть поддерживаетъ, подкрѣпляетъ насъ та мысль, что мы *подвергаемся преслѣдованію именно за то, что составляетъ нашу славу*.

І. Штейнъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. БААЛЬ-ТЭФИЛУ. Разказъ. Гл. X—XI. Бентъ-Ами.	1
II. БИБЛЕЙСКІЯ КАРТИНКИ. III. Жертвенникъ Авеля. Стихотвореніе. К. Фозанова	34
III. ФИЛОНЪ. Культурный очеркъ изъ эпохи еврейско-александрійской школы. Гл. IX—XIII. Переводъ А. Ф.	37
IV. ГЛАВА ИЗЪ АНТРОПОЛОГИИ Евреевъ. О распредѣленіи половъ при рожденіи. Д-ра С. О. Грузенберга.	82
V. НИ СЛОВА! ДОВОЛЬНО!.. Стихотвореніе. В. Лесмана.	101
VI. ЮРИСТЫ О ШЕЙЛОКЪ. S.	104
VII. ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ. П. Адамово ребро. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	125
VIII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи въ концѣ книги).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IX. МАТЕРІАЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ Евреевъ въ Гродненской губерніи. (По официальнымъ даннымъ). М. В.	1
X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ПЕЧАЛЬ СОВРЕМЕННОСТИ И УТѢШЕНІЕ ИСТОРИИ. 1) <i>La Russie juive, par Kalixt de Wolski</i> (Еврейская Россія, сочиненіе Каликста Вольскаго). Paris, 1887,	

Albert Savine.—2) *Apologie des juifs: Etude historique et littéraire sur l'état politique et social des juifs depuis la chute de Jérusalem jusqu'à 1306.* Par *Avigdor Chaikin, rabbin* (Апология евреевъ: Историко-литературное изслѣдованіе о политическомъ и общественномъ положеніи евреевъ отъ паденія Іерусалима до 1306 года. Сочиненіе раввина Авигдора Хайкина). Paris, 1887, Vieweg. Критикуса 8

XI. БИБЛІОГРАФІЯ:

- I. *Еврейская синагога и ея функції* (преимущественно по ученію Мишны). Статья *Н. Зезюлинскаго* въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», январь 1887 года. 26
- II. *Опытъ буквального перевода юридическаго отдѣла Маймонида. Уставъ о похищеніи и о находкѣ потерянной вещи.* Съ сравнительными указаніями на соотвѣтствующія его содержанію статьи русскаго законодательства. Переводилъ (перевелъ?) и составилъ частный повѣренный при тельшевскомъ мировомъ съѣздѣ *Ш. М. Гурвичъ*. Вильна. 1887, 114 стр. in 8°. С. М. 27

XII. ЕВРЕИ И УМОПОМЪЩАТЕЛЬСТВО. II. Ломброзо. Геніальность и помъщательство. Параллель между великими людьми и помъщанниками. С. П. Б. I. Штейнъ 30

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1867.

СУДЬБА ЕВРЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ РОССІИ.

Въ юдофобскомъ лагерѣ еврейскія духовныя книги нерѣдко служатъ мишенью для рѣзкихъ нападокъ и обвиненій въ противосообщественной тенденціи. Было время, когда и въ правящихъ сферахъ относились у насъ подозрительно къ этимъ книгамъ, вслѣдствіе чего правительство принимало противъ нихъ такія цензурныя мѣры, что если-бы въ нихъ и было что либо антихристіанское или антиобщественное, то оно уже давно должно было исчезнуть. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ религіозной потребности евреевъ въ духовныхъ книгахъ правительство создало статью дохода, который въ концѣ концовъ имъ самимъ признанъ крайне вреднымъ какъ въ отношеніи развитія образованія между еврейскимъ населеніемъ, такъ и въ отношеніи матеріальнаго стѣсненія бѣднѣйшей части «сего народа», принужденнаго пріобрѣтать по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ необходимыя ему книги духовнаго содержанія.

I.

Первое ограничительное распоряженіе относительно еврейскихъ духовныхъ книгъ относится къ 1790 г. Не имѣя у себя типографій дома, въ Россіи, евреи, для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, вынуждены были выписывать книги изъ заграницы. Это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія начальства. Такъ, по просьбѣ могилевскаго еврейскаго кагала, бѣлорусскій генераль-губернаторъ Пассекъ далъ приказаніе толочинской таможенѣ пропустить ввозимыя изъ Польши бѣло-

русскимъ евреямъ духовныя печатныя книги, на томъ основаніи, что съ послѣднихъ не собирается пошлинь. Этимъ распоряженіемъ Императрица Екатерина II осталась недовольна, такъ какъ такое приказаніе не соответствовало силѣ изданнаго 26 іюня 1789 указа, въ которомъ точно поименованы тѣ товары, которые дозволено ввозить чрезъ пограничныя таможи, но между которыми книгъ совсѣмъ не значится. Поэтому Государыня повелѣла соблюдать всемѣрно, чтобы разумъ и сила того указа исполняемы были во всей точности. Что же касается еврейскихъ духовныхъ книгъ, то, судя по «знатному числу» въ Бѣлоруссіи еврейскаго народа, она нашла болѣе удобнымъ дозволить учредить тамъ типографіи съ надлежащимъ надзоромъ, предписаннымъ для подобныхъ заведеній *.

Но сохранять долго это ограниченіе наврядъ-ли возможно было при настоятельной потребности евреевъ въ книгахъ духовнаго содержанія и отсутствіи типографій въ Россіи. Надо было обратиться къ другой мѣрѣ, именно установленію цензуры ввозимыхъ изъ заграницы книгъ. Поэтому въ 1797 г. повелѣно было: для разсмотрѣнія ввозимыхъ въ Россію на еврейскомъ языкѣ книгъ опредѣлить въ рижскую цензуру двухъ евреевъ, съ приличными способностями къ такому упражненію **.

Во исполненіе этого указа сенатъ предписалъ лифляндскому гражданскому губернатору, избравъ способныхъ для этого евреевъ, представить ихъ на утвержденіе сената. Губернаторъ, отыскавъ изъ рижскихъ жителей двухъ евреевъ Моисея Гекиля и Давида Леви, донесъ сенату, что они для предназначеннаго дѣла имѣютъ особливья свѣдѣнія и возлагаемую на нихъ должность будутъ исправлять надлежащимъ образомъ, но что они соглашаются принять на себя это званіе не иначе, какъ за ежегодное жалованье въ размѣрѣ 300 р. На это условіе сенатъ согласился, но не имѣя власти самъ собою окончательно

* Именной ук. 22 іюня 1791 г. (П. С. З. т. 23, № 16877).

** П. С. З, т. 24, № 18186.

рѣшить это дѣло, представилъ его на Высочайшее благо-
усмотрѣніе *.

Такимъ образомъ положено было начало цензурѣ еврейскихъ книгъ въ лицѣ двухъ рижскихъ евреевъ. Но въ то время еще не было преподано для цензоровъ еврейскихъ книгъ никакихъ специальныхъ правилъ. Такія правила послѣдовали лишь въ 1826 г. Въ Высочайше утвержденномъ уставѣ о цензурѣ 10 іюня 1826 г. оговорено, что одинъ изъ цензоровъ виленскаго цензурнаго комитета долженъ знать въ совершенствѣ какъ еврейскій и раббинскій, такъ и жидовско-нѣмецкій языки для разсмотрѣнія еврейскихъ книгъ. При такихъ условіяхъ цензорами, очевидно, могли быть только евреи. Въ этомъ же уставѣ впервые устанавливается запрещеніе еврейскихъ книгъ, изданныхъ до того времени въ Россіи безъ разрѣшенія цензуры; дозволяется печатать лишь слѣдующія еврейскія книги: а) книги священнаго писанія безъ толкованій и б) молитвенники безъ прибавленія о предметахъ постороннихъ.

Но подозрительность правительства по отношенію къ еврейскимъ книгамъ выразилась въ слѣдующихъ особенныхъ постановленіяхъ, которыми цензоры, при разсмотрѣніи прочихъ, кромѣ упомянутыхъ книгъ, должны были руководствоваться. Именно предписывалось: книги, въ которыхъ содержится хуленіе на христіанство и на Божественнаго Основателя его, подвергать строгому воспрещенію. Равнымъ образомъ воспрещается печатаніе книгъ, въ которыхъ внушается евреямъ ненависть или презрѣніе къ людямъ не одной съ ними вѣры и преподаются правила, противныя нравственности и общественному благоустройству, какъ, на примѣръ, запрещается свидѣтельствовать въ пользу христіанина, или позволяется обманывать христіанина.

Но спорныя книги между еврейскими сектами могли быть одобряемы къ напечатанію, если въ нихъ не было ничего противнаго цензурнымъ правиламъ **.

Въ положеніи о евреяхъ 1835 г. ничего особеннаго о еврей-

* Тамъ же, № 18265.

** П. С. З., т. I, № 403.

скихъ книгахъ не содержится. Да послѣ указанныхъ только что строгихъ цензурныхъ правилъ и не настояло надобности въ созданіи чего либо новаго. Въ § 117 положенія сказано лишь, что книги, на еврейскомъ языкѣ, въ Россіи издаваемыя и изъ заграницы привозимыя, подлежатъ общимъ правиламъ цензуры. Если же тамъ, гдѣ книга поступила для просмотра, нѣтъ знающихъ еврейскій языкъ, то она представляется въ главное правленіе цензуры, или куда отъ него назначено будетъ *.

II.

Съ 1836 г. наступаетъ періодъ строгаго разбора и истребленія еврейскихъ духовныхъ книгъ. Въ этомъ году сенатъ слушалъ рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что по встрѣченными мѣстными начальствами затрудненіямъ въ надзорѣ за непечатаемъ запрещенныхъ книгъ въ еврейскихъ типографіяхъ и по свѣдѣніямъ, что въ обращеніи между евреями имѣются такія книги, онъ вошелъ съ представленіемъ объ этомъ предметѣ въ комитетъ министровъ и вслѣдствіе этого, по положенію послѣдняго, ^{13/27} октября Государь повелѣлъ: 1) объявить, чрезъ кого слѣдуетъ, евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры, или привезенныя изъ заграницы безъ дозволенія, они могутъ представлять мѣстнымъ начальствамъ въ теченіе года, не опасаясь за то наказанія, но что по прошествіи этого срока, съ тѣми изъ нихъ, у которыхъ такія книги окажутся, поступлено будетъ по всей строгости законовъ; 2) пересмотръ представляемыхъ евреями книгъ поручить надежнымъ раввинамъ, съ тѣмъ, чтобы они, подъ личной отвѣтственностью, одобренныя цензурою означали надписью, а неодобренныя представляли мѣстному начальству, которое имѣетъ доставлять ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дальнѣйшее по его усмотрѣнію распоряженіе; 3) если по истеченіи означеннаго срока открыты будутъ какимъ либо случаемъ у евреевъ запрещенныя книги, то городскія и земскія полиціи обязаны, задержавъ послѣднія, доносить о томъ

* Тамъ же, т. X, № 8054.

немедленно высшему начальству, для преданія виновныхъ суду; 4) со стороны министерствъ — финансовъ и внутреннихъ дѣлъ подтвердить всѣмъ таможеннымъ и губерскимъ пограничнымъ начальствамъ, чтобы привозимыя изъ заграницы еврейскія книги, прежде обращенія ихъ въ употребленіе, непременно подвергаемы были надлежащей цензурѣ*.

Можно себѣ представить, какой переполохъ должно было произвести это распоряженіе между евреями и какія затрудненія пересылка книгъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ должна была вызвать на практикѣ. И дѣйствительно, гродненскій гражданскій губернаторъ, при представленіи министру внутреннихъ дѣлъ открытыхъ во вѣренной ему губерніи разныхъ еврейскихъ книгъ, съ переводомъ изъ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ, противныхъ, по его мнѣнію, государственнымъ узаконеніямъ, доводилъ до свѣдѣнія министра о значительномъ количествѣ такихъ книгъ между евреями, и, объясняя, что доставленіе ихъ въ министерство было бы обременительно и для министерства, и для почтоваго вѣдомства, просилъ разрѣшенія, по мѣрѣ доставленія къ нему экземпляровъ тѣхъ книгъ, истреблять ихъ на мѣстѣ, съ донесеніемъ каждый разъ министерству о количествѣ истребленныхъ экземпляровъ: Съ другой стороны, нѣсколько евреевъ Подольской и Волынской губ., по уполномочію своихъ обществъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбами разрѣшить представлять въ министерство только по одному экземпляру еврейскихъ книгъ, неодобренныхъ цензурой, а прочіе хранить въ вѣдѣніи мѣстнаго начальства, мотивируя свои просьбы тѣмъ, что мѣра на счетъ доставленія книгъ въ министерство, судя по чрезвычайному множеству ихъ между евреями, весьма неудобна, такъ какъ плата за нихъ вѣсовыхъ денегъ далеко превзошла бы цѣнность самихъ книгъ.

Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ, находя и съ своей стороны, что, при открывшемся множествѣ обращающихся между евреями книгъ, напечатанныхъ безъ одобренія цензуры, доставленіе ихъ въ министерство дѣйствительно было бы весьма

* Тамъ же, т. XI. № 9649.

затруднительно, а между тѣмъ предложенная гродненскимъ губернаторомъ мѣра къ изытію изъ употребленія таковыхъ книгъ, чрезъ истребленіе ихъ на мѣстѣ, оказывалась весьма удобна къ исполненію, онъ, министръ, вошелъ о томъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, по положенію котораго Высочайше повелѣно: разрѣшить главнымъ мѣстнымъ начальствамъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи представляемыхъ имъ еврейскихъ книгъ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны подлежащими уничтоженію, предавать сожженію на мѣстѣ, въ присутствіи одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія и другого благонадежнаго, по назначенію мѣстнаго гражданскаго губернатора, чиновника, съ тѣмъ однако же, чтобы эти начальства доносили каждый разъ министерству внутреннихъ дѣлъ о количествѣ истребленныхъ экземпляровъ, предоставляя при этомъ по одному экземпляру cadaго уничтоженнаго сочиненія для храненія въ бібліотекѣ министерства *.

Этимъ дѣло еще не кончилось. Въ 1841 г. начальникомъ Подольской губерніи возбужденъ былъ вопросъ касательно книгъ, которыя хотя по свидѣтельству раввина *и не признаны вредными*, но напечатаны или привезены безъ дозволенія цензуры. Главное управленіе цензуры полагало, что такія книги не подлежатъ истребленію, но комитетъ министровъ пришелъ къ другому заключенію. Онъ полагалъ: всѣ тѣ еврейскія книги, которыя велѣдствіе распоряженія 1836 г. окажутся не одобренными цензурою, но по надлежащемъ разсмотрѣніи избранными для того раввинами будутъ признаны безвредными, отправить, по мѣстной удобности, въ виленскій или кievскій цензурный комитетъ для разсмотрѣнія ихъ по цензурнымъ правиламъ, и потомъ тѣ книги, которыя будутъ одобрены къ выпуску, по учиненіи на нихъ надписей, возвратить владѣльцамъ, неодобренные же предать сожженію, съ доставленіемъ по одному экземпляру cadaго уничтоженнаго сочиненія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но такъ какъ подобная пересылка книгъ въ цензурные комитеты и обратно изъ нихъ владѣльцамъ не должна упадать на счетъ казны, то подвергнуть этой мѣрѣ

* Сен. ук. 29 ноября 1837 г. (И. С. З., т. XII, № 10751).

книги только тѣхъ лицъ, которые примуть на себя необходимые расходы. Съ книгами же тѣхъ владѣльцевъ, которые на это не изъявятъ согласія, поступить такъ, какъ бы онѣ были признаны раввинами вредными *.

И такъ, истребленію подлежали не только книги, вредныя по своему содержанію, но и книги безвредныя, если онѣ не одобрены цензурою или на пересылку которыхъ въ цензурные комитеты владѣльцы не согласились бы тратиться.

Вся эта исторія напоминаетъ нѣсколько средневѣковый походъ Пфефферкорна и его единомышленниковъ — доминиканскихъ монаховъ противъ духовныхъ еврейскихъ книгъ. Какъ извѣстно, Пфефферкорнъ, поддерживаемый братьями-доминиканцами, успѣлъ добыть распоряженіе императора Максимилиана о сожженіи мѣстными начальствами тѣхъ религіозныхъ книгъ евреевъ, которыя содержатъ хулу на христіанство. Но исполненіе этого распоряженія встрѣчало препятствія въ незнакомствѣ начальствъ съ содержаніемъ этихъ книгъ. Нашелся, впрочемъ, знатокъ еврейскаго языка — гуманистъ Рейхлинъ, къ которому майнцскій архіепископъ обратился за заключеніемъ. Рейхлинъ высказался въ томъ смыслѣ: 1) что талмудъ — этотъ истолкователь содержащихся въ пяти Моисеевыхъ книгахъ повелѣній и запрещеній, составленъ въ первыя столѣтія христіанской эры знаменитѣйшими еврейскими законоучителями, содержитъ всю ихъ теологію, юриспруденцію и медицину, *редко доступенъ пониманію самихъ евреевъ* и поэтому не можетъ много вредить; 2) что каббала не нуждается въ оправданіи, такъ какъ папа Александръ VI призналъ ее полезной для христіанской религіи, а папа Сикстъ IV велѣлъ перевести ее на латинскій языкъ; 3) что комментаріи къ ветхому завѣту — полезнѣйшія пріуготовительныя работы для христіанскихъ толкователей и что св. Гилярій и Иеронимъ надѣлали бы менѣе ошибокъ, если бы они были знакомы съ ними; 4) что подвергнуть сожженію книги гимновъ и проповѣдей никто не вправе, такъ какъ за евреями признана свобода исповѣданія. Далѣе, Рейхлинъ заявилъ, что слѣдуетъ лѣтъ десять под-

* Высоч. утв. полож. ком. мнн. 25 марта 1841 г. (П. С. З., т. XVI, № 14936).

рядъ изучать во всѣхъ университетахъ еврейскій языкъ, и тогда только можно будетъ рѣшиться, опровергать евреевъ въ собственной ихъ области для ихъ обращенія *.

Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи нашелся знатокъ еврейскаго языка—христіанинъ, который успѣлъ отстоять еврейскія духовныя книги отъ истребленія.

Въ XIX же вѣкѣ русское правительство, желая провѣрить содержаніе духовныхъ книгъ евреевъ, не нашло ни одного христіанина, знакомаго съ языкомъ, на которомъ книги эти писаны, а должно было обратиться къ благонадежнымъ еврейскимъ раввинамъ. А между тѣмъ тѣ же христіане, ничего не смыслящіе въ еврейскомъ богословіи, считали и считаютъ себя компетентными третировать en canaille талмудъ и прочія религиозныя книги евреевъ. И не смотря на основательную очистку этихъ книгъ отъ всякой дѣйствительной или предполагаемой пакости, они до сихъ поръ продолжаютъ утверждать, что талмудъ содержитъ въ себѣ тлетворныя и безнравственныя ученія противъ христіанъ, христіанства, общества и государства, за которыя евреевъ слѣдуетъ гнать въ бараній рогъ. Зачѣмъ же было огородъ городить, подвергать сожженію и истребленію эти книги?

III.

Вторая мѣра, принятая по отношенію къ еврейскимъ духовнымъ книгамъ, заключалась въ устройствѣ подлежащаго надзора за типографіями, гдѣ эти книги печатались, и виѣсть съ тѣмъ въ извлеченіи изъ нихъ дохода въ пользу образованія еврейскаго юношества. Но для облегченія надзора прибѣгли къ весьма простому способу. Въ 1836 г. велѣно было всѣ существующія въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ типографіи уничтожить, оставивъ только двѣ: одну въ Кіевѣ, а другую въ Вильнѣ, гдѣ просмотръ еврейскихъ книгъ поручить особымъ цензорамъ. А такъ какъ при кіевскомъ университетѣ такого цензора и цензурнаго комитета еще не имѣлось, то предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ, для приведенія этой

* Weber, Lehrbuch der Weltgeschichte, изд. 11, т. II, § 432.

мѣры въ дѣйствіе, войти въ сношеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія *.

Но допустить существованіе еврейской типографіи въ Кіевѣ было, конечно, непослѣдовательно, когда самимъ евреямъ во все запрещалось имѣть постоянное жительство въ этой матери русскихъ городовъ. Поэтому въ Высоч. утв. 27 ноября 1845 г. положеніи о еврейскихъ типографіяхъ постановлено было, что, для снабженія евреевъ нужными для ихъ употребленія еврейскими книгами, имъ дозволяется имѣть въ губерніяхъ, предназначенныхъ къ постоянному ихъ жительству, двѣ еврейскія типографіи: одну въ Вильнѣ, а другую въ Житомирѣ. Слѣдовательно, о типографіи въ Кіевѣ здѣсь уже нѣтъ рѣчи.

Это положеніе трактуеть о трехъ предметахъ: а) о надзорѣ за еврейскими типографіями; б) о доходѣ съ этихъ типографій и в) о содержателяхъ еврейскихъ типографій.

Что касается *надзора* за еврейскими типографіями, то по части общей полицейской онъ былъ сосредоточенъ въ вѣдомствѣ мѣстной полиціи, наравнѣ съ прочими типографіями; по части же цензуры и внутренняго порядка—еврейскія типографіи состояли подъ особеннымъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія. Это былъ, такъ сказать, верховный надзоръ. Ближайшее же наблюденіе за типографіями возлагалось, подъ главнымъ начальствомъ попечителей учебныхъ округовъ, на директоровъ раввинскихъ училищъ, которымъ должны были содѣйствовать инспектора этихъ училищъ въ необходимыхъ объясненіяхъ и для разрѣшенія маловажныхъ измѣненій еврейскаго текста при самомъ печатаніи книгъ **.

Но такъ какъ во время обнародованія означеннаго положенія раввинскія училища еще не были открыты, то Именнымъ указомъ отъ 21 декабря 1846 г. предписано было: впредь до открытія раввинскихъ училищъ, надзоръ за еврейскими типографіями возложить на мѣстныхъ директоровъ училищъ или особыхъ чиновниковъ, отъ министерства народнаго просвѣще-

* Выс. утв. 27 октября 1836 г. Полож. ком. мин. (П. С. З., т. XI, № 9649).

** П. С. З., т. XX, № 19474.

нія назначенныхъ, съ приличнымъ вознагражденіемъ на счетъ общихъ еврейскихъ источниковъ *.

Относительно изданій, которыя могли быть приняты къ печатанію въ еврейскихъ типографіяхъ, постановлено было, что къ печатанію могутъ быть принимаемы: а) рукописи, одобренныя предварительно однимъ изъ цензурныхъ комитетовъ, въ коихъ сосредоточено разсмотрѣніе еврейскихъ книгъ; б) новыя изданія печатныхъ книгъ, снабженныя такимъ же разрѣшеніемъ и в) рукописи, книги и разнаго рода статьи, препровождаемыя для напечатанія по распоряженію правительства. Кроме того требовалось, чтобы на каждой рукописи или книгѣ, назначенной къ печатанію, было означено напередъ, сколько именно экземпляровъ ея имѣеть быть тиснуто.

Указаннаго предварительнаго одобренія цензурныхъ комитетовъ было, однако же, недостаточно: прежде приступленія къ набору, содержатель типографіи обязанъ былъ предъявить директору для помѣтки рукопись или книгу, предназначенную къ печатанію.

Сосредоточеніе печатанія еврейскихъ книгъ въ двухъ только типографіяхъ имѣло еще другую цѣль: создать монополію въ видахъ извлеченія изъ нея *дохода* въ пользу образованія еврейскаго юношества. Для достиженія этой цѣли, министерству народнаго просвѣщенія предоставлено было отдавать еврейскія типографіи съ публичныхъ торговъ благонадежнымъ евреямъ или же установить плату съ каждаго напечатаннаго листа въ типографіи, причемъ предметомъ торговъ было количество ежегоднаго взноса въ пользу еврейскихъ учебныхъ заведеній за *исключительное* право печатать еврейскія книги въ одной изъ еврейскихъ типографій.

Правительство не могло не сознавать, что это исключительное право будетъ слишкомъ сильнымъ, гнетущимъ орудіемъ въ рукахъ монополиста, а потому было постановлено, что одно лицо можетъ имѣть въ своемъ содержаніи одну только типографію. Какъ будто въ рукахъ двухъ содержателей тяжесть монополіи могла значительно ослабѣть! На случай же, если бы

* Тамъ же, № 19539.

предложенныя на торгахъ цѣны оказались неудовлетворительными, то, по представленію о томъ попечителей округовъ, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ право, вмѣсто отдачи еврейскихъ типографій на откупъ, установить плату съ каждаго напечатаннаго въ нихъ листа не свыше одной копѣйки съ листа. Причемъ, при установленіи этой платы, типографіи имѣли отдаваться съ разрѣшенія министра въ содержаніе благонадежнымъ евреямъ безъ торговъ, а плата или сборъ взимались въ этомъ случаѣ хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію директора раввинскаго училища, особыми назначенными для этого лицами, при выпускѣ изъ типографій отпечатанныхъ книгъ. Для удостовѣренія же во взносъ платы прилагался къ каждой книгѣ особый штемпель. Отъ платы и штемпеля освобождались: официальные объявленія, указы и т. п. статьи, печатаемыя на еврейскомъ языкѣ по распоряженію правительства для всеобщаго извѣстія, также учебныя книги, прописи и разнаго рода таблицы и чертежи, издаваемыя для еврейскихъ учебныхъ заведеній по порученію учебнаго начальства, которое должно было наблюдать, чтобы учебники и вообще книги, печатаемыя для употребленія въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, были продаваемы по возможно умѣренной цѣнѣ.

Установивъ доходъ съ еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи, правительство не могло, конечно, оставить свободными отъ платежа еврейскія книги, привозимыя изъ заграницы, иначе установленная выше книгопечатная монополія была бы подорвана въ самомъ своемъ основаніи.

И дѣйствительно, въ положеніи 1845 г. сказано, что, въ обезпеченіе дохода съ еврейскихъ типографій и для усиленія средствъ къ содержанію еврейскихъ училищъ, привозимыя изъ заграницы еврейскія книги подвергаются денежной таксѣ, которая полагается не свыше полуторы коп. съ каждаго печатнаго листа. Взиманію таксы подлежатъ всѣ дозволенныя цензурою еврейскія книги, привозимыя и выписываемыя изъ заграницы и Царства Польскаго, *кромя тѣхъ, которыя относятся до наукъ и языкознанія.*

Это послѣднее изъятіе объясняется стремленіями тогдашняго правительства, которыя заключались, съ одной стороны, въ

ослабленіи релігіознаго обскурантизма среди евреевъ, а съ другою—въ распространеніи между ними образованія и просвѣщенія. Для достиженія же этой цѣли естественно было не облагать пошлиной ни учебныя книги, ни книги, относящіяся до наукъ и языкованія.

Взиманіе платы возложено было на виленскій и кievскій цензурные комитеты. Для этого всѣ поступающія изъ заграницы еврейскія книги подлежали представленію въ одинъ изъ этихъ комитетовъ, которые, въ удостовѣреніе уплаты таксы, прилагали на каждой книгѣ въ началѣ и концѣ клеймо своей печати, долженствовавшей въ то же время служить удостовѣреніемъ въ позволеніи употребленія оной.

Таково въ существенныхъ чертахъ положеніе о еврейскихъ типографіяхъ. Мы говоримъ—въ существенныхъ чертахъ, потому, что оно содержитъ въ себѣ и другія правила, касающіяся производства торговъ на отдачу въ откупное содержаніе этихъ типографій, утвержденія торговъ, обезпеченія исправнаго взноса откупной суммы и т. п. Далѣе, имѣется оговорка, что постановленія, изложенныя въ этомъ положеніи, относятся собственно къ книгамъ на еврейскомъ языкѣ и не распространяются на книги, печатаемыя въ еврейскихъ типографіяхъ на другихъ языкахъ, которыя подлежатъ общимъ правиламъ, существующимъ по этой части *.

Такъ какъ типографская монополія должна была повлечь за собой закрытіе существовавшей на основаніи закона 1836 г. типографіи въ Вильнѣ, то чтобы не разорить содержателей внезапнымъ закрытіемъ ея повелѣно было въ 1846 году: а) по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, нарядить комиссію для осмотра работъ виленской еврейской типографіи и, составивъ списокъ книгамъ, которыя начаты печатаніемъ, дозволить окончить оныя въ предположенномъ числѣ экземпляровъ, съ назначеніемъ для этого трехгодичнаго срока; б) содержателямъ этой типографіи предоставить участвовать въ торгахъ на еврейскія типографіи. Если же послѣдняя цѣна останется не за ними, а за другими евреями, и

* П. С. З., т. XX, № 19474.

притомъ они не передадутъ своей типографіи новымъ держателямъ по добровольной сдѣлкѣ, то, по окончаніи печатанія помянутыхъ книгъ, закрыть это заведеніе безъ всякаго за то вознагражденія *.

Слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на принятыя строгія мѣры къ тому, чтобы привозимыя изъ заграницы и Царства Польскаго еврейскія книги не оставались безъ оплаты ихъ пошлиной, правительство, повидимому, отказалось впослѣдствіи отъ этой пошлины. Это слѣдуетъ заключить изъ того, что 26 апрѣля 1856 г. послѣдовало новое узаконеніе о *возобновленіи взиманія пошлины съ еврейскихъ книгъ*, привозимыхъ изъ Царства Польскаго и изъ заграницы. Въ этомъ узаконеніи сказано: продажу въ Россіи напечатанныхъ въ Царствѣ Польскомъ и заграницей еврейскихъ книгъ, на которыхъ нѣтъ установленнаго клейма цензурныхъ комитетовъ въ началѣ и въ концѣ книги, въ удостовѣреніе установленной положеніемъ о еврейскихъ типографіяхъ, въ пользу еврейскихъ училищъ, платы по полторы копѣйки съ печатнаго листа, воспретить. Въ случаѣ же открытія продажи такихъ книгъ, виновныхъ въ томъ подвергать взыскаціямъ, опредѣленнымъ въ уложеніи о наказ., за тайный провозъ товаровъ (ст. 799 и 805), съ обращеніемъ взысканныхъ денегъ и конфискованныхъ книгъ въ пользу еврейскихъ училищъ. При этомъ наблюденіе за продажей еврейскихъ книгъ возложено было на мѣстныхъ полиціи, съ порученіемъ вышеозначенныя книги, на которыхъ нѣтъ клейма цензурныхъ комитетовъ, опечатать немедленно и объявить книгопродавцевъ подпискою представить эти книги въ виленскій и кіевскій цензурные комитеты, или вывезти обратно въ Царство Польское, либо заграницу, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со дня подписки. По истеченіи этого срока, книгопродавцы должны были представить полиціи свидѣтельства цензурныхъ комитетовъ или мѣстныхъ властей, куда книги высланы, что данное ими обязательство исполнено, а въ случаѣ не-

* Тамъ же, № 19539.

исполненія подвергать тѣ книги конфискаціи въ пользу еврейскихъ училищъ *.

Устройство надзора за еврейскими типографіями и за продажей привозимыхъ изъ Царства Польскаго и изъ заграницы еврейскихъ книгъ, вѣроятно, потребовало не мало расходовъ изъ еврейскихъ же суммъ. Мы знаемъ только объ одной статьѣ расхода—на содержаніе цензоровъ еврейскихъ книгъ. Такихъ цензоровъ было три при виленскомъ и кіевскомъ цензурныхъ комитетахъ. На ихъ содержаніе отпускалось по 1500 р. въ годъ изъ доходовъ съ еврейскихъ типографій. Въ отношеніи служебныхъ правъ они были въ такомъ же загоутѣ, какъ и цензуруемыя ими еврейскія книги. Они не пользовались никакими служебными преимуществами, а освобождались лишь лично отъ рекрутской повинности, пока пребывали въ должностяхъ. Приводились же по своему вѣроисповѣданію къ присягѣ на вѣрность исполненія возложенной на нихъ обязанности **. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что въ эту должность назначались евреи, такъ какъ цензоры христіане по штату цензурнаго управленія 19 іюля 1850 г. пользовались правами службы ***.

IV.

Указанныя мѣры, стѣснявшія евреевъ въ духовной пищѣ, должны были чрезвычайно вредно отразиться на практикѣ. Монополія никогда не давала обществу хорошихъ результатовъ; заплативъ за право содержанія типографіи, откупщикъ, конечно, старался вознаграждать себя сторицей за право, которое и ему дорого обходилось, слѣдовательно еврейскія книги должны были вздорожать и сдѣлаться мало доступными для еврейской массы. Съ другой стороны, потребность въ духовныхъ книгахъ такъ сильна между евреями, что удовлетвореніе ея, при высокихъ цѣнахъ на книги, вредно отражалось на благосостояніи евреевъ, и безъ того мало обеспеченныхъ въ своемъ

* Тамъ же, т. XXIX, № 28187.

** Тамъ же, т. XXV, № 24312 (1850 г.).

*** Тамъ же.

существованіи. На эту сторону дѣла обратило вниманіе правительство въ царствованіе Императора Александра II.

«По уваженію оказавшагося на опытѣ крайняго вреда отъ отдачи на откупъ еврейскихъ типографій,—сказано въ Высоч. утв. 26 апрѣля 1862 г. положеніи комитета объ устройствѣ евреевъ,—какъ въ отношеніи развитія образованія между еврейскимъ населеніемъ, такъ и въ отношеніи матеріальнаго стѣсненія бѣднѣйшей части сего народа, принужденнаго пріобрѣтать по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ необходимыя ему книги духовнаго содержанія», Государь Императоръ повелѣлъ: разрѣшить евреямъ съ 1-го іюля 1862 г. открывать безпрепятственно типографіи для печатанія въ нихъ исключительно еврейскихъ книгъ: а) во всѣхъ дозволенныхъ евреямъ для жительства мѣстахъ, гдѣ будетъ министерствомъ народнаго просвѣщенія признано возможнымъ и удобнымъ имѣть особыхъ еврейскихъ цензоровъ, и б) въ С.-Петербургѣ, тѣмъ изъ евреевъ, которые имѣютъ право пребыванія въ столицѣ.

Но въ возмѣщеніе дохода, получаемаго съ еврейскихъ типографій, назначена плата съ ручнаго типографскаго станка по 20 руб., съ скоропечатныхъ машинъ малаго размѣра по 120 руб. и съ большаго размѣра или двойныхъ 240 р. въ годъ.

Опредѣленіе срока, мѣста и всего порядка взноса этой платы, поступающей на содержаніе еврейскихъ училищъ, представлено ближайшему усмотрѣнію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Наблюденіе же за взносомъ установленной платы и за числомъ имѣющихся въ типографіи станковъ, равно и за тѣмъ, чтобы печатаніемъ еврейскихъ книгъ не занимались типографіи, не имѣющія квитанціи о взносѣ платы, возложено на обязанность мѣстныхъ полицейскихъ властей. Причемъ, если будетъ обнаружено, что печатаніемъ еврейскихъ книгъ занимается типографія, не получившая на это дозволеніе, или въ типографіи имѣется большее число станковъ, чѣмъ показано въ квитанціи о внесенномъ платежѣ, то содержатель типографіи подвергается уплатѣ годовой суммы въ двойномъ количествѣ съ типографіи или съ каждаго неоплаченнаго станка и, впредь до уплаты, типографія

закрывается. Далѣе постановлено отмѣнить пошлину съ иностранныхъ еврейскихъ книгъ по 1½ коп. съ печатнаго листа.

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, донося объ этомъ сенату, присовокупилъ, что министерство народнаго просвѣщенія безотлагательно составитъ предположенія о томъ, гдѣ можно учредить должность еврейскихъ цензоровъ, сверхъ существующихъ двухъ въ Вильнѣ и одного въ Кіевѣ, и приступить къ составленію правилъ на счетъ вниманія сбора съ еврейскихъ типографій *.

Монополія въ содержаніи еврейскихъ типографій была, такимъ образомъ, уничтожена. Несомнѣнно, что это—громадное облегченіе для бѣдной еврейской массы, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается желать, чтобы и установленные закономъ 1862 г. сборы съ типографскихъ станковъ были упразднены, такъ какъ въ сущности такіе сборы являются налогомъ на религіозныя потребности евреевъ въ книгахъ духовнаго содержанія, что несогласно съ основнымъ правиломъ нашего законодательства о вѣротерпимости. На содержаніе же еврейскихъ учебныхъ заведеній имѣется особый фондъ—въ видѣ свѣчнаго сбора.

М. М.

* П. С. З., т. XXXVII, № 38213.

БААЛЪ-ТЕФИЛУ *.

РАЗСКАЗЪ.

ХП.

Наступилъ, наконецъ, канунъ Йомъ-Кипура. Уже наканунѣ съ вечера начались дѣятельныя приготовленія къ этому дню, продолжавшіяся у многихъ цѣлую ночь. Когда я въ этотъ вечеръ, поздно, по обыкновенію, возвратился домой, тетка встрѣтила меня очень сердито и стала осыпать упреками.

— Вишь ты панъ какой!—начала она.—Изъ-за него мнѣ до поздней ночи приходится ждать съ рѣзкой «капуресь» **. Можно бы подумать, что онъ у меня «бенъ юхидъ»! Какъ я теперь пошлю птицъ къ рѣзнику—вѣдь тамъ теперь такая давка, что до него и не доберешься; да еще въ темнотѣ подмѣнять ихъ, и пожалуй попадешь на какихъ нибудь дохлыхъ... Ну, чего же ты еще стоишь, какъ болванъ: высунуль языкъ и стоять! Иди же, вотъ тебѣ пѣтухъ, да «отбей» скорѣе капуресь. Видишь, еще какой бѣлый, какъ снѣгъ, выбрала для него, стоишь ты этого, нечего сказать...

Я молча повиновался, сознавая вполнѣ свою вину; взялъ

* См. „Восходъ“, кн. XI.

** Жертвы искупленія, которыми служатъ курица для женщинъ, и пѣтухъ для мужчинъ. Весь обрядъ «капуресь» состоитъ только въ томъ, что назначенныхъ для зарѣзанія птицъ обводятъ три раза вокругъ головъ, произнося при этомъ: «Вотъ мое искупленіе, вотъ моя замѣна. Сей пѣтухъ (или сіа курица) пускай идетъ на смерть, а я къ продолжительной и мирной жизни». Рѣзка же и все прочее производится по обыкновенію, и «капуресь» аппетитно потомъ поѣдаются тѣми же, которыхъ они искупаютъ.

«сидеръ», произнесъ семь разъ прекрасную, поэтическую молитву, не имѣющую, впрочемъ, никакого прямого отношенія къ самому обряду, покрутилъ надъ головою своимъ красивымъ пѣтухомъ, произнеся при этомъ извѣстную формулу, и потомъ бросилъ его подъ столъ. Чтобы сколько нибудь загладить мою вину передъ теткой, я предложилъ отнести всѣхъ капуресъ къ рѣзнику, ручаясь за ихъ цѣлость. Но тетка отклонила мои услуги уже мягкимъ тономъ, сказавъ, что уже все улажено, и что рѣзникъ самъ къ намъ придетъ. Дѣйствительно, часа за два или три до зари, явился къ намъ «шохать» ребъ Аврумъ-Дувидъ въ сопровожденіи шамеса бесъ-гамедраша, который несъ фонарь. Въ домъ, за исключеніемъ Соселе, никто еще не спалъ, и всѣ вышли на встрѣчу шохату. Тетка поспѣшила зажать «сточекъ», т. е. клубокъ обмокнутыхъ въ воскъ нитей, а я съ Мойше побѣждали принести изъ кухни связанныхъ куръ. Но при нашемъ появленіи эти послѣднія подняли отчаянный крикъ и въ испугѣ разлетѣлись во всѣ стороны, и лишь послѣ долгихъ и общихъ усилій мы овладѣли упорными птицами, которыя попрятались по всѣмъ угламъ. Ихъ затѣмъ торжественно понесли съ факельнымъ шествіемъ во дворъ, гдѣ около огромной кучи сору принесли въ жертву за всѣ наши многочисленныя грѣхи и еще болѣе многочисленные аппетиты. Кровь, полившаяся изъ ихъ злополучныхъ горлышекъ подъ острымъ ножомъ рѣзника, была немедленно тщательно засыпана золою, какъ этого требуетъ установленный обычай. И уже залитая кровью, бѣдныя птицы еще долго бились и энергично протестовали своими крыльями противъ человѣческой кровожадности.

Наконецъ шохать и шамесъ, получивъ приличное вознагражденіе, отправились дальше совершать подобныя же насилія надъ бѣдною куриною породой, а тетка съ Ханеле принялись ошипывать падшія жертвы. Онѣ такъ и остались за этой и другой работой до самаго утра, между тѣмъ какъ всѣ мужчины, въ томъ числѣ и я, прилегли соснуть на пару часовъ. При пробужденіи нашемъ всѣ комнаты уже были полны запаха самыхъ соблазнительныхъ кушаньевъ и свѣжихъ, только что вынутыхъ изъ печки калачей, и вскорѣ тетка появи-

лась въ нашей комнатѣ, держа одинъ изъ сихъ послѣднихъ высоко на поднятой вверхъ рукѣ.

— Посмотрите, дѣтки,—обратилась она къ намъ всѣмъ, лежавшимъ въ одной кучѣ на полу, потягиваясь и зѣвая,—посмотрите, просто радость, какъ они поднялись, и какъ легки, ну, настоящій пухъ. И внутри тоже какъ пухъ. Хорошо, что я не послушалась соедѣлки Баси, и не сдѣлала большого «запара» во второй разъ, какъ она мнѣ совѣтывала; не то тѣсто стало бы «рвать» и трескаться, какъ вышло у нея бѣдной. Хорошо еще, что она поспѣшила засадить ихъ въ печку скорѣе, а то вышли бы совсѣмъ камни.—И тетка, высказавъ всѣ эти глубокомысленныя замѣчанія, направилась дальше со своимъ триумфальнымъ калачомъ въ комнату дяди, чтобы и съ нимъ подѣлиться своею радостью.

Весь кварталъ снова скинулъ свою будничную обстановку и вдругъ принялъ торжественную, радостную физиономію. Праздничныя лица, праздничные запахи наполняютъ всѣ улицы, и самое солнце, кажется, глядитъ празднично и привѣтливо, улыбаясь всѣмъ и всему. Предстоитъ двадцати четырехъ часовой постъ, и всѣ спѣшать вдоволь насладиться и насытиться тѣмъ, что уже вечеромъ и цѣлый завтрашній день будетъ составлять запрещенный плодъ, какъ въ средніе вѣка всѣ спѣшили насладиться жизнью, каждый разъ какъ распространились слухи о приближеніи конца міра.

Всѣ, отъ перваго богача до послѣдняго нищаго, равно сыты въ этотъ день и ѣдятъ одни и тѣ же освященные блюда. Особенно торжествуютъ дѣти, такъ какъ сладости въ изобиліи даются во всѣхъ домахъ, и всякая хозяйка считаетъ себя тѣмъ болѣе счастливою, чѣмъ больше къ ней приходитъ взрослыхъ и дѣтей «просить пряника». И всякія хорошія вещи раздаютъ въ этотъ день, не только одинъ пряникъ; нѣтъ, онъ сушая проза въ сравненіи съ этими начиненными «кrapель», плавающими въ буромъ жареномъ меду. И я думаю, что старикъ Юпитеръ, узнавъ объ ихъ существованіи, навѣрное притащилъ бы, конечно, ночью, втайнѣ, нѣсколько горшковъ амброзіи и бутылокъ двадцать нектару къ нашей соедѣжкѣ Басѣ, чтобы за нихъ получить нѣсколько штукъ этихъ

истинно небесныхъ пирожковъ. Говорю я о нашей сосѣдкѣ Басѣ, ибо, хотя, по словамъ моей тетки, у нея калачи не удались, но за то такихъ пирожковъ въ меду, какіе я ѣлъ у нея въ тотъ день, я уже больше не ѣдалъ въ своей жизни. И какъ засіяла она гордостью и счастьемъ, когда всѣ мы, я, Гершель, Мойше, Ааронъ да еще три моихъ двоюродныхъ брата отъ другого дяди, разомъ ввалили къ ней въ ея низенькую квартиру, блиставшую бѣлизною своихъ стѣнъ и образцовой чистотою во всѣхъ углахъ. Никогда не забуду этихъ теплыхъ, привѣтливыхъ взоровъ ея добрыхъ глазъ, которые заволоклись легкимъ туманомъ слезъ отъ волненія. И какъ она благословила насъ, желая намъ дожить до будущаго года и опять придти къ ней кушать «крапель»! Да, никогда больше въ жизни я не встрѣтилъ ни такихъ чудесныхъ пирожковъ, ни такого трогательнаго радушія. Эхъ, гдѣ вы теперь, чудныя, простыя сердца, изъ которыхъ ключомъ били любовь и теплота! Сколько горячей сердечности свѣтитса во всѣхъ глазахъ! Какая-то волна мира и любви словно разливается надъ всею еврейскою массою; все матеріальное, будничное какимъ-то волшебствомъ вдругъ смывается, и остается одно колоссальное духовное существо, живущее однимъ сердцемъ, однимъ чистымъ чувствомъ; животное съ его гадкими инстинктами испаряется, и остается чистый человѣкъ, настоящій человѣкъ въ духѣ Моисея, съ его неисчерпаемой любовью къ ближнему, съ его нѣжною, материнскою заботливостью о чужестранцѣ, о братѣ, «котораго рука ослабѣла», съ его великимъ стремленіемъ къ миру. Да, неисчерпаемымъ ключомъ бьетъ въ этотъ день еврейское милосердіе, необъятно открывается сердце еврейской массы, и широкою, мощною волной разливается его чудная, нѣжная, все согревающая любовь! И само мировое сердце колосса любви, Моисея, осталось бы довольнымъ, если бы этотъ великій учитель вселенной могъ взглянуть въ этотъ день на результаты своихъ чудныхъ завѣтовъ.

Ахъ, этотъ канунъ Іомъ-Кипура былъ послѣднимъ, который провелъ я среди еврейской массы, и чего бы я не далъ, чтобы еще хоть одинъ разъ въ жизни провести такой день! Не могу забыть также эти минуты, проведенныя въ этотъ день у

ребъ Іосъке, которому я наканунѣ далъ торжественное обѣщаніе придти, безъ чего навѣрное не пришелъ бы, такъ какъ у меня была масса родственниковъ, которымъ надо было дѣлать визиты, т. е. идти «просить пряника».

Когда я къ нему пришелъ, у него кончали обѣдъ.

На серединѣ стола—только что поданный и еще дымящійся «цимесъ» изъ картофеля и моркови, отъ котораго столбомъ подымался паръ до потолка, наполнявшій всю комнату пріятнымъ, сладкимъ запахомъ; на скатерти, почти около всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ лежали кучки обглоданныхъ куриныхъ костей, и Мейерке еще теперь отчаянно трудился надъ одной изъ нихъ, причѣмъ наклонялъ голову въ одну сторону и прищуривалъ глазъ. Кромѣ обычныхъ членовъ семьи, къ которой присоединилась возвратившаяся отъ своей бабушки дочка ребъ Іосъке Брайнеле, бойкая, удивительно красивая и милая дѣвочка лѣтъ шести, большая шалунья и проказница,—кромѣ всѣхъ ихъ, за столомъ было еще три человѣка, предъ которыми стояли различныя угощенія. Изъ нихъ я только одного зналъ; это былъ ребъ Калманъ, сапожникъ-заплаточникъ, работавшій у нашихъ воротъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Это былъ маленькій, забитый человѣчекъ съ сильно исхудалой и вогнутой грудью, смуглый, съ огромной кудластой головой и съ большими черными, но тускло свѣтившимися глазами.

Изъ другихъ двухъ—одинъ былъ тоже маленькій, но плотный старичокъ, съ здоровымъ, краснымъ лицомъ, большимъ краснымъ носомъ, совершенно походившимъ на губку, какъ по формѣ, такъ и по множеству испещрявшихъ его мелкихъ ямочекъ; другой, напротивъ того, былъ высокій, худой, тоже смуглый, но съ вялымъ, словно заспаннымъ лицомъ; даже его опустившійся на глаза картузь тоже, казалось, искалъ мѣстечка, гдѣ бы вздремнуть. Всѣ, исключая этого послѣдняго и ребъ Авнера, по обыкновенію грустнаго и задумчиваго, о чемъ-то горячо и шумно разговаривали.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы сейчасъ за нимъ послали,—говорилъ, словно умоляя, ребъ Калманъ, поднимая свои ширококрытые, тусклые глаза на ребъ Іосъке.

— Къ чему посылать, — отвѣтилъ сей послѣдній, — я и самъ за нимъ найду.

— Пожалуйста, пожалуйста. — продолжалъ съ тѣмъ же умоляющимъ видомъ ребъ Калмень. — И въ сущности вѣдь изъ-за пустяковъ поссорились, а вотъ не говоримъ уже съ самага кануна Шевуось. Знаете, это было совсѣмъ еще утромъ: я сижу и работаю на улицѣ. Вдругъ его жена прибѣгаетъ вся растрепанная и начинаетъ кричать мнѣ на всю улицу: «Если вы не умѣете учить вашего «мамзера», то я его научу! Уши ему оторву, искалѣчу, всѣ кости переломаю!» — Какъ, что, — начинаю я: — что вы это говорите, что такое сдѣлалъ мой Мойшеле? — «Что онъ сдѣлалъ, — отвѣчаетъ она, — вѣдь онъ меня сдѣлалъ несчастною, вотъ что сдѣлалъ вашъ «мамзеръ», чтобъ онъ вамъ не выросъ. Вѣдь онъ отворилъ дверь отъ моего сарайчика и выпустилъ обѣихъ куриць». Я, знаете, сейчасъ бросилъ все и побѣжалъ догонять куриць. Что же, знаете, оказывается? — Что она уже куриць давно переловила. Тутъ уже я не выдержалъ и сказалъ ей, что если она осмѣлится дотронуться до моего Мейшеле или назоветъ его мамзеромъ, то я ей голову разобью. Ну, скажите, развѣ я не правъ? А вотъ тутъ, знаете, и выбѣжалъ онъ и сталъ ругать меня самыми гадкими словами. Я даже не отвѣчалъ, только моя жена уже очень разсердилась и облила его ведромъ холодной воды. Я на нее очень сердился; говорю: не пьяницы мы какіе, а евреи, и стыдно такія вещи дѣлать между евреями. А она: «отчего же онъ ругался вовсе не какъ еврей?» Ну, вотъ и не говоримъ съ тѣхъ поръ, хотя, видитъ Богъ, я имъ зла не желаю и никогда не желаю.

Старикъ во все время разсказа ребъ Калмена важно покачивалъ головою, словно серьезный и безпристрастный судья, желающій вникнуть въ сущность излагающагося передъ нимъ дѣла.

Ребъ Йосъке же сейчасъ по окончанію этой исповѣди схватилъ стоявшій у его стула костыль и вышелъ, проворно подскакивая. Черезъ минутъ пять онъ возвратился съ *нимъ*. Этотъ ярый противникъ ребъ Калмена оказался еще молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати пяти, съ очень добрымъ, смиреннымъ и интеллигентнымъ выраженіемъ, съ продолговатымъ,

блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ густою свѣтло русою бородой и бакенбардами. Я его зналъ, такъ какъ онъ жилъ въ слѣдующемъ отъ насъ домѣ. Онъ разносилъ мелкій галантерейный товаръ, а жена его была, какъ мы ее называли, «куролопничкою», т. е., торговала курицами. Онъ былъ извѣстенъ въ нашемъ кварталѣ, какъ «Аврумъ деръ Трейгеръ» (разносчикъ). а ее называли Лея «гершонсъ», т. е. Гершона, каковое имя носилъ ее отецъ, чинившій старые зонтики и торговавшій ими, отчего и назывался также Гершонъ «деръ парасолникъ». Вотъ все, что я знаю о явившемся вмѣстѣ съ ребъ Йосъке. Этотъ послѣдній усадилъ новаго гостя какъ разъ противъ противника, что привело обоихъ въ большое смущеніе, такъ что оба опустили глаза и, очевидно, чувствовали себя очень неловко, словно еврейская дѣвица, очутившаяся въ первый разъ противъ своего жениха. Да и всѣмъ прочимъ стало какъ-то очень неловко.

Но скоро все уладилось. Ребъ Йосъке взялъ съ комода потускнѣвшій графинъ, наполненный бѣлымъ виномъ и заткнутый бумажкою, всѣ находившіеся тамъ разноцвѣтные и разнокалиберные стаканы, налилъ ихъ, разставилъ передъ всѣми и подалъ знакъ ребъ Калмену. Тотъ поднялся, ужасно смущенный, взялъ дрожащею рукой свой стаканъ, произнесъ тихо благословеніе, отпилъ немного и, протянувъ свою правую руку черезъ столъ, громко сказалъ:

— Лехаимъ, ребъ Аврумъ, пошли Богъ вамъ и вашей женѣ, вашимъ дѣтямъ и всѣмъ вашимъ близкимъ хорошаго и счастливаго года.

Ребъ Аврумъ, весь раскраснѣвшись, схватилъ поданную руку; глаза обоихъ противниковъ наполнились слезами, они потянулись другъ къ другу черезъ столъ и крѣпко, крѣпко обнялись...

Вотъ такъ-то прошелъ этотъ день. — Уже солнце стало опускаться и понемногу увеличиваться, уже не такъ грѣютъ его почти горизонтально падающіе лучи, заливающіе тусклыми, мутными стеклами цѣлаго ряда невзрачныхъ, то одно-этажныхъ, то двухъ-этажныхъ домовъ нашей улицы. Большая, находящаяся среди улицы лужа побагровѣла и приняла ярко кровавый цвѣтъ;

отражающіеся въ ней опрокинутыми дома и сводъ небесный кажутся охваченными страшнымъ пламенемъ. Улица на время пустѣетъ.

Но вотъ она снова стала наполняться мужчинами, важно, серьезно и задумчиво направляющимися въ синагогу. Всѣ несутъ въ рукахъ огромныя восковыя свѣчи, вставленные въ цвѣточные или обыкновенныя горшки съ отбитыми краями, или же старыя жестяныя кружки, глиняныя миски и т. п.

Въ нашей синагогѣ, опять убранной и устланной сѣномъ, у самихъ дверей стоитъ столъ. За этимъ столомъ сидятъ ребъ Іоське, ребъ Авнеръ, бааль-шахресъ, ребъ Бурихъ и я. Передъ всѣми нами стоятъ глиняныя мисочки, въ которыхъ лежатъ соответствующія надписи, сдѣланныя большими печатными еврейскими буквами. Моя надпись гласитъ אני נשאל (пѣвчіе), и я недоумѣваю—почему это я обратился во множественное лицо; надпись ребъ Авнера гласитъ אני נשאל (посланникъ общины) * и т. д. Ребъ Іоське же собираетъ съ прихожанъ деньги, слѣдуемая съ нихъ за мѣста, пожертвованія, сдѣланныя при призваніи къ чтенію торы и т. д. Эта расплата потому назначается на этотъ день, что тогда уже непременно всѣ рѣшительно прихожане на лицо.

Щедрую рукою сыплются мѣдяки и даже серебряныя монеты во всѣ мисочки, но больше всего въ мисочку ребъ Авнера. Всѣ спѣшатъ вознаградить хоть чѣмъ нибудь своего дорогого «бааль-тефилу» за доставленное имъ высокое наслажденіе; всѣ горячо жмутъ ему руку, посылаютъ милліоны сердечныхъ пожеланій, на которыя онъ отвѣчаетъ грустною, нѣжною, но обаятельно дѣйствующею улыбкой. Немного дальше отъ нашего стола оставлено свободное просторное мѣсто, откуда удалены всѣ столы и скамейки. Тамъ стоитъ ребъ Берке, взявшій на себя на одинъ часъ роль—страшно выговорить—роль палача... Всѣ входящіе, покончивъ счеты съ ребъ Іоське и со всѣми другими «мисками», смиренно простираются на землѣ лицомъ книзу, и страшный палачъ ребъ Берке двухконечнымъ ремнемъ отсчитываетъ каждому по сорока ударовъ. И

* Въ томъ смыслѣ, что община посылаетъ его къ Богу со своими молитвами.

еще каких ударов!.. Даже муха, получивъ ихъ, улетѣла бы съ ужасомъ. И подвергшись этой «безжалостной» экзекуціи, каждый кладетъ по мѣдной или другой монетѣ въ стоящую тутъ же на табуретѣ мисочку, послѣ чего удаляется и тихо совершаетъ молитву «Минку».

Но уже становится поздно, солнце начинаетъ садиться; въ синагогѣ изъ прихожанъ уже нѣтъ никого. Всѣ, сидѣвшіе за мисками, сосчитываютъ собранные гроши и высыпаютъ ихъ въ большіе платки. У меня оказывается цѣлыхъ два рубля семьдесятъ три копѣйки, у ребъ Авнера около пятнадцати рублей. Этакіе неожиданные результаты! Не обидѣли также и другихъ, и больше всѣхъ счастливъ ребъ Юське, когда всѣ передаютъ ему о результатахъ своихъ сборовъ. Узнавъ, что его прихожане такъ щедро и благородно сдумѣли оцѣнить столь дорогого ему ребъ Авнера и другихъ, онъ преисполняется гордости и блаженства и въ волненіи восклицаетъ: «Да, живеть-таки еврей! Ни у кого нѣтъ столько сердца». Онъ тутъ же расплачивается со всѣми, причемъ заявляетъ ребъ Авнеру, что община поручила ему дать не двадцать, а двадцать пять рублей, независимо отъ того, останется ли онъ на другіе праздники. Если же онъ останется на Сукось, то его сдумѣютъ вознаградить. Когда денежная сторона была улажена, ребъ Юське всѣмъ сердечно пожалъ руки и пожелалъ всякаго счастья. Затѣмъ, подойдя къ ребъ Авнеру, онъ съ какой-то грустной нѣжностью взялъ его за обѣ руки и сказалъ:

— Ну, а съ вами, ребъ Авнеръ, я хочу расцѣловаться сегодня передъ Страшнымъ судомъ, который ждетъ всѣхъ насъ завтра на небѣ.—Они обнялись, и глухія рыданія заглушили ихъ звонкіе поцѣлуи...

Было уже очень поздно, и я даже не имѣлъ времени побѣжать къ матери, чтобы сообщить ей о счастливыхъ результатахъ своей «миски»: иначе я не успѣлъ бы поужинать. Да и къ ужину я немного опоздалъ, и всѣ наши были уже за столомъ, когда я пришелъ домой. Деньги я отдалъ теткѣ спрятать, и она весело улыбнулась, радуясь за меня. Вотъ ужинъ конченъ, и всѣ молча встаютъ изъ-за стола. Въ комнатахъ царитъ полумгла; сердце болѣзненно сжимается, какая-

то щемящая грусть охватываетъ все существо, словно ждешь чего-то страшнаго, роковаго. Вотъ тетка стала молиться надъ свѣчами, и вдругъ комната оглашается ея громкими рыданіями; всѣ отворачиваются и тихо вытираютъ наступающія слезы. Вотъ раздается чей-то голосъ: «идите», и всѣ мы направляемся въ слѣдующую комнату чрезъ полуотворенную дверь. Тамъ, на столѣ, стоящемъ у стѣны, надъ которымъ виситъ наклонно зеркало между двумя окнами, въ мѣдной кружкѣ горитъ огромная восковая свѣча, а по бокамъ ея двѣ маленькія сальныя. У стола сидитъ дядя, блѣдный, взволнованный, вытирая слезы цвѣтнымъ платкомъ. Мы всѣ по одиночкѣ, сообразно возрасту, подходимъ къ нему. Онъ кладетъ обѣ руки на голову и благословляетъ. Вотъ и я подхожу; слезы дяди капаютъ мнѣ на голову.

— Прости мнѣ, Ааронъ, я много передъ тобою виноватъ, — говоритъ онъ, глотая слезы, и, благословивши, горячо цѣлуетъ меня въ лобъ. У меня сердце надрывается отъ слезъ и волненія.

— Ну, да вымолимъ у Господа счастливый годъ, — грустно произноситъ дядя поднявшись; и всѣ направляются къ двери, поцѣловавъ благоговѣнно «мезузу» на ея косякѣ.

Уже давно сѣло солнце и наступили густыя сумерки; на западѣ, покрытомъ нѣсколькими полосами легкихъ тучъ, стоитъ темно-багровое зарево, все болѣе и болѣе темнѣющее и переходящее въ пепельный цвѣтъ; другія стороны неба приняла мрачный, мутный видъ. Немного выше надъ полосами тучъ стоитъ блѣдный, еще безцвѣтный и не свѣтящій серпъ луны; еще немного выше загорѣлась яркая звѣздочка, а надъ нею еще двѣ-три еле мерцаютъ. Уныло стоятъ дома, какою-то грустью проникнуты даже улицы, словно движущіеся по нимъ торопливо, въ глубокомъ молчаніи люди собираются хоронить самыхъ близкихъ и дорогихъ существъ; и даже высыпающіяся блудныя дѣвушки, слѣдящія за уходящими родителями, не измѣняютъ траурной фивіономіи улицъ, не смотря на праздничность костюмовъ и свѣжесть ихъ лицъ; вотъ на небольшой деревянной площадкѣ, къ которой надо подняться по нѣсколькимъ ступенькамъ, торопливо и бойко прыгаетъ нѣсколько

запоздалыхъ воробьевъ: они клюютъ различныя зерна, разсыпанныя передъ запертой лавочкой торговца крупами. А тамъ, немного подале, большая, вся въ ранахъ, съ отвислыми, сильнораскусанными ушами, мутно-бѣлая собака, обыкновенная обитательница квартала, догрызаетъ какія-то кости, боязливо оглядываясь каждый разъ по сторонамъ своими большими влажными глазами, въ которыхъ выражается какое-то страдающее забитаго, всѣми обижаемаго существа.

— Алтеръ, Алтеръ,—кричитъ молодая дѣвушка, вся закутанная въ черную шаль съ большими пестрыми цвѣтами посерединѣ, высунувшись наполовину изъ полуоткрытой двери, за ручку которой она держится одной рукой:—Алтеръ, Алтеръ, ты вѣдь не показалъ мнѣ, какія молитвы мнѣ надо читать сегодня вечеромъ.—Алтеръ, юноша лѣтъ пятнадцати, съ блѣднымъ, прозрачнымъ, но очень интеллигентнымъ, серьезнымъ лицомъ, повидимому—братъ молодой дѣвушки, быстро оборачивается и направляется обратно къ сестрѣ.

Но вотъ движеніе совсѣмъ прекратилось, и улицы приняли унылый, мертвый видъ, словно все внезапно вымерло. Еще унылѣе стоятъ въ сгустившемся мракѣ дома, начинающіе слабо освѣщаться еле мерцающими лучами луны, и блѣдныя, еще неясными тѣни этихъ домовъ начинаютъ растягиваться во всю длину опустѣвшихъ улицъ. И еще угрюмѣе, еще тоскливѣе становится на нихъ, и все больше и больше окутывается таинственнымъ мракомъ...

Синагога буквально залита свѣтомъ отъ великаго множества восковыхъ свѣчей, которыя разставлены на всѣхъ окнахъ и на всѣхъ рѣшительно столахъ, по нѣсколько на каждомъ... Всѣ молча и напряженно ждутъ. На всѣхъ лицахъ читается какая-то смѣсь хватающей за душу грусти и рѣшительности, но рѣшительности человѣка, испытывающаго послѣднее средство. По временамъ слышатся тяжкіе, глубокіе вздохи; изъ женской половины ясно доносятся громкія рыданія. Но вотъ ребъ Авнеръ оставляетъ свое мѣсто у восточной стѣны, гдѣ онъ сидѣлъ, погруженный въ чтеніе главы изъ Зогара, и медленно направляется къ амвону, куда направляюсь и я. Тутъ же вокругъ амвона, со свитками въ рукахъ устанавливаются ребъ

Алтеръ и еще какой-то старикъ. По синагогѣ пробѣгаетъ на мгновеніе шумная, тревожная волна, которая немедленно утихаетъ. И среди этой многоговорящей тишины раздаются чудные звуки божественнаго гимна «Коль-Нидре», этого великаго chef d'oeuvre еврейской національной музыки, котораго одного достаточно, чтобы потрясти до глубины всё, способныя чувствовать, сердца. И могучими, потрясающими волнами разносятся эти волшебные звуки по всей синагогѣ и жгучими, радужными лучами пробираются они во всё души, и жгутъ ихъ и согрѣваютъ, и ласкаютъ и томятъ. И словно цѣлые вѣка горя выступаютъ въ этихъ щемящихъ душу переживанияхъ, и страшные стоны миллионновъ мучениковъ слышатся въ этихъ уныло-величавыхъ треляхъ, въ этой чудной, обаятельной, божественно прекрасной мелодіи. И словно для того, чтобы всё могли проникнуться глубиной и величавой красотой этого грандіознаго гимна, его повторяютъ три раза.

И окончивъ этотъ чудный гимнъ, ребъ Авнеръ, собравъ всё силы своего голоса, громко и торжественно восклицаетъ:

— «И да будетъ прощено всей общинѣ дѣтей Израиля и всёмъ живущимъ среди нихъ чужестранцамъ, ибо всё согрѣшили по невѣдѣнію». — И какъ кипящій водоворотъ, который съ страшнымъ шумомъ подхватываетъ попавшее въ него судно, то втягивая его внутрь себя, то снова извергая его на свою ревущую поверхность, такъ вся наполнявшая синагогу толпа съ страшнымъ шумомъ подхватила эти слова, и воздухъ будто наполнился какимъ-то порывистымъ, бурнымъ вѣтромъ, который стонетъ и реветъ съ отчаянною силой. Такъ молятся всё часовъ до одиннадцати ночи, послѣ чего нѣкоторые уходятъ домой, а другіе остаются на всю ночь, чтобы провести ее въ молитвѣ же.

Настало утро слѣдующаго дня. Все въ синагогѣ снова слилось въ одну горячую молитву, часто прерываемую плачемъ, стономъ и рыданіями. То утихаетъ все на мгновеніе, то вдругъ забушуетъ, словно всклокотившееся море; нѣкоторые неподвижно оставались на своихъ мѣстахъ еще со вчерашняго вечера, другіе выходятъ иногда на мгновеніе, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Въ синагогѣ стоитъ невыносимѣйшая ду-

хота и жара отъ восковыхъ свѣчъ, пламя которыхъ блѣднѣетъ передъ яркими лучами солнца. За амвономъ стоитъ бааль-шахресь и выдѣлываетъ свои деревянные трели. Иногда онъ вдругъ запоетъ что-то такое нескладное, что иные не удержатся и расхохочутся, возбуждая этимъ большое неудовольствіе со стороны многихъ молящихся, особенно стариковъ, которые начинаютъ ударять ладонью по молитвеннику, крича: «штилеръ, штилеръ» (тише). Вотъ съ одной свѣчи, сильно нагорѣвшей, фитиль перегнулся набокъ, такъ что воскъ сталъ быстро таять и стекать, покрывая своими потоками всю свѣжую глину, въ которую свѣча вкопана.

— Даныло, — позвалъ ребъ Берке, и спустя секунду черезъ густую толпу сталъ пробираться, сухопарый, смуглый малоросъ съ рѣденькой сѣдой бородкой, съ маленькими глазками, ушедшими въ лобъ, въ бурой свиткѣ со множествомъ заплатъ и въ сильно засаленномъ плоскомъ картузѣ съ очень широкимъ верхомъ, на которомъ какъ разъ посерединѣ было большое жирное пятно. Ему дѣлаютъ столько знаковъ и съ столькихъ сторонъ, что онъ рѣшительно не знаетъ, куда направиться, и стоитъ посрединѣ въ большомъ недоумѣніи, оглядывая всѣхъ. Наконецъ ребъ Берке выводитъ его изъ недоумѣнія, заставивъ всѣхъ замолчать и указавъ ясно на нуждающуюся въ его помощи свѣчку. Даныло медленно снимаетъ своими черными пальцами фитиль, даже не помочивъ ихъ предварительно, и не смотря на то, что онъ продолжаетъ еще горѣть, также медленно сдавливая его этими пальцами, чтобы потушить его.

Вотъ за столомъ, стоящимъ направо отъ дверей, какой-то молодой человекъ вынулъ пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ, налилъ нѣсколько капель на свой платокъ и сталъ прикладывать къ носу. Сильный запахъ, распространенный этими каплями, возбуждаетъ всеобщее вниманіе и любопытство, взоры всѣхъ направляются на ихъ счастливаго обладателя. Черезъ нѣсколько секундъ сотни носовъ устремляются къ его магическому платку, который обходитъ чуть-ли не всю синагогу. Нѣкоторые же счастливыцы получаютъ по каплѣ на свои собственные платки, которые въ свою очередь тоже обходятъ множество носовъ. Другіе же, не столь требовательные или же враги всякаго но-

ваторства, протягиваютъ руки къ скромной табакеркѣ ребъ Іосъке, поставленной на его столѣ именно съ цѣлью, чтобы всѣ ею пользовались.—Уже солнце поднялось довольно высоко, свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей все больше блѣднѣетъ, жара еще усилилась, духота тоже. Нѣкоторые утомленные потягиваются, стараются разсѣсться немного просторнѣе, чтобы расправить свои кости. Одни клюютъ носомъ, пробуждаясь каждый разъ, какъ сей послѣдній стукнется о молитвенникъ или о плечо сосѣда; другіе начинаютъ переговариваться, сначала тихо, а потомъ и довольно громко. Тамъ, у самыхъ дверей затѣялась какая-то крупная ссора между старымъ отставнымъ солдатомъ и юношей—разнощикомъ бубликовъ, чуть не дошедшая до драки. Громкій протестъ противъ нарушителей тишины въ видѣ хлопанія ладонями по молитвенникамъ начинается у восточной стѣны и поддерживается особенно энергично ребъ Іосъке и ребъ Берке. Но вдругъ канторъ провозглашаетъ громко וּבְכֹן לָךְ הַכֵּל יִתְּנֶה (и всѣ да вѣнчаютъ Тебя). Всѣ быстро, мгновенно вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и, сильно раскачиваясь, громко повторяютъ слова кантора. И опять все заколыхалось, закипѣло, зашумѣло, зажужжало, точно сильный осенній вѣтеръ, порывисто завывающій въ лѣсу, или сильная вьюга, воющая среди поля.

Вотъ уже молитва «шахресъ» окончена. Многіе высыпали на улицу и составили группы вокругъ синагоги; высыпали также и женщины, которыя усѣлись на длинномъ, объемистомъ столбѣ, лежащемъ на землѣ у противоположнаго дома. Всѣ почти въ ситцевыхъ платьяхъ, причемъ у молодыхъ преобладающій цвѣтъ матеріи блѣдно-розовый и блѣдно-голубой, очень къ нимъ идущій; у женщинъ же среднихъ лѣтъ преобладаютъ болѣе пестрые цвѣта съ затѣйливыми фигурами, что между прочимъ зависитъ отъ числа не ихъ собственныхъ лѣтъ, а лѣтъ этихъ платьевъ. Что же касается старухъ, то цвѣтъ ихъ платьевъ часто довольно трудно опредѣлить, такъ какъ они по большей части старше первыхъ дѣтей ихъ обладательницъ на годъ или же ровно на девять мѣсяцевъ. За то они большей частью шерстяныя, или даже шелковыя, или тафтяныя. У старухъ, большей частью поверхъ платья, наки-

нуты бурнусы, подбитые бѣлымъ копячимъ мѣхомъ, надѣтые почти у всѣхъ на одинъ только рукавъ. У другихъ возрастовъ бурнусы замѣнены въ большинствѣ случаевъ большими шерстяными платками, накинутыми на плечи. Головы у всѣхъ повязаны красивыми шелковыми платками, причѣмъ у молодыхъ они небрежно и свободно повязаны подъ подбородкомъ, такъ что концы ихъ падаютъ на грудь и виднѣется чистый щеголеватый капоръ, обшитый мелкими узенькими кружевами; у женщинъ же постарше—платки плотно завязаны повади на затылкѣ. У нѣкоторыхъ, особенно уже у очень старыхъ, узелъ приходится на самую макушку. Попадаются нѣкоторыя старухи, у которыхъ, вмѣсто платковъ, бѣлые чепчики, задвинутые на заднюю часть головы. Спереди же голова покрыта такъ называемой «мушкой», т. е. шелковымъ или атласнымъ бантомъ, какъ разъ по срединѣ раздѣленнымъ узенькой бѣлой полоской, означающей проборъ. У очень немногихъ сверхъ этого банта положенъ красный кусокъ матеріи, сложенный вдвое на подобіе лодки и широкая часть котораго падаетъ на самый лобъ. Вотъ вокругъ одной старухи, голова которой украшена такимъ именно образомъ, и имѣющей, кромѣ того, на груди широкой парчевой нагрудникъ, собралась большая группа женщинъ. Этой старухѣ за сто лѣтъ, и она до того сгорблена, что ея голова чуть не касается ея колѣнъ, а ходя она постоянно опирается на палку. Лицо ея совершенно напоминаетъ морщинистую черную, сильно завядшую рѣдкую; глаза у нея совсѣмъ маленькіе и углубились далеко въ голову; они лишены всякихъ рѣсницъ. Тѣмъ не менѣе она одѣта удивительно опрятно и, на свой манеръ, щеголегато. Она говоритъ съ передышкой,—но говоритъ много и любитъ говорить и особенно рассказывать о прошломъ, какъ и всѣ старухи. Но за то она о старинѣ далеко невеселыя вещи рассказываетъ, и кто ее слушаетъ подъ вечеръ—не можетъ спать всю ночь отъ представляющихся ему ужасовъ. Рассказываетъ она, большей частью, о подвигахъ польскихъ пановъ и рассказываетъ живо, мастерски, такъ что передъ слушателемъ разворачивается страшная живая картина, отъ которой часто стынетъ кровь въ жилахъ. А пановъ она отлично знаетъ, ибо

провела около восьмидесяти лѣтъ своей жизни въ одномъ маленькомъ городѣ подольской губерніи. Зовутъ ее *бабуню Кренице*, и составляетъ она предметъ благоговѣнія всего квартала отъ мала до велика.

— Бабуню, расскажите пожалуйста еще о томъ, какъ вашъ панъ на Іомъ-Кипуръ закопаль живьемъ одного еврея портного, — просить одна очень молодая женщина.

— Ой, горе мнѣ, какъ это закопаль живымъ! — вскрикиваетъ въ ужасѣ другая, тоже молодая, стройная женщина съ блестящими большими карими глазами.

— Вотъ услышишь, — отвѣчаетъ первая.

Бабушка не даетъ долго себя просить и, стукнувъ предвзрительно нѣсколько разъ своей палкой по землѣ, что у нея означало негодование противъ того, о чемъ будетъ рассказано, она начинаетъ, покачивая печально своей согбенной головой:

— У, да выкинетъ его земля, этого гнуснаго людоѣда, у, сколько крови еврейской онъ выпилъ, сколько сотенъ людей онъ замучилъ!

Бабушка тяжело передохнула и затѣмъ продолжала:

— Было у него уже очень чудное имя — да сотрется оно съ лица земли — что-то въ родѣ Цивцвцкій или Пшевлипевскій, чертъ его тамъ знаетъ. Была у него очень большая и очень злая собака, какъ и онъ самъ, и всѣ у насъ говорили, что это панская душа. Но развѣ у пана есть душа? Но такъ говорили всѣ. Евреи очень хорошо знали эту собаку. Онъ безъ нея шагу не дѣлалъ, ибо очень ее любилъ панъ, больше своей жены и своихъ дѣтей, хотя они тоже всѣ были злыя собаки и много намъ дѣлали пакостей. Вотъ былъ у насъ въ городѣ портной; звали его Несане. Очень большой бѣднякъ былъ и очень благочестивый еврей; ходилъ утромъ и вечеромъ въ синагогу, никогда не пропускалъ. Жену его звали Лыбой, обоихъ ихъ помню хорошенько и дѣтей ихъ помню, какъ вчера видѣла, особенно Фай-веле, который родился какъ разъ въ тотъ день какъ панъ объявилъ евреямъ, что если они не зажгутъ синагоги для иллюминаціи въ день его *менингъ*, или *манингъ*, то это докажетъ, что они его не любятъ, и онъ ихъ всѣхъ выгонитъ. Такую собаку еще любить! Насилу его упростили чрезъ управляющаго,

которому дали большой подарокъ. Такъ вотъ этотъ Несане шилъ для пана, т. е. не для самого пана, а для его слугъ, а ихъ у него была цѣлая ватага. Ну, каждый разъ, какъ Несане, бывало, относить свою работу на панскій дворъ, панъ сейчасъ къ своей собацѣ: «хватай жида». Она и кинется на него, повалить на землю, разорветъ на немъ все, раскусаеть. Несане бѣдный, больше мертвый чѣмъ живой, кричитъ, такъ что слышно даже за три версты: «Гевальтъ, ругайте, сжалитесь!» А панъ стоитъ съ огромнымъ чубукомъ во рту, глядитъ черезъ окно и хохочетъ, и хохочетъ. А хохочетъ онъ, словно быкъ реветъ, ибо толстый-претолстый былъ этотъ панъ, настоящая откормленная свинья. И каждый разъ онъ это дѣлалъ. А Несане все-таки ходилъ, ибо что же дѣлать ему, бѣдному еврею съ женою и дѣтьми! И какъ же онъ бывало мертвѣетъ, когда ему приходилось идти туда! Зайдетъ, бывало, къ моему старику,—по дорогѣ было, да онъ очень любилъ моего покойника,—*да почиетъ на немъ миръ*—зайдетъ и скажетъ: Молитесь Богу за меня, ребъ Гедалле—къ пану иду. А весь желтый, желтый, какъ воскъ, и трясется, какъ въ лихорадкѣ. Такъ и разрывается сердце, глядя на него, и не разъ, бывало, я плачу, и старикъ мой тоже плачетъ.

«Вотъ однажды, было это два года послѣ того, какъ казаки зарѣзали среди бѣда дня шинкаря ребъ Анзеля съ его женой и шестью дѣтьми, да какъ еще зарѣзали! У матери зарѣзали животь.

— Ахъ!—раздался пронзительный крикъ, и молодая женщина, та самая, которая выразила свой ужасъ съ самаго начала, упала безъ чувствъ. Всѣ женщины переполошились, поблѣднѣли какъ смерть и засуетились.

— Воды, воды!—кричали всѣ въ одинъ голосъ, кинувшись подымать упавшую.

Я, стоявшій тутъ же еще съ нѣсколькими юношами, кинулся къ молодому человѣку, обладателю напатырнаго спирта, котораго я нашелъ въ синагогѣ за чтеніемъ псалмовъ. Мгновенно завѣтная бутылочка очутилась въ моихъ рукахъ, и я торжественно ее передалъ одной изъ хлопотавшихъ женщинъ.

— Ой, *«халушесь-троненъ»* *,—воскликнули радостно всё, глядя на меня съ видомъ величайшей благодарности. Помощью этихъ капель молодая женщина скоро очнулась и стала оглядывать все кругомъ съ какимъ-то крайнимъ недоумѣніемъ, словно пробудившись отъ продолжительнаго сна, дившагося нѣсколько дней.

Ей подали немного воды въ стаканѣ; она было-поднесла его машинально къ губамъ; но вдругъ вспомнила все и съ ужасомъ оттолкнула его отъ себя.

— Что это, развѣ я не еврейское дитя, чтобы пить сегодня!— энергично сказала она, совсѣмъ оправившись.

— Выпей, дитя мое, выпей, это не грѣхъ,—обратилась къ ней бабушка Кренца, которая во все время переполоха указывала всѣмъ, какъ и что дѣлать.—Выпей, за такія вещи Богъ не гнѣвается. Мой покойный всегда, бывало, говоритъ: Богъ не хочетъ, чтобы мы чтонибудь дѣлали во вредъ нашему здоровью. Онъ вѣдь отецъ нашъ. А развѣ отецъ можетъ желать, чтобы дѣти его причиняли себѣ страданія? Такъ онъ, бывало, мнѣ говоритъ каждый разъ, когда я хотѣла поститься во время беременности. Святой, святой былъ человекъ мой покойникъ, да предстанеть его праведность предъ Господомъ въ этотъ день за всѣхъ насъ.—И старуха печально закачала головой и устремивъ потускнѣвшіе взоры въ землю, замолкла, погруженная въ печальныя воспоминанія.

Молодая женщина тѣмъ не менѣе отъ воды все-таки отказывается, увѣряя, что чувствуетъ себя очень хорошо, какъ будто съ ней ничего не случилось, и что она готова слушать дальше рассказъ бабуни. Но старушка на-отрѣвъ отказывается продолжать свою печальную исторію **, опасаясь вызвать новый

* Капли отъ обморока.

** Пишущій эти строки въ дѣтствѣ не однажды слышалъ подобный рассказъ изъ тысячи усть. Развязка его такова: несчастный портной, которому не въ моготу стало терпѣть, рѣшился отдѣлаться отъ собаки, и, пробравшись однажды тайно въ панскій дворъ не въ обычное время, далъ ей яду, завернутаго въ хлѣбъ. Свирѣпый панъ узналъ, кто былъ причиной гибели его любимой собаки, и въ своемъ дикомъ желаніи мести выдумалъ для него самую мучительную смерть, именно закопалъ его живьемъ вмѣстѣ съ издохшею собакой. Если мнѣ память не изменяетъ, то что-то подобное проникло даже въ печать.

обморокъ. Женщины, поэтому, переходятъ къ болѣе обыденнымъ разговорамъ о вчерашнихъ удачахъ и неудачахъ по части кухонныхъ произведеній.

— Если бы вы попробовали вчерашній «цимессъ»,—говоритъ одна низенькая женщина, заслоня ладонью глаза отъ падающихъ ей прямо въ лицо лучей солнца;—ну, что вамъ сказать, имѣлъ онъ прямо райскій вкусъ, дай мнѣ Богъ такъ здоровья. *Мой* вовсе не могъ нахвалиться, такъ пальцы и облизывалъ. Я, знаете, каплечку вина туда влила, чуточку. И цвѣтъ то какой онъ получилъ, весь такой красный, просто радость глазамъ.

— Знаете, я вина никогда не лью, только даю ему хорошенько вскипѣть и только тогда кладу сахаръ, и онъ тоже выходитъ очень красивый и очень вкусный,—говоритъ другая, среднихъ лѣтъ, съ бородавкою на подбородкѣ.

— Маме, — кричитъ прибѣжавшая вся запыхавшись дѣвочка лѣтъ девяти:—маме, уже Янкеле что-то надѣлалъ... всю руба...

— Ахъ ты дура этакая,—воскликнула сильно смутившаяся женщина, получившая такое внезапное извѣстіе о блестящей дѣятельности своего Янкеле:—развѣ же можно такъ кричать при всѣхъ.—И она быстро удаляется за принесшею извѣстіе дѣвочкою.

Но вотъ группы находящихся на улицѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, постепенно рѣдѣютъ, и наконецъ всѣ уже снова наполняютъ синагогу.

Приступаютъ къ молитвѣ «Мусафъ». Я подхожу къ ребѣ Авнеру, который все время сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ.

— Худо мнѣ сегодня, очень худо,—говоритъ онъ мнѣ тихо, и въ глазахъ его столько охватывающей грусти, столько безнадежной печали, что мнѣ какъ-то вдругъ страшно становится за него.

— Выйду немного на воздухъ, прежде чѣмъ подойти къ амвону,—прибавляетъ онъ черезъ нѣсколько секундъ. И мы вышли вмѣстѣ.

Онъ сталъ у узкаго прохода, ведшаго изъ узенькаго переулка, въ которомъ находилась синагога, на большую улицу,

провелъ рукою по мокрому лбу и сказалъ задумчиво, словно про себя:

— Какъ хорошо сегодня, какъ ярко свѣтитъ солнце, какъ чисто небо. А какъ тамъ должно быть хорошо, у моря! Вотъ хотѣлось бы на него взглянуть. Мнѣ кажется, что я его больше не увижу. Все такъ ноетъ, ноетъ грудь, такъ разрывается сердце, и все такія печальныя мысли приходятъ на умъ. Что это со мною дѣлается сегодня, Богъ Ты милосердый, словно чувствую могилу вокругъ себя!

Онъ замолчалъ на нѣсколько мгновений, опять провелъ рукою по лбу и волосамъ и затѣмъ, положивъ нѣжно лѣвую руку ко мнѣ на плечо, началъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ:

— Какъ ты думаешь, клейничеръ, наказываетъ Богъ за тѣ грѣхи, которые доставляютъ намъ одни страданія?— Не можетъ быть, не можетъ быть,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ, помолчавъ.—Эти страданія и суть наказанія. Впрочемъ, кто знаетъ, кто можетъ утверждать что нибудь? Все, все тайна для человѣка, одинъ Господь только знаетъ все, обнимаетъ все. Да, правда, совершенная правда, что говорится въ одной изъ сегодняшнихъ молитвъ: «Разбитому черепку подобенъ человѣкъ, засохшей травѣ, увядшему цвѣтку. Какъ тѣнь проходить онъ, какъ пронесшееся облако, какъ завывшій вѣтеръ, какъ развѣваемая пыль, какъ улетающій сонъ»... Да, какъ улетающій сонъ,—повторилъ онъ съ протяжнымъ вздохомъ, еще разъ взглянулъ кругомъ и направился обратно въ синагогу.

— Одинъ Богъ только знаетъ какъ я сегодня кончу,—сказалъ онъ, уже стоя у амвона и надѣвая талесъ. У него, дѣйствительно, руки дрожали, и онъ еле ими двигалъ, и вообще онъ болѣе походилъ на тѣнь, чѣмъ на живого человѣка. Только глаза свѣтились какимъ-то необычайнымъ блескомъ. Тягостное и болѣзненное чувство охватило меня. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ ребъ Авнеръ свалится съ ногъ. Однако, закончивъ свою тихую молитву, продолжавшуюся у него на этотъ разъ необыкновенно долго, онъ твердымъ и даже необычайно чистымъ голосомъ загѣлъ прекрасный традиционный «Исгадалъ», одолевая съ удивительною легкостью всѣ его трудные переходы и трели, и закончилъ его такою прекрасною, звучною высокою

потою, что всё съ изумленіемъ стали дѣлать знаки другъ другу. Но послѣ послѣдовавшей затѣмъ чрезвычайно длинной тихой молитвы «Шмойна-Эеру», онъ долженъ былъ присѣсть на нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ снова начать. Тѣмъ не менѣе, мы пѣли всё приготовленныя молитвы, которыхъ было чрезвычайно много. Молитвы «Кевакурость» (какъ пастухъ обзрѣваетъ стадо...), къ которой, какъ я уже выше сказалъ, мы приладили божественный хоръ монаховъ изъ пятого дѣйствія Роберта Діавола, и «Эль-Кицву» (вѣтъ предѣла годамъ Твоимъ), къ которой приложили прелестный по наивности своей мелодіи дуэтъ Рембо и Вертрама,—эти молитвы, пропѣтыя въ этотъ день уже въ третій разъ, привели всѣхъ въ какой-то неописанный восторгъ. Насколько первая потрясла всѣхъ своей безконечно глубокой, грандіозной мрачностью, настолько вторая обняла ихъ своею наивною прелестью. При первой лица помрачались, ушли въ себя, и кругомъ слышались глубокіе вздохи; при второй лица прояснились, поднялись вверхъ, и въ воздухѣ какимъ-то вихремъ носились восторженныя, а, а, а, а... вылетавшія изъ всѣхъ устъ. Ребъ Авнеръ въ теченіе молитвы очень часто садился отдыхать, и ему тогда подносили платокъ, омоченный каплями нашатырнаго спирта, который онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ. Такъ кончили мы молитву «Мусафъ», послѣ которой у насъ съ ребъ Авнеромъ былъ большой отдыхъ, такъ какъ слѣдующую молитву «Минху» взялъ на себя ребъ Хуне, ежегодно ее совершавшій, конечно, безвозмездно, какъ и цѣлый годъ онъ исполнялъ должность кантора безвозмездно. Впрочемъ, эту молитву, по уговору, во всякомъ случаѣ долженъ былъ совершать не ребъ Авнеръ, а «бааль-шахресъ».

Опять приступили къ чтенію торы, и синагога болѣе чѣмъ на половину опустѣла; опять образовались группы мужчинъ и женщинъ на дворѣ, которые громко и шумно бесѣдовали между собою. Нѣкоторые мальчуганы вступали между собою въ драку, другіе, постарше, собрались въ группу, и нѣкоторые изъ нихъ стали пѣть разныя, только что исполненныя ребъ Авнеромъ молитвы. «Хорошо, молодцы, bravo», раздаются одобренія многихъ изъ взрослыхъ, которые скоро направляются къ группѣ пѣвцовъ и окружаютъ ихъ сомкнутою цѣпью, все болѣе и болѣе

увеличивающагося въ объемѣ. Вотъ нѣсколько дѣтокъ усѣлось около матерей, пожирая съ аппетитомъ куски блага калача съ «пулкою» или крылышкомъ отъ курицы; другіе держатъ въ рукахъ огромные куски арбуза, въ которые погружаются всѣмъ лицомъ. Тамъ опять хлопочутъ вокругъ какой-то беременной женщины, которой брызжутъ въ лицо холодной водой.

Но вотъ уже ребѣ Хуне за амвономъ, и его длинная фигура царитъ надъ всѣми. Вотъ онъ низко наклонился и начинаетъ выдѣлывать безконечную трель надъ первымъ словомъ молитвы. Но надо ему отдать справедливость, онъ это дѣлаетъ гораздо лучше «бааль-шахреса», и вообще поетъ онъ сносно, а по временамъ даже не дурно, особенно, когда произносить молитву съ традиціонной мелодіей. Но ребѣ Хуне считаетъ себя недюжиннымъ пѣвцомъ и временами пускается фантазировать на различныя темы и такъ какъ въ пониманіи текста онъ не очень силенъ, то часто совершаетъ отчаянные прыжки, присоединяя конецъ одной фразы къ началу другой, что выходитъ очень комично и вызываетъ иногда улыбку даже на грустномъ лицѣ ребѣ Авнера.

Наступилъ и третій перерывъ. Но на этотъ разъ никто почти не выходитъ. Уже день сталъ склоняться къ концу; въ синагогѣ начинаетъ водворяться полумракъ; пламя отъ сильно нагорѣвшихъ свѣчъ начинаетъ становиться все ярче, и изъ блѣдно-синяго становится все болѣе золотистымъ; застывшіе потоки стаявшаго воску словно веревками облѣпили ихъ со всѣхъ сторонъ и, спадая до ихъ основанія, образовали, разлившись по поверхности глины, различныя затѣйливыя фигуры. Мальчики съ жадностью заглядываютъ на эти застывшія восковыя волны, намѣчая себѣ—какіе куски утащить, когда на небѣ появятся звѣзды, и до нихъ уже можно будетъ дотронуться, и обдумывая — какихъ «человѣчиковъ», лошадокъ и «медвѣдиковъ» можно будетъ изъ всего этого сдѣлать завтра въ хедерѣ. Солнце своими косыми лучами прорѣзывается широкими полосами черезъ окна синагоги; но уже теперь его свѣтъ блѣднѣетъ предъ ярко разгорѣвшимися свѣчами. Молящіеся сидятъ задумчиво, молча, блѣдные, съ видомъ утомленія, но ни на одномъ лицѣ не выражается и тѣни

тягостнаго чувства или нетерпѣнія. Напротивъ, всѣ лица серьезны, и видна на нихъ печать глубокой, тихой думы. Что-то такое хорошее, сладостно-грустное, чудно-тайнственное царить въ этомъ полумракѣ. И такъ невыразимо прекрасны эти минуты спокойнаго ожиданія, и какой-то духъ мира и любви витаетъ въ эту минуту въ синагогѣ, и всѣ сердца словно сливаются въ одно, и такъ хорошо, такъ хорошо, что желалъ бы, чтобы цѣлый вѣкъ продолжался этотъ волшебный, такъ сладко убаюкивающій сумракъ.

Ребъ Авнеръ сидитъ на стулѣ предъ амвономъ, спиной къ нему и лицомъ къ публикѣ. Ноги его опираются на низенькій табуретъ, доставленный ему ребъ Йосъке. Онъ подперъ лѣвую щеку лѣвой же рукою, которая локтемъ опирается на его колѣни. Другой рукой онъ разсѣянно крутитъ конецъ талеса. Противъ него сидитъ ребъ Йосъке и каждый разъ посматриваетъ на него съ глубокой нѣжностью и грустью. Ребъ Берке, тутъ же сидящій, тоже съ безпокойствомъ поглядываетъ иногда на ребъ Авнера.

— Что-то онъ мнѣ совсѣмъ не нравится сегодня,—говоритъ онъ мнѣ на ухо.—Смотри, какъ у него вдругъ воспалились щеки, точно огнемъ горять.—Ребъ Йосъке нагибается къ намъ и тихо спрашиваетъ—о чемъ мы говорили. Ребъ Берке ему повторяетъ то же самое.

— Ой, да, и мнѣ онъ совсѣмъ не нравится!—шепчетъ ребъ Йосъке съ глубокимъ вздохомъ. И онъ опять начинаетъ посматривать съ раздражающей грустью на ребъ Авнера. Наконецъ, онъ съ трогательной нѣжностью беретъ его за руки и говоритъ, глядя ему прямо въ глаза:

— Вамъ очень нездоровится, ребъ Авнеръ? Можетъ быть, просить когонибудь другого совершить молитву «Нилу».

— Какъ можно, какъ можно!—отвѣчаетъ тихо ребъ Авнеръ.—Мнѣ не такъ дурно, и молитва недлинная, пѣть тоже тамъ почти нечего.

— Нѣтъ, ребъ Авнеръ, у васъ видъ очень нехорошій. Я васъ прошу, скажите прямо, можетъ быть, вы не въ состояніи больше молиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь,—отвѣчаетъ твердо ребъ Ав-

неръ, и онъ рѣшительно встаетъ. Но, поднявшись, онъ вдругъ о чемъ-то задумался, словно что-то припоминая. Затѣмъ онъ кинулъ грустный взоръ кругомъ; направилъ взглядъ черезъ окно на улицу, гдѣ въ то время солнце стояло на горизонтѣ огромнымъ огненнымъ шаромъ, готовое утонуть въ безконечномъ пространствѣ, и, надвинувъ на себя талесъ, началъ первыя слова молитвы. Его голосъ дѣйствительно ослабѣлъ и, казалось, съ трудомъ выходилъ изъ сдавленной груди; временами въ немъ слышалось хрипѣніе. Какимъ-то замогильнымъ стономъ отдавалось это тихое моленіе, переходившее иногда въ глухое шипѣніе, и еще болѣе потрясалъ всѣхъ этотъ разбитый, надтреснутый, потухающій голосъ.

Но вотъ молитва подходитъ уже къ концу; его голосъ какъ будто сталъ немного проясняться, вотъ прозвучалъ онъ съ какою-то всеохватывающею силою и глубиною чувствъ. Это произносить онъ речитативомъ одну изъ самыхъ трогательныхъ молитвъ. Именно эту, насколько вспоминаю: «Господь, сердце мое кровью обливается, когда я вижу, какъ всякій городъ стоитъ твердо на своихъ холмахъ, а городъ Господень ниспроверженъ до глубины преисподней. И все же таки мы все уповаемъ, и взоры наши обращены къ Богу».—И съ какою глубокою задушевностью выходитъ изъ его устъ каждое слово, и кажется, что въ этомъ слабомъ, хиломъ существѣ воплотилось все вѣковое горе и что это оно теперь стоитъ передъ амвономъ.

Ребъ Авнеръ замолкъ. Народъ въ это время, громко оглашая воздухъ, произноситъ молитву, повторяющуюся каждый разъ, какъ припѣвъ. Но вотъ опять все замолкло. Ребъ Авнеръ снова начинаетъ: «Ты, Божье милосердіе, развернись надъ нами. Передъ Творцомъ Твоимъ повергни нашу мольбу и народу своему проси состраданія, ибо все сердце его исцало и вся голова его въ ранахъ». Народъ шумно повторяетъ предыдущую молитву. Опять тишина. Всѣ ждутъ, чтобы ребъ Авнеръ снова началъ. Но онъ молчитъ. Тишина продолжается, ожиданіе становится все напряженнѣе. Вотъ онъ сталъ шептать съ большими усиліями. Вдругъ изъ груди его вырывается страшный хриплый стонъ, и онъ какъ снагъ валится на землю.

— Воды! — крикнулъ ребъ Йоське ужаснымъ, нечеловѣческимъ голосомъ, и въ одну секунду очутился около ребъ Авнера.

То, что произошло вслѣдъ за тѣмъ, не поддается никакому описанію. Казалось, что въ эту минуту надъ всюю землею пронесся вдругъ страшный ураганъ, повергшій всю вселенную въ безысходное горе и тьму. Да, въ первый моментъ мнѣ положительно казалось, что наступилъ конецъ всему, что передъ всѣми раскрылась страшная зіяющая пропасть, въ которой все исчезнетъ навѣки. Все вдругъ застлалось густымъ туманомъ передъ моими глазами.

Я ясно начинаю припоминать все съ того момента, когда ребъ Авнеръ очутился на кровати на квартирѣ ребъ Йоське, гдѣ толпилась сотня людей.

Помню, какъ уже очень поздно, часа черезъ три, явился, наконецъ, докторъ еврей, чрезвычайно толстый и низенькій старичекъ, весь бритый, съ большимъ, толстымъ носомъ. Докторъ былъ очень грубъ и нахаленъ, говорилъ всѣмъ «ты» и даже не поздоровался, когда вошелъ; вмѣсто же привѣтствія онъ сталъ гнать всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ ослиами и баранами. Что онъ говорилъ и что онъ дѣлалъ, я рѣшительно не знаю, такъ какъ не было возможности протолкаться близко къ больному, и я, даже не взглянувъ на него, вынужденъ былъ наконецъ уйти домой, измученный до послѣдней возможности. Тогда уже должно было быть очень поздно, такъ часовъ около десяти, а быть можетъ, и позже. И, не смотря на то, что я постился цѣлый день, я еще ничего въ ротъ не взялъ. Да и гдѣ было думать о пищѣ! Даже теперь меня охватываетъ невыразимый ужасъ, когда я начинаю припоминать этотъ страшный, роковой вечеръ. Да, положительно, словно конецъ міру наступилъ... А лицо ребъ Йоське и Двойры?.. Нѣтъ, нѣтъ, не стану описывать все этого, да это и не возможно...

Дома все знали, такъ какъ страшная вѣсть мигомъ какъ молнія разнеслась по всѣмъ ближайшимъ синагогамъ и по всему нашему кварталу, одинаково поражая всѣхъ своимъ ужасомъ. Ночь я провелъ страшную. Я боялся высунуть голову изъ-подъ одеяла и все прижимался къ Гершелю.

Проснулся я очень рано и немедленно же побѣжалъ къ ребѣ Іоське; но ребѣ Авнера уже не было въ живыхъ. Онъ лежалъ, растянутый на землѣ, ногами къ дверямъ, покрытый чернымъ сукномъ. А въ изголовьѣ стояло нѣсколько зажженныхъ свѣчей... Около него на землѣ сидѣли ребѣ Іоське и Двойра, оглашая воздухъ стенаніями, отъ которыхъ леденѣла кровь въ жилахъ, и каждый разъ бросаясь головою на дорогой трупъ и зарывая свои вытянувшіяся, помертвѣлыя лица въ складкахъ лежавшаго на немъ покрывала. Немного подальше, тоже на землѣ, сидѣли ребѣ Хуне, ребѣ Алтеръ, тихимъ, гробовымъ голосомъ читая «Маверъ-Ябокъ». Въ углу, у самаго порога стоялъ ребѣ Калмень, уткнувши свое раскраснѣвшееся отъ слезъ лицо въ большой платокъ, и тихо рыдалъ надрывающимся голосомъ, причемъ вся голова его тряслась. Темный корридоръ былъ буквально набитъ людьми, которые всѣ вытирали слезы. Такая же густая, непроницаемая толпа мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей наполняла сплошь всю улицу передъ этимъ мрачнымъ домомъ, который тоже, казалось, былъ погруженъ въ горькую думу. А черезъ нѣсколько часовъ вся эта толпа въ глубокомъ траурномъ молчаніи сопровождала до вѣчнаго жилища того, который вчера только въ эту самую минуту такъ чаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ, божественнымъ пѣніемъ. И надъ его могилой были произнесены тѣ же самыя слова о ничтожествѣ человѣка, которыя онъ только вчера произнесъ съ такою глубокою грустью.

Ребѣ Берке, блѣдный, съ красными глазами, обходитъ эту толпу съ жестяной кружкой и, позванивая пошавшими въ нее монетами, кричитъ замогильнымъ голосомъ: *הַחַיִּים שׁוֹמְרֵי הַמֵּתִים* (благотворительность спасаетъ отъ смерти). Толпа по дорогѣ все растетъ; всѣ встрѣчающіе это печальное шествіе спѣшатъ присоединиться къ нему, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему такой трагической смертью, въ такомъ священномъ мѣстѣ и въ такой священный день. И когда, проходя мимо какой нибудь синагоги, процессія останавливается и вышедшій оттуда канторъ и другое лицо произносятъ надъ покойникомъ взволнованнымъ голосомъ: «Эль-муле-рахмимъ», вся эта толпа оглашаетъ воздухъ своими рыданіями. Вотъ уже кладбище, вотъ

и вырытая узкая могила, въ которой стоитъ высокій, плечистый еврей, съ большой рыжей бородой, и укладываетъ доски. Вотъ уже вынули покойника изъ черныхъ носилокъ и начинаютъ его, окутаннаго въ бѣлый саванъ, опускать въ вѣчное жилище. Пронзительный крикъ ребъ Йосъке пронизываетъ всѣ сердца. Опущено тѣло и прикрыто сверху тонкой доской; начинается быстрое, лихорадочное зарываніе могилы, словно всѣ желаютъ поскорѣе покончить съ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ. Произносится нѣсколько глубоко потрясающихъ молитвъ, полныхъ глубокихъ, мрачныхъ мыслей, а затѣмъ, за немѣніемъ близкаго родственника покойника, меня подводятъ къ могилѣ для произнесенія «кадеша». Опять пронзительный крикъ ребъ Йосъке, который бросается на могилу и произноситъ надрывающимся, совсѣмъ уже охрипшимъ голосомъ: «Простите мнѣ, ребъ Авнеръ, простите, моя Двойра, мои дѣти и вся наша община просятъ у васъ прощенія, если кто нибудь изъ насъ обидѣлъ васъ!» Сильныя руки подхватываютъ его и уносятъ насильно. Другіе тоже наклоняются надъ могилой, тоже прося прощенія, и кладбище постепенно начинаетъ пустѣть.

И суждено было, чтобы то самое мѣсто, которое случайно послужило мѣстомъ первой встрѣчи для меня съ ребъ Авнеромъ, такимъ роковымъ образомъ сдѣлалось также и мѣстомъ нашего послѣдняго прощанія..

Бенъ-Ами.

Ф И Л О Н Ъ.

КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКО - АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ.

XIV *.

Однажды вечеромъ—Апионъ совѣтовался съ своими товарищами Исидоромъ и Лампо о мѣрахъ къ охранѣ Александриі—вошелъ къ нимъ вѣстникъ съ приглашеніемъ немедленно слѣдовать за нимъ въ префектуру, которая сегодня по странной случайности была не окружена, тѣмъ давалась возможность спокойно обсудить дѣло. За часъ до полуночи они достигли дворца намѣстника; глубокая тишина царила здѣсь. Окна, въ это время обыкновенно ярко освѣщенные, на этотъ разъ были темны, и только изъ башни, возвышавшейся надъ гордымъ зданіемъ, украдкою вырывался матовый блескъ во мракѣ ночи. Здѣсь уже много дней сидѣлъ Флаккъ, разбитый душою и тѣломъ.—Когда вѣстникъ появился у двери со своими зловѣщими спутниками, намѣстникъ медленно приподнялся съ мѣста и сдѣлалъ знакъ первому удалиться; вѣстникъ, заперевъ за собою дверь, исчезъ. Прошло нѣкоторое время, пока совершенно разстроенный начальникъ Александриі настолько собрался съ мыслями, что могъ приступить къ совѣщанію. Первымъ заговорилъ Лампо; при одобрительныхъ знакахъ своихъ обожъ товарищей, онъ указалъ на то, что единственное средство отвлечь угрожающую опасностьъ отъ Александриі и

* См. «Восходъ», кн. XI.

грековъ это—выдать народу кварталъ Дельты, въ которомъ скрыто еще множество сокровищъ. Если намѣстникъ рѣшится открыть этотъ кварталъ грабителямъ, вмѣсто того, чтобы осаждавать его и подвергать медленной голодной смерти заключенныхъ въ немъ евреевъ, то ничѣмъ неукротимые мятежники найдутъ тамъ занятія и богатства въ такой степени, что остальные четыре части города будутъ ими пощажены.—Апiонъ нашелъ этотъ совѣтъ превосходнымъ; евреи, — говорилъ онъ, — и безъ того погибли, такъ какъ они совершили тяжкое преступленіе противъ императора, и потому будетъ совершенно справедливо, если намѣстникъ, заступающій лицо императора, предастъ ихъ уничтоженію...

Флаккомъ во время этихъ рѣчей овладѣвало все большее и большее волненіе. Казалось, онъ готовится къ сильной вспышкѣ: углы рта его зловѣще подергивались, и впалыя щеки окрасились лихорадочнымъ румянцемъ. Только что раскрылъ онъ ротъ, чтобы заговорить, какъ по лѣстницѣ раздались тяжелые шаги. Флаккъ и его спутники испуганно прислушались. Нѣсколько секундъ спустя, крѣпко замкнутая дверь отскочила, и въ комнату устремился исполинъ въ грязной рабочей курткѣ. Это былъ извѣстный предводитель рабочихъ, Поллуксъ, субъектъ и въ обыкновенное время внушавшій опасенія въ Александріи, теперь же захватившій въ свои руки неограниченную диктатуру. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на небольшую свиту намѣстника, онъ прямо направился къ послѣднему, протянулъ ему свои мозолистыя руки и произнесъ:

— Привѣтствую тебя, братъ Флаккъ! Какъ я радъ, что наконецъ нашелъ тебя! Великолѣпный *tusculum* здѣсь — высоко наверху—*procul negotiis*, далеко отъ толпы людей, какъ воспѣваетъ римскій поэтъ—твой тезка, и я тебя съ трудомъ выслѣдилъ бы, если бы не это совиное исчадіе, — при этомъ онъ указалъ на застывшую отъ ужаса группу, стоявшую возлѣ намѣстника, — которое навело меня на твой слѣдъ. Но теперь къ

дѣлу. Я прихожу по порученію александрійскаго народа съ цѣлью передать тебѣ его требованія.

Наглость этого мрачнаго молодца заставила прежде всѣхъ опомниться раздражительнаго Лампо, и онъ, желая показать намѣстнику свое мужество и преданность, подошелъ къ Поллуксу и спросилъ его, знаетъ-ли онъ, передъ кѣмъ онъ находится? «Знай,—продолжалъ онъ гнѣвнымъ тономъ,—это намѣстникъ Александріи, твой господинъ и повелитель, съ которымъ ты говоришь! Укrotи свой необузданный языкъ, иначе»...

— Ну, братъ Флаккъ,—началъ снова Поллуксъ, не удостоивая Лампо даже взглядомъ,—намѣренъ-ли ты выслушать отъ меня требованія Александріи, отъ исполненія которыхъ зависить и твое спасеніе?

Лампо былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ не могъ больше сдерживаться, кинулся къ Поллуксу и воскликнулъ:

— Собака! Пьяница! Ты осмѣливаешься говорить здѣсь такъ дерзко! Я тебя еще разъ спрашиваю, знаешь-ли ты, передъ кѣмъ ты стоишь? Знаешь-ли ты, что одно слово изъ устъ намѣстника можетъ тебя уничтожить? Отвѣчай, собака, отвѣчай!

— Отвѣта хочешь ты, уродливый карликъ? — возразилъ Поллуксъ, мѣрая презрительнымъ взглядомъ маленькую и слабую фигурку Лампо.—Ты хочешь непременно отвѣта?—Изволь, ты получишь его, и такой, который разъ навсегда отобьетъ у тебя охоту спрашивать.—Говоря это, онъ схватилъ его одною рукой за шею, подбѣжалъ съ нимъ къ окну, которое стремительно раскрылъ и швырнулъ его внизъ. Раздался пронзительный, раздирательный крикъ, сопровождаемый насмѣшливымъ хохотомъ ужаснаго Поллукса, и затѣмъ все снова стихло.

Тогда Поллуксъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ приблизился къ намѣстнику, смертельно испуганному этимъ насиліемъ, и сказалъ:

— Ну, теперь я надѣюсь, что намъ будутъ менѣе мѣ-

шать, и я безъ околичностей перейду къ порученію, возложенному на меня. Слушай же: рабочіе Александріи требуютъ хлѣба. Твоимъ именемъ ихъ побудили къ борьбѣ противъ евреевъ и обѣщали взаимнѣ этого блестящее, обильное богатствами будущее. Въ теченіе четырехъ недѣль мы ведемъ кровавую, жестокую борьбу; но данныя обѣщанія не только не выполнены, а наше положеніе день ото дня становится безнадежнѣе. Теперь оно сдѣлалось невыносимымъ. Сокровища евреевъ, которыми насъ завлекли, частью уничтожены, частью захвачены твоими креатурами, ловящими рыбу въ мутной водѣ. Съ другой стороны, безчисленныя фабрики и мастерскія, источники нашего существованія, разрушены, торговля и ремесла совершенно пріостановились, и богатые греческіе и египетскіе купцы и фабриканты заперли свои лавки и переселились изъ города. Что же, рабочій, жизненную артерію котораго перевязалъ твой дерзкій планъ, долженъ ѣсть землю? Или долженъ онъ, быть можетъ, подражая гладиатору, умереть—прославляя тебя, или совершать и дальше, чтобы сохранить свою жизнь, насилія, которымъ ты его научилъ? Конечно, онъ выберетъ послѣднее. Еще есть въ Александріи четыре части города, богатствъ которыхъ будетъ достаточно, чтобы поддержать насъ, пока Флаккъ получить возможность снова доставить намъ работу и хлѣбъ...

При послѣднихъ словахъ Поллукса, Флаккъ вскочилъ внѣ себя. Онъ протянулъ съ умоляющимъ видомъ руки къ предводителю рабочихъ и пролепеталъ:

— Нѣтъ, Поллуксъ, этого вы не сдѣлаете. Вы не прикоснетесь къ имуществу грековъ, не навлечете на себя гнѣва императора!...

— Что намъ греки, что намъ императоръ! — возразилъ дико Поллуксъ.—Имущество остается имуществомъ, будетъ-ли оно греческимъ или еврейскимъ, и нужда не знаетъ законовъ... Ты слышала теперь наше требованіе и я совѣтую тебѣ,—прибавилъ онъ съ удареніемъ,—внушить твоимъ центу-

ріонамъ, чтобы они не становились намъ поперегъ дороги, иначе кровь польется ручьями! Работникъ въ отчаяніи. Звѣрь попробовалъ крови—берегись его!

Снова намѣстникъ хотѣлъ попытаться смягчить неукротимаго противника, какъ вдругъ до его ушей донесся тысячеголосые ликующіе крики. Невольно содрогнулся онъ и устремилъ вопросительные взоры на Поллукса. Тотъ нѣсколько мгновеній прислушивался съ затаеннымъ дыханіемъ, потомъ вскопчилъ, ударилъ себя по бедрамъ и радостно воскликнулъ:

— Браво! браво, добрые товарищи! Вы честно сдержали обѣщаніе! Темницы раскрыты! Тысячи заключенныхъ, томившихся подъ замками и запорами, освобождены! Они принадлежатъ намъ! Мы вырвали ихъ у вѣрной гибели! Слышишь-ли, Флаккъ, это дикое ликованіе? Теперь мы сильны! Теперь ты можешь выслать противъ насъ весь свой гарнизонъ — въ теченіи одного часа онъ будетъ подавленъ, уничтоженъ!..

Но что означаетъ эта внезапная перемѣна безумнаго торжества? Ужасный ревъ доносится... Теперь онъ заглушается шумнымъ боемъ барабановъ и звукомъ мечей... Что это значить?.. Поллуксъ стремительно бросается къ окну. Широко раскрытыми глазами онъ старается проникнуть запутанный клубокъ, волнующійся внизу, и узнать въ чемъ дѣло. «Это борьба всѣхъ противъ всѣхъ!—восклицаетъ онъ вскорѣ въ испугѣ.—Солдаты идутъ на солдатъ, и народъ на народъ! Я долженъ пойти туда»...

Однимъ скачкомъ онъ на лѣстницѣ и летитъ по ступенькамъ.

Флаккъ остался точно пригвожденный, вперивъ свой взглядъ въ дверь, между тѣмъ какъ Апіонъ и Исидоръ постепенно пробуждались отъ тупого оцѣпенѣнія, въ которое ихъ привела ужасная смерть ихъ товарища. Между тѣмъ толпа отступала все дальше и дальше, и отрядъ солдатъ мѣрнымъ шагомъ направлялся къ префектурѣ. Раздалась команда: «занять всѣ входы!» и нѣсколько минутъ спустя въ дверяхъ башни по-

явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ высокой офицеръ въ великолѣпномъ вооруженіи. Едва Флаккъ замѣтилъ его, какъ съ крикомъ радостнаго изумленія бросился къ нему и воскликнулъ:

— Тысячу разъ привѣтствую тебя, благородный Бассъ! Тебя послали добрые боги ко мнѣ, какъ спасителя въ нуждѣ и бѣдствіи!

— Я хотѣлъ бы, чтобы ты говорилъ истину, — возразилъ Бассъ, тихо отстраняясь отъ объятій друга дѣтства, — но, какъ мнѣ кажется, дѣло плохо и съ тобою и съ Александріей. О, Флаккъ, — продолжалъ онъ укоризненнымъ тономъ, — какъ ты здѣсь распорядился! Еще нѣтъ часу, какъ я въ Александріи и какое ужасное запустѣніе увидѣлъ уже я! Дельта, еще недавно перлъ востока, превратилась въ развалины. Народныя массы впали въ ужасающую грубость и жестокость, темницы раскрыты, и на улицахъ свирѣпствуютъ грабежи и убійства. Да, дѣло зашло такъ далеко, что я, посланникъ императора, долженъ былъ проложить себѣ дорогу отъ гавани сюда съ мечомъ въ рукѣ...

— Забудь то, что ты видѣлъ, — умолялъ Флаккъ, — и помоги мнѣ возстановить нарушенный порядокъ, я постараюсь тогда все поправить.

— Слишкомъ поздно! — съ грустью возразилъ Бассъ. — Вотъ, читай императорское предписаніе, касающееся тебя, и суди самъ, насколько опоздали твои добрыя намѣренія.

Флаккъ взялъ дрожащею рукою поданную бумагу, которая содержала его отставку, предписывала отправить его немедленно въ Римъ для отвѣта и назначала Басса намѣстникомъ Александріи. Прочитавъ эти строки, онъ упалъ на стулъ и простоналъ: — Я погибъ!

— Ты знаешь теперь свою участь, — началъ Бассъ послѣ нѣкоторой паузы, — и долженъ примириться съ нею. Переноси ее достойно, какъ подобаешь римлянину... На меня же не сердись, если я, исполняя свою обязанность, отправлю тебя

безотлагательно въ Римъ, согласно данному мнѣ строгому предписанію.

Послѣ короткой, но тяжелой борьбы Флаккъ снова поднялся, приблизился довольно спокойно къ Бассу и сказалъ:

— Хорошо, я подчиняюсь неизбежному, но дай же мнѣ узнать имя виновника моего несчастія. Правда, я знаю, что Кай давно меня ненавидѣлъ — онъ имѣлъ достаточно оснований для этого — но мнѣ казалось, что съ вступленіемъ его на престоль эта ненависть исчезла. Кто же ее снова разжегъ?

— Кто же иной, — отвѣтилъ Бассъ, — какъ не Агриппа, любимецъ цезаря, нынѣшній царь Іудей? Онъ, очевидно, перенесъ во время своего короткаго пребыванія въ Александріи тяжкія униженія на твоихъ глазахъ и послалъ императору рѣзкое донесеніе какъ объ этомъ, такъ и о твоёмъ управленіи городомъ...

— Въ такомъ случаѣ я погибъ безвозвратно! — шепталъ Флаккъ.

Аціонъ слѣдилъ за этой сценой съ величайшимъ вниманіемъ, и когда онъ увидѣлъ погибель Флакка и восхожденіе новой звѣзды на александрійскомъ горизонтѣ, то поднялся быстро и рѣшительно, приблизился съ глубокими поклонами къ Бассу, представился ему, какъ старый знакомый изъ Рима, и привѣтствовалъ его назначеніе.

Затѣмъ онъ обратился къ своей жертвѣ, смѣщенному на мѣстнику, и началъ правоучительнымъ тономъ:

— Твое внезапное паденіе, благородный Флаккъ, мнѣ очень больно, по-истинѣ невыразимо больно; но если, какъ другъ, я оплакиваю его, то какъ патріотъ и какъ человѣкъ мира и порядка привѣтствую его. Поэтому я преклоняюсь съ глубокимъ смиреніемъ передъ неисчерпаемою мудростью нашего великаго императора и передъ благороднымъ Бассомъ, его избранникомъ...

Дѣйствіе, которое произвела эта рѣчь предательскаго грамматика на Флакка, нельзя описать словами. Нѣсколько мгновеній стоялъ онъ, какъ пораженный громомъ, потомъ въ

дикомъ отчаяніи ударилъ себя въ лобъ, началъ бѣгать со вздохами и стопами по комнатѣ, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Вдругъ онъ остановился передъ Апіономъ съ судорожно сжатыми кулаками и съ угрожающимъ видомъ. Грамматикъ, не смущаясь этимъ, продолжалъ:

— О, если бы ты послѣдовалъ моему совѣту, несчастный другъ, было бы гораздо лучше для тебя и для нашей возлюбленной Александрии! Посмотри, и я борюсь въ теченіи долгихъ лѣтъ противъ усиленія еврейскаго элемента, но я всегда боролся въ законныхъ предѣлахъ. Въ своихъ ученыхъ сообщеніяхъ и произведеніяхъ я убѣдительно доказывалъ общественный вредъ еврейства, я показалъ, какъ оно работаетъ для гибели нашей священной религіи, для уничтоженія стараго прочнаго порядка... но при этомъ только отъ императора и отъ сената ожидалъ я помощи противъ этой губительной чумы. А ты, какъ ты поступилъ? Изъ-за задѣтаго тщеславія и необузданнаго чувства мести, ты вызвалъ кровавую междоусобную войну, ты разбудилъ въ массахъ самыя дикія страсти, которыя ты теперь не въ состояніи подавить... Вотъ почему твое паденіе доставляетъ мнѣ удовлетвореніе, хотя, какъ другъ, я и сожалѣю о твоей участи...

Если бы Бассъ не бросился между Флаккомъ и Апіономъ, послѣдному пришлось бы плохо, потому что возбужденіе на-мѣстника при дальнѣйшихъ разглагольствованіяхъ грамматика разрослось до бѣшенства, и онъ нѣсколько разъ хотѣлъ кинуться на него. Только настоятельными просьбамъ Басса и стараніямъ прибѣжавшихъ солдатъ удалось увести его. На лѣстницѣ Бассъ, успокоивая своего несчастнаго друга, обнялъ его и простился съ нимъ. — Флаккъ между тѣмъ, оправившись, устыдился своей всышки недостойной мужчины. Онъ пробовалъ заговорить; но долго это ему не удавалось. Наконецъ изъ груди его вырвались слова:

— Берегись этого дьявола въ философской мантии — онъ былъ моимъ злымъ геніемъ! О, Оніасъ, Оніасъ, — продолжалъ онъ

сдавленнымъ голосомъ, закрывая лицо руками, — ты все-таки былъ правъ! Твое предсказаніе оказалось печальною дѣйствительностью!

На слѣдующее утро вся Александрія узнала, что она имѣетъ новаго намѣстника, со всею строгостью стремящагося къ восстановленію стараго порядка. Въ одно мгновеніе спокойствіе было водворено во всемъ городѣ. Центуріонъ, бывшій еще прошлою ночью союзникомъ мятежниковъ, сегодня преслѣдовалъ и гналъ ихъ въ самые затаенные уголки и отводилъ въ темницы, лишь бы очиститься передъ новымъ начальникомъ отъ всякаго подозрѣнія въ соучастіи съ бунтовщиками. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ городъ принялъ мирную фізіономію.

Но кто въ состояніи изобразить восторгъ сотенъ тысячъ евреевъ квартала Дельты, столь неожиданно избавившихся отъ вѣрной гибели! Было какъ разъ утро перваго дня Кущей, когда къ нимъ пришла вѣсть о внезапномъ освобожденіи изъ полной позора и мукъ ночи. Праздникъ радости сдѣлался праздникомъ освобожденія. Его отпраздновали, какъ никогда до тѣхъ поръ!

* * *

Черезъ часа два послѣ освобожденія заключенныхъ въ александрійскихъ темницахъ, приблизительно въ то самое время, когда Флакка привели подъ конвоемъ къ гавани, чтобы отправить его на кораблѣ въ Римъ, мы видимъ двухъ странниковъ, направляющихся торопливою походкой къ мареоейскому озеру. Достигнувъ того мѣста, гдѣ еще нѣсколько дней тому назадъ стоялъ домъ Филона, теперь превратившійся въ груды мусора, одинъ изъ странниковъ, коренастый, закутанный въ философскую мантию человѣкъ съ длинною бородою, бросился въ отчаяніи на землю и застоналъ: — Милосердія, Отецъ небесный, милосердія! И я одинъ изъ тѣхъ нечестивыхъ, которые съ холодною жестокостью бросили факелъ разрушенія въ мирныя хижины и поклялись гибелью Твоимъ благочестивымъ. — Въ этомъ ужасномъ опустошеніи я принялъ участіе... Всѣ мои

полузажившія раны вскрываются при этомъ видѣ... Милосердія, Отецъ небесный, милосердія!

Глубоко потрясенный спутникъ нагнулся надъ нимъ, поднявъ его и шепнулъ утѣшительныя слова:

— Мужайся, братъ Деметрій, мужайся! Милосердый Господь охотно прощаетъ сокрушеннымъ сердцамъ возвращающихся къ нему кающихся. Онъ не требуетъ смерти грѣшника, — говоритъ пророкъ, — Онъ хочетъ, чтобы грѣшникъ принесъ покаяніе и не возвращался на дурную стезю. Ты же искренно раскаялся и хочешь посвятить всю свою будущую жизнь Богу, поэтому ты можешь, утѣшенный, надѣяться на Его неисчерпаемое милосердіе...

— О, я много, очень много грѣшилъ, добрый Ананій, — отвѣтилъ, рыдая, Деметрій. — Тяжко обременена душа моя безграничнымъ несчастіемъ, которое содѣяно при моемъ участіи, и если бы ты не пришелъ ко мнѣ съ твоимъ утѣшающимъ и возвышеннымъ ученіемъ, я долженъ былъ впасть въ страшное отчаяніе!

Погруженные въ глубокое раздумье, оба странника оставили мѣсто ужаснаго разрушенія и направились по пути, ведущему къ хижинѣ Оніаса. Послѣ продолжительнаго молчанія, Деметрій началъ снова:

— Если я, благородный Ананій, оглядываюсь на мою прошедшую пустую и грѣшную жизнь, то благословляю Провидѣніе, предавшее меня мукамъ тѣмницы, чтобы чрезъ полную ужасовъ ночь привести къ свѣтлому дню. О, Ананій, что это были за мученія, которыя я испытывалъ въ первые дни моего заключенія! Покрытый стыдомъ и позоромъ, преданный тѣми, ради кого я такъ низко, такъ глубоко упалъ, осмѣянный товарищами, оттолкнутый друзьями, растоптанный и отданный позору тюрьмы тѣмъ Апіономъ, котораго я со слезами молилъ о заступничествѣ передъ намѣстникомъ, — я неистовствовалъ и богохульствовалъ, проклиналъ себя и весь

міръ, бился головою о холодныя, годныя стѣны моей темницы. Я хотѣлъ умереть, умереть, умереть!.. Тогда Богъ послалъ мнѣ съ неба ангела, и онъ освободилъ меня отъ всѣхъ мученій. Онъ успокоилъ мой одичавшій духъ, разбудилъ въ моей прожженной бурною жизнью груди невѣдомыя дотолѣ струны и извлекъ изъ нихъ чудные, потрясшіе могущественно все мое существо, звуки. Я слушалъ и слушалъ, не уставая, и прежде ее чѣмъ самъ созналъ это, сдѣлался другимъ, лучшимъ человѣкомъ... Этотъ ангель былъ ты, Ананій. Ты былъ моимъ спасителемъ и освободителемъ, и тебѣ принадлежу я душою и тѣломъ, твой я до конца моихъ дней!..

Ананій обнялъ его въ радостномъ волненіи и сказалъ:

— Какъ я тебя при помощи вѣчно живого слова Божія освободилъ изъ оковъ мрака, такъ и ты освободи въ будущемъ тысячи другихъ заблуждающихся—и ты испытаешь то же блаженство, какое я теперь испытываю!

Начало уже разсвѣтать, когда они достигли хижины главы эсеевъ. Легкимъ толчкомъ отворилъ Ананій незапертую дверь; за нимъ слѣдовалъ Деметрій, исполненный никогда еще не извѣданной имъ священной робости.

Оніасъ сидѣлъ на кровати въ напряженномъ ожиданіи; и когда онъ увидѣлъ такъ долго отыскиваемого Ананія, то протянулъ ему на встрѣчу руки и воскликнулъ надорваннымъ голосомъ:

— Привѣтствую тебя, благословенный Богомъ! Я зналъ, что ты еще сегодня придешь... Иначе ты пришелъ бы слишкомъ поздно... а я долженъ былъ съ тобою переговорить передъ смертью!.. Но кто слѣдуетъ за тобою? Не одинъ-ли это изъ шайки Апіона?

— Онъ принадлежалъ нѣкогда къ ней, но не теперь,— отвѣтилъ Ананій, покрывая поцѣлуями руки Оніаса.—Богъ тяжело покаралъ его и тронулъ его сердце... Я видѣлъ его терзаемую душу и раскрылъ предъ нимъ наше божественное

ученіе, источникъ спасенія... Исполненный благодарности, онъ послѣдовалъ за мной сюда, чтобы ты съ благословеніемъ пріядь его въ нашъ союзъ!

— Подобное обращеніе радуешь меня,—возразилъ Оніасъ, смотря съ благоволеніемъ на Деметрія.— Но объ этомъ послѣ. Прежде всего самое настоятельное, сынъ мой... Ты знаешь, что ты мнѣ еще не раскрылъ тайны, покрывающей происхожденіе моей Дорисъ... Я долженъ былъ получить разъясненіе ея послѣ твоего возвращенія изъ многолѣтняго миссіонерскаго странствія; но едва ты прибылъ, какъ, къ моей глубокой скорби, снова внезапно исчезъ... Что съ тобою тогда случилось, ты мнѣ теперь также сообщишь... Затѣмъ ты мнѣ дашь свѣдѣнія о несчастномъ созданіи, которое въ теченіе многихъ лѣтъ находится подъ моею кровлею... Его имя Каррабасъ... Ты пораженъ? добрый Ананій... навѣрно, ты его знаешь—онъ знаетъ тебя также, говоритъ часто о тебѣ, хотя и безсвязно... Для твоего успокоенія я скажу тебѣ, что сильное потрясеніе, бывшее послѣдствіемъ его недавней встрѣчи, вывело его изъ слабости... Нѣкоторые намеки, сдѣланные имъ, а также другія случайныя обстоятельства возбудили во мнѣ подозрѣніе, что Каррабасъ долженъ находиться въ какихъ либо родственныхъ отношеніяхъ съ Апіономъ, и слѣдовательно, и съ Дорисъ... На тебѣ лежитъ обязанность освѣтить всѣ эти обстоятельства... Разсказывай же! Время не терпитъ... Мой Создатель зоветъ меня...

И Ананій разсказалъ повѣсть своихъ страданій. Оніасъ глоталъ каждое слово разсказчика, и когда тотъ кончилъ, онъ произнесъ:

— Теперь я все знаю. Что я до сихъ поръ смутно подозрѣвалъ,—сдѣлалось для меня совершенно яснымъ. Теперь я умру спокойно, зная что ты примешь на себя попеченіе о моей Дорисъ и о покинутомъ Каррабасѣ.—Послѣ этого Оніасъ разсказалъ ему все, что случилось во время заключенія Ананія, и когда онъ началъ говорить о Дорисъ и о томъ потрясеніи, ко-

торое на нее произвелъ пожаръ дома Филона, голосъ его отказался служить, и онъ заплакалъ какъ дитя. Но вскорѣ онъ овладѣлъ собою, продолжалъ съ поразительнымъ спокойствіемъ и закончилъ слѣдующими словами:—Я питаю глубокое убѣжденіе, что моя бѣдная Дорисъ, рассудокъ которой теперь затемненъ, снова выздоровѣетъ, если когда нибудь увидитъ живымъ Аполлоса, котораго она считаетъ сгорѣвшимъ. Поэтому, сынъ мой, обращай мнѣ двѣ вещи: во первыхъ, ничего не предпринимать противъ Апіона, предоставивъ его божественному правосудію, и во вторыхъ, взять послѣ моей смерти съ собою Дорисъ, и когда наступятъ болѣе спокойныя времена, отвести ее въ семью почтеннаго Филона... Можешь-ли ты мнѣ обѣщать это, сынъ мой?..

— Я обѣщаю тебѣ!— отвѣтилъ торжественно Ананій. Послѣ этихъ словъ онъ повернулся къ Деметрію, все еще стоявшему въ почтительномъ разстояніи, съ глазами, опущенными внизъ, и подвелъ его къ постели тяжело дышавшаго Оніаса. Старикъ съ благословеніемъ положилъ свои руки на голову раскаявшагося софиста, опустился потомъ, совершенно истощенный, на свое ложе и впалъ въ безсознательное состояніе.

Волѣ Оніаса, распростершись на полу, спалъ Каррабасъ, который во время продолжительной болѣзни своего благодѣтеля покинулъ комнату его только одинъ разъ, именно, когда вырвалъ Дорисъ изъ горящаго дома. Какъ велико было его восхищеніе, когда, пробудившись, онъ замѣтилъ Ананія, котораго тотчасъ же узналъ! Онъ бросился къ нему на шею, цѣловалъ и ласкалъ его, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Ананій раздѣлялъ этотъ восторгъ. Онъ былъ счастливъ видѣть въ такомъ превосходномъ состояніи Каррабаса, котораго онъ за много лѣтъ тому назадъ оставилъ идиотомъ и съ тѣхъ поръ считалъ погибшимъ. Но его счастье омрачилось сильно при входѣ въ комнату несчастной Дорисъ, олицетворявшей собою невыразимое страданіе. Совершенно такой же видъ имѣла умирающая Три-

фоза, съ тою только разницею, что умъ ея оставался яснымъ до послѣдняго вздоха...

Къ вечеру Оніасъ снова раскрылъ глаза. Еще разъ улыбнулся онъ окружающимъ и поднялъ руки какъ бы для благословенія. Но вслѣдъ затѣмъ руки его упали и глаза сомкнулись. Въ этотъ разъ—навсегда... Безгранична была печаль Каррабаса, когда онъ началъ понимать, что навѣки утратилъ своего благодѣтеля. Къ счастью, Ананій находился возлѣ него, иначе онъ погибъ бы жертвою отчаянія. Дорисъ скользила, точно тѣнь, у смертнаго одра своего пріемнаго отца. Только когда его вынесли на погребальныхъ носилкахъ, по ея щекамъ покатались слезы. Сознавала-ли она, о чемъ плакала?..

Три дня спустя Ананій съ Дорисъ, Каррабасомъ и Деметріемъ покинулъ Марсеійское озеро, чтобы отплыть въ Малую Азію, мѣсто его плодотворной дѣятельности.

XV.

Послѣ долгаго и чрезвычайно бурнаго плаванія еврейское посольство достигло благополучно берега Италіи. Но какъ велико было его горе, когда, прибывъ въ Римъ, оно узнало, что императоръ нѣсколько дней тому назадъ предпринялъ во главѣ большого войска экспедицію въ Галлію. Кай Калигула своею безумною расточительностью уже по истеченіи перваго года своего царствованія растратилъ накопленную его предшественникомъ громадную казну въ больше чѣмъ 200 милліоновъ, и послѣ того какъ онъ обложилъ римскую знать десятиною и конфисковалъ ихъ имѣнія, ему пришлось искать новыхъ источниковъ доходовъ. Тогда онъ, подъ предлогомъ похода противъ Германцевъ и Бриттовъ и пріобрѣтенія себѣ и государству неувядаемой славы, отправился въ Галлію, обложилъ контрибуціей всѣ города, обвинилъ знатнѣйшихъ мужей въ измѣнѣ и конфисковалъ ихъ имущества. Чтобы этотъ герой на своемъ побѣдоносномъ пути не былъ тревожимъ пылью, жители

галльской провинціи обяваны были чистить и поливать всё дороги. Изъ Галліи онъ отважился перейти черезъ Рейнъ, но былъ на столько благоразуменъ, что не напелъ германцевъ, и возвратился вскорѣ назадъ, радуясь, что ему не пришлось встрѣтиться ни съ однимъ изъ этихъ страшныхъ варваровъ.

Наконецъ онъ предпринялъ давно задуманный походъ противъ бриттовъ. Прибывъ къ берегу канала, онъ выстроилъ въ боевой порядокъ свое войско, объявилъ море побѣжденнымъ и велѣлъ собрать раковины, лежавшія на берегу, какъ военную добычу. Опьяненный этою славною побѣдой, онъ вернулся съ триумфомъ въ Римъ. Толпа рослыхъ галловъ, переодѣтыхъ въ германскую одежду, украшала его вѣздъ и возвѣщала о его побѣдѣ надъ германцами!..

Между тѣмъ Филону и брату его алабарху пришлось сдѣлать довольно печальныя наблюденія, когда они во время отсутствія императора употребляли всё старанія привлечь на свою сторону римскую знать и при посредствѣ ея снискать расположеніе цезаря. Вездѣ они встрѣчали вѣжливый, но рѣшительный отказъ: никто не отваживался стать между цезаремъ и его безуміемъ и рисковать своею собственною жизнью за евреевъ, которые отказывали новому божеству Каю въ поклоненіи и жертвоприношеніяхъ. Единственное утѣшеніе, которое они имѣли, было извѣстіе, что императоръ смѣщеніемъ Флакка положилъ уже конецъ александрійскимъ беспорядкамъ. Со всѣхъ сторонъ имъ совѣтовали не выжидать возвращенія императора, которое могло сдѣлаться роковымъ и для нихъ и для ихъ дѣла, но отправиться обратно на родину и дѣйствовать на своихъ единовѣрцевъ въ томъ направленіи, чтобы они прекратили упорное сопротивленіе, съ какимъ до сихъ поръ отказывались поклоняться изображеніямъ цезаря; въ противномъ случаѣ и новый намѣстникъ не будетъ въ состояніи спасти ихъ отъ гибели...

Когда однажды они, подъ вліяніемъ своихъ безуспѣшныхъ ходатайствъ, возвратились въ свое жилище, то застали тамъ

уполномоченнаго отъ высокаго совѣта Александріи. Онъ подалъ имъ письма, описывавшія ужасныя происшествія, совершившіяся въ кварталѣ Дельты послѣ отъѣзда посольства. Эти описанія подѣйствовали подавляющимъ образомъ на делегатовъ, но они утѣшали себя мыслью, что наступившая въ это время перемѣна правленія вызоветъ лучшія времена въ Александріи. Прочитавъ полученные письма, Филонъ обратился къ посланнику съ вопросомъ, не имѣеть-ли тотъ ему сдѣлать какое нибудь устное сообщеніе.

— Да, я имѣю тебѣ сообщить кое-что, — возразилъ едва слышно посланникъ, — но оно слишкомъ грустно и не годится для нѣжнаго слуха этого юноши.

— Мой сынъ крѣпокъ! — отвѣтилъ Филонъ, — онъ можетъ все слышать. Говори поэтому смѣло, что ты знаешь.

— Слушай же, — началъ посланникъ, — твой домъ сожженъ...

— Это я уже узналъ изъ писемъ, — замѣтилъ Филонъ, успокоиваясь.

— Но ты не знаешь, что при этомъ погибла драгоценная человѣческая жизнь...

— Человѣческая жизнь? — спросилъ въ испугѣ Филонъ, а съ лица его сына сбѣжала вся краска.

— Когда распространился слухъ, — продолжалъ посланникъ, — что мятежники отправились для нападенія на твой домъ, то меня послали развѣдать, въ чемъ дѣло. Придя на мѣсто, я засталъ домъ уже горящимъ. Но какъ великъ былъ мой ужасъ, когда посреди пламени у окна верхняго этажа я замѣтилъ дѣвушку съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Я узналъ это несчастное созданіе, потому что видѣлъ его часто у озера и теперь слышалъ со всѣхъ сторонъ восклицанія: — Это Дорисъ, пріемная дочь эсея Оніаса! — Черезъ мгновеніе пламя проникло въ домъ — и дѣвушки съ тѣхъ поръ не было видно!..

Каждое слово этого вѣстника несчастія пронзало точно кинжаломъ сердце Аполлоса и разрывало его на части при

самыхъ ужасныхъ мукахъ. Напрасно онъ съ нечеловѣческими силами боролся противъ этой вѣсти, сокрушившей его съ оглушающей яростью. Борьба была непродолжительна—черезъ нѣсколько минутъ онъ беззвучно склонился къ ногамъ глубоко потрясеннаго отца...

Для Филона и его жены Исмены наступило время самаго тяжелаго испытанія. Къ горю за страданія своихъ александрийскихъ единовѣрцевъ присоединилась безграничная скорбь за тяжело пораженнаго сына. Очнувшись отъ обморока, Аполлосъ слегъ въ постель и цѣлыя недѣли висѣлъ между жизнью и смертью. Маститый философъ долженъ былъ подавить свое невыразимое горе. Кай возвратился въ Римъ, и слѣдовало пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться у него аудіенціи. Это представляло непреоборимыя трудности, потому что даже когда опьянѣніе послѣ триумфа прошло, императору предстояли дѣла далеко болѣе важныя, нежели принятіе еврейской депутаціи. Онъ долженъ былъ заботиться о човѣческихъ жертвоприношеніяхъ, бесѣдовать почасту и подолгу со статуей Зевеса, своего божественнаго товарища. Цѣлыми часами стоялъ онъ предъ нею, то шепча на ухо, то прикладываясь собственнымъ ухомъ къ устамъ тученосителя. Ночью опять его собесѣдницею была богиня Луна. Богиня раздѣляла его ложе, и горе придворному, который былъ настолько слѣпъ, что не видѣлъ ее въ объятіяхъ императора! Среди этихъ и подобныхъ безумныхъ занятій могъ-ли Кай найти еще досугъ для еврейскаго посольства? И все же вліятельнымъ друзьямъ алабарха удалось наконецъ уловить удобный моментъ для аудіенціи. Императоръ рѣшился посѣтить свой лѣтній дворецъ въ Дикеархіи, у берега моря, и провести тамъ нѣсколько дней. Этимъ обстоятельствомъ и задумали воспользоваться друзья евреевъ, и они поѣтому посоветовали посольству, поддержанному многими вліятельными членами римской еврейской общины, послѣдовать за императоромъ за городъ, гдѣ аудіенція можно будетъ добиться безъ большого труда.

Тяжела была разлука Филона и его брата съ ихъ семьями. По счастью, Аполлосъ былъ уже на пути къ выздоровленію. Исмена и Аполлонія сдѣлали надъ собою усилие и сдержали свои слезы, чтобы не смутить и безъ того грустное настроеніе мужей своихъ. Тиберій, сынъ алабарха, былъ, по обыкновенію, внѣ дома.

Уже восемь дней посольство ожидало въ Дикеархіи разрѣшенія быть допущеннымъ къ императору, когда на берегу моря къ нимъ подбѣжалъ человѣкъ; съ смущеннымъ видомъ, запыхаясь, отвелъ онъ ихъ въ сторону и съ большимъ усиліемъ произнесъ:—Слышали-ли вы новое святотатство?—Дальше онъ не въ состояніи былъ говорить. Потокъ слезъ хлынулъ изъ его глазъ, голосъ отказывался служить. Нѣсколько разъ обратился къ нему Филонъ съ просьбою успокоиться и рассказать свою печальную вѣсть, не щадя ихъ, такъ какъ они привыкли уже къ страданіямъ и несчастіямъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ незнакомецъ наконецъ началъ голосомъ, прерываемымъ частыми рыданіями:

— Нашъ храмъ въ Іерусалимѣ погибъ! Кай повелѣлъ поставить въ святилище большую статую... и дать ей имя Зевеса!.. Вѣстникъ изъ Іудеи, слѣдующій за мною, передастъ вамъ дальнѣйшее!

Нѣмое отчаяніе охватило депутацію при этомъ извѣстіи. Идолъ въ алтарѣ іерусалимскаго храма, «на который западъ и востокъ смотрѣли съ благоговѣніемъ и надеждою и который сіялъ повсюду, подобный солнцу»,—это было для нихъ уже слишкомъ много!.. Въ то время какъ они стояли, парализованные ужасомъ, подошелъ вѣстникъ изъ Іудеи, съ искаженнымъ отъ горя и страданій лицомъ. Филонъ первый оправился и, приблизившись къ вновь пришедшему, спросилъ его, справедлива-ли только что услышанная ими ужасная вѣсть.

— Это—печальная истина,—возразилъ мрачно вѣстникъ.— Капитонъ, управляющій императорскими имѣніями въ городѣ

Ямнїи, лежащемъ на берегу Іудей, навлекъ на насъ это тяжкое бѣдствїе. Опасаясь, что евреи обвиняютъ его предъ цезаремъ въ подлогахъ и обманахъ, которыми онъ ознаменовалъ исправленіе своей обязанности, онъ рѣшился предупредить ихъ, и едва онъ услышалъ, что Кай требуетъ поклоненія въ качествѣ новаго божества, какъ приказалъ воздвигнуть въ Ямнїи алтарь для жертвоприношеній императору, зная хорошо, что евреи не потерпятъ у себя подобнаго идолослуженія. Въ самомъ дѣлѣ, евреи собрались и разрушили едва построенный алтарь. Не медля Капитонъ отправилъ императору донесеніе, въ которомъ обвинялъ евреевъ въ возмущеніи, оскверненіи храма и оскорбленіи величества. Чрезвычайно разгнѣванный, императоръ послалъ Петронію, легату Сирїи, строжайшій приказъ безотлагательно выступить съ сильнымъ войскомъ въ Іудею и поставить во всѣхъ синагогахъ и въ храмѣ іерусалимскомъ императорскія изображенія...

Здѣсь вѣстникъ остановился, подавленный скорбью при столь печальныхъ воспоминаніяхъ. Послѣ небольшой паузы онъ продолжалъ:

— Вскорѣ по всей странѣ распространился ужасъ, когда пришло извѣстіе, что Петроній съ сильнымъ войскомъ перешелъ границу и находится уже у Птоломаиды. Тогда на равнинѣ этого города собрались евреи съ женами и дѣтьми и умоляли легата сжалиться надъ ихъ жизнью и прежде всего надъ ихъ святынею. Петроній, на котораго произвели впечатлѣніе массы умоляющихъ и трогательныя просьбы, оставилъ войско съ статуями въ Птоломаидѣ, а самъ отправился въ Галилею, созвалъ въ Тиберію народъ и знатнѣйшихъ, указавъ имъ на могущество римлянъ и угрозы Кая, на несообразность ихъ требованій, и заключилъ свою рѣчь словами: «Всѣ подчиненные императору народы присоединили къ изображеніямъ другихъ боговъ и статуи цезаря; если вы одни проти-

витель этому, то ваше сопротивленіе ничто иное, какъ открытое возстаніе!»..

— Что же возразили наши единовѣрцы? — спросилъ поспѣшно Филонъ.

— Они сослались на свои законы и обычаи отцовъ, которые запрещаютъ ставить изображеніе Бога, не говоря уже объ изображеніи человѣка, въ храмѣ, или гдѣ бы то ни было въ странѣ. На это легаты отвѣтили: — «Я долженъ подчиниться приказанію моего повелителя. Если я, щадя васъ, не исполню этого приказанія, то навлеку на себя гибель, — и не я, а онъ, который меня послалъ и подъ начальствомъ котораго я состою, погубить васъ.» — Мы все готовы снести за религію! — воскликнулъ весь народъ. — «Значить, вы хотите сопротивляться императору?» — спросилъ Петроній въ сильномъ волненіи. Народъ отвѣтилъ: — За императора и римскій народъ мы приносимъ жертвоприношенія дважды въ день... но если ты хочешь поставить статуи, то долженъ сперва умертвить все еврейское населеніе! Мы охотно предлагаемъ для жертвоприношенія себя съ женами и дѣтьми! — Это непоколебимое благочестіе и презрѣніе къ смерти внушило легату изумленіе и жалость. Такъ обѣ стороны разошлись, не порѣшивъ ничѣмъ...

— Что же слѣдовало дальше? — спросилъ Филонъ, дрожа отъ нетерпѣнія.

— На слѣдующій день Петроній призвалъ къ себѣ сперва знать, а затѣмъ собралъ снова народъ и обратился къ нему съ увѣщаніями, аргументами и угрозами, выставлялъ имъ на видъ могущество римлянъ, гнѣвъ императора и тяжелое положеніе, въ какое онъ самъ поставленъ. Но когда всѣ доводы остались безплодны, и Петроній увидѣлъ, что странѣ угрожаетъ опасность остаться незасѣянною, такъ какъ народъ цѣлыхъ пятьдесятъ дней во время посѣва оставался празднымъ въ городѣ, то по настоящему совѣту короля Агриппы, пребывавшаго тогда въ Тиберіи, онъ еще разъ призвалъ ев-

реевъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: — «Въ такомъ случаѣ я беру рискъ на себя. Если мнѣ удастся смягчить императора, то мы вмѣстѣ будемъ радоваться спасенію; если же меня постигнетъ его немилость, то я готовъ принести въ жертву свою жизнь ради столькихъ людей!» — Съ этимъ обѣщаніемъ онъ покинулъ толпу, напутствовавъшую его благословеніями и пожеланіями.

— Слѣдовательно, іерусалимскій храмъ пока еще не оскверненъ? — спросилъ алабархъ съ облегченнымъ сердцемъ.

— Пока еще нѣтъ, — возразилъ іудей. — Петроній возвратился въ Антиохію. Оттуда онъ немедленно написалъ Каю, извѣстивъ его о своемъ походѣ въ Іудею, передалъ мольбы и просьбы евреевъ и выставилъ ему на видъ, что, во избѣжаніе гибели страны и людей, слѣдовало бы не трогать ихъ старинныхъ обычаевъ и не приводить въ исполненіе императорскаго приказанія... Вѣстникъ, которому поручено привезти это письмо цезарю, отправился изъ Іудеи одновременно со мною; но мнѣ удалось немного опередить его... На вашей обязанности лежитъ теперь смягчить сердце императора, чтобы онъ взялъ назадъ ужасное повелѣніе.

— И Агриппа не предпринялъ никакихъ мѣръ въ пользу нашего, столь тяжело испытываемаго народа! — замѣтилъ, покачивая головою, алабархъ.

— Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, — возразилъ вѣстникъ. — Онъ умолялъ императорскаго легата о снисхожденіи, и такъ какъ все зависитъ теперь отъ рѣшенія императора, то онъ намѣренъ обратиться къ Каю съ ходатайствомъ за свой народъ. Я самъ видѣлъ его приготовленія къ путешествію въ Римъ и, при попутномъ вѣтрѣ, онъ будетъ здѣсь черезъ нѣсколько дней.

Видимо обрадованный этимъ извѣстіемъ, алабархъ подошелъ къ своему брату и прошепталъ ему.

— Ты видишь, что я не ошибся въ Агриппѣ, и убѣ-

дишься, какимъ краснорѣчивымъ ходатаемъ за наше дѣло будетъ онъ предъ цезаремъ.

Послѣ этого депутація возвратилась домой, чтобы обсудить дальнѣйшія дѣйствія, такъ какъ теперь опасность угрожала не одной Александріи, но всей Іудеѣ, всему еврейству.

XVI.

На слѣдующее утро алабарху наконецъ возвѣстили, что императоръ расположенъ посвятить имъ немного времени, такъ какъ онъ намѣренъ посѣтить сегодня свои дачи и сады и при этомъ случаѣ принять и другія депутаціи.

Но какъ испугались еврейскіе делегаты, когда при входѣ въ императорскій садъ они замѣтили вторую александрійскую депутацію съ Апіономъ и Исидоромъ во главѣ! Въ цѣляхъ ея они не могли ни минуты сомнѣваться; къ тому же торжествующіе взгляды Апіона и его товарищей, а равно злорадство, съ какимъ они привѣтствовали прибытіе своихъ противниковъ, говорили еврейскимъ депутатамъ, что подъ почвою ихъ подведены мины. Да и какъ могли ожидать евреи правосудія и справедливости отъ государя, интимнѣйшими друзьями котораго были самые свирѣпые враги евреевъ! Землякъ Апіона Геликонъ и актеръ Апеллесъ не могли никогда простить евреямъ того, что Агриппа всегда пользовался большей милостью императора и имѣлъ на него неизмѣримо сильнѣе вліяніе, чѣмъ они, и потому они съ радостью ухватывались за всякій удобный случай, чтобы мстить евреямъ за это униженіе. Безумное самообожаніе цезаря давало имъ самый лучшій поводъ для этого. Когда Геликонъ узналъ о прибытіи еврейскаго посольства въ Римъ, онъ немедленно написалъ своему другу Апіону и посовѣтовалъ ему съ нѣсколькими единомышленными друзьями отправиться также въ Римъ въ качествѣ уполномоченныхъ александрійскаго народа съ жалобою на евреевъ, которые всѣми силами сопротивлялись повелѣніямъ императора и такимъ образомъ навлекли величайшія несчастія на столь любимый Каемъ

городъ. Апіонъ утопалъ въ блаженствѣ, получивъ это письмо. Съ отставкой Флакка роль его въ Александріи была сыграна, и вдругъ онъ видитъ себя опять на первомъ планѣ. Безъ сомнѣнія, боги предназначали его для великихъ дѣлъ и не хотѣли обречь на бездѣятельность. Съ письмомъ Геликона въ рукѣ, ему вскорѣ удалось снова возбудить мужество въ Исидорѣ, совершенно упавшемъ духомъ со времени умерщвленія Лампо, и съ помощью его вызвать новое движеніе въ народѣ, враждебное евреямъ. Но когда намѣстникъ выступилъ противъ этого движенія и выразилъ, что онъ накажетъ со всею строгостью законовъ всякую попытку къ восстановленію народа, то Апіонъ пригрозилъ посольствомъ къ императору. Бассъ зналъ хорошо грамматика, чтобы сообразить, что взведенное на него обвиненіе въ потачкѣ нарушителямъ императорскихъ повелѣній можетъ стоить ему головы—и это парализовало его энергію. Когда же онъ увидѣлъ, что грамматикъ выполнилъ свою угрозу, то началъ строго держаться по отношенію къ евреямъ, требовалъ отъ нихъ поклоненія императорскимъ изображеніямъ и, наоборотъ, оказывалъ снисхожденіе мятежникамъ. Такимъ образомъ духъ возмущенія снова пробудился въ Александріи....

Апіонъ и его товарищи нашли въ Римѣ самый радушный пріемъ со стороны временщиковъ Геликона и Апеллеса, вліяніе которыхъ съ удаленіемъ Агриппы отъ двора сдѣлалось всемогущимъ и которые сопровождали Кая въ его поѣздкѣ въ Дикеархію. Здѣсь они должны были принести императору свои обвиненія противъ евреевъ но онъ долго отказывался удѣлить свое время такимъ маловажнымъ вещамъ. Послѣ восьмидневныхъ настояній онъ уступилъ наконецъ своимъ любимцамъ и велѣлъ назначить обѣимъ делегаціямъ мѣсто, гдѣ онъ ихъ выслушаетъ во время осмотра своихъ виллъ. Онъ былъ сегодня въ необыкновенно хорошемъ настроеніи, высказывался то съ похвалою, то съ порицаніемъ о паркахъ и архитектурѣ домовъ, не обнаруживая ни малѣйшаго возбужденія. Депутацій, на ко-

торыя онъ вначалѣ бросилъ мимолетный взглядъ, онъ, казалось, вовсе не замѣчалъ. Но вскорѣ его вниманіе было направлено на нихъ обоими фаворитами, и онъ повернулся назадъ, приблизился къ еврейскому посольству и, остановившись передъ нимъ съ скрещенными на груди руками, обратился съ слѣдующею рѣчью:

— Это вы, значитъ, тѣ неспокойные и смущающіе умы, которые не хотятъ признавать мою божественность, охотнѣе почитаютъ какъ бога того, кто не имѣетъ имени, между тѣмъ какъ кромѣ васъ, весь міръ воздастъ мнѣ божескія почести!

Сказавъ это и не ожидая даже отвѣта, онъ удалился, направляясь то въ одну сторону, то въ другую, здѣсь выражая довольство, тамъ порицаніе. Обѣ депутаціи слѣдовали все время за нимъ, ища удобнаго момента для аудіенціи. Императоръ остановился передъ фонтаномъ, обставленнымъ художественно изваянными мраморными группами. Этою постановкою воспользовался Исидоръ, чтобы произнести свою хорошо затверженную рѣчь. Воскуривъ обильное количество оніміаму божественному Каю, блескъ котораго затемняетъ весь Олимпъ, онъ закончилъ ядовитѣйшими выходками противъ евреевъ, которые, къ глубокому огорченію александрийцевъ, не только не присягнули божественному монарху при его вступленіи на престолъ, но и сопротивлялись поклоненію императорскимъ изображеніямъ и при этомъ еще осмѣливались изъявлять притязанія на одинаковыя права съ остальными народами, благоговѣющими и преклоняющимися предъ величіемъ цезаря....

Алабархъ при этой рѣчи хитроумнаго александрийца пришелъ въ такое сильное волненіе, что не могъ сдержаться; и хотя онъ замѣтилъ зловѣщую молнію въ глазахъ императора, тѣмъ не менѣе прервалъ оратора:

— Клевета, великій цезарь!—воскликнулъ онъ въ негодованіи.—Гнусная клевета! Мы передали въ префектуру нашу присягу тебѣ, и если она не попала въ твои руки, то ви-

ва лежитъ на шамѣстникѣ, а не на насъ... Вездѣ, гдѣ только живутъ евреи, были принесены радостныя жертвоприношенія при твоёмъ восшествіи на престолъ, при твоёмъ выдвореніи послѣ тяжелой болѣзни, при извѣстїи о твоей побѣдѣ надъ германцами....

— *За меня* вы приносили жертвы?—переваль его императоръ въ сильномъ гнѣвѣ.—Требую я развѣ, чтобы *за меня* приносили жертвы? Я хочу, чтобы *мнѣ*, моей божественности, приносили жертвы, вы же настолько съумазбродны, что предпочитаете мнѣ высиженное вашей больной фантазіей и вознесенное на небеса божество.—Здѣсь онъ, приходя все въ большую ярость, разразился ужасными проклятіями противъ еврейства и его бога и повелѣлъ въ заключеніе заковать алтаря и отвезти его въ Римъ, гдѣ онъ нарядитъ надъ нимъ судъ. Это повелѣніе, къ ужасу Филона и его товарищей, было немедленно исполнено. Императоръ пошелъ дальше. Но вскорѣ, казалось, его гнѣвъ снова остылъ, потому что онъ внезапно обратился къ еврейскому посольству съ вопросомъ:

— Почему вы не ѣдите свиного мяса?—Враги евреевъ разразились громкимъ хохотомъ. При такихъ и подобныхъ, для евреевъ въ высшей степени оскорбительныхъ выходкахъ, во время которыхъ Филонъ тщетно старался заговорить, процессія достигла одной виллы. Здѣсь императоръ еще разъ обернулся и, измѣривъ еврейскую депутацію взоромъ болѣе сожалѣнія, нежели гнѣвнымъ, промзнесъ:

— Эти люди кажутся мнѣ не столько злобными, сколько глупыми, такъ какъ они не хотятъ признавать мою божественность.—Непосредственно за этимъ онъ исчезъ въ широкихъ аллеяхъ виллы. Аудіенція кончилась.

Вечеромъ того же дня императоръ возвратился въ Римъ. Оба посольства послѣдовали за нимъ, одно—торжествуя въ своемъ несомнѣнномъ успѣхѣ и надѣясь на еще на большій въ будущемъ, другое—униженное и погруженное въ глубокую скорбь за безотрадностъ своего положенія. Филонъ, хотя самъ потря-

сенный, напелъ, однако, слова утѣшенія для своихъ товарищей, выражая надежду, что Богъ не долго будетъ смотрѣть на подобное безумное, насмѣхающееся надъ всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ поведеніе. Въ то же время онъ сообщил свое рѣшеніе — еще разъ обратиться къ императору съ просьбою о правосудіи для своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ и объ освобожденіи своего заключеннаго брата, говоря, что безъ него онъ никогда не вернется къ своей семьѣ. По счастью, ему не пришлось сдѣлать этотъ крайне опасный шагъ, потому что по прибытіи въ Римъ, онъ засталъ Агриппу, которому изобразилъ положеніе евреевъ въ Александріи и униженіе, выпавшее на долю еврейской депутаціи въ Дикеархіи. Агриппа успокоилъ маститаго философа, пригласилъ его къ себѣ и обѣщаль ему употребить все свое вліяніе на императора въ пользу евреевъ. «Вы можете себя считать счастливыми, — сказалъ онъ, — что Кай не поступилъ съ вами хуже. Онъ въ самомъ дѣлѣ вѣроятно былъ въ очень розовомъ настроеніи, если отпустилъ васъ живыми. Съ Каемъ необыкновенно трудно ладить — и вы увидите, что я не совсѣмъ даромъ провелъ полжизни на шаткой почвѣ римскаго императорскаго двора». — Филонъ охотно подчинился желанію князя Иродейцевъ, внушившаго ему большое довѣріе, остаться въ домѣ Агриппы до тѣхъ поръ, пока тому не удастся добиться благоприятнаго результата у императора.

На другой день Агриппа отправился къ императору. Кай былъ очень радостно пораженъ пріѣздомъ друга своего дѣтства. Особенно ему польстило сообщеніе его, что онъ пріѣхаль принести цезарю сердечныя поздравленія съ достославною побѣдою, одержанною надъ варварами, и чувствуетъ настоятельную потребность устроить по поводу этого пиршество, на которое онъ осмѣливается пригласить великаго монарха. Императоръ пришелъ въ восхищеніе отъ преданности и любезности своего любимца, обнялъ его и увѣрилъ, что онъ

искренно жаждетъ возможности послѣ долгой разлуки провести съ Агриппой цѣлую ночь.

Какъ ни трудно было въ Римѣ, гдѣ роскошь доходила до такой степени, что празднества, поглощавшія миліоны, считались заурядными, устроить хотя нѣсколько выдающееся пиршество, тѣмъ не менѣе Агриппа совершилъ это чудо и сумѣлъ поразить даже Кая и привести его въ истинное восхищеніе. Около полуночи, когда гости становились все необуданнѣе и веселѣе, императоръ, который, казалось, утратилъ теперь сознание своего сходства съ божествомъ, внезапно вскочилъ, подбѣжалъ къ Агриппѣ, бросился ему на шею и пролепеталъ:

— Вымоли любое желаніе, другъ Агриппа, и я его исполню! Потребуй королевство, ты его будешь имѣть. Твой императоръ расположенъ дарить, поэтому требуй, Агриппа, требуй!

— И я дѣйствительно могу смѣло выразить желаніе?— спросилъ Агриппа съ притворною робостью.

— Не такъ застѣнчиво, другъ,—отвѣтилъ гордо императоръ.—Ты слышишь вѣдь: королевство за желаніе! Пожелай же, пожелай!

— Въ такомъ случаѣ я рѣшаюсь просить тебя, великій цезарь, объ отмѣнѣ приказанія относительно помѣщенія статуй въ еврейскихъ синагогахъ...

Кай въ изумленіи отступилъ на нѣсколько шаговъ. Слова Агриппы немного смутили его. Подобнаго требованія онъ не ожидалъ. Какъ могъ онъ думать хоть одну минуту, что этотъ придворный, который никогда прежде не заботился объ участи евреевъ, который не имѣлъ другихъ интересовъ, кромѣ блестящей, роскошной жизни, теперь, въ тотъ моментъ, когда ему обезпечена въ безграничной степени милость царя вселенной, забудется настолько, чтобы воспользоваться своимъ необыкновенно блестящимъ положеніемъ для еврейства! Что ему было до евреевъ?

— И ты въ самомъ дѣлѣ не имѣешь другого желанія?—

спросилъ своего любимца императоръ, покачивая головой, послѣ того какъ онъ долго смотрѣлъ на него изумленными глазами.

— Я ничево не требую, кромѣ этой милости, всемогущій цеварь, — отвѣтилъ Агриппа, низко кланяясь.

— Пусть будетъ по твоему! — сказалъ императоръ послѣ небольшого раздумья. — Я пошлю завтра контръ-приказъ Петронію...

— О, сдѣлай это сегодня! — умолялъ Агриппа, бросаясь къ ногамъ императора. — Сдѣлай это сейчасъ! Ты излилъ сегодня на меня весь рогъ изобилія твоей милости, и я дерзаю тебя еще разъ просить: сдѣлай это сейчасъ!

— Встань, необыкновенный человѣкъ! — воскликнулъ императоръ, тронутый такимъ смиреніемъ, и поднялъ умоляващаго... — Охотно сдѣлалъ бы я для тебя что нибудь большее, но твой умъ не паритъ такъ высоко. Ты огрубѣлъ, другъ Агриппа, въ такомъ непродолжительномъ отсутствіи отъ нашего двора — я не узнаю больше тебя!

Съ этими словами онъ сѣлъ, написалъ депешу Петронію слѣдующаго содержанія: «Не настаивай больше на помѣщеніи императорскихъ изображеній въ храмѣ и синагогахъ Іудей», и передалъ ее преисполненному благодарности Агриппѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, и маленький эпизодъ, произведшій дисгармонію въ необузданной веселости общества, снова былъ позабытъ. Императоръ оставался до разсвѣта на пиршествѣ, богатою разнообразіемъ. Едва онъ съ другими гостями оставилъ дворецъ Агриппы, какъ тотъ съ радостнымъ волненіемъ поспѣшилъ въ комнату Филона, чтобы сообщить ему о благопріятномъ результатѣ перваго шага, предъ Каемъ. У маститаго философа, проведеншаго всю ночь въ томительномъ ожиданіи, выступили слезы благодарности на глазахъ, когда онъ прочелъ депешу императора. Отъ глубокаго волненія онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова.

Когда императоръ проснулся на слѣдующее утро послѣ

продолжительнаго тревожнаго сна съ тяжелою головою, и вспомнилъ о своей уступчивости просьбамъ Агриппы, выказанной въ припадкѣ минутной слабости, то онъ пришелъ въ очень дурное настроеніе духа. Это настроеніе перешло въ безумную ярость, когда, просматривая письма, прибывшія ночью, онъ натолкнулся на письмо Петронія. — Вѣстникъ сирійскаго легата прибылъ въ Римъ одновременно съ императоромъ, но его не допустили къ нему и, прождавъ тщетно нѣсколько дней, онъ передалъ письмо начальнику императорской гвардіи въ тотъ самый вечеръ, въ который цезарь былъ въ гостяхъ у Агриппы. Кай пришелъ въ настоящее бѣшенство, прочитавъ письмо сирійскаго легата. «Какъ,—кричалъ онъ,—одинъ изъ моихъ подчиненныхъ осмѣливается разбирать мои постановленія, дѣлать мнѣ представленія, даже приостанавливать мои повелѣнія, и у него еще голова на плечахъ!» Немедленно онъ велѣлъ призвать вѣстника Петронія и передалъ ему написанный поспѣшно приказъ, въ которомъ предписывалъ легату подъ угрозой смерти немедленно поставить императорскія статуи въ храмахъ и синагогахъ Іудей и уничтожить мечомъ всякое сопротивленіе. — По счастью, этотъ вѣстникъ былъ черезъ нѣсколько дней опереженъ другимъ, несшимъ въ Іудею извѣстіе о совершившемся между тѣмъ умерщвленіи преторіанцами безумнаго цезаря.

Въ Римѣ неожиданное убійство императора произвело безграничное смятеніе. Преторіанцы провозгласили императоромъ дядю Кая, Тиберія-Клавдія, сенатъ же не хотѣлъ признавать его, и странѣ угрожала ужасная гражданская война. Тогда Агриппа выступилъ посредникомъ между обѣими готовыми вступить въ борьбу партіями, и его неутомимымъ стараніямъ и убѣдительнымъ рѣчамъ удалось скоро привлечь сенаторовъ на сторону Клавдія.

Новый императоръ не забылъ, что онъ обязанъ былъ короною своею царю Іудей. Онъ одарилъ его новыми помѣстьями, освободилъ алабарха изъ заключенія, восстановилъ

привилегіи евреевъ въ Александріи и издалъ строгія мѣры противъ всякаго антиеврейскаго движенія. По всѣмъ направленіямъ полетѣли императорскіе гонцы съ извѣстіемъ: «Кай умеръ и всѣ его предписанія отмѣнены».—Въ короткое время преслѣдованіе евреевъ, сдѣлавшееся моднымъ при Каѣ Калигулѣ, отошло въ область прошедшаго.

Оба брата, Филонъ и алабархъ, спьяненные радостью при столь неожиданномъ освобожденіи всѣхъ своихъ угнетенныхъ римскихъ единовѣрцевъ, поспѣшили къ своимъ семействамъ. Но что означаетъ глубокая скорбь на лицѣ Аполлонія? Почему Исмена такъ блѣдна?...—Что случилось здѣсь?—воскликнулъ въ ужасѣ алабархъ при видѣ своей жены, превратившейся въ короткое время въ старуху.—Гдѣ Тиберій?...

Аполлонія не въ состояніи была отвѣчать. Потокъ слезъ сдавилъ ей горло. Она рыдаетъ, повиснувъ на шеѣ испуганнаго супруга.

— Гдѣ Тиберій?—еще разъ спросилъ дрожащимъ голосомъ алабархъ.—Отвѣтъ хоть ты, сестра Исмена, и не пытайте меня дольше этимъ ужаснымъ молчаніемъ.

Исмена собираетъ всѣ свои силы и сообщаетъ отрывистыми словами, щадя сколько можно алабарха, что Тиберій во время отсутствія отца поступилъ офицеромъ въ римское войско и измѣнилъ религіи своихъ отцовъ...

* * *

Въ январѣ 41 года Кай-Калигула былъ умерщвленъ. Освобожденіе алабарха состоялось зимою, и онъ остался со своимъ братомъ до весны, чтобы, пользуясь этимъ временемъ года, отправиться въ Александрію.—Аполлосъ между тѣмъ выздоровѣлъ; но глубокая, неисчезающая грусть была напечатлѣна постоянно въ его чертахъ и причиняла родителямъ его сильное страданіе. Напрасно они старались развлечь любимаго сына, походившаго на тѣнь. Отъ времени до времени онъ принуждалъ

себя улыбнуться въ угоду огорченнымъ родителямъ, но это продолжалось недолго, и вслѣдъ затѣмъ онъ снова впадалъ въ меланхолю.

Однажды—весна уже была близка—Аполлосъ въ продолжительной бесѣдѣ съ отцомъ высказалъ ему свое пламенное желаніе вступить въ орденъ терапевтовъ.

Терапевты образовали тотъ классъ эсеевъ, которые, удалившись совершенно изъ міра, смотрѣли на него, какъ на испорченный и нечистый, и вели созерцательную, посвященную исключительно божественной философіи жизнь.

Когда Филонъ слышалъ желаніе своего сына, онъ былъ сильно опечаленъ. Долго смотрѣлъ онъ на него съ тихою грустью и затѣмъ произнесъ:

— Твоя душа больна, сынъ мой, и потому ты стремишься къ уединенію. Ты перенесъ въ нѣжномъ возрастѣ кораблекрушеніе и вмѣсто того, чтобы оправиться и собраться съ силами для побѣдоносной борьбы со всѣми враждебными намъ элементами во благо и спасеніе твое и твоихъ ближнихъ, ты предпочитаешь праздно провести всю свою жизнь на томъ пустынномъ островѣ, куда пригнала тебя первая буря! Какъ, твои чудные планы и проекты будущности, твои смѣлыя идеи, которыми ты нѣкогда восхитилъ мой слухъ, уже испаридись?... Твой духъ боленъ, мой сынъ, и напрасно ты отъ уединенной жизни ожидаешь исцѣленія. Ищи удовлетворенія въ неутомимой дѣятельности, въ подвигахъ на пользу твоихъ ближнихъ, тогда твое сердце выздоровѣетъ, тогда ты найдешь успокоеніе своей душѣ...

Филонъ немного остановился, чтобы посмотрѣть, какое дѣйствіе производили эти слова на Аполлоса. Тотъ стоялъ съ поникшею головою; по его щекамъ катились слезы. Послѣ непродолжительной паузы Филонъ продолжалъ, высказывая порицаніе тому бодѣзненному движенію, которое, распространяясь все больше и больше, отнимаетъ у практической жизни лучшіе соки, и заключилъ слѣдующими словами:

— Знаешь-ли ты, сынъ мой, что мы говоримъ тѣмъ людямъ, которые, не испытавъ практической жизни, предаются созерцательной? Мы обращаемся къ нимъ со словами: вы стремитесь къ уединенной, празднои, тихой и спокойной жизни? Что же хорошаго вы раньше сдѣлали для человѣчества, чтобы мы могли считать вашу теперешнюю бездѣятельность истинною, божественною? Вы презираете богатство. Были-ли вы богаты и употребляли-ли вы богатство съ пользою? Вы дѣлаете видъ, что презираете чувственыя удовольствія. Были-ли вы умѣренны, когда обладали богатствомъ? Вы презираете славу. Были-ли вы въ почетѣ и соблюдали-ли скромность? Вы смѣтаетесь надъ гражданскимъ строемъ и, быть можетъ, никогда не испытали, какъ онъ полезенъ... Идите и честно заботьтесь о своихъ согражданахъ, работайте и творите для общаго блага, и только когда вы сперва вполне покажете вашу доблестную дѣятельность въ политической и общественной жизни, можете перейти ко всякому другому и лучшему образу жизни. Боритесь сначала въ практической жизни, подготовляющей къ болѣе возвышенной борьбѣ, и затѣмъ уже выбирайте созерцательную жизнь; только такимъ образомъ вы избѣгнете упрека въ лѣности и бездѣятельности*.

Филонъ не успѣлъ еще окончить, какъ Аполлосъ, глубоко пристыженный, бросился къ нему на шею и рыдая воскликнулъ: «Прости, отецъ! Имѣй терпѣніе съ твоимъ, еще не привыкшимъ къ борьбѣ сыномъ, и помоги ему въ смятеніи, въ которое онъ впалъ»...

Съ этого времени Аполлосъ сдѣлался спокойнѣе и даже веселѣе. Онъ снова началъ принимать участіе въ умственныхъ стремленіяхъ своего отца и постепенно вернулъ свою прежнюю свѣжесть ума и охоту къ дѣятельности.

Между тѣмъ приближалась весна, и наши друзья начали готовиться къ возвращенію въ Александрію. За нѣсколько

* Слова Филона: De profug., pag. 453 sqq.

дней до отъѣзда Аполлосъ объявилъ отцу, что въ немъ созрѣла рѣшимость не возвращаться на родину, но отыскать главную арену прославленной дѣятельности эсеевъ и отдать свои слабыя силы въ распоряженіе этому ордену, призванному вдохнуть новую жизнь въ человѣчество, задыхающееся въ оковахъ суевѣрія и предрасудковъ. Филонъ пришелъ въ восхищеніе отъ этого рѣшенія своего сына; это же чувство раздѣляла и его супруга Исмена. Со слезами на глазахъ и съ улыбкою на устахъ они распростились съ нимъ. Онъ отправился въ Азію, они—въ Александрію.

XVII.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Аполлосъ оставилъ Римъ, чтобы отправиться въ далекія странствія въ качествѣ апостола просвѣщеннаго александрійскаго еврейства, представлявшаго универсальную исходную точку зрѣнія великихъ еврейскихъ пророковъ прежнихъ временъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ прошелъ неизмѣримыя пространства, вездѣ поучая, одушевляя и приобрѣтая послѣдователей. Гдѣ только понятенъ былъ греческій языкъ, онъ побывалъ по приглашенію эсеевъ. Имя «Аполлосъ» пролетѣло вскорѣ по всѣмъ странамъ и было на устахъ старыхъ и молодыхъ. Куда онъ ни приходилъ, вездѣ открывались ему сердца. Его вдохновеніе и увлекающее краснорѣчіе производили чудеса. Когда онъ проповѣдывалъ въ синагогахъ, поучалъ въ школахъ, онѣ были переполнены, и его слушатели вербовались изъ всѣхъ слоевъ общества. Евреи и язычники, образованные и необразованные—приходили жадно глотать медъ его словъ. Вмѣстѣ съ изумительными успѣхами, которыхъ онъ добился уже при первомъ появленіи своемъ, росла въ немъ увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, все сильнѣе и могущественнѣе пылало въ его груди пламя одушевленія. Пройдя Финикію, Сирію, Целесирію, Памфилю, Киликію, Виоинію, Понтъ, Македонію, Аттику, Коринфъ и Пелопонессъ, онъ прибылъ въ Эфѣсъ.

Эфесъ, имѣвшій очень большую еврейскую общину, издавна представлялъ главный сборный пунктъ іудейскихъ и александрійскихъ эсеевъ. Благодаря этому, жители этого города, какъ греки, такъ и іудеи, находясь въ постоянномъ общеніи съ этими замѣчательными людьми, были проникнуты духомъ эсеизма.

Въ Эфесѣ жили тогда прозелитъ Аквила, человекъ высокаго образованія и глубокаго ума, и замѣчательно на него во всемъ походившая супруга Присцилла. Аквила уже издавна держалъ открытый домъ. Сюда стекались образованные люди всѣхъ сословій и классовъ города, эсеи были также желанными гостями и составляли связующій элементъ между язычествомъ и еврействомъ. Когда бы Ананій ни пріѣзжалъ въ Эфесъ—а это случилось очень часто, потому что этотъ городъ и его окрестности и составляли собственно область его дѣятельности—онъ былъ гостемъ Авилы. Покинувъ послѣ смерти Онисаса, вмѣстѣ съ Дорисъ, Каррабасомъ и Деметріемъ Маревоейское озеро, онъ опять отправился въ Эфесъ. По прибытіи сюда, онъ поручилъ Дорисъ материнскимъ попеченіемъ Присциллы, сдѣлавъ мимоходомъ нѣкоторые намеки на причины умственнаго помраченія этой несчастной дѣвушки, но не упомянувъ ни слова объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Дорисъ и Аполлосомъ; послѣ этого онъ снова посвятилъ себя своей прежней дѣятельности, которая часто его отзывала изъ Эфеса.

Уже первая его рѣчь, произнесенная Аполлосомъ въ большой городской синагогѣ, переполненной одинаково и евреями и язычниками, была настолько выдающеюся, что на всѣхъ уилицахъ видны были сильно возбужденныя ею группы людей.

Аквила и Присцилла присутствовали при богослуженіи, которое получило такое высокое значеніе, благодаря могущественно подѣйствовавшей проповѣди Аполлоса. Съ щеками, ярко горящими отъ воодушевленія, и съ переполненнымъ сердцемъ покинули они синагогу и долго шли рядомъ въ молчаніи, со-

вершенно поглощенные слышаннымъ ими. Наконецъ Присцилла прервала молчаніе.

— Что за благословенный Богомъ мужъ! Что, если бы мы,—продолжала она послѣ небольшой паузы,—взяли завтра съ собою Дорисъ на богослуженіе. Блаженные слова этого рѣдкаго мужа подѣйствовали бы живительно на ея временами омраченный духъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ ее завтра съ собою въ синагогу,—отвѣтили Аквила.—Слово Божье изъ устъ Аполлоса можетъ только влить бальзамъ въ ея больное сердце.

Прошло больше трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Дорисъ въ сопровожденіи Ананія покинула Мареевское озеро, и въ теченіи этого времени состояніе ея существенно улучшилось. Продолжительное, богатое разнообразіемъ морское путешествіе вывело ее мало по малу изъ ея подавленнаго состоянія. Въ высшей степени любвеобильныя попеченія Присциллы, замѣнившей осиротѣвшей дѣвушкѣ нѣжную мать, совершили чудеса. Мало по малу завѣса безумія спала съ ея глазъ, сознаніе вернулось, а съ нимъ, конечно, и невыразимая скорбь, наполнявшая все ея существо. Она никогда не говорила о своемъ прошломъ, но часто плакала, оставаясь одна, такъ какъ не хотѣла огорчать своихъ благодѣтелей. Когда Присцилла, возвратившись изъ синагоги, сообщила ей, что въ Эфесѣ появился вдохновенный Богомъ человекъ, слово котораго воспламеняетъ всѣ сердца, Дорисъ бросилась къ ней на шею и со слезами на глазахъ просила позволенія присутствовать при богослуженіи. Присцилла дала съ радостью свое согласіе.

На слѣдующій день Аквила съ женой и питомицею отправился рано утромъ въ синагогу; всѣ улицы были переполнены множествомъ людей, спѣшившихъ къ храму послушать Аполлоса. Улица, въ которой находилась синагога, также кишѣла народомъ. Послѣ продолжительныхъ усилій удалось наконецъ нашимъ путникамъ достигнуть преддверія храма, густо пере-

полненнаго слушателями; но они пришли слишкомъ поздно. Аполлосъ только уже оканчивалъ свою проповѣдь.

Глубокая тишина царила въ обширномъ храмѣ и вокругъ него во время рѣчи Аполлоса. Голосъ его звучалъ, какъ колоколъ, и разносился далеко, такъ что онъ слышенъ былъ и толпѣ, внимавшей на улицѣ съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда Дорисъ рука объ руку съ Присциллою достигла входа въ храмъ, и до ея ушей донеслись первыя слова Аполлоса, то по всему ея тѣлу пробѣжала сильная дрожь. Судорожно прижалась она къ своей испуганной покровительницѣ и не въ состояніи была двинуться съ мѣста. Съ поникшей головой прислушивалась она во время рѣчи Аполлоса въ томъ направленіи, откуда доносились знакомые ей звуки, и еще не замогло послѣднее слово, какъ она вырвалась изъ рукъ Присциллы съ громкимъ крикомъ «Аполлосъ!», чтобы пробиться черезъ густые ряды слушателей и проникнуть внутрь храма. Сильное смятеніе произошло въ синагогѣ. Все тѣснилось къ выходу. Аполлосъ самъ пришелъ въ неописанное возбужденіе и бросился встѣдъ за толпой, которая почтительно разступалась передъ нимъ, очищая ему дорогу. Вскорѣ онъ достигъ преддверія, гдѣ Аквила и Присцилла употребляли всѣ старанія, чтобы удержать порывавшуюся впередъ Дорисъ. Влюбленные стояли другъ передъ другомъ. На одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились—и затѣмъ они бросились въ объятія... Глубоко потрясенные, смотрѣли Аквила и Присцилла на эту непонятную сцену; въ изумленіи отступила толпа, ожидая въ почтительномъ безмолвіи разрѣшенія загадки. Тогда выступилъ Ананій, который послѣ продолжительнаго отсутствія возвратился сегодня утромъ въ Эфесъ и присутствовалъ при богослуженіи; онъ возложилъ, благословляя, руки на влюбленную пару и прошепталъ затѣмъ нѣсколько разъяснительныхъ словъ Авилѣ. Какъ молнія пробѣгаютъ эти слова въ толпѣ, и изъ тысячи устъ вырывается радостный крикъ торжества. Дорисъ какъ-бы пробуждается отъ глубокаго сна, она не хочетъ вѣрить

своимъ чувствамъ. Долго и пристально смотритъ она на своего возлюбленнаго, нагнувшагося къ ней съ прояснившейся улыбкой, и уста ея шепчуть: «О, Аполлосъ, какой ужасный сонъ мнѣ снился!»

* *
* *
* *

Въ тотъ же самый день въ домѣ Аквилы отпраздновали свадьбу Аполлоса и Дорисъ. Ананій освятилъ союзъ любви.

Первый вопросъ, который Аполлосъ сдѣлалъ послѣ первыхъ минутъ блаженнаго упоенія, былъ о Каррабасѣ. Ананій успокоилъ его, сказавъ, что онъ находится въ прекрасномъ состояніи и вмѣстѣ съ обращеннымъ Деметріемъ неустанно служить Богу, отыскивая мѣста бѣдствія и отчаянія и принося утѣшеніе и помощь несчастнымъ.

Аполлосъ горѣлъ нетерпѣніемъ вмѣстѣ съ своей дорогой, потому возвращенною Дорисъ отправиться въ Александрію къ старымъ родителямъ, снѣдаемымъ тоскою по своимъ дѣтямъ. Но въ это время въ комнату вошелъ эсей и шепнулъ нѣсколько словъ Ананію, который послѣ этого обратился къ Аполлосу съ просьбой сопровождать его къ одному умирающему, чтобы доставить ему въ послѣдній тяжелый часъ религіозное утѣшеніе. Дѣло шло о благочестивомъ подвижѣ, и Аполлосъ не могъ отказать отъ него. Онъ распростился на короткое время съ Дорисъ и ея покровителями и, сопровождаемый Ананіемъ, послѣдовалъ за эсеемъ. Тотъ, по длиннымъ, продольнымъ и поперечнымъ улицамъ, провелъ ихъ къ гавани, въ узкую улицу, населенную матросами и другою чернью, пользующеюся дурной репутаціей. Здѣсь проводникъ остановился передъ уединеннымъ, полуразрушеннымъ домомъ, открылъ ветхую дверь и спустился по лѣстницѣ внизъ. Аполлосъ и Ананій послѣдовали за нимъ и достигли темной комнаты, скорѣе напоминавшей погребъ.—То, что они здѣсь увидѣли, заставило застыть кровь въ ихъ жилахъ. На сырой соломѣ лежалъ человекъ въ борьбѣ съ ужасною смертью. Тѣло его было покрыто гноящимися язвами. Возлѣ него стояли Деметрій и

Каррабасъ, погруженные въ молитву, прерываемую время отъ времени рыданіями. Въ углу сидѣла старая, полунагая женщина. Человѣкъ, который, въ мукахъ отъ невыносимой боли умирая лежалъ на землѣ, кричалъ, неистовствовалъ и проклиналъ, былъ ни кто иной, какъ—Апіонъ...

Послѣ умерщвленія Кая, его любимцы Апеллесъ и Геликонъ, всемогущіе друзья Апіона, впали въ немилость, и у Апіона въ Римѣ не оставалось больше никакой опоры. Онъ возвратился въ Александрію, но музей не хотѣлъ и слышать о немъ, а между тѣмъ для смутъ и волненій Александрія не представляла уже удобной почвы, такъ какъ намѣстникъ получилъ отъ новаго императора самыя строгія предписанія относительно сохраненія порядка. Такимъ образомъ грамматику не оставалось ничего иного, какъ возвратиться къ своей софистической дѣятельности. Но и она утратила всю прелесть для александрійцевъ, сдерживавшихся теперь твердою рукой, и потому въ одинъ прекрасный день Апіонъ собралъ свои, не добромъ нажитыя сокровища, повернулся спиною къ неблагодарной Александріи и направился прежде всего въ Грецію, арену своихъ прежнихъ триумфовъ. Но какія печальныя разочарованія долженъ былъ онъ здѣсь испытать! Жители тѣхъ городовъ, которые нѣкогда прославляли его, какъ второго Гомера, проходили теперь мимо него съ холоднымъ пожатіемъ плечъ. Его чтенія, возвѣщенные съ громкимъ шумомъ, не находили больше слушателей, и такъ странствовалъ онъ, чужой и одинокій, по городамъ, мертвый среди живыхъ, тѣнь былого величія. Какъ, однако, перемѣнился міръ въ такое короткое время! Неужели онъ въ послѣдніе годы утратилъ всякую склонность къ искусству и знанію? Неужели онъ такъ быстро разгадалъ высокую ученость Апіона? Да, онъ сталъ серьезнѣе, и его умственный кругозоръ принялъ другое направленіе. По мѣрѣ того, какъ аудиторіи софистовъ пустѣли, синагоги и молитвенные дома евреевъ начали наполняться. Въ храмахъ, въ которыхъ проповѣдывали благочестивые эсеи, тѣснились

массы, которыя не находили больше удовольствія въ красивыхъ хитро-сплетенныхъ софизмахъ риторовъ. Апіонъ бѣсновался. Почти всю свою жизнь боролся онъ съ еврействомъ всевозможными средствами въ надеждѣ стереть его наконецъ съ лица земли, и вотъ ему пришлось дожить до того, чтобы видѣть это еврейство побѣдоносно шествующимъ по міру! Словно гонимый злыми духами, бѣжалъ онъ изъ одного города въ другой—но вездѣ то же самое жестокое зрѣлище. Его необузданный духъ не могъ долго переносить такого одинокаго, пренебреженнаго и исполненнаго горечи существованія. Онъ искалъ забвенія въ бурной жизни и утратилъ въ ней свои послѣднія силы, свое послѣднее имущество. Разбитый душою и тѣломъ, онъ покинулъ Аены, чтобы отправиться въ Эфесъ, гдѣ онъ надѣялся найти еще друзей изъ прежнихъ, лучшихъ временъ. Со смертію въ сердцѣ достигъ онъ этого города; но едва вступилъ въ него, какъ силы и сознаніе оставили его. Одна нищая старуха приняла участіе въ больномъ, перенесла его въ свое жилище, расположенное вблизи гавани, и положила на свое жалкое соломенное ложе. При наступленіи сумерекъ больной впалъ въ неистовство. Испуганная женщина выбѣжала на улицу искать помощи; тутъ она натолкнулась на Деметрія и Каррабаса, которымъ рассказала все. Радостно поспѣшили они къ больному и провели при немъ всю ночь въ благочестивыхъ молитвахъ. Когда начало разсвѣтать, и слабый лучъ свѣта проникъ въ комнату, они узнали въ умирающемъ, не смотря на измѣненныя страданіемъ черты, грамматика Апіона. Немедленно послали они одного изъ братьевъ ордена за Ананіемъ.

При появленіи Анація и Аполлоса агонія Апіона достигла своей высшей степени. Съ этой минуты его силы падали все больше и больше, слова становились все непонятнѣе и безсвязнѣе. Вдругъ онъ вскочилъ, прежде чѣмъ окружающіе могли помѣшать этому, схватилъ себя руками за горло, про-

хрипѣль «Трифоза!» и упалъ къ ногамъ Деметрія и Каррабаса. Ананій быстро подбѣжалъ, изслѣдовалъ тѣло Апіона, но нашелъ только трупъ — жизнь оставила его.

Нѣсколько дней спустя, мы видимъ корабль, плывущій по направленію къ Александріи; онъ везетъ трехъ счастливыхъ людей: Аполлоса, Дорисъ и Каррабаса...

* * *

Намъ остается только сообщить вкратцѣ объ участи другихъ лицъ, фигурировавшихъ въ нашемъ разсказѣ.

Флаккъ послѣ своего смѣщенія былъ сосланъ на далекій островъ. Но Кай не далъ ему долго оплакивать свою плачевную судьбу: онъ послалъ вслѣдъ за нимъ убійцу, который прекратилъ его жалкое существованіе.

Агриппа, какъ предсказалъ алабархъ, сдѣлался благодѣтелемъ еврейскаго народа. Его царствованіе длилось всего только четыре года — онъ умеръ въ 47-мъ году, внезапною смертію — и было послѣдней вспышкой національной независимости Іудеи.

Тиберій, сынъ алабарха, послѣ своего отпаденія отъ еврейства, быстро возвышался отъ почести къ почести и послѣ смерти Агриппы былъ назначенъ намѣстникомъ Іудеи. Онъ прибылъ въ эту провинцію съ благими намѣреніями, но евреи не довѣряли ренегату и причиняли ему различныя затрудненія. Дѣло дошло до кровавыхъ сватокъ. Не лучше ему было вполнѣствіи и въ Александріи, куда его перевели въ качествѣ намѣстника; и здѣсь евреямъ пришлось много выстрадать подъ его правленіемъ.

Филонъ и его супруга Исмена достигли преклоннаго, счастливаго возраста. Они снова выстроили свою сожженную виллу въ большихъ размѣрахъ, такъ какъ алабархъ по возвращеніи изъ Рима отказался отъ всѣхъ своихъ общественныхъ должностей, чтобы вмѣстѣ съ женой раздѣлять сельское уединеніе своего брата. Въ обществѣ этого превосходнаго фи-

лософа скорбь алабарха о потерѣ сына мало по малу улеглась. Каждый разъ, когда Аполлосъ, въ сопровожденіи своей Дорисъ и Каррабаса, возвращался съ своихъ проповѣдническихъ путешествій, въ дышащей миромъ виллѣ происходилъ радостный праздникъ, который оживлялъ и молодилъ алабарха и его жену не меньше, чѣмъ Филона и Исмену.

Перев. А. Ф.

Кипучей волною тоски и томленья
Опять мое бѣдное сердце полно,
И струнь сладковозвучныхъ, и чаръ пѣснопѣнья,
Какъ друга завѣтнаго, ищетъ оно.
И словно въ часъ ночи въ аллеѣ тѣнистой,
Мечтая подъ грустную трель соловья,
Иль слушая въ сумракѣ рощи душистой
Журчанье бѣгущаго рѣзво ручья,—
Такъ хочется думать о радостяхъ счастья,
Такъ хочется сердцемъ, умою отдохнуть,
И въ грезамъ, ласкающимъ свѣтомъ участья
Свободною грудью прильнуть!

Но сердца не тѣшатъ ужъ чудныя грезы,
И свѣтъ ихъ волшебный навѣки погасъ...
Въ ихъ вѣяньи тепломъ не высохнуть слезы,
Какъ прежде, бывало, въ томительный часъ:
Ихъ сладкая чаша, ихъ рай благодатный
Теперь не манять своей чарой меня,
Какъ смятый грозю цвѣтокъ ароматный,
Какъ храмъ безъ огня!

* * *

И тайной картинъ величавыхъ природа
Теперь не дарить мнѣ забвенья покой,

Когда отъ страданій родного народа
 Душа закинаеть тяжелой тоской.
 А прежде бывало...

Съ лазурнаго свода

Сверкають-ли звѣзды алмазной росой,
 И стелется дымка прозрачная ночи,
 Въ глубокомъ молчаньи, царящемъ кругомъ,
 Глубокою тайной мой умъ пораженъ...
 Нѣмѣеть душа и туманятся очи,
 И слышу таинственный отзвукъ въ груди:

„Надѣйся, живи!“

У берега синяго, свѣтлаго моря
 Сажу-ль одиноко на мрачной скалѣ,
 И сердце дрожить, надрываясь отъ горя,
 И взоры безъ жизни блуждаютъ во мглѣ,—
 Въ какомъ-то забвеніи чудномъ, невольню
 Мечта замираетъ подъ шепотъ волны,
 И сердцу вдругъ станетъ просторно и вольно,
 Какъ будто подъ трепетнымъ звукомъ струны.
 И мнится мнѣ въ дремѣ, что, ивы качая,
 Мнѣ ласково шепчетъ волна голубая:
 „Страдалецъ, не вѣчны печали твои,

„Надѣйся, живи!“

Брожу-ли окутанный сумрачнымъ лѣсомъ,
 Какъ тѣнь межъ рядами зеленыхъ кустовъ;
 Чуть вѣтеръ колыхаетъ узорнымъ навѣсомъ,
 Чуть видится небо... А мшистый покровъ

Такъ свѣжъ подѣ стопою... Такъ свѣтятся пятна
 Пробившихся рѣзко чрезъ листья лучей...
 Такъ воздухъ прозраченъ, трава ароматна,
 И птички такъ мило щебечуть съ вѣтвей,
 Что мрачныя думы, что скорби живныя
 Бѣгутъ какъ съ денницею тѣни ночныя,
 Иль капли росинокъ съ травы,—
 И долго я слышу тѣ звуки святыя:
 „Надѣйся, живи“!

* * *

И въ эти минуты привѣтныя грезы
 Въ таинственный міръ уносили меня,
 Гдѣ блещутъ лишь радости свѣтлыя слезы,
 Гдѣ люди—всѣ братья, народы—семья...
 И снится бывало мнѣ синее море,
 И островъ чудесный на вольномъ просторѣ,
 Лазурное, звѣздное небо надъ нимъ
 Во тьмѣ какъ алмазная блещетъ корона...
 И съ надписью тамъ золотятся знамена:
 „Твой храмъ обновленный и домъ твой—Солими!“
 Но сердца не тѣшатъ ужь чудныя грезы
 И свѣтъ ихъ волшебный навѣки погасъ,
 Въ ихъ вѣяньи тепломъ не высохнутъ слезы,
 Какъ прежде бывало въ томительный часъ!
 Ихъ сладкая чаша, ихъ рай благодатный
 Теперь не манятъ своей чарой меня,
 Какъ смятый грозю цвѣтокъ ароматный,
 Какъ храмъ безъ огня!

И грустно... Такъ грустно... Такъ грудь изнываетъ,
Какъ будто подъ сводами мрачной тюрьмы,
Гдѣ мысль, не успѣвши блеснуть, умираетъ,
Гдѣ думы страшнѣе таинственной тьмы...
И только напрасно средь трудной дороги
Ищу я спасенья привѣтный маякъ,
Лишь гнутся въ безсилыя усталыя ноги,
Лишь гуще и гуще становится мракъ!

Е. Варгастигъ.

ЧТО ТАКОЕ ИУДАИЗМЪ *.

Антисемитическое движеніе, такъ неблагоотворно вліявшее за послѣднее десятилѣтіе на политику континентальныхъ державъ, начинаетъ, повидимому, ослабѣвать. Движенію этому, вызвавшему строгое порицаніе въ общественномъ мнѣніи за тѣ звѣрскія расправы, которыми оно сопровождалось, и обезславившему себя своей прикосновенностью къ чудовищному тисса-эсларскому дѣлу, былъ нанесенъ въ Англии, три года тому назадъ, послѣдній ударъ празднованіемъ столѣтней годовщины сэра Монтефиоре и отказомъ лордъ-мера дозволить гофпредигеру Штеккеру, самому ожесточенному врагу еврейства, присутствовать на юбилей Лютера, праздновавшемуся въ городской ратушѣ. Но, разумѣется, тотъ, кто сталъ бы утверждать, что еврейско-христіанская распря окончена и навсегда отошла въ область исторіи, былъ бы большимъ оптимистомъ. Мы надѣемся, что насъ никто не сочтетъ слишкомъ пристрастными сторонниками еврейства, если мы замѣтимъ, что въ антисемитическомъ движеніи мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ болѣзненную судорогу моральнаго атавизма; мы думаемъ также, что если форма, въ которой проявлялось это движеніе, достойна порицанія, то побудительная причина его настолько серьезна, что вполне заслуживаетъ философскаго анализа, тѣмъ болѣе, что внимательное разсмотрѣніе этой причины будетъ весьма полезно не только для умиротворенія христіанъ и евреевъ, но и для поддержанія спокойствія на всемъ земномъ шарѣ.

По нашему мнѣнію, главнѣйшая причина раздраженія христіанъ противъ евреевъ заключается не столько въ религиоз-

* Изъ извѣстнаго англійскаго журнала „Fortnytyl Rewiew“.

номъ разногласіи, сколько въ непонятной, и вслѣдствіе этого раздражительно дѣйствующей, тайнѣ упорной живучести еврейства, не смотря на всѣ увѣренія его противниковъ, что оно отжило свой вѣкъ и давно погребено. По господствующему между христіанами мнѣнію, вполне раздѣляемому даже и тѣми, которые перестали признавать догматы своей религіи, еврейское ученіе было лишь грубымъ предшественникомъ такъ называемой всемірной религіи Христа, и, слѣдовательно, ученіе это давно уже сказало свое послѣднее слово. Но не смотря на этотъ, повидимому, несомнѣнный для всѣхъ фактъ, евреи до сихъ поръ повсюду составляютъ общественную силу. Вліяніе ихъ ощущается во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и анти-семитическія заявленія въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаются напримѣръ, въ Германіи по поводу того, что германское національное чувство «оскорбляется еврейскимъ преобладаніемъ»,—не лишены извѣстной доли правды, и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что это не только чуждое, но почти призрачное и въ то же время осязательное преобладаніе волнуетъ умы и возбуждаетъ противъ себя взрывы сильнѣйшаго раздраженія.

Взрывы раздраженія, повидимому, миновали, но тайна еврейскаго преобладанія, вызывавшая ихъ, осталась неразрѣшенной. Люди мыслящіе не разъ задавали себѣ вопросъ—что такое еврейство?—разсматривая его со стороны не одной только синагоги, но и того принципа, которымъ жилъ и до сихъ поръ живетъ еврейскій народъ, который давалъ направленіе его феноменальной исторіи и до настоящаго времени является повсемѣстно руководящей силой человѣчества. Но до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной смѣлой попытки къ разрѣшенію этого важнаго вопроса. Синагога, переживающая теперь переходный періодъ, не можетъ въ этомъ случаѣ съ авторитетомъ возвысить свой голосъ, но если бы она и могла сдѣлать это, то, въ виду только что прекратившихся гоненій на евреевъ, не рѣшилась бы своимъ объясненіемъ подать поводъ къ неминуемой полемикѣ, которая, въ свою очередь, повела бы къ непомѣрнымъ притязаніямъ и ложнымъ заключеніямъ. Церковь точно также уклоняется отъ проведенія параллели

между своими традиционными упованиями и фактами, взятыми изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, остается дѣлать только одни предположенія; но чѣмъ труднѣе для насъ разрѣшить эти предположенія, тѣмъ большее значеніе они приобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ, и, слѣдовательно, чѣмъ дольше не будетъ выясненъ вопросъ—что такое еврейство?—тѣмъ дольше не установятся разумныя отношенія между евреями и народами другихъ націй.

Передъ нами лежитъ одна изъ статей профессора Гольдвина Смита, которую мы находимъ тѣмъ болѣе заслуживающей вниманія, что она, по нашему мнѣнію, весьма близко подходитъ къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса. Намъ кажется только, что если бы м-ръ Смитъ не увлекся предвзятымъ взглядомъ о сродствѣ христіанства съ еврействомъ, то онъ, развивая основную идею своей статьи, по всей вѣроятности, въ значительной степени измѣнилъ бы сдѣланную имъ оцѣнку еврейства. Но, для большей удобопонятности, выпишемъ изъ упомянутой статьи то мѣсто, которое остановило на себѣ наше вниманіе.

«Между современными евреями и соотечественниками Лютера замѣчается нѣкоторое различіе какъ въ характеристическихъ чертахъ, такъ и во взглядахъ на задачи жизни, происходящее вслѣдствіе религіозной розни, не говоря уже о племенномъ антагонизмѣ. Еврейство является представителемъ *матеріальнаго оптимизма*, съ предпочтеніемъ къ избранной расѣ, христіанство же, какъ католическое, такъ и протестантское, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать выразителемъ понятія о *матеріализмѣ* или *оптимизмѣ* съ житейской точки зрѣнія. Еврейство представляетъ собою идею *строгой законности*, олицетвореніемъ которой служитъ талмудъ, и въ этомъ отношеніи оно также рѣзко расходится съ христіанскимъ идеаломъ, который далекъ отъ простаго, хотя бы и точнаго соблюденія закона. *Само собою разумѣется, что въ борьбѣ за житейскія блага преимущество непременно останется на сторонѣ послѣдователя закона, но образъ дѣйствія послѣдняго не всегда будетъ казаться правильнымъ тому, кто не считаетъ законъ своимъ высшимъ руководителемъ въ жизни.*»

М-ръ Смитъ, повидимому, совершенно упустилъ изъ вида, что изъ сказаннаго имъ вытекаетъ тотъ простой выводъ, что евреи, благодаря той системѣ, которой они подчиняются до настоящаго времени, являются гораздо болѣе приспособленными къ жизненнымъ условіямъ, чѣмъ то могло бы быть, если бы они были послѣдователями христіанства; что если ихъ подчиненность закону доставляетъ имъ «преимущество въ борьбѣ за житейскія блага», то причина этого заключается въ томъ, что ихъ идея «строгой законности» вполне приспособлена къ условіямъ самой борьбѣ, и что если христіане не настолько претпѣваютъ на житейскомъ поприщѣ, какъ евреи, то это происходитъ отъ того, что ихъ «высшій руководитель» не настолько удовлетворяетъ требованіямъ естественнаго закона, какъ тотъ, которому слѣдуютъ евреи. Такимъ образомъ, говорить, что образъ дѣйствія послѣдователя закона въ житейской борьбѣ, въ которой всѣмъ приходится подчиняться однимъ и тѣмъ же правиламъ, можетъ показаться предосудительнымъ «тому, кто не считаетъ законъ своимъ высшимъ руководителемъ въ жизни,—то же самое, что осуждать естественный порядокъ вещей и, такъ сказать, умалять природный умъ и дарованіе за то, что они имѣютъ успѣхъ тамъ, гдѣ, по нѣкоторымъ догматическимъ соображеніямъ, они должны были бы потерпѣть неудачу. Основной смыслъ цитируемаго нами аргумента тотъ, что христіанство само по себѣ совершенно, но если оно не вполне удовлетворяетъ требованіямъ естественнаго закона, то въ этомъ слѣдуетъ винить не его, но естественный законъ.

Тѣмъ не менѣе, м-ръ Смитъ весьма близко коснулся самой сути дѣла, высказавъ мнѣніе, что «матеріальный оптимизмъ» и «строгая законность» составляютъ главнѣйшіе элементы еврейства, хотя ему и не удалось оцѣнить ихъ по достоинству и уловить существующую между ними связь и тѣ результаты, къ которымъ они приводятъ. Мы, съ своей стороны, имѣемъ въ виду доказать въ этой статьѣ, что еврейство является послѣдователемъ настоящей, строго обдуманной системы «матеріальнаго оптимизма», проявляющейся въ «строгой законности», что это чисто позитивистическая система и что она разнится отъ позднѣйшаго позитивистическаго ученія Огюста Конта только

въ томъ отношеніи, что дѣйствуетъ уже цѣлыя тысячелѣтія и притомъ съ такими результатами, которые даютъ ей полное право выдвинуться изъ области эмпирической философіи. Подтвержденіе высказанному нами мнѣнію мы находимъ въ самой еврейской исторіи. Такъ, еврейство твердо убѣждено, что знаніе человѣческое ограничено предѣлами видимаго міра и что поэтому достиженіе временнаго счастья должно быть главнымъ стремленіемъ и задачей человѣка въ жизни. Свобода есть идеальное счастье, и ея конечная цѣль заключается въ прогрессѣ. Это идеальное счастье достигается посредствомъ подчиненія низшихъ свойствъ природы высшимъ умственнымъ способностямъ. Основой прогрессу служитъ естественный законъ или справедливость, и вытекающая отсюда свобода составляетъ высшую степень земнаго благополучія въ предѣлахъ неизмѣннаго закона. Ко всему этому мы должны прибавить также, что евреи, посредствомъ практическаго примѣненія этого ученія къ дѣлу, приобрѣли рѣдкую способность приспособляться къ условіямъ жизни и даже извлекать изъ нихъ возможную пользу для себя. Это и есть то ихъ «преимущество», о которомъ упоминаетъ м-ръ Гольдвинъ Смитъ.

Для того, чтобы понять разницу между существеннымъ и случайнымъ элементами еврейства, необходимо сказать нѣсколько словъ по этому поводу. Какъ на самую выдающуюся и существенную черту еврейства, укажемъ на его удивительно цѣпкую преемственность, сохранившуюся во всей своей силѣ посреди всевозможныхъ переворотовъ и случайностей, и на его послѣдовательность въ соблюденіи единства при развитіи національнаго характера. Замѣтимъ кстати, что мы считаемъ наилучшимъ методомъ для выясненія существенныхъ сторонъ еврейства не ссылки на библію, но индуктивный методъ, основанный на явленіяхъ ежедневной жизни. Этотъ приѣмъ кажется намъ наиболее удобнымъ какъ съ точки зрѣнія послѣднихъ прискорбныхъ событій, такъ и въ томъ отношеніи, что у евреевъ религія и народность составляютъ два неразрывно связанные между собою понятія. Неуклонное выполненіе въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій совершенно особеннаго закона въ высшей степени обособленнымъ народомъ неминуюемо должно

было привести къ тому, что законъ этотъ вопелъ, такъ сказать, въ плоть и кровь его послѣдователей. Какъ личный, такъ и историческій характеръ народа сложился подъ вліяніемъ закона его праотцевъ, и, слѣдовательно, на развитіи этого характера непремѣнно должны были отразиться основныя стороны еврейства.

Мы должны указать, какъ на самое поразительное явленіе въ жизни евреевъ, на необычайную живучесть этого народа. Это, можно сказать—единственный въ своемъ родѣ фактъ. Евреи пережили золотые вѣка всѣхъ великихъ націй древности и были свидѣтелями паденія всѣхъ средневѣковыхъ имперій. Они пережили такого рода преслѣдованія, какихъ не выдержалъ бы никакой другой народъ, и даже въ знаменитый вѣкъ культуры, считающійся самымъ блестящимъ періодомъ цивилизаціи древняго міра, они, не смотря на то, что въ ихъ исторіи уже произошелъ поворотъ назадъ, продолжали занимать высшее мѣсто въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ между народами, съ которыми имъ приходилось имѣть сношенія. Само собой разумѣется, что такая устойчивость еврейской націи не объясняется простой случайностью или прихотью природы, но находится въ тѣсной связи съ той искусственной системой, которой была подчинена ея жизнь. Нужно замѣтить, что въ исторіи всякаго великаго народа, при постепенномъ его движеніи впередъ, замѣчаются періоды самаго высшаго развитія его нравственныхъ и физическихъ силъ; то же самое, разумѣется, повторилось и въ жизни еврейской націи съ тою только разницею, что для нея этотъ періодъ не прошелъ безслѣдно, какъ то обыкновенно бываетъ. Крайній оптимизмъ евреевъ, ихъ высокіе интеллектуальные задатки и въ особенности замѣчаемая ими противоположность въ ученіи и нравахъ другихъ націй, по всей вѣроятности, были причиною того, что они дорожили прибрѣтенными ими преимуществами гораздо болѣе, чѣмъ всякій другой народъ. Вслѣдъ за сознаниемъ этого превосходства, у нихъ естественнымъ путемъ явилось стремленіе избѣгать кровныхъ узъ съ другими племенами которое поддерживалось національными легендами и традиціями. Приняло рѣшительный характеръ вслѣдствіе враждебнаго

отношенія къ нимъ сосѣдей. Такимъ образомъ, ихъ обособленность сдѣлалась какъ бы легальной, и опорой ей послужило одно изъ самыхъ рациональныхъ законодательствъ, способствовавшее естественному развитію физическихъ силъ народа и въ то же время не выпускавшее изъ вида и высшую его цивилизацію, съ помощью которой онъ только и могъ сохранить пріобрѣтенное имъ превосходство. Короче говоря, въ первоначальный періодъ исторіи евреевъ оптимизмъ ихъ выражался въ «строгой законности». Насколько успѣшно дѣйствовала эта система, объ этомъ можно судить по тому факту, что евреи просуществовали до настоящаго времени, не смотря на тѣ необычныя условія, въ которыя они были поставлены.

Въ подтвержденіе того факта, что евреи дѣйствительно въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ занимали высшее мѣсто между народами, среди которыхъ имъ приходилось жить, мы можемъ сослаться на мнѣнія весьма авторитетныхъ людей. Такъ, въ 1837 г. Гоффманъ, въ своемъ сочиненіи «Sammlung kleiner Schriften wissenschaftlichen Inhalts», доказываетъ, что евреи представляютъ замѣчательный феноменъ въ биостатическомъ отношеніи; затѣмъ, Христофоръ Вернулли, въ «Handbuch der Populationistik», рассматривая причину болѣе быстрого размноженія между евреями, чѣмъ между другими племенами, объясняетъ ее тѣмъ, что у нихъ замѣчается меньшее число мертворожденій, меньшая смертность между дѣтьми въ возрастѣ до пяти лѣтъ, и указываетъ на ихъ наследственную долговѣчность. Дальнѣйшія изслѣдованія не только подтверждаютъ эти данныя, но прибавляютъ къ нимъ новые факты, въ значительной степени увеличивающіе рядъ выводовъ, къ которымъ можно придти на основаніи ихъ. Нравственное превосходство евреевъ также наглядно доказывается сравнительной статистикой уголовныхъ преступленій и статистикой незаконныхъ рожденій. Что же касается до ихъ выдающихся умственныхъ дарованій, то фактъ этотъ подтверждается тѣмъ преобладающимъ вліяніемъ, которымъ они пользуются во всѣхъ странахъ на поприщѣ какъ науки, такъ и профессиональной и общественной жизни. Мы могли бы доказать это статистическими выводами, но, къ сожалѣнію, раз-

мѣры нашей статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ такія подробности.

Достаточно сказать, что, по статистическимъ вычисленіямъ, цифра превосходства евреевъ въ нравственномъ отношеніи надъ народами другихъ націй и вѣроисповѣданій, въ общей сложности, достигаетъ 30 и 40%. Фактъ этотъ говоритъ самъ за себя. Онъ не только доказываетъ, что еврейство до сихъ поръ продолжаетъ быть живой силой, но убѣждаетъ насъ въ томъ, что значеніе его въ прошедшемъ было такъ громадно, что дало ему возможность совершить самостоятельный шагъ въ исторіи человѣчества. Результатъ этотъ важенъ особенно въ томъ отношеніи, что онъ достигнутъ путемъ непосредственнаго развитія, которое, въ свою очередь, совершилось не механически, но вполне сознательно. Мы хотимъ этимъ сказать, что въ еврейской исторіи мы впервые видимъ, что умъ человѣческій дѣйствуетъ, какъ вполне самостоятельная сила въ постепенномъ своемъ движеніи впередъ, и стремится къ прогрессу и самосовершенствованію не вслѣдствіе тяготѣнія слѣпому инстинкту, но вслѣдствіе сознанія необходимости приспособиться къ условіямъ жизни, въ силу не внѣшняго давленія, но требованія естественнаго закона. Совершенно однородное явленіе, то-есть однородное по своимъ послѣдствіямъ, но радикально противоположное по побудительнымъ причинамъ,—мы видимъ и въ другихъ общественныхъ слояхъ, куда еврейское ученіе, повидимому, не могло проникнуть; такъ, напримѣръ, англійская аристократія, живущая въ такой же замкнутой сферѣ, какъ и еврей, также отличается сравнительной долговѣчностью. Но здѣсь причина замкнутости происходитъ, разумѣется, не отъ строго обдуманнаго законодательства, имѣвшаго въ виду обособленіе націи для сохраненія ею тѣхъ преимуществъ, которыя она приобрѣла, благодаря тому, что жизнь ея была подчинена высшей дисциплинѣ, но вслѣдствіе тщеславнаго желанія привилегированнаго класса сохранить свои родовыя традиціи. Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ получаютъ въ обоихъ случаяхъ цѣлыя поколѣнія людей, отличающихся долговѣчностью и физическими и умственными преимуществами.

Впрочемъ, высказываемое нами мнѣніе, что явленія еврей-

ской жизни вытекаютъ всё безусловно изъ исключительнаго еврейскаго законодательства, можно доказать только посредствомъ разсмотрѣнія характера этого законодательства.

Сужденія, высказываемыя о евреяхъ, въ большинствѣ случаевъ поверхностны и неосновательны. Иные утверждаютъ, что характеристическія особенности евреевъ, возбуждающія такое любопытство и удивленіе въ современномъ обществѣ, должны исчезнуть также безслѣдно, какъ и самый народъ; но такое мнѣніе опровергается всею, по-истинѣ необычайною исторіею еврейства, на которую эти характеристическія особенности бросаютъ особенно яркій свѣтъ и даютъ намъ возможность дѣлать болѣе правильные выводы. Другія предположенія, высказываемыя относительно причины долговѣчности евреевъ, кажутся намъ также недостаточно убѣдительными, въ виду заявленія одного изъ самыхъ авторитетныхъ современныхъ статистиковъ. «Отсутствіе тяжелаго труда, — говоритъ Джорджъ Фредерикъ Кольбъ, — и умѣренный образъ жизни, который ведутъ евреи, не могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ причины живучести, которою отличается вообще вся нація. Точно также нельзя сказать, чтобы свойство это было присуще исключительно семитскимъ расамъ, такъ какъ мы видимъ, что финикіане и карфагеняне совершенно исчезли съ лица земли». Разумѣется, между семитскими расами есть и такія, которыя продолжаютъ свое существованіе до сихъ поръ; но почему же онѣ не проявляютъ такого же стремленія подвигаться впередъ на пути прогресса, какое мы замѣчаемъ у евреевъ? Онѣ произошли изъ одного и того же племени и со временъ Магомета исповѣдывали, насколько намъ извѣстно по крайней мѣрѣ, вѣру въ единое божество; тѣмъ не менѣе никто не станеть отрицать того факта, что онѣ составляютъ теперь отсохшія вѣтви великаго дерева человѣчества. Такимъ образомъ, мы дошли теперь до настоящей сути дѣла, то-есть до безпристрастной оцѣнки еврейскаго принципа. Нужно замѣтить, что Магометъ изъ всего еврейскаго ученія заимствовалъ только идею о Богѣ, которая, не смотря на всю свою важность, не представляла, въ практическомъ отношеніи, того существеннаго и воспитательнаго значенія, какое имѣла законодательная идея. Ре-

зультатъ отъ этого получился не вполне удовлетворительный: народъ усвоилъ себѣ религію, но по прежнему остался безъ всякой системы для жизни. Наглядное доказательство различія въ этомъ отношеніи между евреями и другими семитами мы можемъ видѣть въ самой исторіи семитскаго образованія. Никто не станетъ отрицать того, что интеллектуальныя способности особенно сильно развиты въ семитскихъ расахъ; мнѣніе это подтвердилось даже такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ профессоръ Хвольсонъ, который говоритъ, что «между семитами встрѣчается меньшее число идиотовъ, чѣмъ между аріанами», еврей же въ настоящее время является самой выдающейся расой между семитами. Хотя у ассиріанъ существовали уже коллегіи въ то время, когда Европа не успѣла еще перенять азбуку у финикіанъ, и задолго до періода, приписываемаго Аврааму, у нихъ уже заведены были библіотеки для изученія аккадіанскихъ (Akkadians) классиковъ, но все, что сохранилось отъ семитской культуры, перешло къ евреямъ и сдѣлалось въ настоящее время ихъ достояніемъ. Чѣмъ же это объясняется? Тѣмъ, что они первые подчинили науку закону. Ихъ предки воздвигали коллегіи, учреждали богатыя библіотеки, но они первые сдѣлали образованіе обязательнымъ. Такимъ образомъ, для насъ становится теперь очевиднымъ, что всѣ исключительныя явленія еврейской жизни вытекаютъ изъ ихъ исключительнаго законодательства. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ это законодательство было приспособлено къ самимъ условіямъ жизни.

Мы говорили уже, что необходимо дѣлать различіе между существеннымъ и постороннимъ элементами еврейства для того, чтобы понять основу его ученія. Мы сочли бы не вполне цѣлесообразнымъ вдаваться въ подробности по этому поводу, если бы вынуждены были, для подтвержденія нашихъ доводовъ, останавливаться и дѣлать болѣе или менѣе произвольныя ссылки на отличительныя черты каждаго періода еврейской исторіи. Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Въ законѣ Моисеевомъ мы видимъ вполне ясную и гармонически сдѣланную систему, въ которой совмѣстились самыя существенныя элементы еврейства и которая сохранилась въ своемъ перво-

бытномъ видѣ до настоящаго времени. Такимъ образомъ, не смотря на постороннее давленіе и на неоднократные перевороты судьбы, еврейство не только не измѣнило того, что составляло основу его, но продолжало настойчиво развивать свои руководящіе принципы, при посредствѣ которыхъ въ характерѣ народа сложились тѣ отличительныя черты, которыя дѣлають его въ настоящее время живой общественной силой. Мы останавливаемся на этомъ выводѣ, не входя въ обсужденіе вопросовъ, возбуждаемыхъ современной библейской критикой, такъ какъ для выясненія нашей идеи достаточно того факта, что отъ временъ Эадры и до Маккавеевъ ученіе Моисеево вполне удовлетворяло высшимъ требованіямъ еврейской жизни.

Въ основѣ закона Моисеева лежитъ принципъ племенного сепаратизма, въ видахъ сохраненія его ученія во всей его неприкосновенности. Цѣлесообразность этого принципа очевидна для всякаго здравомыслящаго человѣка, не зараженнаго отчаяннымъ фанатизмомъ. Главная цѣль еврейскаго сепаратизма состояла въ томъ, чтобы доставить евреямъ возможность не только передать человѣчеству ихъ ученіе во всей его чистотѣ, но и подѣлиться съ нимъ его результатами—наглядными преимуществами. Относительно того, что еврейскій сепаратизмъ былъ основанъ на благѣ всего человѣчества, не можетъ быть никакого сомнѣнія, и подтвержденіе этому мы находимъ въ самой библии. Такъ, Авраамъ изображенъ въ ней не какъ вождь, стремящійся къ преобладанію надъ другими народами, но какъ вѣрный слуга Божій, старающійся истребить господствующее идолопоклонство и безнравственность. Награда, обѣщанная ему, весьма знаменательна. «Имя твое будетъ благословляться отъ вѣка и до вѣка,—говоритъ ему Всевышній. — Сѣмя твое размножится, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской... *И въ стѣмени твоёмъ благословятся всѣ племена земныя за то, что ты послушалъ голоса Моего.*

Евреевъ часто упрекають за то жестокосердіе, съ какимъ они истребили будто бы хананеянъ, какъ на то указываетъ библия. Но,—какъ справедливо замѣчаетъ д-ръ Арнольдъ,—смотря на дѣло съ философской точки зрѣнія, ихъ нельзя было бы безусловно обвинять и въ томъ случаѣ, если бы они, въ

видахъ огражденія себя отъ угрожающей опасности, рѣшились даже на поголовное истребленіе такого звѣрскаго племени, какигь были хананейне; но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не могло быть, какъ то фактически доказано теперь Кюленомъ (Кюпер) и другими библейскими критиками. Если евреи и прибѣгали къ жестокостямъ, то это дѣялось съ цѣлью поддержанія или, правильнѣе, увѣковѣченія принциповъ ихъ исключительнаго законодательства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ совершенное, по требованію Ездры и Нееміи, очищеніе расы.

Но сохраненіе основныхъ чертъ таковаго законодательства, которое должно было одѣлаться достояніемъ безчисленныхъ поколѣній, заслуживало нѣкоторыхъ жертвъ. Законодательство это поражаетъ насъ какъ своей удобопонятностью, такъ и предусмотрительностью. Оно не упускаетъ изъ вида даже непоявившагося еще на свѣтъ ребенка и съ изумительной проицательностью усматриваетъ элементъ для физическаго благосостоянія въ регулированіи взаимныхъ отношеній половъ. На эту сторону еврейскаго законодательства до сихъ поръ весьма мало обращалось вниманія. Такъ, докторъ Ричардсонъ, по нашему мнѣнію, не совѣмъ правильно объясняетъ «заботливымъ уходомъ за дѣтьми» причину устойчивости евреевъ передъ тѣми неблагоприятными условіями, которыя приводятъ обыкновенно къ сокращенію человѣческой жизни. Евреи, конечно, примѣрные родители; но мы думаемъ, что запасъ жизненныхъ силъ, которымъ отличаются ихъ дѣти, зависитъ гораздо болѣе отъ соблюденія цѣлыми поколѣніями ихъ предковъ закона Моисеева и раввинскихъ постановленій, касающихся урегулированія половыхъ отношеній, чѣмъ отъ ухода за ними послѣ ихъ рожденія. Мы хотимъ этимъ сказать, что еврейское дитя уже рождается на свѣтъ съ исключительной способностью сопротивленія вреднымъ влияніямъ, разрушающимъ жизнь, а не всецѣло приобретаетъ ее впоследствии. По крайней мѣрѣ достиженіе такого результата составляло одну изъ главныхъ задачъ законодательства. Такъ, ни въ библейскомъ, ни въ раввинскомъ законахъ нигдѣ не упоминается о женщинѣ до вступленія ея въ бракъ, и существованіе ея совершенно игнорируется до тѣхъ поръ, пока она не займетъ своего мѣста въ обще-

ствѣ въ качествѣ жены и матери, такъ какъ предполагается, что только въ замужнемъ состояніи дѣйствія ея могутъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе. Падшую женщину, въ случаѣ ея выхода замужъ, предписывалось побивать камнями. Обольщеніе мужчиной женщины налагало на него обязательство жениться на ней, отмѣнявшееся только въ случаѣ отказа со стороны обольщенной жертвы, которая, въ силу вышеупомянутого закона, уже ни за кого не могла выйти замужъ. Браки при близкой степени родства между женихомъ и невѣстой были воспрещаемы. Еврея, вступившаго въ бракъ съ женщиной другой національности, также предписывалось побивать камнями; нарушение супружеской вѣрности наказывалось смертю. Такимъ образомъ, лишая падшихъ женщинъ права выходить замужъ и налагая на мужчинъ обязательство жениться на соблазненныхъ ими жертвахъ, законъ этимъ самымъ принималъ строжайшія мѣры, въ видахъ обезпеченія дѣтямъ вполне здоровыхъ родителей. Основываясь на томъ, что намъ извѣстно о природной чистотѣ нравовъ евреевъ, мы думаемъ, что проституція не могла развиться у нихъ въ значительной степени, и въ то же время беззаконныя связи были почти невозможны. Какъ эти общественныя условія, такъ и строгое порицаніе закономъ безбрачной жизни были главной причиной того, что между евреями совершались и теперь совершаются ранніе браки, что считалось до сихъ поръ остаткомъ восточныхъ обычаевъ. Законоположенія эти въ настоящее время имѣютъ силу лишь въ той степени, насколько они соотвѣтствуютъ законоположеніямъ тѣхъ странъ, въ которыхъ живутъ евреи. Тѣмъ не менѣе, благотворное вліяніе ихъ на инстинкты евреевъ принесло свои плоды, о чемъ свидѣлствуютъ до сихъ поръ совершаемые между ними ранніе браки и ихъ воздержный образъ жизни. Но если эти законоположенія утратили свою прежнюю силу, то другія не менѣе важныя статьи, не будучи подвергнуты измѣненіямъ и ограниченіямъ, въ виду господствующаго законодательства, удержались во всей ихъ неприкосновенности. Въ числѣ ихъ весьма важное мѣсто занимаетъ постановленіе, касающееся урегулированія интимныхъ отношеній между мужемъ и женой и предписывающее три случая отлу-

ченія супруговъ другъ отъ друга, по простествіи каждаго изъ которыхъ имъ вмѣняется въ обязанность совершать известнаго рода омовеніе. Въ первомъ случаѣ упоминается объ обыкновенныхъ половыхъ отношеніяхъ, дѣлающихъ нечистыми какъ мужа, такъ и жену въ продолженіи цѣлаго дня и послѣдующаго затѣмъ вечера. Второе отлученіе влечетъ за собой весь періодъ менструацій и слѣдующая за нимъ недѣля и, наконецъ, третье отлученіе вызывается родами, причемъ при рожденіи мальчика отлученіе продолжается сорокъ дней, а при рожденіи дѣвочки—восемьдесятъ.

Физиологическая важность этихъ законоположеній вполне оцѣнена раввинами. Талмудъ содержитъ въ себѣ цѣлый трактатъ, подъ заглавіемъ *Niddah*, посвященный дополненію ихъ, въ которомъ хотя и въ грубой формѣ, но съ основательнымъ знаніемъ медицины разсматриваются всѣ обстоятельства супружескихъ отношеній. Въ трактатъ этотъ между прочимъ внесена одна любопытная статья, служащая дополненіемъ къ закону Моисееву. Принимая во вниманіе, что тѣло должно находиться отчасти въ ненормальномъ положеніи въ періодъ, нѣсколько предшествующій менструаціямъ, и имѣя въ виду устранить вредныя послѣдствія, могущія произойти отъ этого для зарождаемаго младенца,—этой дополнительной статьёй предписывается прекращеніе половыхъ сношеній за два дня до начала ихъ и въ продолженіи цѣлой недѣли по ихъ окончаніи, и такимъ образомъ срокъ Моисеева отлученія увеличивается до двѣнадцати или четырнадцати дней. Весьма немногимъ известно, что законоположенія, результатомъ которыхъ является значительно меньшая смертность между евреями, чѣмъ между другими народами, до сихъ поръ исполняются ими съ буквальной точностью. Омовеніе женщинъ, которымъ заканчивается каждый изъ предписанныхъ періодовъ отлученія, по буквѣ закона, въ прежнее время совершалось не въ частныхъ, но въ общественныхъ баняхъ, чѣмъ доставлялась властямъ возможность слѣдить за точнымъ соблюденіемъ постановленій закона. Впрочемъ, и въ настоящее время во всѣхъ еврейскихъ общинахъ имѣются прекрасно устроенныя общественныя бани, специально предназначенныя для этой цѣли. Конечно, между евреями есть

много и такихъ, которые, не давъ себѣ труда вникнуть въ сущность того, что они называютъ «духомъ времени», съ высокоумнымъ пренебреженіемъ относятся къ житейской мудрости своихъ предковъ и, *inter alia*, считаютъ излишнимъ выполнять предписанія *Niddah*. Но, къ несчастью для нихъ, не смотря на то, что они такъ далеко опередили «духъ времени», они не могутъ избѣжать той кары, которую они вполне заслуживаютъ своимъ самомнѣніемъ. Добровольно порывая связь со своимъ народомъ, они какъ бы ставятъ себя этимъ въ условія, совершенно чуждыя еврейской жизни. Тѣ изъ евреевъ и евреекъ, которые отказываются выполнять предписанія ихъ закона, должны также навсегда отказаться, какъ за себя самихъ, такъ и за своихъ потомковъ, отъ тѣхъ преимуществъ, которыя сдѣлались достояніемъ ихъ націи. Уклоняясь отъ соблюденія постановленій, имѣющихъ цѣлью поддержаніе здоровья, они добровольно подорвутъ свои физическія силы, что непременно отразится на ихъ потомствѣ, которое хотя и незамѣтно, но неминуемо дойдетъ до полного расслабленія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію діететическихъ и гигиеническихъ постановленій. Мы не станемъ распространяться о важности ихъ въ физиологическомъ отношеніи, такъ какъ достоинства и цѣлесообразность ихъ уже доказаны самими выдающимися учеными авторитетами. Насколько для насъ несомнѣнно то, что законодательство, рядомъ предписаній, регулирующихъ взаимныя супружескія отношенія, имѣло въ виду образовать цѣлыя поколѣнія здоровыхъ и физически сильныхъ евреевъ, настолько же очевидно и то, что оно стремилось, съ помощью діетическихъ и гигиеническихъ постановленій, поддержать ихъ здоровье и силы и предохранить ихъ отъ болѣзней. Такъ, въ числѣ запрещенныхъ предметовъ пищи находятся всѣ плотоядныя животныя, хищныя и питающіяся падалью птицы, пресмыкающіяся, гады и слизни; сверхъ того, составленъ цѣлый списокъ запрещенныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ: свиней, мышей, крысъ, кошекъ, собакъ и пр., служащихъ вмѣстѣлищемъ трихинъ и другихъ вредныхъ паразитовъ. Передача человѣку паразитныхъ заболѣваній, при посредствѣ употребляемыхъ въ пищу животныхъ, не подлежитъ те-

перъ никакому сомнѣнію, такъ какъ медицинскія изслѣдованія доказали, что паразиты изъ тѣла животнаго прямо переходятъ въ тѣло человѣка, а это въ большинствѣ случаевъ, приводитъ къ самымъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ. Запрещеніе употребленія въ пищу слизней и раковидныхъ животныхъ тоже представляетъ большую важность, какъ предохранительная мѣра, такъ какъ многія изъ нихъ бываютъ по временамъ не только вредны, но даже ядовиты, а мясо раковидныхъ, питающихся падалью, положительно неудобоваримо для желудка. Запрещеніе относительно безчешуйныхъ рыбъ, принадлежащихъ къ разряду угрей, лишь недавно изъ области чисто геологическаго изученія было перенесено на научную почву, и результатомъ этого было безусловное признаніе его цѣлесообразности. М-ръ Ридъ, откармливавшій угрей въ своемъ пруду, который нѣсколько засорился вслѣдствіе обмелѣнія, замѣтилъ, что мясо ихъ до такой степени испортилось, что сдѣлалось совсѣмъ негоднымъ къ употребленію. Сильно удивленный этимъ непонятнымъ фактомъ, онъ переселилъ ихъ въ ручей, въ который стекали разныя нечистоты изъ газовой фабрики, и черезъ нѣсколько времени оказалось, что угри совершенно пропитались запахомъ газа. Дальнѣйшіе опыты показали, что, вслѣдствіе отсутствія чешуи, угри пропитались всевозможными вредными газами и въ особенности вредными испареніями отъ разлагающихся веществъ, и такимъ образомъ сдѣлались ядовитыми. Еврейскіе законодатели всегда обращали должное вниманіе на вредъ недоброкачественной пищи, и прямое указаніе Моисеемъ на улитку служить очевиднымъ доказательствомъ, что ему небезызвѣстно было — какимъ послѣдствіямъ подвергается человѣкъ при употребленіи въ пищу ядовитыхъ животныхъ. Раввины очень хорошо понимали, что подразумевалось подъ такъ называемымъ «нечистымъ» мясомъ домашнихъ животныхъ, заболѣвшихъ какою нибудь специфической болѣзью или сдѣлавшихся непригодными для пищи вслѣдствіе отравы; это видно изъ пояснительной статьи Мишны (Mishna rulling), въ которой прямо говорится, что мясо животнаго, проглотившаго ядовитое вещество, или укушеннаго ядовитой змѣей, запрещается не потому, что оно сдѣлалось «не-

чистымъ», какъ то сказано въ законѣ, а потому, что сдѣлалось вреднымъ для пищи. Запрещеніе относительно зайцевъ также объясняется тѣмъ, что они употребляютъ въ пищу растительныя яды, какъ, напр., кору волчьего лыка.

Диететическія законы не ограничиваются простымъ подраздѣленіемъ всѣхъ животныхъ на два разряда «чистыхъ» и «нечистыхъ». Они простираютъ свою предусмотрительность до того, что указываютъ даже на ту составную часть дозволеннаго животнаго, которая не должна быть употребляема въ пищу. Такъ, употребленіе крови строго и неоднократно воспрещается. Запрещеніе это и то значеніе, которое очевидно придавалось ему, настолько согласуются съ изысканіями современной науки въ этомъ направленіи, что объяснить его нельзя ничѣмъ другимъ, кромѣ заботы объ общественномъ здравіи, въ особенности если принять во вниманіе слѣдующія три обстоятельства: что законъ Моисеевъ является рѣшительнымъ противникомъ всякихъ суевѣрныхъ прообразованій, что онъ направленъ къ тому, чтобы вытѣснить изъ еврейской жизни чужеземныя традиціи и что въ основѣ его лежитъ совершенно мірской элементъ.

То предположеніе, что кровь содержитъ въ себѣ болѣзненные зародыши, хотя и не непосредственно дѣйствующіе на самое качество тѣла, является не единственной причиной, по которой она можетъ быть признана непригоднымъ питательнымъ веществомъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «*Journal of Science*» фактически доказываетъ, что кровь, въ нормальномъ своемъ состояніи, *почти постоянно* содержитъ въ себѣ вредныя элементы. Это должно быть такъ по самому свойству двойнаго предназначенія системы кровообращенія, такъ какъ кровь, съ одной стороны служить для возстановленія различныхъ частей системы послѣ того, какъ онѣ дойдутъ до известной степени истощенія, а съ другой (*on the other it has to carry of the natural waste of the tissues*)—для удаленія негоднаго вещества, служившаго для образованія тканей, которое окончательно устраняется при посредствѣ почекъ и миндалевидныхъ желѣзъ и пр., и затѣмъ появляется въ свойственномъ ему видѣ экскрементальнаго вещества; но вещество это (*this waste or refuse*), до

извѣстной степени, постоянно находится въ составѣ крови и въ случаѣ неправильнаго дѣйствія почекъ придаетъ ей въ высшей степени ядовитыя свойства. Изъ всего этого слѣдуетъ, что кровь не можетъ быть пригоднымъ веществомъ для пищи, въ особенности принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ убитомъ животномъ невозможно отдѣлить кровь артерій отъ крови жилъ, въ чемъ заключалось бы единственное средство очистить ее и сдѣлать безвредной. «По нашему мнѣнію,—говоритъ сотрудникъ «Journal of Science»,—употреблять кровь въ пищу почти то же самое, что пить урину, а это не только противно, но и *pro tanto* опасно для здоровья. Изъ того, это она въ видѣ какъ жидкаго, такъ и твердаго экскремента годится для пищи растеній и нѣкоторыхъ родовъ животныхъ, не слѣдуетъ заключать, что она можетъ служить для потребленія людьми».

Вслѣдствіе неоднократнаго и категорическаго запрещенія раввинами употреблять кровь въ пищу, у евреевъ существуютъ совершенно особые способы убивать животныхъ и готовить мясныя блюда. Та строгость, съ которой еврейскіе раввины слѣдили за точнымъ выполненіемъ Моисеева повелѣнія, весьма любопытна, потому что она доказываетъ, что они знали о непригодности крови въ пищу. Что имъ давно уже были извѣстны свойства крови, видно также изъ указаннаго раввиномъ Іудой способа убивать животныхъ. Для правильнаго пораженія дыхательнаго горла и esophagus, онъ совѣтуетъ произвести приливъ крови отъ сосудовъ къ шеѣ; замѣчательно, что мнѣніе это было высказано семнадцать столѣтій тому назадъ, когда думали, что артеріи наполнены однимъ воздухомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое названіе ихъ (air—воздухъ). Но самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, что раввинамъ хорошо было извѣстно вредное дѣйствіе крови, какъ питательнаго вещества, служатъ тѣ мѣры, къ которымъ они прибѣгали, чтобы совершенно устранить ее изъ употребленія—съ помощью заведеннаго ими способа убивать животныхъ и готовить мясное кушанье, причемъ убитое животное признавалось годнымъ для пищи только послѣ тщательнаго осмотра (Bedeka) и извлеченія изъ него всей крови. Осмотръ труповъ животныхъ, совершаемый по предписанію раввиновъ, тщательно выполняемому ев-

реями до настоящаго времени, составляет послѣднюю предохранительную мѣру того систематическаго способа, съ помощью котораго производится выборъ животной пищи.

И такъ, намъ уже извѣстно, что нѣкоторыхъ животныхъ не дозволено употреблять въ пищу и что кровь безусловно воспрещена; теперь необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу предписаній относительно мяса дозволенныхъ животныхъ. Условія, при которыхъ его разрѣшалось ѣсть, обставлены такими строжайшими предосторожностями, что, говоря словами д-ра Генри Беренда, сказанными имъ въ его брошюрѣ о передаваемости болѣзней при посредствѣ животной пищи, «можно съ полной увѣренностью утверждать, что, благодаря этимъ предохранительнымъ мѣрамъ, выполняемымъ съ буквальной точностью, потребление мяса животныхъ, зараженныхъ какою нибудь специфической болѣзью, дѣлается положительно невозможнымъ». Общинный мясникъ, уполномоченный закалывать скоть, не только обязанъ выполнять порученное ему дѣло согласно съ еврейскими постановленіями, но сверхъ того долженъ производить подробный осмотръ каждаго убитаго животнаго, причемъ ему вмѣняется въ непремѣнную обязанность заявлять кому слѣдуетъ, если онъ замѣтитъ хоть малѣйшее поврежденіе въ мясныхъ тушахъ. Легкія подвергаются такому внимательному осмотру, при которомъ едва ли могутъ остаться незамѣченными такія болѣзни какъ воспаленіе легкихъ, бугорчатка, бронхитъ и другія легочныя страданія. Для того, чтобы удостовѣриться въ цѣлости легкаго, его иногда наполняютъ воздухомъ, опустивъ въ воду. «Внимательное изученіе легкаго этими древнѣйшими фیزیологами (раввинами),—говоритъ д-ръ Морисъ Девисъ,—привело, повидимому, къ тому же заключенію, на которомъ остановилась и современная наука, указывающая на воздушные проходы (air passages), съ ихъ влажными и слизистыми перепонками, какъ на предполагаемые проводники вредныхъ частицъ, летающихъ въ атмосферѣ». Практическая важность *Ведека*, хотя и утрированная до нѣкоторой степени, неоспорима. Д-ръ Берендъ насчитываетъ семь болѣзней, передаваемыхъ человѣку при посредствѣ животной пищи, а именно: чума, брюшной тифъ, воспаленіе легкихъ

опухли ногъ и рта, карбункулъ, рожа и бугорчатка. При соблюденіи еврейскихъ діетическихъ предписаній, животное, пораженное какою нибудь изъ этихъ болѣзней, никакъ не можетъ попасть въ число съѣстныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ при небрежномъ надзорѣ за доброкачественностью потребляемой мясной провизіи, замѣчаемомъ у другихъ націй, болѣзни эти получаютъ широкое распространеніе. Нѣсколько времени тому назадъ, д-ръ Карпентеръ сообщалъ въ «British Medical Journal», что одинъ изъ надзирателей лондонскаго мясного рынка подъ клятвою утверждалъ, что, въ общей сложности, количество мяса, доставляемаго на лондонскій рынокъ, по крайней мѣрѣ на 80% носитъ явные признаки бугорчатки. Вслѣдъ за этимъ, м-ръ Дженкинсъ въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Times», также указываетъ на этотъ неутѣшительный фактъ и замѣчаетъ, что «изъ всего числа лондонскихъ жителей по крайней мѣрѣ 375,000 человекъ ежегодно подвергаются опасности заразиться какою нибудь изнурительной болѣзью и передать ее въ наслѣдство своему потомству». Принимая во вниманіе эти неблагоприятныя условія, нельзя удивляться тому, что бугорчатка преждевременно уноситъ въ могилу столько человѣческихъ жертвъ. «Если серьезность болѣзни,—говоритъ берлинскій докторъ Кохъ,—можетъ быть измѣрена количествомъ ея жертвъ, то изъ всѣхъ ужасныхъ бичей, опустошавшихъ когда либо міръ, причисляя сюда чуму и холеру, самымъ безопаснымъ слѣдуетъ назвать тотъ, о которомъ мы говоримъ въ данную минуту. *Одна седьмая* изъ человѣческихъ смертей происходитъ отъ бугорчатки, и отъ этой же болѣзни гибнетъ цѣлая треть людей, умирающихъ въ среднемъ возрастѣ». Въ заключеніе нашего обзора еврейскихъ діетическихъ законоположеній приводимъ выдержку изъ любопытной брошюры д-ра Беренда:

«Я положительно склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что необыкновенная тщательность, съ которой производится осмотръ мясныхъ тушъ въ еврейскихъ общинахъ, является главной причиной долговѣчности этой націи, а также и того, что ей почти неизвѣстны такія болѣзни, какъ бугорчатка, чѣмъ въ настоящее время возбуждаются особенное вниманіе и любопыт-

ство. Хотя принимаемыя евреями предохранительныя мѣры и не могли привести къ непосредственнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ на безчисленныя поколѣнія весьма ощутительно и выразилось какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ совершенствованіи всего народа, что, въ связи съ его стойкостью, рѣдкимъ единодушіемъ и мужествомъ, по мнѣнію Гете, даетъ ему право занять одно изъ первыхъ мѣстъ между другими націями».

Теперь приступимъ къ рассмотрѣнію гигиеническихъ предписаній, предохраняющихъ здоровье отъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ вліяній. Предписанія эти также отличаются большою подробностью и ясностью изложенія. Въ Моисеевыхъ постановленіяхъ относительно чистоты предусматриваются всевозможные случаи и обстоятельства изъ обыденной жизни. Безпрестанно повторяется внушеніе такого рода — «онъ долженъ омывать въ водѣ свое тѣло»,—и не одно только тѣло, но и одежду, и домашнюю утварь, и все, къ чему человѣкъ прикасается въ нечистомъ состояніи. Одинъ изъ современныхъ писателей весьма справедливо замѣчаетъ, что «въ прежнихъ еврейскихъ общинахъ трудно было найти человѣка, который не считалъ бы своимъ долгомъ произвести въ теченіи недѣли самое тщательное омовеніе и чистку въ своемъ жилищѣ». Во времена Моисеевы чистота считалась величайшей добродѣтелью, приближающею человѣка къ Богу, между тѣмъ какъ въ Европѣ, въ сравнительно недавній еще періодъ, высказывались и примѣнялись на практикѣ совершенно противоположные взгляды относительно необходимости чистоты. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ средніе вѣка евреи, благодаря своимъ частымъ омовеніямъ, не говоря уже о природной крѣпости ихъ организмовъ, далеко не такъ часто дѣлались жертвами эпидемическихъ болѣзней, какъ другіе народы. Не только монахи старались выразить сердечное сокрушеніе о своихъ грѣхахъ тѣмъ, что рѣшительно игнорировали мыло и воду, но и свѣтское общество чувствовало, повидимому, природное отвращеніе къ процессу омовенія.

Возмутительная неопрятность, въ которой тогдашнее общество находило особенное удовольствіе жить, доходила, пови-

димому, до чудовищныхъ размѣровъ, если принять во вниманіе, что даже богатые и высокопоставленные люди нерѣдко были засѣдаемы насѣкомыми. Тандонъ въ своей «Zoologie Medicale», составилъ списокъ историческихъ лицъ,—въ которомъ фигурируютъ такія имена, какъ Филиппъ II испанскій, кардиналъ Дюпра и епископъ Фуко,—жестoko поплатившихся за свою нечистоплотность. Сущность Моисеевыхъ предписаній относительно чистоты до сихъ пиръ исполняется евреями. Намъ не разъ приходилось слышать совершенно справедливое замѣчаніе, что отдаленныя городскія улицы и переулки, занимаемыя евреями, имѣютъ гораздо болѣе опрятный видъ, чѣмъ такіе же отдаленные переулки и улицы, населенные жителями другихъ національностей. Причина этого объясняется тѣмъ, что евреи никогда не возлагали на городскихъ властей заботу объ очищеніи ихъ жилищъ, такъ какъ значеніе санитарныхъ мѣръ извѣстно имъ со временъ Моисеева законодательства.

Считаемъ излишнимъ подробно перечислять гигиеническія статьи этого законодательства, тѣмъ болѣе, что евреи долгое время были лишены возможности извлекать изъ нихъ существенную пользу для себя посредствомъ примѣненія ихъ на практикѣ; но и въ той мѣрѣ, въ какой онѣ соблюдались, онѣ оказали свое благотворное дѣйствіе, проявившееся въ томъ, что евреямъ даже въ самые тяжелые періоды ихъ національной жизни неизвѣстны были зимотическія болѣзни. Несомнѣнная важность еврейской гигиенической системы вполне признана и засвидѣтельствована *д-ромъ* Карпентеромъ—въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ собраніи санитарнаго конгресса, происшедшемъ въ Брайтонѣ въ 1881 г. «Выполненіе санитарныхъ предписаній, содержащихся въ законѣ Моисеевомъ,—говорится въ докладѣ *д-ра* Карпентера,—составляетъ необходимое условіе для поддержанія общественнаго здравія и для успѣшной борьбы съ зимотическими болѣзнями. Если бы предписанія эти выполнялись всѣми классами, то смертные случаи отъ зимотическихъ болѣзней не занимали бы такого огромнаго мѣста въ нашемъ скорбномъ спискѣ, какое имъ отводится въ настоящее время».

Нравственныя преимущества евреевъ также являются непосредственнымъ результатомъ ихъ законодательства. Но мы вда-

лись въ такія подробности при разсмотрѣніи физической стороны этого законодательства, что считаемъ неумѣстнымъ слишкомъ долго останавливаться на обзорѣ его нравственнаго кодекса, какъ потому, что это придадо бы нашей статьѣ слишкомъ большіе размѣры, такъ и потому, что сказанное нами бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на практическій по самому существу своему характеръ еврейства. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что сдѣлаемъ здѣсь лишь общіе выводы. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что нравственный кодексъ еврейскаго законодательства имѣетъ тѣсную связь съ физическимъ не только по строгости своего направленія, но и по руководящему принципу. Въ основѣ нравственнаго кодекса лежитъ вполне ясное сознание преобладающей важности естественнаго закона, иначе называемаго высшей справедливостью, вслѣдствіе чего онъ весь проникнутъ тѣмъ же духомъ неподкупной и непогрѣшимой справедливости. Онъ не только учитъ божественной заповѣди «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя», но предписываетъ и о безсловесныхъ животныхъ заботиться какъ о самомъ себѣ. Человѣку вмѣняется въ обязанность дать отдыхъ своимъ домашнимъ животнымъ, не обременять ихъ непосильной работой, давать имъ хорошій кормъ и удобное помѣщеніе и слѣдить за тѣмъ, чтобы они не подвергались дурному обращенію. Ему строго воспрещается травить или мучить даже дикихъ звѣрей ради своей потѣхи, и въ то же время ему предписывается, при закалываніи скота, предназначаемаго для его потребленія, принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы смерть не сопровождалась продолжительными мученіями, но по возможности наступала моментально. Ему безпрестанно напоминаетъ, что онъ долженъ прежде всего выполнять возложенныя на него обязанности, а не предъявлять присвоенныя имъ себѣ права. Составляя часть одного великаго цѣлаго, онъ обязанъ нести на себѣ отвѣтственность, вытекающую изъ самаго его положенія. Подобно тому, какъ естественный законъ, научая человѣка обращать въ свою пользу дары Божіи,—не впадая, однако, ни въ какія крайности,—въ то же время даетъ ему ясно понять, что онъ имѣетъ въ виду не благо одного отдѣльнаго лица, но ту идею, въ силу которой каждое отдѣльное лицо является отвѣтствен-

нымъ передъ обществомъ и передъ потомствомъ,—нравственный законъ, съ своей стороны, указываетъ ему на неразрывную цѣпь, связывающую родъ человѣческой со всѣми Божіими созданіями, и повелѣваетъ ему дѣлать какъ можно болѣе добра не для того, чтобы обезпечить для себя лично блаженство въ загробной жизни, но для того, чтобы возвысить общій уровень благосостоянія въ этомъ мірѣ. Изъ этого идеала справедливости вытекаетъ, какъ въ области гражданскаго, такъ и въ области уголовнаго права, законъ объ искупленіи и о возмездіи за совершенное преступленіе, идущій совершенно въ разрѣзъ съ христіанскимъ ученіемъ о раскаяніи, въ основѣ котораго лежитъ христіанскій идеалъ милосердія. Но въ этомъ случаѣ еврейскій законъ стремится только не впасть въ неизбежное противорѣчіе самому себѣ. Такъ, съ точки зрѣнія закона, простить доказанное преступленіе—значило бы погрѣшить противъ справедливости, но принять во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, если таковыя имѣются, и при случаѣ отступить отъ буквы закона, не только не будетъ нарушеніемъ справедливости, но, напротивъ, послужитъ къ поддержанію ея. Въ политическомъ отношеніи еврейскій идеалъ справедливости возведенъ на степень демократическаго принципа. Всѣ пользуются одинаковыми правами, и всѣ равны передъ закономъ. Даже духовное лицо, по словамъ Дармстетера, есть не болѣе, какъ человекъ, *отправляющій богослуженіе*. Примѣненіе на практикѣ такого исключительнаго законодательства не могло не повліять благотворнымъ образомъ на нравственную сторону еврейскаго народа. Въ то время, какъ другія религіозныя системы стремились провести неприменимыя къ жизни правила, еврейство слѣдовало ученію практическаго и ясно опредѣленнаго закона, предписывавшаго ему минимумъ тѣхъ обязанностей, отъ исполненія которыхъ онъ не могъ уклониться, но въ то же время не препятствовавшаго ему стать выше того мѣста, которое ему было показано.

Замѣчательно то, что современные евреи обязаны своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ не столько спеціальнымъ законамъ объ образованіи, сколько тѣмъ мѣрамъ, которыя принимались для того, чтобы основныя черты Моисеева законода-

тельства прививались въ массахъ не инстинктивнымъ, но вполне сознательнымъ путемъ. Изученіе Моисеева закона не было затемняемо тѣми недомолвками и уклоненіями въ сторону, къ которымъ прибѣгали другія религиозныя системы для того, чтобы подавить духъ пытливости. «Законъ Моисеевъ,—говоритъ Исаакъ Дизраелли въ своемъ сочиненіи «Геній Еврейства»,—не можетъ подвергнуться забвенію до тѣхъ поръ, пока принципъ еврейства не утратитъ своего дѣйствія на народъ, потому что онъ въ самомъ себѣ почерпаетъ силу для обновленія. Онъ является не мертвой книгой на застѣжкахъ, служащей только для справокъ административнымъ властямъ, но составляетъ достояніе всего народа, который свободно передаетъ его другъ другу». Причина такой популярности Моисеева закона, по всей вѣроятности, происходитъ вслѣдствіе его демократическаго направленія, въ силу котораго еврейскіе священнослужители не пользовались никакой властью, и такимъ образомъ, живя одной жизнью и одними интересами съ народомъ, они были вполне ему доступны. Сверхъ этого, въ законѣ Моисеевомъ нѣтъ ничего такого, чего каждый не могъ бы понять съ перваго раза. Онъ представляетъ простое руководство къ жизни, съ рядомъ поучительныхъ совѣтовъ, которые имѣютъ цѣлью предохранить человѣка отъ разныхъ невзгодъ и за исполненіе которыхъ обѣщается естественная награда—счастливая и долгая жизнь. Ученіе это было такъ просто, что ему нечего было опасаться народной пытливости, потому что оно отъ этого могло скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; по этой же самой причинѣ изреченія такого рода—«старательно поучай ему своихъ дѣтей» и «повторяй его, когда ты сидишь у себя дома, и когда находишься въ пути, и когда ложишься спать, и когда встаешь съ постели»—получали такое широкое распространеніе въ дѣлѣ народнаго развитія и образованія его національнаго характера. Такимъ образомъ, внимательное изученіе закона Моисеева, совмѣщавшаго въ себѣ всю суть житейской мудрости, весьма рано вызвало у евреевъ потребность въ публичныхъ школахъ, къ удовлетворенію которой они стремились всѣми зависящими отъ нихъ средствами, и результатомъ этого было то, что девятнадцать столѣтій тому назадъ

евреи по своей образованности могли стать наряду съ самыми цивилизованными народами; въ этотъ періодъ, по настоянію раввина Іосуа бенъ Гамала, образованіе сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, вслѣдствіе чего во всѣхъ городахъ Іудеи были заведены публичныя школы, которыя дѣти всѣхъ еврейскихъ жителей безъ исключенія должны были посѣщать.

Этимъ выводомъ мы можемъ закончить проводимую нами параллель между явленіями современной еврейской жизни и практическимъ примѣненіемъ Моисеева ученія. Намъ кажется, что мы можемъ теперь считать доказаннымъ, что мнѣніе профессора Гольдвина Смита относительно того, что еврейство почерпало и до сихъ поръ почерпаетъ всю свою силу изъ своей законодательной системы, вполнѣ вѣрно; но, сверхъ того, для насъ очевидно также и то, что система эта не только не заслуживаетъ порицанія м-ра Смита, но, напротивъ, должна быть признана въ высшей степени рациональной и, по своему руководящему принципу и ползнымъ результатамъ, заслуживающей весьма серьезнаго вниманія. Изъ сказаннаго здѣсь ясно также, что преобладающее между христіанами мнѣніе, что вопросъ о еврействѣ долженъ въ настоящее время отойти на послѣдній планъ на томъ основаніи, что оно представляетъ лишь смертныя останки первобытнаго міра, — лишено всякаго основанія и фактически опровергается всѣми явленіями дѣйствительной жизни.

Но законодательство служитъ выраженіемъ лишь внѣшней стороны еврейскаго принципа, для уясненія котораго мы считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ. Если бы такъ часто высказываемое мнѣніе относительно того, что на еврейство слѣдуетъ смотрѣть какъ на великую духовную религію, положившую основаніе христіанской, было справедливо, то законодательство его, проникнутое отъ начала и до конца матеріальными тенденціями, составляло бы рѣзкое противорѣчіе ему, изъ чего слѣдуетъ, что законодательство это не могло быть плодомъ духовной системы, и такимъ образомъ намъ приходится остановиться на одномъ изъ двухъ выводовъ: или въ основѣ еврейскаго законодательства лежитъ не та идея, на которую указываетъ въ Пятикнижій, или же идея эта неправильно понята большинствомъ. Мы предполагаемъ послѣднее и

повторяемъ, что Моисеево ученіе представляетъ въ высшей степени рациональную систему; это мы и попытаемся доказать здѣсь.

«Матеріальный оптимизмъ», духомъ котораго проникнуто все Моисеево законодательство, уже самъ по себѣ служить подтвержденіемъ рациональности еврейскихъ теорій. Но это не единственный нашъ аргументъ, и намъ нѣтъ надобности слишкомъ долго останавливаться на немъ. Внимательный обзоръ Пятикнижія также представляетъ многіе доводы въ пользу нашего мнѣнія. Относительно составленнаго имъ понятія о Богѣ и своихъ взглядовъ на житейскія задачи, Пятикнижіе высказывается въ весьма категорическихъ и ясныхъ выраженіяхъ. Въ первомъ случаѣ, въ видахъ предохраненія евреевъ отъ идолопоклонства, оно рѣшительно отвергаетъ все то, что противорѣчить основной и логически проведенной имъ идеѣ о единствѣ божества; во второмъ же—признавая предѣлы, за которые не можетъ перейти человѣческое знаніе, оно не стремится къ рѣшенію тѣхъ задачъ, которыя считаетъ непостижимыми для ума человѣческаго. Это открыто высказываемое убѣжденіе, что знаніе человѣческое не можетъ проникнуть за предѣлы видимаго міра, составляетъ, по нашему мнѣнію, основную идею еврейства. Первымъ и прямымъ послѣдствіемъ этой идеи является представленіе о божествѣ, какъ чисто отвлеченное, этическое понятіе, олицетворяемое принципомъ нравственности и справедливости, который неизбѣжно приводитъ къ общественному благосостоянію; вторымъ ея логическимъ послѣдствіемъ было ученіе, что временное счастье должно составлять всю цѣль жизни и руководить всѣми поступками человѣка, которые должны быть согласованы съ требованіями справедливости.

Чисто этическій характеръ Моисеевой идеи о Богѣ находится въ тѣсной связи со всѣмъ, что есть систематическаго въ ученіи Пятикнижія. Профессоръ Уэльгаузенъ, одинъ изъ самыхъ любознательныхъ современныхъ библейскихъ критиковъ, обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство. Вотъ какія соображенія высказываетъ онъ по этому поводу въ своей статьѣ, напечатанной въ «Encyclopaedia Britannica»:

«Религіозный отправной пунктъ въ израильской исторіи за-

мѣчательнѣе не по своей новизнѣ, но по своему нормальному характеру. У всѣхъ первобытныхъ народовъ древности предполагаемая связь между Богомъ и людьми — другими словами, религія—служить основой для закона и нравственности; но ни у одного изъ нихъ эта предполагаемая связь не проявляется въ такой чистотѣ и съ такой силой, какъ мы видимъ то у израильтянъ. Вездѣ, гдѣ Ягова является въ приписываемомъ Ему еществѣ—въ громѣ и молніи—Онъ представляется *существомъ таинственнымъ и непостижимымъ для пониманія слабого ума человеческаго*. Все, что дѣлается въ мірѣ, совершается одной Его волей. Такимъ образомъ, религія дѣлаетъ не людей участниками въ божественной жизни, но, напротивъ, приписываетъ божеству участіе въ человеческой жизни и, въ силу этого понятія, границы жизни не суживаются, но расширяются. Такъ называемая «исключительность» израильской идеи о Богѣ въ дѣйствительности составляла настоящую силу израильской религіи, *которая, не будучи датемняема ни къ чему не ведущимъ мифологическимъ ученіемъ, могла свободно проводить въ жизнь свои нравственныя тенденціи, которыя могутъ быть приемыслями лишь въ болѣе или менѣе опредѣленной сферѣ*. Какъ Богъ націй—Ягова считался Богомъ справедливости и истины; *какъ Богъ справедливости и истины—Онъ считался верховной и единственною властью на землѣ и на небѣ*.

Приведенная нами выдержка вполнѣ ясно выражаетъ нашу мысль. Мы воспользовались этимъ строго обдуманнѣмъ сужденіемъ челоука, посвятившаго почти всю свою жизнь на собираніе и изученіе историческихъ матеріаловъ,—во избѣжаніе случайныхъ повторовъ и ссылокъ на тексты. Теперь мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что не разъ высказываемое предположеніе относительно того, что еврейскій законодатель не случайно, но вполнѣ сознательно и обдуманно умалчиваетъ о загробной жизни,—очевидно раздѣляется и профессоромъ Уэльгауеномъ, не менѣею, котораго этотъ вопросъ былъ отнесенъ къ числу *непостижимыхъ для пониманія слабого ума челоука*. Въ концѣ XXX главы Второзаконія, вопросъ этотъ поставленъ такъ, что не допускаетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Даже изъ неточнаго перевода стиха, о кото-

ромъ идетъ рѣчь, ясно видно, что законъ Моисеевъ имѣеть въ виду однѣ мірскія цѣли и направленъ исключительно къ увеличенію благосостоянія народа. Онъ не поднимаетъ никакихъ вопросовъ о безсмертіи и предлагаетъ только выборъ между «добромъ и жизнью, зломъ и смертью». Законъ этотъ обязательно исполнять, потому что, только благодаря этому, «ты будешь жить и размножаться», въ противномъ же случаѣ, «вы навѣрно погибнете», то-есть, «дни ваши не будутъ продолжены на землѣ», какъ то прибавлено въ видѣ поясненія. Точно также, въ воззваніи къ людямъ, въ которомъ повелѣвается «любить Господа Бога твоего» и «повиноваться голосу Его», нигдѣ не говорится, что мы должны видѣть въ Немъ источникъ духовной жизни, но сказано только: «въ Немъ твоя жизнь и продленіе твоихъ дней». Короче говоря, дойдя до убѣжденія, что міръ управляется посредствомъ никогда не измѣняющагося закона, а не посредствомъ безпрестаннаго вмѣшательства божества, Моисей внесъ въ основу своего ученія принципъ обоготворенія этого самаго закона или справедливости, какъ высшей силы, недоступной для человѣческаго пониманія. Такимъ образомъ, евреи не только не могли дѣлать себѣ никакихъ представлений о будущей жизни, но у нихъ не могли даже возникать никакіе вопросы по этому поводу, какъ въ виду ихъ неразрѣшимости, такъ и потому, что они должны были имъ казаться совершенно праздными. Сверхъ того, законодатель былъ такъ предусмотрителенъ, что, понимая весь нравственный вредъ, происходящій отъ суевѣрія, онъ предписалъ строгія мѣры, въ видахъ искорененія предсказаній, колдовства и обмановъ всякаго рода, могущихъ подорвать вѣру человѣка въ свои силы, поселивъ въ немъ убѣжденіе въ существованіи дьявола и въ роковомъ его впливѣ на судьбу людей. Съ этой стороны на характеръ Моисеева ученія проливается новый свѣтъ, въ силу заключенія, къ которому пришли библейскіе критики школы Лейдена, доказывающіе, что Моисеевъ законъ относится къ болѣе позднему періоду, чѣмъ время пророчества. Этотъ новый взглядъ на еврейскую исторію, по всей вѣроятности, не будетъ пропущенъ безъ вниманія учеными специалистами, тѣмъ болѣе, что онъ вполне согласуется съ весьма рациональными мнѣніями относительно

ослабленія спиритизма, которыя оставляютъ въ сторонѣ совершенно невѣроятное предположеніе, что спиритизмъ былъ плодомъ Моисеева ученія.

Такимъ образомъ, существенное различіе между еврействомъ и христіанствомъ состоитъ въ томъ, что первое учитъ человека—какъ жить, а второе—какъ умирать. Еврейство говоритъ о счастіи, доставляемомъ временной жизнью, и высшимъ своимъ идеаломъ считаетъ «продленіе дней». Христіанство же указываетъ на суетность всего земного и смотритъ на жизнь, какъ на приготовленіе къ переходу въ лучший міръ. Но такъ какъ практическія тенденціи современныхъ христіанъ діаметрально противоположны этому ученію, то для всякаго очевидно, что они являются не такъ хорошо вооруженными для борьбы за житейскія блага, какъ ихъ религіозные противники, которые въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ смотрятъ на достиженіе этого рода счастія, какъ на главную цѣль жизни. И такъ, мы видимъ, что еврейство, какъ матеріалистическое ученіе, почерпаетъ въ самомъ себѣ свою физическую силу, и если сила эта до сихъ поръ обнаруживалась въ сравнительно малыхъ размѣрахъ, то причина заключается въ томъ, что христіане, благодаря своему численному превосходству и въ противность руководящему принципу ихъ религіи, подавляли всякое проявленіе ея. Но тѣ насильственные мѣры, которыя принимались съ цѣлью подавленія еврейства, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать дѣйствительнымъ торжествомъ надъ нимъ.

Явное отступленіе христіанъ отъ высокаго идеала братской любви къ людямъ, проявившееся въ преслѣдованіи евреевъ, служить нагляднымъ доказательствомъ ихъ неуваженія къ основному принципу ихъ религіи. Сверхъ этого, самое преслѣдованіе, поощряемое церковью подъ тѣмъ предлогомъ, что оно было наказаніемъ за упорную ересь, на самомъ дѣлѣ походило не на наказаніе, но на крайне предосудительную—и притомъ совершенно бесплодную—вспышку гнѣва, въ виду упорной и неистижимой живучести еврейства. Преслѣдованіе это ничуть не умалило силу еврейства, которая и до сихъ поръ осталась такой же устойчивой и непоколебимой, какой она была въ то время, когда евреи, одинъ изъ современныхъ имъ націй, отказывались

безусловно подчиниться возрастающему могуществу римлянъ, преклонившись предъ ихъ богомъ Юпитеромъ. Римская имперія пала, капитолійскій богъ давно свергнутъ съ своего пьедестала и разбитъ въ дребезги ударами всеокрушающаго времени, а еврейство продолжаетъ свое существованіе. Можно-ли допустить, чтобы оно, будучи неподвижной и непронизительной силой, могло устоять противъ всѣхъ историческихъ переворотовъ? Подобное явленіе, по нашему мнѣнію, было бы противорѣчіемъ всѣмъ естественнымъ законамъ, и съ своей стороны мы можемъ указать только на тотъ фактъ, что внимательное изученіе историческихъ данныхъ доказываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ исчезли миеологическія вѣрованія, характеризующія древній міръ, еврейство молча, но неуклонно стремилось къ одной цѣли—распространить на все человѣчество блага своего исключительно практическаго ученія.

Люсьенъ Вольфъ.

АББА ГЛОСКЪ.

(ОДИНЪ ИЗЪ ПИОНЕРОВЪ РУССКО-ЕВРЕЙСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ
ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ).

Er hat des Wortes Fessel gesprengt mit Geisteskraft,
Er hängt an Guten, Wahren so recht mit Leidenschaft,
Er sprühet Lichtgedanken so machtvoll vor sich hin
So eignen Reiz verleiht ihm heitrer, froher Sinn.

Adalbert v. Chamisso.

На этотъ разъ я хочу посвятить нѣсколько словъ памяти чело-
вѣка, который соорудилъ себѣ «памятникъ нерукотворный» не
литературными произведениями, не продуктами своего пера, а
только своимъ самоотверженіемъ и тѣмъ «страстнымъ исканіемъ
истины, которое отличало всѣхъ первыхъ провозвѣстниковъ но-
вой просвѣтительной эры въ жизни русскаго еврейства. Не дли-
ненъ и не новъ будетъ мой рассказъ. Я намѣренъ въ краткихъ чер-
тахъ сказать кое-что о мало-извѣстномъ въ русско-еврейской литера-
турѣ польскомъ выходцѣ *Аббѣ Глоскѣ*, о которомъ, какъ бы нехотя,
всюмѣзь упомянулъ извѣстный историкъ Гретцъ, почему-то не-
дружелюбно относящійся ко всѣмъ литовскимъ и польскимъ смѣль-
чакамъ-реформаторамъ, дерзнувшимъ явно выступить противъ ре-
лигіозныхъ предубѣжденій своихъ единовѣрцевъ. Какъ извѣстно,
еще задолго до Мендельсона, отца новаго еврейскаго просвѣщенія,
среди евреевъ было немало людей свободомыслящихъ, въ душѣ
не раздѣлявшихъ предрасудковъ окружающей ихъ среды, кото-
рымъ, однако, вслѣдствіе стеченія неблагоприятныхъ обстоя-
тельствъ, не удалось осуществить на дѣлѣ свои завѣтныя мечты
и сдѣлать рѣшительный шагъ въ просвѣтительномъ, реформатор-
скомъ направленіи. Всѣ эти таѣные новаторы были мучениками

своихъ идей, которыя нѣкомъ образомъ не могли встрѣтить сочувствія при тогдашнемъ умственномъ состоянїи евреевъ; въ своей вѣчной погонѣ за правдой, они сами не сознавали, что въ *самомъ* исканїи дорогой ихъ сердцу правды скрывается великій залогъ счастья для будущаго потомства,—счастья, о которомъ они имѣли еще очень смутное понятіе. Участь этихъ еврейскихъ пионеровъ, въ особенности въ восточныхъ странахъ Европы, была далеко не изъ завидныхъ. Гонимые за вольнодумство на родинѣ, они не пользовались особеннымъ почетомъ и въ своемъ новомъ отечествѣ—Германїи, въ столичномъ городѣ Берлинѣ, куда они обыкновенно стекались, какъ къ главному центру тогдашняго еврейскаго просвѣщенія. Однимъ изъ этихъ пионеровъ былъ и Абба Глоскъ. По мнѣнїю нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, онъ былъ родомъ изъ Люблина, гдѣ онъ жилъ въ предмѣстьѣ Глоскъ, по которому и получилъ свое прозвище *. По примѣру Соломона

* Относительно мѣстоороженія Аббы Глоска существуютъ различныя мнѣнія. Есть предположеніе, что онъ былъ родомъ изъ Глуска, уѣзднаго городка Минской губерніи, и что въ лицѣ аврейскаго мыслителя, воспитанаго Шамиссо, слѣдуетъ видѣть свободомыслящаго проповѣдника (магид) Авраама изъ Глуска, сочиненія котораго преданы были огню на свѣтагельномъ дворѣ въ Вильнѣ, а самому ему удалось бѣжать, благодаря заступничеству виленскаго гаона р. Ильи Вильнера. Въ біографіи виленскаго гаона *מלך המלכות* находится письмо раввина Мекленбурга, въ которомъ говорится объ экзекуціи, которой будто бы былъ подвергнутъ Соломонъ Маймонъ за рѣзкій отвѣтъ въ одномъ изъ религиозныхъ диспутовъ. Но объ этомъ не упоминается въ автобіографіи Маймона, который, какъ извѣстно, по оставленїи родины, не возвращался больше въ Россїю, а авторъ, какъ видно, перепуталъ событія, и фактъ, совершившійся съ Глоскомъ, приписываетъ Маймону, гораздо болѣе популярному среди евреевъ, такъ какъ сочиненія Глоска на самомъ дѣлѣ всѣ были уничтожены. См. ежемѣсячный еврейскій журналъ «*HaKarmel*», ст. 234—235, 462. Вильна, 1871 г. О фактѣ сожженія *тринадцати* сочиненій Глоска говоритъ и Шамиссо въ лицѣ героя своей поэмы, въ слѣдующихъ двухъ куплетахъ.

Und dreizehn Bücher hatt'ich verfast mit allem Fleis,
Die Bücher sie enthielten das Beste, was ich weis,
Zu Wilna ol da waren fast grausam allzusehr
Die Aeltesten des Volkes, wie nirgend anders mehr.
Sie haben meine Bücher zerissen insgesamtt,
Und haben zu den Flammen sie ungehört verdammt,
Sie schlichteten den Holzstos beim alten Apfelbaum
Vor ihrer Synagoge im innern Hofraum.

Маймона, Израила Замосца и нѣкоторыхъ другихъ еврейскихъ корифеевъ, онъ самъ, безъ всякаго толчка извнѣ, набрелъ на путь истины и началъ расширять свой умственный кругозоръ изученіемъ средневѣковой еврейской философіи. Вслѣдствіе разрыва съ нѣкоторыми традиціями ветхозавѣтнаго еврейства, поведеніе Глоска показалось страннымъ его польскимъ собратьямъ, которые систематически начали его преслѣдовать за вольнодумство и малѣйшее отступленіе отъ всего завѣщаннаго предками и освященнаго обычаями и вѣками. Подвергаясь частнымъ гоненіямъ и незаслуженнымъ упрекамъ, Глоску жизнь на родинѣ стала не въ терпезь; онъ долженъ былъ оставить Польшу, которая тогда не была еще подготовлена для воспріятія благотворныхъ сѣмянъ европейской культуры. Странствуя по разнымъ городамъ, онъ наконецъ очутился въ Берлинѣ, куда, какъ мы уже сказали, обыкновенно стекались всѣ жаждущіе и алчущіе свѣта знанія.

Однажды Мендельсонъ, возвращаясь домой съ утренней прогулки, встрѣтилъ на улицѣ одѣтаго въ ветхое рубище еврея, въ которомъ не трудно было узнать польскаго уроженца. Еврейскій философъ протянулъ руку въ карманъ и хотѣлъ подать монету нищему, который былъ никто иной, какъ Абба Глоскъ; но тотъ отказался отъ сильной помощи. Къ вечеру Мендельсонъ опять столкнулся лицомъ къ лицу съ Глоскомъ, который на этотъ разъ загородилъ ему дорогу.

— Чего хочешь, милый, — спросилъ его нѣсколько обиженно Мендельсонъ, — вѣдь ты отвергаешь мою помощь?

— Не милостыни прошу я, — сказалъ ему Глоскъ въ отвѣтъ. — Я имѣю только желаніе поучиться у тебя и наслаждаться рѣчами устъ твоихъ.

— Въ такомъ случаѣ иди за мной, въ мой домъ, гдѣ я охотно готовъ подѣлиться съ тобой своей скромной трапезой и умственной пищей.

Познакомившись ближе съ Глоскомъ, Мендельсонъ открылъ въ немъ глубокаго мыслителя, отличавшагося въ своихъ посылкахъ и умозаключеніяхъ ясностью изложенія и строгой логической послѣдовательностью. Онъ полюбилъ отъ души польскаго выходца, которому старался всячески покровительствовать, не смотря на всѣ попреки, какіе ему приходилось выслушивать за это отъ

своихъ друзей и знакомыхъ *. Далекое не таково было отноше-
 ние къ нему богатыхъ берлинскихъ заправиль и старѣйшинъ
 мѣстной еврейской общины. Не отличаясь вѣротерпимостью вообще,
 они въ особенности старались мстить польскимъ евреямъ-вольно-
 думцамъ, которые высказывали свои убѣжденія явно, не маски-
 руясь подъ личиной вѣшняго благочестія. Самъ Мендельсонъ
 избѣгнулъ неприятныхъ съ ними столкновений только тѣмъ, что воз-
 держивался отъ всякихъ религиозныхъ споровъ и велъ жизнь, строго
 согласную съ преданіемъ. Имъ тѣмъ болѣе легко было осуще-
 ствить на дѣлѣ свою затаенную злобу къ польскимъ евреямъ-
 эмигрантамъ, что и государственный законъ былъ на ихъ сторонѣ.
 Какъ извѣстно, по законамъ Фридриха Великаго, правомъ жи-
 тельства въ Берлинѣ изъ евреевъ пользовались только коренные
 жители, т. е. мѣстные уроженцы и ихъ служители. Такимъ слу-
 жителемъ долгое время былъ Мендельсонъ, и благодаря лишь
 хлопотамъ маркиза d'Argens, онъ началъ пользоваться правами
 свободного гражданина. На основаніи этого закона, въ одно пре-
 красное утро одинъ изъ берлинскихъ заправиль, въ сопровожде-
 нии двухъ полицейскихъ комиссаровъ, явился въ убогое жилище

* Однимъ изъ ярыхъ противниковъ Глоска былъ извѣстный раввинъ и талму-
 дическій корифей Яковъ Энденъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ упрекалъ
 Мендельсона въ томъ, что онъ пріютилъ въ своемъ домѣ «злую собаку». Во время
 своей религиозной распри съ не менѣе извѣстнымъ раввиномъ Ионатаномъ Эйбе-
 шютцомъ, Энденъ, жившій тогда въ Альтонѣ, обладая значительными матеріаль-
 ными средствами, обзавелся собственной типографіей, помѣщавшейся въ верхнемъ
 этажѣ его дома. Въ этой типографіи онъ печаталъ исключительно свои собствен-
 ныя сочиненія, направленные противъ его религиозныхъ противниковъ. Между
 посѣтителями Эндена оказался свободомыслящій Глоскъ, который нѣсколько
 проницательно относился къ его затѣямъ. Поведеніе Глоска не понравилось строгому
 Эндену, который въ порывѣ гнѣва столкнулъ его однажды съ лѣстницы. Сохранивъ
 спокойствіе духа и не потерявъ равновѣсія, Глоскъ пропѣлъ синогогальной
 мелодіей слѣдующій стихъ, въ которомъ косвенно досталось Эндену. Стихъ этотъ
 мы приводимъ въ библейскомъ подлинникѣ, такъ какъ онъ не поддается переводу.

קדוש אדיר בעלותו
 לכה ארה לי יעקב
 ולכה זעמה ישראל
 ואלהי ישראל יחסך הקללה לברכה
 הכי קרא לו יעקב כי הנדיל עלי עקבו

См. статью М. Лерериса въ еврейской газетѣ. «Намагид». Годъ XXI, № 7.

Глоска съ официальнымъ приказомъ объ оставленіи имъ столицы. Къ его услугамъ стояла наготовѣ и почтовая кибитка, предназначенная для препровожденія Глоска со всѣмъ его домашнимъ скарбомъ за черту столицы. Положеніе Глоска сдѣлалось безвыходнымъ. Напрасно онъ умолялъ жестокосердаго представителя общины: тотъ остался глухимъ ко всѣмъ его просьбамъ и мольбамъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ дѣйствуетъ на основаніи предписанія и буквы закона. Находясь въ полнѣйшемъ отчаяніи, Глоскъ, однако, не растерялся окончательно и выпросилъ свиданія съ своимъ другомъ Мендельсономъ, съ которымъ онъ хотѣлъ проститься въ послѣдній разъ, что ему и было предоставлено. Сжалившись надъ несчастнымъ философомъ-бѣднякомъ, Мендельсонъ выхлопоталъ у своей патронессы—вдовы Бернардъ, стоявшей тогда во главѣ одной крупной торговой фирмы, письменное удостовѣреніе въ томъ, что она приглашаетъ къ себѣ Глоска въ качествѣ преподавателя талмуда и еврейскихъ предметовъ къ ея сыновьямъ, что и дало ему возможность жить въ Берлинѣ. Пристыженный глава вмѣстѣ съ полицейскими агентами должны были отпустить на свободу обрадованнаго Глоска, не приведя въ исполненіе задуманнаго ими плана. Не довольствуясь, однако, этимъ, берлинскіе начальники, въ отместку Глоску, на другой день представили ему счетъ, по которому потребовали отъ него уплаты нѣсколькихъ талеровъ, истраченныхъ ими на приготовленіе почтовой кибитки и на вознагражденіе полицейскихъ чиновъ. Разсмѣявшись надъ этимъ требованіемъ, Глоскъ разсказалъ имъ слѣдующій анекдотъ. «Вамъ извѣстно,—сказалъ онъ,—что въ Лембергѣ, по существовавшему тамъ обычаю, уличные мальчишки—воспитанники разныхъ духовныхъ школъ, при встрѣчѣ съ евреями, могли издѣваться надъ ними, бросать въ нихъ каменья, не подвергаясь за это никакому наказанію, такъ какъ, по взглядамъ представителей тогдашняго правосудія, подобная шалость не считалась преступленіемъ. Однажды мальчишекъ-забиякъ бросилъ камень не-впопадъ въ прохожаго еврея, который успѣлъ нагнуться, а камень, пролетѣвъ мимо, разбилъ окно въ домѣ одного изъ христіанъ. Домовладѣлецъ сильно разсердился, но вмѣсто того, чтобы наказать истиннаго виновника, предъявилъ къ проходившему еврею искъ о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ имъ за разбитое окно. Судья

нашелъ исвъ этотъ вполне правильнымъ и подлежащимъ удовлетворенію, такъ какъ главная цѣль мальчика была—только оскорбленіе еврея. И такъ, господа,—объяснилъ онъ свой анекдотъ,—если вы старались нанести мнѣ обиду, отъ которой я избавился только благодаря извѣстному степенію обстоятельствъ, то убытки за разбитое стекло должны терпѣть вы сами». Анекдотъ этотъ пришеде не понутру берлинскимъ самодурамъ, которые тогда оставили въ покоѣ ненавистнаго имъ польскаго еврея*.

Послѣ этого казуса Глоскъ не могъ, однако, мириться со своимъ положеніемъ. Находясь въ обществѣ Мендельсона, онъ увлекался отвлеченными разсужденіями на философскія темы, ударялся въ метафизику, забывая о насущныхъ потребностяхъ жизни. Червь сомнѣнія точилъ его постоянно; но главнымъ преступленіемъ ему казалось то, что онъ не могъ явно и открыто бичевать пороки своихъ единовѣрцевъ.

— Развѣ тебѣ не кажутся достаточными тѣ оскорбленія, которые ты выносишь отъ своихъ братьевъ?—спросилъ его однажды Мендельсонъ, желая его удержать отъ пропаганды свободныхъ религіозныхъ идей.

— Если ты станешь скрывать правду, а я тоже вооружусь терпѣніемъ и пройду молчаніемъ всѣ пошлыя явленія жизни, то кто же наконецъ станетъ наставлять нашихъ единовѣрцевъ и учить ихъ уму—разуму? отвѣчалъ онъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ погонѣ за правдой Глоскъ, однако, не нашелъ душевнаго спокойствія. По оставленіи Берлина, онъ странствовалъ по всей Германіи, былъ въ Голландіи, Франціи и Англии, перекочевывая съ одного мѣста на другое. Послѣ цѣлаго ряда скитаній по разнымъ концамъ Европы, онъ, разбитый нравственно и физически, возвратился опять въ Берлинъ, не имѣя даже приличнаго платья, чтобы прикрыть свое грѣшное тѣло. Не находя удовлетворенія среди своихъ европейскихъ братьевъ, не стумѣвшихъ оцѣнить его по заслугамъ, онъ возвратился на родину, въ свою негостепріимную Польшу, гдѣ затерялся безслѣдно среди сонма подобныхъ ему несчастныхъ мучениковъ. Нашелся только одинъ добрый человѣкъ—поэтъ-эмигрантъ Ша-

* См. Moses Mendelson und seine Familie v. Dr. A. Kohut, стр. 51.

миссо, оцѣнившій вполне душевныя качества Глоска, котораго онъ воспѣлъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи *.

Вникая въ жизнь и приключенія Глоска, нельзя не согласиться, что въ его судьбѣ есть много общаго съ богатою приключеніями жизнью поэта Эфраима Ку, который за то лишь, что родился въ Германіи, былъ превознесенъ даже такимъ строгимъ судьей какъ извѣстный историкъ Гретцъ, между тѣмъ какъ о Глоскѣ этотъ же историкъ выражается пренебрежительно и находитъ, что онъ былъ воспѣтъ Шамиссо не по заслугамъ **. Гораздо толерантнѣе въ этомъ отношеніи былъ другой, христіанскій, ученый, ректоръ вѣнскаго университета, профессоръ Циммерманъ. Въ одной изъ своихъ лекцій о новой философіи, Циммерманъ, отдавая должную дань Соломону Маймону, поминаетъ добрымъ словомъ и Глоска, который, подобно Маймону, весьма многому научился у Мендельсона, хотя въ печати не сохранилось ничего изъ его сочиненій. «Вполнѣ естественнымъ явленіемъ, — сказалъ онъ, — можетъ считаться то, что всякій и каждый, безъ различія вѣры и происхожденія, могъ рассчитывать на нравственную и матеріальную поддержку у незабвеннаго философа Мендельсона, послужившаго прототипомъ для Лессингова «Натана». Печально глядя на наше поколѣніе, — прибавимъ мы отъ себя, — слѣдуетъ только сожалѣть, что приходится указать на примѣры челоуѣколюбія, взятые изъ второй половины прошлаго столѣтія, между тѣмъ какъ въ настоящее много-хваленное просвѣщенное время нужно молить о томъ, чтобы чреватое благиими примѣрами *прошлое* было вмѣстѣ съ тѣмъ назидательнымъ урокомъ и для *будущаго*...

С. Станиславскій.

* Стихотвореніе Шамиссо переведено на еврейскій языкъ подъ названіемъ *הַרְרֵי הַבְּרִית* и напечатано въ цитированномъ нами еврейскомъ журналѣ «*HaKarmel*» за 1871 г. По мнѣнію магистра І. И. Гурианда, указаніями котораго, мы отчасти пользовались при составленіи настоящей статьи, вольный переводъ этотъ принадлежитъ перу покойнаго ученаго М. С. Страшна, который въ молодости пробавлялся поэзіей. Извѣстный нѣмецкій поэтъ Л. А. Франкъ помѣстилъ это стихотвореніе въ своемъ сборникѣ «*Libanon*», Вѣна, 1864.

** См. *Geschichte der Juden* v. H. Graetz, XI часть, стр. 30.

ПРЕДЪ ГРОЗОЮ.

(Посвящ. М. М. К—ву).

Кн. Максим. I, гл. II.

Свершилось...

—Восплачетъ и отрокъ, и дѣва

Въ день кары Господней, въ день Божьяго гнѣва...:

Дитя припадетъ къ материнской груди

И грудь ея съ воплемъ слезами омоетъ,

И старецъ главу свою пепломъ покроетъ

И вретичемъ ветхія чресла свои...

Не звуки свирѣли, не струны киннора,

Но стоны, но вопли стыда и позора

И жалобы жертвы, и крикъ палача

Подъ громъ колесницы, подъ лязги бича,

Подъ буйный раскаты безпощаднаго смѣха—

Разбудятъ въ ущельяхъ уснувшее эхо,

Домчатся къ народамъ, живущимъ вдали,

Съ полей и луговъ Иудейской земли“...

Свершилось! Настало!...

Какъ туча за тучей,

Войска Епифана идутъ.

Смерть вьется предъ ними змѣю гремучей,

Кровавыя рѣки за ними текутъ...

Прошли—и пустыней угрюмою стали,

Отъ края до края завѣтной земли,

Поля, что росую алмазною сверкали

И колосомъ сочнымъ таеъ пышно цвѣли;

Долины, гдѣ гулко звучали напѣвы

И, чуждые горя, заботъ и невзгодъ,

Цвѣтушіе отроки, юныя дѣвы

Водили кинучій, живой хороводъ...

Какъ быстро увяли вы, розы Сарона,

Умоляли Вассанскихъ лѣсовъ соловьи!

Гдѣ блескъ твой, краса твоя, храмъ Соломона?

Зачѣмъ не дыматся твои алтари?...
Свершилось!... Настало!...

Посоль Епифана

Идетъ къ алтарю дерзновенной столой...

Сыны Іудей, трусливой толпой

Склонясь передъ силой враждебнаго стана,

Покорно внимаютъ надменнымъ словамъ:

— „Забудьте завѣты свои вѣковые,

Съ дарами и жертвой идите въ нашъ храмъ,

Покорствуйте нашимъ богамъ, —

И грозной Элады мечи рововые

Вложу я въ стальные ножны.

Внемлите же мнѣ, Іудей сыны!

Спасите вашъ родъ отъ неволи позорной,
 Склонитесь, склонитесь главою покорной,
 И миръ и свободу я вамъ подарю! "...

И вотъ, изъ толпы выдѣлясь, къ алтарю

Одинъ подошелъ и склонился...

Нечистою жертвой алтарь задымился...

И тихо толпа преклонилась кругомъ

Святыни, предъ ней оскверненной...

Враги рукоплещутъ... Раскатистый громъ

Звучить надъ толпой побѣжденной...

Но кто онъ, грядущій стопой окрыленной,

Старикъ бѣловудный?.. Зловѣщимъ огонь

Горять его очи... Какъ левъ разъяренный,

Безъ страха на встрѣчу врагамъ,

Грозя, потрясая рукой ополченной,

Взбѣгаетъ онъ вмигъ по крутымъ ступенямъ...

Блеснула, какъ молнія, сталь рововая—

И палецъ осквернитель, подъ грозной рукой

Горячею кровью алтарь обагривая...

Враги задрожали... Пугливой толпой

Отъ слабого старца бѣгутъ, рассыпаясь...

Какъ змѣй подъ стопой слона, извиваясь,

Трепещетъ и мечется вождь боевой...

А голосъ Маттафія, грозный и дикій,

Взывая къ возстанію, къ мести великой,

Несется, какъ буря въ раздольи полей,

Какъ громъ надъ Ливанскою пущей:

— „За мною, о братья! Народъ мой, за мной!“ ...

И былъ этотъ громъ роковой

Предвѣстникъ грозы Магкавеевъ грядущей...

С. Фругъ.

«ПАТРИОТИЧЕСКІЕ» ОТКЛИКИ.

Объ одною изъ наиболѣе характерныхъ явленій нашей современности— о палестинфильствѣ—намъ давно уже не приходилось бесѣдовать съ читателями. Теперь объ этомъ явленіи напомнили намъ двѣ недавно вышедшія книжки, которыя мы не считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ.

Объ эти книги написаны на жаргонѣ и имѣютъ цѣлью распространять идеи палестинфильства въ массѣ, не читающей ни по русски, ни по древне-еврейски. Одна изъ книгъ есть трудъ коллективный, содержащій въ себѣ произведенія многихъ наличныхъ силъ палестинской партіи. Это—сборникъ разныхъ статей, озаглавленный «Еврейскій Будильникъ» * и изданный подъ редакцію извѣстнаго М. Л. Лиліенблюма. Редактору снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ жалуется, что, несмотря на «очевидную разумность» и неоспоримость палестинской идеи, послѣдняя все еще не восторжествовала, все еще встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ какъ въ средѣ ортодоксальныхъ евреевъ, такъ и въ передовой интеллигенціи. Г. Лиліенблюмъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что обонимъ этимъ элементамъ «недостаетъ національнаго чувства», которое для ортодоксовъ замѣняется чисто-религіознымъ чувствомъ, для интеллигентныхъ же людей—идеаломъ европейской цивилизаціи и стремленіями космополитическими. Авторъ, такимъ образомъ, категорически заявляетъ, что еврейскій патриотизмъ безъ палестинфильства немислимъ, что человѣкъ, не исповѣдующій «палестинскаго» символа вѣры, не можетъ быть патриотомъ. Не слишкомъ-ли много самоиѣнія и партійнаго фанатизма въ такомъ заявленіи?.. Но оставляя уже въ сторонѣ крайнюю рѣзкость тона, позволительно спросить: что именно въ данномъ случаѣ подразумѣиваетъ авторъ подъ «пале-

* תורנון תרשימן תר: «Еврейскій Будильникъ». Сборникъ разныхъ статей, составленный подъ редакцію М. Л. Лиліенблюма. Одесса, 1887 (164 стр. 8).

стинскою идеею»? Вѣдь идея эта, какъ извѣстно, слагается изъ двухъ началъ: изъ практическаго стремленія къ колонизаціи Св. Земли и изъ непрактическихъ мечтаній о грядущемъ политическомъ возрожденіи евреевъ на землѣ ихъ предковъ. Съ первымъ изъ этихъ стремленій, поскольку оно дѣйствительно практично и осуществимо, согласятся, пожалуй, многіе, не ниѣющіе чести принадлежать къ партіи записныхъ палестинифиловъ; что же касается «мечтаній», то да позволитъ намъ г. Лиліенблюмъ предложить ему одинъ вопросъ: въ правѣ-ли мы предаваться мечтаніямъ и несбыточнымъ иллюзіямъ именно теперь, когда нашей страдающей братинѣ нужна немедленная помощь, нужны исполнимые практическіе совѣты?.. Впрочемъ, мы не намѣрены вдаваться здѣсь въ разсужденія о палестинифильствѣ: это явленіе давно уже оцѣнено нами — и оцѣнено, кажется, безпристрастно, безъ всякихъ кружковыхъ тенденцій. Въ нынѣшнемъ палестинскомъ движеніи мы находимъ нѣкоторыя симпатичныя стороны, вызванныя вновь народившимися потребностями, матеріальными и духовными; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы всегда считали нужнымъ напоминать слишкомъ пылкимъ сторонникамъ этого движенія о необходимости держаться на почвѣ дѣйствительности. *Pas trop de zèle, monsieur!*

Перейдемъ, однако, къ самому сборнику. Тутъ, послѣ разсмотрѣннаго сейчасъ предисловія редактора, мы находимъ длинное боевое стихотвореніе г. А. Гольдфадена подъ заглавіемъ: «Камень съ сердца: размышленіе послѣ погрома». Поэтическаго въ этомъ произведеніи нечего, конечно, искать; но въ оригинальности извѣстнаго рода ему отказать нельзя. Оригиналенъ уже самый приѣмъ автора, вкладывающаго въ уста русскаго погромщика Ванюши длинную проповѣдь о пагубности ассимиляціи для евреевъ и о томъ, что имъ необходимо вернуться домой. Авторъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ слушаетъ проповѣдь Ванюши, поддѣкиваетъ ему и, когда послѣдній кончаетъ, восклицаетъ съ энтузіазмомъ: «Браво, Ванюша! Твои доводы сраваедливы, ибо если бы ты всегда обходился съ нами хорошо, то изъ евреевъ вышло бы столько Ивановъ, что ты самъ затерялся бы въ ихъ толпѣ» (стр. 13). И такъ, да здравствуютъ погромщики, будящіе въ насъ національное чувство, призывающіе насъ домой, указывающіе намъ истинный путь спасенія! Оригинально, не такъ-ли?... Менѣе оригинально, но за то гораздо болѣе дѣльно написана статья «Что дѣлать?» г. М. Айзмана. Въ этой коротенькой статьѣ изложены въ популярной формѣ важнѣйшія начала націонализма, какъ понимаютъ этотъ тер-

иниѣ сотрудники разсматриваемаго сборника. Вообще, мы находимъ тутъ только теорію палестинфильства, о практической же сторонѣ этого ученія авторъ обѣщается поговорить «въ другой разъ». Такими-же теоретическими разсужденіями наполнена и статья г. Раблицкаго, подъ заглавіемъ «Искорка еврейская» (Das Pintele Jud), а также статья г. Вухбиндера «Объ идеѣ заселенія Палестины». Обѣ статьи разсуждаютъ не о послѣдствіяхъ и практическихъ результатахъ «палестинской идеи», а только о причинахъ, вызвавшихъ эту идею къ жизни. Нѣкоторые фактическія свѣдѣнія о состояніи палестинскихъ колоній находимъ мы только въ «Письмахъ въ Палестину».

Обращаясь опять къ беллетристическому отдѣлу «Сборника», мы должны отнѣстить повѣсть г-жи Маріи Лернеръ «Домой!» Здѣсь разсказывается объ одной дѣвушкѣ Ханѣ, которая сначала увлеклась идеями общечеловѣчества и слиянія, но впоследствии, наученная горькимъ опытомъ жизни, вернулась «домой», прониклась чувствомъ горячей любви къ своему страждущему народу и наконецъ уѣхала въ Палестину. Повѣсть хотя и написана въ крайне тенденціозномъ духѣ, но тѣмъ не менѣе проникнута искреннимъ, теплымъ чувствомъ, продиктована вѣрою и честнымъ увлеченіемъ—и эти качества отчасти выкупаютъ отсутствіе въ ней художественности и оригинальности.—Что же касается стихотвореній, помѣщенныхъ въ беллетристическомъ отдѣлѣ сборника, то всѣ они написаны въ общительномъ или юмористическомъ тонѣ. По содержанію они повторяютъ то, что сказано въ публицистическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ; по формѣ же и приѣмамъ они приближаются къ упомянутому выше стихотворенію г. Гольдфадена. Такъ, г. Элькивиъ Цунзеръ бичуетъ «ассимиляцію» въ длинномъ аллегорическомъ стихотвореніи, въ коемъ уподобляетъ еврейскій народъ старой дѣвѣ, желающей соединиться узамъ брака съ ея возлюбленнымъ—народомъ русскимъ, который, однако, отвѣчаетъ ей не взаимностью, а кулакомъ. Необыкновенно длинный, занимающій цѣлымъ 38 страницъ, стихотворный фельетонъ «Вудильника» имѣетъ такое разнообразное содержаніе, что дать о немъ какое нибудь ясное понятіе почти невозможно. Это—пестрое собраніе шутокъ, каданбуровъ, lamentацій, теоретическихъ разсужденій, намековъ на современное положеніе вещей,—словомъ, калейдоскопъ.

Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о другомъ произведеніи патріотической литературы—объ исторической драмѣ г. Лиліенблюма «Зо-

роравель» *. Драма эта напечатана отдѣльною книжкою, но она и по содержанію, и по формѣ такъ гармонируетъ съ произведеніями, помѣщенными въ разобранномъ нами сейчасъ сборникѣ, что кажется какъ-бы вырванною оттуда. Тамъ мы видѣли извѣстныя тенденціи въ формѣ стихотвореній и повѣсти, тутъ видимъ тѣ же тенденціи въ формѣ исторической драмы. На самомъ-же дѣлѣ историческаго въ этой драмѣ ровно столько же, сколько художественнаго, т. е. почти ничего. Чтобы не быть совершенно голословными, изложимъ вкратцѣ содержаніе драмы.

Дѣйствіе въ первыхъ трехъ актахъ происходитъ въ Вавилоніи, лѣтъ за двадцать до возвращенія евреевъ изъ плѣна. На сцену выступаютъ библейскій принцъ Зоровавель, герой книги «Эсфирь» Мордохай **, пророкъ Даниилъ, нѣкій «ораторъ» Исая—все люди, лелѣвшіе мысль о возрожденіи Сіона и возбуждавшіе народъ къ возвращенію на родину. Съ другой стороны на сцену выходитъ Пашхуръ, богатый еврей, претивникъ идеи возрожденія, крайній поклонникъ ассимиляціи, проповѣдывавшій о необходимости сліянія евреевъ съ вавилонянами. Въ первомъ актѣ происходятъ оживленные дебаты между представителями этихъ двухъ противоположныхъ партій,—дебаты, почти цѣлкомъ выхваченные изъ публицистическихъ статей современныхъ журналовъ. Подобными же, и еще болѣе пространными разсужденіями наполненъ весь третій актъ. «Ассимиляторъ» Пашхуръ здѣсь выставляется въ самомъ черномъ свѣтѣ. Авторъ, очевидно, очень сердится на него, ибо заставляетъ его совершить поступокъ не столько подлый, сколько нелѣпый и неправдоподобный. Такъ, Пашхуръ, узнавъ, что Зоровавель во главѣ большого числа евреевъ, пользуясь дозволеніемъ Кира, собирается вернуться въ Іерусалимъ, похищаетъ малолѣтняго племянника Зоровавеля, для того, вѣроятно, чтобы задерживать уходящихъ патріотовъ въ Вавилоніи. Пашхуръ, конечно, своей коварной цѣли не достигъ, ибо Зоровавель съ своею партіею ушли-таки въ Палестину, но за то авторъ достигъ своей невинной цѣли: выдумка о похищеніи ребенка дала ему возможность завязать требуемую въ драмѣ романтическую интрижку. Изъ двухъ послѣднихъ актовъ мы узнаемъ, что

* צורבבל. Зоровавель или Исходъ изъ вавилонскаго плѣненія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ (на жаргонѣ) М. Л. Лилиенблюма. Одесса, 1887 (55 стр. 8°).

** Не знаемъ, на основаніи какихъ историческихъ и хронологическихъ данныхъ авторъ помѣстилъ героя книги «Эсфирь» среди лицъ, дѣйствовавшихъ въ моментъ исхода изъ Вавилоніи. Въѣдъ время событій въ «Эсфирѣ» до сихъ поръ не установлено даже приблизительно.

нѣкій молодой самарянинъ Шарецеръ влюбляется въ дочь Зоровавеля Са-ломиту, которая также страстно любитъ Шарецера, но не можетъ выйти за него замужъ потому, что онъ принадлежитъ къ самарянамъ—исконнымъ врагамъ іудеевъ. Происходитъ потребная въ сихъ случаяхъ «борьба долга съ чувствомъ», и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы эта борьба, если бы въ одно прекрасное утро не оказалось, что Шарецеръ совсѣмъ не самарянинъ, а тотъ самый племянникъ Зоровавеля, который нѣкогда былъ похищенъ злодѣемъ Пашхуромъ. Общая радость, общее торжество—и занавѣсъ падаетъ.

«Зоровавель» г. Лиліенблюма доказываетъ какъ нельзя лучше, что талантливый публицистъ и критикъ можетъ быть весьма плохимъ драматургомъ. Втиснуть публицистическую статью въ форму драмы—дѣло мудрое, почти никогда не удающееся. Результатами подобныхъ попытокъ по большей части являются литературные убожества, произведенія неопредѣленной породы, такія вещи, которыя народъ нѣтко характеризуетъ словами: «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга!» Вотъ и г. Лиліенблюмъ хотѣлъ изобразить современное палестинское движеніе въ исторической драмѣ—получилось какое-то темное аллегорическое произведеніе, лишенное всякихъ художественныхъ достоинствъ, всякаго историческаго колорита. Последній сохранился только въ именахъ дѣйствующихъ лицъ, въ поступкахъ же ихъ и рѣчахъ—ничего историческаго, характернаго. Забудьте историческія имена дѣйствующихъ лицъ именами современными—и вы, почти ничего не перемѣняя въ декораціи, получите вмѣсто «исторической» драмы драму, современную, конечно, тоже плохую, ибо и для того, чтобы написать хорошую драму изъ современной жизни, нуженъ талантъ, нужно соблюденіе извѣстныхъ художественныхъ требованій, чего напрасно стали бы вы искать въ твореніи г. Лиліенблюма.

М. — кіі.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОСТАТКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖАТВЫ 1887 года.

Историческія обобщенія и историческія изслѣдованія.—Будничная дѣйствительность въ жаргонныхъ разсказахъ.—Поэзія.

Литературная жатва настоящаго года приходитъ къ концу. Въ продолженіе цѣлаго года прогуливались мы съ вами, читатели, по нивѣ еврейской литературы и, кажется, довольно внимательно слѣдили за происходившею тамъ работою. Мы настолько ознакомились съ дѣломъ, что теперь въ состояніи опредѣлить литературный урожай истекающаго года, подвести ему итоги, — что было бы весьма умѣстно въ заключительной, декабрьской «Лѣтописи». Но прежде чѣмъ заняться итогами, намъ остается еще кое-что сдѣлать, остается дополнить самый инвентарь. Передъ нами лежитъ теперь куча книжекъ, которыя не успѣли попасть въ наши предыдущіе обзоры и которыя, однако, необходимо разсмотрѣть, прежде чѣмъ сдѣлать общее заключеніе о производительности уходящаго года.

Лежація передъ нами книги распадаются по своему содержанію на нѣсколько группъ. Мы находимъ тутъ и историческую критику, и сырой историческій матеріалъ, и патриотическія — alias палестинфильскія сочиненія (см. выше), и жаргонные разсказы, и, наконецъ, «немножко поэзія». Въ такомъ порядкѣ располагается самъ собою имѣющійся у насъ матеріалъ — и въ этомъ именно порядкѣ мы его и разсмотримъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе книга, носящая громкое и заманчивое заглавіе «Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства» *. Авторъ этой книги, г. Житловскій, какъ видно изъ предисловія, «по-

* „Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства“ Х. Житловскаго. Москва, 1887 (128 стр. 8°).

слѣднии печальнии обстоятельствомъ въ жизни русскихъ евреевъ» приведенъ былъ къ размышленіямъ о судьбахъ еврейскаго народа, о его идеалахъ и надеждахъ въ прошломъ и настоящемъ. Результатами своихъ размышлений онъ теперь и дѣлится съ читающею публикой. Задача его труда — «бросить общій взглядъ на еврейскую исторію, какъ на одно цѣлое, часть котораго — и тѣсно связанная съ нимъ часть — составляетъ наше настоящее положеніе въ Россіи» (предисловіе). Къ какому же выводу или обобщенію привелъ г. Житловскаго обзоръ еврейской исторіи?

Авторъ совершаетъ свой обзоръ въ трехъ главахъ, носящихъ послѣдовательно названія: «Возникновеніе талмуда», «Раввинизмъ и личность», «Просвѣтительная эпоха въ Россіи». Начинаетъ онъ свой трудъ съ анализа «еврейскаго національнаго самосознанія». Въ основѣ этого самосознанія лежитъ идея «боговзбранности» еврейскаго народа, — идея, которая по существу не нравится автору, но которой онъ находитъ оправданіе въ фактахъ еврейской исторіи, а также въ томъ общемъ фактѣ, что вѣдь и другіе народы, даже современные, цивилизованные, проявляютъ сознаниемъ своего превосходства и не чужды національнаго самолюбія. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что національное самосознаніе всегда уживалось у евреевъ съ способностью къ вѣдшей ассимиляціи, къ самокритикѣ, и наконецъ съ высокимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ. До сихъ поръ авторъ совершенно правъ, хотя въ разсужденіяхъ его слишкомъ много темноты и двусмысленности. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ къ этимъ двумъ недостаткамъ прибавляется третій, еще болѣе существенный, а именно — невѣрность обобщенія, фактическая ошибочность. Такъ, во второмъ параграфѣ первой главы, подъ заглавіемъ «Экономическіе идеалы Іудей», г. Житловскій пространно разсуждаетъ объ экономическомъ бытѣ евреевъ въ эпоху втораго храма и уудряется отыскать въ этомъ бытѣ тотъ же грозный социальный вопросъ, который волнуетъ современное общество. Въ существовавшей тогда сектѣ эссеевъ онъ видитъ не религиозную корпорацію, а просто-на-просто реформаторовъ тогдашняго экономическаго быта, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ социалистовъ или коммунистовъ. «Цѣлью и единственными стремленіями эссеевъ было экономическое урегулированіе труда и капитала, корпоративная самопомощь въ борьбѣ съ увеличивающимся господствомъ имущихъ классовъ, но ни въ какомъ случаѣ не аскетически религиозная цѣль соверпательно живущихъ монаховъ» (стр. 26). Сказано очень смѣло, даже рѣзко, но эта смѣлость выраженія только рѣзче отбѣиваетъ ложность высказаннаго

туть взгляда, выставляеть только въ болѣе яркомъ свѣтѣ тяжкій грѣхъ автора противъ фактовъ еврейской исторіи. Мы рѣшительно не знаемъ, откуда г. Житловскій почерпнулъ свой оригинальный взглядъ на роль эссеевъ. Ни у Греча, ни у Герцфельда, ни у Гейгера, ни у Гамбургера, на которыхъ онъ ссылается, не могъ онъ найти ничего подобнаго—и онъ только напрасно компрометируетъ этихъ nocturnalъ историковъ, навязывая имъ свои собственные измышленія. Скорѣе всего г. Житловскій превратно понялъ то, что вычиталъ въ произведеніяхъ названныхъ писателей. Онъ могъ, конечно, узнать изъ этихъ книгъ, что эссеи, будучи по существу сектою чисто-религиозною, отличались между прочимъ и нѣкоторыми коммунистическими устройствами въ дѣлахъ экономическихъ; но это была лишь одна изъ побочныхъ чертъ эссеиской жизни, отнюдь же не главная и существенная ея черта. Главные догматы эссеевъ, поскольку мы о нихъ знаемъ изъ сочиненій Юсіфа Флавія и Филона, состояли въ обязательности монашеской, созерцательной жизни, тѣлесной чистоты и безбрачія; отъ фарисеевъ они отличались тѣмъ, что ставили на первый планъ въ религіи чувство, добродѣтель (восторженная молитва, любовь къ ближнему) и пренебрегали мелкими обрядностями и религиознымъ формализмомъ. Такой образъ жизни естественно долженъ былъ привести къ нѣкоторому коммунистическому порядку: общежитіе, отсутствіе семейной жизни, братское единеніе въ дѣлахъ вѣры—все это могло вызвать и единеніе въ собственности, уравненіе или по крайней мѣрѣ болѣе справедливое ея распредѣленіе между членами братства. Такое же явленіе замѣчаемъ мы въ большей части замкнутыхъ сектъ, а также въ католическомъ монашествѣ, средневѣковомъ и современномъ. Но если бы ктонибудь сталъ утверждать на основаніи подобныхъ фактовъ, что наприимѣръ, средневѣковые монахи нѣмѣли въ виду протестъ противъ экономического гнета, хотѣли «регулировать трудъ и капиталъ» етс., то такой человекъ могъ бы вызвать только смѣхъ. А вотъ г. Житловскій на такихъ же основаніяхъ превращаетъ эссеевъ въ послѣдователей Сень-Симона, Фурье и Маркса, навязываетъ имъ разные политико-экономическіе принципы и говоритъ еще, что осуществленіе этихъ принциповъ было «единственною» ихъ цѣлью.

Что же касается мнѣнія автора, будто все извѣстное объ эссеяхъ, какъ о монашеской сектѣ, относится не къ нимъ, а къ сектѣ «терапевтовъ», то это мнѣніе совершенно голословное. Терапевты, согласно скуднымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ о нихъ, дѣйствительно мало отличались отъ эссеевъ: это, повидному, были эссеи эллинизированные, жив-

шіе въ Александріи и прии́шавшіе въ свое ученіе нѣкоторыя начала тогдашняго неоплатонизма. Во всякомъ случаѣ, фактъ сходства между эссеями и терапевтами нисколько не ослабляетъ неоспоримаго факта, что эссеи существовали именно въ качествѣ *религіозной* секты, а не въ качествѣ какой-то «экономической корпораціи» или «ассоціаціи рабочихъ», какою во что бы то ни стало старается выставить ихъ г. Житловскій.

Послѣ всего сказаннаго, излишне, конечно, останавливаться на дальнѣйшихъ разсужденіяхъ автора объ эссеяхъ и ихъ принципахъ. Эти разсужденія занимаютъ всю почти первую главу, носящую названіе «Возникновеніе талмуда». Замѣчательно, что во всей эпохѣ второго храма и мишны авторъ не нашелъ ни одного явленія, достойнаго вниманія, кромя эссензма (или «эссанзма», какъ онъ выражается), какъ будто все содержаніе той великой и бурной эпохи исчерпывается этимъ, какъ будто эссеи являются самыми характерными представителями тогдашняго еврейства. Авторъ въ этомъ смыслѣ и высказывается. «Мы подольше остановились на эссеяхъ,—говоритъ онъ,—и на дальнѣйшемъ развитіи ихъ направленія, чтобы показать, насколько жизненно было еврейское общество во время столкновенія съ римлянами, какіе богатые источники силы и долговѣчія таились въ немъ» и т. д. (стр. 34). Мы въ свою очередь сейчасъ показали, какъ ложенъ въ основаніи своемъ взглядъ автора на эссеевъ; а такъ какъ на этомъ основаніи покоятся всѣ его выводы относительно древней исторіи евреевъ (выводы неясные, неуловимые, двусмысленные, какъ и всѣ почти разсужденія автора), то само собою рушится все паутинное зданіе, построенное въ разсмотрѣнной нами главѣ. Не задавая себѣ лишняго труда подбирать обломки этой непрочной постройки, переходимъ прямо къ второй главѣ разбираемой книги, заключающей въ себѣ обзоръ средневѣковой исторіи евреевъ и озаглавленной «Раввинизмъ и личность».

Въ этой главѣ авторъ нѣсколько болѣе здраво разсуждаетъ, чѣмъ въ предыдущей. По крайней мѣрѣ, приводимой имъ здѣсь основной мысли нельзя отказать въ вѣрности. Мысль эта выражена въ слѣдующей, къ сожалѣнію, слишкомъ темной формулѣ: «Вся еврейская исторія отъ паденія Іудеи до Мендельсона представляетъ одну почти непрерывную эпоху подчиненія личности въ пользу націй и является естественнымъ развитіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ свою очередь вытекали изъ рѣшенія, принятаго націей въ минуту величайшей для нея опасности» (стр. 70, курсивъ). Авторъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что принципъ «огражденія» и уи-

ноженія религиозныхъ законовъ, проникающій всю духовную дѣятельность средневѣкового еврейства, вызванъ былъ стремленіемъ еврейской націи къ объединенію, къ самосохраненію, — мысль старая, но гораздо болѣе основательная, чѣмъ «оригинальная» изобрѣтенія самого автора. Если бы авторъ послѣдовательно проводилъ эту мысль, онъ бы, можетъ быть, кое-что выяснилъ; но онъ остается вѣрнѣ себя и излагаетъ свои мысли безъ связи, безъ системы, безъ надлежащей ясности, вслѣдствіе чего онъ только затемняетъ свое основное положеніе и часто путается въ противорѣчіяхъ. Такъ, на страницѣ 70-й онъ дѣлаетъ выводъ, что «развитіе раввинизма *всегда* совпадало съ вѣщнымъ благопріятнымъ для евреевъ положеніемъ», а между тѣмъ въ той же главѣ, откуда взяты эти слова, приводится масса фактовъ, доказывающихъ, что стимуломъ для усиленнаго развитія раввинизма были именно преслѣдованія и гоненія (стр. 54, 66 и др.). Да и самое мнѣніе, будто раввинизмъ развивался лишь при благопріятныхъ условіяхъ, ложно и ошибочно. Поразительный примѣръ противоположному мнѣнію видимъ мы въ тѣхъ же среднихъ вѣкахъ: въ Испаніи евреи многія столѣтія жили спокойно — и раввинизмъ тамъ развивался весьма слабо, нѣтъ своими соперниками свѣтскія знанія и философію; во Франціи же и Германіи, гдѣ евреи подвергались ностояннымъ преслѣдованіямъ, развитіе талмуда достигло высшей степени. Преслѣдованія и гоненія производили, конечно, моментальныя замѣшательства и перерывы въ духовной дѣятельности евреевъ, но лишь только гоненія затихали, они возвращались къ этой дѣятельности съ усиленнымъ рвеніемъ — и такимъ образомъ гоненія дѣйствительно способствовали укрѣпленію раввинизма и отразились на его характерѣ.

Кромѣ принципиальныхъ ошибокъ, мы находимъ въ разсматриваемой главѣ немало и фактическихъ промаховъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 59 говорится: «Первый комментаторъ талмуда, знаменитый врачъ Ицхаки (Раши) жилъ и дѣйствовалъ въ южной Франціи, и ему мы обязаны созданіемъ того «научнаго» направленія въ изученіи талмуда, которое враждебно всякой малѣйшей попыткѣ объяснить его болѣе или менѣе рационалистически». Въ первый разъ слышимъ, чтобы Раши, этотъ добросовѣстный и самый рациональный толкователь талмуда, ограничивающійся въ своемъ комментаріи однимъ только объясненіемъ словъ и буквального смысла текста, — чтобы этотъ человекъ создалъ какое-то зловерное, антирациональное направленіе. Было, дѣйствительно, одно непривлекательное направленіе въ толкованіи талмуда, но это направленіе, называемое *казу-*

стическимъ, было создано тоссафистами, а не предшественникомъ ихъ Раши, которому оно было совершенно чуждо. Надо еще заиѣтить автору, что ни Соломонъ Молло, ни Мордохай Эйзенштадтъ не были «мессіями» (какъ онъ ихъ называетъ, стр. 94 и 99), а только распространителями месіянскихъ идей; по крайней мѣрѣ масса не признавала ихъ мессіями, какъ, напримѣръ, Саббатая Цеви, хотя сами они и считали себя, можетъ быть, въ душѣ призванными къ месіянской роли. Кстати—о месіанизмѣ. Авторъ видитъ въ такого рода стремленіяхъ и попыткахъ протестъ массы или «личности» противъ безплодной теоретической дѣятельности раввиновъ, направленной къ объединенію націи путемъ умноженія религиозныхъ обычаевъ, а не принявъ путемъ политическаго освобожденія. Въ этомъ мнѣніи есть значительная доля истины; но оно относится не къ одной только массѣ или рядовой личности, ибо мы знаемъ изъ исторіи, что месіянскими движеніями увлекались и верхніе интеллектуальные слои еврейства,—тѣ самые слои, въ которыхъ фабриковалось «объединительное» религиозное законодательство.

Мы дошли въ своемъ разборѣ до третьей, заключительной главы—до «Просвѣтительной эпохи въ Россіи». Здѣсь синтезъ прошедшаго долженъ быть связанъ съ синтезомъ настоящаго и вмѣстѣ они должны дать общій выводъ о значеніи переживаемаго нами историческаго момента. Да, такъ должно, повидимому, быть; сдѣлать чтонибудь подобное хотѣлъ, пожалуй, и самъ авторъ, но... на этомъ пунктѣ онъ, къ несчастію, потерпѣлъ окончательное пораженіе. Онъ не только ничего не вывелъ, ничего не разъяснилъ, но, напротивъ, затемнилъ и запуталъ дѣло до-нельзя. Если въ двухъ предыдущихъ главахъ мы отыскали хоть чтонибудь удобопонятное, а иногда даже не безосновательное, то въ этой заключительной главѣ мы тщетно ищемъ какойнибудь ясной мысли, какогонибудь опредѣленнаго вывода. Все тутъ крайне перепутано, туманно, хаотично. Въ началѣ главы поставлены слѣдующіе не совсѣмъ ясные вопросы: «Сохранилъ-ли еврейскій народъ свои любимыя національныя черты? Что стало съ цѣлью этого сохраненія? Какое мѣсто занимаетъ оно (?) въ его настоящемъ міросозерцаніи, въ его настоящихъ представленіяхъ о будущемъ? Насколько руководится онъ ею (?) въ своей практической жизни?» «На всѣ эти вопросы,—прибавляетъ авторъ,—приходится, къ несчастію, отвѣтить въ очень неблагоприятно для евреевъ смыслѣ» (стр. 100). Но въ чемъ именно заключается отвѣтъ на эти вопросы—авторъ прямо не говоритъ, а только предоставляетъ намъ самимъ отыскивать его въ цѣлой кучѣ туманныхъ раз-

суждений и бессмысленныхъ фразъ. И вотъ, слѣдуя за авторомъ по этимъ непроходимымъ дебрямъ, мы натываемся на странныя разсужденія въ родѣ слѣдующихъ: «Талмудъ заслонилъ собою всѣ тѣ идеалы, которыми жилъ еврейскій народъ во время его возникновенія» (стр. 101); «еврейскій нравственный типъ выродился» (стр. 104); «отношенія евреевъ къ чужимъ должны были измѣняться къ худшему, все болѣе и болѣе пропитываясь хищническими наклонностями; но пропитываніе (?) это не могло ограничиться только сферою между-племенныхъ сношеній,—оно захватило и отношенія еврея къ еврею, различая нравственные устои этихъ отношеній» (стр. 105); «я прошу читателя вспомнить программу эссеевъ, опредѣлить тѣ черты ея, сохраненіе которыхъ составляло нашу цѣль, нашу миссію... и сравнить ее съ картиною нашей настоящей жизни» etc (тамъ-же); «изслѣдованіями лицъ, наименѣе къ намъ нерасположенныхъ, установлено несомнѣнно, что эксплуатація евреями коренного населенія существуетъ, что эта эксплуатація играла немаловажную роль въ питаніи ненависти къ нимъ не только со стороны угнетенной массы, но и со стороны интеллигенціи» (107). Что это за языкъ, что за рѣчи? Какіе это идеалы «талмудъ заслонилъ»? Не идеалы-ли эссеевъ, столь излюбленные авторомъ? Но если бы мы стали жить согласно этимъ идеаламъ, мы бы давно превратились въ секту монаховъ, и насъ нынѣ нашли-бы не на аренѣ исторіи, а въ мрачныхъ катакомбахъ Сиріи и Египта. Откуда авторъ взялъ, что еврейскій нравственный типъ выродился? Развѣ отношенія евреевъ къ «чужимъ» хуже въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ отношенія «чужимъ» къ евреямъ? И развѣ взаимныя отношенія между евреями менѣе нравственны нежели отношенія между членами какого нибудь иного народа? Допустить что либо подобное можетъ только или крайнее невѣжество, или недобросовѣтность. Тѣмъ или другимъ несомнѣнно продиктована приведенная нами выше фраза о «еврейской эксплуатаціи», въ существованіи которой авторъ не смѣетъ сомнѣваться, ибо тако рекла священныя для него авторитеты: г. Варзеръ и г. Южаковъ, на священныхъ страницахъ «Отечественныхъ Записокъ». Не станемъ спорить съ авторомъ объ этомъ вопросѣ, о которомъ намъ уже не разъ приходилось говорить и по поводу произведеній менѣе виновнаго свейства, чѣмъ дѣтская книжка, разсматриваемая нами теперъ. Если держаться евангельскаго принципа: «Прости имъ, Господи, не вѣдаютъ бо, что творятъ», то г. Житловскому придется, пожалуй, многое простить, ибо «невѣдніе» его дѣйствительно безпродѣльно. Такъ, разсуждая во второмъ параграфѣ послѣдней главы

о значеніи литературы на древне-еврейскомъ языкѣ, онъ увѣряетъ, что было «время, когда высокопарнѣйшими и туманнѣйшими фразами, для которыхъ какъ будто и созданъ древне-еврейскій языкъ, воспѣвался рабочій вопросъ, женскій вопросъ» и пр. (стр. 117). Рабочій и женскій вопросы въ древне-еврейской литературѣ!—слыхали-ли вы что нибудь подобное, любезные читатели. Въ третьемъ параграфѣ той же главы авторъ говорить о модномъ палестинифильствѣ, которое онъ осуждаетъ—знаете-ли почему?—потому что оно, по его мнѣнію, «наиболѣе важное изъ явленій, неблагоприятныхъ для окончательнаго исчезновенія еврейскаго народа (sic!) и его вопроса со всемірно-исторической сцены» (стр. 120). И такъ, г. Житловскій хочетъ не только еврейскій *вопросъ*, но и еврейскій *народъ* потерять и удалить съ арены исторіи. Если онъ въ этомъ видитъ будущій идеалъ еврейства, то, конечно, намъ ничего болѣе не остается какъ закрыть его книжку и пожелать ея автору побольше—здраваго смысла..

Наше мнѣніе о трудѣ г. Житловскаго, кажется, настолько ясно выражено въ предшествующемъ разборѣ, что едва-ли нуждается въ особой формулировкѣ. Невѣдніе и умственная незрѣлость сквозятъ въ каждой страницѣ этого произведенія; туманность и двухсмысленность выраженій свидѣтельствуютъ только о крайней туманности и о великой путаницѣ въ мысляхъ автора. Очень часто вы встрѣчаете загадочныя выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Каждая малѣйшая сторона ихъ (эссеевъ) ученія и дѣятельности изобличала свою тѣсную связь съ экономическими ненормальностями своего (!) времени и *стройность взглядовъ на ихъ устраненіе (?)*» (стр. 24); «эта-то надежда пропитала всѣ другія проявленія ихъ міросозерцанія» (30); «Оппозиція, будто бы созданная эссеями еврейству, вытекаетъ изъ того ложнаго взгляда, по которому они были непримиримыми противниками всякаго насилія и миръ во что бы то ни стало былъ ихъ логунгомъ» (36). Еще чаще встрѣчаются выраженія просто нелѣпныя или безграмотныя: «Народъ не думалъ сомнѣваться въ возможности чудесъ, тѣмъ болѣе въ пользу того народа, который привыкъ къ чудесамъ» (стр. 74); «все служило гарантіей для массы тому, что существуетъ сверхчужденный міръ» (ibid.); «усумнившись въ истинности талмуда и устной религіозной традиціи, нѣкій Доданъ принимаетъ христіанство, не вѣруя и въ послѣднюю» (стр. 82); «онъ бросаетъ юдаизмъ чуть-ли не *на шестидесятилетнемъ году*» (ibid.); «новая Европа, хотя еще не признанная, явственно билась своими *Лессингами и Вольтерами* подъ оболочкою одряхлѣвшаго феодализма» (111) и пр., и пр. Если вы ко всѣмъ этимъ

стилистическимъ красотахъ прибавите массу иностранныхъ словъ и нерусскихъ выраженій, то хоть отчасти поймете, сколь привлекательно чтеніе книги г. Житловскаго... Вообще, авторъ очень опрометчиво поступилъ, выпустивъ свою книгу въ свѣтъ. Прежде, чѣмъ это сдѣлать, ему слѣдовало научиться двумъ вещамъ: мыслить ясно и писать правильно. Ни того, ни другого качества у него пока нѣтъ, а безъ нихъ только себя осрамить и людей насмѣшишь.

Да, плохо обстоятъ у насъ дѣло съ «философіею исторіи», съ историческою критикою. За этотъ серьезный и сложный предметъ берутся люди неподготовленные, умственные недоросли, столь же мало смыслящіе въ исторіи, какъ и въ философіи. Не лучше-ли намъ, пока нѣтъ еще у насъ способныхъ, подготовленныхъ дѣятелей, отставить эту недоступную область и обратиться къ простымъ изслѣдованіямъ историческихъ фактовъ, къ скромной, но плодотворной работѣ собранія историческаго матеріала? Въ этой области, пожалуй, и нашихъ малыхъ силъ хватитъ на что нибудь полезное. Передъ нами лежатъ теперь двѣ книги, которыя отчасти подтверждаютъ такое мнѣніе. Книги эти принадлежатъ къ разряду догматическихъ изысканій по еврейской исторіи и, въ качествѣ таковыхъ, могутъ принести свою долю пользы нашей литературѣ, крайне бѣдной историческими изслѣдованіями.

Первая изъ этихъ книгъ * весьма мала объемомъ, но за то очень богата содержаніемъ. Авторъ ея, г. Давидъ Когонъ, давно уже извѣстенъ въ еврейской литературѣ своими изслѣдованіями по исторіи мистицизма. Его три книги по этой части («Камень заблужденія», «Камень преткновенія» и «Камень во мракѣ») заключаютъ въ себѣ полный сводъ фактовъ, относящихся къ исторіи еврейскаго мистицизма и мессіанства отъ конца XVI в. до половины XVIII вѣка. Это именно — «камни», строительный матеріалъ для болѣе обработанныхъ историческихъ трудовъ. Самъ г. Когонъ не заботится о внѣшней отдѣлкѣ своихъ трудовъ: главная его забота заключается въ полнотѣ фактовъ, которые онъ намъ предлагаетъ сырьемъ, безъ всякой оцѣнки или обобщенія, но почти всегда строго пробѣренными и точными. Благодаря этимъ качествамъ, труды г. Когона нѣбютъ большую научную цѣнность и часто даже служатъ коррективомъ систематическимъ трудамъ такихъ знаменитостей, какъ Юстъ и Грець. Новая книжка г. Ко-

* *אבן חן* „Свѣтъ и Тьма“. Изслѣдованіе Д. Когона. Пшемнелъ. 1887. (26 стр. 8°).

гона также относится къ специальной области его изслѣдованій и содержитъ въ себѣ немало новыхъ фактовъ. Книжка состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ самый большой—первый, излагающій біографію двухъ малозвѣстныхъ поэтовъ XVIII вѣка, братьевъ Якова и Эмануила Франсисъ. Оба брата жили въ Италіи въ то время, когда каббала и мистицизмъ господствовали надъ всѣми умами и постепенно подготавливали почву для вспыхнувшей вслѣдъ затѣи саббатіанской агитаціи. Яковъ Франсисъ ясно предвидитъ опасность, грозящую еврейству отъ мистическихъ увлеченій—и вотъ онъ рѣшается выступить противъ каббалы длиною одою, въ которой воспѣвается чистая, трезвая религіозность и рѣзко поносятся тѣ люди, которые, «не зная путей природы и законовъ творенія», дерзко врываются въ область вѣчныхъ тайнъ и срываютъ завѣсу со всего святого, скрытаго. Это обличительное стихотвореніе (отрывокъ изъ него приводится въ очеркѣ Когона) было напечатано и надѣлало переполохъ въ лагерѣ раввиновъ-каббалистовъ, не замедлившихъ конфисковать неприятное имъ произведеніе и истребить его. Самъ авторъ также подвергся преслѣдованіямъ, но не переставалъ проповѣдывать свои мнѣнія, и когда впервые выступилъ Саббатай Цеви съ своею мессіанской проповѣдью и увлекъ за собою большинство итальянскихъ евреевъ, Яковъ Франсисъ съ братомъ безстрашно обличали лжемесію въ своихъ стихотвореніяхъ, нерѣдко возбуждая этимъ противъ себя фанатическую толпу. Яковъ Франсисъ умеръ въ 1667 г., братъ же его Эмануилъ умеръ гораздо позже и дожилъ до того времени, когда отступничество и печальный конецъ Саббатая Цеви отрезвили его приверженцевъ, которые теперь только стали цѣнить пророческія предсказанія Франсисовъ. Кромѣ обличительныхъ стихотвореній противъ каббалы и мессіанства, братья Франсисы писали много чисто-лирическихъ стихотвореній. Первые изданы въ свѣтъ года три тому назадъ подъ заглавіемъ: «Цеви Мудохъ», послѣднія же и нынѣ находятся въ рукописи въ императорской бібліотекѣ въ Берлинѣ.

Остальные два очерка, помѣщенные въ книжкѣ г. Когона, заключаютъ въ себѣ жизнеописанія двухъ извѣстныхъ мистическихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ и Богеміи въ началѣ XVIII вѣка,—Лейбеле Простица и Хаима Малаха. Жизнеописанія эти, впрочемъ, не принадлежатъ перу самого автора, а заимствованы имъ изъ рѣдкой рукописи одного современника, жившаго въ Амстердамѣ и писавшаго свою книгу между 1711 и 1718 годами. Новые рукописныя данныя проливаютъ много свѣта на жизнь двухъ загадочныхъ личностей и на ихъ дѣятельность, весьма недостаточно

охарактеризованную въ известной исторіи ересей Якова Эмдена. Нельзя не выразить г. Когову живѣйшей признательности за опубликованіе этихъ полезныхъ историческихъ данныхъ; нельзя не пожелать также, чтобы почтенный изслѣдователь дѣятельно продолжалъ свою работу и завершилъ бы циклъ своихъ интересныхъ монографій по исторіи мистицизма, которыя не мѣшало бы соединить и издать въ одномъ томѣ.

Другое изъ упомянутыхъ выше историческихъ изслѣдованій* относится уже къ эпохѣ гораздо болѣе отдаленной и болѣе продолжительной. Авторъ этого изслѣдованія, г. Гецовъ, задался цѣлью написать очеркъ исторіи евреевъ въ Вавилоніи. Такой очеркъ долженъ обнять обширный періодъ въ слишкомъ 15 вѣковъ, если ужъ начать съ эпохи вавилонскаго плѣненія, стоящей на рубежѣ до-историческаго и историческаго періодовъ. И дѣйствительно, начиная съ вавилонскаго плѣненія, значительная часть евреевъ осѣла въ Вавилоніи и образовала тамъ свой особый культурный и духовный центръ. Въ періодъ «второго храма», когда вся образованность евреевъ сосредоточилась въ Иерусалимѣ и Александріи, Вавилонія потеряла свое прежнее значеніе для евреевъ (хотя и въ это время тамъ существовала большая еврейская колонія), но послѣ паденія Іудеи она вновь выступаетъ на сцену нашей исторіи. Самая блестящая пора наступила для вавилонскихъ евреевъ съ начала III-го вѣка по Р. Х. Въ это время вѣкторые палестинскіе ученые, преслѣдуемые на родинѣ римскими властями, переселяются въ Вавилонію и переносятъ туда свою дѣятельность: они основываютъ три талмудическія школы, которыя мало-по-малу разрастаются въ обширныя академіи. По мѣрѣ того, какъ палестинскія школы, вслѣдствіе притѣсненій со стороны римскихъ христіанскихъ императоровъ, приходятъ въ упадокъ, школы вавилонскія развиваются и притягиваютъ къ себѣ всѣ умственныя силы еврейства. Триста лѣтъ такой неутомимой умственной работы создали величайшее произведеніе еврейскаго духа—«вавилонскій талмудъ», послужившій фундаментомъ всей послѣдующей умственной дѣятельности евреевъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Съ «заключеніемъ» талмуда роль Вавилоніи въ еврейской исторіи еще не прекращается: настаетъ эпоха сабуреевъ и еще болѣе славная эпоха гаоновъ, продолжающаяся до начала XI столѣтія. Въ продолженіе всего этого времени, Вавилонія держитъ въ своихъ рукахъ скипетръ духовной власти надъ всѣмъ

* על נהרות בבל: „У рѣкъ вавилонскихъ“. Сочиненіе Н. Ц. Гецова. Варшава, 1887. (152 стр. 8°).

еврейством—и только въ XI вѣкѣ уступаетъ она свою гегемонію Испаніи, гдѣ съ этихъ поръ сосредоточивается вся еврейская образованность, а сама сходитъ со сцены еврейской исторіи. Составить систематическій трудъ по исторіи всей этой эпохи — задача весьма трудная и сложная, требующая не только большихъ познаній и эрудиціи, но также большого критическаго умѣнія, способности къ широкимъ обобщеніямъ и къ систематизаціи. Последняго изъ этихъ качествъ мы не видимъ въ лежащемъ передъ нами трудѣ г. Гецова, хотя нельзя ему отказать въ знаніи дѣла и эрудиціи. Авторъ, правда, стремится создать что нибудь систематическое, но это ему не удается—и его книга все-таки является не обработаннымъ историческимъ руководствомъ, а только сборникомъ матеріаловъ по исторіи известной эпохи. Да и можетъ-ли претендовать на званіе «систематической исторіи» книга въ десять печатныхъ листовъ, изъ которыхъ добрая половина занята прилѣчаніями и ссылками, а значительная часть посвящена свѣдѣніямъ по всеобщей исторіи? Свѣдѣнія такого рода занимаютъ всю первую главу книги, содержащую въ себѣ общій очеркъ политической исторіи Вавилоніи съ древнѣйшихъ временъ до эпохи арабскаго владычества. Во второй главѣ собраны различныя свѣдѣнія о положеніи вавилонскихъ евреевъ подъ ново-персидскимъ владычествомъ, т. е. въ эпоху составленія талмуда. Третья глава вкратцѣ рассказываетъ о роли еврейскихъ правителей—экзарховъ («роше га-гола») въ періодъ талмудическій и гаонейскій. Въ слѣдующей главѣ изображается экономическая жизнь и внутренній бытъ вавилонскихъ евреевъ на основаніи многочисленныхъ показаній, разбросанныхъ въ талмудѣ; а въ послѣдней, пятой, главѣ описываются порядки школьной жизни въ Вавилоніи въ такое время, когда тамошнія школы играли роль религіознаго законодательнаго корпуса для всего еврейства. За каждою главою текста слѣдуетъ болѣе или менѣе обширная глава «прилѣчаній», заключающихъ въ себѣ ссылки на талмудическую литературу, подтверждающихъ общія положенія текста, а также довольно подробную критику источниковъ.

Не пускаясь въ подробный разборъ мнѣній автора, замѣтимъ только, что вообще въ этихъ мнѣніяхъ, какъ и въ сообщаемыхъ фактахъ, нѣтъ ничего новаго. Заслуга г. Гецова состоитъ лишь въ томъ, что онъ собралъ и расположилъ въ нѣкоторомъ порядкѣ часть историческаго матеріала, разбросаннаго въ талмудѣ. Самый же трудъ г. Гецова, не будучи систематически обработаннымъ руководствомъ по исторіи вавилонскихъ евреевъ, можетъ, однако, быть очень полезенъ, именно въ послѣднемъ смыслѣ,

т. е. въ качествѣ свода историческихъ матеріаловъ, тщательно собранныхъ и довольно связно изложенныхъ.

Теперь, читатель, спуститесь на время съ этихъ высотъ долу, въ нашу печальную юдоль плача, въ область будничной, но живой дѣйствительности. Тутъ вамъ, можетъ быть, станетъ грустно, но скучно вамъ навѣрное не будетъ. Вы увидите три знакомыхъ лица, съ которыми вы сроднились съ ранняго дѣтства, знакомыя явленія, которыя никогда не перестанутъ волновать васъ, увидите борьбу, столкновения—вообще жизнь, не сочиненную, не прикрашенную разными тенденціями и идеалами, а реальную, простую, правдивую.

Въ этотъ міръ простой дѣйствительности ведетъ насъ г. Спекторъ, авторъ большой повѣсти, написанной на жаргонѣ и озаглавленной: «Міръ и маленькіе мірки» *. Тутъ разсказана правдивая бытовая исторія, взятая изъ нашего недавняго прошлаго, изъ нашего Sturm und Drang Periode. Разсказъ имѣетъ форму автобіографическую и ведется отъ имени главнаго героя, Давида. Въ первыхъ главахъ герой описываетъ свои дѣтскіе годы въ семьѣ и въ хедерѣ. Невеселыя картины рисуетъ онъ передъ вами: отецъ-хасидъ, набожный бездѣльникъ, воспитывавшій сына въ «страхѣ Божіемъ», т. е. въ духѣ грубѣйшаго суевѣрія; мать вѣчно работающая, бьющаяся изъ-за куска хлѣба для семейства; хедерное воспитаніе со всѣми его трагическими сторонами... Не многимъ отраднѣе была и юность героя: были въ немъ стремленія къ просвѣщенію, къ духовному перевоспитанію, но стремленія эти были подавлены почти въ зародышѣ неумолимою окружающею средой; зажглась въ его сердцѣ любовь къ одному прекрасному, благородному созданію, но родители посѣщили женить его на выбранной ими невѣстѣ. И вотъ пошелъ нашъ герой по обычной колѣѣ, зажилъ сѣрою, неприглядною жизнью средняго человѣка—жизнью того большого «Міра», который его окружалъ. Но рядомъ съ этимъ «міромъ» существовали маленькіе «мірки», жившіе своею особенною жизнью, имѣвшіе свои особенныя стремленія—и въ этихъ именно «міркахъ» вращаются прочіе герои нашего разсказа. Они жили и воспитывались въ

* *מיר און קליין מיטלענדיגע וועלט*: „Міръ и маленькіе мірки“. Разсказъ М. Я. Спектора. С.-Петербургъ. 1886 (147 стр. 8°).

томъ же кругу и при такихъ же условіяхъ, при какихъ жилъ и воспитывался нашъ главный герой, но въ то время, какъ послѣдняго «среда» заняла и заставила идти по протоптанной колеѣ, нѣкоторымъ его сверстникамъ и товарищамъ удалось свернуть съ этой колеи на большую дорогу—въ область болѣе широкихъ стремленій, болѣе общихъ и разнообразныхъ интересовъ. Одинъ изъ сверстниковъ нашего героя, Занвель Абрамсонъ, кончаетъ гимназію и попадаетъ въ университетъ; его подругу дѣтства и нѣкогда возлюбленную Хану мы видимъ въ Петербургѣ, въ качествѣ слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ; попадаетъ въ этотъ новый кругъ учащейся молодежи и Моисей Левинъ—самоучка, прошедшій тяжелый путь бѣдности, лишеній и борьбы съ окружающими неблагоприятными условіями. Въ жизни этого Левина была одна трогательная черта: его отецъ пропалъ безъ вѣсти еще въ то время, когда Моисей былъ маленькимъ ребенкомъ. «Пропавшимъ» собственно считали его всѣ прочіе, мать же Левина, бѣдная «продащица гнилыхъ яблокъ» Лифся, знала тайну исчезновенія своего мужа. Левинъ-отецъ въ ранней юности, сейчасъ послѣ женитьбы на Лифсѣ, былъ взятъ въ солдаты кантонистомъ и вынужденъ былъ переимѣнить свою религію; это обстоятельство и помѣшало ему вернуться къ любимой женѣ, которая хотя и увидѣлась съ нимъ по выходѣ его изъ службы, но узнавъ о его крещеніи, съ болью въ сердцѣ разсталась съ нимъ. Это свиданіе предъ вѣчною разлукою не осталось, однако, безъ результатовъ, весьма прискорбныхъ для бѣдной женщины: появленіе въ свѣтъ нашего героя, Моисея, было результатомъ этого трагическаго свиданія... Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ—и вотъ молодой Моисей въ одно прекрасное утро узнаетъ въ одномъ одѣвщикѣ какого-то ломбарда въ Петербургѣ своего родного отца. Эта встрѣча улаживаетъ многія затрудненія въ жизни молодого Левина: онъ женится на прекрасной Ханѣ, а племянница и ученица его Рейзеле выходитъ замужъ за Занвеля Абрамсона. Послѣдній представляетъ собою типъ средняго еврейскаго студента: восторженные порывы юношескихъ лѣтъ у него испарились и уступили мѣсто обыденнымъ, сѣреннымъ идеаламъ челоуѣка, готовящагося къ «интеллигентной профессіи»... Вообще авторъ не любитъ идеализировать своихъ героевъ, а рисуетъ ихъ такими, какими они являются передъ нами въ обыденной жизни.

Еще лучше и рельефнѣе изображены авторомъ типы стараго поколѣнія. Отецъ главнаго героя, ребе Йосель, придурковатый хасидъ, вѣчно воззвѣщающійся съ бездѣльною, полушьяною хасидскою братіею, самодуръ въ семьѣ,

гдѣ онъ все коверкаетъ на свой ладъ; мать героя, Брайна—пряная противоположность своему мужу—женщина трезвая, трудящаяся, любящая, но вынужденная во всемъ подчиняться человѣку, съ которымъ не имѣла ничего общаго ни по характеру, ни по убѣжденіямъ,—обѣ эти личности и ихъ взаимныя отношенія обрисованы авторомъ ярко и правдиво. Столь же вѣрно изображена имъ и жизнь другой супружеской четы, также состоявшей изъ двухъ противоположностей. Тутъ уже жена является активной половиною, а мужъ играетъ пассивную роль. Лейча (такъ звали эту женщину) представляетъ собою типъ старомодной богобоязненной бабы, все міросозерцаніе которой соткано изъ суевѣрій, ханжества и того, что можно назвать «религиознымъ эгоизмомъ». Мужу она не жена, дѣтямъ не мать, въ домѣ не хозяйка; вообще обѣ «этомъ мірѣ» она не заботится, а всѣ помыслы свои сосредоточиваетъ на спасеніи души, на накопленіи наградъ въ «мірѣ будущемъ». Для этой святой цѣли она конитъ деньги, готова разорить мужа, забываетъ о дѣтяхъ, словомъ—живетъ только для себя, для того, какъ она выражается, «чтобы мягко постлатъ себѣ на томъ свѣтѣ». Мужъ ея Шлемка—человѣкъ совсѣмъ иного закала: добрый, честный, съ трезвымъ, хотя и ограниченнымъ взглядомъ на вещи, онъ много терпѣлъ отъ самодурства жены, съ которой никакъ не могъ уживаться; казалось, онъ создавъ былъ для того, чтобы быть мужемъ трудолюбивой и трезвой Брайны, которая въ юности пламенно его любила и хотѣла пойти за него, но которую онъ отвергъ изъ-за мелочныхъ расчетовъ. Впослѣдствіи, ему пришлось каяться въ этомъ поступкѣ, но было уже поздно: онъ уже пошелъ по обычной колеѣ, съ которой свернуть удается только людямъ съ сильнымъ характеромъ.

Глубокою, задушевною грустью вѣетъ отъ всего разсказа г. Спектора; въ немъ замѣтны живая наблюдательность, знаніе описываемаго быта и сверхъ того теплое чувство, нѣкотораго рода субъективность, показывающая, что авторъ самъ пережилъ многія изъ описанныхъ имъ явленій. Вообще у г. Спектора несомнѣнно есть беллетристическій талантъ—и талантъ очень симпатичный. Это онъ доказалъ не только въ разсмотрѣнномъ нами произведеніи, но и въ нѣкоторыхъ другихъ повѣстяхъ и романахъ, раньше имъ опубликованныхъ. Среди современныхъ жаргонныхъ писателей онъ, безспорно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ—и мы охотно надѣемся, что дальнѣйшее развитіе таланта г. Спектора только увеличитъ ту популярность, которою онъ и теперь вполне заслуженно пользуется.

На ряду съ г. Спекторомъ въ жаргонной литературѣ занимаетъ мѣсто

г. Шаломъ-Алейхемъ, авторъ разсказовъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить въ предыдущихъ нашихъ обзорахъ. Таланты этихъ двухъ бытописателей нѣсколько различны между собою по своему характеру. Въ беллетристической манерѣ г. Спектора замѣтны серьезность и задумчивость съ рѣзкимъ меланхолическимъ оттѣнкомъ, отличительною же чертою таланта Шаломъ-Алейхема является юморъ, подчасъ очень язвительный и злой. Вотъ и теперь передъ вами лежатъ двѣ вещицы этого юмористическаго писателя *, написанныя безъ особыхъ претензій, но не лишеныя нѣкотораго бытоваго значенія. Особенно удачною нужно признать первую изъ нихъ. Это—семейная сценка, написанная въ драматической формѣ. Дочь богача Бейгельмана, «новомодная» Лиза, хочетъ выйти замужъ не иначе, какъ за «доктора»; всѣ прочія партіи она отвергаетъ. Безхарактерная мать, Соре-Зиселе, держитъ въ этомъ дѣлѣ ея сторону; отецъ же слишкомъ занятъ торговыми дѣлами, чтобы обращать вниманіе на прихоти дочери. Сцена начинается съ появленія шадхена Шиммель-Бениша, который предлагаетъ родителямъ Лизы новую партію: женихъ—образованный молодой человѣкъ, знающій «всѣ языки», «почти что докторъ». Уморительна сцена, гдѣ шадхенъ пристаётъ къ Бейгельманамъ съ своимъ предложеніемъ и читаетъ имъ письмо своего коллеги изъ другого города, излагающее всѣ выгоды предлагаемой партіи. Эти комическіе переговоры внезапно прерываются появленіемъ молодого сына хозяина Абрамчика, «просвѣщеннаго юноши», новатора; онъ, конечно, возмущается происходящимъ на его глазахъ «торгомъ живыми людьми», и протестъ его выражается въ горестныхъ восклицаніяхъ въ родѣ: «о, фанатизмъ, хасидизмъ, деспотизмъ!» Но настоящій *coup de théâtre* происходитъ съ появленіемъ самой дочери, Лизы, которая врывается въ комнату съ крикомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, имѣ доктора подавайте, доктора, доктора!» Мать вторитъ этимъ возгласамъ, и злосчастному, атакуемому со всѣхъ сторонъ отцу поневолѣ приходится пѣть съ ними въ унисонъ. Выходитъ забавное зрѣлище: прислуга въ домѣ сбѣгается на эту музыку, думая что кто нибудь заболѣлъ и требуется позвать доктора; Бейгельманъ-отецъ клянетъ свою судьбу и всѣхъ докторовъ на свѣтѣ; его драгоценная половина подъ шумокъ выманиваетъ у него изрядную сумму денегъ на новыя платья для дочери—и

* *תורנותן ופתי: Жениха доктора! Семейная сценка, подслушанная Шаломъ Алейхемомъ; 2) того-же: חתונה ל'ל: Веселая исторія съ печальными послѣдствіями. С.-Петербургъ, 1887 г. (18 и 12 стр. in 32°).*

сердитымъ ворчаніемъ одурченнаго старика заканчивается вся «сценка». Все это, конечно, шутка, водевиль, но водевиль, основанный на дѣйствительно существующемъ бытовомъ явленіи, послѣдствія котораго въ жизни не только смѣшны, но и печальны, омерзительны.—Вторая вещьца г. Шаломъ-Алейхема гораздо болѣе невиннаго свойства. Это—крошечный разсказецъ объ одномъ изъ эпизодовъ хедерной жизни: о продѣлкахъ и шалостяхъ «хедерниковъ» въ счастливый для нихъ день «Лагбоймера», когда изъ душныхъ хедеровъ ихъ выпускаютъ на волю, и они цѣлый день—единственный разъ въ году—рѣзвятся въ чистомъ полѣ, въ лѣсу.. Къ сожалѣнію, картина, нарисованная авторомъ, на сей разъ вышла слишкомъ бѣглою, отрывочною, и схвачена въ ней не поэтическая, а исключительно юмористическая сторона изображаемаго явленія.

Pour la bonne bouche заключимъ нашъ обзоръ однимъ чисто-поэтическимъ произведеніемъ. Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о недавно появившемся сборникѣ лирическихъ стихотвореній, на древне-еврейскомъ языкѣ, нѣкоего Э. Гольдина *. Авторъ этого сборника—еще очень молодой человекъ, и напечатанныя имъ стихотворенія—его первые робкіе опыты на поэтическомъ поприщѣ. Лирическіе мотивы преобладаютъ въ стихотвореніяхъ г. Гольдина. Онъ поетъ о «первой любви», объ «образѣ, плѣнившемъ его въ юности», о «звѣздѣ, грустной свидѣтельницѣ его разлуки съ возлюбленною», объ «изліаніи сердца», о «соловѣѣ», о любовной намѣтѣ и тому подобныхъ лирическихъ предметахъ. Есть у него и нѣсколько стихотвореній, написанныхъ подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго времени. Таковы, напримѣръ, стихотворенія: «Народъ унижаемый» (стр. 11), «Видѣніе въ Румыніи» (стр. 27), «Сирота» (стр. 29). Въ числѣ лирическихъ вещей встрѣчается, кромѣ оригинальныхъ, немало и переводовъ, сдѣланныхъ исключительно съ произведеній русскихъ поэтовъ. Не знаемъ только—почему авторъ счелъ нужнымъ указать лишь нѣкоторые изъ подлинниковъ, которыми онъ пользовался для перевода, и умолчать о другихъ. Такъ, у него указаны (въ оглавленіи) переводы изъ Кольцова («Соловей»), Пушкина («Эхо», «Любопытный»), Вяземскаго («Слезы»); но не указано, что изъ Кольцова еще взято стихотвореніе «Первая любовь» (стр. 1), изъ Пушкина—«Мертвому другу» (стр. 25), изъ Некрасова—«Не всѣ слезы одинаковы» («Винная укусанъ войны»,

* שירי נוער: Пѣсни юности. Стихотворенія Э. И. Гольдина. Варшава, 1887. (48 стр. in 16).

стр. 36) и пр. Нѣкоторые стихотворенія представляютъ собою отрывочныя и вольныя переложенія русскихъ подлинниковъ. Такимъ именно образомъ переложены Пушкинскіе «Стансы» (35), Кольцовское «Жизнь, за чѣмъ ты собой обольщаешь меня?» etc. Мы не виняемъ автору въ вину такихъ переводовъ или переложеній, которые считаемъ сами по себѣ полезными и которые для начинающаго, во всякомъ случаѣ, болѣе по силамъ, чѣмъ оригинальныя стихотворенія; авторъ только нехорошо поступилъ, не указавъ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ значительную часть своихъ произведеній.

Что же касается поэтическаго таланта г. Гольдина, то теперь весьма трудно еще опредѣлить и его размѣръ, и его характеръ. Нѣкоторая поэтическая жилка несомнѣнно замѣтна въ твореніяхъ г. Гольдина; его талантъ находится, повидимому, еще въ зародышѣ, но если ему суждено развиваться и окрѣпнуть, то г. Гольдинъ, пожалуй, намъ дастъ современемъ произведенія болѣе законченныя и оригинальныя, чѣмъ тѣ, какія онъ намъ теперь предлагаетъ. Во всякомъ случаѣ, для «первыхъ опытовъ», стихотворенія въ родѣ «Позвія» (стр. 22), «Врату» (37), «Элегія» (15) болѣе чѣмъ удовлетворительны. Въ нихъ видно искреннее чувство, замѣтенъ нѣкоторый поэтическій полетъ, есть образность, колоритъ. Жаль только, что частенько стихъ автора нѣсколько тяжелъ и отдаетъ дѣланностью, искусственностью, не чуждою большихъ натяжекъ и въ слогѣ, и въ размѣрѣ. Будемъ, однако, надѣяться, что современемъ, съ болѣющимъ развитіемъ таланта г. Гольдина, въ его произведеніяхъ будетъ устраненъ и этотъ вышній недостатокъ.

Мы прежде обѣщали подвести итоги литературной производительности истекающаго года. Къ сожалѣнію, нашъ обзоръ «остатковъ литературной жатвы» такъ растянулся, что намъ уже почти не осталось мѣста для общихъ заключеній, для итоговъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы хоть отчасти исполнить свое намѣреніе, мы сдѣлаемъ тутъ бѣглую характеристику предмета, предоставляя себѣ когда нибудь въ другой разъ обсудить его болѣе подробно.

Бросая ретроспективный взглядъ на литературную дѣятельность нынѣшняго года, мы замѣчаемъ, что хотя она количественно и превосходитъ литературную производительность предыдущихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе въ качественномъ отношеніи еще оставляетъ желать весьма многого. Замѣтно нѣкоторое усиленное движеніе, нѣкоторое пробужденіе, но не ви-

дать что-то ни крупныхъ силъ, ни крупныхъ, выходящихъ изъ ряду произведеній. Есть плохія, есть и среднія, удовлетворительныя, полезныя, но *замычательныя* произведенія, такихъ, которыя бы волновали общество, которыя бы бросили искру «въ совѣ умовъ и праекъ сердець» — такихъ произведеній нѣтъ. Особенно бѣдна хорошиими твореніями наша беллетристика, ибо то, что подъ этимъ именемъ появляется въ свѣтъ въ отдѣльныхъ ли книгахъ, или въ періодическихъ изданіяхъ, большею частью изъ рукъ вонъ плохо. Въ настоящемъ году, напримѣръ, мы противъ цѣлой кучи бездарныхъ сочиненій разныхъ Шайкевичей, Сиркисовъ и писаекъ нашихъ «ежегодниковъ» могли выставить лишь двѣ-три жаргонныя повѣсти Шаломъ-Алейхеа и Спектора. Немного лучше обстоитъ дѣло въ области исторіи и науки. Здѣсь въ послѣднее время замѣтно нѣкоторое оживленіе. Первый выпускъ «Исторіи новѣйшей философіи» Мизеса, переводъ «Руководства» Касселя, книга о воспитаніи г. Калмансона, историческія изслѣдованія г. Когона и г. Гецова, разсмотрѣнныя въ настоящей «Лѣтописи», да еще нѣкоторые небольшіе этюды въ «ежегодникахъ» — всего этого, конечно, очень мало за цѣлый годъ, но спасибо хоть и на томъ. Въ области публицистики мы успѣли отмѣтить два крупныхъ юдофобскихъ сочиненія (собраніе статей Аксакова и французская книга о русскихъ евреяхъ Вольскаго) и только одно удовлетворительное сатирическое сочиненіе въ защиту евреевъ («Письма Шлемъ-Шлиппазеля» г. Ш—каго). Изъ перепечатокъ старыхъ сочиненій мы отмѣтили весьма важную какъ историческій матеріалъ книгу Гилятовскаго «Мессія Праведной» — въ области исторіи, и первый томъ полнаго собранія сочиненій Смоленскаго (романъ «Удѣлъ Честныхъ») въ области беллетристики.

Кончая послѣднюю «Литературную Лѣтопись» 1887 года, мы позволяемъ себѣ выразить свое задушевное желаніе, чтобы будущій годъ внесъ побольше жизни и движенія въ нашу, все еще сонную литературу и чтобы эта послѣдняя все болѣе крѣпла и процвѣтала, и проникала въ общественное сознаніе. Въдъ литература — единственное наше утѣшеніе въ «минуты жизни трудныя», единственный свѣточъ, озаряющій нашъ унылый и безотрадный путь.

Критикусь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Л. А. Шлосбергъ. Руководство къ исторіи еврейскаго народа, для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, начальныхъ и частныхъ еврейскихъ училищъ. Съ приложеніями и рисунками. Часть первая: отъ сотворенія міра до разрушенія 1-го храма. Вильна, 1887, VI+153 стр. in 8°.

Учебникъ этотъ предназначенъ служить пособіемъ при преподаваніи «закона Божія» еврейскому юношеству въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ онъ не отличается отъ массы другихъ учебниковъ подобнаго рода. Нѣкоторымъ нововведеніемъ слѣдуетъ признать то, что составитель присоединилъ къ изложенію событій ветхозавѣтной исторіи краткія замѣчанія о бытѣ и гражданской жизни евреевъ въ описываемый періодъ. Самое изложеніе отличается сжатостью, краткостью и, за нѣкоторыми исключеніями, ясностью. Изрѣдка только встрѣчаются или шероховатости въ языкѣ, или же неудобопонятныя выраженія. Это происходитъ большею частью отъ того, что авторъ старается писать казеннымъ церковнымъ слогомъ, забывая, что пишетъ не для христіанъ, а для еврейскихъ дѣтей, которымъ чуждъ спеціальныя церковныя выраженія. Такъ, на примѣръ, г. Шлосбергъ пишетъ: «Въ седьмой день Богъ почилъ» (стр. 1); послѣднее слово, помимо его двоякаго значенія («въ Бозѣ почившій» и «почить отъ трудовъ»), будетъ непонятно весьма многимъ еврейскимъ дѣтямъ, для которыхъ лучше было бы написать попросту: «отдыхающъ отъ трудовъ». Неясны также выраженія: «Тамъ, гдѣ спасеніе и надежда превращались въ ужасъ и отчаяніе, гдѣ самостоятельности и жизни грозили паденіе и смерть—пророки являлись истинными спасителями. Ихъ горячія проповѣди открывали глаза ослѣпленному народу, и ихъ воодушевленія (?) служили бальзамомъ его болѣзненному состоянію» (133—134). Едва ли ребенокъ вынесетъ изъ этихъ словъ какое нибудь ясное понятіе о роли

пророковъ. Дѣтяи нужны не общія фразы, а конкретные простые образы. Выраженіе «административный центръ» (131) весьма мало подходит къ пониманію дѣтей. Слова: «Онъ (Іосафатъ) съ яростью принялся укрѣплять истинное вѣрованіе въ Бога» (117) могутъ вызвать улыбку; автору слѣдовало бы сказать «съ ревніемъ». Не знаемъ также, откуда авторъ взялъ слѣдующее оригинальное свѣдѣніе: «Отъ Измаила (сына Авраамова) произошелъ впоследствии народъ, извѣстный подъ именемъ измаильтянъ. Они населяютъ южную Азію и сѣверную Африку» (стр. 6). Мы что-то про такой народъ ничего не слышали.

Эти мелкіе и легко поправимые недостатки не роняютъ, конечно, достоинствъ всего труда г. Шлосберга, который съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы сдѣлать свою книгу пригодною и цѣлесообразною. Многочисленныя «приложенія» къ книгѣ значительно облегчаютъ учащимся пониманіе и повтореніе пройденнаго. Въ этихъ приложеніяхъ мы находимъ краткія свѣдѣнія «о народахъ и племенахъ, жившихъ на окраинахъ и внутри Палестины», алфавитный указатель географическихъ названій, хронологическія таблицы разныхъ періодовъ, родословныя таблицы и, наконецъ, алфавитный указатель собственныхъ именъ въ еврейскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ. Кстати объ «именахъ», приводимыхъ въ учебникѣ. Авторъ пишетъ эти имена по орфографіи церковныхъ исторій, гдѣ еврейскія слова пишутся по греческому ихъ произношенію. Это напрасно. Авторъ гораздо лучше сдѣлалъ бы еслибъ писалъ еврейскія имена по ихъ настоящему еврейскому произношенію: вѣдь онъ пишетъ для *еврейскихъ* дѣтей, большею частью знакомыхъ, или по крайней мѣрѣ долженствующихъ быть знакомыми съ библіею въ подлинникѣ. А такія дѣти едва-ли узнаютъ библейскаго *Бецалеля* въ «Веселіилѣ», *Омри* въ «Амврѣи», *Асали* въ «Гоеэліи», *Оснѣя* въ «Гаэонилѣ», города *Мицпо* и *Новъ* въ «Массифа» и «Номва». Вообще, нѣтъ смысла, чтобы сами евреи коверкали свои историческія, національныя имена на греческій ладъ. Пусть это дѣлаютъ тѣ, которые черпаютъ свои свѣдѣнія объ исторіи евреевъ изъ греческихъ источниковъ; мы же можемъ и должны черпать прямо изъ подлинниковъ, изъ первоисточниковъ, принадлежащихъ нашей собственной литературѣ.

רושע לב לרש: Миссъ Сара Самсоновъ. Драма Г. Э. Лессинга. Перевелъ *Пелій*. Варшава, 1887. 90 стр. in 12°.

Лессингу особенно посчастливилось въ нашей переводной литературѣ.

Его бессмертное произведение «Натанъ Мудрый» существуетъ у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ древне-еврейскій стихотворный переводъ г. Готлобера отличается особенною точностью и безукоризненностью; юношеская драма Лессинга «Еврей» также давно уже переведена на еврейскій языкъ. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что оба названные произведенія имѣютъ тѣсную связь съ мировыми и жизненными задачами еврейства. Теперь же г. Целій (псевдонимъ) выпустилъ въ свѣтъ переводъ третьей драмы Лессинга, не имѣющей уже никакого спеціальнаго отношенія къ судьбамъ еврейскаго народа. Но и эта драма, какъ извѣстно, уступая классическому произведенію Лессинга, отличается массою достоинствъ, присущихъ творчеству великаго эстетика и критика.

Переводъ въ общемъ отличается точностью и довольно хорошими сло-
омъ. Иногда только встрѣчаются неловкіе обороты, чуждые духу еврей-
скаго языка. Таковы, наприѣръ, выраженія: וכלתו ארזמונו для обозначенія
«прежней силы, энергіи»; הברכה ובכנו (будетъ ли онъ меня оплаки-
вать?) вмѣсто הברכה מובכה לו, болѣе согласнаго съ духомъ еврейскаго языка
(стр. 10, 40) и т. п. Встрѣчаются также нерѣдко слишкомъ пестрыя вы-
раженія, имѣющія претензію на элоквенцію, на «мелицу». Но, какъ мы
уже сказали, въ общемъ переводъ весьма удовлетворителенъ, да и изда-
ніе довольно опрятное—и намъ остается только пожелать ему успѣха.

:

С. М.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ЖУРНАЛЬ «ВОСХОДЪ» за 1887 г.

Въ 1887-мъ году экземпляры „Восхода“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1 Херсон. губ.	300	29 Терская . . .	12	56 Вятская . . .	3
2 Екатериносл.	225	30 Люблинская . . .	12	57 Семирѣченск.	3
3 Кіевская . . .	220	31 Самарская . . .	12	58 Обл. Войска	
4 Петербургск.	170	32 Воронежск. . . .	9	Донского . . .	3
5 Таврическая.	169	33 Орловская . . .	9	59 Ставропольск.	3
6 Подольская . .	155	34 Пермская	9	60 Батумская . .	3
7 Московская . .	99	35 Тамбовская . . .	9	61 Бутаисская . .	3
8 Бессарабск. . .	98	36 Курская	8	62 Владимірск . .	2
9 Волинская . . .	95	37 Петрововск . . .	8	63 Якутская . . .	2
10 Полтавская . .	91	38 Саратовская . . .	8	64 Радомская . . .	2
11 Минская	91	39 Тверская	8	65 Пензенская . .	2
12 Ковенская . . .	76	40 Казанская	8	66 Костромская . .	2
13 Виленская . . .	76	41 Ломжинская . . .	7	67 Ярославская . .	2
14 Гродненская . .	72	42 Астраханск . . .	7	68 Дагестанск. . .	1
15 Могилевская . .	58	43 Тобольская . . .	7	69 Калужская . . .	1
16 Витебская . . .	55	44 Бакинская	6	70 Симбирская . .	1
17 Харьковск. . . .	49	45 Енисейская . . .	6	71 Приморская . .	1
18 Черниговск . . .	48	46 Новгородск . . .	5	72 Эриванская . . .	1
19 Варшавск. . . .	48	47 Сѣдлецкая	5	73 Ферганская . . .	1
20 Кубанская . . .	30	48 Сибирь - Дарь-		74 Акмолинск. . . .	1
21 Забайкальск . .	20	ишская	4	75 Калишская . . .	1
22 Иркутская	17	49 Оренбургск. . . .	4	76 Елисаветин . . .	1
23 Лифляндск . . .	16	50 Псковская	4	77 Уральск. Обл. . .	1
24 Томская	16	51 Рязанская	4	78 Семипал. Обл. . .	1
25 Сувальская . . .	15	52 Нижегородск. . .	4	79 Архангельск. . .	1
26 Смоленская . . .	15	53 Плоцкая	4		
27 Тифлисская . . .	15	54 Уфимская	3		
28 Курляндск. . . .	14	55 Тульская	3		
					2578

II. За границей 35

Всего: экз. 2613

С. А. Вейншалъ.

Секретарь редакціи.

Handwritten text in a cursive script, oriented vertically. The text is mirrored across a central vertical axis, suggesting it was written on a page that was folded or scanned as a double exposure. The characters are highly stylized and difficult to decipher, but appear to be a form of shorthand or a specific dialect of a cursive script.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

56880
CANCELLED

JUL 25 1984

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 28 1984
656830
6 1984

